

CINQUE ANNI | SILVIA KING

BUON FUMI

Странствие Роланда Дискейна и его друзей продолжается... И теперь на пути их лежит маленький городок Калья Брин Стерджис, жители которого раз в поколение платят страшную дань посланникам тьмы — Волкам Кальи!

- [Стивен КИНГ](#)
 - [Краткое содержание предыдущих книг](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Часть 1. ПРЫЖОК](#)
 - [Глава 1. Лицо на воде](#)
 - [Глава 2. Нью-йоркское мельтешение](#)
 - [Глава 3. Миа](#)
 - [Глава 4. Разговор начистоту](#)
 - [Глава 5. Оуверхолсер](#)
 - [Глава 6. Путь Эльда](#)
 - [Глава 7. Прыжок](#)
 - [Часть 2. РАССКАЗЫВАЯ ИСТОРИИ](#)
 - [Глава 1. Павильон](#)
 - [Глава 2. Сухой скрут](#)
 - [Глава 3. История священника](#)
 - [Глава 4. Продолжение истории священника](#)
 - [Глава 5. История Серого Дика](#)
 - [Глава 6. История деда](#)
 - [Глава 7. Ночная сцена, голод](#)
 - [Глава 8. Магазин Тука; ненайденная дверь](#)
 - [Глава 9. Завершение истории священника](#)
 - [Часть 3. ВОЛКИ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2. «Доган», часть 1](#)
 - [Глава 3. «Доган», часть 2](#)
 - [Глава 4. Дудочник в пестром костюме](#)
 - [Глава 5. Собрание](#)
 - [Глава 6. Перед бурей](#)
 - [Глава 7. Волки](#)
 - [ЭПИЛОГ. ПЕЩЕРА ДВЕРИ](#)
 - [АВТОРСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
-

Стивен КИНГ

ВОЛКИ КАЛЫИ

*Эта книга посвящается Френку Мюллеру, который слышит голоса
в моей голове.*

Краткое содержание предыдущих книг

«Волки Кальи» — пятая книга долгого повествования, навеянного поэмой Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел». Шестая книга, «Песнь Сюзанны», будет опубликована в 2004 г. Седьмая и последняя — «Темная башня», в том же году, но позже.

В первой книге, «Стрелок», рассказывается, как Роланд Дискейн из Гилеада преследует и, наконец, настигает Уолтера, человека в черном, который обманом завоевал дружбу отца Роланда, но на самом деле служил Алому Королю из далекого-далекого Крайнего мира. Для Роланда настигнуть получеловека Уолтера — первый шаг на пути к Темной Башне. Добравшись до нее, он надеется остановить ускоряющееся разрушение Срединного мира и неуклонное уничтожение Лучей, а возможно, и повернуть эти процессы вспять.

Темная Башня — навязчивая идея Роланда, его чаша Грааля, на момент нашей встречи с ним он и живет только потому, что хочет ее найти. Мы узнаем, что Мартен пытался, когда Роланд был еще подростком, устроить все так, чтобы его в бесчестии «изгнали на запад», стремился убрать эту крупную фигуру с доски большой игры, но Роланд, однако, рушит планы Мартена, главным образом, благодаря удачному выбору оружия в ходе испытание на право зваться мужчиной.

Стивен Дискейн, отец Роланда, посылает сына и двух его друзей (Катберта Олгуда и Алена Джонса) в прибрежный феодал Меджис, в основном, потому, что там до него не мог дотянуться Уолтер. В этом маленьком феоде Роланд встречает и влюбляется в Сюзан Дельгадо, которая прогневала ведьму. Риа с Кооса завидует красоте Сюзан и особенно страшна, потому что владеет одним из хрустальных шаров, которые известны, как Колдовская радуга (Bends of the Rainbow) или Магические кристаллы (Wizard's Glasses). Их тринадцать, этих шаров, и самый могущественный и опасный из них — Черный Тринадцатый. Много чего случается с Роландом и его друзьями в Меджисе, и хотя им удастся спастись (и даже прихватить с собой Розовый шар), Сюзан Дельгадо, красавица в окне, погибает: ее сжигают на костре. Об этом рассказывается в четвертой книге, «Колдун и кристалл». Подзаголовок этого романа: «ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ (REGARD)».

Из цикла книг о Темной Башне мы узнаем, что мир стрелка прочно, пусть и непостижимым образом, связан с нашим миром. Первая из этих связей обнаруживается, когда Джейк, мальчик из Нью-Йорка 1977 г., встречается с Роландом на станции заброшенной дороги через много лет после смерти Сюзан Дельгадо. Между миром Роланда и нашим существуют двери, и одна из них — смерть. Джейк обнаруживает себя на заброшенной станции после того, как на Сорок третьей улице его сталкивают с тротуара под колеса автомобиля, и он гибнет. За рулем автомобиля сидел некий Энрико Балазар. Толкал мальчика маньяк-убийца, которого звали Джек Морт, представитель Уолтера на нью-йоркском уровне Темной Башни.

Прежде чем Роланд и Джейк настигают Уолтера, Джейк гибнет снова... на этот раз потому, что стрелок поставлен перед мучительным выбором: символический сын или Темная Башня, выбирает Башню. И последние слова Джейка перед падением в пропасть: «Тогда иди... есть и другие миры, кроме этого». В решающей схватке Роланд и Уолтер сходятся на берегу Западного моря. В ночь долгих переговоров человек в черном предсказывает будущее Роланда с помощью необычных карт Таро. Особое внимание Роланда привлекают три карты: Узник, Госпожа теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

Действие романа «Извлечение троих» (Подзаголовок: «ВОЗРОЖДЕНИЕ (RENEWAL)») начинается на берегу Западного моря, вскоре после того, как Роланд приходит в себя после схватки с Уолтером. На обессиленного стрелка нападает стая плотоядных ползучих чудовищ,

омароподобных тварей, и, прежде чем стрелок успеваает ретироваться, они наносят ему тяжелые раны. Стрелок теряет два пальца на правой руке. Кроме того, в раны попадает яд. Роланд продолжает свой путь вдоль Западного моря. Он слабеет... возможно, умирает.

Ему встречаются три двери, стоящие прямо на берегу. Все открываются в Нью-Йорк нашего мира, но в разные времена. Из 1987 г. Роланд «извлекает» Эдди Дина, наркомана, подсевшего на героин. Из 1964 г. — Одетту Сюзанну Холмс, женщину-калеку, которой в подземке по колено отрезало ноги: маньяк Джек Морт толкнул ее под приближающийся поезд. Одетта действительно Госпожа теней, в ее мозгу прячется еще одна злобная личность. Эта прячущаяся женщина, агрессивная и коварная Детта Уолкер, которая стремится убить Роланда и Эдди после того, как стрелок перетаскивает ее в Срединный мир.

Роланд думает, что он, возможно, уже «извлек» троих в лице Эдди и Одетты, поскольку Одетта в действительности две личности, однако, когда Одетта и Детта сливаются в Сюзанну (во многом благодаря любви и отваге Эдди), стрелок понимает, что его предположение ошибочно. Знает он и другое: его мучают мысли о Джеке, мальчике, который перед самой смертью говорил о других мирах.

Роман «Бесплодные земли» (подзаголовок «ИСКУПЛЕНИЕ(REDEMPTION)»), начинается с парадокса: для Роланда Джейк одновременно и живой, и мертвый. В Нью-Йорке конца 1970-х годов Джейка Чамберса гложет тот же вопрос: жив он или мертв? Какой он на самом деле. Убив громадного медведя, Миа (так звали его древние, которые боялись его) или Шардика (так называли его Великие древние, построившие медведя, который на поверку оказался киборгом), Роланд, Эдди и Сюзанна идут по следу чудовища и находят Тропу Луча, известную, как Шардик-Матурин или Медведь-Черепеха. Когда-то таких Лучей было шесть, они проходили между порталами, или вратами, возведенными на границе Срединного мира. В точке пересечения Лучей, в центре мира Роланда, стоит Темная Башня, связующее звено всех времен и миров.

К этому времени Эдди и Сюзанна более не пленники мира Роланда. Любящие друг друга, сами уже наполовину стрелки, они становятся полноправными участниками поисков Темной Башни и по своей воле следуют за Роландом, последним стрелком, по Дороге Шардика, Пути Матурина.

В говорящем круге, неподалеку от Врат Медведя, время тает, парадокс самоустраняется и появляется третий «извлеченный». Джейк возвращается в Срединный мир по завершению опасного обряда, когда все четверо, Джейк, Эдди, Сюзанна и Роланд вспоминают лица своих отцов и вновь знакомятся друг с другом. Вскоре после этого квартет становится квинтетом: Джейк находит себе нового друга, ушастика-путаника, зверька, похожего на помесь енота с сурком, а заодно немножечко с таксой, обладающего зачатками человеческой речи. Джейк называет нового друга Ыш.

Путь пилигримов приводит их в Лад, полуразрушенный город, в котором продолжается бесконечный конфликт между дегенерирующими потомками двух враждующих группировок. По дороге к Ладу они попадают в крошечный городок, Речной Перекресток, в котором встречаются нескольких выживших из давних времен. Древние люди признают в Роланде пришельца из далекого прошлого, существовавшего до того, как сдвинулся мир, с почетом принимают и стрелка, и его спутников. Древние люди также рассказывают им о монорельсовом поезде, который до сих пор курсирует из Лада в бесплодные земли, вдоль Тропы Луча, к Темной Башне.

Джейк напуган этими новостями, но не удивлен. Перед тем, как перенестись из Нью-Йорка в Срединный мир, он купил две книги в магазине, принадлежащем некоему Келвину Тауэру. Одна из них — книга загадок с вырванными ответами. Вторая — «Чарли Чу-Чу», история для

детей о поезде, в которой явственно слышатся отголоски Срединного мира. Хотя бы потому, что слово «чар» означает «смерть» на Высоком Слоге, языке, на котором Роланд говорил в Гилеаде.

Тетушка Талита, матриарх Речного Перекрестка, дарит Роланду нательный серебряный крестик, и путники отправляются дальше. Когда они переходят реку Сенд по дышащему на ладан мосту, Джейка похищает Гашер, умирающий (и очень опасный) бандит. Своего юного пленника Гашер утаскивает под землю, приводит к Тик-Таку, главарю банды седых.

Пока Роланд и Ёш разыскивают Джека, Эдди и Сюзанна находят Колыбель Лада, ангар, где бодрствует тот самый монорельсовый поезд, о котором говорили древние в Речном Перекрестке. Блейн Моно — последний наземный компонент огромного компьютерного комплекса, расположенного под городом Лад. Блейн обещает отвезти путешественников на конечную станцию монорельсовой дороги... если они загадают ему загадку, которую от не сможет разгадать. В противном случае, говорит Блейн, поездка закончится их смертью.

Роланд спасает Джека, оставляя Тик-Така умирать, но Эндрю Шустрому удается избежать смерти. Полуослепшего, с жуткой раной на лице, его спасает Ричард Фаннин, который также называет себя Незнакомцем Вне Времени. Фаннин — демон, о котором предупреждал Роланда Уолтер.

Из умирающего города Лада путешественники уезжают на монорельсовом поезде. Тот факт, что мозговой центр, управляющий поездом — компьютер, расстояние до которого все увеличивается и увеличивается, не имеет ровно никакого значения. Розовая пуля несется по едва держащемуся на опорах рельсу со скоростью, превышающей восемьсот миль в час. Их единственный шанс выжить — загадать Блейну загадку, на которую компьютер не сможет найти ответ.

В первой части романа «Колдун и кристалл» Эдди загадывает компьютеру такую загадку, уничтожает Блейна уникальным оружием человека: алогичностью. Монорельсовый поезд останавливается на станции города, который в этом мире является аналогом города Топека, штат Канзас, нашего мира. Все население города уничтожила болезнь, прозванная «супергриппом». Они продолжают свой путь по Тропе луча (теперь она трансформируется в апокалиптическую версию автострады 70) и видят тревожные надписи. «ДА ЗДРАВСТВУЕТ АЛЫЙ КОРОЛЬ», — гласит одна. «БЕРЕГИСЬ ХОДЯЩЕГО ТРУПА», — предупреждает другая. И, как поймут проницательные читатели, имя у Ходячего Труса очень уж созвучно с Ричардом Фаннином.

Рассказав своим друзьям историю Сюзан Дельгадо, Роланд вместе с ними подходит к дворцу из зеленого стекла, построенного поперек А-70, дворцу, напоминающего тот, что увидела Дороти Гейл в книге «Волшебник страны Оз». Но в тронном зале дворца они находят не Оза Великого и Ужасного, а Тик-Така, последнего беглеца из города Лада. Со смертью Тик-Така на сцену выходит настоящий Колдун. Давняя немезида Роланда, Мартен Бродклоук, известный в некоторых мирах, как Рэндолл Флэгг, в других, как Ричард Фаннин, в третьих, как Джон Фарсон («Добрый Человек»). Роланду и его друзьям не удастся убить этого Мартина Бродклоука, который в последний раз просит их прекратить поиски Темной Башни («В меня он не выстрелит, старина. Ни на что, кроме осечки, не рассчитывай»), но они заставляют его бежать.

После того, как странники еще раз заглядывают в Магический кристалл и узнают ужасное: Роланд из Гилеада убил свою мать, решив, что это ведьма Риа, они опять переносятся в Срединный мир, на Тропу Луча. Они продолжают путь к намеченной цели, и мы встретимся с ними на первых страницах романа «Волки Калыи».

«Краткое содержание» никоим образом не может служить адекватной заменой первых четырех книг цикла «Темная башня». Если вы не прочитали их до того, как взяли в руки эту

книгу, убедительно прошу вас это сделать или отложить роман «Волки Кальи» в сторону. Эти книги — части одного долгого повествования, и лучше прочитать его от начала и до конца, чем начинать посередине.

«Мистер, наше дело — свинец»

Стив Маккуин в «Великолепной семерке»

*«Сначала улыбка, потом ложь.
На конце — выстрелы».*

Роланд Дискейн из Гилеада

*Кровь одна и та же в жилах
наших течет.
Гляну в зеркало и вижу,
Там твое лицо встает.
Дай же руку,
И вперед. Свобода нас ждет,
Мальчик мой странник.*

Родни Кроуэлл

Тиана благодетельствовали (пусть и редко кто из фермеров употреблял такое слово) тремя участками земли: Речным полем, на котором его семья выращивала рис с незапамятных времен, Придорожным полем, где Джеффордсы долгие годы и поколения сажали свеклу, тыквы и пшеницу, и Сукиным сыном, неблагодарным участком земли, на котором росли только камни, мозоли и несбывшиеся надежды. Тиан был не первым Джеффордсом, решившим добиться какой-то отдачи от двадцати акров земли, расположенных за жилищем. Его дед, в остальном совершенно нормальный человек, пребывал в убеждении, что на Сукином сыне можно найти золото. Мать Тиана верила, что участок этот годится для выращивания порина, пряности, стоившей немалых денег. Тиан же заикнулся на мадригале. Разумеется, на Сукином сыне мог расти мадригал. Должен расти. Он уже приобрел тысячу семян (и обошлись они ему в кругленькую сумму), которые теперь хранились под половицей в спальне. И до посева следующей весной оставалось только одно: подготовить землю на Сукином сыне. И задача эта была не из легких.

Клан Джеффордсов благодетельствовали домашним скотом, в том числе тремя мулами, но только безумец мог попытаться использовать мула для вспашки Сукиного сына. Несчастливая животина, на которую пал бы выбор, еще до полудня первого дня лежала бы на земле со сломанной ногой или до смерти зажатая. Один из дядьев Тиана несколько лет тому назад лишь чудом избежал такой участи. Он прибежал к жилищу, крича во весь голос, преследуемый пчелами-мутантами с жадами в ноготь длиной.

Они нашли то гнездо (точнее, гнездо нашел Энди, которому любые пчелы нипочем) и сожгли его керосином, но ведь могли быть другие. А еще были норы. Множество нор, и норы-то не сожжешь, не так ли? Нет, не сожжешь. Сукин сын находился, как говорили старики на «шатающейся земле», и норы там числом не уступали камням, не упоминая уже о по крайней мере одной пещере, выплевывающей отвратительный, дурно пахнущий воздух. Кто знал, какие демоны и злые духи обитали в ее черных глубинах?

И самые опасные норы находились не там, где их мог увидеть человек или мул. И не думайте, сэй, ни в коем разе. Ноголоматели всегда скрывались под островком сорняков или в высокой траве. Мул мог наступать на нору, раздавался бы хруст, словно сломалась ветвь в лесу, а через мгновение он уже лежал бы на боку, ощерив зубы, выкатив глаза, ржал в агонии, и не оставалось ничего другого, как избавить его от страданий. А домашний скот в Калья Брин Стерджис берегли и ценили, хотя и не отличался породой.

Поэтому Тиан запряг в плуг сестру. Почему нет? Тиа была рунтом, следовательно, ни для чего другого практически не годилась. Девушка крупная, у рунтов это обычное дело, она и не возражала. Человек-Иисус любил ее. Старина сделал ей Иисус-дерево, он называл его распятым, и она всегда носила его. Вот и теперь оно болталось взад-вперед, из стороны в сторону, ударяя по потной коже, когда она с силой тянула плуг за собой.

Плуг крепился к ее плечам кожаной упряжью, а позади, вцепившись в железные рукоятки, пыхтел Тиан, вжимая лемех в землю и стараясь не споткнуться об отвалы. Полная Земля подходила к концу, но на Сукином сыне было жарко, как в разгаре лета. Комбинезон Тиа

потемнел и промок от пота и плотно облегал ее длинные, мясистые бедра. Всякий раз, когда Тиан вскидывал голову, чтобы отбросить волосы, падавшие на глаза, во все стороны летели брызги пота.

— Осторожнее, сука! — крикнул он. — Ты тащишь плуг на валун, который может его сломать. Или ты слепая?

Не слепая, не глухая, всего лишь рунт. Она потянула налево, и сильно. Тиана рвануло следом, и он ударился голенью о большой камень, которого не видел и который, вот уж чудо, миновал плуг. Чувствуя, как первые теплые струйки потекли по лодыжке, Тиан задался вопросом, ну почему Джеффордсов постоянно тянет сюда, к Сукиному сыну? В глубине души он понимал, что толку от посадки мадригала будет не больше, чем от посадок порина, и расти тут могла только чертова трава. Если б он захотел, мог бы засадить этой дрянью все двадцать акров. Да только первейшая задача фермера на Новую Землю заключалась в том, чтобы выдернуть все ее всходы. Она...

Плуг дернуло вправо, потом рвануло вперед, с такой силой, что руки Тиана едва не вывернулись их плечевых суставов.

— Эй! — прорычал он. — Полегче, девочка! Если ты мне их оторвешь, заново они не вырастут!

Тиа подняла широкое, потное, тупое лицо к небу с нависшими над землей облаками и расхохоталась. Человек-Иисус, даже смехом она напоминала осла. И, тем не менее, это был смех, человеческий смех. Она понимала смысл его слов или реагировала только на интонации? Рунты вообще что-нибудь...

— Добрый день, сэй, — раздался над ухом громкий, начисто лишенный эмоций голос. Его владелец полностью проигнорировал вскрик испуга, который издал Тиан. — Приятных тебе дней, и пусть долго длятся они на земле. Я вернулся из долгих странствий и теперь к твоим услугам.

Тиан обернулся, увидел стоящего за спиной Энди, все его семь футов, и едва не упал, потому что его сестра вновь шагнула вперед. Ремни хомута вырвались из его рук и обвили вокруг шеи. Тиа, ничего не замечая сделала еще шаг, у Тиана перехватило дыхание. Энди наблюдал за происходящим с обычной широченной и бессмысленной улыбкой.

Еще шаг, и Тиана сшибло с ног. Копчиком он приземлился на камень, но хотя бы получил возможность дышать. Во всяком случае, на мгновение. Поганое несчастливое поле! Всегда таким было! И всегда будет!

Тиан ухватился за кожаный ремень до того, как он вновь затянулся на шее и закричал: «Стой, сука! Стой, если не хочешь, чтобы я оторвал твои здоровенные и бесполезные сиськи!»

Тиа тут же остановилась и оглянулась, чтобы посмотреть, с чего столько шума. Тут же ее улыбка стала шире. Она подняла мускулистую руку, блестящую от пота, указала на семифутовую фигуру.

— Энди! — сказала она. — Энди пришел!

— Я не слепой, — пробурчал Тиан, поднялся, потирая задницу. Там у него тоже пошла кровь? Добрый Человек-Иисус, он полагал, что да.

— Добрый день, сэй, — поздоровался с ней Энди, три раза постучал на металлической шее тремя металлическими пальцами. — Длинных дней и приятных ночей.

Хотя Тиа тысячу, а то и более раз слышала стандартный ответ: «И пусть твои продлятся в два раза дольше», — она смогла лишь поднять к небу широкое лицо идиотки и рассмеяться ослиным смехом. Тиан почувствовал щемящую боль, не в руках, ни в пораненной ноге, ни в ушибленном заде, а в сердце. Он смутно помнил Тию маленькой девочкой, красивой, шустрой, как стрекоза, умной, сообразительной. А теперь...

Но, прежде чем эта мысль окончательно сформировалась, у него возникло дурное предчувствие. И сердце упало. «Что-то случилось, пока я здесь пахал, — подумал Тиан. — Неужто пришло то самое время, хуже которого не бывает?» Пора ведь. Давно пора.

— Энди, — он повернулся к роботу.

— Да! — Энди улыбался. Энди, твой друг! Вернулся из дальних странствий и к твоим услугам. Хочешь услышать свой гороскоп, сэй Тиан? Сейчас Полная Земля. Луна красная, и в Срединном мире такая луна называется Охотничьей. А тебе придет в гости друг! В делах будет сопутствовать удача! У тебя возникнут две идеи, одна хорошая и одна плохая...

— Плохая заключалась в том, что я решил вспахать это поле, — пробурчал Тиан. — О моем чертовом гороскопе забудь. Чего ты пришел сюда?

В улыбке Энди, скорее всего, не могла читаться тревога, в конце концов, он был роботом, последним в Калье Брин Стерджис и на многие мили и колеса вокруг, но Тиану показалось, что он ее разглядел. Выглядел робот, как ребенок-переросток, невообразимо высокий и невообразимо тощий. Руки и ноги серебрились. Голова напоминала стальной бочонок с электрическими глазами. Тело, обычный цилиндр, отливало золотом. На цилиндре, примерно в том месте, где у человека находится грудь, крепилась табличка:

НОРТ СЕНТРАЛ ПОЗИТРОНИК, ЛТД

ПРИ УЧАСТИИ

Ла МЕРК ИНДАСТРИС

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ЭНДИ

Назначение: ПОСЫЛЬНЫЙ (много других функций)

Серийный № DNF-44821-V-63

Почему и как эта глупая железяка выжила, хотя остальные роботы исчезли, и исчезли много поколений тому назад, Тиан не знал и не хотел. Энди постоянно мотался по Калье (но никогда не выходил за ее пределы), вышагивая на невероятно тонких серебристых ногах, все высматривал, иногда внутри него что-то щелкало, словно он набирал, (а может, наоборот, стирал, кто знает) информацию. Он пел песни распространял слухи и сплетни, не знающий устали ходок Энди, робот-посыльный, но больше всего ему нравилось сообщать каждому встречному его гороскоп, хотя все давно уже сошлись во мнении, что гороскопы эти очень уж далеки от действительности.

Но была у Энди еще одна функция, которая воспринималась очень серьезно.

— Почему ты пришел сюда, старый мешок, набитый гайками и болтами? Отвечай мне! Неужели Волки? Они идут из Тандерклепа?

Тиан снизу вверх смотрел на глупое, улыбающееся металлическое лицо, пот на его коже обратился в ледяную корку. Он молился все богам, чтобы железный человек ответил «нет», потом вновь предложил составить гороскоп, а может, и спел бы песню «На зеленом кукурузном поле», все двадцать или тридцать куплетов.

Но Энди, все также улыбаясь, коротко ответил: «Да, сэй».

— Христос и Человек-Иисус, — вырвалось у Тиана (вроде бы Старик говорил ему, что это два названия одного и того же, но уточнять он не стал). — Как скоро?

— До их прибытия один лунный день, — ответил Энди, продолжая улыбаться.

— От полной до полной луны?

— Практически да, сэй.

Значит, тридцать, плюс-минус один или два, дней. Тридцать дней до прибытия Волков. И

никакой надежды на то, что Энди ошибается. Никто не мог объяснить, каким образом Энди удается заранее узнавать о прибытии Волков из Тандерклепа, но он это знал. И никогда не ошибался.

— Будь ты проклят со своими плохими новостями! — воскликнул Тиан, и пришел в ярость от дрожи, которую услышал в собственном голосе. — Какой от тебя прок?

— Я сожалею, что новости плохие, — ответил Энди. Внутри у него что-то защелкало, синие глаза заблестели ярче, он отступил на шаг. — Не хочешь послушать свой гороскоп? Сейчас самый конец Полной Земли, когда особенно важно завершить все старые дела и встретиться с новыми людьми...

— Да пошел ты со своими пророчествами! — Тиан наклонился, поднял ком земли и бросил в робота. Камешек, прятаясь в коме, звякнул, ударившись о металлический бок Энди. Тиа ахнула, потом начала плакать. Энди отступил еще на шаг, его тень длинной полосой двигалась по поверхности Сукиного сына. Но на лице по-прежнему оставалась ненавистная, глупая улыбка.

— Как насчет песни? Я услышал очень забавную от Мэнни, далеко к северу от деревни. Она называется: «Когда тебе грозит беда, надейся только на себя». — где-то в чреве Энди зазвучала музыка. — Она начинается...

Пот градом катился по щекам Тиана, штаны, мокрые от пота, прилипли к бедрам. Запах его Тиан терпеть не мог. И Тиа ревела, обратив к небу глупое лицо. А этот идиот-посыльный намеревался исполнить ему какой-то псалом Мэнни.

— Помолчи, Энди, — ему удалось произнести эти слова ровным голосом, пусть и сквозь сцепленные зубы.

— Сэй, — робот согласился, замолчал.

Тиан подошел к ревающей сестре, обнял за плечо, вдохнув идущий от нее сильный (но не такой уж и неприятный) запах пота. Ничего противного, просто запах работы и покорности. Он вздохнул, потом начал поглаживать ее по руке.

— Прекрати, хватит орать, дуреха, — реагировала она не на слова, а на тон, говорил он мягко, так что рыдания пошли на убыль. Бедро Тиа едва не доходило до грудной клетки Тиана (она возвышалась над ним на добрый фут), и любой незнакомец, проходивший мимо и остановившийся, чтобы взглянуть на них, изумился, отметив удивительную схожесть лиц и разительное несоответствие роста. Насчет схожести, впрочем, все было понятно: для близнецов это обычное дело.

Он окончательно успокоил сестру, перемежая добрые слова и ругательства: за годы, прошедшие с того дня, как она вернулась с востока рунтом, для Тиана Джеффордса первые не так уж отличались от вторых, и она перестала плакать. А когда по небу пролетела раба, как всегда, отвратительно каркая, Тиа вскинула руку, указывая на нее, и засмеялась.

Новое чувство стало подниматься в Тиане, столь для него нехарактерное, что поначалу он и не понял, что с ним происходит.

— Это неправильно, — он облек чувство в слова. — Нет, клянусь Человеком-Иисусом и всеми богами, это неправильно, — он посмотрел на восток, где холму уходили в громоздящуюся на горизонте темноту, которая лишь отдаленно походила на облака. Там лежала граница Тандерклепа. — То, что они творят с нами, неправильно.

— Так ты точно не хочешь послушать свой гороскоп, сэй? Я вижу блестящие монеты и прекрасную черную даму.

— Черные дамы обойдутся без меня, — Тиан начал снимать упряжь с широких плеч сестры. — Я женат, и ты это прекрасно знаешь.

— У многих женатых мужчин есть подружки, — отметил Энди. Как показалось Тиану, с

нотками самодовольства в голосе.

— Только не у тех, кто любит своих жен, — Тиан взвалил упряжь на плечо (он сделал ее сам, специально для сестры), повернулся, направился к жилищу. — И, в любом случае, не у фермеров. Покажи мне фермера, который может позволить себе подружку, и я поцелую тебя в твою блестящую задницу. Давай, Тиа. Ноги в руки и пошла.

— К жилищу? — спросила она.

— Совершенно верно.

— Ленч в жилище? — она с надеждой посмотрела на него. — Картофель? — пауза. — С подливой?

— Конечно, — кивнул Тиан. — Почему нет?

Тиа испустила радостный вопль и побежала к дому. И в бегущей Тиа было что-то завораживающее. Как однажды отметил их отец, незадолго до удара, после которого он покинул этот мир: «Умная или глупая, где еще увидишь в движении столько мяса?»

Тиан медленно двинулся следом, опустив голову, уставившись в землю, чтобы не угодить ногой в норы, которые его сестра обходила, не глядя, словно какая-то ее часть точно знала, где они находятся. А странное новое чувство росло и крепло. Он, конечно знал, что такое злость. Ее испытывал каждый фермер, который терял корову из-за молочной болезни или наблюдал, как летний заряд града выбивает почти созревшую пшеницу, но злость, пожалуй, не могла тягаться с этим чувством. То была ярость, а вот ее-то Тиан ощущал впервые. Продолжал идти, так же медленно, с опущенной головой, крепко сжав кулаки. Не замечал, что Энди не отстает ни на шаг, пока робот не сказал: «Есть и другие новости, сэй. К северо-западу от деревни, на Тропе Луча, появились незнакомцы из Внешнего мира...»

— На хрен Луч, на хрен незнакомцев, на хрен тебя, с твоим вечно хорошим настроением, — рявкнул Тиан. — Отвяжись от меня, Энди.

Энди застыл на месте, окруженный валунами, сорняками и буграми Сукиного сына, неблагоприятного участка земли, принадлежащего Джеффордсам. Защелкали реле под металлическим корпусом. Сверкнули глаза. И он решил пойти и поговорить со Стариком. Старик никогда не посылал его на хрен. Старик всегда с радостью выслушивал гороскоп.

И его всегда интересовали незнакомцы.

Энди пошел к деревне и церкви Нашей Госпожи Непорочности.

2

Залия Джеффордс не слышала, как муж и его сестра вернулись с Сукиного сына. Не слышала, как Тиа опускала голову в бочку с дождевой водой у амбара, а потом слизывала влагу с губ, как лошадь. Залия находилась с южной стороны дома, развешивала выстиранное белье и приглядывала за детьми. Она не знала о возвращении Тиана, пока не увидела, что он выглядывает из окна кухни. Удивилась тому, что он вернулся так рано, и еще больше удивилась, заметив, какое у него лицо. Мертвенно белое, если не считать двух пятен румянца на щеках и третьего, горящего на лбу, словно клеймо.

Она бросила прищепки, которые держала в руках, в корзину с бельем и направилась к дому.

— Куда идешь, ма? — тут же спросил Хеддон, а за ней эхом откликнулась Хедда: «Куда идешь, ма-ма?»

— Не ваше дело, — ответила Залия. — Приглядывайте за младшими.

— Почему-у-у-у? — завывала Хедда. Завыванием своим она уже достала мать. Чувствовалось, что очень скоро перегнет палку и получит крепкую оплеуху.

— Потому что вы — старшие.

— Но...

— Закрой рот, Хедда Джеффордс.

— Мы приглядим за ними, ма, — ответил Хеддон. Вот уж кто никогда с ней не спорил. Может, не такой умный, как его сестра, но зато послушный. А ум в жизни это еще не все. Далеко не все. — Хочешь, чтобы мы развесили оставшееся белье?

— Хед-дон-н-н-н... — это уже его сестра. Опять завывала. Но времени на них у Залии не было. Она коротко посмотрела на остальных детей. Пятилетних Лаймана и Лию, двухлетнего Аарона. Аарон, голый, сидел в пыли и радостно стучал камнями. Он родился один, редкий случай, и как же ей завидовали женщины всей деревни! Потому что Аарону ничего не грозило. А вот остальные, Хеддон и Хедда, Лайман и Лия...

Залия внезапно осознала, что могло означать появление Тиана в доме в разгаре дня. Она помолилась богам, попросила их, чтобы они такого не допустили, но, войдя в дом и увидев, как он смотрит на детей, поняла: случилось худшее.

— Скажи мне, что это не Волки, — она вдруг осипла. — Скажи, что не они.

— Они, — Тиан вздохнул. — Будут здесь через тридцать дней, говорит Энди. От луны к луне. И в этом Энди никогда...

Прежде чем он продолжил, Залия Джеффордс прижала руки к вискам и пронзительно закричала. Во дворе Хедда аж подпрыгнула. И уже сорвалась с места, чтобы бежать в дом, но Хеддон удержал ее.

— Они не берут таких маленьких, как Лайман и Лия, не так ли? — спросила она его. — С Хеддой и Хеддоном все понятно, но уж моих маленьких они не тронут? Им исполнится шесть только через полгода!

— Волки берут всех, кто старше трех лет, и ты это знаешь, — ответил Тиан. Его пальцы сжимались в кулаки и разжимались. Новое чувство продолжало расти, то самое, более сильное, чем злость.

Залия смотрела на него, на щеках блестели слезы.

— Может, нам пора сказать нет, — Тиан и сам не узнал собственного голоса, он не говорил — рычал.

— Да разве мы сможем? — прошептала Залия. — Да разве, во имя богов, мы посмеем?

— Не знаю, женщина, но, прошу тебя, подойди сюда.

Она подошла, бросив последний взгляд на своих пятерых детей, которые играли во дворе, чтобы убедиться, что все на месте, что Волки их еще не забрали, и лишь потом пересекла гостиную. Дедушка сидел в кресле у потушенного камина, спал, склонив голову набок, из беззубого рта вытекала на подбородок струйка слюны.

Из этой комнаты окно выходило на сарай. Тиан протянул руку.

— Смотри, женщина. Ты хорошо их видишь?

Естественно, она видела. Сестра Тиана, ростом в шесть с половиной футов, скинула с плеч широкие лямки комбинезона, и ее здоровенные груди влажно блестели: она только что вымыла их в бочке с дождевой водой. В дверном проеме амбара стоял Залман, родной брат Залии. Почти в семи футов, огромный, как лорд Перт, высокий, как Энди, с тупым, как и у Тиа, лицом. У любого молодого парня, смотрящего в упор на молодую деваху с голыми сиськами, тут же раздуло бы штаны, но только не у Залли. В штанах у него ничего не могло раздуться. Он был рунтом.

Залия повернулась к Тиану. Они смотрели друг на друга, мужчина и женщина, не рунты, но лишь потому, что так распорядился слепой случай. С той же степенью вероятности ситуация могла повториться с точностью до наоборот: Зал и Тиа стояли бы у окна и наблюдали за

крупнотелыми и пустоголовыми Тианом и Залией.

— Разумеется, вижу, — ответила она. — Или ты думаешь, что я слепая?

— У тебя не возникало желания стать такими же, как они? — спросил он. — Чтобы никогда такого не видеть?

Залия промолчала.

— Это неправильно, женщина. Неправильно. Никогда не было правильным.

— Но ведь с незапамятных времен...

— На хрен незапамятные времена! — воскликнул Тиан. — Они — дети! Наши дети!

— Так ты бы хотел, чтобы Волки сожгли Калью дотла? Оставили нас с перерезанными шеями и выпущенными глазами? Такое уже случалось. Ты знаешь.

Он знал, само собой. Но кто мог исправить неправильное, как не мужчины Кальи Брин Стерджис? Никакой власти, хотя бы шерифа, в этих краях не было. Они жили сами по себе. Даже в далеком прошлом, когда во Внутренних феодах царили свет и порядок. А потом начали приходить Волки и жизнь стала еще более странной. Как давно это началось? Сколько с тех пор сменилось поколений? Тиан не знал, но подозревал, что насчет незапамятных времен Залия погорячилась. Волки совершали набеги на пограничные деревни, когда дедушка был молодым, собственно, они увезли с собой его брата-близнеца, когда они играли в пыли. «Они взяли его, потому что он был ближе к ним, — рассказывал им дедушка (много раз). — Эл вышел из дома в тот день первым и оказался ближе к ним. Если бы первым вышел я, они бы взяли меня. Слава Богу, этого не случилось!» — тут он целовал деревянное распятие, которое дал ему Старик, поднимал его к небу и хихикал.

Однако дед дедушки рассказывал тому, что в его время, то есть пять или шесть поколений тому назад, если Тиан не ошибался в расчетах, никакие Волки не появлялись из Тандерклепа на серых лошадях. Как-то Тиан спросил у старика: «В те времена тоже практически всегда рождались двойни? Что говорили старые люди в дни твоей молодости?» Дедушка долго думал, потом покачал головой. Он не помнил, чтобы старики такое говорили.

Залия озабоченно смотрела на мужа.

— Ты не в настроении, потому что провел все утро на Сукином сыне. Успокойся.

— Как я могу успокоиться, если они скоро нагрянут и заберут наших детей?

— Но ты не собираешься сделать что-нибудь глупое, не так ли, Ти? Что-нибудь глупое и в одиночку?

— Нет, — ответил он.

Без малейшей запинки. «Он уже начал строить планы», — подумала Залия, и у нее в душе затеплилась надежда. Конечно, Тиан ничего не мог противопоставить Волкам, никто из них не мог, но он был далеко не дурак. В фермерской деревне, где у большинства мужчин хватало ума лишь на то, что пахать, сеять да убирать урожай, Тиан разительно отличался от остальных. Он мог написать свое имя. Он мог написать: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ЗАЛЛИ». Этим, собственно, он и завоевал ее сердце, хотя она не могла прочитать написанное в пыли. Он мог складывать числа, мог перечислять их, идя от большего к меньшему, что, по его словам, куда сложнее. Так может..?

Какая-то ее честь не хотела доводить эту мысль до логического завершения. И однако, когда она подумала о Хедде и Хеддоне, Лии и Лаймане, другая ее часть начала надеяться на лучшее.

— И что ты задумал?

— Хочу созвать общее собрание. Пошлю перышко.

— Они придут?

— После того, как новость облетит Калью, придут все мужчины. Мы все обговорим.

Может, на этот раз они решатся вступить в бой. Может, захотят сразиться за своих детей.

Сзади раздался старческий голос: «Глупая это затея».

Тиан и Залия обернулись, посмотрели на старика. Тот смотрел на них.

— Почему ты так сказал, дедушка? — спросил Тиан.

— Расходясь с такого собрания, как ты планируешь, мужчины, если пьяные, могут сжечь половину страны, — ответил старик. — А трезвые... — он покачал головой. — Ты не сдвинешь их с места.

— Я думаю, на этот раз ты ошибаешься, дедушка, — стоял на своем Тиан, и Залия почувствовала, как ужас сжимает сердце. Однако, огонек надежды не желал гаснуть.

3

Ворчания бы поубавилось, если б Тиан назначил собрание на вечер следующего дня, но он этого не сделал, полагая, что времени у них осталось слишком мало, чтобы терять даже один день. И когда он послал Хедду и Хеддона с перышком, они пришли. Как он и рассчитывал.

Зал собраний Кальи находился в дальнем конце Главной улицы, за магазином Тука, рядом с Павильоном, темным и пыльным в конце лета. При обычном раскладе в скором времени женщины начали бы его украшать, готовясь к празднику Жатвы, но в принципе праздник этот никогда не отмечался в Калье с размахом. Детям нравилось смотреть, как соломенные чучела бросают в костер, некоторым смельчакам удавалось урвать свою долю поцелуев, но на том все и заканчивалось. Народ, возможно, и гулял в Срединном и Внутреннем мирах, но не здесь. Здесь людей занимали более серьезные проблемы, чем праздник Жатвы.

Такие проблемы, как Волки.

Некоторые из мужчин, с процветающих ферм на западе и трех ранчо на юге, приехали на лошадях. Эйзенхарт с Рокинг Би даже прихватил с собой винтовку, а грудь его крест накрест перепоясывали патронташи (Тиан Джеффордс, правда, сомневался, что от патронов будет какой-то толк, а из древней винтовки можно стрелять, хотя некоторые таки стреляли). Делегация Мэнни приехали на телеге, запряженной двумя меринами-мутантами: одним трехглазом, втором — с большущим розовым наростом на спине. Но в большинстве своем мужчины Кальи приезжали на ослах или волах, одетые в белые штаны и цветастые рубашки. Тычком мозолистого большого пальца они отбрасывали сомбреро на спину, там его удерживали завязки на шее, входили в зал, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, рассаживались по скамьям из некрашеной сосны. В отсутствии женщин и рунтов мужчины заполнили менее тридцати из девяносто скамей. Некоторые переговаривались друг с другом. Никто не смеялся.

Тиан стоял у дверей, с перышком в руке, наблюдал, как солнце скатывается к горизонту, как золото все гуще замешивается на багрянце. Когда его край коснулся земли, Тиан еще раз посмотрел на главную улицу. Пусто. Лишь три или четыре рунта сидели на ступенях магазина Тука. Все огромные и годящиеся лишь на то, чтобы ворочать камни. А вот мужчин он больше не увидел, ни пешех, ни на ослах, ни на лошадях. Глубоко вдохнул, выдохнул, снова вдохнул, поднял глаза к небу.

— Человек-Иисус, я в тебя не верю, — сказал он. — Но, если ты там, помоги мне. Замолви Богу словечко.

Потом вошел в Зал собраний и захлопнул двери, возможно, чуть громче, чем требовалось. Разговоры смолкли. Сто сорок мужчин, в основном, фермеры, наблюдали, как он идет по проходу, в широких штанах, каждый шаг гулко отдавался от деревянного пола. Он-то опасался, что перспектива выступить перед всеми мужчинами Кальи вгонит его в ужас, все-таки он —

простой фермер, не артист или политик. Но подумал о своих детях, потом посмотрел на мужчин и понял, что без труда может держать их взгляды. Перышко в его руке не дрожало. Когда он заговорил, слова слетали с языка одно за другим, складываясь в четкие, связные предложения. Они могли не поддержать его, хотя он надеялся, что поддержат, что дедушка ошибается, но чувствовалось, что слушать они готовы.

— Вы знаете, кто я, — начал он. — Тиан Джеффордс, сын Люка, муж Зелии Хуник. У нас пятеро детей, две пары близнецов и еще один сын.

По залу пробежал тихий шепот, возможно, люди говорили друг другу, какие же Тиан и Залия счастливые, раз у них родился единственный ребенок. Тиан подождал, пока вновь установится тишина.

— Я прожил в Калье всю жизнь. Я делил с вами хлеб, а вы делили его со мной. А теперь прошу, чтобы вы выслушали меня.

— Мы говорим, спасибо, сэй, — пробормотали они. Стандартный, нейтральный ответ, но и он воодушевил Тиана.

— Скоро придут Волки. Мне сообщил об этом Энди. Тридцать дней, от луны к луне, и они будут здесь.

Вновь бормотание. Тиан слышал в нем отчаяние и ярость, но не удивление. Когда дело касалось распространения новостей, Энди не было равных.

— Даже те из нас, кто умеет читать и писать, не могут ничего написать, потому что нет бумаги, — продолжил Тиан, — поэтому я не могу сказать с определенностью, когда они приходили в последний раз. Ничего не записывается, вы знаете, все передается из уст в уста, от стариков к молодым. Но я помню, что уже ходил в штанах, следовательно, прошло больше двадцати лет...

— Двадцать четыре, — крикнули из дальних рядов.

— Нет, двадцать три, — возразил кто-то из сидящих впереди. Мужчина поднялся. Рубен Каверра, пухлый, всегда улыбающийся толстячок. Но теперь улыбка исчезла с его лица, на нем отражалась только печаль. — Они взяли мою сестру, Рут, так что можете мне поверить.

Вновь шепот, на этот раз выражающий согласие. Мужчины могли бы рассестись по всему залу, но предпочли сесть в тесноте, чтобы чувствовать плечо друг друга. Иной раз и в неудобстве есть свои плюсы, отметил про себя Тиан.

— Мы играли под большой сосной перед домом, когда они пришли, — продолжил Рубин. — С тех пор я каждый год оставлял на дереве зарубку. Даже после того, как ее привезли назад, продолжал оставлять. Сейчас их двадцать три, следовательно, прошло двадцать три года, — с этим он сел.

— Двадцать три или двадцать четыре, разницы нет, — вновь заговорил Тиан. — Те, кто был детьми, когда Волки приходили в последний раз, стали взрослыми, и у них самих уже появились дети. Неплохой урожай для этих мерзавцев, — он помолчал, давая им возможность самим прийти к мысли, которую собирался озвучить. — Если мы позволим этому случиться, если мы позволим Волкам забрать наших детей в Тандерклеп и вернуть рунтами.

— Да что еще мы можем сделать? — в отчаянии воскликнул кто-то из мужчин, сидящих в средних рядах. — Они же нелюди! — и по залу пробежал согласный шепот.

Поднялся один из Мэнни, в темно-синем плаще на худых плечах. Взгляд его мрачных глаз обещал сидящих. Они не были безумными, эти глаза, но Тиану показалось, что и здравомыслия в них немного.

— Выслушайте меня, прошу вас.

— Мы говорим, спасибо, сэй, — ответили ему уважительно, но сдержанно. Появление Мэнни в деревне — явление редкое, а тут пришли целых восемь, толпа. Тиан радовался их

приходу. Если у кого-то и возникали сомнения в серьезности ситуации, лучшего подтверждения тому, чем приход Мэнни, просто не могло быть.

Дверь Зала собраний открылась, и через порог переступил еще один мужчина. В длинном черном плаще. Со шрамом на лбу. Никто, включая Тиана, его появления не заметил. Все смотрели на Мэнни.

— Послушайте, что говорит Книга Мэнни: «Когда ангел смерти пролетел над Айджилом, он убил первенца в каждом доме, дверной косяк которого не был помазан кровью жертвенного барашка». Так говорит Книга.

— Да здравствует Книга, — воскликнули остальные Мэнни.

— Может, мы должны поступить также, — продолжил Мэнни-оратор. Голос звучал спокойно, но на лбу яростно пульсировала жила. — Может, эти тридцать дней нам превратить в праздник для тех, кого могут увести, а потом усыпить их, чтобы они заснули вечным сном и окропить землю их кровью. И пусть Волки увезут на восток трупы, если будет у них такое желание.

— Ты безумец, — ответил ему Бенито Кэш, негодующее и одновременно чуть ли не смеясь. — Ты и тебе подобные. Мы не собираемся убивать наших детей!

— А разве те, кто возвращается, лучше мертвых? — спросил Мэнни. — Огромные, бесполезные тела! Пустые, лишенные разума головы!

— Тут ты прав, но как насчет их братьев и сестер? — спросил Воун Эйзенхарт. — Волки берут только одного из близнецов, и вы это знаете.

Поднялся второй Мэнни, с серебристой бородой, лежащей на груди. Первый сел. Старик, звали его Хенчек, оглядел всех, потом посмотрел на Тиана.

— Ты держишь перышко, молодой человек... могу я говорить?

Тиан кивнул, предлагая ему продолжить. Он не видел ничего плохого в многообразии мнений. Пусть высказываются. Потому что не сомневался, что выбирать придется лишь между двумя вариантами: или позволить Волкам, как было всегда, забрать по одному ребенку из каждой пары близнецов, не достигшей совершеннолетия, или вступить с ними в бой. Но для того, чтобы сузить выбор до этих двух вариантов, следовало понять, что все остальные — тупиковые.

Старик заговорил медленно, с печалью в голосе.

— Это ужасная идея, согласен. Но подумайте вот о чем, сэи. Если волки придут и найдут нас бездетными, они, возможно, оставят нас в покое на веки вечные.

— Да, могут оставить, — пробормотал один из мелких фермеров, Джордж Эстрада. — А могут и не оставить. Мэнни-сэй, неужто вы готовы перебить всех детей ради того, что только может быть?

Мужчины одобрительно загудели. Поднялся еще один мелкий фермер, Гарретт Стронг. На грубом, словно вырубленном из камня лице, зло сверкнули глаза. Прежде чем заговорить, он засунул за ремень большие пальцы.

— Лучше убить всех. И себя, и детей.

Хенчеку это предложение не показалось из ряда вон выходящим. Как и остальным семерым Мэнни, сидящих рядом в одинаковых синих плащах.

— Это вариант, — кивнул старик. — Мы готовы его обсуждать, если будет на то согласие остальных, — и сел.

— Я не готов, — пробурчал Гарретт Стронг. — Никто не отрезает себе голову, чтобы не бриться. Слышите меня?

Раздался смех, несколько выкриков: «Будь уверен, слышим и очень хорошо». Гарретт сел, сковывавшее его напряжение спало, он наклонился к Воуну Эйзерхарту, о чем-то зашептался.

Еще один ранчер, Диего Адамс, внимательно прислушивался, не сводя с них черных глаз.

Поднялся очередной мелкий фермер, Баки Хавьер. Синие глазки возбужденно сверкали на маленькой головке. Бороденка не могла скрыть практически полного отсутствия подбородка.

— А может, нам на какое-то время уйти? Что, если мы возьмем детей и отправимся на запад? Далеко на запад, до рукава Большой Реки?

Несколько мгновений все молча оценивали эту смелую идею. Западный рукав Уайе находился практически в Срединном мире... где, согласно Энди, недавно появился огромный дворец из зеленого стекла, чтобы через некоторое время исчезнуть. Тиан уже собирался ответить, но его опередил Эбен Тук, хозяин магазина. Тиан этому только порадовался. Он намеревался молчать как можно больше. И высказаться уже после всех.

— Ты чокнулся? — спросил он. — Волки придут, увидят, что нас нет, и сожгут все дотла, фермы и ранчо, посевы и припасы, вершки и корешки. И к чему мы тогда вернемся?

— А если они пойдут за нами? — вставил Джордж Эстрада. — Ты думаешь, нас трудно догнать, таким, как Волки? Они все сожгут, как и говорил Тук, потом догонят нас и все равно заберут детей!

Сидящие в зале одобрительно затопали. Послышались крики: «Дело говорит, дело».

— А кроме того, — Нейл Фарадей поднялся, держа перед собой огромное и грязное сомбреро, — они никогда не берут всех наших детей, — в голосе явственно слышался испуг человека, который хотел оставить все как есть, соглашался на плохое, чтобы не допустить худшего. Тиан аж скрипнул зубами. Такой точки зрения он больше всего и боялся. Покорности судьбе.

Один из Мэнни, молодой и безбородый, резко, пренебрежительно рассмеялся.

— Ага, из двоих спасется один. А значит, все хорошо, не так ли? Да благословит тебя Господь!

Он мог сказать и что-то еще, но костлявые пальцы Хенчика сжали предплечье молодого человека. Он замолчал, но не опустил в смирении голову. Глаза его пылали огнем, губы превратились в белую полосу.

— Я не говорю, что это хорошо, — Нейл начал крутить сомбреро, — но мы должны смотреть в лицо реальности. Они не берут всех детей. Вот моя дочь Джорджина, умная, веселая, шустрая...

— Да, а твой сын Джордж — пустоголовый здоровяк, — прервал его Бен Слайтман. Он работал на ранчо у Эйзенхарта, своей фермы у него не было, но дураков он на дух не переносил. Бен снял очки протер их банданой, вернул на переносицу. — Я видел, что он сидел на ступенях магазина, когда проезжал по улице. Он и еще несколько пустоголовых...

— Но...

— Я знаю, — вновь Слайтман не дал ему договорить. — Это трудное решение. Возможно, несколько пустоголовых лучше, чем общая смерть, — он помолчал. — Или ситуация, когда они забирали бы всех детей, а не половину.

И Слайтман сел под крики: «Дело говорит» и «Спасибо, сэй».

— Они никогда не оставляли нас без всего, — заговорил еще один мелкий фермер, земли которого находилась к западу от жилища Тиана, у границы Кальи. Его звали Луис Хейкокс, и в голосе слышалась горечь. А в улыбке, которая изгибала губы под усами, напрочь отсутствовала веселость. — Мы не будем убивать наших детей, — он посмотрел на Мэнни. — При всем уважении к вам, господа, я не верю, что даже вы сподобитесь на такое, когда придется от слов переходить к делу. Во всяком случае, если и сподобитесь, то не все. Мы не можем собрать пожитки и двинуться на запад, или в любом другом направлении, потому что тогда придется оставить наши фермы. Волки их сожгут, это точно, а потом все равно придут за нашими детьми.

Они им нужны, уж не знаю почему.

Все всегда сводится к одному: мы — фермеры, большинство из нас. Мы сильные, когда имеем дело с землей, слабые, когда нет. У меня двое детей, им по четыре года, я люблю их обоих, и сердце обливается кровью при мысли о том, что одного придется потерять. Но я отдам одного, чтобы сохранить второго. И ферму, — вокруг одобрительно зашептались. — А какое другое решение мы можем принять? Я скажу так: злить Волков — худшая из ошибок, которые мы можем допустить. Если, конечно, мы не сможем дать им бой. Если сможем, я только за. Но я просто ума не приложу, что мы им противопоставим?

Тиан чувствовал, как от каждого слова Хейкокса у него сжимается сердце. Этот человек просто выбивал почву у него из-под ног. Боги и Человек-Иисус!

Со скамьи поднялся Уэйн Оуверхолсер, самый процветающий фермер Кальи Брин Стерджис, доказательством чего служил внушительный живот.

— Выслушайте меня, прошу вас.

— Мы говорим, спасибо, сэй, — пробормотали они.

— Скажу вам, что мы должны сделать, — он огляделся. — То же самое, что делали всегда. Кто-нибудь из вас хочет предложить сразиться с Волками? Есть среди нас сумасшедшие? Чем будем сражаться? Камнями и копьями? Несколькими луками и винтовками? Таким вот заржавленными, как у него? — он ткнул пальцем в Эйзенхарта. — Думаю, во всей Калье мы наберем штуки четыре.

— Не надо смеяться над моей железной стрелялкой, сынок, — ответил Эйзенхарт, но с грустной улыбкой.

— Они придут и возьмут наших детей, — вновь Уэйн Оуверхолсер обвел взглядом сидящих в зале мужчин. — Некоторых из них. А потом оставят нас в покое на целое поколение. А то и дольше. Так есть, так было, я говорю, нельзя и пытаться что-либо изменить.

Многие, похоже, не согласились с Оуверхолсером, но он подождал, пока ропот смолкнет.

— Двадцать три года или двадцать четыре, особой разницы нет, — продолжил он, когда установилась тишина. — В любом случае это долгий период. Долгий период мира. Возможно, вы кое-что забыли, друзья. К примеру, что дети, в принципе, та же пшеница или кукуруза. Бог пошлет новых. Я знаю, смириться с этим трудно, но так мы жили и так должны жить.

Тиан не стал ждать ответной реакции. Чем дальше они уходили по этой дороге, тем меньше оставалось у него шансов на то, что удастся их развернуть. Он поднял перышко опопанакса и воскликнул: «Послушайте, что я скажу! Послушайте меня, прошу вас!»

— Мы говорим, спасибо, сэй, — откликнулись мужчины. Оверхостер недоверчиво смотрел на него.

«И ты прав в том, что так смотришь на меня, — подумал фермер. — Потому что я сыт по горло этим трусливым здравым смыслом».

— Уэйн Оуверхолсер — умный человек, человек, добившийся многого, — начал Тиан, — и по этим причинам мне не хочется спорить с ним. Есть и еще одна причина: по возрасту он мог бы быть мне отцом.

— А ты уверен, что он не твой отец? — крикнул Росситер, единственный наемный работник Гарретта Стронга. Конечно же. Все засмеялись, даже Оуверхолсер улыбнулся шутке.

— Сынок, если ты не хочешь спорить со мной, так и не спорь, — заметил Оуверхолсер. Он продолжал улыбаться, но только ртом.

— Но я должен, — Тиан начал прохаживаться перед рядами скамей. В его руке мерно покачивалось ржаво-красное перышко опопанаса. Тиан чуть возвысил голос, чтобы все поняли, что теперь он говорит не только с крупным фермером.

— Я должен, потому что сэй Оуверхолсер достаточно старый, чтобы быть мне отцом. Его

дети выросли, как вы все знаете, и, насколько мне известно, их было всего двое, одна девочка и один мальчик, — он выдержал театральную паузу, а потом нанес удар. — Родившиеся через два года, — другими словами, по одному. То есть недоступные для Волков. Произносить этих слов не требовалось. Все и так поняли. И зашептались.

Оуверхолсер густо покраснел.

— Зачем ты это сказал? Я говорил в общем, независимо от того, сколько детей рождается сразу, один или двое! Дай мне перышко, Джеффордс. Мне еще есть, что сказать.

Но сапоги начали барабанить по полу, все сильнее и сильнее. Оуверхолсер сердито огляделся, из красного стал багровым.

— Я говорю! — взревел он. — Или вы не хотите меня слушать, спрашиваю я вас?

В ответ раздалось: «Нет», «Не теперь», «Перышко у Джаффордса», «Садись и слушай». Тиан понял, Оуверхолсер познает на собственном опыте, пусть и поздно, что в глубине души самых богатых и самых удачливых в деревне не любят. Эти менее удачливые и менее хитрые (в большинстве случаев первое шло рука об руку со вторым) могли снимать шляпу, когда богатые проезжали мимо на телеге или в двуколке, могли послать зарезанную свинью или теленка в знак благодарности за помощь, которую оказывали наемные работники богача при постройке дома или амбара, богатым могли аплодировать на общем собрании в конце года за покупку пианино, которое теперь стояло в Павильоне. А вот теперь мужчины Кальи с радостью выбивали сапогами дробь по деревянному полу, пользуясь случаем «опустить» Оуверхолсера.

Оуверхолсер, не привыкший к такому обращению, более того, ошеломленный случившимся, предпринял еще одну попытку.

— Могу я взять перышко, дай его мне, прошу тебя!

— Нет, — ответил Тиан. — Позже, если захочешь, но не сейчас.

Ему ответили крики восторга. Кричали, в основном, самые мелкие фермеры и их наемные работники. Мэнни компанию им не составили. Они еще больше прижались друг к другу, слившись в синее пятно посреди зала. Такой поворот событий явно поставил их в тупик. Воун Эйзенхарт и Диего Адамс тем временем, переместились к Оуверхолсеру, зашептались с ним.

«У меня есть шанс, — подумал Тиан. — И главное, использовать его по максимуму».

Он поднял перышко, и все замолчали.

— Всем будет предоставлена возможность высказаться, — напомнил он. — Что же касается меня, я говорю следующее: мы не можем и дальше так жить, склонять головы и стоять столбом, когда Волки приходят, чтобы забрать наших детей. Они...

— Они всегда возвращают их, — встрял наемный работник, Фаррен Поселла.

— Они возвращают оболочку! — воскликнул Тиан, и его тут же поддержали несколько криков: «Дело говоришь». Но не так уж и много, решил Тиан. Отнюдь не большинство.

Он вновь понизил голос. Не хотел навязывать им свое мнение. Оуверхолсер попытался, но ничего не добился, несмотря на свои тысячу акров.

— Они возвращают оболочку, — повторил он. — А мы? Что происходит с нами? Некоторые могут сказать, что ничего, что Волки всегда были частью нашей жизни в Калье Брин Стерджис, как случайный ураган или землетрясение. Однако, это не так. Они приходят сюда шесть последних поколений, но не более того. А люди живут в Калье больше тысячи лет.

Старик-Мэнни с костлявыми плечами и мрачным взглядом приподнялся: «Он говорит правду, друзья. Фермеры жили здесь, а среди них и Мэнни задолго до того, как тьма опустилась на Тандерклеп, не говоря уже о приходе Волков».

В зале на слова старика ответили изумленными взглядами. Его похоже, такой ответ вполне устроил, поскольку он кивнул и опустил на скамью.

— Поэтому, если говорить о заведенном порядке вещей, но Волки в нем — новый

элемент, — продолжил Тиан. — Шесть раз приходили они за последние сто двадцать или сто сорок лет. Кто знает? Мы, как вы знаете, не слишком следим за временем.

Шепот. Кивки.

— В любом случае, приходят они с каждым новым поколением, — Тиан заметил, несогласные с ним люди начали группироваться вокруг Оуверхолсера, Эйзенхарта и Адамса. К ним мог примкнуть, а мог и не примкнуть, Бен Слайтман. Он уже понял, что их ему не убедить, обладай он даже голосом ангела. Что ж, решил Тиан, он обойдется без них. Если, конечно, остальные пойдут за ним. — Раз в поколение появляются они и сколько детей уводят с собой? Три дюжины? Четыре?

У сзя Оуверхолсера, возможно, тогда не было детей, но у меня они есть, и не одна пара близнецов, а две. Хеддон и Хедда, Лайман и Лия. Я люблю всех четверых, но через месяц двух из них заберут. А назад они вернутся рунтами. Лишившись той искорки, которая превращает каждого из нас в человека.

«Слушайте его, слушайте его», — прокатилось по залу.

— У скольких из вас есть близнецы, у которых волосы растут только на голове? — спросил Тиан. — Поднимите руки!

Шестеро мужчин подняли руки. Потом восемь. Двенадцать. Всякий раз, когда Тиан думал, что все, поднималась еще одна неохотная рука. В конце концов, он насчитал двадцать две руки, и, разумеется, в Зал собраний пришли не все, кто имел детей. Он увидел, как поморщился Оуверхолсер, увидев такое количество поднятых рук. Диего Адамс также поднял руку, и Тиан удовлетворенно отметил, что он чуть отодвинулся от Оуверхолсера, Эйзенхарта и Слайтмана. Трое Мэнни подняли руки. Джордж Эстрада. Луис Хейкоккс. Многие другие, которых он знал. Ничего удивительного в этом не было, в Калье он знал практически всех. За исключением, возможно, нескольких бродяг, которые работали на маленьких фермах за мизерное жалование и горячий обед.

— Всякий раз, когда они приходят и забирают наших детей, они уносят также кусочек нашего сердца и души, — Тиан четко выговаривал каждое слово.

— Да перестань, сынок, — подал голос Эйзенхарт. — Ты уже перегибаешь...

— Заткнись, ранчер, — перебил его мужчина, который пришел последним, со шрамом на лбу. Голос его дрожал от злости и презрения. — Перышко у него. Так дай ему высказаться.

Эйзенхарт развернулся, чтобы посмотреть, кто смеет говорить с ним в таком тоне. Увидев, ничего не сказал в ответ. Тиана это не удивило.

— Спасибо тебе, Пер, — поблагодарил его Тиан. — Я уже заканчиваю. Все думаю о деревьях. Если сорвать с крепкого дерева все листья, оно выживет. Если вырезать на стволе много имен, оно отрастит новую кору. Можно даже взять часть ядровой древесины, и дерево выживет. Но, если снова и снова брать ядровую древесину, наступит момент, когда умрет даже самое крепкое дерево. Я видел, как такое случилось на моей ферме, и это ужасно. Дерево умирает изнутри. Ты видишь, как листья желтеют сначала у ствола, а потом желтизна распространяется по ветвям, до самых кончиков. Вот что делают Волки с нашей маленькой деревней. Вот что они делают со всей Кальей.

— Слушайте его! — воскликнул Фредди Розарио с соседней фермы. — Слушайте его внимательно! — у Фредди тоже были близнецы, но, возможно, им ничего не грозило, потому они еще сосали грудь.

— Ты говоришь, — Тиан смотрел на Оуверхолсера, — что они убьют нас и сожгут всю Калью от востока до запада, если мы не отдадим наших детей и сразимся с ними.

— Да, — кивнул Оуверхолсер. — Я так говорю. И не я один, — сидевшие вокруг него одобрительно загудели.

— Однако, каждый раз, когда мы стоим, опустив головы и с пустыми руками, и смотрим, как у нас забирают детей, они еще глубже вгрызаются в ядровую древесину дерева, которое зовется нашей деревней, — теперь голос Тиана гремел, он стоял, высоко подняв над головой перышко. — Если мы не предпримем попытки сразиться с Волками и защитить наших детей, мы все равно, что умрем! Вот что говорю я, Тиан Джеффордс, сын Люка! Если мы не предпримем попытки сразиться с Волками и защитить наших детей, мы станем рунтами!

«Слушайте его!» — раздались крики. Многие восторженно затопали сапогами. Кто-то даже заплодировал.

Джордж Телфорд, еще один ранчер, что-то прошептал Эйзенхарту и Оуверхолсеру. Они выслушали его, кивнули. Телфорд поднялся. Седоволосый, загорелый, с иссеченным ветром, мужественным лицом, какие так нравятся женщинам.

— Ты все сказал, сынок? — по-доброму спросил он, как спрашивают ребенка, не наигрался ли он и не пора ли ему спать.

— Да, пожалуй, — внезапно Тиана охватило отчаяние. По богатству и размерам ранчо Телфорд не мог тягаться с Воуном Эйзенхатом, но куда как превосходил его красноречием. И Тиан испугался, что упустит казавшуюся уже столь близкой победу.

— Так я могу взять перышко?

У Тиана возникла мысль не отдавать перышко, но какой в этом был смысл? Он сказал все, что мог. Сделал все, что в его силах. Может, ему и Залии собрать пожитки и с детьми двинуться на запад, к Срединному миру? Все-таки до прихода Волков, если верить Энди, почти тридцать дней. А за тридцать дней уйти можно далеко.

Он передал перышко.

— Мы все глубоко ценим жар души молодого сэя Джеффордса и, разумеется, никто не сомневается в его личной храбрости, — заговорил Джордж Телфорд, прижимая перышко к левой половине груди, над сердцем. Оглядывал аудиторию, стараясь встретиться взглядом, дружеским взглядом, с каждым. — Но мы должны думать о детях, которые останутся, так же, как и о тех, которых заберут, не так ли? Другими словами, мы должны защищать всех детей, будь то двойни, тройни или одиночки, как Аарон сэя Джеффордса.

Тут Телфорд повернулся к Тиану.

— Что ты скажешь своим детям, когда Волки застрелят их мать и, возможно, подпалят прадедушку своими лучевыми трубками? Как ты объяснишь их крики, чтобы успокоить детей? Как заткнешь нос, чтобы они не чувствовали запаха горячей кожи и горящих посевов? И это ты называешь спасением душ? Или ядровой древесины какого-то выдуманного тобой дерева?

Он замолчал, давая Тиану шанс ответить, но Тиан не знал, что сказать. Он понимал, что Телфорд переломил ситуацию... и чувствовал, что Телфорд ему не по зубам. Сладкоголосый сукин сын Телфорд, возраст которого позволял не беспокоиться о том, что Волки на своих серых конях прискачут к его дому.

Телфорд кивнул, как бы показывая, что ничего другого, кроме молчания, он от Тиана не ожидал, и вновь повернулся к скамьям.

— Когда Волки приходят, они приходят с оружием, стреляющим огнем, лучевыми трубками, вы знаете, и винтовками, и летающими металлическими штуковинами. Забыл, как они называются...

— Жужжащие шары, — подсказал один.

— Стрекотуны, — крикнул второй.

— Лопастники, — добавил третий.

Телфорд кивнул и мягко улыбнулся. Учитель, хвалящий хороших учеников.

— Как их ни назови, они летают по воздуху, выискивая цель, а когда садятся, выпускают из

себя вращающиеся лопасти, острые, как бритва. В пять секунд они могут разрубить человека, от головы до пальцев ног, оставив от него лишь круг крови и волос. Можете не сомневаться, я говорю правду, потому что видел такое своими глазами.

«Слушайте его, слушайте его внимательно!» — закричали со скамей. Глаза мужчин округлились от испуга.

— Волки и сами страшные, — Телфорд плавно переходил от одной жуткой истории, какие рассказывают у костра, к другой. — Выглядят они, как люди, но на самом деле они нелюди, огромные и ужасные. А те, кому они служат в Тандерклепе, еще страшнее. Вампиры, как я слышал. С телом человека и головами птиц и животных. Ходячие трупы. Воины Красного Глаза.

Мужчины зашушукались. Даже Тиан почувствовал, как холодок пробежал у него по спине при упоминании Глаза.

— Волков я видел сам, об остальном мне только говорили, — продолжал Телфорд. — И пусть я не верю всему, многому я верю. Но оставим в стороне Тандерклеп и тех, кто живет там. Давайте ограничимся Волками. Волки — наша проблема, и проблема серьезная. Особенно, когда они приходят, вооруженные до зубов! — он покачал головой, мрачно улыбнулся. — Так что же нам делать? Может, нам удастся посшибать их с коней нашими вилами и мотыгами, сэй Джеффордс? Ты думаешь, удастся?

Презрительный смех поддержал его слова.

— У нас нет оружия, чтобы сражаться с ними, — теперь Телфорд говорил сухо, поделовому, как человек, подводящий итог. — Даже если бы и было, мы — ранчеры и фермеры, а не солдаты. Мы...

— Заканчивай со своими трусливыми речами, Телфорд. Тебе должно быть стыдно за такие слова.

Многие ахнули, услышав столь резкую отповедь. Захрустели кости, когда мужчины поворачивались, чтобы посмотреть, кто посмел ее произнести. И увидели, как с одной из задних скамей медленно поднимается тот, кто пришел последним, седоволосый мужчина в черном плаще с воротником-стойкой. В свете керосиновых ламп на его лбу ярко выделялся шрам в форме креста.

Старик.

Телфорд достаточно быстро пришел в себя, но, когда заговорил, по голосу чувствовалось, что он окончательно не оправился от столь вопиющего нарушения традиции.

— Извини, отец Каллагэн, но перышко у меня...

— К черту твое божественное перышко и к черту твои трусливые советы, — отрезал Пер Каллагэн. Прошел по проходу на плохо гнущихся ногах, сказывался артрит. Не такой старый, как старейшина Мэнни, гораздо моложе дедушки Тиана (который заявлял, что старше его никого нет от Кальи Локвуд до самого юга), и, однако, он казался старше их обоих. Старше вечности. За это говорили и его глаза, смотревшие на мир из-под шрама на лбу (Залия утверждала, что он сам вырезал этот крест), в которых читалась мудрость веков, и, даже в большей степени, его голос. Хотя он прожил в Калье достаточно долго, чтобы построить церковь своему странному Человеку-Иисусу и обратить в свою веру половину жителей, даже незнакомец никогда бы не принял Пера Каллагэна за местного. Его инородность проявлялась и в произношении, и во многих словах, которые до него в Калье никто не слышал («уличный жаргон», как он их называл), а знакомые слова обретали в его устах новый смысл. Не вызывало никаких сомнений, он пришел из одного из других миров, о существовании которых постоянно твердили Мэнни, пусть сам никогда об этом не рассказывал, а Калья Брин Стерджис давно уже стала ему домом. И безоговорочное уважение, которым он пользовался, давало ему полное право говорить, когда у него возникало такое желание. И едва ли кто мог оспорить это право, с

перышком или без.

Пусть и моложе дедушки Тиана, Каллагэн все равно был Стариком.

А теперь он смотрел на мужчин Кальи Брин Стерджис, не удостоив Джорджа Телфорда и взгляда. Перышко поникло в руке Телфорда. Он сел на скамью первого ряда, не отдав его ни Старику, ни Тиану.

Каллагэн начал с одного из жаргонных выражений, но перед ним сидели фермеры, так что объяснений не требовалось.

— Это все куриное дерьмо.

Он вновь оглядел сидящих перед ним. Многие не решились встретиться с ним взглядом. А мгновение спустя даже Эйзенхарт и Адамс опустили глаза. Оуверхолсер не опустил, но под тяжелым взглядом Старика ранчер как-то сжался, словно чувствуя за собой вину.

— Куриное дерьмо, — повторил человек в черном плаще, чеканя каждый слог. Маленький золотой крестик блестел у него под воротником. На лбу второй крест (Залия верила, что он вырезал его сам, искупая какой-то страшный грех) в свете керосиновых ламп выглядел, как клеймо.

— Этот молодой парень не принадлежит к моей пастве, но он прав, и я думаю, что вы все это знаете. Вы знаете это сердцем. Даже вы, мистер Оуверхолсер. И вы, Джордж Телфорд.

— Ничего такого я не знаю, — ответил Телфорд, слабым, едва слышным, напрочь потерявшим прежнюю убедительность.

— Ложь видна в глазах, вот что сказала бы вам моя мать, — и Каллагэн сухо ему улыбнулся. Я бы не хотел, чтобы мне вот так улыбались, подумал Тиан, и тут же Старик повернулся к нему. — Никогда не слышал, чтобы кто-то мог сказать об этом лучше, чем ты сегодня, мой мальчик. Спасибо, сэй.

Тиану удалось поднять руку и выдавить из себя улыбку. Он вдруг превратился в персонажа глупого ярмарочного спектакля, который спасается в самый последний момент благодаря вмешательству сверхъестественной силы.

— Я кое-что знаю о трусости, можете мне поверить, — Каллагэн уже обращался к сидящим на скамьях мужчинам. Поднял правую руку, изуродованную, искривленную, напоминающую сухую ветку, посмотрел на нее, опустил. — Можно сказать, имею личный опыт. Знаю, как одно трусливое решение ведет к другому... третьему... четвертому... и так далее, пока не наступает момент, когда уже слишком поздно давать задний ход, когда уже невозможно что-либо изменить. Мистер Телфорд, уверяю вас, дерево, о котором говорил молодой мистер Джеффордс, не выдуманное. Калья в смертельной опасности. Ваши души в смертельной опасности.

— Славься Мария, полная благочестия, — воскликнул кто-то с левой стороны прохода, — и Господин наш с тобой. Да благословен будет плод твоего чрева, И...

— Завязывай, — рявкнул Каллагэн. — Прибереги эти слова до воскресенья, — его глаза, синие искорки в темных глубинах глазниц, перебегали с одного лица на другое. — В этот вечер нам надо забыть о Боге, Марии и Человеке-Иисусе. Нам надо забыть про лучевые трубки и жужжащие шары Волков. Вы должны сражаться. Вы — мужчины Кальи, не так ли? Вот будьте мужчинами. Хватит вести себя, как собаки, ползущие на животе, чтобы вылизать сапоги жестокого хозяина.

Оуверхолсер густо покраснел и начал подниматься. Диего Адамс схватил его за руку и что-то шепнул на ухо.

На мгновение Оуверхолсер застыл, зависнув над скамьей, потом опустился на нее.

— Звучит красиво, падре, — заговорил Адамс, с сильным акцентом. — Звучит смело. Однако, есть несколько вопросов. Один уже задал Хейкокс. Как ранчеры и фермеры смогут противостоять вооруженным до зубов убийцам?

— Наняв своих вооруженных убийц, — ответил Каллагэн.

На мгновение воцарилась полная, абсолютная тишина. Казалось, ответ Старика прозвучал на никому не знакомом языке. Наконец, Адамс решился на признание.

— Я не понимаю.

— Разумеется, не понимаешь, — ответил ему Старик. — Поэтому слушай и набирайся мудрости, ранчер Адамс, и вы все слушайте и набирайтесь мудрости. В шести днях пути к северо-западу от нас трое стрелков и один подмастерье идут по Тропе Луча на юго-восток, — он улыбнулся их изумленным взглядам. Повернулся к Слайтману. — Подмастерье немногим старше твоего сына Бена, но он уже быстр, как змея и смертельно опасен, как скорпион. Остальные еще быстрее и куда опаснее. Я узнал об этом от Энди, который их видел. Вам нужны могучие защитники? Их есть у меня. Я это гарантирую.

На этот раз Оуверхолсер поднялся в полный рост. Лицо его горело, как в лихорадке. Толстый живот дрожал.

— Что это еще за вечерняя сказка для малышей? — прорычал он. — Если такие люди и существовали, они канули в небытие вместе с Гилеадом. А Гилеад уже тысячу лет, как превратился в пыль.

Никто не поддержал Оуверхолсера, не попытался оспорить его слова. Никто не раскрыл рта. Все словно окаменели, превращенные в статуи одним магическим словом: стрелки.

— Вы ошибаетесь, — спокойно ответил Каллагэн, — но нам нет нужды спорить об этом. — Мы можем поехать и увидеть все собственными глазами. Я думаю, хватит маленького отряда. Джеффордс... я... как насчет вас, Оуверхолсер? Хотите поехать?

— Нет никаких стрелков! — взревел Оуверхолсер.

За его спиной поднялся Эстрада.

— Отец Каллагэн, да спустится на тебя благодать Божья...

— ...и ты Джордж.

— ...но, если даже стрелки и есть, как они втроем смогут противостоять сорока или шестидесяти? И эти сорок или шестьдесят не обычные люди, а Волки!

— Слушайте его, дело говорит, — воскликнул Эбен Тук, хозяин магазина.

— И с чего им сражаться за нас? — продолжил Эстрада. — Мы из года в год едва сводим концы с концами. Что мы можем им предложить, кроме горячей пищи? И какой человек согласится умирать за обед?

— Слушайте его, слушайте его! — хором воскликнули Телфорд, Оуверхолсер и Эйзенхарт. Другие ритмично застучали каблуками по доскам пола.

Старик подождал, пока шум уляжется.

— У меня есть книги. С полдюжины.

И хотя многие слышали о книгах, сама мысль о том, что они действительно существует, что до них, до бумаги, даже можно дотронуться, вызвала вздох изумления.

— Согласно одной из них, стрелкам запрещено брать вознаграждение за свои услуги. Вроде бы потому, что они ведут свой род от Артура из Эльда.

— Эльд! Эльд! — зашептали Мэнни, и несколько кулаков поднялись в воздух, с оттопыренными мизинцем и указательным пальцем. «На рога их, — подумал Старик. — Вперед, Техас». Ему удалось подавить смешок, но отнюдь не улыбку, искривившую губы.

— Ты говоришь о крепких парнях, которые бродят по земле и творят добрые дела? —

насмешливо спросил Телфорд. — Ты слишком стар, чтобы верить в такие байки, Пер.

— Не о крепких парнях, — терпеливо поправил его Каллагэн. — О стрелках.

— Как смогут трое мужчин выстоять против шестидесяти Волков? — услышал Тиан свой голос.

Согласно Энди, одним из стрелков была женщина, но Каллагэн понимал, что не стоит утомлять собравшихся в зале такими подробностями (хотя сидящему в нем проказнику и хотелось сказать об этом).

— Это вопрос к их лидеру, Тиан. Мы его спросим. И сражаться они будут не только за горячие обеды, знаете ли. Совсем не за обеды.

— Тогда за что же? — спросил Баки Хавьер.

Каллагэн думал, что они захотят заполучить существо, которое лежало под половицами его церкви. И Каллагэн тому только радовался, потому что существо проснулось. Старик, который когда-то бежал из города Салемс Лот, расположенного в другом мире, хотел от него избавиться. Потому что, не избавься он от него в самом скором времени, оно его бы убило.

Ка пришла в Калью Брин Стерджис. Ка — как ветер.

— Всему свое время, мистер Хавьер, — ответил Каллагэн. — Всему свое время, сэй.

Тем временем, в Зале собраний зашептались. Словно ветер надежды и страха зашелестел над скамьями.

Стрелки.

Стрелки на западе, пришедшие из Срединного мира.

И, если это правда, да поможет им Бог. Последним детям Артура из Эльда, идущим к Калье Брин Стерджис по Тропе Луча. Ка — как ветер.

— Время становится мужчинами, — сказал им Каллагэн. Под шрамом на лбу глаза горели, как лампы. Однако в голосе слышалось и сострадание. — Время подняться с колен, господа. Подняться с колен и ступить на путь истинный.

Часть 1. ПРЫЖОК

Время — лицо на воде. Поговорка из далекого прошлого, из далекого Меджиса. Эдди Дин никогда там не был.

И одновременно был, в определенном смысле. Однажды ночью, когда они встали лагерем на А-70, канзасской платной автостраде, в Канзасе, которого не было в его мире, Роланд своим рассказом перенес туда всех четверых, Эдди, Сюзанну, Джейка и Ыша. Той ночью он рассказал им историю Сюзан Дельгадо, его первой возлюбленной. Возможно, его единственной возлюбленной. Историю о том, как он ее потерял.

Поговорка, возможно, соответствовала действительности в те времена, когда Роланд был чуть старше Джейка Чеймберза, но Эдди полагал, что она стала еще более верной сейчас, когда мир скручивался, как заводная пружина в древних часах. Роланд сказал им, что в Срединном мире больше нельзя доверять даже таким аксиомам, как направление стрелки компаса. Сегодняшний запад завтра может стать юго-западом, безумие, да и только. И с временем происходили аналогичные странности. Некоторые дни, Эдди мог в этом поклясться, растягивались часов на сорок, а некоторые ночи (вроде той, когда Роланд перенес их в Меджис) казались еще длиннее. А потом приходил день, когда вечер наступал чуть ли не после полудня, темнота буквально рвалась из-за горизонта тебе навстречу. Конечно же, Эдди задавался вопросом, а не заблудилось ли время в этих краях.

Они выехали из города Лад на Блейне, монорельсовом поезде. И этот Блейн Моно доставил им немало хлопот, потому что управляющий им компьютерный мозг окончательно и бесповоротно свихнулся. Эдди удалось убить его своей алогичностью («В этом ты мастер, сладенький. Это у тебя от природы», — сказала ему тогда Сюзанна), и из поезда они выгрузились в Топике, расположенной совсем не в том мире, из которого Роланд «извлек» Эдди, Сюзанну и Джейка. Наверное, им следовало радоваться, что они в нем не жили, ибо мир этот, где профессиональная баскетбольная команда Канзас-Сити называлась «Монархи», «кока-кола» — «Нозз-А-Ла», большой японский автомобильный концерн — «Такуро», а не «Хонда», поразила какая-то страшная болезнь, прозванная «супергриппом» и выкосившая практически все население. «Так что засунь эти мысли в свою „такуро спирит“ и езжай дальше», — подумал Эдди.

Ранее он четко ощущал бег времени. Страх, конечно, практически ни на секунду не отпускал его, он полагал, они все боялись, за исключением, возможно, Роланда, но в том, что он держит руку на пульсе времени, сомнений не было. Ощущения, что время ускользает от него, не возникало, даже когда они шагали по А-70 с патронами в ушах, глядя на застывшие автомобили и слушая ноющее дребезжание того, что Роланд называл червоточиной.

Но после встречи в стеклянном дворце с приятелем Джейка, Тик-Так, и давним знакомцем Роланда (Флеггом... или Мартеном... или, возможно, Мейрлином) время изменилось.

Не сразу, конечно. Мы попали в этот чертов розовый шар... увидели, как Роланд по ошибке убил мать... и когда вернулись...

Да, именно в тот момент все и случилось. Они проснулись на опушке, милях в тридцати от Зеленого дворца. По-прежнему могли его видеть. Но сразу поняли, что стоит он уже в другом мире. Кто-то... или какая-то сила... перенес их над или сквозь червоточину и оставил на Тропе

Луча. Кто-то или что-то, позаботился и о том, чтобы снабдить их ланчем: банками с газировкой «Нозз-А-Ла» и куда более знакомым печеньем от «Киблер».

Рядом, насаженной на сучок, они обнаружили записку от того типа, которого Роланд едва не убил во дворце: «Отступитесь от Башни. Это мое последнее предупреждение». Нелепость, иначе и не скажешь. Разве мог Роланд отступить от Башни? С тем же успехом можно было попросить его убить прирученного Джейком путаника, освежевать и зажарить к ужину. Ни один из них уже не мог отступить от Темной Башни Роланда. Помогли им Господь, но каждый хотел пройти этот путь до конца.

«До темноты еще есть время, — сказал Эдди в тот день, когда они нашли записку-предупреждение Флегга. — Ты хочешь использовать его, не так ли?»

«Да, — ответил Роланд из Гилеада. — Давайте его используем».

Что они и сделали, следуя Тропе Луча, шагая по бескрайним полям, разделенных полосами колючего кустарника. Нигде и ни в чем не обнаруживая присутствия человека. День за днем, ночь за ночью низкие облака затягивали небо. Но, поскольку шли они Тропой Луча, прямо над их головами облака иной раз расходились, обнажая кусочки синевы, жаль, что ненадолго. Однажды ночью они увидели полную луну, а на ней лицо, с неприятным прищуром и хитрой ухмылкой торговца-мешочника. По подсчетам Роланда получалось, что сейчас позднее лето, но Эдди склонялся к тому, что на дворе глубокая осень: трава пожухла и пожелтела, с редких деревьев облетела листва, кусты тоже стояли с голыми ветками. Дичь попадалась все реже, и впервые за долгие недели, с той поры, как они покинули лес Шардика, медведя-киборга, им приходилось ложиться спать на пустой желудок.

Но все это, думал Эдди, раздражало куда меньше, чем ощущение утраты времени: оно более не делилось на часы, дни, недели, времена года. Луна могла подсказывать Роланду, что лето заканчивается и грядет осень, но окружающий мир выглядел, как в первую неделю ноября, дремал, готовясь впасть в зимнюю спячку.

Время, к такому выводу пришел Эдди в тот период, по большей части создается внешними событиями. Когда случается много всякого и разного, время вроде бы бежит быстро. Если же не случается ничего, кроме привычной рутины, оно замедляется. А когда вообще ничего не происходит, время просто исчезает. Собирает вещички и отправляется поразвлечься на Кони-Айленд. Странная, но правда.

«Неужто ничего не происходит?» — задавался вопросом Эдди (а поскольку не было у него другого занятия, кроме как толкать перед собой кресло-каталку Сюзанны, пересекая одно пустынное поле за другим, времени для поиска ответа ему хватало). Единственной странностью, которая имела место быть после возвращения из Магического кристалла, было, как назвал его Джек, Загадочное число, но, возможно, это ничего и не значило. Им пришлось решать математическую загадку в Колыбели Лада, чтобы получить доступ к Блейну, и Сюзанна предположила, что Магическое число — отрывок той самой загадки. Эдди сомневался в ее правоте, но, черт побери, соглашался принять это предположение, как одну из версий.

Ну действительно, что могло быть такого особенного в числе девятнадцать? Это ж надо, Загадочное число. После некоторого раздумья Сюзанна указала, что это простое число, как и те числа, что открыли ворота между ними и Блейном Моно. Эдди также добавил, что это единственное число, которое стоит между восемнадцатью и двадцатью всякий раз, когда он считал до двадцати. Джейк рассмеялся и предложил ему не нести чушь. Эдди, который сидел у самого костра и свеживал кролика (потом этому кролику предстояло присоединиться к уже освежеванному кошке и собаке, лежавшим в его заплечном мешке) попросил Джейка не насмехаться над его единственным талантом.

Возможно, они шли по Тропе Луча уже пять или шесть недель, когда наткнулись на две двойные колеи, по которым никто не ездил бог знает сколько лет, но в том, что когда-то это была дорога, сомнений не возникало. Она не тянулась вдоль Тропы Луча, но Роланд все равно свернул на нее. Дорога, указал он, проходит достаточно близко от Тропы, и их это вполне устроит. Эдди надеялся, что дорога поможет им восстановить временную ориентацию, но напрасно. Правда, уходила она не только вперед, но и вверх, в вокруг расстилались все те же пустынные поля. Наконец, они вышли на гребень хребта, который протянулся с севера на юг. По другую сторону гребня дорога ныряла в темный лес. Прямо-таки дремучий лес из сказки, подумал Эдди, когда они углубились в него. Сюзанна подстрелила оленя на второй день их пребывания в лесу (а может, на третий день... или четвертый), и мясо, после вегетарианских стрелецких голубцов, обладало божественным вкусом, но в чащобе не прятались ни великаны-людоеды, ни тролли. Не встретились им и эльфы, «Киблера» или иные. Как, впрочем, и второй олень.

— Я все ищу леденцовый домик, — Эдди картинно огляделся. Они уже несколько дней шли по дороге, выходящей меж огромных деревьев. А может, уже целую неделю. Наверняка он знал лишь одно: Тропа Луча где-то рядом. Они видели ее в небе... и чувствовали ее близость.

— Какой еще леденцовый домик? — спросил Роланд. — Это еще одна история. Если да, хотелось бы ее услышать.

Конечно, ему хотелось. Он обожал истории, особенно те, что начинались словами: «Давным давно, когда все жили в лесу...» Но слушал он как-то странно. Чуть отстраненно. Однажды Эдди упомянул об это Сюзанне, а та мгновенно нашла объяснение, что частенько случалось с ней. Сюзанна обладала удивительной способностью, обычно свойственной поэтам, выражать чувства словами, схватывать их на лету.

— У тебя сложилось такое впечатление, потому что он не слушает, как ребенок перед сном, — спросила она Эдди. — Ты-то рассчитывал, что слушать он будет именно так, сладенький.

— А как же он слушает?

— Как антрополог, — без запинки ответила она. — Как антрополог, пытающийся понять незнакомую ему цивилизацию по мифам и легендам.

Она попала в десятку. И если Эдди испытывал некий дискомфорт себя из-за того, что Роланд слушал не так, как ему хотелось, то причина тому была одна: в глубине души Эдди полагал, если кто и должен слушать, как ученый, так это он, Сюзи и Джейк. Потому что они пришли из более продвинутого мира. Не так ли?

Но, чей бы мир ни был более продвинутым, все четверо обнаружили, что многие истории принадлежали обоим мирам, только назывались по-разному. Скажем история, которую Роланд знал под названием «Сказ Дианы», практически ничем не отличалась от «Женщины и тигра», которую трое нью-йоркцев читали в школе. Легенда о лорде Перте повторяла библейскую притчу о Давиде и Голиафе. Роланд слышал много историй о Человеке-Иисусе, который умер на кресте, искупая грехи мира, и рассказал Эдди, Сюзанне и Джейку, что у Иисуса и его учения много последователей в Срединном мире. Общими для обоих миров были и некоторые песни. Скажем, «Беззаботная любовь». Или «Эй, Джуд».

Эдди никак не меньше часа рассказывал Роланду историю о Гансе и Гретель, превратив, сам того не подозревая, злобную, поедающую детей ведьму в Риа с Кооса. Подойдя к той части повествования, где ведьма решила немножко откормить детей, он прервался, чтобы спросить

Роланда: «Ты знаешь эту историю? Есть у вас похожая?»

— Нет, — ответил Роланд, — такой истории я не знаю. Так что, пожалуйста, расскажи ее до конца.

Эдди и рассказал, закончив стандартным: «А потом они жили долго и счастливо».

Стрелок кивнул.

— Никто, конечно, после такого не сможет жить счастливо, но детям мы предоставляем возможность выяснить это самим, не так ли?

— Да, — согласился с ним Джейк.

Ыш трусил у ноги мальчика и, как всегда, в его глазах с золотым ободком, когда он смотрел снизу вверх на Джейка, читалось восхищение. «Да», — повторил ушастик-путаник, в точности копируя интонацию мальчика.

Эдди обнял Джейка за плечи.

— Очень плохо, что ты здесь, а не в Нью-Йорке. Окажись ты в Яблоке, Джейки-бой, ты бы, наверное, уже заимел собственного психоаналитика. Обсуждал бы с ним проблемы, связанные с родителями. Добирался до сути неразрешенных конфликтов. Может, принимал бы высококачественные лекарства. Что-нибудь вроде «риталина».^[2]

— Знаешь, я бы предпочел остаться здесь, — ответил Джейк, поглядев на Ыша.

— Да уж, — улыбнулся Эдди. — Не могу тебя за это винить.

— Такие истории называются волшебными сказками, — вдруг изрек Роланд.

— Точно, — кивнул Эдди.

— Только в этой сказке волшебниц не было.

— Нет, — согласился Эдди. — Скорее, это название определенной категории историй. В нашем мире есть детективные истории, истории в жанре «саспенс», научно-фантастические истории... ужастики... вестерны... сказки. Понимаешь?

— Да, — ответил Роланд. — Так люди в вашем мире всегда в каждый конкретный момент хотят слушать только одну историю? Только одного типа?

— Полагаю, что да, — ответила ему Сюзанна.

— А кто-нибудь у вас ест мясо, тушеное с овощами?

— Полагаю, что такое случается, — ответил Эдди. — Но, когда дело доходит до развлечений, мы предпочитаем что-то одно и не смешиваем мясо с картофелем. Хотя получается скучновато, если смотреть под таким вот углом.

— И сколько вы говорите, есть этих волшебных сказок?

Без запинки, практически в унисон, Эдди, Сюзанна и Джейк произнесли одно и то же слово: «Девятнадцать!» А мгновением позже Ыш повторил его своим хриплым голосом: «Девятнадцать!»

Они переглянулись и рассмеялись, потому что слово «девятнадцать» стало у них модным словечком. Но в смехе этом слышалась и тревога, потому что вся история с девятнадцатью принимала довольно-таки странный оборот. Эдди вырезал это число на боку своей самой последней фигурки животного. Сюзанна и Джейк признались, что, собирая хворост для вечернего костра, всякий раз приносили охапку из девятнадцати веток. Ни один не мог сказать, почему. Выходило как-то само собой.

А потом наступило утро, когда Роланд остановил их посреди леса, по которому они тогда шли. Указал на небо, видневшееся сквозь разлапистые ветви высокого дерева. И ветви эти на фоне неба образовали число девятнадцать. Именно девятнадцать. Они все это видели, только Роланд увидел первым.

Однако Роланд, который верил в знаки и знамения точно так же, как Эдди когда-то верил в лампы накаливания и аккумуляторные батарейки, не придавал особого значения странной и

внезапной влюбленности своего ка-тета в это число. Они все больше становились единым целым, указал он, как и положено ка-тету, а потому мысли, привычки и даже навязчивые идеи каждого распространялись на всех, как простуда. Он верил, что в популяризации числа девятнадцать в определенной степени сказывается влияние Джейка.

— Есть у тебя такая способность, Джейк, — сказал он. — Не уверен, что такая же сильная, как у моего давнишнего друга Алена, но, клянусь богами, надеюсь на это.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — Джейк в недоумении нахмурился. Эдди понял, в принципе, и догадался, что Джейк тоже поймет, со временем. Если, конечно, время вернет себе привычный ход.

И в тот день, когда Джейк принес сдобные шары, это произошло.

3

Они остановились, чтобы перекусить (все те же вегетарианские голубцы, мясо оленя давно съели, а от печенья «Киблер» остались только сладкие воспоминания), когда Эдди заметил, что Джейка с ними нет, и спросил стрелка, не знает ли тот, куда подевался мальчик.

— Свернул чуть раньше, примерно на полколеса, — и Роланд указал на дорогу оставшимися пальцами правой руки. — С ним все в порядке. Если бы что случилось, мы бы почувствовали, — Роланд посмотрел на свой голубец, откусил безо всякого энтузиазма.

Эдди открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но Сюзанна опередила его.

— А вот и он. Привет, сладенький, что это ты принес?

В руках Джейк держал кругляши размером с теннисный мяч. Только эти мячи определенно не могли прыгать: из них во все стороны торчали короткие рожки. Когда мальчик подошел ближе, до ноздрей Эдди долетел запах шаров, прекрасный запах, как у свежее испеченного хлеба.

— Я думаю, их можно есть, — сказал Джейк. — Пахнут они как свежий хлеб, который моя мать или миссис Шоу, домоправительница, всегда покупали в «Забарс», ^[3] — он посмотрел на Сюзанну и Эдди, улыбнулся. — Вы знаете этот магазин?

— Я, конечно, знаю, — ответила Сюзанна. — Там продается все самое лучше. М-м-м-м. Ну до чего хорошо они пахнут. Ты их еще не ел, не так ли?

— Нет, конечно, — Джейк вопросительно посмотрел на Роланда.

Стрелок не стал их томить, взял один «мяч», сбил рожки и впился зубами в то, что осталось.

— Сдобные шары, — пояснил он. — Не видел их уже бог знает сколько лет. Такая вкуснятина, — его синие глаза блеснули. — Рожки не ешьте. Они не ядовитые, но горькие. Мы можем их поджарить, если у нас остался олений жир. Жареные они по вкусу напоминают мясо.

— Неплохая идея, — кивнул Эдди. — Кушайте на здоровье. Я же, пожалуй, воздержусь. Не нравятся мне что-то эти грибы.

— Это не грибы, — возразил Роланд. — Скорее, ягоды.

Сюзанна взяла шар, отломала рожки, надкусила, тут же отправила в рот кусок побольше.

— Не стоит тебе воздерживаться, сладенький. Приятель моего отца, Поп Моуз, сказал бы про них: «Лучше не бывает», — она взяла у Джейка еще один сдобный шар, прошлась большим пальцем по его шелковистой поверхности между рожками.

— Возможно, — не стал спорить Эдди, — но в средней школе, готовясь к сочинению, я прочитал одну книгу, вроде бы она называлась «Мы всегда жили в замке». Так там одна чокнутая дамочка отравила всю свою семью такой вот вкуснятиной, — он наклонился к Джейку, поднял брови, растянул рот в, как он надеялся, злобной улыбке. — Отравила всю свою

семью, и они умерли в АГОНИИ!

Эдди свалился с бревна, на котором сидел и начал кататься по иголкам и опавшей листве, корча страшные рожи и издавая жуткие звуки. Ыш в испуге бегал вокруг него, раз за разом пронзительно выгавкивая его имя.

— Прекрати, — сказал Роланд. — Где ты это взял, Джейк?

— Вон там, — Джейк указал в ту сторону, откуда они пришли. — На прогалине, которую увидел с дороги. Там этих шаров полным полно. Опять же, если вам хочется мяса... Мне вот хочется... так туда приходит всякое зверье. Много следов и свежий помет, — его глаза не отрывались от лица Роланда. — Очень... свежий... — говорил он, как человек, который еще плохо владеет языком.

Легкая улыбка искривила уголки рта Роланда.

— Говори спокойно и говори просто. Что тревожит тебя, Джейк?

Ответил Джейк, едва шевеля губами.

— Пока я собирал сдобные шары, за мной наблюдали люди, — он помолчал, потом добавил. — Они и сейчас наблюдают за нами.

Сюзанна взяла очередной сдобный шар, с восхищением оглядела его, поднесла к лицу, чтобы понюхать, как цветок.

— В той стороне, откуда мы пришли? Справа от дороги?

— Да, — ответил Джейк.

Эдди поднес руку ко рту, словно хотел приглушить кашель.

— Сколько?

— Думаю, четверо, — ответил Джейк.

— Пятеро, — поправил ее Роланд. — Возможно, шесть. Одна женщина. И мальчик, чуть старше тебя, Джейк.

Джейк вытаращился на него.

— И как давно они следят за нами?

— Со вчерашнего дня. Пристроились сзади и идут следом.

— И ты нам не сказал? — строго спросила его Сюзанна, на этот раз даже не потрудившись прикрыть рот.

Роланд посмотрел на нее, в глазах блеснула насмешливая искорка.

— Мне хотелось узнать, кто из вас первым учует их. Откровенно говоря, я ставил на тебя, Сюзанна.

Она холодно глянула на него и промолчала. Эдди подумал, что в этом взгляде проклюнулась Детта Уокер, и порадовался, что достался он не ему.

— И что мы будем с ними делать? — спросил Джейк.

— Пока ничего, — ответил стрелок.

— А если это ка-тет Тик-Така? Гашер и компания?

— Это не они.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что уже давно бы напали на нас и превратились в пищу для мух.

Достойного ответа на его реплику у них не нашлось, и они двинулись дальше. Дорога пряталась в глубоких тенях, петляла между деревьями, возраст которых исчислялся многими сотнями лет. Не прошло и двадцати минут, как Эдди уже отчетливо слышал звуки, издаваемые их преследователями (или наблюдателями: хруст ломающихся веток, шелест травы, иногда даже тихие голоса. «Пьяные» ноги, по терминологии Роланда. Эдди ругал себя за то, что так долго ничего этого не замечал. Он также задался вопросом, а чем эта компания зарабатывала на жизнь. Если выслеживанием, то на мастеров своего дела они явно не тянули.

Эдди Дин во многих аспектах стал частью Срединного мира, зачастую таких тонких, что он и сам этого не знал, однако расстояния он по-прежнему мерил милями, а не колесами. Он предположил, что они отшагали миль пятнадцать с того момента, как Джейк принес им сдобные шары и новость о том, что они в лесу не одни, когда Роланд сказал, что на сегодня хватит. Лагерь они разбили посреди дороги, по-другому, с того момента, как они вошли в лес, не бывало. При таком раскладе угли от их костра не могли вызвать лесной пожар.

Эдди и Сюзанна собирали хворост, Роланд и Джейк занимались обустройством маленького лагеря, готовили ужин, в этот день состоящий по большей части из сдобных шаров, найденных Джейком. Сюзанна катила на своем кресле по дернине, нагибалась, чтобы поднять ветку. Эдди шагал неподалеку, что-то напевая себе под нос.

— Посмотри налево, сладенький, — подала голос Сюзанна.

Эдди посмотрел, увидел оранжевый блик. Костер.

— На профессионалов они не тянут, не так ли? — спросил он.

— Нет. По правде говоря, мне их немного жаль.

— Как думаешь, что им нужно?

— Понятия не имею, но думаю, что Роланд прав. Они нам скажут, когда решат, что пора. Или подумают, что мы не те, кто им нужен, и отстанут от нас. Пошли, пора возвращаться.

— Одну секунду, — он поднял ветку, задумался, поднял еще одну. Набрал нужное число. — Пошли.

По пути сосчитал ветки, которые нес, и те, что лежали на коленях Сюзанны. По девятнадцать и там, и там.

— Сюзи, — он подождал, пока она посмотрела на него. — Время вновь пошло.

Она даже не спросила, о чем он, только кивнула.

4

Решимость Эдди не есть сдобные шары довольно быстро растаяла, как дым. Подходя к лагерю, они услышали скворчание оленьего жира, который Роланд (в запасливости с ним никто сравниться не мог) отыскал в своем старом, потрепанном заплечном мешке. Эдди не отказался он своей порции, выложенной на одну из древних тарелок, которые они нашли в лесу Шардика, и съел все.

— По вкусу не уступают омаром, — прокомментировал он, потом вспомнил чудовищ на берегу, отхвативших Роланду пальцы. — То есть не уступают по вкусу хот-догам, которые готовят в «Натанс». Извини, Джейк, зря я к тебе прицепился.

— Вот о чем вы все должны знать, — Роланд улыбался, в эти дни он улыбался чаще, гораздо чаще, но глаза оставались серьезными. — Вы все, сдобные шары иной раз вызывают очень живые сны.

— Ты хочешь сказать, съесть их, все равно, что обкуриться? — спросил Джейк, которому сразу стало как-то не по себе. Он думал о своем отце. Элмер Чеймберз много чего перепробовал за свою жизнь.

— Обкуриться? Не уверен...

— Закинуться. Ширнуться. Увидеть то, чего нет. Как ты вот принял мескалин и вошел в каменный круг, где этот демон едва... ты знаешь, едва не причинил мне вред.

Роланд задумался, вспоминая. Суккуб, заточенная в том каменном круге, если б ей не помешали, лишила бы Джейка Чеймберза девственности, а потом затрахала бы до смерти. Так уж вышло, что Роланд заставил суккуба заговорить. В отместку, чтобы наказать его, она послала

ему образ Сюзан Дельгадо.

— Роланд? — Джейк с тревогой смотрел на стрелка.

— Не волнуйся, Джейк. Это грибы делают то, о чем ты думаешь, воздействуют на сознание, изменяют его, не сдобные шары. Это ягоды, приятные на вкус. Если твои сны станут совсем уж живыми, просто напomini себе, что тебе все это снится.

Эдди подумал, что тирада эта больно уж странная. Во-первых, Роланд никогда не проявлял такой заботы об их психическом здоровье. Во-вторых, никогда не отличался многословием.

«Время пошло, и он тоже это знает, — подумал Эдди. — Чуть-чуть постояло, но теперь побежало вновь. Как говориться, игра началась».

— Будем выставять часового, Роланд? — спросил Эдди.

— Мне представляется, смысла нет, — ответил стрелок, сворачивая самокрутку.

— Ты действительно думаешь, что они не опасны? — Сюзанна посмотрела на лес. Отдельные деревья уже сливались в надвигающейся вечерней темноте. Маленький блик костра, который они видели ранее, исчез, но люди, следовавшие за ними, остались. Сюзанна их чувствовала. И не удивилась, когда, опустив голову, увидела, что и Ыш смотрит в том же направлении.

— Я думаю, возможно, в этом и заключается их проблема, — ответил Роланд.

— И что сие должно означать? — любопытствовал Эдди, но Роланд не ответил. Лежал на спине, подложив под голову свернутую оленью шкуру, смотрел в темное небо и курил.

Позже ка-тет Роланда уснул. Они не выставили часового, и никто не потревожил их сон.

5

Сны, когда они пришли, были вовсе не снами. Они все это знали, за исключением, возможно, Сюзанны, которой в реальности той ночью там не было.

«Господи, я снова в Нью-Йорке, — подумал Эдди. И тут же пришла новая мысль. — Действительно вернулся в Нью-Йорк. Это и впрямь произошло».

Произошло. Он оказался в Нью-Йорке. На Второй авеню.

И в тот же самый момент Джейк и Ыш вышли на Вторую авеню с Пятьдесят четвертой улицы.

— Привет, Эдди, — Джейк улыбался. — Добро пожаловать домой.

«Игра началась, — подумал Эдди. — Игра началась».

Джейк заснул, глядя в чернильную тьму: ни луны, ни звезд на облачном ночном небе. Засыпая, почувствовал, будто куда-то падает. Он узнал это чувство: когда бы так называемым нормальным ребенком, ему частенько снилось, как он падал, особенно перед экзаменами, но сны эти как отрезало после того, как он заново родился в Срединном мире.

А потом ощущение, будто он куда-то падает, исчезло. Он услышал какую-то мелодичную мелодию, слишком уж расчудесную: три ноты, и ты хочешь, чтобы она смолкла, двенадцать, и тебе кажется, что она убьет тебя, если не смолкнет. От каждой ноты, казалось, вибрировали все кости. «Что-то гавайское, не так ли?» — подумал он, и хотя мелодия эта ничем не напоминала дребезжание червоточины, что-то общее у них точно было.

Было, и все тут.

А потом, когда он уже понял, что больше не выдержит этих ужасных и прекрасных звуков, они стихли. И темнота под его опущенными веками вдруг окрасилась ярким багрянцем.

Он осторожно приоткрыл глаза навстречу сильному солнечному свету.

И у него отпала челюсть.

В Нью-Йорке.

Мимо пролетали такси, поблескивая желтизной под солнечными лучами. Высокий молодой чернокожий мужчина прошел мимо Джейка, в наушниках, от которых проводки тянулись к плееру, подпрыгивая в такт музыки, напевая себе под нос: «Ча-да-ба, ча-да-бау!» Барабанные перепонки Джейка чуть не разорвал грохот отбойного молотка. Куски бетона падали в кузов самосвала, каждый удар эхом отражался от фасадов домов. Этот мир просто переполнял шум. А он, даже не осознавая этого, привык к безмолвию Срединного мира. Да что там привык. Полюбил. Однако, у шума и суеты тоже были свои плюсы, и Джейк не мог этого отрицать. Он вернулся в Нью-Йоркское мельтешение. Почувствовал, как легкая улыбка растягивает губы.

— Снись! Снись! — печально прокричали у его ноги.

Джейк посмотрел вниз и увидел Ыша, который сидел на тротуаре, поджав хвост. Ушастик-путаник был без красных башмачков, Джейк — без красных полуботинок (слава Богу), и все это напоминало визит в Гилеад Роланда, который они совершили с помощью розового Магического кристалла. Хрустального шара, принесшего столько горя и бед.

На этот раз он обошелся без кристалла... всего лишь заснул. Но все это никак не могло ему присниться. Реальностью происходящее с ним превосходило любой другой его сон. К тому же...

К тому же, люди продолжали обходить его и Ыша, стоявших в центре города, слева от салуна «Канзасская хандра». Аккурат в тот момент, когда он думал об этом, какая-то женщина перешагнула через Ыша, для чего ей пришлось поддержать прямую черную юбку повыше колена. Выражение ее сосредоточенного лица (Джейк истолковал его как «Я всего лишь одна из жителей Нью-Йорка, занятая своими делами, так что отвалите от меня») ни на йоту не изменилось.

Они нас не видят, но каким-то образом чувствуют. А если они ощущают наше присутствие, значит, мы действительно здесь.

Над первым логичным вопросом: «Почему?» — Джейк продумал разве что пару секунд, а потом отставил в сторону. Пришел к выводу, что со временем наверняка получит ответ. А пока, почему не понаслаждаться Нью-Йорком, раз уж довелось вернуться в него?

— Пошли, Ыш, — позвал он зверька и обогнул угол. Ушастик-путаник, определенно не городской житель, держался так близко к ноге Джейка, что тот ощущал лодыжкой его дыхание.

«Вторая авеню», — подумал он. И тут же: «Господи...»

Потому что в этот самый момент увидел Эдди Дина, который стоял перед магазином «Барселонские чемоданы», ошеломленный и одетый определенно не по последней моде, в старых джинсах, рубашке и мокасинах из оленьей кожи. Волосы, пусть и чистые, достигали плеч, и чувствовалось, что рука профессионала не касалась их достаточно длительное время. Джейк понял, что и сам он выглядит не лучше, в рубашке из той же оленьей кожи и практически превратившихся в лохмотья тех самых джинсах, в которых он навсегда покинул дом, отправившись в Бруклин, на Голландский Холм и в другой мир.

«Слава Богу, что нас никто не может увидеть», — подумал Джейк, потом решил, что это неправда. Если бы люди смогли их видеть, то к полудню они бы разбогатели на поданной им милостыни. От этой мысли он улыбнулся. Воскликнул: «Привет Эдди. Добро пожаловать домой».

Эдди кивнул, но изумление не сходило с лица.

— Вижу, ты захватил с собой своего дружка.

Джейк наклонился, потрепал Ыша по голове.

— Он для меня, что кредитная карточка «Американ экспресс». Без него я никуда не хожу.

Джейк уже собрался продолжить, в голове кишмя кишели остроумные фразы, когда из-за угла вышел какой-то человек и, прошел мимо, не обратив на них, как и все остальные никакого внимания. Однако, его появление разом все изменило. То был подросток в джинсах, которые выглядели совсем как джинсы Джейка, потому что действительно принадлежали ему. Не те, что сейчас были на нем, а другие. Так же, как и кроссовки. Те самые, которых Джейк лишился на Голландском холме. Страж-привратник двери между мирами сорвал их с его ног.

Подростком, который мгновением раньше прошел мимо них, был Джон Чеймберз, то есть он сам, только этот Чеймберз выглядел больно уж мягким, наивным и на удивление молодым. «Как ты выжил? — спросил Джейк свою собственную удаляющуюся спину. — Как пережил психологический стресс, вызванный потерей рассудка, уход из дома и происшествие в том ужасном доме в Бруклине? А главное, как тебе удалось вырваться из когтей этого чудовища, стража-привратника? Должно быть, характер у тебя крепче, чем я думал».

У Эдди глаза буквально разбежались в стороны, и выглядело это так смешно, что Джейк рассмеялся, пусть еще не пришел в себя от изумления. Ему сразу вспомнились страницы комиксов, на которых Арчи^[4] или Твердый лоб^[5] пытались смотреть сразу в две стороны. Он опустил голову и увидел, что то же самое происходит и с Ышем. Отчего развеселился еще больше.

— Какого хера? — вырвалось у Эдди.

— Мгновенный повтор, — сквозь смех выдавил из себя Джейк. Ответ получился глупый, но его это как-то не волновало. Ну, глупый, и что такого? — Та же ситуация, как и с Роландом, когда мы видели его в Гилеаде, только теперь мы в Нью-Йорке, 31 мая 1977 года! Именно в тот день я взял французскую увольнительную у Пайпера. Мгновенный повтор, беби!

— Французскую... — начал Эдди, но Джейк не дал ему закончить. Потому что в голове сверкнула другая мысль. Нет, сверкнула — мягко сказано. Накрыла его, как приливная волна накрывает человека, который в этот самый момент оказался на берегу. Его лицо так густо покраснело от прилившей крови, что Эдди даже отступил на шаг.

— Роза! — прошептал Джейк. Из легких вышел весь воздух, он просто не мог говорить громче, а в горле пересохло, словно он попал в песчаную бурю. — Эдди, роза!

— При чем тут она?

— Именно в тот день я ее увидел! — он протянул руку, трясущимися пальцами коснулся предплечья Эдди. — Я иду к книжному магазину... потом к пустырю. Думаю, раньше там был магазин деликатесов...

Эдди кивал, на лице проявились признаки волнения.

— Магазин деликатесов «Том и Джерри», на углу Второй авеню и Сорок шестой...

— Магазин срыли, но роза там! Это я иду по улице, чтобы увидеть ее, а значит, мы тоже можем ее увидеть!

Вот тут глаза Эдди сверкнули.

— Тогда пошли. Мы же не хотим потерять тебя в толпе. Его. Черт, какая разница?

— Не волнуйся, — успокоил его Джейк. — Я знаю, куда он идет.

2

Джейк-двойник шел впереди них, нью-йоркский Джейк, Джейк весны 1977 года, шел медленно, смотрел по сторонам, явно убивал время. Джейк из Срединного мира отлично понял, что в тот момент испытывал этот мальчик: безмерное облегчение, потому что спорящие голоса в его голове

(«Я умер!»)

(«Я не умер»)

наконец-то закончили свою перебранку. Случилось это у дощатого забора, где два бизнесмена играли в «крестики-нолики», расчертив на нем поле дорогой ручкой «Марк Кросс». И, разумеется, потому, что он удрал и от школы Пайпера, и от безумия экзаменационного сочинения по литературе для мисс Эйвери. Экзаменационное сочинение прибавляло четверть балла к годовой оценке, миссис Эйвери не раз об этом говорила, а Джейк написал какую-то галиматью. И тот факт, что учительница поставила ему А+^[6] ничего не менял, только яснее ясного показывал, что-то неладное творится не только с ним, но и со всем миром. И как-то это завязано на числе девятнадцать.

А до чего же приятно выскочить из-под такого пресса, хотя бы на время. Так что он готовился насладиться этим днем...

«Только день какой-то не такой, — думал Джейк... Джейк, который шагал позади своего двойника. — Что-то в нем...»

Он огляделся, но не смог ничего понять. Конец мая, яркое, уже летнее солнце, на Второй авеню множество празднующихся и глазающих на витрины, полно такси, иной раз встречались и длинные черные лимузины... вроде бы все, как всегда.

Да только что-то было не так, как всегда.

Совсем не так.

3

Эдди почувствовал, как мальчик дернул его за рукав.

— Что здесь не так? — спросил Джейк.

Эдди огляделся. Несмотря на свои проблемы с приспособлением к окружающему миру (все-таки он вернулся не в свой, а более ранний Нью-Йорк), он понимал, о чем толкует Джейк. Что-то было не так.

Он посмотрел на тротуар, чтобы убедиться, что отбрасывают тени. Не потеряли их, как

дети в одной из историй... в одной из девятнадцати волшебных сказок... а может, в одной из более поздних, таких как «Лев, колдунья и платяной шкаф» или «Питер Пэн». Одной из тех, которые можно назвать «Девятнадцать современных сказок»?

Впрочем, значения это не имело, потому что тени они отбрасывали.

«А ведь не должны, — подумал Эдди. — Не должны мы видеть свои тени, когда так темно».

Глупая мысль. Темноты не было и в помине. На дворе-то утро, ясное майское утро, солнечный свет отбрасывал такие яркие «зайчики» от хромированных частей проезжающих автомобилей и окон домов на восточной стороне Второй авеню, что приходилось щуриться. Тем не менее, у Эдди сложилось ощущение, что все это лишь видимость, хрупкая оболочка, вроде парусинового задника на сцене. Занавес поднимается, и мы видим Арденнский лес. Или замок в Дании. Или кухню в доме Уилли Ломана. А в данном конкретном случае — Вторую авеню, центр Нью-Йорка.

Да, что-то в этом роде. Только за этим задником вы найдете не мастерские или кладовую театра, а огромную выпотрошенную черноту. Мертвую вселенную, в которой Башня Роланда уже рухнула.

«Как же хочется, чтобы я ошибся, — подумал Эдди. — И причина всего — культурный шок или страх».

Но он чувствовал, это лишь отговорка, попытка зарыться головой в песок.

— Как мы сюда попали? — спросил он Джейка. — Двери-то не было... — он замолчал, потом добавил с надеждой. — Может, это сон?

— Нет, — ответил Джейк. — Больше напоминает наше путешествие в Магическом кристалле. Только на этот раз Кристалла не было, — тут его осенило. — Ты слышал музыку? Прекрасную мелодию? Аккурат перед тем, как попасть сюда?

Эдди кивнул.

— Настолько прекрасную, что у меня на глаза навернулись слезы.

— Точно. Именно так.

Ыш обнюхал пожарный гидрант. Эдди и Джейк подождали, пока их маленький дружок поднимет лапу и добавит свою запись к уже во множестве имеющимся на этой доске объявлений. А впереди другой Джейк, Подросток-77, продолжал медленно идти и глазеть по сторонам. Эдди он напоминал туриста из Мичигана. Даже закинул голову, чтобы разглядеть верхние этажи зданий, и Эдди пришел к однозначному выводу, что нью-йоркский совет по цинизму, застигнув Джейка за таким вот занятием, лишил бы его дисконтной карты в «Блуминггейле». Впрочем, лично он, Эдди, не жаловался: такое поведение парня облегчало им преследование.

И стоило Эдди обо всем этом подумать, как Подросток-77 исчез.

— Куда ты подевался? Господи, куда ты подевался?

— Расслабься, — ответил Джейк (у его лодыжки Ыш ввернул свое: «Абься»). Он улыбался. — Я просто вошел в книжный магазин. Э... «Манхэттенский ресторан для ума», вот как он назывался.

— Где ты купил «Чарли Чу-Чу» и книгу загадок?

— Истину говоришь.

Эдди понравилась эта таинственная, изумленная улыбка, прилепившаяся к Джейку. Она словно подсвечивала его лицо. «Помнишь, как восторгался Роланд, когда я назвал ему фамилию владельца?»

Эдди кивнул. Владельца «Манхэттенского ресторана для ума» звали Келвин Тауэр.

— Поспешим, — добавил Джейк. — Я хочу посмотреть.

Эдди не заставил просить себя дважды. Он тоже хотел посмотреть.

Джейк остановился у двери в магазин. Улыбка не исчезла с его лица, но как-то поблекла.

— В чем дело? — спросил Эдди. — Что не так?

— Не знаю. Но, думаю, что-то изменилось. А может... очень уж многое случилось после того, как я здесь побывал...

Он смотрел на черную доску в окне, на каких в маленьких ресторанах и кафешках пишут меню. Эдди подумал, что это неплохой способ заманивания покупателей. Только здесь в меню значились не закуски, первые и вторые блюда, а книги.

ОСОБЫЕ БЛЮДА ДНЯ

Из Миссисипи! Уильям Фолкнер,
зажаренный на сковороде
В переплете — цена договорная
В обложке, «Винтидж лайбрери» — 75 центов за
штуку

Из Мэна! Охлажденный Стивен Кинг
В переплете — цена договорная
Скидки «Книжного клуба»
В обложке — 75 центов за штуку

Из Калифорнии! Раймонд Чандлер вкрутую
В переплете — цена договорная
7 книг в тонкой обложке за 5 долларов

Эдди заглянул за черную доску и увидел другого Джейка, незагорелого и без твердого, ясного взгляда, который стоял у столика с книгами. Детскими книгами. На котором, возможно лежали и девятнадцать волшебных сказок, и девятнадцать современных сказок.

«Прекрати, — сказал он себе. — Это же невроз навязчивости, и ты это знаешь».

Возможно, но старина Джейк собирался сделать покупку, взять с этого стола книги, которым предстояло не просто изменить, но, скорее всего, спасти им жизнь. В общем, Эдди решил, что еще успеет поволноваться о числе девятнадцать. Или не будет волноваться вообще, если избавится от этой навязчивости.

— Пошли в магазин, — сказал он Джейку.

Но мальчик застыл на месте.

— В чем дело? — спросил Эдди. — Тауэр не сможет нас увидеть, если тебя это тревожит.

— Тауэр-то не сможет, — согласился Джейк, — а как насчет него? — он указал на своего двойника, который еще не встречался с Гашером, Тик-Таким, древними людьми Речного Перекрестка. Который еще не ездил на Блейне Моно и ничего не знал о Риа с Кооса. — Джейк вскинул глаза на Эдди. — Что, если я увижу себя?

Эдди пришел к выводу, что такое могло случиться. Черт, да случиться могло, что угодно. Но вывод этот не заставил его внести какие-то коррективы в принятое решение.

— Думаю, ты должны войти в магазин, Джейк.

— Да, — выдохнул тот. — Похоже, что должны.

Они вошли, их не увидели, и у Эдди отлегло от сердца, когда на столике, который привлек внимание мальчика, он насчитал двадцать одну книгу. Да только, после того, как Джейк взял две, «Чарли Чу-Чу» и книгу загадок, их осталось девятнадцать.

— Нашел что-нибудь для себя? — спросил тихий голос. Принадлежал он толстячку в белой рубашке с отложным воротничком. За его спиной, у стойки, какая могла стоять в кафе начала века, трое старичков пили кофе и маленькими кусочками ели пирожные. Тут же стояла шахматная доска с расставленными фигурами: партию прервало появление Джейка-77.

— Мужчина, сидящий у доски, Эрон Дипно, — прошептал Джейк. — Он объяснит мне загадку про Самсона.

— Ш-ш-ш! — шикнул на него Эдди. Он хотел послушать разговор между Келвином Тауэром и Подростком-77. Внезапно пришло осознание, что разговор этот очень важный... да только какого хера здесь так темно?

«Но ведь совсем и не темно. В этот час солнце ярко освещает восточную часть улицы, дверь открыта, так что света в магазин проникает достаточно. Как ты можешь говорить, что здесь темно?»

Потому что каким-то образом было темно. Магазин заливал не только солнечный свет, но и противоположность солнечного света. Однако, темнота эта глазам не давалась. И вот тут до Эдди дошло: всем этим людям грозит опасность. Тауэру, Дипно, Подростку-77. Возможно, ему, Джейку из Срединного мира и Ышу. Им всем.

Джейк наблюдал, как его двойник, более молодой, отступил на шаг от владельца магазина, его глаза изумленно раскрылись. «Потому что его фамилия Тауэр, — подумал Джейк. — Вот что меня изумило. И причина — не Башня Роланда, тогда я не имел о ней ни малейшего понятия, а картинка, которой я украсил последнюю страницу моего сочинения».

Вырезка из журнала, фотоснимок падающей Пизанской башни, сплошь заштрихованной черным карандашом.

Тауэр спросил, как его зовут. Джейк-77 ответил, и Тауэр немного поиронизировал над его фамилией. Поиронизировал по-доброму, как случается, если взрослые действительно любят детей.

— Хорошее имя, дружище, — говорил Тауэр. — Почти как у того бравого парня, героя вестерна... он еще врывается в городок Черные Вилы, что в Аризоне, очищает его от всех бандюганов, а потом едет дальше. Вроде бы написал тот вестерн Уэйн Д. Оверхолсер...^[7]

Джейк шагнул к своему двойнику (мелькнула мысль: а ведь отличный сюжетец для телешоу «Субботним вечером в прямом эфире») и его глаза чуть раскрылись.

— Эдди! — он по-прежнему шептал, хотя и знал, что люди в книжном магазине не могут его услышать...

Но на каком-то уровне, возможно, могли. Он вспомнил женщину на Пятьдесят четвертой улице, которая поддержала юбку, чтобы переступить через Ыша. Вот и теперь взгляд Келвина Тауэра сместился в его направлении, прежде чем вернуться к Джейку-77.

— Лучше бы не привлекать ненужного внимания, — прошептал Эдди ему на ухо.

— Я знаю, — ответил Джейк, — но посмотри на книгу «Чарли Чу-Чу», Эдди!

Эдди посмотрел, поначалу ничего не увидел, за исключением самого Чарли, с включенным прожектором и не слишком уж доверительной, скорее, хитрой улыбкой. А потом брови Эдди взлетели вверх.

— Я думал, что «Чарли Чу-Чу» написала Берил Эванз.^[8]

Джек кивнул. «Я тоже».

— Тогда кто... — Эдди вновь бросил взгляд на обложку. — Кто такая Клаудия-и-Инесс Бахман?^[8]

— Понятия не имею, — ответил Джейк. — Никогда о ней не слышал.

7

Один из старичков, сидевших у стойки, направился к ним. Эдди и Джейк попятились. По спине Эдди пробежал холодок, Джейк побледнел, как полотно, а Ыш начал тихонько подвывать. Что-то тут было не так, все точно. В каком-то смысле они потеряли свои тени. Эдди только не мог понять, как это произошло.

Подросток-77 тем временем уже достал кошелек и расплачивался за обе книги. Разговор с Келвином какое-то время продолжался, иной раз прерываемый добродушным смехом, а потом нью-йоркский Джек направился к двери. Эдди уже двинулся следом, но Джейк из Срединного мира схватил его за руку: «Нет, еще не пора... я должен вернуться».

— Мне это до лампочки, — фыркнул Эдди. — Давай подождем на тротуаре.

Джейк задумался, потом кивнул. Но у двери им пришлось остановиться и отойти в сторону: другой Джейк возвращался. С раскрытой книгой загадок. Келвин Тауэр навис над шахматной доской, стоящей на стойке. Поднял голову, увидел вернувшегося Джейка, улыбнулся.

— Передумал насчет чашечки кофе, о Гиборин-Скиталец?

— Нет, просто хотел спросить...

— Дальше пойдет речь о загадке Самсона, — прошептал Джейк из Срединного мира. — Не думаю, что это важно. Хотя этот Дипно споет очень неплохую песню. Хочешь послушать.

— Обойдусь, — ответил Эдди. — Пошли.

Они покинули магазин, и хотя ситуация на Второй авеню не улучшилась, по-прежнему бесконечная тьма ощущалась за фасадами зданий, за самым небом, на улице было куда как лучше, чем в «Манхэттенском ресторане для ума». По крайней мере, они дышали свежим воздухом.

— Вот что я тебе скажу, — Джейк повернулся к Эдди. — Пойдем-ка на угол Второй авеню и Сорок шестой улицы, — он прислушался: Эрон Дипно уже пел. — Я нас догоню.

Эдди обдумал его предложение, покачал головой.

Джейк погрузился.

— Ты не хочешь увидеть розу?

— Будь уверен, хочу, — ответил Эдди. — Безумно хочу.

— Тогда...

— Но я чувствую, что рано нам уходить. Не знаю, почему, но рано.

Джейк, двойник из семьдесят седьмого года, оставил дверь открытой, когда вошел в магазин и Эдди шагнул к дверному проему. Эрон Дипно загадывал Джейку загадку, которую потом они загадали Блейну Моно: «Кто может бегать, но никогда не ходит, имеет рот, но никогда не говорит». Джейк из Срединного мира тем временем вновь смотрел на черную доску, выставленную в витрине, с зажаренным на сковороде Уильямом Фолкнером, Раймондом Чандлером вкрутую. Он хмурился, на лице читались сомнения и тревога.

— И меню другое, знаешь ли.

— В какой части?

— Не помню.

— Это важно?

Джейк повернулся к нему. В глазах под сдвинутыми бровями читалась боль.

— Не знаю. Это еще одна загадка. Я ненавижу загадки!

Эдди мог ему только посочувствовать. «Когда Берил — не Берил?»

— Когда она Клаудия, — сам загадал загадку, сам и ответил.

— Что?

— Неважно. Лучше отойди в сторону, Джейк, а не то столкнешься с самим собой.

Джейк из Срединного мира вскинул глаза на надвигающегося на него нью-йоркского Джейка и последовал совету Эдди. А когда Подросток-77 зашагал по Второй авеню, с приобретенными книгами в левой руке, устало улыбнулся Эдди.

— Знаешь, что мне хорошо запомнилось? Из этого магазина я уходил в полной уверенности, что никогда больше сюда не вернусь. Но вернулся.

— Учитывая, что мы сейчас призраки, а не люди, я бы сказал, это довольно-таки спорное утверждение, — Эдди по-дружески хлопнул Джейка по плечу. — А если ты забыл что-то важное, Роланд поможет тебе вспомнить. Это он умеет.

Джейк улыбнулся, на лице отразилось облегчение. По собственному опыту он знал, что стрелок действительно знает, как помочь людям вспомнить. Друг Роланда, Ален, возможно, обладал способностью контактировать с разумом других, а его другу Катберту досталось все чувство юмора того ка-тета, но Роланд с годами превратился в гипнотизера экстракласса. В Лас-Вегасе он бы мог без труда сделать целое состояние.

— Теперь мы можем идти за мной? — спросил Джейк. — Проверить розу? Он посмотрел вдоль Второй авеню, ярко освещенной солнцем и одновременно темной, направо, потом налево. В глазах читалось замешательство. — Возможно, здесь ситуация получше. Роза тому способствует.

Эдди уже хотел сдвинуться с места, когда к перед книжным магазином Келвина Тауэра остановился большой серый «линкольн таун-кар». Притерся к желтому бордюрному камню, передним бампером едва не снес пожарный гидрант. Передние дверцы открылись, и Эдди, увидев, кто вылезает из-за руля, схватил Джейка за плечо.

— Ой! — воскликнул Джейк. — Больно, однако!

Эдди не обратил внимания на его слова. Более того, его рука еще сильнее сжала плечо подростка.

— Господи Иисусе, — прошептал Эдди. — Господи Иисусе, что же это? Что же, черт побери, это такое?

Джейк наблюдал, как лицо Эдди из бледного становится землисто-серым. Глаза выкатились из орбит. Не без труда Джейк оторвал закаменевшую руку от своего плеча. Эдди хотел поднять ее, указать на водителя, но для это ему не достало сил. Рука упала, как плеть, шлепнулась об ногу.

Мужчина который вылез с пассажирской стороны «таун кар», прохаживался по тротуару, дожидаясь, пока водитель откроет заднюю дверцу. Даже Джейку показалось, что их действия отработаны до автоматизма, как шаги у профессиональных танцоров. С заднего сидения вылез

мужчина в дорогом костюме, который, однако, не мог скрыть, что его хозяин, мягко говоря, невысок ростом и отрастил приличный животик. Черные волосы коротышки заметно поседели на висках. Судя по плечам костюма, хватало в этих волосах и перхоти.

Джейк внезапно почувствовал, что стало гораздо темнее. Поднял голову, чтобы посмотреть, не закрыло ли облако солнце. Нет, не закрыло, но вокруг яркого диска образовалась черная корона, как кольцо туши вокруг широко раскрытого глаза.

В полуквартале от них его двойник, Подросток-77, смотрел в витрину китайского ресторана, и Джейк вспомнил его название: «Чав-чав». А чуть дальше находился музыкальный магазин «Башня выдающихся записей», поравнявшись с которым ему предстояло подумать: «Похоже, сегодня у нас распродажа башен». Если бы его двойник обернулся, то увидел бы серый «таун кар»... но он не обернулся. Мыслями Подросток-77 целиком и полностью ушел в будущее.

— Это Балазар, — просипел Эдди.

— Кто?

Эдди указывал на коротышку, который на мгновение остановился, чтобы поправить дорогой итальянский шелковый галстук. Остальные мужчины пристроились по бокам. Настороженно глядя по сторонам.

— Энрико Балазар. И выглядит он гораздо моложе. Господи, прямо-таки мужчина средних лет.

— Это 1977 год, — напомнил ему Джейк. И тут до него дошло: «Тот парень, которого ты и Роланд убили?» В свое время Эдди рассказал Джейку историю о перестрелке в клубе Балазара в 1987 г. опустив самые уж кровавые подробности. Скажем, эпизод, когда Кевин Блейк принес голову брата Эдди в кабинет Балазара, с тем, чтобы выманить Роланда и Эдди под пули. Генри Дина, великого мудреца и конченного наркомана.

— Да, — кивнул Эдди. — Тот парень, которого мы с Роландом убили. И того, кто сидел за рулем, это Джек Андолини. Люди называли его Дважды-Урод, но, разумеется, не в глаза. Вместе со мной он прошел через одну из дверей, перед тем, как началась стрельба.

— Роланд убил и его. Не так ли?

Эдди кивнул. Все проще, чем объяснять, что Джек Андолини умер, ослепленный и с превращенным в кровавое месиво лицом, в клешнях и челюстях омароподобных чудовищ.

— Второй телохранитель — Джордж Бьонди. Большой Нос. Я убил его сам. Убью. Через десять лет, — Эдди выглядел так, словно вот-вот грохнется в обморок.

— Эдди, ты в порядке?

— Скорее да, чем нет. Хочу сказать, должен быть в порядке, — они все дальше отходили от двери в магазин. Ыш терся у лодыжки Джейка. А его двойник, который уходил по Второй авеню, исчез. «Я уже бегу, — думал Джейк. — Может, перепрыгиваю через тележку с картонными коробками, которую катил мужчина в форме „Ю-пи-эс“.^[9] Со всех ног мчусь к магазину деликатесов, потому что уверен, там мне откроется путь в Срединный мир. Путь к себе».

Балазар посмотрел на свое отражение в витрине, рядом с черной доской с надписью поверху «БЛЮДА ДНЯ», пригладил волосы над ушами, отчего на плечи полетели новые белые чешуйки, прошел в открытую дверь. Андолини и Бьонди последовали за ним.

— Крутые парни, — заметил Джейк.

— Более чем, — согласился Эдди.

— Из Бруклина.

— Вот-вот.

— А с чего крутым парням из Бруклина заходить в букинистический магазин на

Манхэттене?

— Я думаю, мы здесь именно для того, чтобы это выяснить. Джейк, плечо болит?

— Все нормально. Но совершенно не хочется возвращаться в магазин.

— Мне тоже. Так что пошли.

И они вновь переступили порог «Манхэттенского ресторана для ума».

Бш все не отрывался от ноги Джейка и продолжал подвывать. Джейку это вытье не нравилось, но он понимал своего четвероногого друга. Потому что в книжном магазине физически ощущался запах страха. Дипно сидел за шахматной доской и тоскливо смотрел на Келвина Тауэра и вошедшую в магазин троицу. Эти люди ничем не напоминали библиофилов, мотающихся по букинистическим магазинам в поисках редкого первого издания с подписью автора. Другие два старичка у стойки торопливо допивали кофе. По их лицам чувствовалось, что они вдруг вспомнили о важных встречах, на которые могут опоздать, если сей момент не покинут магазин.

«Трусы, — с презрением, знакомым ему и по прежней жизни, подумал Джейк. — Небось, уже в штаны наложили. Старость, конечно, частично вас извиняет, но полностью не оправдывает».

— Мы хотим кое-что с вами обсудить, мистер Торен, — говорил Балазар тихо, спокойно, в голосе не слышалось и намека на акцент. — Не могли бы мы пройти в ваш кабинет...

— Нечего нам обсуждать, — ответил Тауэр. Взгляд его сместился на Андолини. Почему, тайны для Джейка не составило. Лицом Джек Андолини напоминал вырубленного топором психа из какого-нибудь фильма ужасов. — Приходите 15 июля, тогда у нас, возможно, появится тема для обсуждения. Возможно. Впрочем, поговорить мы сможем после Четвертого июля. Как мне кажется. Если будет на то у вас желание, — он улыбнулся, показывая, что он пытается учесть не только свои интересы. — Но сейчас? Я просто не вижу в этом смысла. Еще и июнь-то на начался. И, к вашему сведению, моя фамилия...

— Он не понимает, — вздохнул Балазар. Посмотрел на Андолини, на второго своего телохранителя — с большим носом, поднял руки на уровень плеч, уронил вниз. «Что же не так с нашим миром?» — вопрошал этот жест. — Джек? Джордж? Этот мужчина взял у меня чек на приличную сумму, единицу с пятью последующими нулями, а теперь говорит, что не видит смысла в разговоре со мной.

— Невероятно, — откликнулся Бьонди. Андолини промолчал. Просто смотрел на Келвина Тауэра, мутно-карие глаза выглядывали из-под мощных надбровных дуг и плоского лба, словно маленькие зверьки — из пещеры. С таким лицом, отметил Джейк, нет нужды в словах. Человек и так все поймет.

— Я хочу поговорить с вами, — все тот же ровный, спокойный голос, но теперь взгляд Балазара буквально впился в лицо Тауэра. — Почему? Потому что мои работодатели хотят, чтобы я с вами поговорил. И для меня это веская причина. И знаете, что я вам скажу? Думаю, получив от меня сто «штук», вы можете уделить мне пять минут для непринужденной беседы. Не правда ли?

— Тех ста тысяч уже нет, — сухо ответил Тауэр. — И я уверен, что вы и те, кто вас нанял, должны это знать.

— Меня это не волнует, — пожал плечами Балазар. — Какое мне до этого дело? Деньги-то ваши. Меня волнует другое, собираетесь вы выполнять наши договоренности или нет. Если нет,

боюсь, нам придется поговорить прямо здесь, перед всем миром.

Весь мир состоял из Эрона Дипно, одного ушастика-путаника и пары нью-йоркцев из другого мира, которых никто не мог видеть. Старики, сидевшие за стойкой, трусливо бежали.

Тауэр предпринял еще одну попытку.

— Я не могу оставить магазин. Близится перерыв на ленч, и в это время к нам частенько заходят...

— Магазин не приносит и пятидесяти баксов в день, — ответил ему Андолини, — и мы все это знаем, мистер Торен. Но, если вы боитесь упустить щедрого клиента, пусть он посидит несколько минут за кассовым аппаратом.

На какое-то ужасное мгновение Джейк подумал, что тот, кого Эдди назвал Дважды-Уродом, говорит про него, Джона «Джейка» Чеймберза. Потом до него дошло: Андолини указывал на Дипно.

Тауэр сдался. Или Торен.

— Эрон? — спросил он. — Ты не против?

— Нет, если ты согласен, — на лице Дипно читалась тревога. — Ты действительно хочешь поговорить с этими парнями?

Бьонди одарил его взглядом, под которым Дипно, по мнению Джейка, совсем даже и не стушевался. Старик оказался крепким орешком. Джейк почувствовал, что гордится им.

— Да, — кивнул Тауэр. — Отчего не поговорить?

— Не волнуйся, из-за твоего согласия его задница не лишится девственности, — загоготал Биоди.

— Выбирай выражения, ты в храме словесности, — одернул его Балазар, но Джейк заметил, как он чуть улыбнулся. — Пошли, Торен. Перекинемся парой слов, ничего больше.

— Это не моя фамилия! Я официально изменил ее на...

— Как скажете, — добродушно согласился Балазар. Практически похлопал Тауэра по руке. Джейк все еще пытался свыкнуться с тем, что все это... вся эта мелодрама... имела место быть после того, как он вышел из магазина с новыми книгами (новыми для него) и продолжил свой путь. Произошло у него за спиной.

— Скандинав всегда останется скандинавом, не так ли босс? — весело спросил Бьонди. — Как и голландец. Неважно, как он себя называет.

— Если я захочу, чтобы ты говорил, Джордж, я сам скажу, что я желаю от тебя услышать, — глянул на него Балазар. — Ты понял?

— Само собой, — ответил Бьонди, потом подумал, голосу недостает энтузиазма. — Да! Конечно!

— Хорошо, — Балазар уже держал Тауэра за руку, по которой только что похлопал, и вел в дальний конец магазина. Книги лежали там навалом, в воздухе стоял запах миллионов пыльных страниц. Они подошли к двери с табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». Тауэр достал кольцо с ключами, которые позвякивали, пока он искал нужный.

— У него дрожат руки, — пробормотал Джейк.

Эдди кивнул. «Мои тоже дрожали бы».

Тауэр отыскал нужный ключ, вставил в замок, повернул, открыл дверь. Еще раз взглянул на троих мужчин, которые приехали повидаться с ним, трех крутых парней из Бруклина, а потом первым переступил порог. Бруклинцы последовали за ним. Дверь закрылась, Джейк услышал звук задвигаемого засова. Усомнился в том, что это сделал сам Тауэр.

Джейк посмотрел на выгнутое зеркало в углу магазина, средство борьбы с воришками, увидел, как Дипно снял трубку с телефонного аппарата, который стоял рядом с кассовым, несколько мгновений подержал в руке, положил на рычаг.

— А что делать нам? — спросил Джейк Эдди.

— Я хочу попробовать одну штуку. Однажды видел в кино, — он остановился перед закрытой дверью, подмигнул Джейку. — Смотри. Если заработаю только шишку на лбу, имеешь право назвать меня кретином.

И прежде чем Джейк успел спросить, о чем он, собственно, говорит, Эдди прошел сквозь дверь. Джейк заметил, что глаза у него закрыты, а губы плотно сжаты. Он напоминал человека, который ждет сильного удара.

Но никакого удара не последовало. Эдди просто прошел сквозь дверь. На мгновение от него остался только задник мокасины, потом исчез и он. Послышался легкий треск, словно кто-то вел рукой по шершавому дереву. Джейк наклонился и поднял Ыша. Сказал ему: «Закрой глаза».

— Глаза, — повторил путаник, но продолжал с обожанием смотреть на Джейка. Джейк сам зажмурился, потом чуть приоткрыл глаза, увидел, что Ыш в точности копирует его. Не теряя больше времени, шагнул в дверь с табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». На мгновение все потемнело, в нос ударил запах дерева, он услышал пару знакомых, будоражащих нот. И дверь осталась за спиной.

10

Подсобка оказалась гораздо просторнее, чем ожидал Джейк, размерами она напоминала большой склад, и везде он видел книги. Стопки книг, зажатых между вертикальными стойками, высотой иной раз достигали и четырнадцати, и шестнадцать футов. В проходах между ними заметил пару лесенок на колесиках, конструкцией напоминавших трапы, которые встречались в маленьких аэропортах. Как и в магазине, пахло в подсобке старыми книгами, только здесь запах многократно усиливался, забивал все остальные. Редкие, развешанные под потолком лампы давали желтоватый, неровный свет. Тени Тауэра, Балазара и двух его телохранителей, причудливо изогнутые, падали на левую стену. Тауэр вел гостей в угол, который служил ему кабинетом. Там стоял стол с пишущей машинкой и калькулятором, три бюро. Стены оклеили обоями, на одной висел календарь. Майскую страничку украшал портрет какого-то господина из девятнадцатого века. Поначалу Джейк не понял, кто это... потом узнал. Роберт Браунинг. Джейк цитировал его в своем экзаменационном сочинении.

Тауэр сел за стол и, похоже, сразу же об этом пожалел. Джейк мог ему только посочувствовать. Оставшаяся троица хищно нависла над ним, что едва ли вызывало положительные эмоции. Их тени, прыгающие на стене за его спиной, напоминали тени горгулий.

Балазар сунул руку во внутренний карман пиджака, достал сложенный лист бумаги. Развернул и положил на стол перед Тауэром.

— Узнаете?

Эдди двинулся к столу. Джейк схватил его за руку. «Не подходи близко! Они тебя засекут!»

— Плевать, — отмахнулся Эдди. — Я должен увидеть, что это за бумага.

Джейк пошел следом. А что еще он мог сделать? Ыш вертелся у него на руках и скулил. Джейк шикнул на него. Ыш моргнул. «Извини, дружище, — сказал ему Джейк, — но тебе придется сидеть тихо».

Его двойник из 1977 года уже добрался до пустыря? Попад туда, тот Джек на чем-то поскользнулся, обо что-то ударился и потерял сознание. Это уже произошло? Гадать смысла не имело. Эдди был прав. Джейку это не нравилось, но и ему пришлось признать: их место здесь, а не там, и в Нью-Йорк 1977 года они попали для того, чтобы увидеть не розу, а ту самую бумагу,

Эдди успел прочитать две первые строчки, когда Джек Андолини подал голос: «Босс, мне это не нравится. Что-то здесь не так».

Балазар кивнул.

— Согласен. Мистер Торен, в подсобке кроме нас кто-нибудь есть? — голос по-прежнему звучал спокойно и вежливо, но глаза уже бегали по сторонам: если кому-то захотелось бы тут спрятаться, укромных местечек хватало.

— Нет, — ответил Тауэр. — Разве что Серджио, магазинный кот. Полагаю, он где-нибудь спит...

— Это не магазин, — фыркнул Бьонди. — Эта дыра, куда вы выбрасываете ваши деньги. Разве нужна обычному книжному магазину такая вот подсобка? Небось, архитектору пришлось поломать голову, чтобы при сооружении крыши обойтись без поддерживающих колонн. Кому вы дуриите голову?

«Себе, кому же еще, — подумал Эдди. — Он дурил голову себе».

И, словно мысль эта послужила толчком, зазвучала ужасная и прекрасная мелодия. Бандиты, сгрудившиеся у стола Тауэра, ее не услышали, в отличие от Джейка и Ыша. Эдди увидел это по их напрягшимся лицам. А в подсобке, где и так не хватало света, вдруг стало еще темнее.

«Мы возвращаемся назад, — подумал Эдди. — Господи, мы возвращаемся назад. Но сначала...»

Просунулся между Андолини и Балазаром, отдавая себе отчет, что оба чувствуют его присутствие и настороженно стреляют глазами по сторонам. Его это не волновало. Он хотел увидеть бумагу. Кто-то нанял Балазара, чтобы тот сначала подписал ее (возможно), а потом, когда придет срок, сунул под нос Тауэру/Торену (наверняка). В большинстве подобных случаев Il Roche^[10] ограничивался тем, что посылал пару своих громил, или «джентльменов», как он их называл. Но визиту к Тауэру придавалось столь важное значение, что он поехал сам. Эдди хотелось знать, почему.

СОГЛАШЕНИЕ

Этот документ представляет собой Соглашение между мистером Келвином Тауэром, жителем штата Нью-Йорк, владельцем недвижимости, которая представляет собой незастроенную территорию, обозначенную как участок № 298 в квартале № 19, расположенную...

Мелодия в голове зазвучала вновь, отдавшись дрожью во всем теле. На этот раз громче. И тени сгустились, полностью скрыв стены. Темнота, которую Эдди чувствовал на улице, рвалась внутрь. Их могло унести в любой момент, и это было плохо. Темнота могла поглотить их, и это было еще хуже, естественно, хуже, это же ужасно, утонуть в темноте.

А ведь там могли таиться всякие твари. Голодные твари, вроде стража-привратника.

«Они и таятся». Голос Генри. Впервые за почти что два месяца. Такое Эдди мог легко представить себе: Генри стоит за спиной и улыбается тупой улыбкой наркомана. С налитыми кровью глазами и желтыми, не знающими ухода зубами. «Ты знаешь, они и таятся. Но, когда ты

слышишь эту мелодию, эти колокольца, ты должен идти, братец, как, полагаю, ты и сам знаешь».

— Эдди! — крикнул Джейк. — Опять эта музыка! Ты слышишь?

— Схватись за мой ремень, — ответил Эдди. Его глаза бегали по бумаге, которую Тауэр держал пухлыми пальцами. Балазар, Андолини и Большой Нос продолжали оглядываться. Бьонди даже вытащил пистолет.

— Твой...

— Может, мы не расцепимся, — музыка зазвучала еще громче, он застонал. Текст «Соглашения» расплывался перед глазами. Эдди прищурился, слова вновь обрели четкость:

...обозначенную как участок № 298 в квартале № 19, расположенную на Манхэттене, Нью-Йорк Сити, на 46-й улице и 2-й авеню, и «Сомбра корпорейшн», корпорацией, зарегистрированной и занимающейся бизнесом в штате Нью-Йорк.

В этот день, 15 июля 1976 г., «Сомбра» выплачивает невозвращаемую сумму в размере ста тысяч (100000) долларов Келвину Тауэру, как владельцу вышеуказанной недвижимости. Принимая эти деньги, Келвин Тауэр соглашается не...

15 июля 1976 г. Почти что год тому назад.

Эдди чувствовал, как темнота окутывает их, и, напрягая зрение пытался ухватить остальной текст как глазами, так и разумом: хотя бы большую часть, достаточную для того, чтобы понять, о чем, собственно, речь. Если бы это удалось, они по крайней мере на шаг приблизились бы к ответу на вопрос: а как все это связано с ними?

«Если эта музыка, эти колокольца не сведут меня с ума. Если твари, таящиеся в темноте, не сожрут нас на обратном пути».

— Эдди! — крикнул Джейк. Голос переполнял ужас. Эдди не отреагировал.

...Келвин Тауэр соглашается не продавать, не сдавать в аренду, никоим образом не использовать вышеуказанную недвижимость в течение одного года, начинающегося с ранее указанной даты и заканчивающегося 15 июля 1977 г. Обе стороны исходят из того, что «Сомбра корпорейшн» первой получает право на покупку вышеозначенной недвижимости, на условиях, приведенных ниже.

В этот период Келвин Тауэр в полной мере учитывает и защищает заявленные интересы «Сомбра корпорейшн» в приобретении вышеозначенной собственности, не отдает ее в залог и не допускает никаких посягательств на нее третьих лиц...

На том текст не заканчивался, но мелодия, звучащая в голове, просто разрывала ее на куски. И тут Эдди понял, более того, на мгновение увидел, каким тонким стал этот мир. А может, и все миры. Тонким и выношенным, как материя его джинсов. Его взгляд выхватил последнюю фразу соглашения: «...при выполнении всех этих условий получает право продать или передать иным способом вышеозначенную недвижимость „Сомбра корпорейшн“ или любой третьей стороне». А потом слова исчезли, все исчезло, завертевшись в черной воронке смерча. Джейк одной рукой держался за ремень Эдди, второй прижимал к себе Ёша.

Зверек отчаянно лаял, а перед глазами Эдди опять мелькнула Дороти, уносимая ураганом в страну Оз.

В темноте действительно обитали какие-то твари, громадные, бесформенные, с фосфоризирующими глазами, таких иной раз можно увидеть в фильмах об исследованиях расщелин на океанском дне. Только в фильмах исследователи всегда находились за крепкими

стенками батискафа, тогда как они с Джейком...

Музыка, этот колокольный звон, эти удары, рвали барабанные перепонки. Казалось, головой его засунули в то самое помещение, где находятся часы Биг-Бена, в тот самый момент, когда они отбивали полночь. Он кричал, не слыша себя. А потом оборвались и все звуки, он более не видел ни Джейка, ни Ыша, ни Срединного мира, парил где-то за звездами и галактиками.

«Сюзанна! — закричал он. — Где ты, Сюзи?»

Нет ответа. Только тьма.

Давным давно, где-то в шестидесятых (до того, как мир сдвинулся) жила-была женщина, которую звали Одетта Холмс, милая, осознающая ответственность перед обществом, молодая, богатая, симпатичная, жаждущая встретить достойного парня (или девуцу). Сама того не осознавая, эта женщина делила тело с куда менее приятной особой, Деттой Уокер. Детта плевать хотела на достойного парня (или девуцу). Риа с Кооса раскрыла бы Детте объятья, признала в ней свою сестру. Роланд из Гилеада, последний стрелок, «извлек» эту «двойную» женщину в Срединный мир и создал третью, которая оказалась куда лучше, куда сильнее, чем две первые. В эту третью женщину и влюбился Эдди Дин. Она назвала его мужем, взяла его фамилию. Не застав воинственного феминизма последних десятилетий, сделала это с радостью. И не только бы радовалась, но и гордилась, называя себя Сюзанной Дин, если б в голове не засела поучение матери: за гордыней следует падение.

Теперь она стала четвертой женщиной. Которая родилась на новом этапе напряженности и перемен. Которая плевать хотела на Одетту, Детту или Сюзанну; плевать хотела на всех, за исключением еще не появившегося на свет нового человечка, которого ласково называла малым. Малому требовалась еда. Банкетный зал находился рядом. Только это и имело значение, все остальное — нет.

Эта четвертая женщина, по-своему такая же опасная, как Детта Уокер, звалась Миа. Фамилии у нее не было, поскольку никого в мире она не могла считать своим отцом, а слово это на Высоком Слоге имело только одно значение: мать.

Она медленно шагала по длинным каменным коридорам к тому месту, где ее ожидало роскошное угощение, мимо пустых нефов и ниш, мимо заброшенных анфилад, мимо покоев, где давно уже никто не жил. В этом замке где-то стоял старый трон, в запекшейся древней крови. Где-то лестницы вели к устланным костями тоннелям, которые уходили в неведомые глубины. И однако, в замке была жизнь; жизнь и еда, насыщающая, калорийная еда. Миа точно это знала, как знала и то, что идет на собственных ногах, о которые при каждом шаге трется тяжелая, многослойная юбка. Насыщающая еда. Жизнь для тебя и твоего потомства. А она здорово проголодалась. Понятное дело! Ей же приходилось кормить двоих.

Она подошла к широкой лестнице. Ее ушей достигло едва слышное, но мощное гудение: работали двигатели, смонтированные в глубинах земли, под самыми глубокими тоннелями. Миа не было дела ни до двигателей, ни до компании «Северный центр позитроники», которая построила их и запустила в работу десятки тысяч лет тому назад. Не было ей дела ни до дипольных компьютеров, ни до дверей-порталов, ни до Лучей, ни до Темной Башни, которая стояла в центре всего.

Что ее заботило, так это запахи. Они наплывали на нее, густые, дразнящие, восхитительные. Курица, жаркое, свиные отбивные с хрустящей корочкой жира. Сочащиеся каплями крови бифштексы, разнообразные сыры, большие креветки, розовое мясо которых так и просилось в рот. Фаршированные рыбыны, дымящийся плов. А еще всяческие фрукты,

множество сладостей. И это только начало! На закуску! Чтобы только заморить червячка!

Миа быстро сбежала по центральной лестнице, ладонь плавно скользила по полированным перилам, маленькие ступни так и порхали по ступенькам. Однажды ей приснился сон, будто какой-то ужасный человек столкнул ее под колеса подземного поезда, и ей отрезало обе ноги под самые колени. Но сны всегда такие глупые. Ступни при ней, а над ними — ноги, не так ли? Да! Как и ребенок в животе. Малой, который ждал, что его накормят. Он проголодался, как и она.

От подножия лестницы широкий коридор, выложенный черным мрамором, длиной в девяносто шагов, вел к высокой двойным дверям. Миа направилась к ним. Видела, как рядом с ней плывет и ее отражение. В глубине мраморных стен горели электрические фонари, напоминая подводные факелы, но она не замечала мужчины, который следом за ней спускался по лестнице, не в начищенных туфлях, но в старых, ободранных сапогах. И его вылинявшие джинсы и синяя рубашка из «шамбре»^[11] никак не тянули на наряд придворного. У левого бедра висела кобура, из которой торчала отделанная сандаловым деревом рукоятка револьвера. На загорелом, иссеченном ветром лице мужчины хватало морщин. В его черных волосах кое-где уже пробивалась седина. Но внимание прежде всего привлекали к себе глаза. Синие, холодные, с твердым взглядом. Детта Уокер не боялась мужчин, не боялась даже этого, однако вот эти глаза нагоняли на нее страх.

Перед двойными дверями коридор вливался в небольшое фойе. На полу черные квадратные плиты чередовались с красными. Деревянные панели стен украшали выцветшие портреты прежних владык и их жен. В центре стояла статуя из розового мрамора и хрома. Восседающий на окне рыцарь поднимал над головой то ли шестизарядный револьвер, то ли короткий меч. И хотя лицо оставалось гладким, скульптор лишь наметил черты, Миа знала, кто перед ней. Во всяком случае, догадывалась.

— Я салютую тебе, Артур из Эльда, — она сделала реверанс. — Пожалуйста, благослови ту еду, которую я собираюсь взять и съесть. Чтобы накормить меня и моего малого. Доброго тебе вечера, — она не могла пожелать ему долгих дней на земле, потому что отсчет и его дней, и дней большинства таких же, как он, оборвался в незапамятные времена. Поэтому она лишь коснулась кончиками пальцев своих улыбающихся губ и послала ему воздушный поцелуй. Отдав долг вежливости, прошла в обеденный зал.

Огромный, шириной в сорок ярдов и длиной в семьдесят. Яркие электрические лампы в хрустальных плафонах горели вдоль стен. Сотни стульев стояли у огромного, из железного дерева, стола, уставленного блюдами и холодными и горячими деликатесами. Перед каждым стулом стояла большая белая тарелка с голубой каемкой. Но на стульях никто не сидел, на тарелках не лежала еда, пустовали и стаканы для вина, хотя в последнем тоже не было недостатка. Оно стояло в золотых кувшинах, охлажденное, готовое к употреблению. Все было так, как она и ожидала, как видела в своих грезах, четких и ясных, она вновь и вновь приходила в этот зал, и знала, что будет приходить и дальше, пока ей (и малому) требовалось то, что она могла здесь найти. Куда бы ни заносила ее судьба, замок всегда высился неподалеку. А если в нем пахло сыростью и гнилью, что с того? Если из-под стола доносилось какое-то шебуршание, может, там возились крысы или мыши, что ей до этого? Поскольку то, что ей требовалось, и в изобилии, стояло на столе. А тени под столом... пусть живут своей жизнью. Не ее дело, совершенно не ее дело.

— Вот идет Миа, ничья дочь! — радостно крикнула она огромному молчаливому залу, заполненному сотнями ароматов закусок, горячих блюд, соусов, фруктов. — Я голодна и я собираюсь наесться! Более того, накормить моего малого! Если кто-то возражает, пусть выступит вперед! Чтобы я получше рассмотрела его, а он — меня!

Никто, разумеется, не выступил. Те, кто пировал здесь, давно уже ушли в небытие. И тишину нарушало лишь далекое гудение двигателей в глубинах под дворцом да неприятное шебуршание, доносящееся из-под стола. За ее спиной спокойно стоял стрелок, наблюдая за ней. И не в первый раз. Он не видел замка, но видел ее; видел ее очень хорошо.

— Молчание — знак согласия! — воскликнула она. Прижала руку к животу, который уже начал выдаваться вперед. Округляться. — Вот славненько! Миа пришла, чтобы попить вволю! Пусть эти яства хорошо послужат и ей, и малому, который растет в ее животе! Пусть хорошо им послужат!

И она начала пировать, пусть и не села на стул, и не воспользовалась большой белой тарелкой с голубой каемочкой. Тарелок она терпеть не могла. Не знала почему, и не хотела знать. Ее интересовала только еда. Она шла вокруг стола, брала еду пальцами, отправляла в рот, срывала мясо с костей, бросая последние на блюда. Несколько раз промахивалась и кости падали на белую скатерть. Одна перевернула пиалу с соусом, вторая разбила хрустальную чашу с клюквенным желе, третья скатилась на пол, и Миа услышала, как кто-то уволок ее под стол. Оттуда донеслись звуки борьбы, потом вопль боли, словно одна тварь вогнала свои зубы в другую. И наступила тишина. Длилась правда, недолго, взорванная смехом Миа. Она вытерла жирные пальцы о грудь, медленно, с расстановкой. Нравилось ей смотреть, как пятна жира и соусов расползаются по дороговому шелку. Нравилось ощущать налившуюся грудь, чувствовать, как от прикосновений твердеют и встают торчком соски.

Она продолжила путь вокруг стола, разговаривая сама с собой на разные голоса, прямо-таки пациентка дурдома.

Как они тебе, сладенькая?

Высший класс, спасибо, что спросила, Миа.

Ты действительно веришь, что Освальд в одиночку убил Кеннеди?

Ни в коем разе, дорогая... само собой, к этому приложило руку ЦРУ. Они, и эти чертовы миллионеры из Алабамского стального полумесяца.

Из Бомбингхэма, штата Алабама, сладенькая, не правда ли? Ты слышала последний альбом Джоан Бейс?

Господи, конечно, она поет, как ангел, не так ли? Мне говорили, что она и Боб Дилан собираются пожениться...

И так далее, и так далее, о чем угодно и ни о чем. Роланд слышал и культурный голос Одетты, и грубый, сыплющий ругательства, Детты. Он слышал голос Сюзанны и много, много других голосов. Сколько же женщин жили в ее голове? Сколько личностей, уже сформировавшихся и еще только формирующихся? Он наблюдал, как она перегибалась через пустые тарелки, которых не было, и пустые стаканы (которые также отсутствовали), ела прямо с блюд, жадно жевала, лицо все сильнее блестело от жира, а лиф платья (он его не видел, но чувствовал) темнел по мере того, как она раз за разом вытирала о него пальцы, не забывая при этом поглаживать груди и пощипывать соски (движения ее рук трактовались однозначно). И на каждой остановке, перед тем, как двинуться дальше, она хватала воздух перед собой и бросала воображаемую тарелку или на пол у своих ног, или через стол в стену, которая, должно быть, существовала в ее воображении.

— *Вот тебе!* — кричала она воинственным голосом Детты Уокер. — *Вот тебе, мерзкая старая Синяя леди. Я опять разбила твою гребаную тарелку! И как тебе это нравится? Говори,*

как тебе это нравится?

Потом, пройдя пару шагов, она могла радостно рассмеяться и спросить у воображаемой собеседницы, как идут дела у ее мальчика, как он привыкает к новой частной школе, воскликнуть, ну до чего же хорошо, что теперь цветные люди могут отправлять детей в такие прекрасные школы... очень здорово, просто великолепно! И как самочувствие твоей мамы, дорогая? Да, я так огорчилась, узнав об этом. Мы все молимся о ее скорейшем выздоровлении.

Перегнувшись через еще одну пустую тарелку, она взяла вазочку с черной икрой. Уткнулась в нее лицом, начала жрать, как свинья — из корыта. Вновь подняла голову, нежно улыбнулась блеску электрических ламп, рыбы яйца, словно капельки черного пота, выступившего на коричневой коже, прилепились к ее щекам и носу, забили ноздри, будто кровавые корки... О, да, я думаю, мы добились впечатляющих успехов, люди, вроде Билла Коннора, доживают последние годы, у них, можно сказать, закат жизни, и лучшей мести быть просто не может. Они видят, как... И тут она бросила вазочку через голову, словно волейбольный мяч, часть икринок высыпалось на волосы (Роланд буквально это видел), вазочка вдребезги разбилась о камень, а вежливая улыбка на лице сменилась злобным оскалом Детты Уокер, с губ сорвался дикий вопль: «Получай, старая мерзкая Синяя леди, как тебе это нравится? Хочешь засунуть эту черную икру в свою сухую манду? Нет проблем, собирай с пола и засовывай! У тебя все получится! Берись за дело, сраная коза!»

И она переходила к следующему стулу. И к следующему. И к следующему. Пировала в огромном банкетном зале. Ела сама и кормила своего малого. Ни разу не повернулась, чтобы посмотреть на Роланда. Не осознавая, что зала этого, строго говоря, не существует.

4

В этот вечер, когда они улеглись спать, наевшись жареных сдобных шаров, из всех четверых (пяти, если считать Ыша), Эдди и Джейк в наименьшей степени занимали мысли Роланда. Потому что более всего его тревожила Сюзанна. Стрелок не сомневался, что она уйдет от костра и в эту ночь, а ему придется следовать за ней. Не для того, чтобы посмотреть, что она будет делать: он и так это знал.

Нет, чтобы охранять ее.

Еще до заката солнца, примерно в то время, когда Джейк принес сдобные шары, Сюзанна начала выказывать уже знакомые Роланду признаки: речь стала отрывистой, фразы — короткими, движения — резкими. Она рассеянно потирала висок или лоб над левой бровью, словно у нее там что-то болело. «Неужто Эдди не видит всех этих признаков?» — задавался Роланд. Действительно, когда они встретились, с наблюдательностью у Эдди было хуже некуда, но с тех пор произошли разительные изменения, исключительно в лучшую сторону, и...

И он любил ее. Любил. Как же он не мог видеть того, что видел Роланд? Конечно, признаки эти были не столь очевидными, как на берегу Западного моря, когда Детта готовилась к решающему удару, чтобы перехватить контроль над телом у Одетты, но ведь они были, а если и отличались, то не очень.

С другой стороны, он помнил слова матери: «От любви глупеют». Может, Эдди очень уж сблизился с ней, чтобы что-либо замечать. «Или не хочет замечать, — подумал Роланд. — Просто отгоняет саму мысль, что нам грозит повторение пройденного. Как в тот раз, когда мы заставили ее увидеть себя и свою раздвоенную личность».

Да только теперь дело было не в ней. Роланд давно это подозревал, собственно, первые подозрения возникли еще до их долгой беседы со стариками Речного Перекрестка, а теперь знал

наверняка. Нет, дело не в ней.

Вот он и лежал, прислушиваясь к их замедляющемуся дыханию. Они заснули один за другим: сначала Ёш, потом Джейк, Сюзанна. Последним — Эдди.

Ну... не совсем последним. Роланд мог уловить едва слышный шепоток разговора людей по другую сторону холма к югу от них, тех самых, что шли следом и наблюдали за ними. Скорее всего, не решаясь приблизиться и дать знать о своем присутствии. Слух у Роланда был очень острым, но люди эти находились слишком далеко, чтобы он мог разобрать слова. До него донесся с десятков реплик, потом кто-то громко икнул. И воцарилась тишина, если не считать легкого шепота ветра в кронах деревьев. Роланд лежал тихо, вглядываясь в темное небо, на котором не светило ни одной звезды, ожидая, когда встанет Сюзанна. Она и встала.

Но еще раньше Джейк, Эдди и Ёш ушли в Прыжок.

5

Роланд и его друзья узнали о Прыжке (а узнать могли очень немного) от Ванни, придворного учителя, в те далекие времена, когда были молодыми. Поначалу они составляли квинтет: Роланд, Ален, Катберт, Джейми и Уоллес, сын Ванни. Уоллес, невероятно умный, но еще более больной, вскоре умер от болезни, которую иногда называли горе королей. Они остались вчетвером, образовав классический ка-тет. Ванни это прекрасно понимал, и понимание это только углубляло его горе.

Корт учил их ориентироваться по солнцу и звездам, Ванни объяснял устройство компаса, квадранта, секстанта, учил основам математике, без которой практическое использование этих инструментов не представлялось возможным. Корт учил их сражаться. Ванни, на примере истории, логики и, по его терминологии, «универсальных истин», — как иной раз они могут этого избежать. Корт учил их убивать, если возникнет такая необходимость. Ванни, хромой, с доброй, но рассеянной улыбкой, разъяснял, что насилие, чаще завязывает проблемы в более тугий узел, чем разрешает. Он сравнивал насилие с большим пустующим помещением, где эхо искажает настоящие звуки.

Он учил их физике, той физике, что оставалась. Он учил их химии, тому, что осталось от химии. Он учил их заканчивать такие предложения, как: «Это дерево похоже на...» и «Когда я бегу, то чувствую себя таким же счастливым, как...» и «Мы не могли не рассмеяться, потому что...» Роланд ненавидел эти упражнения, но Ванни не позволял ему увильнуть от них. «Твое воображение оставляет желать лучшего, Роланд, — как-то сказал он своему ученику... Роланду тогда было лет одиннадцать. — Я не могу держать его на голодном пайке. Оно станет только хуже».

Он учил их Семи кругам магии, отказываясь признать, что не верит в них, и Роланд подумал, что на одном из этих уроков Ванни и упомянул про Прыжок. Полной уверенности у Роланда, конечно, быть не могло. Но он помнил, что Ванни говорил о секте Мэнни, людях, которые могли путешествовать между мирами. А говорил ли он про Радугу Мэрлина?

Роланд склонялся к тому, что да, но, пусть он дважды держал в руках розовый Магический кристалл, однажды — юношей, второй раз — мужчиной, и дважды с его помощью отправлялся в те самые путешествия, второй раз с друзьями, мгновенно преодолевая время и пространство, Кристалл не отправлял его в Прыжок.

«Но откуда ты это знаешь? — спросил он себя. — Как ты можешь это знать, Роланд, находясь в этом состоянии?»

Потому что Катберт и Ален сказали бы ему об этом, вот откуда.

Ты уверен?

Ответом стало возникшее в груди странное, неопределенное чувство. Негодование? Ужас? Ощущение, что его предали? И он вдруг осознал, что нет, совсем даже и не уверен. Точно он знал лишь одно: хрустальный шар засосал его внутрь, и ему повезло в том, что в конце концов выплюнул наружу.

«Но здесь никакого шара не было», — подумал он, и вновь услышал другой голос, сухой, бесстрастный голос своего старого, хромого учителя, который так и не перестал горевать о единственном, безвременно умершем сыне. Голос этот произнес все те же слова:

Ты уверен?

Стрелок, ты уверен?

Все началось с тихого потрескивания. Роланд первым делом подумал на костер: кто-то из них бросил в него ветку с зелеными иголками, огонь наконец-то добрался до них, вот иголки, загораясь, и затрещали. Но...

Звук усиливался, уже более напоминая треск электрических разрядов. Роланд сел, посмотрел на членов своего ка-тета, спавших по другую сторону костра. Глаза его округлились, сердце ускорило бег.

Сюзанна отвернулась от Эдди, чуть отодвинулась. Эдди тянулся к Джейку, Джейк — к Эдди. Их руки соприкоснулись. И, прямо на глазах Роланда, резкими рывками, они начали то исчезать, то появляться. То же самое проделывал и Ыш. Когда они исчезали, тусклое серое мерцание, формой повторяющее тела всей троицы, резервировало их место в этой реальности. Всякий раз возвращение сопровождалось треском. Роланд видел, как рябь пробегает по закрытым векам: под ними перекачивались глазные яблоки.

Они, конечно, спали. Но не просто спали. Они перешли в состояние, которое позволяло путешествовать между мирами. Вроде бы Мэнни умели это делать. И шары Радуги Мэрлина, судя по всему, могли заставить человека осуществить такое путешествие, хотел он того или нет. Один шар точно мог.

«Они могут застрять между мирами и погибнуть, — подумал Роланд. — Ванни говорил и об этом. Предупреждал, ментальные прыжки — опасное дело».

Что еще он говорил? Но на копание в памяти времени Роланду не осталось, потому что в этот момент Сюзанна села, натянула чехлы из мягкой кожи, которые он ей сшил, на свои культи, забралась в кресло-каталку. А мгновение спустя уже катила к деревьям на северной стороне дороги. К счастью, в сторону, противоположную той, где расположились лагерем люди, что наблюдали за ними.

Роланд застыл, не зная, как поступить. Но быстро принял очевидное решение. Он не мог разбудить Эдди и Джейка во время ментального прыжка, слишком велик был риск. А вот за Сюзанной идти мог, он это уже не раз проделывал, идти и надеяться, что она не попадет в беду.

«Ты так же можешь и подумать о том, что может вскорости произойти, — услышал он сухой, лекторский голос Ванни. Вернувшись, старый учитель решил какое-то время побыть с учеником. — Рассудительность никогда не была твоей сильной стороной, но, тем не менее, ты должен прикинуть, что к чему. Ты, разумеется, захочешь подождать, пока твои преследователи сами не дадут о себе знать, пока ты не поймешь, что им нужно, но в конце концов, Роланд, тебе придется действовать. Так что хорошенько подумай. И лучше раньше, чем позже».

Да уж, раньше всегда лучше, чем позже.

Треск, резкий, громкий. Эдди и Джейк вернулись, Джейк лежал, обняв Ыша, и тут же исчезли вновь, оставив после себя едва заметное мерцание. Ну и ладно. Его работа — приглядывать за Сюзанной. Что же касается Эдди и Джейка, все в руках Божьих.

Допустим ты вернешься, а их не будет? Такое случается, Ванни об этом говорил. И что ты скажешь ей, когда она проснется и увидит, что они исчезли, ее муж и приемный сын?

Ответы на эти вопросы он мог поискать и потом. А на тот момент его больше всего занимала Сюзанна, безопасность Сюзанны.

На северной стороне дороги, огромные, многовековые деревья стояли на достаточно большом расстоянии друг от друга. Их ветви зачастую переплетались, но на земле места для проезда кресла-каталки хватало с лихвой, и Сюзанна развила приличную скорость, лавируя между неохватными стволами, катясь вниз по склону по пружинящей подстилке из опавшей листвы и хвои.

Не Сюзанна. Не Детта или Одетта. Эта женщина называет себя Миа.

Роланд не стал бы возражать, назови она себя и Королевой Зеленых Дней, при условии, что она вернулась бы целой и невредимой, а те двое, оставшиеся у костра, никуда бы не делись.

Роланд уловил запах более свежей зелени, камышей и водорослей. Вместе с ним пришел запах тины, кваканье лягушек, уханье совы, плеск воды, словно кто-то в нее прыгнул. За плеском последовал пронзительный предсмертный крик. Кто-то умер, то ли прыгун, то ли тот, на кого прыгнули. Появились кусты, сначала одиночные, потом заросли. Над головой кроны деревьев слились между собой, отсекали затянутое облаками небо. В воздухе зазвенел писк комаров и мошки. Болотные запахи становились все сильнее.

На подстилке из опавшей листвы и хвои колеса кресла-каталки практически не оставляли следов, но по мере появления кустарника, Роланд то тут, то там замечал сломанную ветку или сорванный лист. Земля становилась все мягче, и колеса уже продавливали в ней колею. Еще через двадцать шагов колея начала заполняться водой. Но Миа все замечала, определенно не хотела застрять, а потому, еще через двадцать шагов, он наткнулся на пустое кресло-каталку. На сидении лежали ее штаны и рубашка. В болото она пошла голой, не считая кожаных чехлов, которые закрывали культю.

Над озерцами стоячей воды висели ленты тумана. Над водой поднимались заросшие травой кочки. На одной, прикрученное проволокой к стволу мертвого дерева, стояло, как поначалу показалось Роланду, древнее соломенное чучело. Однако, подойдя ближе, он увидел, что это человеческий скелет. Лоб проломили внутрь, оставив треугольник черноты между пустыми глазницами. Такую рану могли нанести примитивной боевой дубинкой, а труп (или его мятущуюся душу) оставили на болоте, пометив им границу территории какого-то племени. Племя это, возможно, давно вымерло или переселилось в другие места, но Роланд понимал, что осторожность не повредит. Поэтому вытащил из кобуры револьвер и продолжал идти следом за женщиной, перепрыгивая с кочки на кочку, иногда морщась от боли в правом бедре. И ему приходилось прилагать немало усилий для того, чтобы не отстать. Частично потому, что ее, в отличие от Роланда, не занимали мысли о том, как бы сохранить одежду сухой. Обнаженная, как русалка, она и вела себя соответственно, чувствуя себя, как дома и в грязи, и в болотной жиже, и на сухой земле. Она переползала через большие кочки, скользила по воде между ними, изредка останавливаясь, чтобы сбросить с себя пиявку. В кромешный тьме своими движениями она напоминала большую рептилию.

В болото, которое становилось все более топким, она углубилась где-то на четверть мили. Стрелок по-прежнему следовал за ней. Старался не шуметь, хотя и сомневался, что в этом есть необходимость. Он полагал, что та ее часть, которая могла слышать, чувствовать, думать, находилась далеко отсюда.

Наконец, женщина остановилась, поднялась на култышках, ухватившись руками за ветки, чтобы сохранить равновесие. Уставилась на черную поверхность открытой воды, вскинула голову, замерла. Стрелок не мог сказать, большое это озерцо или маленькое: края тонули в тумане. Однако, какой-то свет на болоте был, слабое, рассеянное сияние, источник которого словно находился под поверхностью воды, возможно, им случили затопленные и медленно гниющие стволы деревьев.

Она стояла, оглядывая озерцо и влажную грязь ее берегов, как королева могла оглядывать... что? Что она видела? Банкетный зал? В это ему хотелось верить. Роланд тоже его практически видел. О нем ее мозг нашептывал его мозгу, предположение, что она видела банкетный зал, согласовывалось с ее словами и деяниями. Идея банкетного зала позволяла ее разуму разделять Сюзанну и Миа, как раньше, пусть и с помощью других средств, он многие годы разделял Одетту и Детту. У Миа могло быть много причин, побуждающих хранить в тайне ее существование, и, конечно, наиглавнейшая напрямую связывалась с жизнью, которую она несла в себе.

Малым, как она его называла.

Потом, столь неожиданно для него, что он всегда вздрагивал (хотя видел он это не в первый раз), она начала охотиться, для чего ей пришлось сначала подойти к самой кромке воды, а потом и ступить в нее. С ужасом и отвращением он наблюдал, как она раздвигает камыши, протискивается между ними. Теперь, отодрав от тела пиявок, она не отшвыривала их в сторону, а бросала в рот, как карамельки. Мускулы на бедрах перекачивались. Коричневая кожа блестела, как мокрый шелк. Когда она повернулась (Роланд к этому моменту отступил за дерево и превратился в одну из теней), он ясно увидел, как набухли ее груди.

Проблема, конечно, не ограничивалась только «малым». Речь шла и об Эдди. «Да что с тобой, Роланд? — он буквально услышал голос Эдди. — Возможно, это наш ребенок. Я хочу сказать, никогда не знаешь наверняка. Да, да, я знаю, кто-то трахал ее, когда мы „извлекали“ Джейка, но это не значит...»

И так далее, и так далее, бла-бла-бла, как мог бы сказать Эдди, а почему? Потому что любил ее и хотел ребенка, родившегося от их союза. И потому, что Эдди Дин был прирожденным спорщиком. В этом он ничем не отличался от Катберта.

А в камышах обнаженная женская рука «выстрелила» и ухватила приличных размеров лягушку. Пальцы сжались, лягушка лопнула, внутренности и яйца потекли по запястью. Она поднесла руку ко рту, жадно все слизала, тогда как зеленовато-белые лапки еще продолжали дергаться. После запястья настал черед покрытых кровью и слизью костяшек пальцев. Остатки лягушки она отбросила и крикнула что-то вроде: «Как тебе это нравится, мерзкая старая Синяя леди?» Низким, хриловатым голосом, от которого по коже Роланда побежали мурашки. Голосом Детты Уокер. Обезумевшей от злобы.

А охота продолжалась. Следующей ей попалась маленькая рыбка... еще лягушка... и, наконец, царская добыча: водяная крыса, которая билась, извивалась, пыталась укусить. Но женщина переломала ей все кости и засунула в рот, с головой, лапами, когтями, хвостом. А мгновением позже наклонилась и выблевала лишнее, перекрученную массу меха и костей.

Допустим, я покажу ему вот это, при условии, что он и Джейк вернутся из тех странных мест, где они оказались после ментального прыжка, со словами: «Я знаю, у женщин, когда они вынашивают ребенка, вкусы становятся очень даже странными, но, Эдди, тебе не кажется,

что это уже перебор? Посмотри на нее, ползает в камышах и болотной жиже, как аллигатор. Посмотри на нее и скажи, что она делает все это для того, чтобы накормить вашего ребенка. Человеческого ребенка».

И все же он будет спорить. Роланд в этом не сомневался. Не знал он другого: как поведет себя Сюзанна, когда он скажет ей, что она вынашивает некое существо, которое в глубокой ночью хочет кормиться сырым мясом. Только из-за этого проблем выше крыши, а тут еще этот чертов Прыжок. Да еще незнакомцы, которые следят за ними. Однако, незнакомцы являли собой меньшую из его забот. Собственно, их присутствие даже успокаивало. Он не знал, чего конкретно они хотят, но знал в принципе. Он уже встречал таких как они, много раз. И по большому счету, они всегда хотели одно и то же.

Теперь женщина, которая называла себя Миа, продолжая охотиться, начала говорить. Роланд не впервые становился свидетелем этой части ее ритуала, но всякий раз стрелку становилось не по себе. Он смотрел на нее и все-таки ему с трудом верилось, что все эти голоса исторгаются из одного горла. Она спрашивала себя, как она поживает. Она говорила себе, что все у нее в полном порядке, благодарю вас, все о-очень хорошо. Она говорила о ком-то по имени Билл, а может, и Булл. Она осведомлялась о чьей-то матери. Она спрашивала о месте, которое называла «Морхауз», а потом отвечала себе, густым басом, безусловно, мужским голосом, что не нужно ей идти ни в «Морхауз» ни в какой другой хауз. И весело смеялась, наверное, восприняв последнюю фразу, как отменную шутку. Она всем представлялась, как Миа (то же происходило и в другие ночи), именем, хорошо знакомым Роланду по его прежней жизни в Гилеаде. Там оно почиталось, как святое. Дважды она делала реверанс, приподнимая несуществующие, невидимые юбки, отчего у стрелка сжималось сердце: впервые он увидел такой реверанс в Меджисе, куда его, Алена и Катберта отправили их отцы.

Она вернулась на берег озерца (к двери зала) мокрая, с блестящей от воды кожей. Постояла, не шевелясь, пять минут, десять. Вновь ухнула сова и, словно откликнувшись, луна вышла из облаков, чтобы обозреть территорию. Тем самым лишила убежища какого-то маленького зверька. Зверек метнулся к кустам, мимо женщины. Понятное дело, она молнией схватила его, впилась зубами в живот. Послышался хруст костей, треск разрываемой кожи, сменившиеся удовлетворенным чавканьем. То, что осталось от зверька, она подняла вверх, словно предлагая луне разделить с ней трапезу. Ее и без того темные кисти и запястья еще больше потемнели от крови. Постояв еще несколько мгновений, она резко развела руки, разорвав остатки зверька надвое, отбросила их, рыгнула и вновь вошла в воду. На этот раз просто плюхнулась, начала плескаться, и Роланд понял, что ночной банкет закончен. Она даже ела комаров, без труда отлавливая их на лету. Роланду оставалось лишь надеется, что ничего из съеденного не приведет к расстройству желудка. Раньше, впрочем не приводило.

Пока она смывала с себя грязь и кровь, Роланд ретировался тем же путем, каким и пришел, не обращая внимания на боль в правом бедре, стараясь идти максимально быстро. Он уже трижды сопровождал ее в эти ночные походы, и знал, насколько в таком состоянии обострены ее чувства.

Остановившись у кресла-каталки, он огляделся, чтобы убедиться, что не оставил следов. Заметил отпечаток подошвы сапога, разгладил его, бросил сверху несколько листьев. Только несколько, много выдали бы его. Покончив с этим, направился к дороге и лагерю, уже не торопясь. Знал, что она сначала приведет себя в порядок, а уж потом двинется следом. Он

задался вопросом, а что видит Миа, когда чистит кресло-каталку Сюзанны. Маленький автомобиль? Тележку с паровым двигателем? Значение это не имело. А вот ее ум имел, да еще какое! Если б как-то ночью он не проснулся от желания справить малую нужду в тот самый момент, когда она отправлялась на одну из своих ночных прогулок, он бы, скорее всего, и не знал, какая она удачливая охотница, а такой прокол грозил весьма серьезными последствиями.

«Да уж, ты ей не чета, прыщ, — теперь, словно ему не хватало духа Ванни, явился и Корт. — Она и раньше тебе это доказывала, не так ли?»

Все так. Роланд знал, что она обладает умом трех женщин. Теперь к ним добавилась четвертая.

9

Когда Роланд увидел разрыв между деревьями, дорогу, по которой они шли, где разбили лагерь в эту ночь, он остановился, дважды глубоко вдохнул. С тем, чтобы успокоить нервы. Получилось не очень.

«Будет вода, если Бог того захочет, — напомнил он себе. — В таких глобальных вопросах, Роланд, твои желания роли не играют».

Еще один вдох, и он вышел из-под деревьев. Шумно выдохнул, когда увидел, что Эдди и Джейк крепко спят, лежа у потухшего костра. Правая рука Джейка, которая, когда стрелок уходил из лагеря вслед за Сюзанной, сжимала левую руку Эдди, теперь обвилась вокруг Ыша.

Ушастик-путаник приоткрыл один глаз, посмотрел на Роланда. Тут же закрыл его.

Роланд не мог слышать приближения Миа, только почувствовал, что она уже совсем рядом. Быстро лег, перекатился на бок, положил голову на сгиб локтя. Застыв в этой позиции, наблюдал, как кресло-каталка выезжает из-под деревьев. Она вычистила его быстро, но тщательно. Роланд не увидел ни одного грязного пятна. Спицы блестели в лунном свете.

Она поставила кресло-каталку на прежнее место, грациозно соскользнула с него, двинулась к лежащему на земле Эдди. Роланд с некоторой опаской наблюдал, как она приближается к спящему мужу. Любой, кто встречался с Деттой Уокер, чувствовал бы эту опаску. Потому что женщина, которая называла себя матерью, не так уж сильно отличалась от той самой Детты.

Лежа неподвижно, словно скованный глубоким сном, Роланд изготвился к прыжку.

Но она лишь отбросила прядь волос со лба Эдди и поцеловала его в висок. Нежность этого жеста сказала стрелку все, что ему требовалось знать. Теперь он мог заснуть. Сюзанна заняла место Миа. Он закрыл глаза и позволил темноте проглотить его.

Утром Роланд проснулся раньше Сюзанны, но позже Эдди и Джейка. Эдди уже разжег маленький костерок на золе старого. Он и мальчик сидели к нему вплотную, словно сильно замерзли и хотели согреться, ели «буррито по-стрелецки». На лицах обоих читались волнение и тревога.

— Роланд, думаю, нам надо поговорить, — начал Эдди, едва увидел, что стрелок проснулся. — Этой ночью с нами что-то произошло...

— Знаю, — ответил Роланд. — Я видел. Вы совершили Прыжок.

— Прыжок? — переспросил Джейк. — Это еще что?

Роланд начал было объяснять, но тут же замолчал, покачал головой.

— Если мы хотим поговорить, лучше разбуди Сюзанну. Тогда нам не придется повторять для нее начало нашего разговора, — он посмотрел на юг. — И я надеюсь, что наши новые друзья не прервут нас, пока мы не закончим. Они отношения к этому не имеют, — но он уже сомневался в своих словах.

И с неподдельным интересом наблюдал, как Эдди будит Сюзанну. Не было у него стопроцентной уверенности, что именно Сюзанна откроет глаза. Однако, открыла она. Села, потянулась, пробежалась рукой по курчавым волосам.

— В чем дело, сладенький? Я бы могла поспать еще час-другой.

— Нам надо поговорить, Сюзи, — ответил Эдди.

— Дай только я окончательно проснусь. Господи, все тело затекло.

— Когда спишь на твердой земле, по-другому не бывает, — ответил Эдди.

«Особенно, если перед сном охотиться голой в болоте», — подумал Роланд.

— Плесни мне водички, сладенький, — она подставила сложенные лодочкой ладони, и Эдди налил в них воды из бурдюка. Сюзанна умылась.

— Холодная, однако!

— Нако, — откликнулся Ыш.

— Тебе-то умываться не надо, — улыбнулась ему Сюзанна. — Роланд, в твоём Срединном мире знают, что такое кофе?

Роланд кивнул.

— Его выращивали на плантациях Наружной Дуги.

— Если мы будем проходить мимо, позаимствуем пару пригоршней, хорошо? Пообещай мне.

— Обещаю, — ответил Роланд.

Сюзанна тем временем пристально смотрела на Эдди.

— Что-то случилось? Вы, мальчики, неважно выглядите.

— Дурные сны, — ответил Эдди.

— И у меня тоже, — поддакнул Джейк.

— Не сны, — возразил стрелок. — Сюзанна, а ты хорошо спала?

В ее взгляде читалась искренность. А в ответе он не уловил и намека на ложь.

— Как убитая, собственно, я всегда так сплю. Один плюс в этих путешествиях точно есть: «нембутал» можно выбросить с легкой душой.

— О каком прыжке ты говорил, Роланд? — спросил Джейк.

— Ментальном, — ответил Роланд и рассказал все, что знал. Что помнил от уроков Ванни. Его рассказы о том, как Мэнни долго постились с тем, чтобы прийти в нужное состояние души, как бродили по свету в поисках того редкого места, где они могли совершить этот самый Прыжок. Места, которое определяли с помощью магнитов и отвесов.

— Похоже, эти парни чувствовали бы себя, как дома, в Игольном парке. ^[12]

— Да и в Гринвич-Виллидж, — добавила Сюзанна.

— В этом слове слышится что-то гавайское, — густым басом изрек Джейк, и все рассмеялись. Даже Роланд.

— Прыжок — еще один способ путешествия между мирами, — уточнил Эдди, когда смех смолк. — Как двери. Как хрустальные шары. Я прав?

Роланд уже хотел ответить утвердительно, потом замаялся.

— Я думаю, все это — вариации одного и того же. И, если верить Ванни, шары, части Радуги Мэрлина, облегчают совершение ментального прыжка. Иногда даже слишком облегчают.

— Мы действительно зажигались и гасли... как электрические лампочки? Которые ты называешь искрассветами?

— Да... вы появлялись и исчезали. Когда исчезали, вместо вас оставалось лишь слабое мерцание, словно кто-то придерживал вам место.

— Слава Богу, что придерживал! — воскликнул Эдди. — Когда все закончилось... когда вновь зазвучала эта музыка, когда нас вышибло из того мира... по правде говоря, я уже и не верил, что мы вернемся в этот.

— Я тоже, — признался Джейк. Небо вновь густо заволкло облаками, — и в утреннем сумраке лицо мальчика казалось белым, как мел. — Я тебя потерял.

— Никогда в жизни так не радовался, как этим утром, когда, открыв глаза, увидел знакомую дорогу, — признался Эдди. — И тебя, лежащего рядом. Со своим дружкой, — он глянул на Ыша, потом на Сюзанну. — С тобой этой ночью ничего такого не происходило, курочка?

— Мы бы ее увидели, — вставил Джейк.

— Нет, если бы, совершая Прыжок, она перенеслась в другое место, — возразил Эдди.

Сюзанна покачала головой, на ее лице промелькнула тревога.

— Я проспала всю ночь. Как и сказала. А ты, Роланд?

— Мне нечего сказать, — ответил Роланд. Как всегда, он предпочитал не делиться известным ему до того момента, когда внутренний голос не говорил, что пора. А потом, по существу он ведь и не солгал, разве что сказал не всю правду. — У нас неприятности, не так ли?

Эдди и Джейк переглянулись, потом посмотрели на Роланда. Эдди вздохнул.

— Да, пожалуй.

— Серьезные? Вы это знаете?

— Не думаю, что знаем. Не так ли, Джейк?

Джейк согласно кивнул.

— Но некоторые идеи у меня есть, — продолжил Эдди, — и, если я прав, неприятностей нам не избежать. Очень даже серьезных, — он шумно сглотнул слюну. Джейк коснулся его руки, и стрелок встревожился, увидев, как быстро и крепко Эдди ухватился за пальцы мальчика.

Роланд наклонился к Сюзанне, взял ее за руку. Мысленным взором увидел, как эта самая рука хватается лягушку и выдавливая из нее внутренности. Отогнал это видение. Женщины, которая это сделала, сейчас не было рядом.

— Расскажите нам, — попросил он Эдди и Джейка. — Расскажите нам все. Мы готовы выслушать вас.

Они пересказали все то, что случилось с ними в Нью-Йорке 1977 г. Роланд и Сюзанна слушали, затаив дыхание, о том, как они последовали за Джейком в магазин, как дождались приезда Балазара и его «джентльменов».

— Ха! — воскликнула Сюзанна. — Все те же плохиши! Прямо как из романа Диккенса!

— Кто такой Диккенс и что такое роман? — спросил Роланд.

— Роман — это длинная история, напечатанная в книге, — ответила она. — Диккенс написал их не меньше десятка. Он, возможно, самый лучший из всех писателей. В его историях люди, жившие в большом городе, назывался он Лондон, встречались с другими людьми, которых знали по другим местам или в далеком прошлом. Один мой преподаватель в колледже терпеть не мог таких сюжетов. Говорил, что в романах Диккенса очень уж большую роль играет случайное стечение обстоятельств.

— Учитель, который ничего не знал о ка или не верил в ка, — вставил Роланд.

Эдди кивнул.

— Да, это ка, все точно. Сомнений быть не может.

— Меня больше интересует женщина, которая написала «Чарли Чу-Чу», — Роланд повернулся к мальчику. — Джейк, тебя не затруднит...

— Я тебя понял, — Джейк уже развязывал заплечный мешок. Почти с благоговейным трепетом достал из него книжку от приключениях локомотива Чарли и его приятеля, инженера Боба. Все посмотрели на обложку. Надпись под картинкой свидетельствовала о том, что автор книги по-прежнему Берил Эванз.

— Ну и дела, — Эдди покачал головой. — Странно, однако. Я, конечно, ничего не хочу сказать, но... это странно. Книгу, которую купил Джейк, Джейк-77, написала Клаудия как-то там Бахман.

— Инесс, — добавил Джейк. — А между именами стояло «и». Кто-нибудь знает, что это такое.

Никто не знал, но Роланд вспомнил, что такие имена встречались в Меджисе. «Вроде бы это „и“ выражало почтение. А что эта буква выражает в Нью-Йорке, не имею понятия. Джейк, ты говоришь, и надпись на черной доске в витрине отличалась от прежней. В чем?»

— Не могу вспомнить. Но думаю, если ты меня загипнотизируешь, как в прошлый раз, пулей, я вспомню.

— Может и загипнотизирую, но не сейчас, — ответил Роланд. — Этим утром времени у нас немного.

«Возвращение на круги своя, — подумал Эдди. — Вчера время это практически не существовало, а теперь его у нас немного. Но ведь все это как-то связано со временем, не так ли? Прошлое Роланда, наше прошлое, эти новые дни. Эти опасные новые дни».

— Почему? — спросила Сюзанна.

— Наши друзья, — Роланд мотнул головой в сторону юга. — Я чувствую, что они очень скоро дадут о себе знать.

— А они наши друзья? — спросил Джейк.

— Сейчас это неважно, — ответил Роланд, и опять задался вопросом, а так ли это? — Сейчас давайте сосредоточимся на этом «Книжном магазине для ума» или как он там назывался. Вы видели, как посланники из Падающей Башни наседали на владельца, не так ли?

Этого Тауэра или Торена.

— Ты хочешь сказать, давили на него? — переспросил Эдди. — Выкручивали ему руки?

— Да.

— Так оно и было, — подтвердил Джейк.

— Было, — внес свою лепту Ыш. — Было.

— Готова спорить, Тауэр и Торен означает одно и то же, только на разных языках, — подала голос Сюзанна. — Наверняка на голландском торен — это башня, — она увидела, что Роланд собрался заговорить, и подняла руку, останавливая его. — В нашей реальности, люди это часто делают, Роланд. Меняют иностранную фамилию на более... ну... американскую.

— Да, — усмехнулся Эдди. — Стемпович становится Стемпером. Яков становится Джейкобом... или...

— Или Берил Эванз становится Клаудией-и-Инесс Бахман! — воскликнул Джейк. Рассмеялся, но его смеху определенно не хватало веселости.

Эдди вытащил из костра обгорелую палку, начал что-то писать в пыли. Одна за другой появлялись печатные буквы: К... Л... А... У...

— Большой Нос говорил, что Тауэр голландец. Или скандинав, — он посмотрел на Джейка, который кивнул, подтверждая его слова, потом взял палку и продолжил начатое Эдди: Д... А... Я.

— Если он — голландец, кое-что проясняется, знаешь ли, — Сюзанна смотрела на каракули Эдди. — В свое время голландцам принадлежала большая часть Манхэттена.

— Хочешь еще привязку к Диккенсу? — спросил Джейк, написал на пыли букву «И», вскинул глаза на Сюзанну. — Как насчет дома с приведениями, через который я попал в этот мир?

— Особняк, — уловил его мысль Эдди.

— Особняк на Голландском холме, — уточнил Джейк.

— Голландский холм. Да, все так. Черт побери.

— Давайте вернемся к главному. — вмешался Роланд. — Я думаю, все дело в документе, который вы видели. Том самом «Соглашении». И вы почувствовали потребность увидеть его, не так ли?

Эдди кивнул.

— Потребность, аналогичную той, что заставляет вас следовать Лучу?

— Роланд, я думаю, это и был Луч.

— Другими словами, путь к Башне.

— Да, — кивнул Эдди. Он думал об облаках, которые плыли вдоль Луча, тенях, которые наклонялись по Лучу, ветвях деревьев, которые поворачивались, чтобы встать параллельно Лучу. «Все служит Лучу», — как-то сказал им Роланд, и потребность Эдди увидеть документ, который Балазар подсунул под нос Келвина Тауэра, целиком и полностью укладывалась в это вышеупомянутое все.

— Расскажи мне, о чем там шла речь.

Эдди прикусил губы. Он не испытывал такого страха, как в тот раз, когда вырезал ключ, который позволил им спасти Джейка и перетащить в этот мир, но страх, тем не менее, присутствовал. Потому что, как и ключ, дело было важным. Если б что-то забыл, могло случиться непоправимое.

— Слушай, я не могу все запомнить, слово в слово...

Роланд нетерпеливо махнул рукой.

— Если возникнет такая необходимость, я тебя загипнотизирую, и ты все повторишь, слово в слово...

— Ты думаешь, это так важно? — спросила Сюзанна.
— Я думаю, тут все важно, — ответил Роланд.
— А если со мной гипноз не сработает? — спросил Эдди. — Что, если я гипнозу не поддаюсь?
— Оставь это мне, — ответил Роланд.
— Девятнадцать, — воскликнул Джейк. Все повернулись к нему. Он смотрел на буквы, написанные им и Эдди в пыли у потухшего костра. — Клаудия-и-Инесс Бахман. Девятнадцать букв.

3

Роланд на мгновение задумался, потом решил не развивать тему. Если число девятнадцать играло во всем это какую-то роль, со временем его пока еще скрытый смысл обязательно откроется. А пока были дела поважнее.

— Документ, — повторил он. — Давай от него не отвлекаться. Расскажи мне все, что ты можешь вспомнить.

— Ну, это юридический документ, заверенный печатью и подписями... — Эдди замолчал, потому что решил задать один важный вопрос. Роланд, возможно, все это знал, потому что в свое время служил закону, но Эдди счел необходимым в этом убедиться. — Тебе известно, кто такие адвокаты, не так ли?

Роланд заговорил самым сухим тоном.

— Ты забываешь, что я родом из Гилеада, Эдди. самого внутреннего из Внутренних феодалов. Конечно, купцов, фермеров и мастеровых у нас было больше, чем адвокатов, но ненамного.

Сюзанна рассмеялась.

— Твои слова напомнили мне сцену из Шекспира. Два персонажа, кажется Фальстаф и принц Джон, точно не помню, рассуждают о том, чем они займутся после того, как выиграют войну и возьмут власть. Так один из них говорит: «Прежде всего перебьем всех адвокатов».

— Между прочим, не самое плохое начало, — Эдди нашел, что от этого рассудительного тона веет арктическим холодом. А стрелок вновь повернулся к нему. — Продолжай. Если ты сможешь что-то добавить, Джейк, не стесняйся. И пожалуйста, это я вам обоим, расслабьтесь, ради ваших отцов. Сейчас документ интересует меня только в общих чертах. Хочу знать, о чем в нем идет речь.

Собственно, Эдди и сам полагал, что другого от него не потребуется, однако, после слов Роланда заметно взбодрился.

— Хорошо. Назывался документ «Соглашение». Большими буквами, по самому верху. Внизу под словом «Согласовано» стояли две подписи. Одна Келвина Тауэра. Вторая — какого-то Ричарда. Ты не помнишь, Джейк?

— Ричарда Патрика Смейерса, — ответил Джейк, помолчал, шевеля губами, кивнул. — Девятнадцать букв.

— И о чем говорилось в этом «Соглашении»? — спросил Роланд.

— На мой взгляд, если хочешь знать правду, ни о чем. Во всяком случае мне так показалось. Практически речь шла о том, что Тауэру принадлежит пустырь на углу Сорок шестой улицы и Второй авеню...

— Не просто пустырь, — прервал его Джейк. — Пустырь с розой.

— Да, с розой. Короче, Тауэр подписал соглашение 15 июля 1976 г. «Сомбра корпорейшн»

заплатила ему сто «штук». Он же, насколько я понял, пообещал целый год никому не продавать пустырь, заботиться о своей недвижимости, то есть платить налоги и тому подобное, а потом дать возможность «Сомбре» первой купить у него этот пустырь, при условии, что он не продаст им его раньше. Когда мы там были, он пустырь еще не продал, но и срок действия соглашения истекал через полтора месяца.

— Мистер Тауэр сказал, что сто тысяч потрачены, — добавил Джейк.

— А в соглашении что-то говорилось о том, что «Сомбра корпорейшн» имеет исключительные права на покупку? — спросила Сюзанна.

Эдди и Джейк задумались, переглянулись, покачали головами.

— Вы уверены? — напирала Сюзанна.

— Скорее да, чем нет, — ответил Эдди. — Ты думаешь, это важно?

— Не знаю, — Сюзанна задумалась. — Соглашение, о котором вы говорите... ну, без пункта об исключительном праве на покупку, не имеет смысла. Если отжать воду, что останется в сухом остатке? «Я, Келвин Тауэр, соглашаюсь подумать о продаже вам моего пустыря. Вы платите мне сто тысяч долларов, а я буду думать об этом целый год. В свободное от работы и игры с друзьями в шахматы время. А по прошествии года я, возможно, продам пустырь вам, возможно, оставлю себе или, возможно, выставлю на аукцион и продам тому, кто даст самую высокую цену. А если вам это не нравится, сладенькие, можете катиться ко всем чертям».

— Ты кое-что забываешь, — мягко заметил Роланд.

— Что? — спросила Сюзанна.

— «Сомбра» — не обычная законопослушная корпорация. Подумай, будет обычная законопослушная корпорация нанимать такого, как Балазар, для ведения переговоров.

— Ты попал в точку, — кивнул Эдди. — Их приезд сильно напугал Тауэра.

— В любом случае письмо кое-что проясняет, — вмешался Джейк. — К примеру, щит, который я видел на пустыре. Эта «Сомбра корпорейшн» за свои сто тысяч получила права «рекламировать свои будущие проекты». Ты видел эту часть соглашения, Эдди?

— Кажется да, она шла после абзаца о том, что Тауэр учитывает и защищает заявленные интересы «Сомбра корпорейшн» в приобретении вышеозначенной собственности, не отдает ее в залог и не допускает никаких посягательств на нее третьих лиц.

— Точно. Щит, который я видел на пустыре... — он замолчал, задумавшись, поднял руки, уставился между ними, словно читал текст, видеть который мог только он. — «ТОВАРИЩЕСТВО СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ МИЛЛЗА И РИЭЛТОРСКОЙ КОНТОРЫ СОМБРА ПРОДОЛЖАЕТ ИЗМЕНЯТЬ ЛИЦО МАНХЭТТЕНА». А потом: «СКОРО ЗДЕСЬ БУДЕТ РОСКОШНЫЙ КОНДОМИНИУМ „БУХТА ЧЕРЕПАХИ“».

— Так вот для чего им понадобился пустырь, — протянул Эдди. — Кондо. Но...

— Что такое кондоминиум? — спросила Сюзанна. — Впервые слышу это слово.

— По существу, многоквартирный кооперативный дом, — ответил Эдди. — Они наверняка были и в твоё время, только назывались по-другому.

— Да, — Сюзанна усмехнулась. — Так и назывались, кооперативными домами.

— Это не имеет значения, потому что речь идет не о кондо, — воскликнул Джейк. — Никто не собирался строить там дом. Все это... вы знаете... черт, забыл слово...

— Маскировка, — предложил Роланд.

Джейк улыбнулся.

— Точно, маскировка. Дело в розе, не в доме! И они не могут добраться до нее, пока не приобретут землю, на которой она растет. Я в этом уверен.

— Ты, возможно, прав, что дом ничего не значит, — кивнула Сюзанна, — но Бухта Черепахи вызывает определенные ассоциации, не так ли? — она посмотрела на стрелку. — Эта

часть Манхэттена называется Бухта Черепахи, Роланд.

Он кивнул, несколько не удивившись. Черепаха была одним из двенадцати Хранителей и всегда стояла на дальнем конце Луча, по которому они шли.

— Люди из «Строительной компании Миллза», возможно, ничего не знают о розе, — продолжил Джейк, — но готов спорить, в «Сомбра корпорейшн» о ней знают, — его рука нырнула в густой мех на шее Ыша. — Я думаю, где-то в Нью-Йорке, в каком-нибудь административном здании, может, в Бухте Черепахи, может, в Ист-Сайде, есть дверь со скромной табличкой «СОМБРА КОРПОРЕЙШН». А за этой дверью — другая дверь. Из тех, что приводит сюда.

С минуту они сидели, думая о мирах, вращающихся вокруг единой оси в умирающей гармонии, и никто ничего не говорил.

4

— Вот что, по моему разумению, происходит, — первым заговорил Эдди. — Сюзи, Джейк, не стесняйтесь поправить меня, если вам покажется, что я ошибаюсь. Этот тип, Кел Тауэр, в каком-то смысле хранитель розы. Возможно, на уровне сознания он сам этого не знает, но точно хранитель. Он, и должно быть, вся его семья. Отсюда и фамилия.

— Только он — последний, — вставил Джейк.

— Ты этого знать не можешь, сладенький, — улыбнулась ему Сюзанна.

— У него не было обручального кольца, — объяснил Джейк, и Сюзанна кивнула, похоже, убежденная этим доводом.

— Возможно, когда-то множество Торенов владели множеством участков на Манхэттене, — продолжил Эдди, — но те дни канули в лету. И теперь «Сомбра корпорейшн» от розы отделяет только один, практически разорившийся толстячок, который изменил свою фамилию. Он... э... как называется человек, который любит книги?

— Библиофил, — ответила Сюзанна.

— Да, один из них. Джордж Бьонди, возможно, не Эйнштейн, но одну умную фразу, когда мы подслушивали, произнес. Насчет того, что у Тауэра не настоящий магазин, а дыра, куда он бросает деньги. В наших краях, Роланд, случившееся с ним — обычное дело. Когда моя мать видела в телевизоре какого-нибудь богатого парня, скажем Доналда Трампа...

— Кого? — спросила Сюзанна.

— Ты его не знаешь, в шестьдесят четвертом, он был мальчишкой. И это неважно. Так она говорила: «Интересно, какими будут его внуки». В Америке внуки частенько разбазаривают нажитое дедами.

— Итак, мы имеем этого Тауэра, и он, в своем амплуа, тот же Роланд... последний в роду. Продает что-то из принадлежащей ему недвижимости здесь, что-то там, платит налоги, платит за дом, оплачивает расходы и докторские счета, покупает книги. Да, я все это выдумываю... да только, кажется, на самом деле все так и есть.

— Точно, — кивнул Джейк, в голосе слышалось благоговение. — Наверняка все так и есть.

— Может, ты догадался об этом, — заметил Роланд. — А может, коснулся его мозга. Как, бывало, делал мой давний друг Ален. Продолжай, Эдди.

— И каждый год он говорит себе, что уж теперь-то книжный магазин начнет приносить прибыль. Что нью-йоркцы узнают, какие хорошие у него книги, как их много, и повалят валом. В Нью-Йорке такое действительно случается. И вот тогда все у него наладится. Но в конце концов на продажу у него остается только одно: участок двести девяносто восемь в квартале

девятнадцать в Бухте Черепахи.

— Два, восемь и девять в сумме дают девятнадцать, — вставила Сюзанна. — Никак не могу понять, то ли это что-то да значит, то ли синдром синего автомобиля.

— Что такое синдром синего автомобиля? — спросил Джейк.

— Когда ты покупаешь синий автомобиль, тебе начинает казаться, что вокруг полным полно синих автомобилей.

— Только не здесь, тут ты их не встретишь, — улыбнулся Джейк.

— Не здесь, — подал голос Ыш, и все посмотрели на него. Дни, иной раз и недели, Ыш ничего не говорил или повторял окончания слов. А потом вроде бы произносил что-то свое, озвучивал свои мысли. Но они не знали, так ли это. Наверняка не знал даже Джейк.

«Точно так же мы не знаем наверняка и насчет числа девятнадцать», — подумала Сюзанна и потрепала путаника по голове. Ыш с довольным видом ей подмигнул.

— Он держится за этот участок до последнего, — продолжил Эдди. — Черт, даже это жуткое здание, в котором расположен книжный магазин, ему не принадлежит, помещение он арендует.

Джейк перехватил инициативу.

— Когда магазин деликатесов «Том и Джерри» прекратил работу, Тауэр его срыл. Потому что какая-то его часть хочет продать участок. Эта часть говорит, что не продать участок может только безумец, — Джейк замолчал, думая о том, как некоторые мысли приходят глубокой ночью. Безумные мысли, безумные идеи, голоса, которые не желают замолкать. — Но есть и другая часть, другой голос...

— Голос Черепахи, — вставила Сюзанна.

— Да, Черепахи или Луча, — согласился Джейк. — Возможно, это один и тот же голос. Голос, который говорит, что он должен изо всех сил держаться за этот участок, — он посмотрел на Эдди. — Как ты думаешь, он знает о розе? Иногда приходит туда, чтобы посмотреть на нее?

— Срет ли заяц в лесу? — усмехнулся Эдди. — Разумеется, приходит. И, разумеется, знает. На каком-то уровне должен знать. Потому что угловой участок на Манхэттене... сколько он может стоить, Сюзанна?

— В мое время стоил порядка миллиона баксов. В 1977 году... известно только Господу Богу. Три миллиона? Пять? Более чем достаточно для того, чтобы сэй Тауэр мог торговать книгами до конца жизни, при условии, что инвестирует полученную сумму в наиболее надежные бумаги.

— Все это говорит о том, что продавать участок ему очень не хочется, — сказал Эдди. — Сюзи уже указала, что за свои сто тысяч «Сомбра» практически ничего не получила.

— Кое-что они получили, — возразил Роланд. — Кое-что очень важное.

— Вставили ногу между дверью и косяком, — пробурчал Эдди.

— Правильно говоришь. А теперь, после того, как выйдет срок действия соглашения они пошлют к нему Больших охотников за гробами. В версии вашего мира. Крепких парней. И если жадность и насущная необходимость ранее не заставили Тауэра продать участок с розой, то теперь, запугав Тауэра, они своего добьются.

— Да, — вздохнул Джейк. И кто встанет на сторону Тауэра Может, Эрон Дипно. Может, никто. — Так что же нам делать?

— Купить участок самим, — без запинки ответила Сюзанна. — Естественно.

На мгновение у потухшего костра воцарилось мертвая тишина, потом Эдди задумчиво кивнул.

— Да, конечно, почему нет? У «Сомбра корпорейшн» нет исключительного права на покупку. Они, возможно, пытались включить в соглашение такой пункт, но Тауэр на это не пошел. Поэтому, ничто не может помешать нам купить этот участок. Сколько оленьих шкур мы сможем предложить? Сорок? Пятьдесят? Если он упрется, возможно, добавим несколько реликвий от Древних Людей. Вы понимаете, чашки, тарелки, наконечники стрел. Чтобы ему было чем занять гостей на коктейль-пати.

Сюзанна с упреком смотрела на него.

— Ну, хорошо, хорошо, — покивал Эдди, — возможно, нам сейчас не до смеха. Но мы должны смотреть правде в лицо. Мы — пилигримы с голым задом, разбившие лагерь в какой-то другой реальности, судя по всему, уже и не в Срединном мире.

— К тому же, — добавил Джейк, — физически, как бывает, когда проходишь через одну из дверей, мы туда не попали. Они нас чувствовали, но в принципе мы оставались невидимками.

— Давайте рассматривать все проблемы по очереди, а не скопом. Если говорить о деньгах, у меня их предостаточно. При условии, что мы сможем до них добраться.

— И сколько их у тебя? — любопытствовал Джейк. — Я понимаю, это невежливо, моя мама лишилась бы чувств, услышав, что я задаю такой вопрос, но...

— Полагаю, мы прошли слишком долгий путь, чтобы волноваться о вежливости, — ответила Сюзанна. — Но дело в том, сладенький, что точно я этого не знаю. Мой отец сделал несколько изобретений в области стоматологии, что-то связанное с коронками, на которые потом продавал лицензии. Он основал компанию, «Холмс дентал индастрис», и до 1959 года сам управлял финансовыми потоками.

— Того самого года, когда Морт столкнул тебя под колеса поезда в подземке? — спросил Эдди.

Она кивнула.

— Это произошло в августе. А шестью неделями позже у отца случился инфаркт, первый из многих. Частично причина, возможно, в волнениях, связанных со мной, но, думаю, только частично. Он просто горел на работе, попадал там с утра и до ночи.

— Твоей вины в этом нет, — заверил ее Эдди. — Ты же не сама прыгнула под поезд, Сюзи.

— Я знаю. Но чувства зачастую расходятся с реалиями. После смерти мамы забота о нем легла на меня, и я не справилась... и так и не смогла убедить себя в том, что моей вины в этом нет.

— Дела давно минувших дней, — без особого сочувствия сказал Роланд.

— Спасибо, дорогой, — сухо ответила Сюзанна. — Умеешь ты расставить все по своим местам. В общем, после первого инфаркта отец отдал все финансы на откуп своему бухгалтеру, давнишнему другу, которого звали Мозес Карвер. После смерти моего отца Поп Моуз взял на себя заботу обо мне. Полагаю, когда Роланд «извлек» меня в Нью-Йорк в этот несравненный мир, у меня на счету могло лежать от восьми до десяти миллионов долларов. Более чем достаточно для того, чтобы выкупить пустырь мистера Тауэра, при условии, что он согласится продать его нам.

— Если Эдди прав насчет Луча, он согласится продать этот пустырь и за оленьи шкуры, — заявил Роланд. — Я уверен, глубинная часть души и разума мистера Тауэра — ка, которая заставляла его так долго держаться за этот участок, ждет нас.

— Ждет подхода кавалерии, — чуть усмехнулся Эдди. — Совсем как Форт-Орд в последние десять минут фильма с Джоном Уэйном.

Роланд смотрел на него, без тени улыбки.

— Он ждет Белизны.

Сюзанна подняла коричневые руки на уровень коричневого лица.

— Тогда, полагаю, он ждет не меня.

— Наверное, нет, — согласился Роланд и задался вопросом, а каков цвет кожи у второй обитательницы тела Сюзанны. Миа.

— Нам нужна дверь, — Джейк тяжело вздохнул.

— Нам нужны, как минимум, две двери, — поправил его Эдди. — Одна, чтобы договариваться с Тауэром, это точно. Но до того нам нужна вторая, в реальность Сюзанны. Как можно ближе к тому моменту, когда Роланд «извлек» ее. Я хочу сказать, нет смысла появляться в 1977 году и искать этого Карвера лишь для того, чтобы узнать, что в 1971 он добился официального признания Одетты Холмс умершей. А все ее состояние ушло родственникам в Грин-Бей или Сан-Бернардо.

— Или появиться в 1968 году и узнать, что мистер Карвер закрыл лавочку. Перевел все деньги на свои счета и загорает на Коста-дель-Соль.

На лице Сюзанны отразилось крайнее изумление, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать улыбку.

— Поп Моуз никогда такого не сделает! Он же мой крестный!

Джейк смутился.

— Извини. Начитался детективов. Агата Кристи, Рекс Стаут, Эд Макбейн... у них такое происходит постоянно.

— А кроме того, — вставил Эдди, — большие деньги разительно меняют людей.

Она бросила на Эдди холодный, оценивающий взгляд, казалось бы, совершенно инородный для нее. Роланд, который знал о Сюзанне куда как больше Эдди и Джейка, подумал, что с таким вот взглядом она давила лягушек.

— Ты-то откуда знаешь? — спросила она и тут же переменилась. — Извини, сладенький. Это я зря лягнула.

— Все нормально, — улыбка Эдди вышла натянутой и неуверенной. — У всех нервы на пределе, — он взял ее за руку, пожал. Она ответила тем же. Улыбка Эдди стала шире.

— Просто я знаю Мозеса Карвера. Он — кристально честный человек.

Эдди поднял руку, как бы говоря: убедить ты меня не убедила, но тему пора закрыть.

— Давайте разберемся, правильно ли я понял вашу идею, — заговорил Роланд. — Прежде всего, ее реализация зависит от наших способностей вернуться в ваш Нью-Йорк, причем не в один временной период, а в два.

Они помолчали, обдумывая его слова, потом Эдди кивнул.

— Точно. И начать надо с 1964 года. Сюзанна исчезла пару месяцев тому назад, но никто не потерял надежду на ее возвращение. Она входит, все хлопают. Возвращение блудной дочери. Мы берем бабки, на что может уйти какое-то время...

— Это будет самое трудное, убедить Попа Моуза расстаться с ними, — прервала его Сюзанна. — Когда дело доходит до денег, лежащих в банке, этот человек становится скрягой из скряг. И я уверена, что в своем сердце он по-прежнему воспринимает меня восьмилетней девочкой.

— Но по закону деньги твои, так? — спросил Эдди. Роланд видел, что Эдди все еще держится настороже. Реплика «ты-то откуда знаешь» не забылась... пока. И сопровождавший ее взгляд. — Я хочу сказать, он не сможет помешать тебе забрать их из банка?

— Нет, сладенький, — ответила она. — Мой отец и Поп Моуз учредили для меня трастовый фонд, но с 1959 года, после того мне исполнилось двадцать пять, я могла распоряжаться всеми средствами по своему усмотрению, — ее прекрасные темные глаза

повернулись к Эдди. — Вот, тебе больше нет нужды спрашивать меня о моем возрасте, так? Если ты умеешь складывать, все узнаешь сам.

— Это не имеет значения, — Эдди улыбнулся. — Время — лицо на воде.

Роланд почувствовал, как руки покрылись гусиной кожей. Где-то, возможно на сверкающем, цвета крови поле из роз, которое находилось от них еще очень далеко, ходячий труп только что прошел над своей могилой.

6

— Нам нужны наличные, — голос Джейка звучал сухо, по-деловому.

— Что? — Эдди с трудом оторвал глаза от Сюзанны.

— Наличные, — повторил Джейк. — Никто не будет брать чек, даже банковский чек, если он выписан тринадцать лет тому назад. Особенно на миллионы долларов.

— Откуда ты знаешь об этом, сладенький? — спросила Сюзанна.

Джейк пожал плечами. Нравилось ему это или нет (по большей части, нет), он был сыном Элмера Чеймберза. Элмер Чеймберз никоим образом не мог считаться хорошим парнем, Роланд никогда не назвал бы его частью Белизны, и его коллеги, менеджеры национальных телевизионных каналов знали, что в устранении конкурентов с ним мало кто мог потягаться. «Большой охотник за гробами Тивилендии», — подумал Джейк. Может, и несправедливый вывод, но Элмер Чеймберз обычно играл по своим правилам, и справедливость в их перечне не значилась. А он, Джейк, был сыном Элмера и не забыл лица своего отца, хотя временами об этом сожалел.

— Наличные, конечно же, наличные, — Эдди нарушил затянувшуюся паузу. — В таком деле нужно выкладывать на стол наличные. Если и будет чек, нам придется обналичить его в 1964 году, а не в 1977. Уложим их в большую спортивную сумку... Сюзи, в 1964 г. были большие спортивные сумки? Не бери в голову. Неважно. Уложим деньги в сумку и перенесем в 1977 г. Не в тот день, когда Джейк купил «Чарли Чу-Чу» и книгу загадок, но достаточно близкий.

— До 15 июля, — напомнил Джейк.

— Само собой, — кивнул Эдди. — После пятнадцатого мы лишь обнаружим, что Балазар убедил Тауэра продать пустырь, так что мы останемся с деньгами в сумке, большим пальцем в заднице и глупой улыбкой на лице.

Опять все помолчали, должно быть, рисовали себе этот очень уж живой образ, и теперь первым заговорил Роланд:

— У вас все получается очень просто, и действительно, почему бы и нет? Для всех вас идея перемещения из этого мира в ваш — с его такси, небоскребами и фотографиями выглядит такой же естественной, как для меня — поездка на муле. И на то есть причина. Каждый из вас прошел через одну из дверей. А Эдди — в обоих направлениях, как в этот мир, так и в свой.

— Должен тебе сказать, что возвращение в Нью-Йорк особой радости мне не доставило, — заметил Эдди. — Слишком много стрельбы.

«Не говоря уже об отрезанной голове моего брата, катающейся по полу кабинета Балазара», — добавил он про себя.

— Как и мне переход через дверь на Голландском Холме, — вставил Джейк.

Роланд кивнул, как бы соглашаясь с их доводами, но оставаясь на прежней позиции.

— Всю мою жизнь я принимал за истину слова, которые ты произнес при нашей первой встрече, Джейк... произнес, когда умирал.

Джейк, побледнев, усталился в землю. Ему не хотелось об этом вспоминать (к счастью, воспоминания заметно стерлись), и он знал, что не хочется того и Роланду. «Оно и понятно! — подумал он. — Конечно же, не хочется тебе вспоминать! Ты позволил мне упасть! Ты позволил мне умереть!»

— Ты сказал, что помимо этих есть и другие миры, — продолжил Роланд, — и они есть. Нью-Йорк при его множестве временных интервалов, куда мы можем попасть, всего лишь один из них. И роза — единственное объяснение того, что нас вновь и вновь тянет туда. Я в этом не сомневаюсь, как не сомневаюсь и в том, что роза, пусть я не понимаю, как такое может быть, и есть Темная Башня. Или Башня, или...

— Или другая дверь, — пробормотала Сюзанна. — Та самая, что приводит непосредственно в Темную Башню.

Роланд кивнул.

— Эта мысль все чаще приходит мне на ум. В любом случае, Мэнни знали обо всех этих мирах и, по своему, посвящали им свои жизни. Они верили, что Прыжок — самый святой из всех ритуалов и самое блаженное из всех состояний. Мой отец и его друзья с давних пор знали о хрустальных шарах. Я вам это говорил. И мы уже пришли к выводу, что Радуга Мерлина, Прыжок и эти магические двери, скорее всего, действуют одинаково.

— Куда ты клонишь, сладенький? — спросила Сюзанна.

— Я просто напоминаю вам, что мое путешествие очень долгое. Из-за изменений, которые произошли со временем, из-за размягчения времени, которое вы все почувствовали, я иду к Темной Башне уже больше тысячи лет, иногда перепрыгиваю через поколения и столетия, как морская чайка перепрыгивает с гребня одной волны на гребень другой, лишь чуть замочив лапки. И за все это время нигде и никогда я не видел дверей между мирами, пока на набрел на них на берегу Западного моря. Я понятия не имел, что они из себя представляют, хотя, как я вам и говорил, кое-что знал о ментальном прыжке и магических кристаллах.

Роланд обвел взглядом свой ка-тет.

— Вас послушать, так получается, что в моем мире столько же магических дверей, сколько в вашем... — он запнулся, — ...самолетов и автобусов. Это не так.

— Сейчас мы находимся не там, где ты странствовал раньше, — напомнила ему Сюзанна. Мягко коснулась пальцами его сильно загоревшего запястья. — Мы более не в твоём мире. Ты сам это сказал, в той вариации Топики, где Блейн Моно окончательно рехнулся.

— Согласен, — кивнул Роланд. — Я только хочу донести до вас простую мысль: эти двери, возможно, встречаются гораздо реже, чем вы себе это представляете. А теперь речь идет не об одной двери, а о двух. Дверях, которые необходимо нацелить на определенное время, как нацеливают револьвер.

«Я целюсь не рукой», — подумал Эдди, и по его телу пробежала легкая дрожь.

— Если смотреть в таком ракурсе, Роланд, действительно, возникают сомнения, а есть у нас хоть один шанс.

— Так что же нам тогда делать? — спросил Джейк.

— Возможно, я смогу вам в этом помочь, — ответил ему незнакомый голос.

Они все повернулись, только Роланд безо всякого удивления. Он заметил появление незнакомца где-то на середине их разговора. Но посмотрел на него с интересом, и одного взгляда ему хватило, чтобы понять: незнакомец или из мира его новых друзей, или из местных.

— Кто ты? — спросил Эдди.

— Где твои друзья? — спросила Сюзанна.

— Откуда ты? — спросил Джейк. Его глаза радостно сверкали.

Из-под расстегнутого на груди черного плаща незнакомца виднелась черная рубашка с

воротником-стойкой. Его длинные седые волосы торчали во все стороны, словно в испуге. На лбу виднелся Т-образный шрам.

— Мои друзья по-прежнему в маленьком лагере вон там, — он указал на леса. — Сейчас я зову Калья Брин Стерджис своим домом. Раньше звал так Детройт, штат Мичиган, где работал в ночлежке для бездомных, варил суп и проводил заседания «Анонимных алкоголиков». Хорошо знал, что им надо говорить. А до того, короткое время, жил в Топике, штат Канзас.

Он заметил, как при последних словах троица молодых людей посмотрела на него с новым интересом.

— До Топики — в Нью-Йорке, а еще раньше, в маленьком городке Салемс Лот, в штате Мэн.

7

— Так ты с нашей стороны, — в голосе Эдди слышалось облегчение. — Святой Боже, ты действительно с нашей стороны.

— Да, думаю, что да, — ответил мужчина в рубашке с воротником, пуговички которого находились сзади. — Меня зовут Доналд Каллагэн.

— Ты — священник, — Сюзанна переводила взгляд с маленького золотого крестика, который поблескивал на шее Каллагэна, на другой, вырезанный на лбу.

Каллагэн покачал головой.

— Уже нет. Когда-то был. Может, стану опять, с благословения Божьего, но не сейчас. Теперь я просто Божий человек. Могу я спросить... из какого вы года?

— Из 1964-го, — ответила Сюзанна.

— Из 1977-го, — ответил Джейк.

— Из 1987-го, — ответил Эдди.

При ответе Эдди глаза Каллагэна блеснули.

— 1987-й. А я появился здесь из 1983-го. Тогда скажите мне, молодой человек, это очень важно. К тому времени, как вы отправились сюда, «Красные носки»^[13] хоть раз выиграли чемпионат страны по бейсболу?

Эдди расхохотался, отбросив голову назад.

— Нет, уж извини, не могу тебя порадовать. В прошлом году остановились в одном шаге от чемпионского титула. «Горожане»^[14] их вынесли. Как насчет того, чтобы подойти к костру и присесть? Кофе нет, но Роланд, вот этот печальный тип, что сидит справа от меня, неплохо заваривает чай.

Каллагэн перевел взгляд на Роланда, а потом произошло удивительное: упал на колени, чуть склонил голову, приложил кулак ко лбу.

— Хайл, стрелок, и пусть тропа встретит нас добром.

— Хайл, — ответил стрелок. — Подходи, незнакомец, и расскажи нам о своей нужде?

Каллагэн в изумлении вытаращился на стрелка.

Роланд ответил спокойным взглядом, потом кивнул.

— Добром нас встретит тропа или злом, но ты, возможно, получишь то, что ищешь.

— Возможно, и вы тоже, — ответил Каллагэн.

— Тогда подходи. Подходи и присоединяйся к нашему разговору.

8

— Прежде чем мы продолжим, могу я задать тебе один вопрос? — спросил Эдди.

Рядом с ним Роланд разжигал костер и искал в заплечном мешке маленький глиняный котелок, подарок Древних людей, в котором любил заваривать чай.

— Разумеется, молодой человек.

— Ты — Доналд Каллагэн.

— Да.

— А твое среднее имя?

Каллагэн склонил голову на бок, приподнял бровь, улыбнулся.

— Френк. В честь дедушки. Это существенно?

Эдди, Сюзанна и Джейк переглянулись. Во всех взглядах читалось одно и то же: Доналд Френк Каллагэн. Девятнадцать букв.

— Значит, существенно, — Каллагэн сам и ответил на свой вопрос.

— Возможно, — сказал Роланд. — А может, и нет, — из бурдюка он налил в котелок воды.

— Похоже, с тобой произошел несчастный случай, — Каллагэн смотрел на правую руку Роланда.

— Я приспосабливаюсь, — ответил тот.

— Ты мог бы сказать, приспосабливаешься с помощью друзей, — добавил Джейк, без тени улыбки.

Каллагэн кивнул, не понимая смысла его слов и зная, что это и не нужно: он видел перед собой ка-тет. Возможно, такого слова он никогда и не слышал, то слово значения не имело. Все становилось ясно по тому, как она смотрели друг на друга, как вели себя по отношению друг к другу.

— Вы знаете мое имя, — Каллагэн оглядел сидящих у костра. — Могу я узнать ваши имена?

Они представились: Эдди и Сюзанна Дин, из Нью-Йорка; Джейк Чеймберз, из Нью-Йорка; Ыш из Срединного мира; Роланд Дискейн, из Гилеада. Каллагэн всякий раз кивал, поднимая ко лбу сжатый кулак.

— А к вам пришел Каллагэн, из Лота, — сказал он после того, как знакомство состоялось. — Или тот, кто был им. А сейчас я, пожалуй, всего лишь Старик. Так меня зовут в Калье.

— Твои друзья не хотят присоединиться к нам? — спросил Роланд. — Еды у нас немного, но чая хватит на всех.

— Думаю, пока не надо их приглашать.

— Ага, — кивнул Роланд, словно понимая, что сие означает.

— В любом случае, мы хорошо поели, — продолжил Каллагэн. — Год в Калье выдался хорошим, до последних дней, и мы с радостью поделимся с вами тем, что у нас есть, — он замолчал, возможно, понял, что слишком торопит события, и добавил. — Возможно. Если мы договоримся.

— Возможно, — повторил Роланд. — Мой старый учитель говорил, что это единственное слово из тысячи букв.

Каллагэн рассмеялся.

— Неплохо! В любом случае, с едой у нас дела обстоят лучше, чем у вас. Есть даже свежие сдобные шары, Залия их нашла, но, подозреваю, вы тоже знаете, где они растут. Она говорит, что в одном месте их явно собирали.

— Их нашел Джейк, — Роланд посмотрел на мальчика.

— Точнее, Ыш, — Джейк погладил своего любимца по голове. — Он у меня натаскан на сдобные шары.

— Давно вам известно о нашем присутствии? — спросил Каллагэн.

— Два дня.

Во взгляде Каллагэна читалось и удивление, и легкое раздражение.

— То есть, с того момента, как мы пошли по вашему следу. А мы-то изо всех сил старались не засветиться.

— Если б вы не думали, что вам понадобятся люди, которые опытнее вас, то не пришли бы сюда.

Каллагэн вздохнул.

— Истину говоришь, спасибо тебе.

— То есть вы пришли за помощью? — спросил Роланд. В его голосе слышалось лишь легкое любопытство, но Эдди Дин почувствовал, как его обдало волной холода. Слова, казалось, повисли в воздухе, вибрируя от скрытого в них смысла. Не он один это почувствовал. Сюзанна взяла его за правую руку. Мгновением позже рука Джейка нашла его левую.

— Я не вправе отвечать на этот вопрос, — в голосе Каллагэна внезапно зазвучала неуверенность. Может, и страх.

— Вы знаете, что пришли к потомкам Эльда? — спросил Роланд все тем же на удивление мягким, не свойственным ему голосом. Протянул руку к Эдди, Сюзанне, Джейку. Даже к Ъшу. — Ибо они — часть меня. А я — часть их. Мы — единое целое, мы — шар, и катимся, как он. И вы знали, кто мы.

— И это так? — спросил Каллагэн. — Вы все — единое целое?

— Роланд, в какую историю ты нас тащишь? — спросила Сюзанна.

— Пока никуда. Я вам не хозяин. Вы — мне. По крайней мере, на текущий момент. Они еще не решились попросить.

«Но они решатся», — подумал Эдди. Несмотря на грезы о розе и ментальные прыжки, он ни в коей мере не считал себя экстрасенсом, но ведь и не требовалось обладать сверхъестественными способностями, чтобы понять очевидное: люди, которые выбрали Каллагэна одним из своих представителей, попросят. Иной раз, в силу каких-то обстоятельств, каштаны падали в огонь, и Роланду предстояло их доставать.

Но ведь не одному Роланду.

«Вот тут ты допустил ошибку, папаша, — подумал Эдди. — Вполне объяснимую, но, тем не менее, ошибку. Мы — не кавалерия. Мы — не стрелки. Мы — всего лишь затерявшиеся души из Большого Яблока, которые...»

Но нет. Нет. Эдди знал, кем они стали после Речного Перекрестка, когда старики опустились на колени перед Роландом. Черт, он знал это с того момента, как в лесу (который он по-прежнему воспринимал, как лес Шардика) Роланд учил их целиться глазом, стрелять разумом, убивать сердцем. Их не трое, не четверо. Один. Роланд превратил их в единое целое, слил воедино, и это ужасно. Он наполнил их ядом и поцеловал отравленными губами. Он превратил их в стрелков, и неужто Эдди действительно думал, что в этом практически полностью опустевшем мире не останется работы для потомков Артура из Эльда? Что им позволят неспешно пройти по Тропе Луча до Темной Башни Роланда и устранить все поломки? Не мог же он быть таким наивным?

Джейк озвучил мысли Эдди, и Эдди определенно не понравился охотничий блеск в глазах мальчика. Он полагал, что множество мальчишек шло на войну с таким вот блеском в глазах. Бедняга даже не знал, что он отравлен, а сие говорило за то, что с умом у него не очень, потому что, если кому и следовало знать о яде, так это ему.

— Они, однако, попросят, — сказал Джейк. — Не так ли, мистер Каллагэн? Они попросят.

— Я не знаю, — в голосе Каллагэна слышалось сомнение. — Вам придется убедить их... —

он замолчал, робко вскинул глаза на Роланда. Стрелок покачал головой.

— Так не бывает. Ты не из Срединного мира и, возможно, этого не знаешь, но так не бывает. Убеждать — не по нашей части. Наше дело — свинец.

Каллагэн глубоко вдохнул, потом кивнул.

— У меня есть книга. Она называется «Сказания об Артуре».

Глаза Роланда блеснули.

— У тебя есть эта книга? Неужели есть? Я бы хотел заглянуть в нее. Я бы очень хотел заглянуть в нее.

— Может, и заглянешь. Истории эти не очень то напоминают сказания о рыцарях Круглого Стола, которые я читал в детстве, но... — он покачал головой. — Я понимаю, что вы мне говорите, и давайте пока закончим этот разговор. Есть три вопроса, не так ли? И вы только что задали мне первый.

— Да, три, — кивнул Роланд. — Три — число власти.

Эдди подумал: «Роланд, старина, если тебе действительно нужно число власти, лучше девятнадцати не сыскать».

— И на все три должен быть один ответ: «да».

Роланд кивнул.

— А после трех «да» новых вопросов быть не должно. Мы пойдем предназначенным нам путем, сэй Каллагэн, и ни один человек не сможет заставить нас повернуть назад. Постарайся разъяснить это своим людям, — он кивнул на лес к югу от них.

— Стрелок...

— Зови меня Роландом. Мы живем в мире, ты и я.

— Хорошо, Роланд. Выслушай меня внимательно, прошу тебя. Так уж мы говорим в Калье. Нас, кто пришел сюда, только полдюжины. И мы, шестером, не можем принять решение. Решать может только вся Калья.

— Демократия, — Роланд сдвинул шляпу назад, потер лоб, вздохнул.

— Но если мы шестеро, особенно сэй Оуверхолсер... — он замолчал, посмотрел на Джейка. — Что? Что я такого сказал?

Джейк покачал головой, взмахом руки предложил Каллагэну продолжить.

— Если мы шестеро согласимся, считай, все схвачено.

Эдди закрыл глаза, по лицу разлилось блаженство. «Повтори это еще раз, приятель».

Каллагэн с тревогой посмотрел на него.

— Что?

— Все схвачено. Или что угодно из нашего времени и реальности. С нашей стороны большого ка.

Каллагэн задумался, потом губы разошлись в улыбке.

— Усратья и не жить, я нажрался в дупелину, напился в стельку, съехал с катушек, прошел по тонкому льду, ширнулся, въехал на розовой лошади в аллею кошмаров. Ты об этом?

Роланд в некотором замешательстве (где-то и со скукой) смотрел на Каллагэна, но Эдди Дин смаковал каждое слово. Сюзанна и Джейк грустно улыбались, тоже захваченные воспоминаниями.

— Продолжай приятель, — просипел Эдди, поощряюще взмахнул обеими руками. По голосу чувствовалось, что он борется со слезами. — Продолжай.

— Может, в другой раз, — мягко предложил Каллагэн. — Когда мы сможем посидеть и поговорить о местах, где нам довелось жить прежде, и тамошнем сленге. И о бейсболе, если у тебя не будет возражений. А сейчас времени в обрез.

— Вот тут ты совершенно прав, — кивнул Роланд. — Так что, пожалуйста, не отклоняйся

от главного, ибо я, надеюсь, достаточно ясно дал тебе понять, что мы не бродяги, с которыми твои друзья могут побеседовать, а потом нанять или нет, как нанимают работников или ковбоев на ферму или ранчо.

— Сейчас я могу только попросить вас оставаться на месте и позволить мне привести их сюда, — ответил Каллагэн. — Это Тиан Джеффордс, благодаря которому мы здесь и оказались, его жена Залия. Оуверхолсер, которого в наибольшей степени надо убеждать в том, что без вас нам не обойтись.

— Мы не собираемся убеждать ни его, ни кого-то еще, — отрезал Роланд.

— Я понимаю, — поспешно согласился Каллагэн. — Да, ты выразился более чем ясно. А еще Бен Слайтман и его сынишка, Бенни. Бен-младший — исключение из правил. Его сестра умерла четыре года тому назад, когда ей и Бенни было по десять лет. Никто не знает, считать ли Бена-младшего близнецом или единственным ребенком, — он замолчал. — Извините, отвлекся.

Роланд махнул рукой, показывая, что все нормально.

— Я нервничаю в вашем присутствии, выслушайте меня, прошу вас.

— С нами тебе не нужно ни о чем просить, сладенький, — заметила Сюзанна.

Каллагэн улыбнулся.

— У нас так принято говорить. В Калье, если кого-то встречаешь, обычно говоришь: «Все ли в тебя в порядке, прошу тебя, скажи?» На что тебе обычно отвечают: «Все хорошо, ничего не заржавело, говорю богам, спасибо, сэй!» Вы такого не слышали?

Они покачали головами. Нет, все слова были знакомы, словосочетания подчеркивали, что они попали в незнакомое, новое для них место, где и говори иначе, и, наверное, жили по странным для них обычаям.

— Дело в том, — продолжил Каллагэн, — что население пограничных территорий запугано существами, которых называет Волки. Раз в поколение они приходят из Тандерклепа и забирают наших детей. Тут много еще можно сказать, но это главное. Тиан Джеффордс, которому предстоит потерять не одного ребенка, а двоих, говорит — хватит, пришло время подняться с колен и сразиться с ними. Другие люди, такие, как Оуверхолсер, говорят, что это приведет к катастрофе. Я думаю, Оуверхолсер и ему подобные взяли бы верх, но ваш приход все изменил, — он наклонился вперед. — Уэйн Оуверхолсер — человек неплохой, но сильно напуганный. Он — крупнейший фермер Кальи, и может потерять больше, чем остальные. Но, если убедить его, что мы сможем прогнать Волков... что мы можем сразиться с ними и победить... Я верю, что он встанет с нами плечом к плечу и тоже будет сражаться.

— Я сказал тебе... — начал Роланд.

— Вы никого не убеждаете, — прервал его Каллагэн. — Да, я понимаю, будьте уверены. Но, если они увидят вас, услышат, как вы говорите, а потом сами убедятся...

Роланд пожал плечами.

— Будет вода, если Бог того захочет.

Каллагэн кивнул. «У нас тоже так говорят. Позволишь перейти к другому, связанному с этим, вопросу?»

Роланд чуть приподнял руки, словно, как подумал Эдди, говоря Каллагэну: твое дело.

Мужчина со шрамом какое-то время молчал, словно собираясь с духом. А заговорил тихим шепотом. Эдди пришлось наклоняться вперед, чтобы расслышать его слова.

— У меня что-то есть. Что-то, нужное вам. Которое может вам понадобиться. Я думаю, это что-то уже установило с вами контакт.

— Почему ты так решил? — спросил Роланд.

Каллагэн облизал губы, а потом произнес одно слово: «Прыжок».

— Причем тут он? — спросил Роланд. — Причем тут Прыжок?

— Разве вы не уходили в него? — казалось, Каллагэн потерял уверенность в себе. — Никто из вас не уходил?

— Скажем, уходили, — ответил Роланд. — Но что тебе до этого, какая связь между ментальным прыжком и теми проблемами, что возникли у вашей Кальи?

Каллагэн вздохнул. Хотя день только начался, выглядел он усталым.

— Да, все это труднее, чем я думал... и намного. Вы куда более... слово никак не подберу... сообразительные. Более сообразительные, чем я ожидал.

— Ты ожидал встретить бродяг в седлах, с быстрыми руками и пустыми головами, не так ли? — спросила Сюзанна. В голосе слышалась злость. — Что ж, ты ошибся, сладенький. Мы, возможно, и бродяги, но седла у нас нет. Кому нужны седла без лошадей?

— Мы привели вам лошадей, — ответил Каллагэн, и этого хватило. Роланд понимал далеко не все, но уже известное ему позволяло, пусть и немного, прояснить ситуацию. Каллагэн заранее знал об их прибытии, знал, сколько их, знал, что они идут, а не едут. Что-то он мог узнать от разведчиков, но не все. И Прыжок... он знал, что некоторые или они все уходили в Прыжок...

— Что же касается пустых голов, мы, возможно, не самая умная четверка на этой планете, но... — она внезапно замолчала, ее передернуло. Руки обхватили живот.

— Сюзи? — в голосе Эдди зазвучало тревога. — Сюзи, что с тобой? Ты в порядке?

— Пучит, — ответила она и улыбнулась. Роланду улыбка эта не показалась естественной. Он подумал, что увидел маленькие морщинки боли в уголках глаз. — Наверное, вчера вечером съела слишком много сдобных шаров, — и, прежде чем Эдди успел задать новый вопрос, переключилась на Каллагэна. — Если ты хочешь сказать что-то еще, говори, сладенький.

— Хорошо, — кивнул Каллагэн. — У меня есть некий предмет, обладающий огромной мощью. Хотя вы находитесь в многих колесах пути от моей церкви, где он спрятан, я думаю, он уже дотянулся до вас. Отправлять людей в Прыжок — это лишь немного из того, на что он способен, — он глубоко вдохнул и выпалил. — Если вы поможете нам, ибо Калья теперь и мой город, где я надеюсь закончить свои дни и лечь в землю, сослужите службу, о которой я прошу, я отдам вам... этот предмет.

— Последний раз прошу тебя больше так не говорить, — отчеканил Роланд. Таким суровым тоном, что Джейк в удивлении вскинул на него глаза. — Ты бесчестишь меня и мой ка-тет. Мы обязаны сделать то, о чем ты просишь, если мы хотим, чтобы Калья осталась в Белизне, а те, кого ты называешь Волками — посланцы тьмы. Если хочешь, разрушители Лучей. Мы не можем брать вознаграждение за наши услуги, и ты не должен нам его предлагать. Если бы так говорил один из тех, кто пришел с тобой, тот, кого ты называешь Тиан, или тот, кого ты называешь Оуверхолсер...

(Эдди хотел предложить стрелку не усложнять до такой степени предложения, но потом решил не раскрывать рта: когда Роланд злился, привлекать к себе его внимания не следовало).

— ...это было бы другое дело. Они не знают ничего, кроме легенд. Но у тебя, сэй, есть, как минимум, одна книга, из которой ты мог узнать, что к чему. Я сказал тебе, что наше дело — свинец, и это правда. Но последнее не означает, что нас можно нанять.

— Хорошо, хорошо...

— А что касается предмета, который у тебя есть, — Роланд возвысил голос, заглушая Каллагэна, — так ты только и мечтаешь о том, чтобы избавиться от него. Он наводит на тебя

ужас, не так ли? Даже если мы решим проехать мимо вашего города, ты будешь умолять нас забрать его с собой, так? Так, спрашиваю я?

— Да, — чуть ли не со слезами ответил Каллагэн. — Твоя правда, и я говорю, спасибо тебе. Но... я просто услышал часть вашего разговора... понял, что вы ходите вернуться... перейти, как сказали бы Мэнни... и не просто в одно место, а в два... может больше... и время... Я слышал, вы говорили о дверях, которые необходимо нацелить на определенное время, как нацеливают револьвер.

И вот тут Джейка осенило. На его лице отразились восторг и ужас.

— Какой у тебя шар? — спросил он. — Наверняка не розовый из Менджиса, потому он лишь засасывал Роланда внутрь, но не отправлял в Прыжок. Так какой?

Слеза таки покатила по правой щеке Каллахана. Потом по левой. Не отдавая отчета в том, что делает, он стер их.

— Я никогда не решился бы что-то с ним делать, но я его видел. Да поможет мне Христос Человек-Иисус, но под половицами моей церкви лежит Черный Тринадцатый. И он ожил. Вы меня понимаете? — он смотрел на них мокрыми от слез глазами. — *Он ожил!*

И Каллагэн закрыл лицо руками, пряча его от остальных.

10

Когда святой человек со шрамом на лбу ушел, чтобы привести своих спутников, стрелок долго стоял, провожая его взглядом. Большие пальцы рук он засунул за ремень старых, штопанных джинсов, и, казалось, стоять он так будет до второго пришествия. Однако, в тот самый момент, когда Каллагэн скрылся из виду, он повернулся к своему ка-тету и махнул рукой: идите ко мне. Когда они подошли, Роланд уселся на землю. Эдди и Джейк сделали то же самое. Сюзанна и так сидела. Стрелок заговорил быстро и отрывисто.

— Времени в обрез, поэтому скажите мне, каждый из вас, и не виляйте, честный он или нет?

— Честный, — без запинки ответила Сюзанна, опять поморщилась и потерла живот под левой грудью.

— Честный, — ответил Джейк.

— Тный, — ответил Ыш, как будто его спрашивали.

— Честный, — согласился со всеми Эдди, — но посмотрите, — он взял несгоревшую палочку, сдвинул сосновые иголки и написал на черной земле:

Calla Callahan

— Это совпадение или что-то да значит? — спросил он в ответ на недоуменный взгляд Сюзанны.

— Кто знает? — Джейк пожал плечами. Все говорили очень тихо, склонив головы над написанными на земле словами. — Та же история, что и с девятнадцатую.

— Я думаю, это всего лишь совпадение, — высказала свое мнение Сюзанна. — Конечно же, не все, с чем мы сталкиваемся на нашей тропе, — ка, не так ли? Эти слова даже лингвистически не связаны. В нашем мире слово Calla имела бы испанские корни... как и многие из слов, которые ты помнишь по Меджису, Роланд, и произносилась, как «калья». Я думаю, на испанском это улица или площадь. ^[15] Уж извини, что не помню точно, учила испанский только в средней школе, а с тех пор много воды утекло. Но, если я права, использование этого слова, как начальной части названия города, деревни... или нескольких деревень, расположенных рядом, имеет смысл. Не самый, возможно, лучший вариант, но вполне приемлемый. Callahan, с

другой стороны, так и произносится, Каллахан... — она пожала плечами. — Это что? Распространенная ирландская фамилия? Английская?

— Уж точно не испанская, — ввернул Джек. — Но эта история с девятнадцатью...

— Нассать на девятнадцать, — грубо оборвал его Роланд. — Сейчас не время для игры в числа. Он скоро вернется со своими друзьями, а до того мне есть о чем с вами поговорить.

— Ты думаешь, насчет Черного Тринадцатого он говорит правду? — спросил Джейк.

— Да, — кивнул Роланд. — Исходя из того, что произошло с тобой и Эдди в прошлую ночь, я думаю, что ответ — да. Если это правда, держать при себе этот хрустальный шар опасно, но мы должны его взять. Потому что, если его не возьмем мы, он достанется Волкам из Тандерклепа. И хватит об этом, сейчас у нас есть более насущные проблемы.

Чувствовалось, что Роланд чем-то взволнован. Он пристально смотрел на Джейка.

— Ты вздрогнул, услышав фамилию этого крупного фермера. И ты тоже, Эдди, хотя и не дал такой явной реакции.

— Извини, — потупился Джейк. — Я забыл имя...

— Ничего ты не забыл, — оборвал его Роланд. — А если и забыл, то вместе со мной. Потому что я слышал эту фамилию, и недавно. Только не могу припомнить, где и когда, — потом, с неохотой добавил. — Старею.

— Это случилось в магазине, — ответил Джейк. Подтянул к себе заплечный мешок, нервно завоzilся с завязками, пока не развязал их. Откинул клапан, словно хотел убедиться, что «Чарли Чу-Чу» и книга загадок по-прежнему на месте, по-прежнему их можно потрогать. — В «Манхэттенском ресторане для ума». Это так странно. Однажды это случилось со мной, а однажды я наблюдал, как это происходит со мной. И это само по себе очень хорошая загадка.

Роланд описал круг изуродованной правой рукой, предлагая поторопиться с рассказом.

— Мистер Тауэр представился мне, я ответил тем же. Сказал, что меня зовут Джейк Чеймберз. И тогда он сказал...

— Хорошее имя, дружище, — вмешался Эдди. — Вот что он сказал. А потом добавил, что Джейк Чеймберз звучит почти что как имя героя романа-вестерна.

— «Парня, который врывается в город Черные Вилы, штат Аризона, очищает его от всех бандюганов, потом скачет дальше, — на память процитировал Джейк. — Что-то, по-моему, из Уэйна Д. Оуверхолсера», — посмотрел на Сюзанну и повторил. — Уэйн Д. Оуверхолсер. Если ты скажешь мне, что и это совпадение, Сюзанна... — он вдруг ослепительно улыбнулся. — Я предложу тебе поцеловать мою белую задницу.

Сюзанна рассмеялась.

— В этом нет необходимости, сладкий мальчик. Я не верю, что это совпадение. И когда мы встретимся с этим фермером, приятелем Каллахана, я обязательно спрошу, какое у него второе имя. Если Дирк или Дейн, то есть из четырех букв... — ее рука вновь вернулась под левую грудь. — Ох уж эти газы! Боже! Я бы многое отдала за упаковку «Тамс»^[16] или... — она не договорила. — Джейк, что с тобой?

Джейк держал в руках книгу «Чарли Чу-Чу» и его лицо бледнело на глазах. Глаза округлились, стали огромными. Рядом с ним начал тревожно подвывать Ыш. Роланд наклонился, чтобы взглянуть на книгу, и его брови взлетели вверх.

— Святые боги, — вырвалось у него.

Посмотрели на книгу и Эдди с Сюзанной. Название осталось прежним. Картинка осталась прежней: древний паровозик пыхтел, забираясь на гору, скребок расплывался в счастливой улыбке, огни-глаза сияли. Но надпись под картинкой, желтыми буквами: «Текст и рисунки Берил Эванз», — исчезла. И новая не появилась.

Джейк повернул книгу, посмотрел на корешок. У видел только название книги, «Чарли Чу-

Чу», и издательства, «Макколи Хауз, паблишерс». Ничего больше.

К югу от них слышались голоса. Каллагэн и его спутники приближались. Каллагэн из Кальи. Каллагэн из Лота, как он также называл себя.

— Титульная страница, сладенький, — подала голос Сюзанна. — Открой ее, быстро.

Джейк открыл. Вновь они увидели только название книги и название издательства, на этот раз с выходными данными.

— Посмотри на страницу с копирайтом, — предложил Эдди.

Джейк перевернул страницу. Здесь, на обороте титульной страницы и перед первой страницей книги, печаталась информация о правообладателях. Да только на этой странице этой информации не было, практически не было. Они увидели:

Копирайт 1936,

Одно слово и четыре цифры, которые в сумме давали число 19.

Более ничего, на всей странице.

Сюзанна смогла стать свидетелем большей части событий того длинного и интересного дня, потому что Роланд предоставил ей такую возможность, а она полностью пришла в себя после того, как прекратились приступы утренней тошноты.

Аккурат перед тем, как Каллагэн^[17] и его компанию приблизилась к костру, Роланд прошептал ей: «Держись как можно ближе ко мне, и не произноси ни слова, если только я не обращусь к тебе. Если они примут тебя за мою женщину, не смей возражать».

При других обстоятельствах она могла бы сказать что-то едкое, что, мол, никак не видит себя походной женой Роланда, согревающей его старые кости холодной ночью, однако в это утро времени на шутки не было, и выражение его лица ясно говорило об этом. Опять же, роль верной и покорной второй половины приглянулась Сюзанне. По правде говоря, ее радовала любая роль. Даже ребенком ей нравилось играть других людей.

«И это наверное все, что кому-либо стоит о тебе знать, сладенькая», — подумала она.

— Сюзанна? — спросил Роланд. — Ты меня слышишь?

— Слышу тебя хорошо, — ответила она. — Обо мне не волнуйся.

Как женщина, выросшая черной в Америке середины двадцатого столетия (Одетта на просмотре фильма по роману Ралфа Эллисона^[18] «Невидимка» то и дело смеялась и аплодировала, качаясь взад-вперед, словно человек, которому открывалась истина), Сюзанна точно знала, чего он от нее хотел. И намеревалась исполнить все его пожелания. Какая-то ее частица, злобная Детта Уокер, никак не желала признавать главенство Роланда, но оставшаяся, большая часть видела в Роланде того, кем он и был на самом деле: последнего из рыцарей. Может, даже героя.

Пока Роланд представлял свой ка-тет (Сюзанну — последней, после Джейка, можно сказать, с легким пренебрежением), у нее появилось время отметить, до чего же хорошо она себя чувствует после того, как ушли эти ноющие боли в левом боку. Черт, даже головная боль, которая уже с неделю досаждала ей, и та ушла. То блуждала от одного места к другому, с затылка к виску, потом к левому глазу, опять к затылку, а тут раз, и пропала. И, разумеется, исчезла и утренняя тошнота. Проснувшись, она где-то с час не могла прийти в себя. Рвать ее не рвало, но она постоянно находилась на грани.

Она прекрасно понимала, о чем могли свидетельствовать эти симптомы, да только с полной уверенностью могла сказать, что свидетельствовать им не о чем. И очень надеялась, что не раздуется, как Джессика, подруга матери, с которой такое случилось не один раз, а дважды. Две ложные беременности, и в обеих случаях женщину раздувало так, будто в животе у нее двойня. А то и тройня. Но, разумеется, у Джессики Бисли прекращались месячные, вот женщина и не сомневалась, что забеременела. Именно по этой причине Сюзанна и знала, что с ней ничего такого не произошло: она продолжала менструировать. Один раз месячные пришли, когда их четверка проснулась на Тропе Луча, в двадцати пяти или тридцати милях от Зеленого дворца. Потом пришли во второй раз. В обоих случаях текла она очень сильно, ей пришлось использовать

множество тряпок, чтобы утилизировать темный поток, когда как обычно из нее выливалось по чуть-чуть, иногда всего несколько капель, которые ее мать называла «женскими розами». Однако, она не жаловалась, потому что до прибытия в этот мир месячные сопровождалась сильными болями, бывало, напоминавшими пытку. А вот на Тропе Луча менструации оба раза прошли совершенно безболезненно. И если бы не тряпки, которые она зарывала в землю то на одной, то на другой стороны дороги, ее самочувствие во время месячных ничем не отличалось от самочувствия в любые другие дни. Возможно, сказывалась чистота воды, которую они пили.

Естественно, она знала, в чем причина; для этого не требовалось иметь семь пядей во лбу. Эти безумные, суматошные сны, которые она не могла потом вспомнить, слабость и тошнота по утрам, блуждающие головные боли, газы, пучившие кишечник, спазмы желудка говорили об одном и том же: она хотела родить от него ребенка. Больше всего на свете она хотела, чтобы к нее под сердцем рос ребенок Эдди Дина.

А чего она не хотела, так это раздуться от ложной беременности.

«Сейчас выброси эти мысли из головы, — сказала она себе, глядя на приближающихся Каллагэна и его спутников. — Сейчас твое дело — наблюдать. Увидеть то, что могут не заметить Роланд, Эдди и Джейк. Тогда мы не упустим ничего важного». И Сюзанна не сомневалась, что с этим заданием она справится на отлично.

Потому что прекрасно себя чувствовала, и ничто ее не отвлекало.

3

Каллагэн шел первым. За ним — двое мужчин, один лет тридцати, второй, как показалось Сюзанне, в два раза старше. Более пожилого отличали тяжелые щеки, которым с годами предстояло отвиснуть еще сильнее, и глубокие морщины, тянувшиеся от крыльев носа в уголкам рта (Дэн Холмс, который мог похвастаться такими же, говорил, что они — признак сильного характера). Голову молодого мужчины покрывало потрепанное сомбреро, пожилого — чистенький, белый «стетсон», при виде которого Сюзанна едва не улыбнулась: в старых, черно-белых вестернах такие шляпы носили хорошие парни. Она догадалась, что «стетсон» этот наверняка стоит недешево, и сделала логичный вывод: пожилой мужчина — Уэйн Оуверхолсер. «Крупный фермер», как назвал его Роланд. Которого, по словам Каллагэна, следовало убеждать.

«Но это не наша забота», — с облегчением подумала Сюзанна. Тонкие сжатые губы, пронизательные глаза, а главное — эти глубокие морщины (еще одна вертикально рассекала лоб, аккуратно над глазами), говорили за то, что убедить в чем-либо сэя Оуверхолсера — задача не из простых, попотеть придется.

За двумя мужчинами, точнее, за более молодым, шла высокая, симпатичная женщина, скорее всего, не негритянка, но практически такая же темнокожая, как и Сюзанна. А замыкали колонну серьезного вида мужчина в очках и фермерской одежде и похожий на него мальчик, возможно на два или три года старше Джейка. Одного взгляда хватало, что бы понять, что это отец и сын: Слайтман-старший и Слайтман-младший.

«Мальчик годами, возможно, и старше Джейка, — подумала Сюзанна, — но по виду какой-то он мягкотелый». С другой стороны, в этом, возможно, и не было ничего странного. Просто Джейку, в его юном возрасте, много чего пришлось повидать. Да и сделать тоже.

Оуверхолсер глянул на их оружие (большие револьверы с рукоятками из сандалового дерева Роланда и Эдди, «ругер» Джейка), потом на Роланда. Изобразил приветствие: пальцы, половину сжавшиеся в кулак до лба не добрались, кланяться не стал. Если Роланда это и покорило, виду он не показал. Собственно, никаких эмоций не просматривалось на его лице,

за исключением легкого любопытства.

— Хайл, стрелок, — приветствовал Роланда мужчина, который шагал рядом с Оуверхолсером, и вот он упал на одно колено, ткнувшись склоненным лбом в кулак. — Я — Тиан Джеффордс, сын Люка. Эта женщина — моя жена, Залия.

— Хайл, — ответил Роланд. — И зови меня Роланд, если тебя это не затруднит. Пусть будут долгими твои дни на этой земле, сэй Джеффордс.

— Тиан. Пожалуйста. И пусть у тебя и твоих друзей...

— Я — Оуверхолсер, — перебил его мужчина в белом «стетсоне». — Мы пришли, чтобы встретить тебя, тебя и твоих друзей, по требованию Каллагэна и молодого Джеффордса. Я бы предпочел побыстрее покончить с формальностями и сразу перейти к делу, только не обижайся, прошу тебя.

— Извини, но все было не совсем так, — вновь заговорил Джеффордс. — Было собрание, и мужчины Кальи проголосовали...

Оуверхолсер вновь оборвал его. «Такой уж он человек, — подумала Сюзанна. — Возможно, даже не отдает себе в этом отчета».

— Ага, мужчины проголосовали. Мужчины Кальи. Я готов выполнить все пожелания моего города и моих соседей, но время сейчас жаркое, особенно для меня, вот...

— Жизнь — урожаю, — спокойно ответил Роланд. Сюзанна поняла скрытый смысл этих слов, отчего по спине побежал холодок, а вот Оуверхолсер просиял. И у нее появилась надежда на то, что день этот закончится очень даже хорошо.

— Приходи жатва, мы говорим, спасибо, сэй, — стоявший чуть сбоку Каллагэн смотрел на лес. За спиной Оуверхолсера Тиан Джеффордс и Залия переглянулись. Слайтманы ждали и наблюдали. — Это ты, я вижу, понимаешь.

— В Гилеаде нас окружали фермы и поля. Так что мне случалось и косить траву, и молотить зерно. А также собирать корнеплоды.

Оуверхолсер ответил улыбкой, которая показалась Сюзанне оскорбительной. Она говорила: «Мы же оба знаем, что это выдумка, не правда ли, сэй? В конце концов, мы оба много чего повидали на своем веку».

— Откуда ты в действительности родом, сэй Роланд?

— Мой друг, тебе нужно проверить слух, — ответил ему Эдди.

Оуверхолсер в недоумении посмотрел на него.

— Что ты сказал?

Эдди скорчил гримасу, как обращаясь к остальным: «Сами видите, о чем я толкую», — и кивнул.

— Именно об этом я и говорил.

— Помолчи, Эдди, — все тем же ровным и спокойным голосом одернул его Роланд. — Сэй Оуверхолсер, мы все-таки потратим несколько минут, чтобы обменяться именами и поприветствовать друг друга. Так ведут себя цивилизованные, вежливые люди, не правда ли? — Роланд выдержал значимую паузу. — Торопыги, возможно, устроены иначе, но ведь здесь торопыг нет.

Губы Оуверхолсера сжались еще сильнее, он вперился взглядом в Роланда, готовый ответить на возможное оскорбление. Но на лице стрелка читалось исключительно спокойствие, и он чуть расслабился.

— Спасибо, сэй. Это Тиан и Залия Джеффордс, как ты уже слышал...

Залия сделала реверанс, расправив невидимые юбки по обе стороны штанов из грубой парусины.

— ...А Это Бен Слайтман-старший и Бенни-младший.

Отец прижал кулак ко лбу и кивнул. Сын, на лице которого читался благоговейный трепет (Сюзанна предположила, что вызывало этот трепет прежде всего оружие), поклонился, выставив перед собой правую ногу и уперевшись каблуком в землю.

— Старика ты знаешь, — закончил Оуверхолсер, с тем легким пренебрежением, которое, относись оно к нему, воспринял бы, как серьезное оскорбление. Сюзанна предположила, что, будучи крупным фермером, Оуверхолстер привык везде вести себя, как хозяин. И ей оставалось только гадать, на сколько хватит у Роланда терпения. На некоторых людей давить не следовало. Какое-то время они не реагировали, зато потом...

— А это мои спутники, — заговорил Роланд. — Эдди Дин и Джейк Чеймберз из Нью-Йорка. И Сюзанна, — на нее он указал рукой, не удостоив взгляда. Выражение лица Оуверхолстера чуть изменилось. «Все понятно», — прочитала на нем Сюзанна. Детта Уокер умела стирать такое вот выражение с мужских лиц, но Сюзанна полагала, что дискутировать с Оуверхолсером о равноправии женщин по меньшей мере бессмысленно.

Вот почему она смиренно улыбнулась ему и остальным и расправила свои невидимые юбки в реверансе. Она надеялась, что ее реверанс по грациозности не уступает реверансу Залии Джеффордс, хотя понимала, что без стоп и части голеней делать реверанс куда труднее. Гости, конечно, заметили, что ног у нее нет, но их чувства на этот счет Сюзанну не интересовали. Зато хотелось бы знать, что они подумали о кресле-каталке, которую Эдди добыл для нее в Топике, последней остановке Блейна Моно. Само собой, эти люди никогда не видели ничего подобного.

«Каллагэн, возможно, видел, — подумала она. — Потому что Каллагэн с нашей стороны. Он...»

— Это ушастик-путаник? — спросил мальчик.

— Ш-ш-ш, ты что, — Слайтман, похоже, пришел в ужас, услышав голос сына.

— Ничего страшного, — ответил Джейк. — Да, это ушастик-путаник. Ыш, подойди к нему, — и указал на Бена-младшего. Ыш обошел костер и, подойдя к мальчику, поднял на него большие, с золотыми ободками глаза.

— Никогда не видел ручного путаника, — признался Тиан. — Слышал, конечно, о них, но мир сдвинулся.

— Возможно, сдвинулся не весь, — Роланд смотрел на Оуверхолсера. — Возможно, что-то от старого мира и осталось.

— Можно мне погладить его? — спросил мальчик Джейка. — Он не кусается?

— Можешь погладить, и он не кусается.

Когда Слайтман-младший опустил на корточки перед Ышем, Сюзанне оставалось только надеяться, что Джейк хорошо знает своего зверька. Если б ушастик-путаник отхватил Бенни полноса, переговоры определенно бы не заладились.

Но Ыш позволял себя гладить и даже вытянул длинную шею, чтобы обнюхать лицо Слайтмана. Мальчик рассмеялся.

— Как, ты говоришь, его зовут?

С ответом ушастик-путаник опередил Джейка: «Ыш».

Все рассмеялись. И напряжение сразу спало, возникла некая общность людей, путешествующих по дороге, идущей вдоль Тропы Луча. Связь эта была очень хрупкой, но даже Оуверхолсер ее почувствовал. А смеясь, он превращался в человека, с которым, похоже, можно было найти общий язык. Да, испуганным, да, напущенным, но при этом и вменяемым.

И Сюзанна не знала, радоваться этому или бояться.

— Я бы хотел перемолвиться с тобой парой слов, если ты не возражаешь, — сказал Оуверхолсер.

Мальчишки отошли на несколько шагов, с Ышем между ними. Слайтман-младший спрашивал Джейка, умеет ли ушастик-путаник считать. Он слышал, что некоторые из них умеют.

— Я думаю, не стоит, Уэйн, — тут же вырвалось у Джеффордса. — Мы же договорились, вернемся в наш лагерь, преломим хлеб и объясним этим людям наши нужды. А потом, если они согласятся...

— Я не возражаю против того, чтобы поговорить с сэем Оуверхолсером, — прервал его Роланд, — и у тебя, сэй Джеффордс, думаю, тоже не должно быть возражений. Ибо не он ли тут старший? — и, прежде чем Тиан успел оспорить его слова, добавил. — Сюзанна, угости наших гостей чаем. Эдди, присоединись к нам, если тебя это не затруднит.

Сюзанне, само собой, не оставалось ничего другого, как молча восхищаться дипломатическими способностями Роланда.

— У нас приготовлена для вас еда, — застенчиво молвила Залия. — Еда, грэф и кофе.

— Мы поедем с удовольствием и с радостью выпьем кофе, — ответил ей Роланд. — Но сначала выпейте чаю, прошу вас. Наш разговор займет минуту или две, не так ли, сэй?

Оуверхолсер кивнул. Сковывающая его неловкость исчезла. Похоже, он полностью вернул себе контроль над телом, движения стали уверенными и плавными. Чуть дальше по дороге (примерно в том месте, где женщина, которую звали Миа, прошлой ночью ушла в лес) мальчишки смеялись, потому что Ыш сделал что-то умное: Бенни — от восторга, Джейк — с гордостью.

Роланд взял Оуверхолсера за руку и повел по дороге в другую сторону. Эдди неспешно последовал за ними. Джеффордс, нахмурившись, уже собрался присоединиться к ним, но Сюзанна коснулась его плеча.

— Не надо, — прошептала она. — Он знает, что делает.

Джеффордс с сомнением посмотрел на нее, но остался рядом.

— Может, я разожгу для тебя костер, сэй, — Слайтман-старший с сочувствием посмотрел на ее лишенные ступней ноги. — Угольки еще тлеют, так что я это сделаю.

— Будь любезен, — ответила Сюзанна, думая, какая же удивительная ее новая жизнь. Удивительная и странная. Потенциально смертельно опасная, но она научилась наслаждаться ее прелестями. Так вероятность наступления темноты заставляет по особому ценить яркость дня.

Шагах в тридцати трое мужчин остановились. Говорил, в основном, Оуверхолсер, иногда энергично жестикулировать, чтобы добавить весомости своим словам. Говорил так, словно имел дело с вооруженным бродягой, который случайно проезжал этой дорогой с несколькими приятелями. Он объяснил Роланду, что Тиан Джеффордс — дурак (хотя и хотел, чтобы все было, как лучше), который не понимает жизни. Сказал Роланду, что Джеффордса надо остановить, привести в чувство, не только ради его благополучия, но ради благополучия всей Кальи. Он убеждал Роланда, если что-то действительно можно сделать, он, Уэйн Оуверхолсер, сын Алана, будет в первых рядах тех, кто за это возьмется. Никогда в жизни он не уходил от ответственности за судьбы города, но выступить против Волков — это безумие. И именно к безумию, тут он понизил голос, призывал и Старик. В своей церкви он мог делать все, что ему заблагорассудится. Без толики безумия в его ритуалах просто не обойтись. Но реальная жизнь — это же не церковные ритуалы. Далеко не церковные ритуалы.

Роланд слушал внимательно, изредка кивая. Практически не произнес ни слова. Выговорившись, Оуверхолсер, самый крупный фермер Кальи Брин Стерджис, замолчал и теперь, как зачарованный смотрел на стоявшего перед ним стрелка. Просто не мог оторвать взгляда от этих выцветших синих глаз.

— Ты тот, кем себя назвал? — задал он еще один вопрос. — Скажи мне правду, сэй.

— Я — Роланд из Гилеада, — ответил стрелок.

— Потомок Эльда? Ты это мне говоришь?

— По праву и по крови, — ответил Роланд.

— Но Гилеад... — Оуверхолсер запнулся. — Но Гилеада давно нет.

— Зато я есть, — ответил Роланд.

— Ты убьешь нас всех или станешь причиной нашей смерти? Скажи мне, прошу тебя.

— А как думаешь ты, сэй Оуверхолсер? Я спрашиваю, как думаешь ты в эту самую минуту, а не о том, что ты будешь думать через день, неделю, месяц?

Оуверхолсер долго стоял, переводя взгляд с Роланда на Эдди и обратно. Он относился к тем людям, которые не привыкли менять своего мнения. А если такое происходило, то причиняло сильную боль. С дороги донесся смех мальчиков: Ыш принес палку, которую бросил Бенни, размером чуть поменьше самого ушастика-путаника.

— Я тебя выслушаю, — изрек Оуверхолсер. — Я на это пойду, да помогут мне боги, и говорю, спасибо тебе.

— Другими словами, он обстоятельно объяснил, почему считают эту затею дурацкой, — потом рассказывал Эдди Сюзанне, — а в итоге сделал именно то, чего и хотел от него Роланд. Прямо-таки магия.

— Иногда мне кажется, что Роланд и есть маг, — ответила ему Сюзанна.

6

Жители Кальи разбили лагерь на полянке, которая занимала чуть ли не всю вершину холма к югу от дороги, практически на Тропе Луча, поэтому казалось, что застывшие над Тропой облака находятся на расстоянии вытянутой руки. К лагерю вели большие зарубки на деревьях, Сюзанна решила, что некоторые размером не уступали ее ладони. Эти люди, конечно, знали толк в земледелии и разведении скота, но в лесу явно чувствовали себя не в своей тарелке.

— Могу я немного покатить этот стул, молодой человек? — спросил Оуверхолсер Эдди, когда начался последний подъем. Но ноздрей Сюзанны уже долетел запах жареного мяса, и она задалась вопросом, а кто же занимается готовкой, если вся группа Каллагэна-Оуверхолсера отправилась на встречу с ними. Впрочем, женщина упоминала какого-то Энди. Слугу? Вполне возможно. К примеру, личного слугу Оуверхолсера. Почему нет? Человек, который мог позволить себе такой роскошный «стетсон», вполне мог иметь личного слугу.

— Пожалуйста, — ответил Эдди. Но не решился добавить: «Прошу тебя». («Прозвучало бы фальшиво», — подумала Сюзанна). Отступил в сторону, давая возможность Оуверхолсеру взяться за рукоятки кресла-каталки. Фермер не мог пожаловаться ни на рост, ни на силу, и, пусть склон был достаточно крутым, а Сюзанна весила сто тридцать фунтов, дыхание его оставалось размеренным.

— Могу я задать тебе вопрос, сэй Оуверхолсер? — спросил Эдди.

— Разумеется, — ответил тот.

— Какое твое второе имя?

Кресло на мгновение остановилось: Сюзанна отнесла сие за счет изумления.

— Странный, однако вопрос, молодой человек. Почему ты спрашиваешь?

— Ну, это мое хобби, — ответил Эдди. — По вторым именам я предсказываю судьбу.

«Осторожнее, Эдди, осторожнее», — подумала Сюзанна, но и ей не терпелось услышать ответ.

— Правда?

— Да. Если говорить о тебе, я готов поспорить, что твое второе имя начинается... — он сделал вид, будто что-то рассчитывает, — ...с буквы Д, — только произнес он его, как «дех», на манер букв из Высокого Слога. — И, полагаю, оно у тебя короткое. Из пяти букв. Может, даже из четырех.

Вновь коляска на мгновение застыла.

— Дьявол будет доволен! — воскликнул Оуверхолсер. — Как ты узнал? Скажи мне.

Эдди пожал плечами. «Тут все построено на расчетах и догадках. По правде говоря, я ошибаюсь столь же часто, как и попадаю в точку».

— Чаще, — вставила Сюзанна.

— Скажу тебе, что мое второе имя Дейл, — ответил Оуверхолсер, — и если кто-то и объяснял мне, почему, моя память объяснений этих не сохранила. Родителей я потерял совсем молодым.

— Мы скорбим о твоей потере, — откликнулась Сюзанна, радуясь тому, что Эдди отходит от них. Должно быть, чтобы сказать Джейку, что насчет среднего имени она не ошиблась. Уэйн Дейл Оуверхолсер. Девятнадцать букв.

— Этот молодой человек очень умный или совсем дурак? — спросил Оуверхолсер Сюзанну. — Ответь мне, прошу тебя, ибо сам я понять не могу.

— Есть в нем и первое, и второе.

— Насчет этого стула на колесах такого не скажешь, ты согласишься? Его сделали очень умные люди. Он сложный, как компас.

— Я говорю, спасибо тебе, — ответила она и внутренне облегченно вздохнула. Слова сами, легко и непринужденно, слетели с губ, возможно потому, что она не готовилась их произнести.

— Где вы его взяли?

— Далеко отсюда, в той стороне, откуда мы пришли, — такой поворот разговора ей не нравился. Она полагала, что об их прошлом рассказывать должен Роланд. Он был их старшим. А кроме того, когда говорит один, не возникает никаких противоречий, которые потом приходится объяснять. Однако, она сочла возможным кое-что добавить. — Там есть червоточина. Мы пришли с другой ее стороны, где жизнь совсем не такая, как здесь, — она повернула голову чтобы посмотреть на него. Щеки и шея покраснели от напряжения, но в целом, подумала она, получается у него очень даже неплохо, учитывая, что ему далеко за пятьдесят. — Ты знаешь, о чем я говорю?

— Ага, — кивнул он и сплюнул через левое плечо. — Не то, чтобы я видел или слышал ее сам, ты понимаешь. Я никогда не уходил так далеко: слишком много дел на ферме. Жители Калы, как правило, в лесу чувствуют себя неудобно, видишь ли.

«О, да, я это вижу», — подумала Сюзанна, заметив зарубку величиной с обеденную тарелку. И решила, что этому дереву очень повезет, если оно сможет пережить грядущую зиму.

— Энди много рассказывал о червоточине. Он говорит, она издает какой-то звук, только его трудно описать.

— Кто такой Энди?

— Скоро ты увидишь его сама. Ты из того же Йорка, что и твои друзья?

— Да, — ответила она, вновь насторожившись. Он повел коляску вокруг толстого железного дерева. Ближе к вершине дерева стояли все реже, тогда как запах готовки усилился.

Мясо... и кофе. В желудке у нее заурчало.

— И они — не стрелки, — Оуверхолсер посмотрел на Эдди и Джейка. — Ты, конечно же, не будешь этого утверждать.

— Тебе придется решать это самому, когда придет время, — ответила Сюзанна.

Какое-то время он молчал. Кресло перекатилось через скальный выступ. Впереди Ыш трусил между Джейком и Бенни Слайтманом, которые быстро, как принято у мальчишек, подружились. Сюзанна задалась вопросом, а хорошо ли это. Потому что очень уж они были разные. И время могло показать, сколь велико это различие, к их обоюдному огорчению.

— Он меня испугал, — говорил Оуверхолсер едва слышно. Словно сам с собой. — Особенно, я думаю, его глаза. В большей степени, его глаза.

— Так ты будешь стоять на прежних позициях? — спросила Сюзанна. Бесстрастным голосом, как бы между прочим, хотя ответ на этот вопрос имел немаловажное значение, и ее удивила его яростная реакция.

— Мы сошла с ума, женщина? Разумеется, нет, если я увижу выход из той ямы, в которую мы свалились. Слушай меня внимательно. Этот мальчик... — он указал на Тиана, шагающего впереди рядом с женой, — ...этот мальчик обвинил меня в трусости. Постарался, чтобы все узнали о том, что у меня нет детей в том возрасте, который интересуется Волков, да. А вот у него есть, знаешь ли. Но неужели ты думаешь, что я — дурак, который не умеет считать?

— Только не я, — спокойно ответила Сюзанна.

— А он? Мне кажется, что он именно так и думает, — слушая Оуверхолсера, Сюзанна понимала, что в его голове идет сейчас нешуточная борьба между страхом и гордостью. — Разве я хочу отдать наших детей Волкам? Детей, которые вернутся рунтами и станут обузой городу? Нет! Но я также не хочу, чтобы какая-нибудь горячая голова ввергла нас в авантюру, из которой не будет выхода.

Сюзанна обернулась и увидела удивительное. Этот человек хотел сказать да. Искал причину, чтобы сказать да. Роланд добился в нем такой перемены, по существу не произнеся и слова. Всего лишь... ну, всего лишь пристально посмотрел на него.

Уголком глаза она уловила какое-то движение. «Господи Иисусе!» — воскликнул Эдди. Рука Сюзанны метнулась к тому месту, где сейчас не было револьвера. Она посмотрела вперед. С вершины холма им навстречу направлялся металлический человек ростом никак не меньше семи футов.

Рука Джейка уже лежала на рукоятке «ругера», торчащей из самодельной кобуры.

— Спокойно, Джейк, — подал голос Роланд.

Металлический человек, поблескивая синими глазами, остановился перед ними. Застыл секунд на десять. Этого времени вполне хватило, чтобы Сюзанна прочитала надпись на табличке, которая крепилась к груди робота. «Северный центр позитроники, — подумала она. — Возвращение на сцену. Не говоря уже о компании ЛаМерка».

Тем временем робот поднял серебристую руку, прижал серебристый кулак ко лбу из нержавеющей стали.

— Хайл, стрелок, пришедший издалека. Долгих тебе дней и приятных ночей.

Роланд поднес пальцы к своему лбу.

— И тебе их в два раза больше, Энди-сэй.

— Спасибо тебе, — в корпусе робота что-то защелкало. Потом он наклонился вперед, синие глаза ярко вспыхнули. Сюзанна увидела, как рука Эдди поползла к сандаловой рукоятке древнего револьвера. Роланд, однако, и бровью не повел.

— Я приготовил вкусную еду, стрелок. Много хороших блюд благодаря доброму урожаю, да.

— Я говорю, спасибо тебе, Энди.

— Пусть моя еда порадует тебя, стрелок, — из чрева робота вновь донеслись щелчки. — А пока не хотел бы ты услышать свой гороскоп?

Примерно в два часа пополудни все десять человек принялись за, как назвал его Роланд, ранчерский обед. «С утра ты ждешь его с нетерпением, — потом сказал он своим друзьям. — Вечером вспоминаешь с ностальгией».

Эдди полагал, что он шутил, но полной уверенности у него не было. Очень уж сухим юмором отличался стрелок.

Не мог Эдди назвать эту трапезу лучшей в своей жизни, потому что первое место уверенно держал банкет, устроенный им стариками в Речном Перекрестке, но после трех недель лесного похода с диетой из «буррито по-стрелецки», которые изредка, раза два в неделю, разнообразило мясо зайца, это был праздник желудка. Энди приготовил бифштексы с кровью и грибной соус, потушил фасоль, спёк лепешки, поджарил кукурузные початки. Эдди попробовал один, и решил, что вкусно. Компанию им составляла шинкованная капуста, приготовленная, как не замедлил сказать Тиан Джеффордс, его женой, и отменный клубничный пудинг. И, разумеется, кофе. По прикидкам Эдди, они вчетвером выпили как минимум галлон. Даже Ыш получил свою долю. Джейк поставил на землю блюдечко с черным, крепким напитком. Ыш понюхал, сказал: «Кофф!» — и быстро все вылакал.

За обедом серьезных разговоров не велось («Еда и дела несовместимы», — гласил один из постулатов Роланда), однако Эдди узнал много интересного от Джеффордса и его жены, в основном о том, как жили в краю, который Тиан и Залия называли Пограничьем. Эдди надеялся, что Сюзанна (она сидела рядом с Оуверхолсером) и Джейк (сидел рядом с мальчиком, которого Эдди уже окрестил Бенни-Мальш) тоже не зря проведут время и вместе им удастся получить достаточно полную картину. Эдди ожидал, что Роланд сядет рядом с Каллагэном, но Каллагэн не пожелал ни с кем садиться. Взял тарелку, отошел чуть в сторону, сел, перекрестился и принялся за еду. Эдди отметил, что в тарелке ее не так уж и много. Злился на Оуверхолсера, который перетащил одеяло на себя или предпочитал одиночество? Точно Эдди сказать не мог, очень уж мало они общались, но, если бы кто-то приставил пистолет к его виску, проголосовал бы за второй вариант.

А больше всего изумила Эдди цивилизованность этой части мира. Лад, с его воюющими седыми и модами, на этом фоне выглядел людоедскими островами из детских историй про далекие моря. У этих людей были дороги, законы, система управления, напомнившая Эдди городские советы Новой Англии. Был городской Зал собраний и перышко, как понял Эдди, некий властный символ. Если кто-то хотел созвать людей на собрание, он посылал перышко по домам. Если его касалось достаточное количество людей, собрание проводилось. Если нет — не проводилось. С перышком ходили два человека, и проводимый ими подсчет голосов не ставился под сомнение. Эдди сомневался, что такая схема могла сработать в Нью-Йорке, но для этого мира подходила идеально.

В Пограничье, тянувшимся дугой на север и на юг от Кальи Брин Стерджис, расположились еще как минимум семьдесят городков, название которых начиналось со слова Калья. С юга к ним примыкал город Калья Брин Локвуд, с севера — Калья Амита. В обоих городках также жили фермеры и ранчеры. И они подвергались периодическим набегам Волков. Далее к югу находились Калья Брин Боус и Калья Стаффел, где преобладали ранчо. Джеффордс говорил, что тамошние жители также становились жертвами Волков... во всяком случае, он так думал. На

севере, в Калья Сен Пиндер и Калья Сен Че, жили, в основном, фермеры и овцеводы.

— Там фермы большие, — говорил Тиан, — но, чем дальше на север, тем меньше они становятся, понимаете, пока не начинаются земли, где падает снег, так мне говорили. Сам я его никогда не видел. И там делают прекрасный сыр.

— Те, кто живет на севере, носят обувь из шерсти, так, во всяком случае, говорят, ^[19] — однако, в голосе Залии, когда она рассказывала об этом Эдди, слышалось сомнение. Сама она носила кожаные полусапожки.

Жители городков путешествовали мало, но дороги для таких путешествий имелись, торговля велась бойко. Достопримечательностью Пограничья считалась и Уайе, которую иногда называли Большой Рекой. Она протекала к югу от Кальи Брин Стерджис, и несла свои воды в Южное море, так, во всяком случае говорили. Были горнодобывающие, шахтерские Кальи и промышленные (где вещи изготавливались с помощью паровых прессов и даже, да, электричества) и даже Калья, куда приезжали, чтобы отдохнуть. Гостям предлагались азартные игры, самые разнообразные развлечения и...

Тут Тиан, который все это рассказывал, почувствовал на себе взгляд Залии и пошел к котлу за добавкой тушеной фасоли.

— Итак, — Эдди нарисовал в пыли полукруг, — это Пограничье. Кальи. Дуга, которая уходит на север и на юг... как далеко, Залия?

— Это мужское дело, знаешь ли, — ответила она. Потом, увидев, что ее муж все еще у костра, инспектирует котлы, чуть наклонилась к Эдди. — Ты привык считать в милях или колесах?

— Мне без разницы, но предпочтительнее в милях.

Она кивнула.

— Может, две тысячи миль сюда... — она указала на север, — ...и в два раза больше сюда, — она указала на юг, потом вновь сложила руки на коленях — женщина, знающая свое место.

— А эти города... эти Кальи... они растянулись по всей дуге?

— Так нам говорят, если хочешь знать, и торговцы действительно приходят и уходят. К северо-западу от нас Большая Река делится на две. Восточный рукав мы называем Девар-Тете Уайе, ты можешь сказать, Маленькая Уайе. Конечно, по реке к нам больше приплывают с севера, потому что течет она с севера на юг, как видишь.

— Вижу. А что на востоке?

Она опустила глаза.

— Тандерклеп, — заговорила едва слышно. — Туда никто не ходит.

— Почему?

— Там темно, — она не отрывала взгляда от коленей. Потом подняла руку. Указала в ту сторону, откуда пришли Роланд и его друзья. В сторону Срединного мира. — Там мир гибнет. Так нам говорили. Там... — она указала на восток и вот тут посмотрела Эдди в глаза. — Там, в Тандерклепе, он уже погиб. А посередине мы, которые хотим только одного: спокойной, мирной жизни.

— И ты думаешь, такое возможно?

— Нет, — ответила она, и по щекам покатились слезы.

Облегчившись, поднялся с корточек и потянулся за листьями, чтобы подтереться, когда за спиной раздался голос.

— Не эти, сэй, будь так любезен. Это ядовитая ворсянка. Подотришь ими, и кожа покроется волдырями.

Эдди подпрыгнул, развернулся, одной рукой подтянул джинсы, второй схватился на ремень с револьвером, который повесил на ветвь ближайшего дерева. Потом увидел, кто говорит, точнее, что, и чуть расслабился.

— Энди, это не кошерно, подкрадываться сзади, когда человек срет, — он указал на низкий куст с широкими листьями. — А чем все обернется, если я подотрусь этими?

Ему ответило пощелкивание.

— Что с тобой? — спросил Эдди. — Я сделал что-то не так?

— Нет, — ответил Энди, — я просто обрабатываю информацию. Кошерно: неизвестное слово. Подкрадываться: я не подкрадывался, просто подошел. Срать: сленговое выражение для физиологической функции, посредством которой из организма выводятся...

— Да, да, — прервал его Эдди. — Именно этой функции. Но послушай, Энди, если ты не подкрадывался ко мне, как вышло, что я тебя не слышал? Тут же кусты, на земле валяются сухие ветки. Люди, знаешь ли, по кустам бесшумно ходить не могут.

— Я — не человек, — ответил Энди. И, как показалось Эдди, в голосе слышалось самодовольство.

— Но ты же очень большой. Как тебе удастся ходить так тихо?

— Программа, — ответил Энди. — Эти листья подойдут, можешь не волноваться.

Эдди закатил глаза, потом сорвал несколько листьев.

— О, да. Программа. Конечно, Как же я сам не догадался. Спасибо, сэй. Долгих тебе дней, поцелуй меня в задницу и отправляйся на небеса.

— Небеса, — повторил Энди. — Место, куда человек попадает после смерти. Вариант рая. Согласно Старику, те, кто попадает на небеса, сидят справа от Бога Отца, во веки веков.

— Да? А кто же сидит по левую руку? Продавцы «Тапперуэров»? [\[201\]](#)

— Сэй, я не знаю. Тапперуэр — неизвестное мне слово. Хочешь услышать свой гороскоп?

— Почему нет? — Эдди пошел к лагерю, откуда доносился смех мальчиков и лай ушастика-путаника. Энди высился над ним, сверкая даже под облачным небом, не издавая ни звука. Нагоняя жуть.

— День твоего рождения, сэй?

Эдди подумал, что знает, как ответить на этот вопрос.

— Я — родился под знаком козерога, — тут он вспомнил что-то еще. — Бородатого козерога.

— Зимний снег полон врагов, зимний ребенок сильный и дикий, — да, в голосе Энди определенно слышалось самодовольство.

— Сильный и дикий, это точно я, — кивнул Эдди. — Больше месяца не принимал ванну, так что, можешь поверить, я сильный и дикий, аки зверь лесной. Что еще тебе нужно, Энди, старина? Хочешь взглянуть на мою ладонь?

— В этом нет необходимости, сэй Энди, — радостно возвестил Энди, и Эдди подумал: «Это я, где бы ни появился, везде вызываю радость. Даже роботы меня любят. Это моя ка». — Сейчас Полная Земля, и мы все говорим спасибо. Луна красная, а такая луна в Срединном мире звалась Охотничьей, именно так. Ты будешь путешествовать, сэй Эдди! Тебя ждут дальние путешествия! Тебя и твоих друзей! А в эту самую ночь ты вернешься в Нью-Йорк. Ты встретишь черную женщину. Ты...

— Я хочу побольше услышать об этом путешествии в Нью-Йорк, — Эдди остановился в

непосредственной близости от лагеря. Видел между деревьев, как по нему ходят люди. — Без всяких шуток, Энди.

— Ты отправишься туда посредством Прыжка, Эдди! Ты и твои друзья. Вы должны быть осторожны. Услышав каммен, мелодию, выбиваемую колоколами, вы должны сосредоточиться друг на друге. Чтобы не потеряться.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил Эдди.

— Программа, — ответил Энди. — Гороскоп готов, сэй. Бесплатно, — и вот тут робот совсем уж поразил Эдди. — Сэй Каллагэн, Старик, ты знаешь, говорит, что у меня нет лицензии предсказателя, поэтому я не должен брать плату.

— Сэй Каллагэн глаголит истину, — кивнул Эдди, а когда робот уже собрался двинуться к лагерю, остановил его. — Задержись еще на минуту, Энди. Задержись, прошу тебя.

Энди с готовностью остановился, повернулся к Эдди, его синие глаза поблескивали. Эдди хотелось задать тысячу вопросов о Прыжке, но еще больше его интересовало другое.

— Тебе известно об этих Волках.

— О, да. Я сказал сэю Тиану. Он очень огорчился, — вновь Эдди уловил в голосе Эдди что-то похожее на самодовольство... правильно ли он определился с причиной этого самодовольства? Робот... даже робот, который сумел пережить остальных, не мог наслаждаться бедами людей? Или мог?

Не так уж много потребовалось тебе времени, чтобы забыть Моно, не так ли, сладенький? — услышал он в своей голове голос Сюзанны. И тут же раздался голос Джейка: *«Блейн — заноза в заднице»*. А потом собственный: *«Если ты отнесешься к этому железному парню, как к автомату, предсказывающему судьбу в парке развлечений, тогда Эдди, старина, ты заслуживаешь того, что и получишь»*.

— Расскажи мне о Волках, — попросил Эдди.

— Что ты хочешь знать, сэй Эдди.

— Для начала, откуда они приходят. Назови место, в котором они чувствуют себя, как дома, могут поднять лапы кверху и громко попердеть. На кого они работают. Почему забирают детей. Почему дети возвращаются полными дебилами, — и тут в голове мелькнул еще один вопрос. Возможно, наиболее очевидный. — И еще, как ты узнаешь об их приходе?

В чреве Энди защелкало. Щелкало долго, никак не меньше минуты. А когда Энди заговорил, голос его разительно переменялся. Эдди вдруг вспомнил патрульного Боскони, в участок которого входила Бруклин-авеню. Если во время дежурства Боско просто встречал тебя на улице, когда шагал, помахивая дубинкой, то разговаривал с тобой, как с человеком: привет, Эдди, как чувствует себя мать, что поделявает никчемный братец, ладно, увидимся в тренажерном зале, не кури, хорошего тебе дня. Но, если Боско думал, что ты чем-то проштафился, он превращался в отвратительно типа, знаться с которым не было никакого желания. Этот патрульный Боскони не улыбался, его глаза напоминали кусочки льда в феврале (аккурат под знаком Козерога, по ту сторону червоточины). Боско никогда не бил Эдди, но пару раз, однажды после того, как несколько подростков подожгли «Бу Ким маркет», он чувствовал, что этот козел в синей форме может ему врезать, если ему не хватит ума вести себя тихо. Разумеется, о классическом случае раздвоения личности (Детта-Одетта) речь не шла, но патрульный Боско все-таки существовал в двух ипостасях. В одной был хорошим парнем, во второй — копом.

И вот когда Энди заговорил, голосом он более не напоминал добродушного, но довольно-таки глуповатого дядюшку, который верит всему, о чем пишут в таблоидах, и в существование мальчика-аллигатора, и в то, что Элвис Пресли припеваючи живет в Буэнос-Айресе.

Другими словами, заговорил он, как настоящий робот.

— Какой твой пароль, сэй Эдди?

— Что?

— Пароль. У тебя десять секунд. Девять... восемь... семь...

Эдди подумал о шпионских фильмах, которые он видел.

— Так я должен сказать тебе что-то вроде: «В Каире цветут розы», — чтобы ты ответил: «Только в саду миссис Уилсон», — и тогда я скажу...

— Пароль неправильный, сэй Эдди... два... один... ноль, — из Энди исторгся какой-то низкий, глухой звук, который совершенно не понравился Эдди. Словно лезвие большого, острого мясницкого топора прошло сквозь мясо и врезалось в дерево колоды. И вот тут он впервые подумал о Древних людях, которые построили Энди (или, может, это были люди, которые жили до Древних, и их следовало называть Действительно древние люди... кто знал?). Людях, встречаться с которыми Эдди совершенно не хотелось, если именно с их потомками ему пришлось пообщаться в Ладе.

— Ты можешь попробовать еще раз, — продолжил холодный голос. Лишь отдаленно напоминающий тот, что спрашивал у Эдди, не хочет ли Эдди услышать свой гороскоп... да, да, лишь отдаленно напоминающий. — Воспользуешься второй попыткой, Эдди из Нью-Йорка?

Эдди думал быстро.

— Нет, в этом нет необходимости. Информация секретная?

Вновь щелчки.

— Секретная: закрытая, доступная на определенных условиях, хранящаяся на q-диске, получить ее могут только те, кто имеет на это право. Указанное право подтверждается паролем, — вновь пауза. — Да, Эдди. Информация секретная.

— Почему?

Он не ожидал ответа, однако, получил.

— Согласно директиве номер девятнадцать.

Эдди хлопнул робота по стальному оку.

— Друг мой, ты меня совершенно не удивил. Я так и думал. Директива номер девятнадцать!

— Хочешь услышать свой гороскоп, Эдди-сэй?

— Пожалуй, в другой раз.

— Как насчет песни, которая называется «Прошлой ночью я пила сок Джимми?» Там очень забавные куплеты, — в чреве Энди заиграла губная гармошка.

Эдди, которому определенно не хотелось слышать забавные куплеты, ускорил шаг.

— Как насчет того, чтобы послушать ее позже? — предложил он. — Сейчас я бы предпочел чашечку кофе.

— С удовольствием налью ее тебе, сэй, — ответил Энди. Но голос звучал отстраненно. Как у Боско, когда ты говорил ему, что этим летом у тебя не будет времени на бейсбол.

Роланд сидел на каменном выступе с чашкой кофе. Он выслушал Эдди, не перебивая, и выражение его лица менялось только один раз: брови на мгновение приподнялись, когда Эдди упомянул директиву 19.

На другой стороне поляны Слайтман-младший достал трубочку, которая выдувала ну очень прочные мыльные пузыри. Ыш радостно бегал за ними, разорвал парочку зубами, потом начал понимать, чего от него хотел Слайтман: сгонять их носом в одно место, строя хрупкую

радужную пирамиду. Пузыри эти напомнили Эдди радугу Мэрлина, Магические кристаллы, эти опасные хрустальные шары. Неужели у Каллагэна есть один из них? Самый могущественный и, соответственно, самый опасный?

Чуть подальше мальчиков, на самом краю поляны, стоял Энди, сложив серебристые руки на стальной груди. По предположению Эдди ожидал, когда можно будет убрать грязную посуду и остатки приготовленных и поданных им блюд. Идеальный слуга. Готовит, убирает, предрекает встречу с темнокожей женщиной. Только не следует рассчитывать, что он нарушит директиву 19. Нет пароля — нет информации.

— Подойдите ко мне, друзья, пожалуйста, — Роланд чуть возвысил голос. — Пришло время поговорить. Надолго разговор не затянется, и это хорошо, по крайней мере для нас, потому что мы сегодня уже наговорились, до того, как к нам пришел сэй Каллагэн. Да и вообще от долгих разговоров начинает тошнить, да, начинается.

Они подошли и сели полукругом, как послушные дети, и те, кто пришел из Кальи, и те, кто пришел из далекого далека, чтобы, возможно, уйти еще дальше.

— Прежде всего, я хочу услышать, что известно об этих Волках. Эдди говорит мне, что Энди может и не рассказать нам всего того, что ему, возможно, известно.

— Ты говоришь правду, — пробурчал Слайтман-старший. — То ли те, кто сделал его, то ли те, кто пришел позже, заткнули ему рот, когда дело касается Волков, хотя он всегда предупреждает нас об их приходе, а обо всем остальном болтает без умолку.

Роланд повернулся к самому крупному фермеру Кальи.

— Введи нас в курс дела, сэй Оуверхолсер.

На лице Тиана Джеффордса отразилось разочарование: он рассчитывал, что Роланд обратится к нему. На то же, похоже, надеялась и его жена. Слайтман-старший кивнул, одобряя выбор Роланда, как единственно возможный. Оуверхолсер совсем не раздулся от гордости, как предполагал Эдди. Вместо этого он секунд тридцать смотрел на свои скрещенные ноги и короткие сапоги, потирал щеку, собираясь с мыслями. На поляне воцарилась полная тишина. Эдди слышал, как шуршит под ладонью фермера двух или трехдневная щетина. Наконец, он вздохнул, кивнул и вскинул глаза на Роланда.

— Я говорю, спасибо, сэй. Должен признать, ты не такой, кого я ожидал увидеть. Как и твой тет, — Оуверхолсер повернулся к Тиану. — Ты оказался прав, Тиан Джеффордс, вытащив нас сюда. Нам необходима эта встреча, я говорю, спасибо тебе.

— Это не я вытащил тебя сюда, — ответил Джеффордс. — Это Старик.

Оуверхолсер кивнул Каллагэну, тот кивнул в ответ, затем изувеченной рукой начертил в воздухе крест, как бы говоря, так, во всяком случае, подумал Эдди, заслуга принадлежит не ему, а Богу. «Может и так, — решил он, — но, когда дело дойдет до каштанов, которые придется таскать из огня, я ставлю два доллара против одного, что проделывать это придется Роланду из Гилеада, а не Богу и Человеку-Иисусу, этим небесным стрелкам».

Роланд ждал, лицо оставалось спокойным и бесстрастным.

Наконец, Оуверхолсер начал. И говорил почти пятнадцать минут, медленно, но только по теме. Начал он с близнецов. Жители Кальи понимали, что рождение близнецов скорее, исключение, чем правило в других частях мира и в прошлом, но в их местах, на Великой Дуге, исключением являлись дети, рождающиеся по одному, вроде Аарона Джеффордса. Не просто исключением — крайне редким исключением.

И где-то сто двадцать лет тому назад (а может, сто пятьдесят, точнее не скажешь) Волки начали свои набеги. Они появлялись не при каждом поколении, то есть через двадцать лет, приходили реже, но ненамного.

Эдди подумал о том, чтобы спросить, каким образом Древним людям удалось заткнуть

Энди рот в вопросе о Волках, если со времени первого набега не прошло и двух столетий, но потом отказался от этой мысли. Задавать вопрос без надежды получить на него вразумительный ответ — потеря времени, как сказал бы Роланд. Однако, это интересно, не так ли? Интересно пофантазировать, когда кто-то (или что-то) последний раз программировал Энди-Посыльного (со многими другими функциями).

И почему.

Детей, в возрасте от трех до четырнадцати лет увозили на восток, в Тандерклеп (Эдди заметил, как по ходу рассказа Слайтман-старший обнял сына за плечи). Там они оставались недолго, может, четыре недели, может, шесть. Большинство из них возвращались. По общему мнению те, кто не возвращался, умирали в этой стране Тьмы: погибали от того бесчеловечного ритуала, который превращал большинство в рунтов.

Возвращались дети полными дебилами. Пятилетние более не умели говорить, что-то мычали, пальцами указывали на то, что хотели взять или получить. Подгузники, которыми уже года два как не пользовались, вновь шли в ход. Дети-рунты ходили под себя до десяти, а то и двенадцати лет.

— Тиа до сих пор писается где-то раз в шесть дней, а раз месяц обдeldывается, — вставил Тиан Джеффордс.

— Слушайте его, — мрачно согласился Оуверхолсер. — Мой брат, Уэлленд, оставался таким же до самой смерти. И, разумеется, им требовался более-менее постоянный присмотр. Если они добирались до какой-нибудь еды, которая им нравилась, ели, пока не лопались. Кто приглядывает за твоей сестрой, Тиан?

— Моя кузина, — ответила Залия, прежде чем Тиан успел открыть рот. — Теперь могут немного помочь Хеддон и Хедда, они уже достаточно взрослые... — она замолчала, видать, поняла, о чем говорит. Рот дернулся, больше она не произнесла ни слова. Впрочем, и так все сказала. Да, сейчас помочь могли Хеддон и Хедда. А на следующий год помогать будет только один из близнецов. Тогда как второй...

Ребенок, увезенный десятилетним, возвращался с зачатками речи, но новых слов выучить уже не мог. Хуже всего было самым старшим. Возвращаясь, они смутно помнили, что с ними сделали. Что у них украли. Они много плакали или неподвижно сидели, уставившись на восток. Словно видели свои мозги, порхающие, как птицы, в темном небе. С полдюжины из них даже покончили с собой (тут Каллагэн перекрестился).

Рунты оставались малыми детьми как по речи, так и по поведению до шестнадцати лет. А потом, внезапно, в большинстве своем они начинали расти, быстро превращаясь в молодых гигантов.

— Такое невозможно себе представить, если не увидеть собственными глазами, не пережить этого, — Тиан смотрел в землю. — Невозможно представить себе, какая это боль. Когда у ребенка режутся зубки, вы знаете, как они кричат?

— Да, — ответила Сюзанна.

Тиан кивнул.

— А тут режется все тело, поверьте мне.

— Слушайте его, — продолжил Оуверхолсер. — Шестнадцать или восемнадцать месяцев мой брат спал, ел, кричал и рос. Я до сих пор помню, как он кричал даже во сне. Я вылезал из кровати, подходил к нему и слышал тихий свист, доносящийся из его груди, головы, ног. Ты был звук растущих в ночи костей, слушайте меня.

Эдди мог понять весь этот ужас. Он слышал и читал немало историй о великанах, но до этого момента никогда не задумывался о том, каково это, вырасти в великана. «А тут режется все тело», — Эдди повторил про себя слова Тиана, и кожа его покрылась мурашками.

— Рост продолжался не дольше полутора лет, но мне остается только гадать, каким этот срок казался им, ибо, возвращаясь назад, они напрочь теряли чувство времени.

— Вечностью, — ответила Сюзанна, сильно побледнев. — Эти полтора года казались им вечностью.

— Свист по ночам, вызванный ростом их костей, — Оуверхолсер тяжело вздохнул. — Головные боли, вызванные ростом черепа.

— Один раз Залман кричал не переставая девять дней, — голос Залии звучал бесстрастно, но Эдди видел ужас в ее глазах; видел его очень хорошо. — Скулы выпирали. Лоб закруглялся и выдавался вперед, а наклонившись к нему, можно было услышать, как трещат расширяющиеся кости черепа. Совсем, как ветки дерева под тяжестью льда.

Девять дней он кричал. Девять. Утром, днем, ночью. Кричал и кричал. Из глаз хлестали слезы. Мы молились богам, чтобы он сорвал голос, но нет, не срывал. Если бы у нас была винтовка, я уверена, мы бы пристрелили его, чтобы положить конец этой боли. Мой добрый отец уже собрался перерезать ему горло, когда все закончилось. Кости скелета, правда, какое-то время еще росли... но голова, причинявшая особую боль, перестала, спасибо вам, боги, и Человеку-Иисусу тоже.

Она кивнула Каллагэну. Он кивнул в ответ, простер к ней руку, потом опустил. Залия повернулась к Роланду и его друзьям.

— А теперь у меня пять своих детей. Аарон в безопасности, я говорю, спасибо, но Хеддону и Хедде по десять лет, для Волков самый возраст. Лайману и Лиа только по пять, но они берут и пятилетних. Пятилетние...

Она закрыла лицо руками, не в силах продолжить.

4

После того, как рост прекращался, говорил Оуверхолсер, некоторые могли выполнять хоть какую-то, самую элементарную работу. Но в большинстве своем они не могли даже корчевать пни или копать ямы под столбы. Сидели на ступеньках магазина Тука или группами бродили по округе, молодые мужчины и женщины, невероятно высокого роста, мощные и глупые, иногда улыбались друг другу и что-то лопотали, иногда просто таращились в небо.

Они не спаривались, к счастью для всех. Их умственные и физические способности, пусть и очень ограниченные, но разнились, а вот в одном все они были одинаковы: после возвращения ни у кого не возникали сексуальные желания.

— Извините за грубость, но я не верю, чтобы у моего брата Уэлленда что-то вставало, после того, как он вернулся из Тандерклепа. Залия? Ты хоть раз видела своего брата с... ты понимаешь...

Залия покачала головой.

— Сколько тебе было лет, когда они приходили, сэй Оуверхолсер? — спросил Роланд.

— Ты спрашиваешь про первый раз? Уэлленду и мне было девять, — теперь он заговорил быстрее, словно уже отрепетировал свою речь. Эдди, впрочем, в этом сомневался. В Кальи Брин Стерджис Оуверхолсер представлял собой немалую силу. Крупный фермер, Господи, спаси нас и забей камнями ворон, он приложил значительные усилия, чтобы мыслями вернуться в то время, когда он был маленьким, испуганным, незащищенным. — Наши родители пытались спрятать нас в подвале. Так, во всяком случае, мне говорили. Сам я ничего не помню, это точно. Заставлял себя все забыть, наверное. Да, скорее всего. Некоторые помнят больше других, Роланд, но итог всегда одинаков: одного из близнецов берут, другого оставляют. Тот, кого

забрали, возвращается рунтом, иногда может выполнять какую-то физическую работу, но всегда мертв ниже пояса. Потом... потом, когда им переваливает за тридцать...

Когда рунтам переваливало за тридцать, они начинали резко, катастрофически стареть. Волосы седели и зачастую полностью выпадали. Зрение ухудшалось. Могучие мускулы (как сейчас у Тиа Джеффордс и Залмана Хуника) становились дряблыми и теряли силу. Иногда они умирали легко, прямо во сне. Чаще смерть несла с собой страдания. Появлялись язвы на коже, обычно на животе и голове, очень болезненные. Все умирали молодыми, задолго до срока, отмеренного людям природой, и многие умирали, крича от боли, как в период превращения из детей в гигантов. Эдди оставалось только гадать, скольким из этих идиотов, умиравших, как он понял, от рака, помогали уйти из этого мира или давали такие сильные обезболивающие, что они просто лежали пластом, ничего не чувствуя. Таких вопросов задавать не принято, но он полагал, что многим. Роланд иной раз произносил слово *delah*, обычно сопровождая его взмахом руки в сторону горизонта.

Много.

Гости из Кальи, объединенные общим горем, могли бы и дальше одну за другой рассказывать эти печальные истории, но Роланд им этого не позволил.

— Теперь поговорим о Волках, прошу вас. Сколько их обычно приходит?

— Сорок, — ответил Тиан Джеффордс.

— Если брать всю Калью? — переспросил Слайтман-старший. — Нет, больше, чем сорок, — посмотрел на Тиана и продолжил таким тоном, словно извинялся. — Тебе было только девять, когда они приходили в последний раз, Тиан. Мне — больше двадцати. В город действительно приходило порядка сорока, но другие отправились на дальние ранчо и фермы. Я думаю, их было никак не меньше шестидесяти, Роланд-сэй, может, и все восемьдесят.

Роланд посмотрел на Оуверхолсера, приподняв брови.

— Прошло двадцать три года, ты понимаешь, — ответил тот на невысказанный вопрос, — но я думаю, порядка шестидесяти.

— Вы называете их волками, но кто они на самом деле? Люди? Или что-то еще?

Оуверхолсер, Слайтман, Тиан, Залия: на мгновение Эдди почувствовал, как между ними установилась телепатическая связь, буквально слышал их мысли. Особенно остро почувствовал свое одиночество, свою непричастность, как бывает, когда видишь парочку, целующуюся на углу: они обнимаются, смотрят друг другу в глаза, тонут в них, и окружающий мир для них просто не существует. Но ведь у него теперь не должно возникать таких чувств, не так ли? У него появился свой ка-тет, было с кем обмениваться мыслями, обходясь без слов. Не говоря уже про женщину, которая принадлежала только ему.

Тем временем Роланд нетерпеливо взмахнул рукой, этот жест Эдди уже хорошо знал: «Скорее, дорогие мои, время уходит».

— Никто не может сказать наверняка, кто они, — ответил Оуверхолсер. — Выглядят, как люди, но носят маски.

— Волчьи маски, — уточнила Сюзанна.

— Ага, леди, волчьи маски, серые, как их лошади.

— Вы говорите, они все приезжают на серых лошадях? — спросил Роланд.

На этот раз пауза была короче, но Эдди все равно уловил обмен мыслями, хотя, похоже, консультироваться им было не о чем: все знали одно и то же.

— Ага, — ответил за всех Оуверхолсер. — Все на серых лошадях. Они носят серые штаны, которые выглядят, как кожа. Черные сапоги с большими стальными шпорами. Зеленые плащи с капюшонами. И маски. Мы знаем, что это маски, потому иногда при отъезде они их оставляют. Вроде бы сделаны они из стали, но на солнце начинают гнить и разлагаться, как плоть. Мерзкие

штуковины.

— Ага.

Оуверхолсер бросил на него, по разумению Эдди, оскорбительный взгляд, как бы спрашивая: «Ты тугодум или глупец?» И тут подал голос Слайтман:

— Их лошади мчатся, как ветер. Некоторые Волки сажают одного ребенка перед собой, а второго сзади.

— Ты это утверждаешь? — спросил его Роланд.

Слайтман энергично кивнул.

— Говорю богам, спасибо, — он увидел, как Каллагэн вновь начертил в воздухе крест, и добавил. — Извини, Старик.

Каллагэн пожал плечами.

— Ты жил здесь до меня. Призывай всех богов, каких хочешь, но только не забывай, что я их всех полагаю ложными.

— И они приходят из Тандерклепа, — тираду Каллагэна Роланд проигнорировал.

— Ага, — кивнул Оуверхолсер. — И отсюда видно, где это. В сотне колес отсюда, — он указал на юго-восток. — Леса заканчиваются вместе с горами. Выйдя из них, мы увидим перед собой всю Восточную равнину, а за ней — великую тьму, словно грозовое облако на горизонте. А ведь говорят, Роланд, что когда-то давно в той стороне человек мог увидеть вершины гор.

— Как Скалистые горы из Небраски, — выдохнул Джейк.

Оуверхолсер повернулся к нему.

— Ты о чем это, Джейк-са?^[21]

— Ни о чем, — Джейк смущенно улыбнулся крупному фермеру. Эдди, однако, отметил, как Оуверхолсер назвал Джейка. На сзя мальчик не потянул, стал са. Ничего особенного, но все-таки любопытно.

— Мы слышали о Тандерклепе, — изрек Роланд. Начисто лишенный эмоций голос нагонял страх, и Эдди порадовался, почувствовав, как пальцы Сюзанны нашли его руку.

— Эта страна вампиров, привидений и чудовищ, так говорят истории, — голос Залии вибрировал от страха. — Разумеется, истории эти давние...

— Истории правдивые, — вмешался Каллагэн. И в его грубом голосе Эдди без труда уловил страх. Очень уж явственно он слышался. — Вампиры есть, остальные твари, наверное, тоже, и Тандерклеп — их гнездо. В другой раз мы сможем поговорить об этом подробнее, стрелок, если захочешь. И сейчас только послушай, прошу тебя: о вампирах я знаю многое. Мне не известно, отвозят ли Волки детей Кальи к ним, я думаю, что нет, но вампиры есть, это точно!

— Почему ты говоришь так, будто я в этом сомневаюсь? — спросил Роланд.

Каллагэн опустил глаза.

— Потому что многие сомневаются. Я сам сомневался. Очень даже сомневался, и... — у него перехватило дыхание. Он откашлялся, а потом продолжил, едва слышным шепотом, — ...и был за это наказан.

Роланд несколько мгновений посидел, обхватив руками колени, покачиваясь взад-вперед. Потом задал Оуверхолсеру очередной вопрос:

— В какое время они приходят?

— Моего брата, Уэлленда они взяли утром, — ответил фермер. — Вскоре после завтрака. Я помню, потому что Уэлленд спросил нашу мать, можно ли ему взять в подвал чашку кофе. Но последний раз... когда они взяли сестру Тиана и брата Залии и многих других...

— Я потерял двух племянниц и племянника, — Слайтман-старший тяжело вздохнул.

— ...они пришли незадолго до полуденного удара колокола в Зале собраний. Мы знаем день, потому что его знает Энди, и вот день он нам сообщает. Потом мы слышим топот копыт их

лошадей, доносящийся с востока, видим поднимаемый ими шлейф пыли.

— Значит, вы знаете, когда они приходят, — кивнул Роланд. — Вы знаете об этом по трем признакам: слово Энди, топот копыт и шлейф пыли.

Оуверхолсер, по своему истолковав слова Роланда, густо покраснел, от шеи до корней волос.

— Они приходят вооруженными, Роланд, понимаешь? С винтовками, револьверами, вроде твоего, гранатами и другим оружием. Наводящим ужас оружием Древних людей. Лучевыми трубками, которые убивают при прикосновении, летающими жужжащими металлическими шарами, которых называют стрекотунами или лопастниками. Дубинками, которые обжигают кожу и останавливают сердце... может, электрическими, может...

Следующее слово, которое произнес Оуверхолсер, Эдди расслышал, как «Ант-НОМИК». Поначалу подумал, что тот пытался сказать «анатомия». Мгновение спустя осознал, что слово это, скорее всего, «атомные».

— После того, как детекторы засекают твое присутствие, они нагоняют тебя, как бы быстро ты ни бежал, — воскликнул Слайтман-младший. — А потом хватают, как бы ни пытался вырваться. Так, папа?

— Ага, — подтвердил тот. — И лопасти на этих металлических шарах вращаются так быстро, что человеческий глаз не может их увидеть. А того, кто попадает под них, просто рассекают.

— Все на серых лошадях, — размышлял Роланд. — Все лошади одного цвета. Что еще вам известно?

По всему выходило, что ничего. Они рассказали все. Волки появлялись в день, названный Энди. В течение ужасного часа, может, чуть дольше, Калью оглашал топот копыт серых лошадей и крики несчастных родителей. Развевались зеленые плащи. Скалились волчьи маски, напоминавшие металл, но гниющие на солнце, как плоть. Детей увозили. Случалось, что некоторых близнецов пропускали, что говорило о сбоях в работе детекторов. Однако, в принципе работали они чертовски хорошо, думал Эдди, поскольку Волки быстро находили детей, которых или пытались увезти (что случалось достаточно часто), или прятали дома (практически всегда). Их вытаскивали и из-под куч свеклы, и из-под стогов сена. Тех из жителей Кальи, кто пытался сопротивляться, пристреливали, сжигали лучевыми трубками (лазерами?) или рубили на куски лопастями. Позже, пытаясь все это представить, Эдди вспомнил кровавый фильм, на который как-то затащил его Генри. Назывался фильм «Фантазм», ^[22] показывали его в «Маджестике», на углу Бруклин — и Марки-авеню. Как и многое в его прежней жизни, «Маджестик» пахивал мочой, попкорном и вином, которое продавалась в пакетах. Иногда в проходах валялись иглы от шприцов. Эдди понимал, что это не делает ему чести, но иногда, обычно ночью, когда сон никак не шел, в глубине души он плакал о прежней жизни, частью которой был «Маджестик». Плакал, как украденный ребенок плачет о матери.

Детей забирали, топот копыт смолкал, Волки исчезали, чтобы появиться вновь уже при жизни следующего поколения.

— Как такое может быть? — воскликнул Джейк. — Они же привозили детей назад, не так ли?

— Нет, — ответил Оуверхолсер. — Рунты возвращались на поезде, слушайте меня, их тут у нас целое кладбище, и... что? Что я такого сказал? — рот Джейка раскрылся, он побледнел, как мел.

— Совсем недавно поезд доставил нам очень уж много неприятностей, — ответила за мальчика Сюзанна. — Ваших детей привозили на монорельсовых поездах?

Выяснилось, что нет. Оуверхолсер, Джеффордсы и Слайтманы понятия не имели, что такое монорельсовый поезд (Каллагэн, в детстве побывавший в «Диснейленде», имел). Поезда привозившие детей, состояли из старенького локомотива (Надеюсь, ни один из них не назывался «Чарли», — подумал Эдди), в кабине которого не было машиниста, и одной или двух открытых платформ. На них, сбившись в кучку, сидели дети. Плачущие от страха, обожженные солнцем, поскольку к западу от Тандерклепа небо редко закрывали тучи, сидящие среди еды и собственного засыхающего дерьма, обезвоженные. Станции на железной дороге не было, хотя Оуверхолсер высказал мнение, что когда-то, столетия тому назад, она и существовала. Как только детей снимали с платформ, жители Кальи подгоняли лошадей и стаскивали короткие поезда с рельсов. Эдди пришла в голову мысль о том, что они могли определить число набегов Волков по количеству ржавых локомотивов, как подсчитывают возраст спиленного дерева по кругам на пне.

— Сколь долго могла длиться их поездка? — спросил Роланд. — Судя по состоянию, в котором они прибывали.

Оуверхолсер посмотрел на Слайтмана, потом на Тиана и Залию.

— Два дня? Три?

Они пожали плечами и кивнули.

— Два или три дня, — теперь Оуверхолсер повернулся к Роланду и уверенности в его голосе прибавилось, потому что он чувствовал молчаливую поддержку остальных. — Достаточно долго, чтобы обгореть на солнце и съесть большую часть оставленной им еды...

— И обделаться этой едой, — пробурчал Слайтман.

— ...но не настолько долго, чтобы умереть от жары и жажды. Если ты спрашиваешь, на каком расстоянии от Кальи находится место, куда их увозили, то едва ли я смогу ответить на твой вопрос. Никто не знает, с какой скоростью этот поезд пересекал равнину. К Калье он подъезжал тихим ходом, но это, скорее всего, ничего не значит.

— Пожалуй, не значит, — согласился Роланд. Чуть задумался. — Осталось двадцать семь дней?

— Уже двадцать шесть, — ответил Каллагэн.

— Одно но, Роланд, — голос Оуверхолсера звучал виновато, но он воинственно выпятил челюсть. И, по мнению Эдди, вновь стал тем неприятным типом, которые с первого взгляда вызывают отрицательные эмоции. С другой стороны, Эдди никогда не питал особой любви к власти имущим.

Роланд вопросительно изогнул бровь.

— Мы еще не сказали да, — Оуверхолсер взглянул на Слайтмана-старшего, как бы в поисках поддержки, и тот кивнул.

— Ты должен понимать, что мы никак не можем узнать, что ты тот, за кого себя выдаешь, — с теми же извиняющимися нотками в голосе заговорил Слайтман. — В моей семье не было книг, нет их и на ранчо, я, руковожу ковбоями на «Рокинг Би» Эйзенхарта, за исключением племенных книг, но в детстве и юности я, как и любой другой мальчишка, слышал множество историй о Гилеаде, стрелках, Артуре Эльдском... слышал о Холме Джерико и другие кровавые истории... но я никогда не слышал о стрелке без двух пальцев на правой руке, или о стрелке-чернокожей женщине, или о стрелке, щеки которого еще не знали бритвы.

На лице его сына отражались ужас, замешательство, смущение. Слайтман и сам заметно смутился, но продолжил.

— Прощу извинить меня, если мои слова покажутся тебе оскорбительными, у меня и мыслей таких нет...

— Слушайте его, слушайте его внимательно, — пробурчал Оуверхолсер. Эдди подумал, что

его нижняя челюсть просто выскочит, если крупный фермер продвинет ее вперед еще на миллиметр.

— ...но любое наше решение будет иметь очень серьезные последствия. Ты сам должен понимать, что это так. Если мы примем неправильное решение, итогом станет гибель нашего городка и всех его жителей.

— Я просто не верю своим ушам! — воскликнул Тиан Джеффордс. — Ты думаешь, он — самозванец? Добрые боги, да разве ты не видишь, кто он? Разве ты...

Залия схватила его за руку и так крепко сжала, что на загорелой коже остались отметины от ее пальцев. Тиан посмотрел на нее и замолчал, плотно сжав губы.

Где-то вдали каркнула ворона, ей пронзительным воплем ответила расти. На поляне воцарилась мертвая тишина. Один за другим они повернули головы к Роланду из Гилеада, ожидая его ответа.

5

«Всегда и везде все одинаково, — устало подумал он. — Им требуется помощь, но они хотели и рекомендательные письма. А лучше, живых свидетелей. Они хотят спастись, ничем не рискуя. Просто закрыть глаза, а открыть их уже спасенными».

Роланд какое-то время качался взад-вперед, обхватив колени руками. Потом кивнул сам себе и поднял голову.

— Джейк, подойди ко мне.

Джейк взглянул на Бенни, своего нового друга, поднялся, подошел к Роланду. Ыш, как всегда шагал рядом.

— Энди, — позвал Роланд робота.

— Сэй?

— Принеси четыре тарелки, из которых мы ели, — когда Энди принес тарелки, Роланд обратился к Оуверхолсеру. — Вы останетесь без этих тарелок. Когда стрелки приходят в город, что-то да разбивается. Такова жизнь.

— Роланд, я не думаю, что мы нуждаемся...

— А теперь тихо, — и хотя Роланд говорил очень мягко, Оуверхолсер тут же замолчал. — Вы рассказали свою историю; теперь черед рассказывать нашу.

Тень Энди падала на Роланда. Стрелок посмотрел на робота, взял тарелки, еще не вымытые, блестящие от жира. Повернулся к Джейку, с которым произошла разительная перемена. Сидя рядом с Бенни-Малышом, наблюдая, как Ыш исполняет свои трюки, и раздуваясь при этом от гордости, Джейк ничем не отличался от любого двенадцатилетнего мальчика, беззаботного и веселого. Теперь улыбка исчезла, и возраст Джейка как-то разом стал неопределенным. Синие глаза смотрели на Роланда, цветом практически не отличаясь от глаз стрелка. Рукоятка «ругера», который он взял из отца стола в другой жизни, по-прежнему торчала из самодельной кобуры. Но вот кожаную петлю, закрывавшую спусковой крючок, Джейк, не отдавая себе отчета, распустил. На это ушло мгновение.

— Повтори свой урок, Джейк, сын Элмера, и будь крепок в нем.

Роланд где-то ожидал, что Эдди или Сюзанна вмешаются, но ни они не произнесли ни слова, не шевельнулись. Он посмотрел на них. Лица такие же холодные и суровые, как и у Джейка. Хорошо.

В голосе Джейка не слышалось эмоций, но слова звучали ясно и четко.

— Я не целюсь рукой; тот, кто целится рукой, забыл лицо своего отца. Я целюсь глазом. Я

не стреляю рукой...

— Я не понимаю... — начал Оуверхолсер.

— Заткнись, — бросила ему Сюзанна и наставила на него палец.

Джейк, казалось, их и не слышал. Его глаза не отрывались от глаз Роланда. Правая рука мальчика лежала на груди, с растопыренными пальцами.

— ...Тот, кто стреляет рукой, забыл имя своего отца. Я стреляю рассудком. Я не убиваю оружием; тот, кто убивает оружием, забыл имя своего отца.

Джейк замолчал. Набрал полную грудь воздуха. Закончил.

— Я убиваю сердцем.

— Убей их, — приказал Роланд и высоко подбросил четыре тарелки. Вращаясь, они разлетелись в разные стороны, черные круги на фоне белесого неба.

Рука Джейка, только что спокойно лежавшая на груди, обрела невероятную скорость. Пальцы охватили рукоятку «ругера», вытащили его из кобуры, подняли вверх и начали нажимать на спусковой крючок еще до того, как Роланд опустил руку, подбросившую тарелки. А они разлетелись вдребезги вроде бы не по одной, а все сразу. Осколки посыпались на поляну. Несколько упали в догорающий костер, выбив фонтанчики искр. Один или два со звоном отскочил от стальной головы Энди.

Роланд вскочил, и его руки задвигались с той же невероятной скоростью. Эдди и Сюзанна, хотя и не получили соответствующей команды, повторили его маневр, тогда как посланцы Кальи Брин Стерджис сжались в комок, вобрав голову в плечи, испуганные и громкостью выстрелов, и скорострельностью Джейка.

— Посмотрите на нас, прошу вас и говорю, спасибо вам, — Роланд вытянул руки. То же самое сделали Эдди и Сюзанна. Эдди поймал три глиняных черепка. Сюзанна — пять (один порезал ей подушечку пальца). Роланд — дюжину. Их хватило бы, чтобы собрать одну тарелку.

Шестеро из Кальи не верили своим глазам. Бенни-Мальш все еще зажимал руками уши; теперь он их медленно опустил. А на Джека смотрел, как на призрака или небесного пришельца.

— Боже мой, — выдохнул Каллагэн. — Прямо-таки трюк из шоу «Дикий Запад».^[23]

— Это не трюк, — возразил Роланд, — никогда так не думай. Это путь Эльда. Мы — катет, по праву и крови, ка и кхефу. Мы — стрелки, пора это понять. А теперь я скажу вам, что мы сделаем, — его взгляд нашел глаза Оуверхолсера. — Что мы сделаем, говорю я, и ни один человек не сможет нам помешать. Однако, я думаю, мои слова не поставят вас в неудобное положение. А если вдруг поставят... — Роланд пожал плечами, как бы говоря: «Если поставят, тем хуже для вас».

Он бросил глиняные черепки на землю и стряхнул пыль с ладоней.

— Если б это были Волки, из шестидесяти их бы осталось пятьдесят шесть. Четверо лежали бы мертвыми до того, как вы успели вдохнуть. Убитые мальчиком, — он мотнул головой в сторону Джека. — Да только мальчик он только внешне, — Роланд помолчал. — Мы привыкли к численному перевесу противника.

— Этот юнец — потрясающий стрелок, — признал Слайтман-старший. — Но есть разница между глиняными тарелками и конными Волками.

— Для тебя, сэй, возможно. Но не для нас. Во всяком случае, после того, как началась стрельба. После того, как началась стрельба, мы убиваем все, что движется. Не потому ли вы искали нас?

— А если их нельзя подстрелить? — спросил Оуверхолсер. — Если их нельзя свалить выстрелом из самого крупного калибра?

— Зачем ты тратишь время, если времени в обрез? — спросил его Роланд. — Ты знаешь,

что их можно убить, иначе вы не пришли бы сюда. Я не спрашивал, потому что ответ очевиден.

Оуверхолсер вновь густо покраснел.

— Прошу меня простить.

Бенни, тем временем, продолжал смотреть на Джейка широко раскрытыми глазами, и Роланд даже пожалел мальчиков. У них уже завязалась дружба, а случившееся все изменило кардинальным образом, показало, что между ними не год-другой разницы в возрасте, а пропасть. Печально, конечно, потому Джейк, когда от него не требовали стать стрелком, оставался самым обычным мальчишкой. Сам Роланд был немногим старше, когда его вынудили сдать экзамен на право зваться мужчиной. Вот и Джейку вскорости предстояло повзрослеть. Жаль, конечно, но что делать?

— А теперь слушайте меня, — заговорил Роланд, — и слушайте внимательно. Сейчас мы вернемся в свой лагерь и проведем свой совет. Завтра, придя в ваш город, мы остановимся у одного из вас...

— Приходите в «Семь миль», — предложил Оуверхолсер. — Мы с радостью примем тебя и твой ка-тет, Роланд.

— Наш дом гораздо меньше, — сказал Тиан, — но Залия и я...

— Мы будем очень рады принять вас у себя, — перебила его Залия, покраснев так же сильно, как и Оуверхолсер. — Ага, очень рады.

— У тебя есть не только церковь, но и дом, сэй Каллагэн? — спросил Роланд.

Каллагэн улыбнулся.

— Есть, и я говорю, спасибо тебе, Господи.

— Мы бы хотели провести нашу первую ночь в Калья Брин Стерджис в твоём доме. Это возможно?

— Конечно, я говорю вам, добро пожаловать.

— Ты сможешь показать нам свою церковь. Приобщить нас к её таинствам.

Каллагэн смотрел ему в глаза.

— С превеликой радостью это сделаю.

— А потом, — Роланд улыбнулся, — мы будем рассчитывать на гостеприимство вашего города.

— И не пожалеете об этом, — воскликнул Тиан. — Это я вам обещаю.

Оуверхолсер и Слайтман кивнули.

— Если трапеза, которой вы нас угостили, о чём-то говорит, тогда я в этом не сомневаюсь. Мы говорим, спасибо тебе, сэй Джеффордс, спасибо всем и каждому. Неделю мы четверо будем ездить по городу, совать нос туда и сюда. Может, чуть дольше, но, скорее всего, неделю. Осмотрим территорию, поглядим, как расположены дома. Подумаем, как подготовиться к приходу Волков. Поговорим с людьми и люди поговорят с нами... те, кто сейчас здесь, поспособствуют этому, не так ли?

Каллагэн кивнул.

— Я не могу отвечать за Мэнни, но я уверен, что остальные с радостью поговорят с вами о Волках. Бог и Человек-Иисус знают, что они — не секрет. И жители Дуги насмерть ими напуганы. Если они увидят, что вы можете им помочь, то сделают все, о чём вы попросите.

— Мэнни тоже со мной поговорят, — ответил Роланд. — Мне уже приходилось иметь с ними дело.

— Не очень-то полагайся на энтузиазм Старика, Роланд, — Оуверхолсер вскинул пухлые руки, предостерегая от поспешности. — В городе есть люди, которых тебе придётся убеждать...

— К примеру, Воун Эйзенхарт, — вставил Слайтман.

— Ага, и Эбен Тук, будь уверен. Ему принадлежит не только магазин, но и постоянный двор

с рестораном... а также половина конюшни... и закладные на большинство мелких ферм. А если уж мы заговорили о мелких фермерах, то нельзя забывать про Баки Хавьера. Земли у него немного, но только потому, что половину он отдал своей младшей сестре, когда та вышла замуж, — Оуверхолсер наклонился к Роланду, горя желанием поделиться с ним эпизодом истории городка. — Роберте Хавьер, сестричке Баки, повезло. Когда Волки приходили в последний раз, ей и ее брату-близнецу не исполнилось и года. Поэтому их не тронули.

— А его брата, Бали, забрали, — добавил Слайтман. — Бали уже четыре года, как умер. От болезни. С той поры Баки готов для своей сестренки на все. Но тебе надо поговорить с ним, ага. Пусть у Баки всего восемьдесят акров, но слово его очень весомо.

Роланд подумал: «Они не понимают».

— Спасибо вам, — ответил он. — Когда мы приедем, то будем, в основном, смотреть и слушать. Покончив с этим, попросим того, кто держит перышко, послать его по домам, чтобы созвать собрание. На собрание скажем вам, можно ли защитить город и сколько людей потребуется нам в помощь, если такое возможно.

Роланд заметил, что Оуверхолсер собрался что-то сказать, и покачал головой, останавливая его.

— В любом случае, много народу нам не потребуется, — продолжил он. — Мы — стрелки, не армия. Думаем по-другому, действуем не так, как армия. Думаю, человек пять нам хватит с лихвой. Может, понадобятся только двое или трое. Но вот при подготовке нам потребуется более активная помощь.

— Почему? — спросил Бенни.

Роланд улыбнулся.

— Сейчас сказать не могу, сынок, потому что еще не видел вашей Кальи. Но в таких случаях, сюрприз — наиболее действенное оружие, а для подготовки хорошего сюрприза обычно требуется много людей.

— Самым большим сюрпризом для Волков станет наша готовность сразиться с ними! — воскликнул Тиан.

— Допустим, вы решите, что защитить Калью нет никакой возможности? — спросил Оуверхолсер. — Что будет тогда, скажи, прошу тебя.

— Тогда я и мои друзья поблагодарим вас за гостеприимство и поедем дальше, — ответил Роланд, — потому что наше дело ведет нас по Тропе Луча, — с мгновение он смотрел на враз опечалившиеся лица Тиана и Залии, потом добавил. — Но я не думаю, что так будет, знаете ли. Обычно возможность находится.

— И будем надеяться, что собрание одобрит твоё решение, — вставил Оуверхолсер.

Роланд замялся. Настал момент, когда он мог бы объяснить им, что к чему, будь на то его желание. Если эти люди все еще верили, что четверку стрелков как-то свяжет решение, принятое фермерами и ранчерами на общем собрании, значит, они совершенно забыли, каким был прежний мир. Но так ли это плохо? В конце концов, все вопросы как-то разрешатся и станут частью долгой истории. Или не разрешатся. И если не разрешатся, на том закончится и его история, и его путешествие, и он обретет вечный покой под могильным камнем в Калья Брин Стерджис. А может, его тело и тела его друзей, останутся на земле где-то к востоку от города, и их мертвой плотью смогут полакомиться вороны и расти. Ка скажет свое слово. Как говорила всегда.

Тем временем, они все смотрели на него.

Роланд поднялся, поморщился от острой боли в правом бедре. Эдди, Сюзанна и Джейк тут же вскочили, словно получив беззвучный приказ.

— Мы хорошо поговорили, — Роланд обвел взглядом посланцев Кальи. — Что же касается

будущего... будет вода, если Бог того захочет.
— Аминь, — откликнулся Каллагэн.

— Серые лошади, — сказал Эдди.

— Ага, — согласился Роланд.

— Пятьдесят или шестьдесят Волков, и все на серых лошадях.

— Ага, так они говорят.

— Не думаешь ли ты, что это, как минимум, странно, — промурлыкал Эдди.

— Нет. Им, похоже, так не кажется.

— А тебе?

— Пятьдесят или шестьдесят лошадей, все одного цвета? Я бы сказал, да, пожалуй.

— Эти ребята из Кальи сами разводят лошадей.

— Ага.

— Четырех привели нам, чтобы мы продолжили путь верхом, — Эдди, который никогда в жизни не садился на лошадь, испытывал немалое облегчение от того, что какое-то время мог еще ходить на своих двоих, но говорить об этом не стал.

— Да, они стреножены и пасутся по другую сторону холма.

— Ты это точно знаешь?

— Уловил их запах. Думаю, за ними приглядывает робот.

— Почему эти люди воспринимают пятьдесят или шестьдесят лошадей, все до единой одного цвета, как само собой разумеющееся?

— Потому что не думают о Волках или о чем-то, с ними связанном, — ответил Роланд. — Все мысли блокируются страхом.

Эдди просвистел пять нот, которые никак не могли сложиться в мелодию.

— Серые лошади.

Роланд кивнул.

— Серые лошади.

Они переглянулись, потом рассмеялись. Эдди нравилось слушать смех Роланда. Сухой, хрипловатый, как отвратительные крики этих гигантских черных птиц, которых он называл расти... но ему нравился. Возможно, потому, что смеялся Роланд очень уж редко.

День катился к вечеру. Над головой облака практически рассеялись, стали бледно-голубыми, почти в цвет неба. Посланцы Кальи остались в своем лагере. Сюзанна и Джейк пошли за сдобными шарами. После плотного обеда ничего другого на ужин есть не хотелось. Эдди сидел на бревне, что-то вырезал ножом. Роланд устроился рядом. Разобрал все оружие, разложил детали на куске оленьей шкуры. Одну за одной смазывал каждую, придиричливо осматривал, прежде чем положить обратно, готовую для сборки.

— Ты не сказал им, что они уже ничего не решают, — заметил Эдди, — но они ведь ничего не поняли, точно так же, как и с этими серыми лошадьми. А ты не стал им ничего объяснять.

— Мои объяснения только расстроили бы их. В Гилеаде была поговорка: «Пусть зло ждет дня, на который оно должно пасть».

— Понятно, — протянул Эдди. — У нас в Бруклине тоже была поговорка: «С замшевого пиджака соплю не сотрешь». Он поднял деревяшку, над которой работал. «Волчок, — подумал Роланд. — Игрушка для младенца». И задался вопросом, а что знает Эдди о женщине, с которой ложился каждую ночь? Женщинах. Что чувствует? — Если ты решишь, что мы сможем им

помочь, тогда мы должны им помочь. Таков Путь Эльда, с которого нам не свернуть, не так ли?

— Да, — ответил Роланд.

— А если никто из них не захочет примкнуть к нам, мы сразимся с Волками одни.

— О, я об этом не беспокоюсь, — Роланд упустил край замшевой тряпки в блюдо, наполненное светлым, со сладким запахом, оружейным маслом. Взял зажимную пружину «ругера» Джейка, начал ее чистить. — Тиан Джеффордс примкнет к нам, это точно. Наверняка у него есть один или два приятеля, которые составят ему компанию, независимо от решения собрания. Как минимум, это будет его жена.

— А если они погибнут, что будет с детьми? Их пятеро. Да еще один старик. Чей-то дед. Скорее всего, Тиан и Залия заботятся и о нем.

Роланд пожал плечами. Несколько месяцев тому назад Эдди ошибочно истолковал бы это телодвижение, наряду с бесстрастным лицом, как безразличие. Теперь он знал, что дело в другом. Роланд не мог выйти за рамки, установленные собственными правилами и традициями точно так же, как он сам, в другом мире, не мог отказаться от очередной дозы героина.

— А если мы погибнем в этом маленьком городишке, схватившись с Волками? — спросил Эдди. — И какой будет тогда твоя последняя мысль? «Не могу поверить, что я повел себя, как последний поц, отказавшись от поисков Темной Башни ради спасения сопливых детишек?» Что-то в этом роде?

— Если мы сойдем с пути истинного, но не приблизимся к Башне и на тысячу миль, — ответил Роланд. — Только не говори мне, что ты этого не чувствуешь.

Эдди такого сказать не мог, потому что чувствовал. Чувствовал он и кое-что еще: жажду крови. Его так и тянуло в драку. Хотелось увидеть нескольких Волков, кем бы они ни были, в прицеле большого револьвера Роланда. И, чего уж там, от себя не скроешься: хотелось снять несколько скальпов.

Или волчьих масок.

— Что тебя тревожит, Эдди? Я бы хотел, чтобы ты поговорил со мной, пока мы вдвоем, ты и я, — тонкие губы стрелка искривились в легкой улыбкой. — Поговори, прошу тебя.

— Заметно, значит?

Роланд пожал плечами, ожидая продолжения.

Эдди вновь обдумал вопрос. Большой вопрос. Вопрос, подступаясь к которому, он чувствовал отчаяние и неспособность найти на него ответ, как уже было, когда ему пришлось вырезать ключ, чтобы «извлечь» Джейка Чеймберза в этот мир. Только тогда он мог винить призрак старшего брата, Генри шептал в его голове, что он — никчемность, ничего никогда не мог, ничего и не сможет.

Теперь же, он остался один на один с вопросом Роланда. Потому что тревожило его все, все шло наперекосяк. Все. А может наперекосяк — неправильно использованное слово, неправильное до наоборот. Потому что, если взглянуть с другой стороны, все шло очень уж хорошо, просто идеально, как в...

— А-р-р-г-г-г-х-х, — прорычал Эдди, обеими руками схватил себя за волосы, дернул. — Не знаю, как мне это сказать.

— Тогда скажи первое, что придет в голову. Сразу.

— Девятнадцать, — ответил Эдди. — Все вертится вокруг девятнадцати.

Повалился спиной на ковер из опавших листьев и иголок, закрыл глаза, задрогал ногами, как ребенок в истерике. «Может, убийство нескольких волков приведет меня в чувство, — подумал он. — Может, это все, что мне требуется».

Роланд выжидал целую минуту, прежде чем спросить: «Полегчало?»

Эдди сел.

— Честно говоря, да.

Роланд кивнул, вновь чуть улыбнулся.

— Тогда ты можешь продолжить? Если нет, поставим на этом точку, но я уже знаю, что к твоим предчувствиям надобно подходить с должным вниманием, поэтому, если продолжишь, я тебя выслушаю.

Он говорил правду. Первоначально Эдди вызывал у стрелка разве что презрение, главным образом, из-за слабости характера. Уважение пришло позже. После случившегося в кабинете Балазара, где Эдди сражался обнаженным. Мало кто из знакомых Роланду мужчин был способен на такое. Уважение росло по мере того, как Роланд находил в Эдди все больше общего с Катбертом. А потом, в поединке с Моно Эдди проявил изобретательность, которой Роланд мог только восторгаться, зная, что до таких высот ему не подняться никогда. Эдди Дин обладал завораживающей, пусть иногда и раздражающей, способностью смешить людей, свойственной Катберту Олгуду, но при этом, как и Ален Джонс, мог многое предчувствовать, предугадать. Конечно же, Эдди разительно отличался от прежних друзей Роланда. Иногда проявлял слабость, эгоизм, но храбрости ему было не занимать, а храбрость — добрая сестра того, что Эдди, случалось, называл «сердцем».

Вот на его интуицию и рассчитывал сейчас Роланд.

— Ладно, хорошо, — кивнул Эдди. — Но не останавливай меня. Не задавай вопросов. Только слушай.

Роланд кивнул. Надеясь, что Сюзанна и Джейк не вернутся в самое ближайшее время.

— Я смотрю на небо, туда, где облака сейчас расходятся, и вижу число девятнадцать, написанное синим.

Роланд поднял голову. Да, было там число девятнадцать. Он тоже его увидел. Но еще увидел и облако в форме черепахи, и разрыв в облаках, похожий на телегу, нагруженную мешками.

— Я смотрю на деревья и вижу число девятнадцать. В огне вижу девятнадцать. Имена с фамилиями дают в сумме девятнадцать, как у Оуверхолсера и Каллагэна. Но это только то, что я могу сказать, что я могу увидеть, за что могу ухватиться, — Эдди строчил, как из пулемета, в отчаянии глядя в глаза Роланду. — Есть и кое-что еще. Связанное с Прыжком. Я знаю, и ты, и Сюзанна, да и Джейк иногда думаете, что мне все напоминает приход, и, возможно, в этом есть доля истины, но Роланд, войти в Прыжок — все равно, что ширнуться.

О своих наркотических впечатлениях Эдди всегда говорил с Роландом так, будто тот за свою долгую жизнь не пробовал ничего крепче грэфа, хотя на самом деле все обстояло иначе. При случае он мог бы напомнить ему об этом, но не сейчас.

— Пребывание в твоём мире... это тот же Прыжок. Потому что... ах, ну до чего трудно... Роланд, все здесь кажется реальным, но это не так.

Роланд подумал о том, а не напомнить ли Эдди, что это не его мир. Для него город Лад стал концом Срединного мира и началом новых миров, в которых он никогда не бывал... но вновь он не раскрыл рта.

Эдди набрал пригоршню опавших иголок и листьев, оставив на лесной подстилке черные следы пальцев. «Все настоящее. Я могу почувствовать, понюхать», — он поднес руку ко рту, коснулся языком иголок. — Попробовать на вкус. И при этом все это нереально, как число

девятнадцать, которые ты видишь в огне, или облако на небе, похожее на черепаху. Ты понимаешь, что я говорю?

— Я понимаю тебя очень хорошо, — пробормотал Роланд.

— Люди настоящие. Ты... Сюзанна... Джейк. Этот Гашер, который умыкнул Джейка... Оуверхолсер и Слайтманы. Но огрызки моего мира, которые то и дело показываются здесь, вот что нереально. К тому же лишено здравого смысла и нелогично, но я не к тому. Это просто нереально. Почему люди здесь поют «Эй, Джуд»? Я не знаю. Этот медведь-киборг, Шардик... откуда я знаю его имя? Почему он напоминает мне о кроликах? А это дерьмо с Волшебником страны Оз, Роланд... все это с нами произошло наяву, я в этом не сомневаюсь, но одновременно я не воспринимаю случившееся, как что-то реальное. Похоже на Прыжок. Похоже на девятнадцать. А что происходит после Зеленого дворца? Мы идем по лесу, прямо-таки, как Ганс и Гретель. К нашим услугам дорога, по которой мы можем идти. Сдобные шары, которые мы можем собирать. Цивилизация погибла. Все летит в тартарары. Ты нам так говорил. Мы видели это в Ладе. Да только знаешь, что я тебе скажу? Не погибла! Черта с два! Живет — не тужит!

Эдди коротко рассмеялся. Пронзительно, с истерическими нотками. Откинул волосы со лба, оставив на коже темные пятна земли.

— Вряд ли бы кто мог такое себе представить. Здесь, у черта на куличках, где по определению ничего цивилизованного быть не может, мы наталкиваемся на городок из книги. Культурный. Приличный. С жителями, которых ты вроде бы знаешь. Возможно, не все тебе нравятся, Оуверхолсер, скажем, не подарок, но ты чувствуешь, что знаешь их.

«Тут Эдди прав», — подумал Роланд. Он еще не видел Калью Брин Стерджис, но городок уже напомнил ему Меджис. С одной стороны понятно, почему: городки, население которых преимущественно фермеры и ранчеры, похожи друг на друга, где бы они не располагались, но ведь кое-что и тревожило. Скажем, сомбреро Слайтмана. Как могло быть, что здесь, за тысячи миль от Меджиса, мужчины носили одинаковые шляпы? Он не знал, как ответить на этот вопрос, но могло. Потому что сомбреро Слайтмана ничем не отличалось от сомбреро Мигуэля, старого музыканта из Дома-на-Набережной в Меджисе? Или одинаковыми их делало только его воображение?

«Что же касается воображения, Эдди говорит, что его у меня нет», — подумал он.

— Перед городком из книжки стоит проблема из сказки, — продолжал Эдди. — И жители книжного городка зовут отряд киношных героев, чтобы те спасли их от сказочных злодеев. Я знаю, все это реально... людям предстоит умереть, этого не избежать, прольется настоящая кровь, крики будут настоящими, и слезы потом тоже будут настоящими... но в то же время меня не покидает ощущение, что все это не более реально, чем театральные декорации.

— А Нью-Йорк? — спросил Роланд. — Каким ты почувствовал его?

— Таким же, — ответил Эдди. — Смотри, что получается. На столе остается девятнадцать книг, после того, как Джейк забрал «Чарли Чу-Чу» и книгу загадок... а потом, как по мановению волшебной палочки, в магазине появляется Балазар! Этот хер моржовый!

— Эй, эй! — воскликнула за их спинами Сюзанна. — Мальчики, давайте без ругательств! Джейк толкал по дороге коляску. На коленях Сюзанны лежали сдобные шары. Оба выглядели веселыми и счастливыми. Роланд предположил, что хорошему настроению в немалой степени поспособствовал обильный обед.

— Иногда чувство нереальности исчезает, не так ли?

— Это не совсем нереальность, Роланд. Это...

— Давай не вдаваться в подробности. Иногда оно исчезает. Не так ли?

— Да, — ответил Эдди. — Когда я с ней.

Он подошел к ней. Наклонился. Поцеловал. Роланд наблюдал за ними, встревоженный.

Свет уходил вместе с днем. Они сидели у костра, наблюдая за его уходом. Легкое чувство голода, возникшее к вечеру, вполне утолили сдобные шары, которые набрали Сюзанна и Джейк. Роланд погрузился в глубокое раздумье, причиной которого послужили несколько слов Слайтмана-старшего. Потом вскинул голову, оглядел свой ка-тет.

— Некоторые из нас, может и все, возможно, встретятся этой ночью в Нью-Йорке.

— Я только надеюсь, что на этот раз мне удастся попасть туда, — сказала Сюзанна.

— Как решит ка, так и будет, — ответил Роланд. — Самое главное — мы должны держаться вместе. Если только один из нас попадет сегодня туда, я думаю, это будешь ты, Эдди. Если только один из нас попадет туда, ему... может, ей... надо оставаться на месте, пока вновь не зазвучит эта мелодия, эти колокола.

— Каммен, — вставил Эдди. — Так называл эту музыку Энди.

— Вы все это поняли?

Они кивнули, но взглянув на их лица, Роланд понял, что каждый из них зарезервировал за собой право решать, как поступить в тот самый момент, в зависимости от ситуации. Как, собственно, он и ожидал. Потому что они или уже стали стрелками, или еще нет.

Он удивил даже себя, потому что с его губ сорвался короткий смешок.

— Что ты нашел забавного? — спросил Джейк.

— Я просто подумал о том, что за долгую жизнь приходится иметь дело с такими странными людьми.

— Если ты про нас, позволь мне кое-что тебе сказать, Роланд, — не замедлил с ответом Эдди. — Тебе тоже нормальным не назовешь.

— Полагаю, что нет, — согласился Роланд. — Если в Нью-Йорк попадут двое из нас, трое, может, все четверо... мы должны взяться за руки, когда зазвучит музыка.

Сюзанна вдруг запела, удивив всех. Только Роланду показалось, что песня какая-то странная: она выкрикивала строчку за строчкой, практически не связывая их друг с другом. Но, пусть песни и не получалось, голос ее звучал достаточно мелодично: «Дети, когда вы слышите кларнет... Дети, когда вы слышите флейту... Дети, когда вы слышите трам-бон-н... Вы должны поклониться и-и-ДОЛУ!»

— Что?

— Песня поля, — ответила она. — Такие пели мои дедушки и бабушки и их родители, собирая хлопок своим хозяевам. Но времена меняются, — она улыбнулась. — Впервые я услышала ее в кофейне Гринвич-Виллидж, в 1962 г. И пел ее мужчина, белый блюзмен, которого звали Дейв ван Ронк.

— Готов спорить, Эрон Дипно тоже там был, — пробормотал Джейк. — Черт, готов спорить, сидел за гребаным соседним столиком.

Сюзанна повернулась к нему, удивленная, сосредоточенная.

— Почему ты так решил, сладенький?

— Потому что он подслушал, как Келвин Тауэр говорил, что этот парень, Дипно, болтался на Виллидж с... что он сказал, Джейк?

— Не по Виллидж — по Бликер-стрит, — рассмеялся Джейк. — Мистер Тауэр сказал, что мистер Дипно болтался по Бликер-стрит еще до того, как Боб Дилан научился играть на своем «хохнере». Это, должно быть, аккордеон.

— Должно быть, — кивнул Эдди, — и пусть я не поставлю на слова Джейка ферму, но готов поставить больше, чем карманную мелочь. Меня даже не удивит, если выяснится, что

барменом в той кофейне был Джек Андолини. Потому что именно так устроена жизнь Девятнадцатиландии.

— В любом случае, те из нас, кто попадет в другой мир, должны держаться вместе, — повторил Роланд. — На расстоянии вытянутой руки, постоянно.

— Не думаю, что я туда попаду, — вырвалось у Джейка.

— С чего ты так решил? — удивленно спросил стрелок.

— Потому что я не смогу уснуть, — ответил Джейк. — Слишком возбужден.

Но со временем они все уснули.

4

Он знает, что это сон, навеянный случайной фразой Слайтмана, однако, не может вырваться из него. Всегда ищите дверь черного хода, бывало, говорил им Корт, но, если в его сне и есть эта дверь, найти ее Роланд не может. «Я слышал о Иерихонском Холме и другие кровавые истории...» — вот что сказал Слайтман-старший, бригадир ковбоев на ранчо Эйзенхарта, да только для Роланда Иерихонский Холм практически реален. Почему нет? Он же там побывал. Для них это был конец. Там умер целый мир.

День удушающе жаркий; солнце добирается до зенита и словно застывает там, будто его приколотили гвоздями. Под ними — длинный пологий склон, уставленный огромными серо-черными каменными лицами, изъеденными эрозией статуями, которые вырубил и поставил на склоне давно ушедшая цивилизация. Люди Гриссома, наседая, мельтешат среди статуй, а Роланд и его немногие оставшиеся в живых соратники, поднимаются все выше, отстреливаясь. Стрельба не смолкает, выстрелы гремят и гремят, пули жужжат вокруг каменных лиц и голов или впиваются в них, как жаждущие крови москиты. Джейми Декарри убил снайпер, возможно, сын Гриссома, у которого орлиный глаз, или сам Гриссом. Ален нашел еще более ужасный конец: его застрелили темной ночью, до начала решающей битвы, двое лучших друзей. Глупая ошибка, нелепая смерть. На помощь надежды не было. Колонна Демуллетта попала в засаду под Римроксом и погибла, а когда Ален, далеко за полночь, прискакал, чтобы сообщить об этом, Роланд и Катберт... грохот их револьверов... и, о, когда Ален выкрикнул их имена...

Теперь они на вершине и бежать отступать больше некуда. За их спинами, на востоке, отвесный обрыв вел к Соленому морю, которое в пятистах милях к югу называлось Чистым. А с запада находился склон с каменными лицами и орущими, наступающими людьми Гриссома. Роланд и его соратники убили сотни, но в живых, по самым скромным подсчетам, осталось еще две тысячи. Две тысячи людей, разъяренные рты, выкрашенные синим лица, кто-то с винтовкой, некоторые даже с базукой... против дюжины. Именно столько их осталось, на вершине Иерихонского Холма, под палящим солнцем. Джейми мертв, Ален пал под пулями своих лучших друзей, надежный, верный Ален, который мог бы под покровом ночи укрыться в безопасном месте... Катберт ранен. Сколько раз? Пять? Шесть? Рубашка стала алой от крови. Половина лица залита кровью, глаз с той стороны невидяще смотрит на щеку. Однако, он по-прежнему крепко держит рог Роланда, тот самый рог, к который когда-то дул Артур Эльдский. Так, во всяком случае, гласят легенды. И не собирается отдавать его. «У меня получается лучше, чем у тебя, — со смехом говорит он Роланду. — Возьмешь его, когда я умру. Не забудь взять его Роланд, ибо он — твоя собственность».

Катберт Олгуд, который когда-то въехал в феод Меджис с грачиным черепом на луке седла. «Дозорный» — так он его называл и разговаривал с ним, как с живым, а иногда доводил

Роланда до белого каления своим шутовством, а здесь он стоит, пошатываясь, под палящим солнцем, с дымящимся револьвером в одной руке и рогом Эльда в другой, залитый кровью, наполовину ослепший, умирающий... но, как всегда, смеющийся. О, добрые боги, смеющийся и смеющийся.

— Роланд! — кричит он. — Нас предали! Их гораздо больше! За нашими спинами море! Мы атакуем?

И Роланд понимает, что он прав. Если их походу к Темной Башне суждено завершиться здесь, на Иерихонском Холме, если предательство одного из своих и превосходящие числом варвары Джона Фарсона сокрушат их, что ж, они должны умереть красиво.

— Да! — кричит он. — Да, очень хорошо. Все ко мне! Стрелки, ко мне! Ко мне, я говорю!

— Что касается стрелков, то я здесь, — отвечает ему Катберт. — И мы — последние.

Роланд смотрит на него, потом обнимает под этим жутким небом. Чувствует, как горит тело Катберта, чувствует его предсмертную дрожь. И все-таки он смеется. Берт все-таки смеется.

— Хорошо, — хрипит Роланд, оглядывая своих оставшихся соратников. — Мы их атакуем. Никого не щадить.

— Нет, никого не щадить, абсолютно никого, — говорит Катберт.

— И мы не примем их капитуляцию, если они попытаются сдаться.

— Ни при каких обстоятельствах, — соглашается Катберт, давась от смеха. — Даже если все две тысячи человек поднимут руки.

— Тогда дуй в этот гребаный рог!

Катберт подносит рог к окровавленным губам, и выдыхает в него весь запас воздуха в легких. Звук рога перекрывает грохот выстрелов, а когда через минуту (может, через пять, через десять, время не имеет значения в этой последней битве) рог выпадает из пальцев Катберта, Роланд оставляет его лежать в пыли. В горе и жажде крови он напрочь забывает про рог Эльда.

— А теперь, друзья мои... хайл!

— Хайл! — кричит дюжина голосов под раскаленным солнцем. Это их смерть, смерть Гилеада, смерть всего, но его это более не волнует. Знакомая красная ярость, сравнимая с безумием, застилающая разум, топит в себе все мысли. «Один последний раз, — думает он. — Пусть будет так».

— Ко мне! — кричит Роланд из Гилеада. — Вперед! За Башню!

— За Башню! — повторяет Катберт за его спиной. В одной руке, поднятой к небу, он держит рог Эльда, во второй — револьвер.

— Пленных не брать! — кричит Роланд. — ПЛЕННЫХ НЕ БРАТЬ!

Они мчатся вперед, на орду Гриссома, море синих лиц, он и Катберт впереди, минуют первые каменные серо-черные лица, стрелы и пули свистят вокруг них, и тут слышатся колокольца. Мелодия, прекрасней которой не бывает. Чудесные звуки, от которых едва не разрывается сердце.

«Только не сейчас, — думает он. — Только не сейчас. Позволь мне довести до конца эту атаку, бок о бок с другом, и наконец-то обрести покой. Пожалуйста».

Он ищет руку Катберта. На какое-то мгновение чувствует прикосновение липких от крови пальцев друга, там, на Иерихонском Холме, где оборвалось его храброе, полное смеха существование... а потом пальцы, коснувшиеся его, исчезают. Вернее, его пальцы проходят сквозь пальцы Берта. Он падает, падает, мир темнеет, он падает, колокольца бьют, каммен играет («Похоже на гавайскую мелодию, не так ли?») и он падает, Иерихонского Холма уже нет, рога Эльда нет, только темнота и красные буквы в темноте, некоторые — буквы

ВЫСОКОГО СЛОГА, их достаточно много, чтобы он мог прочесть, что они говорят, а говорят они...

Светилась надпись: «СТОЙТЕ». Роланд видел, что люди переходили улицу, несмотря на запрет. Бросали быстрый взгляд в сторону приближающихся автомобилей, а потом ступали на мостовую. Один такой мужчина решил пересечь улицу буквально перед бампером желтого такси. Водитель нажал на клаксон, вывернул руль. А пешеход что-то прокричал, а потом вскинул руку с выставленным средним пальцем и помахал вслед удаляющемуся такси. Роланд решил, что едва ли этот жест является пожеланием долгих дней и приятных ночей.

В Нью-Йорке стояла ночь, и хотя людей на улице хватало, никого из своего ка-тета Роланд не увидел. Такого развития событий, Роланд в этом честно себе признался, он не ожидал. Никак не мог предположить, что окажется тем единственным, кто попадет в Нью-Йорк. Не Эдди, а он. И куда же, о боги, ему идти? И что он должен сделать, когда доберется до цели?

«Помни собственный совет, который ты им дал, — сказал он себе. — „Оказавшись в Нью-Йорке в одиночестве, оставайтесь на месте“».

Но сие означало, что он должен стоять столбом... он посмотрел на зеленый для пешеходов сигнал светофора... на углу Второй авеню и Пятьдесят четвертой улицы, где красная надпись «СТОЙТЕ» сменилась на белую «ИДИТЕ», чтобы через короткий промежуток времени снова стать красной.

Пока он над этим раздумывал, за спиной раздался голос, пронзительный, вибрирующий от счастья: «Роланд! Сладенький! Повернись и посмотри на меня! Посмотри на меня внимательно!»

Роланд повернулся, уже зная, что увидит, но все равно улыбаясь. Это ужасно, вновь пережить день на Иерихонском Холме, но тут он получил мощный заряд положительных эмоций: по Пятьдесят четвертой улице к нему спешила Сюзанна Дин, смеясь и плача от радости, с распростертыми руками.

— Мои ноги! — она кричала во всю мощь легких. — Мои ноги! Мои ноги снова целые и невредимые! О, Роланд, сладенький, восславим Человека-Иисуса! МОИ НОГИ СНОВА ЦЕЛЫЕ И НЕВРЕДИМЫЕ!

Она бросилась ему на грудь, целуя щеку, шею, лоб, нос, губы, повторяя снова и снова: «Мои ноги, о, Роланд, ты видишь, я могу ходить, я могу бегать, у меня снова есть ноги, слава Господу и всем святым, мои ноги целые и невредимые!»

— Доставь себе удовольствие и используй их на полную, прошу тебя, — у Роланда давно уже вошло в привычку использовать обороты речи и повадки жителей тех мест, куда заносила его судьба. Теперь вот в ход шли обороты Калыи. Он полагал, что тоже начал бы показывать средний палец водителям такси, если б подольше пожил в Нью-Йорке.

«Но я всегда буду чужаком, — думал он. — Еще бы, я даже не могу правильно сказать: „Аспирин“. Всякий раз, когда пытаюсь, получается не так».

Она взяла его за правую руку, потянула вниз, заставила прикоснуться к голени.

— Ты ее чувствуешь? — просила она. — Я хочу сказать, она есть, это не плод моего

воображения?

Роланд рассмеялся.

— Но ведь ты не подлетела ко мне на крыльях, а подбежала? Да, Сюзанна, она есть, — он обхватил левой рукой, здоровой, с пятью пальцами, ее левую ногу. — Одна нога, вторая нога, обе со ступнями, — нахмурился. — Мы должны достать тебе какую-нибудь обувь.

— Зачем? Это же сон. По-другому и быть не может.

Роланд пристально посмотрел на нее, и ее улыбка поблекла.

— Нет? Это действительно не сон?

— Мы вошли в Прыжок. Мы действительно здесь. Если ты порежешь ногу, Миа, завтра ты проснешься у костра с порезанной ногой.

Другое имя сорвалось с его губ почти что... ну, не совсем... естественно. И теперь он ждал, затаив дыхание: заметит или нет? Если б заметила, он бы извинился и сказал, что вошел в Прыжок из сна об одной знакомой ему женщине (хотя после Сюзан Дельгадо была только одна женщина, которая сыграла в его жизни заметную роль, но звали ее не Миа).

Но она не заметила, и Роланда это особо не удивило.

Она собиралась отправиться в одну из охотничьих экспедиций... как Миа... когда зазвучал каммен. А в отличие от Сюзанны, у Миа ноги есть. Она же лакомится всякими блюдами, разгуливая по банкетному залу, беседует с друзьями, она не пошла в «Морхауз» или куда-то еще. Значит, у нее есть ноги. И в этом теле — две женщины, хотя Сюзанна этого не знает.

И внезапно Роланду захотелось, чтобы они не встретили Эдди. Потому что Эдди мог заметить изменения в Сюзанне, пусть та их не замечала. А в этом ничего хорошего не было. Будь у Роланда три желания, как у принца из какой-нибудь детской сказки, он бы три раза загадал одно и то же: закончить все дела в Калье Брин Стерджис до того, как беременность Сюзанны... беременность Миа... станет очевидной. Иметь дело и с тем и другим одновременно будет очень нелегко.

Если вообще возможно.

Она смотрела на него широкими, вопрошающими глазами. Не потому, что он назвал ее чужим именем. Просто ей хотелось знать, что им делать дальше.

— Это твой город, — Роланд пожал плечами. — Я бы взглянул на книжный магазин. На пустырь, — он помолчал. — И на розу. Отведешь меня?

— Н-да, — она огляделась. — Это мой город, сомневаться не приходится, но Вторая авеню выглядит совсем не так, как в те дни, когда Детта щекотала себе нервишки, воруя всякую мелочевку в «Мейси».

— То есть ты не сможешь показать магазин и пустырь? — в голосе Роланда слышалось разочарование, но не отчаяние. Он знал, что найдет способ найти и первое, и второе. Способ всегда находился...

— О, это не проблема, — ответила она. — Улицы те же самые. Нью-Йорк — это решетка, Роланд. Авеню идут в одну сторону, улицы — поперек. Все чрезвычайно просто. Пошли.

Горело табло «СТОЙТЕ», но Сюзанна посмотрела направо, убедилась, что машин нет, и они пересекли Пятьдесят четвертую улицу.^[24] Сюзанна бесстрашно шагала вперед, словно и забыв про босые ноги. В коротких кварталах теснились витрины экзотических магазинов. Роланд не мог не таращиться на них, но, пусть и не смотрел, куда идет, ни с ним, ни с Сюзанной никто не сталкивался, хотя прохожих хватало. Однако, он слышал, как стучат его каблуки по плитам тротуара, видел тени, которые отбрасывали они в свете уличных фонарей.

«Мы почти что здесь, — думал он. — А если бы сила, доставившая нас сюда, была чуть мощнее, мы попали бы сюда в живую».

И, он отдавал себе в этом отчет, сила могла стать мощнее, учитывая, что ее источник,

согласно Каллагэну, находился под половицами его церкви. По мере их приближения к городу и источнику силы, которая даже на таком расстоянии могла отправить их в другой мир...

Сюзанна сжала его руку. Роланд тут же остановился.

— Поранила ногу? — спросил он.

— Нет, — ответила она, и Роланд увидел, что Сюзанна напугана. — Почему здесь так темно?

— Сюзанна, сейчас ночь.

Она нетерпеливо дернула его за руку.

— Я это знаю. Не слепая. Разве ты... — она замялась. — Разве ты не чувствуешь этой темноты?

Роланд понял, что чувствует. Во-первых, ночь на Второй авеню на самом деле была совсем не темной. Стрелок до сих пор изумлялся, с какой расточительностью жители Нью-Йорка тратили то, что в Гилеаде ценилось на вес золота. Бумага, вода, очищенное масло, искусственное освещение. Последнее было везде. Светились витрины магазинов (сами магазины закрылись, но выключить свет в витринах никто не удосужился), сияла лавочка, где продавали попкорн, она называлась «У Блимпи», оранжевые электрические лампы уличных фонарей пропитывали светом воздух. И однако, Сюзанна была права. Несмотря на оранжевые лампы, в воздухе висело ощущение темноты. Темное облако, казалось, окружало людей, которые шли по этой улице. Ему вспомнились слова Эдди, произнесенные раньше: «Все дело в девятнадцати».

Но эта темнота, которую он и Сюзанна скорее чувствовали, чем видели, не имела никакого отношения к числу девятнадцать. И требовалось отнять шесть, чтобы понять, что происходит. И впервые Роланд поверил, что Каллагэн говорил правду.

— Черный Тринадцатый, — вырвалось у него.

— Что?

— Он перенес нас сюда, отправил в Прыжок, мы чувствуем, что он вокруг нас. Ощущения не совсем такие же, какие я испытывал, когда летал внутри розового шара, но схожие.

— Ощущения неприятные.

— И шар неприятный. Черный Тринадцатый, по всем признакам, самое ужасное, что сохранилось на земле со времен Эльда. Впрочем, я уверен, что Радуга Мэрлина существовала задолго до...

— Роланд! Эй, Роланд! Сюзи!

Они подняли голову и, несмотря на то, что чуть раньше он серьезно опасался встречи с Эдди, теперь испытал безмерное облегчение, увидев не только Эдди, но и Джейка с Ышем. Они стояли дальше по улице, в полутора кварталах. Эдди замахал рукой. Сюзанна ответила тем же. Роланд схватил ее за предплечье, прежде чем она сорвалась с места и побежала. Такое желание у нее точно было.

— Береги ноги, — предупредил он ее. — А то подхватишь какую-нибудь инфекцию и перетащишь на ту сторону.

Они сговорились на быстром шаге. Эдди и Джейк, оба обутые, кинулись им навстречу. Роланд видел, как пешеходы освобождали им путь, не посмотрев на них, даже не прерывая разговоров, потом заметил, что это не совсем так. Навстречу ему за руку с матерью шагал малыш, не старше трех лет. Так вот, женщина ничего не заметила, а у малыша, когда Эдди и Джейк пробежали мимо, широко раскрылись глаза... а потом он протянул руку, словно хотел погладить семенящего за Джейком Ыша.

Эдди обогнал Джейка и добежал до них первым. Остановился перед Сюзанной, в изумлении вытаращился на нее.

— Ну? Что скажешь, сладенький? — нервно спросила она, как у мужа спрашивает жена,

вернувшаяся домой с совершенно новой прической.

— Если что и изменилось, то к лучшему, — ответил Эдди. — Впрочем, я и так тебя любил. Но ты счастлива, и я этому только рад. Господи, ты теперь на дюйм выше меня!

Сюзанна увидела, что так оно и есть, рассмеялась. Ёш обнюхал лодыжку, которой не было, когда он видел эту женщину в последний раз, и тоже рассмеялся. Смех этот сильно смахивал на собачий лай, но все поняли, что Ёш смеялся.

— Мне нравятся твои ноги, Сюз, — комплимент Джейка, в свою очередь, понравился Сюзанне, отчего она вновь засмеялась. Но мальчик этого не заметил, уже повернулся к Роланду. — Ты хочешь взглянуть на книжный магазин?

— А там есть, что посмотреть?

Лицо Джейка затуманилось.

— В общем-то, нет. Он закрыт.

— Я бы лучше взглянул на пустырь, если мы успеем попасть туда до того, как придет пора возвращаться. И на розу.

— Не болят? — спросил Эдди Сюзанну. Он очень уж пристально смотрел на нее.

— Они прекрасно себя чувствуют, — смеясь, ответила Сюзанна. — Прекрасно.

— Ты выглядишь иначе.

— Еще бы! — она пустилась в пляс. Прошло много месяцев с той поры, когда она в последний раз танцевала, но переполняющий ее восторг в значительной степени компенсировал отсутствие практики. Женщина в деловом костюме, помахивающая брифкейсом, чуть не столкнулась с группой оборванных странников, потом резко взяла в сторону, обходя их. Настолько резко, что ступила с тротуара на мостовую. — Еще бы! Я же теперь с ногами!

— Совсем, как в песне, — буркнул Эдди.

— Что?

— Неважно, — ответил он и обнял за талию. Но Роланд опять заметил его изучающий взгляд. «При удаче копать глубже он не станет», — подумал стрелок.

Так и произошло. Эдди поцеловал Сюзанну в уголок рта, повернулся к Роланду.

— Так ты хочешь увидеть знаменитый пустырь с еще более знаменитой розой? Что ж, я тоже хочу. Показывай дорогу, Джейк.

Джейк повел их по Второй авеню, остановившись лишь раз, чтобы они могли взглянуть на «Манхэттенский ресторан для ума». В этом магазине никто не жег попусту электричество, так что увидели они только темные витрины. Не было и черной доски с меню, на которую хотелось взглянуть Роланду.

Прочитав его мысли, как бывает у людей, которые делят кхеф, Джейк сказал: «Должно быть, он меняет меню каждый день».

— Возможно, — не стал спорить Роланд. Вгляделся в витрину, но увидел лишь темные полки, несколько столов, стойку, упомянутую Джейком, за которой старики пили кофе и играли в «Замки», в версии этого мира. Смотреть не на что, но что-то чувствовалось, даже сквозь стекло: отчаяние и ощущение потери. Будь это запах, подумал Роланд, он был бы горьким и затхлым. Запахом неудачи.

Или радужных грез, которые так и не реализовались. Там, где стоял такой запах, Энрико «Утес» Балазар всегда мог добиться своего.

— Насмотрелся? — спросил Эдди.

Для Роланда восьмиквартальная прогулка по Второй авеню, от пересечения с Пятьдесят четвертой до Сорок шестой улицы, стала путешествием в страну, в существование которой до сего момента ему верилось с трудом. «А сколь странным все это должно казаться Джейку?» — подумал он. Нищий, который просил у Джейка четвертак, ушел, но ресторан, перед которым он сидел, «Чав-чав», остался. На углу Второй авеню и Пятьдесят второй. Кварталом дальше им попался магазин пластинок, «Башня выдающихся записей». Он еще работал, часы над головой, высвечивающие час и минуты белыми кружками, указывали, что сейчас восемь часов и четырнадцать минут. Из открытой двери лилась громкая музыка. Гитары и барабаны. Музыка этого мира. Она напомнила ему священную музыку серых, которую он слышал в Ладе. «Почем нет? — подумал Роланд. — В каком-то смысле это тот же Лад». Насчет этого он несколько не сомневался.

— Это «Роллинг стоунз», — пояснил Джейк, — но не та песня, которую я слышал в тот день, когда увидел розу. Та называлась: «Разрисуй все черным».

— Но эту ты тоже знаешь? — спросил Эдди.

— Да, знаю, но не могу вспомнить название.

— Мог бы и догадаться. Она называется «Девятнадцатый нервный срыв».

Сюзанна остановилась, посмотрела на мальчика.

— Джейк?

— Он прав, — кивнул тот.

Эдди тем временем поднял газету, лежащую у железной решетки, перекрывающей дверную арку рядом с музыкальным магазином. Тетрадку «Нью-Йорк таймс».

— Эдди, разве твоя мать не учила тебя, что поднимать что-то с земли неприлично? — спросила Сюзанна.

Эдди проигнорировал ее слова.

— Посмотрите сюда. Все.

Роланд наклонился, решив, что сейчас увидит статью об очередной чуме, но все обошлось. Во всяком случае, в этом номере о глобальных катастрофах не сообщалось.

— Прочитай мне, что здесь написано, — попросил он Джейка. — Я то вспоминаю буквы, то они уплывают из памяти. Думаю, из-за Прыжка...

— «РОДЕЗИЙСКИЕ СИЛЫ УДЕРЖИВАЮТ МОЗАМБИКСКИЕ ДЕРЕВНИ», — начал Джейк. — «ДВА СОВЕТНИКА КАРТЕРА ГОВОРЯТ ОБ ЭКОНОМИИ МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ БЛАГОДАРЯ НОВОМУ ПЛАНУ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ». А ниже: «КИТАЙЦЫ ПРИЗНАЛИ, ЧТО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ 1976 ГОДА БЫЛО САМЫМ СИЛЬНЫМ ЗА ЧЕТЫРЕ СТОЛЕТИЯ». А дальше...

— Кто такой Картер? — спросила Сюзанна. — Он был президентом до... Рональда Рейгана? — произнося два последних слова, она подмигнула Джейку. Эдди так и не удалось убедить ее, что он не шутил, говоря о том, что Рейган стал президентом Соединенных Штатов. Не поверила она и Джейку, хотя мальчик пытался доказать ей, что такое вполне возможно, поскольку при нем Рейган уже занимал пост губернатора Калифорнии. Сюзанна лишь смеялась и кивала, как бы говоря, что отдает должное его богатому воображению. Она не сомневалась, что Эдди подговорил Джейка поддержать свою фантастическую версию, и не собиралась клюнуть на приманку. Да, она могла видеть президентом Пола Ньюмена, даже Генри Фонду, в

некоторых ролях он играл по-президентски, но только не героя телесериала «Дни в долине смерти». Ни в коем разе.

— Забудь про Картера, — фыркнул Эдди. — Посмотри на дату.

Роланд попытался, но она плавала у него перед глазами. То превращалась в буквы и цифры Высокого Слога, то становилась какой-то галиматьей.

— Назови мне ее, ради своего отца.

— Второе июня, — озвучил дату Джейк, посмотрел на Эдди. — Но, если время одинаково и на той, и на этой стороне, должно быть первое?

— Оно не одинаково, — мрачно ответил Эдди. — Не одинаково. На этой стороне время идет быстрее. Бежит. Торопится.

Роланд на мгновение задумался.

— Если мы придем сюда еще раз, временной разрыв увеличится?

Эдди кивнул.

Роланд продолжил, словно размышляя вслух: «Каждая минута, которую мы проводим на той стороне, на стороны Кальи, равна полутора минутам, которые проходят здесь. А может, и двум».

— Нет, не двум, — возразил Эдди. — Я уверен, что время здесь не в два раза быстрее, — но взгляд, брошенный на газету, говорил о том, что такой уверенности у него как раз и нет.

— Если ты прав, нам не остается ничего другого, как идти вперед, — сказал Роланд.

— К пятнадцатому июля, — поддакнула Сюзанна. — Когда Балазар и его джентльмены перестанут корчить из себя благородных.

— Может, не стоит нам связываться с Кальей, — предложил Эдди. — Мне не хочется говорить такое, Роланд, но, может, не стоит?

— Мы не можем не связываться, Эдди.

— Почему?

— Потому что у Каллагэна Черный Тринадцатый, — ответила Сюзанна. — Наша помощь — цена, назначенная им за этот хрустальный шар. И он нам нужен.

Роланд покачал головой.

— Он отдаст нам шар в любом случае... я думал, вы это поняли. Шар нагнал на него страху.

— Да, — кивнул Эдди. — Мне тоже так показалось.

— Мы должны помочь им, потому что таков Путь Эльда, — объяснил Роланд Сюзанне. — И потому что путь ка всегда путь долга и чести.

Ему показалось, что он заметил веселую искру, блеснувшую в глубине ее глаз. Подумал, что заметил, но развесил он отнюдь не Сюзанну. Его идеи нашла забавными Детта или Миа. Хотелось бы знать, кто именно. Или обе?

— Я ненавижу это ощущение, — воскликнула Сюзанна. — Ощущение тьмы.

— На пустыре тебе полегчает, — заверил ее Джейк. Он вновь зашагал по Второй авеню, остальные двинулись следом. — Роза всем поднимет настроение. Вот увидите.

Джейк прибавил шаг после того, как пересек Пятидесятую улицу. После Сорок девятой перешел на бег трусцой. У Сорок восьмой побежал. Ничего не мог с собой поделывать. Сорок восьмую он пересекал, когда горела табличка: «Идите». Но она замигала красным, едва Джейк добрался до тротуара.

— Джейк, подожди! — крикнул Эдди с другой стороны улицы, но Джейк не остановился. Наверное, не мог. Конечно же, Эдди чувствовал притяжение розы. Как и Роланд, и Сюзанна. В воздухе слышался гул, слабый, но приятный. Прямая противоположность ощущению темноты.

Роланду этот гул навевал воспоминания о Меджисе и Сюзан Дельгадо. Поцелуи, разделенные на матрасе из сладкой травы.

Сюзанна вспомнила, как маленькой девочкой забиралась на колени к отцу, гладкой щечкой прижималась к грубой шерсти его свитера. Вспомнила, как закрывала глаза и глубоко вдыхала запах, принадлежащий ему и только ему: трубочного табака, лосьона «Зимняя свежесть» и «мастерола», мази, которую он втирал в запястья, где артрит начал покусывать его с двадцати пяти лет. Эти запахи означали одно: у нее все хорошо.

Эдди вспомнил поездку в Атлантик-Сити, в далеком детстве, ему тогда было лет пять или шесть. Мать взяла их с собой, а в какой-то момент она и Генри отошли, чтобы купить мороженое. Миссис Дин указала на скамейку на набережной со словами: «Усядешься вот туда своей задницей, мистер Мужчина, и не оторвешь ее, пока мы не придем». Он так и сделал. Мог бы просидеть там целый день, глядя на спускающийся к воде песчаный пляж и накатывающие на него серые океанские валы. Каждый раз, когда волна отступала, его глазам открывалась полоса мокрого коричневого песка, такая яркая, что приходилось щуриться, глядя на нее. А сам прибой гремел и успокаивал одновременно. «Я мог бы сидеть здесь вечно, — вспомнились Эдди тогдашние мысли. — Мог бы сидеть, потому что здесь все красиво, спокойно и... правильно. Все, как и должно быть».

Вот это все пятеро почувствовали особенно сильно (Ыш не составил исключения): почувствовали что-то удивительное и прекрасное.

Роланд и Эдди, не сговариваясь, подхватили Сюзанну под локти. Приподняли, оторвав босые ноги от земли, и понесли. Подойдя к Сорок седьмой улице, увидели красную табличку с надписью «СТОЙТЕ». Роланд вытянул руку навстречу приближающимся фарам и крикнул: «Хайл! Именем Гилеада приказываю: остановитесь!»

И они остановились. Завизжали тормоза, чей-то передний бампер встретился с чьим-то задним, зазвенело разбившееся стекло, но они остановились. В свете фар, под какофонию клаксонов, Сюзанну, с возвращенными ей (и уже грязными) ногами, перенесли через мостовую. Ощущение счастья, ощущение, что все будет хорошо, росло с приближением к углу Второй авеню и Сорок шестой улицы. Роланд чувствовал, как гудение розы ускоряет бег его крови.

«Да, — думал Роланд. — Клянусь всеми богами, да. Это она. Возможно, не дверь в Темную Башню, а сама Башня. Боже, какая же у нее сила! Какое притяжение! Катберт, Ален, Джейми... ну почему вас нет со мной!»

Джейк стоял на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы, глядя дощатый забор высотой в пять футов. Слезы катились по его щекам. Из темноты за забором доносилось гармоничное гудение. Звуки многих голосов, поющих вместе. Поющих на одной ноте. *Это здесь, — говорили голоса. — Именно здесь вы найдете все. Поворот к лучшему, счастливую встречу, излечение от лихорадки, из-за которой кровь закипала в жилах. Здесь может осуществиться любое желание, здесь поймут всех и каждого. Здесь можно увидеть доброе отношение и познать, как творить добро. Здесь можно вновь обрести казалось бы потерянные здравомыслие и ясность ума. Здесь все будет хорошо.*

Джейк повернулся к ним.

— Вы это чувствуете? — спросил он. — Да?

Роланд кивнул. Потом Эдди.

— Сюзи?

— Это почти самое прекрасное, что может быть на свете, — ответила она.

«Почти, — подумал Роланд. — Она сказала: „Почти“. Заметил стрелок и другое: когда она произносила эти слова, ее рука поглаживала живот.

Афиши вроде бы остались прежними, какими и помнил их Джейк: Оливия Ньютон-Джон на «Радио-Сити», рок-группа «G.Gordon Liddy» вместе с «Пещерами» выступала в клубе «Меркюри Лодж» в Ист-Виллидж, фильм-ужастик «Война зомби», остались и таблички с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», но...

— Вот этого не было, — он указал на граффити, пепельно-розовые стихи. — Цвет тот же, буквы написаны той же рукой, но, когда я был здесь в первый раз, в стихотворении речь шла о черепахе. «Есть Черепаха, представьте себе! Она держит мир у себя на спине!» А дальше что-то про Луч.

Эдди подошел ближе и прочитал: «О, Сюзанна-Мию, раздвоенная девочка моя. Пришвартовала свой БРИГ аж в ДИКСИ-ПИГ, в году 99».

Посмотрел на Сюзанну.

— И что бы это значило? Есть идеи, Сюзи?

Она покачала головой. Глаза широко раскрылись. Испуганные глаза, подумал Роланд. Но какая женщина испугалась? Этого он сказать не мог. Он только знал, что Одетта Сюзанна Холмс была раздвоена с самого начала, но вот «мио» лишь на самую малость отличалось от Миа. Однако, гудение, доносящееся из темноты, мешало об этом думать. Ему хотелось незамедлительно подойти к источнику этого гудения. Он просто не мог не подойти, как человек, умирающий от жажды, не мог не взять протянутый стакан с водой.

— Пошли, — сказал Джейк. — Мы можем прямо здесь перелезть через забор. Это просто.

Сюзанна посмотрела на свои босые, грязные ноги и отступила на шаг.

— Только не я. Не могу. Без обуви.

Вроде бы логично, но Роланд подумал, что уловил в ее словах нечто большее. Миа не хотела туда идти. Миа понимала: если она туда пойдет, с ней может произойти что-то ужасное. С ней и ее ребенком. На мгновение он уже решил заставить ее, позволить розе разобраться и с тем существом, что росло у нее в животе, и с вызывающей законную тревогу новой личностью, настолько сильной, что Сюзанна появилась в Нью-Йорке с ногами Миа.

«Нет, Роланд, — голос Алена, у которого шестое чувство было развито сильнее, чем у других. — Не то время, не то место».

— Я останусь с ней, — в голосе Джейка слышалось безмерное сожаление, но не колебания, и Роланда захлестнула безмерная любовь к мальчику, которому он однажды позволил умереть. Мощный голос из темноты за забором пел об этой любви; он это слышал. Его просто прощали, а не говорили о том, что тяжким трудом он искупил свой грех? Он думал, что да.

— Нет, — покачала головой Сюзанна, — ты иди, сладенький. Со мной ничего не случится, — она им улыбнулась. — Это и мой город, знаете ли. Я смогу постоять за себя. И потом... — тут она понизила голос, словно делилась страшным секретом. — Я думаю, мы — невидимые.

Эдди вновь изучающе посмотрел на нее, словно собираясь справиться, как такое могло случиться, что она не хочет идти с ними, босиком или нет, но на этот раз Роланд не беспокоился. Тайне Миа ничего не грозило, во всяком случае, не текущий момент. Слишком уж призывно звала роза, так что Эдди просто не мог думать ни о чем другом. Ему не терпелось перемахнуть через забор.

— Мы должны держаться вместе, — с неохотой сказал Эдди. — Чтобы не потеряться на обратном пути. Ты сам предупреждал об этом, Роланд.

— Далеко ли от забора роза, Джейк? — спросил Роланд. Слова давались ему с трудом: от гула в ушах он не мог говорить, не мог думать.

— Она в центре пустыря. Ярдах в тридцати, может, и ближе.

— Как только зазвучат колокольца, мы сразу побежим к забору и Сюзанне, — решил Роланд. — Все трое. Согласны?

— Согласен, — кивнул Эдди.

— Все трое и Ыш, — уточнил Джейк.

— Нет, Ыш останется с Сюзанной.

Джейк нахмурился, последнее ему явно не понравилось. Роланд другого и не ожидал.

— Джейк, Ыш тоже босиком... разве ты не говорил, что там полно осколков стекла?

— Д-да... — выжал из себя Джейк. С неохотой, потом опустил на колено, всмотрелся в широко раскрытые, с золотыми ободками, глаза Ыша. — Останешься с Сюзанной, Ыш.

— Ыш! А! — Ыш остается. Джейка это устроило. Он поднялся, посмотрел на Роланда. Кивнул.

— Сюзи? — спросил Эдди. — Ты не передумала?

— Нет, — ответ уверенный. Без малейшей паузы. Теперь Роланд практически не сомневался, что Миа перехватила контроль над телом, дергала за рукоятки, щелкала переключателями. Практически, но не совсем. Даже теперь стопроцентной уверенности к нему не было. Гудение розы приводило в тому, что любая цепочка умозаключений заканчивалась одинаково: все, именно все, будет хорошо.

Эдди кивнул, поцеловал ее в уголок рта, потом шагнул к забору с написанным на нем странным стихотворением о Сюзанне-Мио, раздвоенной девочке. Переплел пальцы, превратив их в подножку. Джейк тут же поставил на нее ногу и в мгновение ока перескочил через забор.

— Эйк! — крикнул Ыш и замолчал, усевшись у одной из босых ног Сюзанны.

— Ты следующий, Эдди, — распорядился Роланд, переплел оставшиеся пальцы, создавая для Эдди ту же подножку, какую Эдди сделал для Джейка, но Эдди просто схватился за верхушки досок и легко перемахнул через забор. Наркоман, которого Роланд встретил в самолете, идущем на посадку в аэропорт имени Кеннеди, никогда не смог бы такое сделать.

— Оставайтесь на месте. Вы оба, — вроде бы Роланд говорил о женщине и ушастике-путанике, но смотрел только на женщину.

— С нами ничего не случится, — она наклонилась и погладила Ыша по шелковистой шерсти. — Не так ли, малыш?

— Ыш!

— Иди, взгляни на свою розу, Роланд. Пока еще можешь.

Роланд еще раз раздумчиво посмотрел на нее, схватился на верхушки досок. А мгновением позже исчез за забором, оставив Сюзанну и Ыша на вибрирующем жизнью уличном углу. Другого такого не было во всей вселенной.

Странное случилось с ней, пока она ждала.

В той стороне, откуда они пришли, около магазина звукозаписи, часы на здании банка попеременно высвечивали время и температуру воздуха: 8:27–64, 8:27–64, 8:27–64. А потом, внезапно, начали высвечивать 8:34–64, 8:34–64. ^[251] От часов она глаз не отрывала, могла в этом

покаяться. Может, какой-то сбой произошел в механизме часов?

«Наверняка, — подумала она. — Какая еще могла быть причина?» Никакой, предположила она, но почему внезапно все стало чувствоваться по-другому? Даже выглядеть по-другому? «Может, это мой механизм дал сбой?» — пришла в голову новая мысль.

Ыш повизгивал и тянулся к ней длинной шеей. И вот тут она поняла, что и вокруг все переменялось. Мало того, что пропали семь минут, так еще и мир вернулся к прежним, привычным пропорциям. Она оказалась ближе к Ышу, потому что приблизилась к земле. Ее прекрасные стопы и голени, которые она вновь обрела, открыв глаза в Нью-Йорке, исчезли.

Как такое могло случиться? Когда? В эти пропавшие семь минут?

Ыш вновь завыл. Чуть ли не залаял. Смотрел он мимо нее. Она повернула голову. Шестеро человек пересекали Сорок шестую улицу, направляясь к ним. Пятеро — нормальных, шестая — женщина с мертвенно-бледным лицом, в платье с пятнами плесени. С пустыми черными глазницами. С широко раскрытым ртом. Сюзанна увидела, как зеленый червяк выполз на нижнюю губу. Остальные люди обходили женщину по широкой дуге, как другие пешеходы на Второй авеню обходили Роланда и его друзей. Сюзанна догадалась, что в обоих случаях обычные люди чувствовали что-то аномальное и инстинктивно старались держаться от него подальше. Только эту женщину перенес в Нью-Йорк не Прыжок.

К ним шла мертвая женщина.

12

С каждым шагом по засыпанному битым кирпичом и мусором пустырю гудение становилось все сильнее. Как и прежде, Джейку мерещились в тенях всякие лица. Он видел Гашера и Хутса, Тик-Така и Флегга; он видел подручных Элдредра Джонаса, Дипейпа и Рейнолдса; он видел своих мать и отца и Грету Шоу, их домоправительницу, которая чуть напоминала Эдит Банкер^[26] и всегда помнила, что с его сэндвичей надо срезать корочку. Грета Шоу, которая иногда называла его Бама, но только, когда они оставались вдвоем, это был их секрет.

Эдди видел людей из своего прежнего района: Джимми Полио, с изуродованной болезнью ступней, и Томми Фредерикса, который всегда так волновался, наблюдая играми по стикболу,^[27] что начинал строить страшные рожи, за что его прозвали Томми-Хэллоуин. Шкипера Браннигэна, который ввязался бы в драку с самим Эль Капоне, если б Капоне не хватило ума держаться подальше от их округи, и Кзабу Драбника, спятившего гребаного венгра. Он увидел лицо своей матери в груди разбитых кирпичей, ее блестящие глаза поблескивали в осколках бутылки из-под газировки. Он увидел ее подругу, Дору Бертольо, которую ребятня в квартале прозвала Сисястой Дорой, и действительно, груди у нее были большущие, с арбуз каждая. И, само собой, он увидел Генри. Генри стоял в глубокой тени, наблюдая за ним. Только Генри улыбался, а не хмурился, и, похоже, избавился от своей дурной привычки. Поднял руку с оттопыренным большим пальцем, видать, хвалил Эдди. «Так держать, — послышался в гуле голос Генри Дина. — Так держать, Эдди, покажи им, на что ты способен. Разве я не говорил остальным, какой ты у меня молодец? Разве не говорил, когда мы сидели за магазином и курили сигареты Джимми Полио? „Мой маленький братец может уговорить дьявола броситься в огонь“, — сказал я. Не так ли? — Да, да, говорил. — Я всегда это чувствовал, — шептало гудение. — Я всегда тебя любил. Иногда подводил, но любил всегда. Ты мой маленький мужичок».

Эдди начал плакать. И то были слезы счастья.

В тених этого пустыря Роланд увидел фантомы всей своей жизни: от своей матери до посланцев Кальи Брин Стерджис. И, пока они проходили мимо него, росло ощущение, что он все делал правильно. Что все трудные решения, вся страдания, потери, пролитая кровь не пошли прахом, не пропали зря. На все была причина. Все делалось ради поставленной цели. Ради любви и жизни. Он услышал все это в пении розы и тоже заплакал. В основном, от облегчения. Дорога к этому пустырю далась ему нелегко. Многие из тех, кто шел с ним, умерли. Однако, здесь они жили. Пели вместе с розой. И он понял, что не зря прожил свою жизнь.

Они шли вперед, взявшись за руки, помогая друг другу избежать досок с торчащими гвоздями и ям, угодив в одну из которых, нога могла переломиться в лодыжке, как сухая ветвь. Роланд не знал, можно ли сломать ногу, находясь в Прыжке, но желания выяснить это у него не было.

— Ради такого стоило жить, — прохрипел он.

Эдди кивнул.

— Теперь меня уже не остановить. Меня не остановит даже смерть.

Услышав эти слова, Джейк сложил большой и указательный палец колючком и рассмеялся. Смех этот серебристыми колокольчиками зазвучал в ушах Роланда. На пустыре было темнее, чем на улице, но оранжевые фонари на Второй авеню и на Сорок шестой улице все-таки разгоняли мрак. Джейк указал на вывеску, лежащую на гряде досок.

— Видите? Это вывеска магазина деликатесов. Я вытащил ее из травы, поэтому она здесь и лежит, — он огляделся, указал в другом направлении. — Посмотрите туда!

Щит стоял на прежнем месте. Роланд и Эдди повернулись к нему. Хотя ни один не был здесь раньше оба, тем не менее, почувствовали, что уже видели его.

ТОВАРИЩЕСТВО СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ МИЛЛЗА
И РИЭЛТОРСКОЙ КОНТОРЫ СОМБРА
ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТЫ

МЫ ИЗМЕНИМ ЛИЦО МАНХЭТТЕНА!
СКОРО ЗДЕСЬ БУДЕТ РОСКОШНЫЙ КОНДОМИНИУМ
«БУХТА БОЛЬШОЙ ЧЕРЕПАХИ»

ВСЮ НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ
ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ: 661-6712
ЗВОНИТЕ, И НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ

Как и говорил им Джейк, щит висел здесь давно и нуждался либо в подновлении, либо в замене. Джейк помнил, что кто-то расписался на щите синей краской из баллончика-распылителя. Эдди помнил об этом из рассказа Джейка, не потому, что граффити казались ему чем-то странным, просто сама надпись запала в память. И они, конечно же, увидели ее: «БАНГО СКАНК». Чья-то визитная карточка.

— Я думаю, телефонный номер на щите другой, — сказал Джейк.

— Правда? — спросил Эдди. — А какой был раньше?

— Не помню.

— Тогда с чего ты взял, что номер изменился?

В другое время и другом месте Джейк мог бы разозлиться, услышав этот вопрос. Здесь, в умиротворении, источаемой розой, он лишь улыбнулся.

— Я не знаю. Доказать мне нечем. Но номер точно был другим. Как и меню в витрине книжного магазина...

Роланд слушал в пол-уха. Шагал вперед через груды кирпичей, досок и разбитого стекла, в старых ковбойских сапогах, со сверкающими в сумраке глазами. Он уже видел розу. Что-то лежало рядом с ней, в том месте, где Джейк нашел свою версию ключа, но Роланд не обратил на сей предмет никакого внимания. Он видел только розу, растущую среди островка травы, багряной от выплеснутой на нее краски. Роланд опустился перед розой на колени. Мгновением позже Эдди стоял на коленях слева от него, Джейк — справа.

Роза уже закрылась на ночь. Но, когда они преклонили пред ней колени, лепестки начали открываться, словно приветствуя их. Гудение розы доносилось со всех сторон, ни с чем не сравнимое по красоте, песнь ангелов.

13

Поначалу Сюзанна держалась. Держалась, несмотря на то, что потеряла ноги и половину себя, во всяком случае той себя, которая, которая прибыла в Нью-Йорк, и ей пришлось вновь принять эту унижительную, отвратительную позу, нечто среднее между сидением и стоянием на коленях на грязном тротуаре. Спинай она прижималась к дощатому забору, окружавшему пустырь. В голове мелькнула сардоническая мысль: «Не хватает только картонки с надписью „Подайте на пропитание“ и жестяной миски для милостыни».

Он держалась и после того, как увидела мертвую женщину, переходящую Сорок шестую улицу. Помогало пение... Сюзанна понимала, что это голос розы. Помогал Ыш, прижавшийся к ней, согревавший своим теплом. Она гладила его по шелковистому меху, он связывал ее с реальным миром. Она снова и снова говорила себе, что не сошла с ума. Ладно, она потеряла семь минут. Может, и потеряла. А может, что-то случилось с механизмом часов, он икнул и разом перескочил на семь минут. Ладно, они видела мертвую женщину, переходившую улицу. Может, и видела. А может, видели шатающуюся из стороны в сторону наркоманку, благо в Нью-Йорке их хватало...

«Наркоманку с зеленым червяком, выползающим изо рта?»

— Червяк мог мне и привидеться, — сказала она ушастику-путанику. — Так?

Ыш смотрел то на Сюзанну, то на пролетающие мимо автомобили с включенными фарами, которые он мог принимать за больших хищников с горящими глазами. И нервно повизгивал.

— А кроме того, мальчики скоро вернутся.

— Чики, — согласился Ыш, и в его голосе слышалась надежда.

«Почему только я не пошла с ними? Эдди мог нести меня на спине. Видит Бог, он делал это и раньше, как с упряжью, так и без».

— Я не могла, — прошептала она. — Просто не могла.

Потому что какая-то ее часть боялась розы. Боялась подойти к ней вплотную. Эта часть контролировала ее тело в те семь минут, о которых она ничего не помнила? Сюзанна опасалась, что да. Если так, то теперь она ушла. Забрала ноги и просто ушла, в Нью-Йорк 1977 года. То, что забрала ноги, это, конечно, плохо. Но она забрала и страх перед розой, а вот это как раз хорошо. Сюзанна не хотела бояться розы, в которой чувствовала только силу и красоту.

«Другая личность? Ты думаешь, что женщина, которая снабдила тебя ногами, другая личность?»

Другими словами, новая Детта Уокер?

От этой мысли ей захотелось кричать. Она подумала, что теперь может понять чувства

женщины, которой пять лет тому назад вроде бы успешно удалили раковую опухоль, когда врач говорит ей, что на рентгеновском снимке в легком обнаружилось какое-то затемнение.

— Только не это, — прошептала она, когда мимо вновь проходили пешеходы. Шли они на достаточном расстоянии от дощатого забора, чуть ли не вплотную друг к другу. — Только не это. Этого не может быть. Я — единое целое. Я... я поправилась.

Как давно ушли ее друзья?

Она вновь взглянула на мигающие часы. 8:42, но она не знала, можно ли им доверять. Вроде бы прошло больше времени. Значительно больше. Может, ей их позвать. Просто окликнуть. Спросить, как у них дела?

Нет. Нельзя. Ты — стрелок, девочка. По крайней мере, он так говорит. Так думает. И ты не собираешься изменять его мнение о себе, заорав как школьница, увидевшая под кустом ужа. Ты будешь сидеть и ждать. Ты это сможешь. Рядом с тобой Ыш и ты...

И тут она увидела мужчину, стоящего на другой стороне улицы. Стоящего рядом с газетным киоском. Голого. У-образный разрез, зашитый крупными стежками, начинался в пахе и раздваивался у повыше пупка, поднимаясь на грудь. Пустые глаза смотрели на нее. Сквозь нее. Сквозь мир.

Уверенность в том, что это галлюцинация, исчезла, как только Ыш загавкал. Смотрел он через улицу, на голого мертвяка.

И Сюзанна более не в силах молчать, начала звать Эдди.

14

Когда роза открылась, показав им алое горнило меж лепестков с сияющим по центру солнцем, Эдди увидел все, что имело в этой жизни хоть какое-то значение.

— О, Боже, — ахнул рядом с ним Джейк, но он мог находиться и в тысяче миль.

Эдди увидел великие события и те, что едва не произошли. Альберта Эйнштейна, еще ребенком, когда он переходил улицу, едва не сшибла телега с бидонами молока: лошади, чего-то испугавшись, понесли. Подросток, которого звали Альберт Швейцер, вылезая из ванной, едва не наступил на кусок мыла, упавший на пол. Нацистский обер-лейтенант сжег клочок бумаги с написанными на нем датой и местом высадки десанта в день Д. Эдди увидел, как мужчина, собравшийся отравить весь Денвер, вылив яд в водопровод, умер от сердечного приступа на площадке отдыха автомагистралей-80 в Айове, с пакетиком жареного картофеля из «Макдоналдса» на коленях. Он увидел, как террорист-камикадзе, увешанный взрывчаткой внезапно отошел от переполненного ресторана в городе, который мог быть Иерусалимом. Террориста остановило ни что иное, как небо, мысль о том, оно остается одинаково прекрасным и для тех, кто творит зло, и для тех, кто служит добру. Он увидел, как четверо мужчин спасли маленького мальчика от монстра, все голову которого, похоже, занимал один глаз.

Но, что более важно, он видел великое множество маленьких событий, от благополучно приземлявшихся самолетов до мужчин и женщин, которые оказывались в нужном месте и в оптимальное время и основывали династии. Он видел поцелуи, которыми обменивались в арках у двери, и возвращенные бумажники, и мужчин, которые подходили к развилке и выбирали правильную дорогу. Он видел тысячи случайных встреч, которые не были случайными, и десятки тысяч правильных решений, и сотни тысяч правильных ответов, и миллионы добрых дел. Он видел стариков Речного Перекрестка и Роланда, опустившегося на колени в пыль, чтобы получить благословение тетушки Талиты. Вновь услышал, с какой радостью она благословила его. Услышал, как она просит его положить крестик, который она ему дала, у подножия Темной

Башни и произнести имя, Талита Анвин, на самом краю земли. В горящих лепестках розы он увидел саму Темную Башню и мгновенно понял ее предназначение: соединять все миры и удерживать их в равновесии на великой спирали времени. И в каждом кирпиче, упавшем на землю, а не на голову маленького ребенка, и в каждом торнадо, обошедшем трейлерную стоянку, и в каждой боевой ракете, отказавшей при взлете, и в каждой руке, удержанной от насилия, имело место быть влияние Башни.

И спокойный, поющий голос розы. Песня, обещавшая, что все будет хорошо, все будет хорошо, все, что только может быть, будет хорошо.

«Но с розой что-то не в порядке», — подумал он.

В гуле чувствовались какие-то резкие помехи, словно скрежетали осколки разбитого стекла. В горячем сердце он видел неприятное лиловое мерцание, всполохи холодного цвета, чуждого розе.

— Есть две оси существования, — услышал он голос Роланда. — Две! — как и Джейк, стрелок мог находиться за тысячу миль. — Башня... и роза. И при этом они — одно и то же.

— Одно и то же, — согласился Джейк. Его лицо разрисовали яркие цвета, темно-красный и ослепительно-желтый. Однако, Эдди казалось, что он различает и третий цвет: отблеск того самого лилового мерцания, похожий на синяк. Он танцевал по лицу Джейка, задержался на лбу, сместился на щеку, поднялся под глаз, исчез, вновь появился на виске, символизируя что-то плохое, какую-то беду.

— Что с ней не так? — услышал Эдди собственный вопрос, но ответа не получил, ни от Роланда, ни от Джейка, ни от розы.

Джейк поднял палец и начал считать. Эдди видел, что считает он лепестки. Но необходимости в этом не было. Они все знали, сколько у розы лепестков.

— Мы должны купить этот пустырь, — сказал Роланд. — Стать его владельцами и охранять розу. До того момента, пока не восстановятся Лучи и исчезнет угроза разрушения Башни. Потому что, пока Башня слаба, именно роза все удерживает. И она тоже слабеет. Она больна. Вы это чувствуете?

Эдди открыл рот, чтобы сказать, да, он чувствует, и тут до них донесся крик Сюзанны. А мгновением позже отчаянно залаял Ыш.

Эдди, Джейк и Роланд переглянулись, с таким видом, словно только что пробудились от крепкого сна. Эдди вскочил первым. Повернулся и поспешил к забору и Второй авеню, выкрикивая ее имя. Джейк последовал за ним, задержавшись лишь для того, чтобы что-то выхватить из репейника, с того самого места, где раньше лежал ключ.

Роланд бросил последний, исполненный муки взгляд на дикую розу, которая столь храбро росла среди битых кирпичей, осколков стекла, досок, сорняков и мусора. Она уже начала закрываться, сворачивая лепестки, пряча сияющий внутри свет.

«Я вернусь, — сказал он розе. — Клянусь богами всех миров, клянусь моими матерью и отцом и всеми моими друзьями, я вернусь».

И однако, он боялся.

Роланд повернулся и побежал к дощатому забору, лавирую среди куч мусора, быстро, не обращая внимания на боль в правом бедре. И на бегу в голове, в такт ударам сердца, билась одна мысль: «Две. Две оси существования. Роза и башня. Башня и роза».

Все остальное держалось между ними, подвешенное в хрупком равновесии.

Эдди перепрыгнул через забор, приземлился неудачно, упал, поднялся, подскочил к Сюзанне. Ыш продолжал лаять.

— Сюззи! Что? Что случилось? — он схватился за рукоятку револьвера Роланда, но пальцы сжали пустоту. Видать, оружие оставалось в том мире, откуда человек отправлялся в Прыжок.

— Там! — она указала на другую сторону улицы. — Там! Ты его видишь? Пожалуйста, Эдди, пожалуйста скажи мне, что ты его видишь!

Эдди почувствовал, как у него похолодело сердце. Он увидел голого мужчину, которому вскрыли брюшную полость и грудь, а потом наскоро зашили. Чувствовалась рука паталогоанатома. Другой мужчина, живой, купил газету на ближайшем лотке, посмотрел, нет ли автомобилей, перешел Вторую авеню. И, раскрывая газету, чтобы взглянуть на заголовок, он обошел мертвяка по широкой дуге. «Точно так же, как люди обходят нас», — подумал Эдди.

— Я видела еще один труп, — прошептала Сюзанна. — Женщину. Она шла. И червяк. Я видела, как червяк вы-выползал...

— Посмотрите направо, — просипел Джейк. Он опустился на одно колено, поглаживая Ыша, успокаивая его. В другой руке он держал что-то розовое. А лицо было мертвенно-серым.

Они посмотрели. К ним медленно шел ребенок. Девочка, судя по сине-красному платью. Когда она подошла ближе, Эдди увидел, что синее — это море, а разбросанные по синему красные пятна — кораблики. Голову ей разmozжило в какой-то аварии, превратило в лепешку. Глаза напоминали раздавленные виноградины. В одной бледной ручке она держала пластиковую сумочку. Должно быть, взяла ее с собой, не подозревая о том, что попадет в аварию.

Сюзанна набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать. Темнота, которую она раньше только чувствовала, стала буквально видимой. Ее можно было пощупать, она наваливалась на Сюзанну, придавливая ее к земле. Однако, кричать она могла. Знала, что должна кричать. Потому что, не закричав, сошла бы с ума.

— Ни звука, — прошептал ей на ухо Роланд из Гилеада. — Не пугай ее, маленькую бедняжку. Слышишь меня, Сюзанна? — и ее крик обернулся долгим натужным выдохом.

— Они мертвые, — Джейку с трудом удавалось держать голос под контролем. — Они оба.

— Бродячие мертвяки, — уточнил Роланд. — Я слышал о них от отца Алена Джонса. Вероятно, вскоре после того, как мы вернулись из Меджиса, потому что потом времени на разговоры не осталось... разверзся ад... Во всяком случае, именно Крис Джонс предупреждал нас, что мы можем увидеть бродячих мертвяков, если войдем в Прыжок, — он указал на мертвого мужчину, который стоял на другой стороне улицы. — Такое случается, если они умирают очень быстро и даже не понимают, что с ними произошло. Или когда просто отказываются смириться со смертью. И рано или поздно у них начинается новая жизнь. Не думаю, что их много.

— Слава Богу, — выдохнул Эдди. — Прямо-таки персонажи фильма про зомби Джорджа Ромеро.

— Сюзанна, что случилось с твоими ногами? — спросил Джейк.

— Я не знаю, — ответила она. — Только что они были, а мгновением позже я стала такой же, как и раньше, — она почувствовала взгляд Роланда и повернулась к нему. — Ты увидел что-то забавное, сладенький?

— Мы — ка-тет, Сюзанна. Расскажи нам, что в действительности произошло?

— На что ты, черт побери, намекаешь? — спросил его Эдди. Мог добавить что-то еще, но не успел открыть рот, как Сюзанна схватила его за руку.

— Значит, хочешь знать правду? — она смотрела на Роланда. — Ладно, я все скажу. Согласно вон тем часам на стене, я потеряла семь минут, пока ждала вас, мальчики. Семь минут

и мои новые ноги. Я не хотела ничего говорить, потому что... — она запнулась, потом продолжила. — Потому что боялась, что могу лишиться рассудка.

«Ты боялась не этого, — подумал Роланд. — Не совсем этого».

Эдди обнял ее, поцеловал в щеку. Нервно посмотрел на голого мертвяка на другой стороне улицы (девочка с разmozженной головой, к счастью, свернула на Сорок шестую улицу и направилась к зданию ООН), потом вновь на Роланда.

— Если сказанное тобой соответствует действительности, эти подвижки времени — очень плохая новость. А если оно сдвинется не на семь минут, а на три месяца? Вдруг, попав сюда в следующий раз, мы обнаружим, что Келвин Тауэр уже продал этот участок? Мы не можем этого допустить. Потому что роза... роза... — и по щекам Эдди потекли слезы.

— Лучшее, что есть в этом мире, — закончил за него Джейк.

— Лучшее, что есть во всех мирах, — уточнил Роланд. Полегчает ли Джейку и Эдди если они узнают, что подвижка времени произошла только в голове Сюзанны? Что это Миа на семь минут вылезла из своей норы, чтобы оглядеться, а потом нырнула обратно. Скорее всего, нет. Но по враз осунувшемуся лицу Сюзанны он понял: она или точно знала, что произошло, или подозревала об этом. «Для нее это ужасный удар», — подумал он.

— Если мы хотим что-то изменить, мы не можем являться сюда в таком виде, — сказал Джейк. — Сейчас мы ничем не отличаемся от этих бродячих мертвяков.

— Нам надо вернуться и в 1964, — напомнила Сюзанна. — Чтобы добраться до моих денег. Мы сможем, Роланд? Если у Каллагэна есть Черный Тринадцатый, он сработает, как дверь?

«Его работа — приносить беду, — подумал Роланд. — Беду и то, что похуже». Но, прежде чем он успел произнести эти слова (или какие-то другие), зазвучала музыка, зазвучали колокольцы. Прохожие на Второй авеню ничего не услышали, как не видели странников, сгрудившихся у дощатого забора, но мертвяк на другой стороне улицы медленно поднял мертвые руки и зажал ими мертвые уши, его рот искривила гримаса боли. А потом стал прозрачным, они могли видеть сквозь него.

— Держимся друг за друга, — приказал Роланд. — Джейк, крепче ухвати Ыша! Заройся пальцами в шерсть. Если ему и будет больно, он переживет.

Джейк выполнил приказ. Музыка, колокольцы звенели у него в голове. Прекрасная и жуткая мелодия.

— Слово тебе сверлят зубной канал без новокаина, — пробормотала Сюзанна. Повернула голову и увидела пустырь, потому что забор, как и мертвяк, стал прозрачным. Увидела розу, лепестки уже закрылись, но ее по-прежнему окружало сияние. Почувствовала, как рука Эдди сжала ее плечо.

— Держись, Сюзи... крепко держись.

Она ухватилась за руку Роланда. Еще с мгновение могла видеть Вторую авеню, а потом все исчезло, она летела сквозь крошечную тьму, рука Эдди обнимала ее за плечи, она сжимала руку Роланда.

Когда темнота отпустила их, они оказались на дороге, примерно в сорока футах от лагеря. Джейк медленно сел, потом повернулся к Ышу.

— Ты в порядке, малыш?

— Ыш.

Джейк потрепал ушастика-путаника по голове. Огляделся. Все на месте. Облегченно

выдохнул.

— Что это? — спросил Эдди. Он взял Джейка за свободную руку, когда зазвенели колокольцы и теперь почувствовал на ладони тот самый смятый розовый предмет. Но ощущениям вроде бы материя. А вроде бы и металл.

— Не знаю, — ответил Джейк.

— Ты поднял его на пустыре, после того, как закричала Сюзанна, — напомнил Роланд. — Я видел.

Джейк кивнул.

— Да. Скорее всего. Потому что он лежал в том же месте, где я нашел ключ.

— Что это, сладенький?

— Какой-то мешок, — Джейк поднял его за завязки. — Я бы сказал, мой мешок для боулинга, но он остался в 1977 году. Вместе с шаром.

— А что на нем написано? — спросил Эдди.

Но прочитать они не смогли. Облака плотно закрыли небо, отрезав лунный свет. Они вернулись в лагерь, медленно, пошатываясь, словно впервые встали на ноги после тяжелой болезни. Роланд развел костер. И они все прочитали надпись на розовом боковине мешка для боулинга:

«ТОЛЬКО СТРАЙКИ^[28] НА ДОРОЖКАХ СРЕДИННОГО МИРА»

— Надпись другая, — покачал головой Джейк. — Похожая, но другая. На моем мешке было написано: «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ „МИДТАУНА“». Тимми подарил мне его, когда я как-то набрал двести восемьдесят два очка. Сказал, что я еще слишком молод и он не может угостить меня пивом.

— Стрелок боулинга, — Эдди покачал головой. — Чудеса не кончаются, не так ли?

Сюзанна взяла мешок, помяла пальцами.

— Что это за материя? На ощупь — прямо-таки металл. И он тяжелый.

Роланд, который уже понял, для чего им сможет понадобиться этот мешок, хотя не мог сказать, кто или что оставило его для них на пустыре, посмотрел на Джейка.

— Положи его к себе рядом с книгами. И береги, как зеницу ока.

— Что теперь? — спросил Эдди.

— Спать, — ответил Роланд. — Я думаю, следующие несколько недель будут трудными. И спать нам придется только урывками, когда для этого будет время.

— Но...

— Спать, — Роланд уже раскатывал шкуры.

Со временем все они заснули и им снилась роза. За исключением Миа, которая поднялась за пару часов до рассвета, когда ночь особенно темна, и отправилась пировать в огромный банкетный зал. Попировала вволю.

Как-никак, кормила двоих.

Что удивило Эдди на последнем отрезке пути к Калье Брин Стерджис, так это легкость, с которой он освоился в седле. В отличие от Джейка и Сюзанны, они ездили верхом в летних лагерях, Эдди никогда даже не гладил лошадь. Когда услышал приближающийся топот копыт, утром после Прыжка номер два, почувствовал острый укол страха. Боялся не самой езды верхом или животных, боялся, что опозорится, а вероятность того близилась к ста процентам. Разве можно зваться стрелком, ни разу не сев на лошадь?

Однако, до прибытия посланцев Кальи Эдди успел перекинуться парой слов с Роландом.

— В этот раз все было иначе.

Роланд вскинул брови.

— В прошлую ночь не было ощущения девятнадцати.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю, — встрял Джейк, — но он прав. Прошлой ночью чувствовалось, что Нью-Йорк настоящий. То есть я знал, что мы попали туда, уйдя в Прыжок, но при этом...

— Настоящий, — повторил Роланд.

— Настоящий, как роза, — улыбнулся Джейк.

На этот раз посланцев Кальи возглавляли Слайтманы. Каждый вел за собой по паре заседанных лошадей. И в лошадях Кальи Брин Стерджис не было ничего устрашающего. Эдди решил, что они мало чем напоминали скакунов, на которых Роланд и его друзья мчались над Спуском в далеком феоде Меджис. Приземистые, с крепкими ногами, заросшие шерстью, с большими умными глазами. Чуть повыше шетлендских пони, но определенно не жеребцы с раздувающимися ноздрями, которых он ожидал увидеть.

И когда Эдди направлялся к своей лошади (необходимости спрашивать, какая его, не возникло, он и так сразу все понял: чалая) сомнения и тревоги как рукой сняло. Он задал только один вопрос, Бену Слайтману-младшему, после того, как осмотрел стремяна.

— Мне они будут коротковаты, Бен... можешь показать, как их опустить?

Подросток спешил, хотел сам все сделать, но Эдди покачал головой.

— Будет лучше, если я поучусь, — без тени смущения.

Когда Бенни показывал, что нужно делать, Эдди понял, что мог прекрасно обойтись и без инструктора. Он увидел, что нужно сделать, как только пальцы подростка откинули стремя, открыв тягу. Понял не на подсознательном уровне, не потому, что его осенило. Все получилось как-то очень естественно, словно он с детства менял длину стремени. И случилось такое с ним, после «извлечения» в Срединный мир, уже второй раз. Ранее с той же естественностью он разобрал револьвер Роланда.

— Нужна помощь, сладенький? — спросила Сюзанна.

— Подбери меня, если я свалюсь с той стороны, — пробурчал Эдди, но, разумеется, не свалился. Лошадь лишь чуть покачнулась, когда он, вставив ногу в стремя, уселся в простое

черное ковбойское седло.

Джейк спросил у Бенни, если ли у того пончо. Слайтман-младший с сомнением посмотрел на затянутое облаками небо.

— Не думаю, что будет дождь. На жатву небо частенько затягивает облаками...

— Мне оно нужно для Ыша, — голос звучал абсолютно спокойно. «Он чувствует то же, что и я, — подумал Эдди. — Словно каждый день ездил верхом, и не один год».

Подросток достал из одной из переметных сум свернутое пончо, протянул Джейку. Тот поблагодарил, развернул, надел, посадил Ыш в просторный нагрудный карман, напоминающий сумку кенгуру. Ушастик-путаник не протестовал. Эдди подумал: «Скажи я Джейку: „Слушай, я-то ожидал, что он побежит следом, как овчарка“, — он бы ответил: „Ыш всегда так ездит со мной“. Действительно, никакого другого ответа я бы от него и не ждал».

И когда они тронулись в путь, до Эдди дошло, что ему все это напоминает: истории о реинкарнации. Он старался отмахнуться от этой идеи, вновь стать практичным, познавшим правду жизни бруклинским мальчишкой, который вырос в тени Генри Дина, но не получилось. Не отпускали его мысли о реинкарнации. Он думал, что не мог быть родственником Роланда, никак не мог. Если только Артур Эльдский в какой-то момент не заглянул в Бруклин собственной персоной. По каким-то только ему ведомым делам. Глупо, конечно, выдвигать такие версии, исходя из способности сразу сесть и поехать на смирной лошади. Однако, идея эта возвращалась и возвращалась в течение дня, а вечером он с ней и заснул: Эльд. Род Эльда.

3

Перекусили они, не останавливаясь, и, пока ели сухари и вяленое мясо, запивая их холодным кофе, Джейк подъехал к Роланду. Ыш блестящими глазками смотрел на стрелка из нагрудного кармана пончо. Джейк скармливал ушасту-путанику кусочки сухарей и мяса, крошки оставались на усиках.

— Роланд, могу я обратиться к тебе, как к старшему? — в голосе Джейка слышалось смущение.

— Конечно, — Роланд отпил кофе, с любопытством посмотрел на мальчика, покачиваясь в седле.

— Бен... то есть оба Слайтмана, но, в основном младший, спрашивали, не могу ли я пожить у них. В «Рокинг Би».

— Ты хочешь поехать туда? — спросил Роланд.

Щеки Джейка порозовели.

— Ну, я подумал, если вы остановитесь в городе у Старика, а я — на ранчо, за городской чертой... тогда мы сможем получить более объективную картину. Мой отец говорит, что невозможно что-либо хорошо разглядеть, если смотреть только с одной точки.

— Это справедливо, — ответил Роланд, надеясь, что ни его голос, ни лицо не выдают сожаления и печали, которые он внезапно почувствовал. Он видел перед собой мальчика, который стыдился быть мальчиком. Он только что обрел друга, друг пригласил его в гости, как иной раз случается у друзей. Бенни, несомненно, пообещал, что Джейк поможет ему кормить животных и, возможно, он даст ему пострелять из своего лука (или арбалета). На ранчо были места, которые Бенни хотел ему показать, секретные места, куда он мог бы ходить со своей сестрой-близняшкой. Шалаш на дереве, пятачок в камышах, с которого отлично ловится рыба, полоска пляжа, где пираты Эльда по слухам зарыли золото и драгоценные камни. Места, куда обычно ходят мальчишки. И вот теперь большая часть Джейка Чеймберза стыдилась того, что

хочет побывать в этих местах. Та самая часть, которой досталось от стража-привратника на Голландском холме, от Гашера, от Тик-Така. И, разумеется, от самого Роланда. Скажи он сейчас нет, Джейк, скорее всего, больше никогда не обратился бы к нему с таким же вопросом. И, более того, совершенно на него бы не обиделся, что было, наверное, самое ужасное. Скажи он да, но не так, как следует, даже с самым малым намеком на снисходительность в голосе, мальчик сам отказался бы от этой мысли.

Мальчик. Стрелок хотелось и дальше звать так Джейка, да только он понимал, что вскорости ситуация этого не позволит. Чувствовал, что после Кальи Брин Стерджис язык просто не повернется назвать его мальчиком.

— Ты можешь поехать с ними после обеда, который они устраивают нам в Павильоне этим вечером, — ответил Роланд. — Поезжай и чувствуй себя как дома. Так здесь говорят.

— Ты уверен? Потому что, если ты думаешь, что я тебе понадоблюсь...

— Твой отец прав. Мой учитель...

— Корт или Ванни?

— Корт. Он бывало говорил, что одноглазый человек видит все плоским. Требуется два глаза, разнесенные друг от друга, чтобы видеть вещи, какие они есть в реальной жизни. Поэтому, да. Поезжай с ними. Подружись с Беном, если тебе того хочется. По-моему, он хороший парень.

— Да, — коротко ответил Джейк. Но кровь отлила от лица. К удовольствию Роланда.

— Проведи с ним завтрашний день. И с его друзьями, если они у него есть.

Джейк покачал головой.

— Ранчо далеко от города. Бен говорит, что у Эйзенхарта много наемных работников, есть и несколько мальчишек его возраста, но ему играть с ними не разрешают. Полагаю, потому что он — сын бригадира.

Роланд кивнул. Его это не удивило.

— Сегодня вечером в Павильоне тебе предложат грэф. Должен я говорить тебе, что после первого тоста надо переходить на ледяной чай?

Джейк покачал головой.

Роланд коснулся виска, губ, уголка глаза, снова губ.

— Голова чистая. Рот закрыт. Видеть по максимуму. Говорить по минимуму.

Джейк улыбнулся. Поднял руку с оттопыренным большим пальцем.

— А как насчет вас?

— Мы втроем проведем ночь в доме священника. Я надеюсь, что завтра мы услышим его историю.

— И увидите... — они чуть отстали от остальных, но Джейк все равно понизил голос. — Увидите то, о чем он нам говорил?

— Этого я не знаю, — ответил Роланд. — А послезавтра мы втроем приедем в «Рокинг Би». Думаю, около полдня. Побеседуем с сэем Эйзенхартом. В последующие дни вчетвером осмотрим город и его окрестности. Если на ранчо тебе понравится, Джейк, я разрешу тебе жить там, сколько ты захочешь, или пока они не скажут, что ты загостился.

— Правда? — хотя лицо мальчика осталось бесстрастным, стрелок подумал, что это предложение пришлось Джейку по душе.

— Ага. Судя по тому, что нам уже известно, в Калье Брин Стерджис три крупных зверя. Один — Оуверхолсер. Второй — Тук, хозяин магазина. И третий — Эйзенхарт. Мне будет интересно узнать, какое у тебя сложится о нем впечатление.

— Ты его узнаешь, — заверил стрелка Джейк. — И, спасибо, сэй, — он трижды хлопнул себя по шее. А потом его серьезность разлетелась в широкой улыбке. Мальчишечьей улыбке. Он

пустил коня рысью, чтобы поскорее догнать своего нового друга и сообщить ему, что, да, он может провести ночь на ранчо, может приехать и поиграть с Беном.

— Вау! — вырвалось у Эдди. Три буквы растянулись, как жевательная резинка, словно восклицание чем-то пораженного карикатурного персонажа. После двух месяцев, проведенных в лесах, открывшееся взгляду странников действительно поражало воображение. А главное, они никак не ожидали столь быстрой смены декораций. Только что они ехали по лесной дороге, по двое (Оуверхолсер в одиночестве возглавлял колонну, Роланд — замыкал), и вдруг деревья закончились, и на севере, юге и западе они видели уходящую вдаль равнину. Особый восторг вызывал городок, детей которого они собирались спасти.

Однако, сначала Эдди посмотрел ни на расстилавшуюся под ними равнину, ни на Калью Брин Стерджис. Искоса глянув сначала на Сюзанну, потом на Джейку, он понял, что и они смотрят не на Калью, а за нее. Ему не требовалось оглядываться на Роланда, чтобы убедиться, что взгляд стрелка устремлен туда же. «Кто такой странник? — спросил себя Эдди, чтобы тут же ответить. — Человек, взгляд которого всегда устремлен за горизонт».

— Ага, вид отсюда удивительный, и мы говорим богам, спасибо, — в голосе Оуверхолсера слышалось самодовольство, но тут же, глянув на Каллагэна, он добавил. — И Человеку-Иисусу, разумеется, тоже. Все боги сливаются воедино, когда ты их благодаришь, я слышал, так говорят, и это правильно.

Он любил поболтать. И, должно быть, не отказывал себе в этом. Когда ты — влиятельный фермер, едва ли кто будет мешать тебе высказаться до конца. Но Эдди больше не слушал. Смотрел.

Далеко впереди, за городком протянулась серая полоса реки, несущей свои воды на юг. Рукав Большой Реки, Девар-Тете Уайе, вспомнил Эдди. У леса река текла меж крутых берегов, которые с удалением от него становились все более пологими, пока не переходили в равнину там, где начинались первые поля. Он увидел несколько пальмовых рощ, словно перенесенных из тропиков. Бросалось в глаза, что за городком, к западу от реки, зелень посевов подергивалась серым. Эдди не сомневался, что под солнечными лучами это серое становилось ярко-синим, таким ярким, что приходилось бы щуриться. Он смотрел на рисовые поля.

А вот восточный берег реки представлял собой пустыню, тянувшуюся на многие и многие мили. Эдди разглядел две параллельные ниточки: рельсы.

За пустыней начиналась тьма. Стояла стеной, до самых облаков.

— Это Тандерклеп, сэи, — выдохнула Залия Джеффордс.

Эдди кивнул.

— Страна Волков. И еще Бог знает кого.

— Это точно, — кивнул Слайтман-младший. Пытался изгнать страх из голоса, но без особого успеха. Искоса посмотрев на него, Джейк понял, что его новый друг едва сдерживает слезы. Но ведь Волки не могли взять его, не так ли? Смерть сестры-близнеца превратила его в единственного ребенка, ага? Как Элвиса Пресли, его-то никто не забрал. Но, конечно, Король родился не в Калье Брин Стерджис. И даже не в Калье Локвуд.

— Нет, наш Король из Миссисипи, — пробормотал Эдди.

Тиан повернулся к нему.

— Прости, сэй?

Эдди, который только сейчас понял, что озвучил свои мысли, покачал головой.

— Извини, говорю сам с собой.

Энди, робот-посыльный (со многими другими функциями), услышавший их разговор, изрек: «Тот, кто говорит сам с собой — плохая компания. Есть такая поговорка в Калье, сэй Эдди, только не обижайся, прошу тебя».

— Я говорил раньше и скажу снова, с замшевого пиджака соплю не оттереть, мой друг. Есть такая поговорка в Калье Брин Бруклине.

Нутро Энди защелкало. Синие глаза блеснули.

— Сопли — выделения из носа. Замша — вид, кожи, который характе...

— Не бери в голову, Энди, — оборвала его Сюзанна. — Мой друг просто дурачится. Такое с ним случается часто.

— О, да, — легко согласился Энди. — Он — сын зимы. Хочешь услышать свой гороскоп, Сюзанна-сэй? Мы встретишь симпатичного мужчину! Тебе в голову придут две идеи, одна хорошая, вторая плохая! У тебя будет темноволосый...

— Проваливай отсюда, идиот! — рявкнул Оуверхолсер. — Возвращайся в город, по прямой, никуда не сворачивая. Проверь, все ли готово в Павильоне. Никто не хочет слушать твои чертовы гороскопы, приношу свои извинения, Старик.

Каллагэн промолчал. Энди поклонился, трижды похлопал себя по металлической шее и двинулся вниз по тропе, крутой, но достаточно широкой. Во взгляде, которым провожала его Сюзанна, читалось облегчение.

— Очень уж круто ты с ним обошелся, не так ли? — заметил Эдди.

— Он всего лишь паршивая железяка, — говорил Оуверхолсер медленно, словно что-то объяснял непонятливому ребенку.

— И он умеет доставать, — добавил Тиан. — Но скажите мне, сэй, что вы думаете о нашей Калье?

Роланд вдвинулся меду Эдди и Каллагэном.

— Прекрасный город. Боги, похоже, благоволят к этому месту. Я вижу кукурузу, свеклу, фасоль и... картофель? Это картофельные поля?

— Ага, так и есть, — ответил Слайтман, явно довольный остротой взгляда Роланда.

— И вы, наверное, выращиваете отменный рис, — добавил Роланд.

— Да, на реке, — кивнул Тиан, — где вода теплая и течет медленно. И мы знаем, какие мы счастливые. Когда приходит время риса, посадки или сбора урожая, все женщины идет на поля. Они там поют и даже танцуют.

— Кам-кам-каммала, — произнес Роланд. Во всяком случае так послышалось Эдди.

Тиан и Залия просияли. Слайтманы переглянулись и заулыбались.

— Где ты слышал Рисовую песню? — спросил старший. — Когда?

— У себя дома, — ответил Роланд. — Давным давно. Кам-кам-каммала, рис, рис я сажала, — он указал на запад, в сторону от реки. — А там самая большая ферма, где выращивается, в основном, пшеница. Твоя, сэй Оуверхолсер?

— Именно так, я говорю, спасибо тебе.

— А дальше, к югу, еще фермы... за ними ранчо. Одно с крупным рогатым скотом... овечье... опять с крупным рогатым скотом... такое же... овечье...

— Как ты это можешь определить с такого расстояния? — спросила Сюзанна.

— Овцы выщипывают практически всю траву, леди-сэй, — ответил ей Оуверхолсер. — Поэтому, коричневые полосы земли говорят о том, что там паслись овцы. А на других, серовато-зеленых, лошади, коровы, бычки.

Эдди подумал о вестернах, которых он видел в «Маджестике»: с Клинтом Иствудом, Полом Ньюманом, Робертом Редфордом, Ли ван Клифом.

— В моей стране рассказывают легенды о войнах между ранчерами и овцеводами. Причина в том, что овцы очень уж сильно выщипывают траву. Практически с корнями, так что больше она не растет.

— Это же полнейшая чушь, уж извини меня, сэй, — ответил ему Оуверхолсер. — Овцы действительно выщипывают всю траву, но по этой земле вы водим коров на водопой. В навозе, который они оставляют, полным полно семян.

— Ага, — только и мог ответить Эдди. После такого ответа сама мысль о войнах между скотоводами и овцеводами казалась абсурдной.

— Поехали, — продолжил Оуверхолсер. — День катится к вечеру, а нас в Павильоне ждет пир. Весь город соберется, чтобы встретить вас.

«А заодно и как следует рассмотреть», — подумал Эдди.

— Показывай дорогу, — предложил Роланд. — Мы успеем добраться до города еще до заката солнца. Или я ошибаюсь?

— Нет, — ответил Оуверхолсер, сжал ногами бока своей лошади, с силой дернул за поводья (от такого обращения с животным Эдди передернуло). Направился вниз по тропе. Остальные последовали за ним.

5

Воспоминания о первой встрече с жителями Кальи навсегда остались в памяти Эдди. И чтобы оживить их ему не требовалось прилагать особых усилий. Причину он видел в том, что случившееся более всего напоминало сюрприз, а сюрпризы, как известно, врезаются в память. Он помнил, как изменилась освещенность, после того, как закончились речи, помнил этот странный, мерцающий свет факелов. Помнил, как Ыш, совершенно неожиданно представлялся толпе, как и они все. Помнил вскинутые головы местных жителей, собственные панику и злость на Роланда. Помнил Сюзанну, усевшуюся за пианино, которое в Калье называли музыкой. Да эти воспоминания остались с ним навсегда. В этом Эдди не сомневался. Но самым живым, самым дорогим для него воспоминанием стал стрелок.

Танцующий Роланд.

Но до того, как все это произошло, они проехали по главной улице Кальи, где у него возникло дурное предчувствие. Предчувствие грядущей беды.

6

В город они въехали за час до заката солнца. Облака разошлись и пропустили к земле последние, красные лучи этого дня. Улица пустовала. Тишину нарушал только топот копыт. Эдди увидел большую конюшню, рядом с ней «Приют путников», как он понял, постоялый двор с рестораном, в дальнем конце — двухэтажное здание, несомненно, городской Зал собраний. Справа от него поблескивали факелы, вот Эдди и решил, что люди собрались там, потому что северная часть города словно вымерла.

От тишины и вида пустых деревянных тротуаров по коже Эдди побежали мурашки. Он вспомнил рассказ Роланда о последнем приезде Сюзан в Меджис, на возке ведьмы, со связанными руками, с петлей на шее. И ее встречала пустая дорога. Поначалу. А потом, недалеко от пересечения Великого тракта и дороги к Шелковому ранчо, Сюзан и ее охранники проехали мимо фермера, мужчины, как сказал Роланд, с глазами жертвенного барашка. Это

потом ее забросали овощами, палками, даже камнями, но тот одинокий фермер стал первым. Он держал в руках вылущенные кукурузные початки, которые и бросил в нее, осторожно, словно боясь причинить боль, когда она проезжала мимо него... проезжала мимо него на встречу с деревом смерти.

И когда они въехали в Калью Брин Стерджис, Эдди все время искал глазами этого одинокого мужчину, фермера с вылущенными кукурузными початками в руках. Потому что аура города ему определенно не нравилась. Нет, той злобы, что окутывала Меджис в ночь смерти Сюзан Дельгадо, он не чувствовал, но аура была какая-то недобрая, не сулящая ничего хорошего. И Эдди точно знал, что места с такой аурой лучше обходить стороной.

Он повернулся к Слайтману-старшему.

— А где весь народ, Бен?

— Там, — Слайтман указал на мерцание факелов.

— А почему они такие тихие? — спросил Джейк.

— Они не знают, чего им ждать, — ответил Каллагэн. — Мы отрезаны от всего мира. Случайный торговец, путник, картежник или игрок в кости, вот и все незнакомцы, которых мы время от времени видим... ну, еще летом к нам заглядывают речные ярмарки.

— Что такое речная ярмарка? — спросила Сюзанна.

Каллагэн объяснил, что это баржа, на весельном ходу, с ярко раскрашенными магазинчиками на палубе. Они медленно плыли по Деवार-Тете Уайе, останавливаясь в Кальях Средней дуги, пока не распродавали все товары. Торговали, по большей частью всякой ерундой, сказал Каллагэн, но Эдди ему не поверил, во всяком случае в том, что касалось речной ярмарки. Потому что говорил он с подсознательным отвращением к торгашам, свойственным служителям культа.

— А другие пришельцы крадут наших детей, — заключил Каллагэн. Указал налево, на длинное, очень длинное деревянное здание, которое занимало чуть ли не половину главной улицы. Эдди насчитал не две, не четыре, восемь коновязей. Длинных коновязей. — Магазин Тука, прошу любить и жаловать, — в голосе Каллагэна слышался сарказм.

Они подъехали к Павильону. Потом, на холодную голову, Эдди прикинул, что там собралось человек семьсот или восемьсот, но когда впервые увидел их, море шляп, капоров, сапог и мозолистых рук под красным светом заходящего солнца, толпа показалась ему огромной.

«Они забросают нас всяким дерьмом, — подумал он. — Забросают всяким дерьмом под крики „Гори огнем“». И никак не мог отделаться от этой нелепой мысли.

Жители Кальи раздались в обе стороны, освобождая полосу зеленой травы, которая вела к деревянной платформе. По периметру Павильона, в железных «клетках» горели факелы. В тот момент обычным желтым светом. Нос Эдди уловил сильный запах нефти.

Оуверхолсер спешил. Другие посланцы Кальи последовали его примеру. Эдди, Сюзанна и Джейк смотрели на Роланда. Стрелок еще несколько мгновений сидел, чуть наклонившись вперед, положив руку на лук седла, погруженный в свои мысли. Потом снял шляпу, протянул к толпе, другой рукой трижды похлопал себя по шее. Толпа загудела. Одобрительно или удивленно? Этого Эдди сказать не мог. Но злости в реакции жителей Кальи не было, определенно не было, так что Эдди пусть немного, но успокоился. А стрелок перекинул ногу через седло и легко спрыгнул на землю. Эдди спешил куда осторожнее, понимая, что на него смотрят сотни глаз. Упряжь Сюзанны он надел заранее, подошел к ее лошади, повернулся спиной. Сюзанна ловко перебралась с седла на спину Эдди, словно всю жизнь только этим и занималась. Толпа вновь загудела, когда все увидели, что ноги ее заканчиваются у колен.

Оуверхолсер быстрым шагом направился к деревянной платформе, но пути пожал

несколько рук. Каллагэн следовал за ним, изредка осеняя воздух крестом. Другие руки протянулись из толпы, чтобы взять лошадей под уздцы и увести их. Роланд, Эдди и Джейк шагали в ряд. Ыш по-прежнему сидел в нагрудном кармане пончо, которое Бенни одолжил Джейку, и с интересом оглядывался.

Эдди вдруг понял, что на него накатывают запахи толпы: пота, волос, обожженной солнцем кожи и, изредка, (тут он вспомнил речную ярмарку, про которую упоминал Каллагэн) субстанции, которые герои вестернов называли «вонючей водой». Различал он и запахи еды: жареной свинины и говядины, свежего хлеба, жареного лука, кофе и грэфа. Его желудок заурчал, хотя голода он не испытывал. Нет, есть совершенно не хотелось. Мысль о том, что полоса зеленой травы вдруг исчезнет и толпа надвинется на них, не выходила из головы. Очень уж тихо они себя вели! Он даже слышал стрекотание цикад и первые трели ночных птиц, готовящихся к вечернему концерту.

Оуверхолсер и Каллагэн поднялись на платформу. Эдди встревожился, увидев, что Джеффордсы и Слайтманы остались внизу. Роланд без задержки поднялся по трем деревянным ступеням. Эдди последовал за ним, чувствуя, что у него подгибаются колени.

— Ты в порядке? — шепнула ему на ухо Сюзанна.

— Скорее да, чем нет.

Слева от платформы находилась круглая сцена. На ней расположились семеро мужчин в белых рубашках, синих джинсах и кушаках. Эдди узнал инструменты, которые они держали в руках, и хотя по виду мандолин и банджо понял, что музыка, скорее всего, будет дерьмовой, само присутствие музыкантов успокаивало. На жертвоприношения оркестры не приглашают, не так ли? Может барабанщика или двух, чтобы завести зрителей.

Эдди, с Сюзанной за спиной, повернулся к толпе. Огорчился, увидев, что прохода к главной улице больше нет. Увидел перед собой только море поднятых лиц. Мужских и женских, старых и молодых. Бесстрастных лиц, среди которых не было ни одного детского. Обладатели этих лиц много времени проводили на солнце, о чем говорил и цвет кожи, и множество мелких морщинок. Ощущение, что беда рядом, не покидало Эдди.

Оуверхолсер остановился у деревянного стола, на котором, на специальной подставке, стояло большое, пушистое перо. То самое, что ласково называли перышком. Фермер взял его, поднял. Над толпой, и без того тихой, повисла столь глубокая тишина, что Эдди расслышал хрипы, с которыми воздух входил и выходил из легких какого-то старика или старушки.

— Опустить меня вниз, Эдди, — попросила Сюзанна.

Ему этого не хотелось, но он подчинился.

— Я — Уэйн Оуверхолсер с фермы «Семь миль», — Оуверхолсер шагнул к краю платформы, выставив перед собой перышко. — Выслушайте меня, прошу вас.

— Мы говорим, спасибо, сэй, — пробормотали они.

Оуверхолсер повернулся, указал на Роланда и его тет, стоящий в замызганных одеждах странников. Сюзанна, конечно, не стояла, присела на коленях между Эдди и Джейком, опираясь на одну руку. Эдди подумал, что никогда раньше его столь внимательно не разглядывали.

— Мы, мужчины Кальи, слышали Тиана Джеффордса, Джорджа Телфорда, Диего Адамса и других, кто говорил в Зале собраний, — продолжил Оуверхолсер. — Говорил там и я. «Они придут и возьмут детей, — вот что я сказал, имея в виду, конечно же, Волков, — а потом оставят нас в покое на целое поколение. Поэтому, пусть все будет, как было». Теперь я думаю, что погорячился, произнося те слова.

Шепот прошелестел по толпе, тихий, как легкий ветерок.

— На том же собрании отец Каллагэн сообщил нам, что с севера к нам направляются стрелки.

Опять шепот. Эдди разобрал слова: «Стрелки... Срединный мир... Гилеад».

— Мы приняли решение послать своих представителей и посмотреть, так ли это. Вот люди, которых мы нашли, говорю я вам. Они заявляют, что они... те самые, как и назвал их отец Каллагэн, — Эдди почувствовал, что Оуверхолсеру как-то не по себе. Будто он из всех сил старается не пернуть. Эдди уже видел такое выражение лица, обычно по телевизору, о политиков, когда им некуда деваться и приходится говорить то, о чем так хотелось промолчать. — Они заявляют, что являются частью ушедшего мира. А это означает...

«Давай, Уэйн, — думал Эдди, — не томи. У тебя получится».

— ...что они из рода Эльда.

— Восславим богов! — пронзительно закричала женщина. — Боги послали их, чтобы они спасли наших детей, и они пришли!

На нее зашикали. Оуверхолсер дождался тишины, лицо так и осталось напряженным, потом продолжил.

— Они могут сказать за себя, и должны, но я увидел достаточно, чтобы поверить, что они смогут помочь нам отвести беду. У них хорошее оружие, вы это видите сами, и они знают, как им пользоваться. Даю вам в этом слово и говорю, спасибо вам.

На этот раз шепот прибавил громкости, и Эдди уловил в нем доброжелательность. От сердца чуть отлегло.

— А теперь позвольте им встать перед вами, одному за другим, чтобы вы могли слышать их голоса и увидеть их лица. Вот их старший, — и он указал на Роланда.

Стрелок вышел вперед. Красное солнце запалило огнем его левую щеку; правую свет факелов выкрасил желтым. Он выставил ногу. В наступившей тишине раздался гулкий удар каблука о доски. Эдди почему-то подумал о кулаке, с размаху опустившемся на крышку гроба. Роланд низко поклонился, протянул к ним руки.

— Я — Роланд, сын Стивена. Из рода Эльда.

Толпа ахнула.

— Да будет теплой наша встреча, — он отступил назад, глянув на Эдди.

С этим он мог справиться.

— Эдди Дин из Нью-Йорка. Сын Уэнделла, — начал он, подумав при этом: «Так, во всяком случае, всегда говорила мамаша». А потом, неожиданно для себя, добавил. — Из рода Эльда. Ка-тет Девятнадцати.

Отступил назад, а место у края платформы заняла Сюзанна.

— Я — Сюзанна Дин, жена Эдди, дочь Дэна, из рода Эльда, ка-тет Девятнадцати, и да будет теплой наша встреча, а у вас все будет хорошо, — и сделала реверанс, расправляя невидимые юбки.

Ей ответили смех и аплодисменты.

Пока она говорила, Роланд успел что-то шепнуть на ухо Джейку. Мальчик кивнул и уверенно шагнул к краю платформы. Очень юный и очень красивый в закатном свете.

Выставил ногу и поклонился. Пончо, под весом Ыша качнулось вперед.

— Я — Джейк Чеймберз, сын Элмера, из рода Эльда, ка-тет Девяносто Девяти.

«Девяносто девяти — Эдди посмотрел на Сюзанну, которая лишь чуть пожала плечами. — Откуда взялись эти Девяносто Девять?» Но потом подумал: «Почему нет?». Он же точно также понятия не имел, откуда взялся ка-тет Девятнадцати.

Но Джейк на том не закончил. Вытащил Ыша из нагрудного кармана пончо Бенни Слайтмана. Толпа загудела. Джейк бросил на Роланда короткий взгляд, как бы спрашивая: «Ты уверен?» Роланд кивнул.

Поначалу Эдди и представить себе не мог, что любимчик Джейка станет полноправным

участником действия. Жители Кальи вновь затихли, наверное, даже затаили дыхание, потому что Эдди опять услышал пение ночных птиц.

А потом Ыш поднялся на задние лапки, выставил одну вперед и практически поклонился. Качнулся, но удержал равновесие. Передние лапки вытянул перед собой, к толпе, совсем как Роланд. Послышались ахи, аплодисменты, смех. Джейк, как громом пораженный, таращился на Ыша.

— Ыш! — крикнул ушастик-путаник. — Эльд! Спасибо! — каждое слово произнес ясно и отчетливо. Еще с мгновение склонялся в поклоне, а потом упал на все четыре лапки и неспешно затрусил к ноге Джейка. Под громовую овацию. Роланд (а кто еще, подумал Эдди, мог научить такому ушастика-путаника) сумел превратить жителей Кальи в своих друзей и поклонников. Хотя бы на этот вечер.

Таким был первый сюрприз: Ыш, кланяющийся собравшейся толпе и объявляющий себя членом ан-тета со стрелками. А за ним тут же последовал второй.

— Я не оратор, — Роланд вновь подошел к краю платформы. — Мой язык заплетается так же, как и у пьяницы в ночь праздника Жатвы. Но Эдди сможет высказаться за нас всех, я в этом уверен.

Тут уж таращиться пришлось Эдди. Под ними аплодировала и одобрительно топала толпа. Слышались крики: «Спасибо тебе, сэй», «Говори, сэй», «Слушайте его, слушайте его внимательно». Даже оркестр счел нужным вмешаться, сыграв что-то громкое и энергичное.

Эдди хватило времени, чтобы бросить на Роланда, испуганный, яростный взгляд: «Какого черта ты так поступил со мной?» Стрелок невозмутимо смотрел на него, скрестив руки на груди.

Аплодисменты стихли. Ушла и злость Эдди. Ее сменил ужас. Оуверхолсер с любопытством поглядывал на него, так же, как Роланд, сознательно или непроизвольно, скрестив руки на груди. Эдди сумел различить в первых рядах несколько знакомых лиц: Слайтманов, Джеффордсов. Чуть повернул голову и увидел Каллагэна. Его синие глаза превратились в щелочки, а над ними, казалось, полыхал крест.

«И что, черт побери, я должен им сказать?»

«Скажи хоть что-нибудь, Эдс, — услышал он голос брата Генри. — Они ждут».

— Вы уж простите меня за то, что начинаю я медленно, — заговорил Эдди. — Мы прошли много миль и колес, а потом еще больше миль и колес, и вы — первые люди, которых мы увидели за последние...

Последние что? Недели, месяцы, годы, десятилетия?

Эдди рассмеялся. Даже сам понимал, что говорит, как круглый идиот, человек, которому нельзя доверить держать собственный конец, когда возникает необходимость отлить, не говоря уже об оружии.

— В общем, давно мы никого не видели, отвыкли от людей, можно сказать, одичали.

Они засмеялись, более того, загоготали. Некоторые зааплодировали. Нащупал он, сам того не ведая, их смешливую струнку. И сам расслабился, а потому заговорил легко и непринужденно. Правда, в голове мелькнула мысль, что не так уж и давно этот самый вооруженный стрелок, который сейчас стоял перед семью сотнями испуганных, надеющихся на его помощь людей, уловившись, сидел перед телевизором в пожелтевших от мочи трусах, ел чипсы и смотрел мультфильмы, ожидая прихода.

— Мы пришли издалека, но идти нам еще дальше, — продолжил он. — Времени у нас в обрез, однако мы сделаем все, что сможем, слушайте меня, прошу вас.

— Продолжай, чужестранец! — крикнул кто-то. — Ты говоришь хорошо.

«Правда? — подумал Эдди. — Для меня это новость, дружище».

Его поддержали крики: «Ага» и «Дело говоришь».

— У целителей в моем феоде есть выражение: «Прежде всего, не навреди», — точно он не знал, чей это девиз, адвокатов или врачей, но несколько раз слышал эти слова как в фильмах, так и в телешоу, и ему они нравились. — Мы никому не собираемся причинять вреда, но невозможно вытащить пулю, даже занозу из-под ногтя ребенка, не пролив хоть каплю крови.

Многие согласились с Эдди. Лицо Оуверхолсера, однако, закаменело. Из толпы некоторые смотрели на него с сомнением. И внезапно его охватила злость. Он не имел никакого права злиться на этих людей, которые не сделали им ничего плохого и ни в чем не отказали (во всяком случае, пока), но злился.

— Есть в нашем феоде Нью-Йорк еще одна поговорка: «Бесплатным может быть только сыр в мышеловке». Из того, что мы знаем о вашей ситуации, нам понятно, что она очень серьезная. Сразиться с Волками — опасное дело. Но иной раз именно безволие, именно опущенные руки приводят к тому, что люди чувствуют себя больными и голодными.

— Слушайте его, слушайте его! — крикнул кто-то из дальних рядов. Эдди увидел там Энди-робота, а рядом с ним группу людей в черных или синих плащах. Предположил, что это Мэнни.

— Мы оглядимся и, как только поймем суть проблемы, сможем сказать, что можно и нужно сделать. Если мы придем к выводу, что бессильны, прямо скажем вам об этом, попрощаемся и продолжим свой путь, — в третьем или четвертом ряду стоял мужчина в потрепанной белой ковбойской шляпе. С кустистыми седыми бровями и усами того же цвета. Эдди подумал, что выглядит он точь-в-точь, как папаша Картрайт из телесериала «Золотое дно».^[29] И вот на этого папашу Картрайта слова Эдди особого впечатления не производили.

— Если мы сможем помочь, мы обязательно поможем, — теперь его голос звучал предельно ровно и спокойно. — Но нам не удастся все сделать одним. Слушайте меня, прошу вас. Слушайте меня внимательно. Готовьтесь к тому, чтобы защищать то, что у вас есть. Готовьтесь к тому, чтобы бороться за то, что хотите сберечь.

С этим Эдди топнул по доскам платформы, от мокасины той же громкости, что и от каблука, не добился, удара по крышке гроба не вышло, и поклонился. На какие-то мгновения над толпой повисла мертвая тишина. Потом Тиан Джеффордс захлопал. К нему присоединилась Залия. Потом Бенни. Его отец ткнул его локтем в бок, но подросток продолжал хлопать, и Слайтман-старший присоединился к нему.

Эдди пронзил взглядом Роланда. Тот смотрел на него с прежней невозмутимостью. Сюзанна дернула его за брючину. Эдди наклонился к ней.

— Ты отлично справился, сладенький.

— За это я благодарить его не собираюсь, — Эдди мотнул головой в сторону Роланда. Но теперь, когда все закончилось, настроение у него резко поднялось. Ведь Роланд действительно не любил выступать. Мог выступить, если иного выхода не было, но не любил.

«Так вот, значит, кто ты у нас, — подумал Эдди. — Рупор Роланда из Гилеада».

И что, собственно, в этом плохого? Катберт Олгуд выполнял эту работу задолго до него.

Каллагэн выступил вперед.

— Может, мы можем устроить им более теплый прием, друзья мои... показать истинное гостеприимство Кальи Брин Стерджис.

И начал аплодировать. Толпа тут же поддержала его. Аплодировали долго и громко. Кричали, свистели, топали (с топаньем получалось не очень, трава — не деревянные доски). Музыканты играли один бравурный марш за другим. Сюзанна взялась за одну руку Эдди. Джейк — за другую. Все четверо поклонились, как какая-нибудь рок-группа после удачно исполненной песни, и аплодисменты усилились.

Наконец, Каллагэн восстановил тишину, вскинув руки.

— Нам предстоит серьезная работа, друзья. О многом придется подумать, многое сделать. Но сейчас давайте поедим. А потом попоем, потанцуем, повеселимся! — вновь раздались аплодисменты, которые Каллагэн тут же успокоил. — Достаточно! — смеясь, крикнул он. — А вы, Мэнни, я знаю, вы привезли свою еду, но я не вижу причин, по которым вы не могли бы попить с нами. Присоединяйтесь к нам, хорошо? Пусть вам будет хорошо!

«Пусть нам всем будет хорошо», — подумал Эдди, но предчувствие беды все равно не покидало его. Напоминало гостя, пришедшего на вечеринку, но не участвующего в ней, держащегося вне кругов света, отбрасываемых факелами. Напоминало звук. Удар каблука по деревянному полу. Удар кулака по крышке гроба.

7

Хотя вдоль длинных столов стояли скамьи, только старики ели сидя. А обед выдался знатный, более двухсот блюд, в основном домашних и отменного вкуса. Началось все с тоста за Калью. Его произнес Воун Эйзенхарт, поднявшийся с чашкой грэфа в одной руке и перышком в другой. Эдди уже понял, что на Дуге этот тост заменял национальный гимн.

— Пусть все в ней будет хорошо! — крикнул ранчер и одним длинным глотком осушил чашку. Эдди подумал, что такой глоткой можно только восхищаться. Грэф Кальи Брин Стерджис отличался особой крепостью: даже от запаха слезились глаза.

— ПУСТЬ БУДЕТ! — ответили остальные, поддержали тост радостными криками и выпили.

И в этот момент свет факелов, висевших по периметру Павильона, с желтого переменялся на багряный, как у недавно зашедшего солнца. Толпа заохала, заохала, заплодировала. Эдди решил, что технически изменить цвет не так уж и трудно, это тебе не Блейн Моно и не дипольные компьютеры, которые управляли Ладом, но цвет ему понравился, а вещество, которое его вызывало, похоже, не травило людей. Так что он аплодировал вместе с остальными. Как и Сюзанна. Энди принес ее коляску, разложил, спросил, не хочет ли она побольше узнать о симпатичном незнакомце, с которым могла встретиться в самом ближайшем времени. И теперь она кружила среди стоящими группами жителей Кальи, с полной тарелкой на коленях, о чем-то говорила с одними, переезжала к другим, снова говорила, опять переезжала. Эдди понял, что в прошлом она многократно бывала на коктейль-пати, не столь уж отличавшихся от этой, и завидовал уверенности, с которой она держалась.

Эдди начал замечать в толпе детей. Очевидно, местные жители решили, что их гости не собираются доставать револьверы и устраивать бойню. Детям постарше разрешалось бродить по Павильону без родителей. Они сбивались в кучки, Эдди по своему детству помнил, что так оно и должно быть, и совершали набеги на столы. Но даже аппетит подростков практически не отражался на изобилии еды. Ее хватало с лихвой. Подростки поглядывали на чужестранцев, но не решались приблизиться.

Самые младшие оставались с родителями. А те, кто по возрасту попадал между подростками и младшими, собрались около качелей, горки, и стенки, поставленных в дальнем конце Павильона. Некоторые играли, но большинство широко раскрытыми глазами смотрели, как гуляют взрослые. У Эдди при взгляде на них защемило сердце. Он видел, как много среди детей близнецов, гораздо больше, чем в любом другом городе или деревне, и понимал, что именно эта возрастная группа станет основной добычей Волков... если Волкам позволят сделать то, что они делали всегда. Он не заметил ни одного из рунтов и догадался, что их сознательно

держат подальше от Павильона. Решил, что жители Кальи поступили правильно, пожелал только, разумеется, мысленно, чтобы им устроили отдельный праздник. Потом выяснилось, что так оно и было: рунтов собрали у церкви Каллагэна и вволю накормили пирожками и мороженым.

Джейк, будь он уроженцем Кальи, оказался бы среди детей, которые толпились на детской площадке, но, понятное дело, родился он совсем в другом месте. И его новый друг идеально ему подходил: старше годами, моложе по опыту. Они переходили от стола к столу, что-то ели там, что-то — здесь. Ыш следовал за ними, поглядывая по сторонам. Эдди не сомневался: агрессивное поведение кого-либо в отношении Джейка из Нью-Йорка (или его нового друга, Бенни из Кальи) могло привести к тому, что бедняга лишился бы пару пальцев. В какой-то момент Эдди увидел, как мальчики переглянулись, а потом, не перемолвившись ни словом, разом расхохотались. Эдди это до боли напомнило собственное детство.

Впрочем, на воспоминания времени у него практически не было. Он знал по рассказам Роланда (да и его пару раз видел в деле), что охраной правопорядка деятельность стрелков Гилеада не ограничивалась. Им случалось быть курьерами, бухгалтерами, иногда шпионами, время от времени даже палачами. Но прежде всего они были дипломатами. Эдди, воспитанный братом и его друзьями на зернах мудрости, вроде: «Почему бы тебе не отсосать у меня, как делает твоя сестра?» и «Я трахнул твою мамашу, и она очень даже ничего», не говоря уже о наиболее популярном «Меня тошнит, когда я смотрю на тебя», дипломатом себя не считал, но при этом полагал, что успешно справляется со своей миссией. Только общение с Телфордом далось ему нелегко, но, оркестр, музыканты, я говорю, спасибо вам, заглушил его.

Видит Бог, это был тот же случай, что и со щенком, брошенным в пруд: или утонешь, или выплывешь. Жители Кальи, возможно, боялись Волков, но несколько не смущались, спрашивая, как Эдди и остальные члены его тета собираются с ними справиться. Вот тут Эдди осознал, что Роланд оказал ему очень большую услугу, застав выступить перед всеми. Теперь он куда лучше понимал, как ему надо себя вести.

Он говорил им практически одно и то же, снова и снова. Невозможно разработать стратегию, не осмотрев город и его окрестности. Невозможно сказать, сколько мужчин Кальи потребуются им в помощники. Время покажет. Днем они все осмотрят и прикинут, что к чему. Будет вода, если Бог того захочет. В ход шли и другие штампы, которые удавалось припомнить. Его даже подмывало пообещать им по курице в каждый котел после уничтожения Волков, но он вовремя прикусил язык. Мелкий фермер Хорхе Эстрада пожелал узнать, что они сделают, если Волки решат спалить город. Другой — Гарретт Стронг — хотел, чтобы Эдди сказал им, где они спрячут детей, когда придут Волки. «Мы же не можем оставить их здесь, вы должны это понимать». Эдди, который отдавал себе отчет, что пока понимал очень мало, мелкими глотками пил грэф и обошелся без комментариев. К нему подошел Нейл Фарадей (Эдди так и не понял, фермер ли он или наемный работник) и сказал, что все зашло очень уж далеко. «Они никогда не берут всех детей, понимаешь?» Эдди хотелось спросить, а что он думает по поводу человека, который говорит: «Ну, из них мою жену изнасиловали только двое», — но и тут он промолчал. Смуглый, усатый мужчина, он представился, как Луис Хейкоккс, сказал Эдди, что признал правоту Тиана Джеффордса. После собрания он провел не одну бессонную ночь, все обдумал и решил, что с Волками нужно драться. Так что, если потребуется его помощь, он готов. Искренность и ужас, которые читались на лице Хейкоккса, глубоко тронули Эдди. Он видел перед собой не экзальтированного подростка, не понимающего, на что идет, но взрослого, здравомыслящего мужчину, который, возможно, понимал даже больше, чем следовало.

В общем, они подходили с вопросами, а уходили без конкретных ответов, но вполне удовлетворенные услышанным. Эдди говорил, пока не пересохло в горле и очень быстро

отказался от грэфа в пользу холодного чая, чтобы не напиться. Но они все подходили и подходили. Кэш и Эстрада. Стронг и Эчиверия, Уинклер и Спалтер (кузены Оуверхолсера, сказали они) Фредди Росарио и Фаррен Поселья... или Фредди Поселья и Фаррен Росарио?

Каждые десять или пятнадцать минут факелы меняли цвет. От красного к зеленому, от зеленого к оранжевому, от оранжевого к синему. Кувшины с грэфом переходили из рук в руки. Разговоры становились громче. Смех тоже. Эдди все чаще слышал громкие возгласы, что-то вроде: «Что б я сдох!» — за которыми всегда следовал взрыв хохота.

Он выискал в толпе Роланда, в компании старика в синем плаще. Такую окладистую, длинную и седую бороду Эдди видел только в телевизионном библейском сериале. Говорил старик с жаром, не сводя глаз с загорелого, иссеченного ветром лица стрелка. Однажды коснулся руки Роланда, потянул на себя. Роланд слушал, кивал, ничего не говорил, во всяком случае, пока Эдди смотрел на них. «Но ему интересно, — отметил Эдди. — Рассказ Седой Бороды очень его заинтересовал».

Музыканта как раз возвращались на эстраду, когда к Эдди подошел еще один мужчина. Тот самый, что напомнил ему папашу Картрайта.

— Джордж Телфорд, — представился он. — Пусть у тебя все будет хорошо, Эдди из Нью-Йорка, — он чуть прикоснулся ко лбу кулаком, потом раскрыл его и протянул руку. Он был в ковбойской шляпе, головном уборе ранчеров, а не в сомбреро, какие носили фермеры, но ладонь его оказалась на удивление мягкой, мозоли бежали только у основания пальцев. «От вожжей, — догадался Эдди. — Должно быть, это вся его работа».

Эдди чуть поклонился.

— Долгих тебе дней и приятных ночей, сэй Телфорд, — едва не спросил, вернулись ли Адам, Хосс и Маленький Джо в «Пондерозу», но вновь решил обойтись без острот.

— И тебе их в два раза больше, сынок, в два раза больше, — Телфорд посмотрел на револьвер на бедре Эдди, потом взгляд вернулся к лицу стрелка. Проницательный и не слишком дружелюбный. — У твоего старшего точно такой же, я понимаю.

Эдди улыбнулся, но промолчал.

— Уэйн Оуверхолсер говорит, что ваш ка-беби продемонстрировал блестящее владение пистолетом. Как я понимаю, в этот вечер он у твоей жены?

— Вроде бы, да, — ответил Эдди. Он прекрасно знал, что «ругер» у Сюзанны. Роланд решил, что не стоит Джейку ехать в «Рокинг-Би» вооруженным.

— Четверо против сорока — маловато будет, не так ли? — продолжил Телфорд. — Да, маловато. А ведь с востока могут приехать и шестьдесят. Точно никто не помнит, да оно и понятно. Двадцать три года — долгий срок, спасибо вам, Господь и Человек-Иисус.

Эдди улыбнулся и вновь промолчал, надеясь, что Телфорд найдет другую тему для разговора. Более того, надеясь, что Телфорд просто отвалит.

Не сложилось. Говнюки — они прилипчивые, это, можно сказать, закон природы.

— Разумеется, четверо вооруженных против сорока и шестидесяти лучше троих вооруженных и четвертого, приветствующего приближающихся врагов радостными криками. Особенно, если их вооружение большого калибра, надеюсь, ты слышишь меня.

— Слышу тебя прекрасно, — ответил Эдди. У платформы, на которой их представляли жителям города, Залия Джеффордс что-то говорила Сюзанне. И Эдди видел, что Сюзанна слушает ее с интересом. «Ей досталась фермерская жена, Роланду — Властелин гребаных колец, а мне? Говнюк, который выглядит, как папаша Картрайт, а допрос ведет, как Перри Мейсон».

— У вас есть другое оружие? — спросил Телфорд. — Конечно же, должно быть, если вы хотите сразиться с Волками. Лично я думаю, что это безумная идея. И я не делаю из этого секрета. Воун Эйзенхарт придерживается того же мнения...

— Оуверхолсер тоже придерживался, но изменил его, — как бы между прочим заметил Эдди. Отпил чая и посмотрел на Телфорда поверх чашки, надеясь уловить хоть намек на раздражение. Напрасно.

— Уэйн у нас, что флюгер, — Телфорд рассмеялся. — Да, меняет свое мнение то так, то эдак. Так что, молодой сэй, может переменить еще раз.

Эдди хотелось сказать: «Если ты думаешь, что мы говорим о выборах, то напрасно», — но промолчал, помня наказ Роланда. Рот закрыт. Видеть по максимуму. Говорить по минимуму.

— У вас есть скорострелы? — спросил Телфорд. — Или гранаты?

— Да, конечно, как не быть, — ответил Эдди.

— Я никогда не слышал о женщине-стрелке.

— Неужто?

— Или о мальчике. Даже если он и подмастерье. Как нам узнать, что вы те, за кого себя выдаете? Скажи мне, прошу тебя.

— Ну, на этот вопрос ответить сложно, — Эдди определенно не нравился Телфорд, слишком старый, чтобы иметь маленьких детей, которые могли стать добычей Волков.

— Однако, люди хотят это знать, — указал Телфорд. — И уж конечно до того, как обрушат крышу себе на голову.

Эдди вспомнил слова Роланда, что ни одному человеку не дано отменить принятое стрелками решение. Жители Кальи этого пока не понимали. Телфорд точно не понимал. Разумеется, им еще предстояло задать вопросы и получить на них утвердительные ответы; Каллагэн об этом упомянул, Роланд подтвердил. Три вопроса. Один из них — что-то о помощи и защите. Эдди полагал, что вопросы эти еще не заданы, их просто не успели задать, но чувствовал, что задавать их будут, когда придет время, не в Зале собраний. А ответ придется давать маленьким людям, вроде Посельи и Росарио, которые, может, и знать не будут, что говорят. Людям, которые рисковали детьми.

— Так кто ты на самом деле? — гнул свое Телфорд. — Скажи мне, я прошу.

— Эдди Дин из Нью-Йорка. Надеюсь, ты не сомневаешься в моей честности. Очень надеюсь, что не сомневаешься.

Телфорд отступил на шаг, улыбка сползла с лица. Эдди сие порадовало. Страх — не уважение, но, видит Бог, лучше, чем ничего.

— Нет, нет, ни в коем разе, друг мой! Пожалуйста! Но скажи мне... ты когда-нибудь стрелял из револьвера, который у тебя на боку? Скажи мне, прошу тебя!

Эдди видел, что Телфорд, пусть и боится его, в это не верит. Возможно, этого бы вполне хватило прежнему Эдди Дину, который действительно жил в Нью-Йорке, чтобы предпринять некие усилия и заставить ранчера-сэя в это поверить, но Эдди-стрелок полагал, что смысла в этом нет. Потому что видел перед собой человека, который твердо решил стоять в стороне и наблюдать, как Волки из Тандерклепа забирают детей соседей, а может, человека, не верящего в простые и окончательные ответы, какие дает оружие. Эдди, однако, знал эти ответы. Более того, они ему нравились. Он помнил их единственный, ужасный день в Ладе, когда катил коляску Сюзанны под грохот божественных барабанов. Он вспомнил и Френка, и Блескучего, и Топси Морехода, подумал о женщине по имени Мод, которая встала на колени, чтобы поцеловать одного из лунатиков, подстреленных Эдди. Что она тогда сказала? «Не стоило вам убивать Уинстона, у него сегодня день рождения». Что-то в этом роде.

— Я стрелял и из этого револьвера, и из «ругера», — ответил он. — И не надо больше говорить со мной так, друг мой, словно мы оба — герои какого-то забавного анекдота.

— Если я хоть в чем-то оскорбил тебя, стрелок, прошу прощения.

Эдди чуть расслабился. Стрелок. По крайней мере этого седоволосому говнюку хватило

ума назвать его, как должно, пусть он в это и не верил.

И тут загремела музыка. Руководитель оркестра вскинул гитару над головой.

— Слушайте меня, вы все! Хватит есть! Время танцевать, а то лопните об обжорства, это точно!

Ему ответили радостные вопли. А потом грохот взрывов, который заставил Эдди опустить руку на рукоятку револьвера, как частенько делал Роланд.

— Спокойно, друг мой. Это всего лишь шутихи. Детишки балуются, будь уверен.

— Это хорошо, — кивнул Эдди. — Извини.

— Не за что, — Телфорд улыбнулся. Добродушной улыбкой папаши Картрайта, и в улыбке Эдди увидел главное: этот человек никогда не перейдет на их сторону. Во всяком случае, до того самого момента, когда трупы всех Волков из Тандерклепа не будут выложены на всеобщее обозрение в этом самом Павильоне. А вот если такое случится, он заявит, что с самого начала был со стрелками.

8

Танцы продолжались до восхода луны, и в ту ночь ни одно облачко не мешало ей плыть по звездному небу. Эдди станцевал с несколькими городскими дамами. Дважды вальсировал с Сюзанной на руках, а когда они танцевали кадрили, она на удивление точно, вправо-влево, разворачивалась на своей коляске. В меняющемся свете факелов ее радостное лицо блестело от пота. Роланд тоже танцевал, грациозно, но, по мнению Эдди, без души. И, уж конечно, как для Эдди, так и для Сюзанны, драматическое завершение праздника стало полной неожиданностью. Джейк и Бенни Слайтман не расставались, в танцах не участвовали, но однажды Эдди увидел их стоящими на коленях под деревом и играющие, как ему показалось, в «ножички».

На смену танцам пришло пение. Началось все с музыкантов. Сначала они исполнили любовную балладу, потом какую-то быструю песенку, практически полностью на диалекте Кальи, так что Эдди удавалось разбирать лишь отдельные слова. Но понял, что вторая песня очень даже фривольная, по крикам и гоготу мужчин и залиvistому смеху женщин. Некоторые, из тех, кто постарше, закрывали уши руками.

После этих двух песен несколько жителей Кальи забрались на эстраду, чтобы спеть. Эдди подумал, что им бы не удалось далеко продвинуться в телеконкурсе «Зажги звезду», но каждого тепло встречали и не менее тепло (особенно одну молодую матрону) провожали, когда они сходили с эстрады. Две девочки лет девяти, несомненно, одноййцевые близнецы, спели балладу, которая называлась «Улицы Кампары», идеальным дуэтом, под аккомпанемент одной гитары. Эдди поразила тишина, в которой слушали девочек жители Кальи. Хотя многие из них уже крепко выпили, ни один не позволил себе что-либо выкрикнуть. Не взрывались и шутихи. У многих, в том числе и у фермера, которого звали Луи Хейкокс, по щекам катились слезы. Если б его спросили раньше, Эдди ответил бы, что понимает под каким эмоциональным прессом живет город. Он не понимал. Теперь признавал это, честно и откровенно.

Когда песня о похищенной женщине и умирающем ковбое закончилась, на какие-то мгновения установилась полная тишина, молчали даже ночные птицы. А потом последовала громовая овация. «Если б они прямо сейчас принимали решение о том, что делать с Волками, — подумал Эдди, — даже папаша Картрайт не решился бы пойти против всех».

Девочки сделали реверанс и спустились с эстрады на траву. Эдди подумал, что на том праздник и закончится, но тут, к его удивлению, на эстраду поднялся Каллагэн.

— Есть еще более печальная песня, которой научила меня мать, — и запел развеселую

ирландскую песенку, которая называлась «Угости меня еще стаканчиком», не менее похабную, чем та, что исполнил оркестр, но теперь Эдди хотя бы понимал практически все слова. И уж тем более припев: «Я, конечно, лягу в землю, но пока что наливай!»

Сюзанна подкатилась к эстраде, вместе с коляской ее подняли на нее, пока жители Кальи хлопали Старику. Она коротко переговорила с тремя гитаристами, одному что-то даже показала на грифе. Они кивнули. Эдди понял, что они знали или мелодию, или ее разновидность.

Толпа с интересом ждала, как и муж дамы. Обрадовался, но особо не удивился, когда она запела «Служанку вечной печали». В их долгом путешествии песню эту она исполняла не единожды. С Джоан Бейс Сюзанна, конечно, конкурировать не могла, но голос переполняла искренность. И почему нет? То была песня женщины, которая покинула свой дом ради неведомых мест. Когда она допела, паузы, как после баллады близняшек, не последовало: все сразу захлопали. Послышались крики: «Еще! Еще!» Но Сюзанна петь больше не стала, лишь склонилась в глубоком реверансе. Эдди хлопал, пока не заболели ладони, потом сунул два пальца в рот и засвистел.

И тут, похоже, в этот вечер чудеса никак не желали кончаться, на эстраду поднялся Роланд, в то самое время, когда Сюзанну аккуратно опускали вниз.

Джейк и его новый приятель стояли рядом с Эдди. Бенни Слайтман держал Ыша на руках. До этого вечера Эдди не питал ни малейших сомнений в том, что Ыш искушал бы любого, за исключением ка-тета Джейка, кто попытался бы прикоснуться к нему.

— Он умеет петь? — спросил Джейк.

— Если умеет, для меня это новость, — ответил Эдди. — Поглядим, — он не знал, чего ждать от Роланда, но сердце у него колотилось очень уж сильно.

9

Роланд снял с себя кобуру с револьвером и пояс-патронташ. Передал Сюзанне, которая взяла их и тут же затянула на себе пояс, повыше талии. Материя рубашки натянулась, и Эдди подумал, что грудь у нее увеличилась. Потом решил, что виновато освещение.

Факелы горели оранжевым светом. Роланд, без револьвера, с узкими бедрами, смотрелся, как юноша. Несколько мгновений он оглядывал молчаливые, ждущие лица, и Эдди почувствовал, как рука Джейка, маленькая, холодная, скользнула в его ладонь. Мальчик мог не говорить, о чем думает, потому что те же мысли бродили и в голове Эдди. Никогда он не видел более одинокого человека, давно лишённого радостей и теплоты общения с близкими и дорогими ему людьми. На этом празднике (а это был праздник, пусть поводом для него послужило грядущая беда) и Эдди, и Джейк, и Сюзанна, да и многие другие со всей очевидностью поняли: он — последний. Второго такого нет. Если Эдди, Сюзанна, Джейк и Ыш и принадлежали к его родовому древу, то отстояли очень уж далеко, концевые листики на длинных ветвях, но никак не часть ствола. Далекие потомки, волею судьбы оказавшиеся рядом с предком. Роланд же... Роланд...

«Перестань, — мысленно приказал себе Эдди. — Ты не хочешь об этом думать. Во всяком случае, этим вечером».

Роланд медленно скрестил руки на груди, чуть ли не сведя вместе локти, чтобы положить ладонь правой руки на левую щеку, а ладонь левой — на правую. Для Эдди сие ровным счетом ничего не значило, но вот семьсот или около того жителей Кальи отреагировали моментально: радостным, одобрительным ревом, с которым самая бурная орация не шла ни в какое сравнение. Эдди вспомнился концерт «Роллинг стоунз», на котором ему довелось побывать. Там толпа

отреагировала точно также, когда барабанщик «Стоунзов», Чарли Уэттс начал выбивать ритм, который мог означать только одно: «Стоунзы» собирались спеть «Кабацкую женщину».

Роланд стоял, с перекрещенными на груди руками, с ладонями на щеках, пока они не затихли.

— Нас хорошо встретили в Калье, — начал он. — Слушайте меня, прошу вас.

— Мы говорим, спасибо тебе! — проревели они. — Мы слышим тебя очень хорошо!

Роланд кивнул и улыбнулся.

— Но я и мои друзья побывали в дальних краях, и нам еще нужно многое сделать и увидеть.

А теперь, пока мы здесь, будете ли вы так же открыты с нами, как мы — с вами?

Эдди похолодел. Почувствовал, как напряглась рука Джейка в его руке. «Это же первый из вопросов», — подумал он. Но еще не успел додумать эту мысль до конца, как они проревели: «Ага, и спасибо тебе!»

— Вы видите в нас тех, кто мы есть, и принимаете, что мы делаем?

«А вот и второй вопрос», — подумал Эдди и теперь уже он сжал руку Джейка. Увидел, как Телфорд и еще один мужчина, Диего Адамс, многозначительно переглянулись. Они понимали, что происходит, но ничего не могли изменить. «Слишком поздно, ребята», — подумал Эдди.

— Стрелки! — крикнул кто-то. — Настоящие стрелки, и мы говорим, спасибо вам! Говорим спасибо во имя Бога!

Толпа одобрительно взревела, Заплодировала. Под крики: «Спасибо вам», «Ага», «Именно так».

Когда они успокоились, Эдди ожидал услышать последний вопрос, самый важный: «Просите ли вы у нас помощи и защиты?»

Роланд его не задал.

— Сегодня нам пора уходить, чтобы положить головы на подушки, ибо мы устали. Но перед тем, как уйти, я спою вам одну песню и станцюю один танец, я это сделаю и, я уверен, вам знакомы и песня и танец.

Они радостно завопили. Знали, о чем он говорил, это точно.

— Я тоже знаю, и они мне нравятся, — продолжил Роланд из Гилеада. — Знаю, они очень древние, и никогда не думал, что когда-нибудь услышу «Песню риса», тем более в собственном исполнении. Теперь я стал старше, это точно, и уже не такой проворный, как прежде. Поэтому извините, если я где-то собоюсь в танце.

— Стрелок, мы говорим, спасибо тебе! — выкрикнул женский голос. — Огромную испытываем радость, ага!

— Разве я не чувствую то же самое? — мягко спросил стрелок. — Разве не делюсь я с вами своей радостью и водой, которую принес в руках и сердце?

— Даем тебе зеленые ростки, — проревели в ответ жители Кальи, и Эдди почувствовал, как по спине бежит холодок, а глаза наполняются слезами.

— Господи, — выдохнул Джейк. — Он так много знает...

— Даю вам радость риса, — воскликнул Роланд.

Еще мгновение постоял в оранжевом свете, словно собираясь с силами, потом начал танцевать что-то среднее между джигой и степом. Сначала медленно, очень медленно, каблук — мысок, каблук — мысок. Вновь и вновь его каблуки ударяли об пол, словно кулаки — по крышке гроба, но теперь в этих ударах появился ритм. Сначала только ритм, но потом. По мере того, как ноги стрелка набирали скорость, это уже был не просто ритм — драйв. Другого слова Эдди подобрать не мог.

К ним присоединилась Сюзанна. Улыбающаяся, с огромными от изумления глазами.

— О, Эдди! — выдохнула она. — Ты знал, что он на такое способен? Мог представить себе,

что он это может?

— Нет, — ответил Эдди. — Не имел ни малейшего представления.

10

Все быстрее двигались ноги стрелка в разбитых, потрепанных сапогах. Потом еще быстрее. Он все четче выбивал ритм, и Джейк вдруг осознал, что ритм этот он уже слышал. В Нью-Йорке, во время первого Прыжка. Перед тем, как он встретил Эдди, мимо него прошел молодой негр в наушниках и с плеером. Его ноги в сандалиях двигались в такт музыке, которую он слушал, а под нос он напевал что-то вроде: «Ча-да-ба, ча-да-бау!» И вот этот самый ритм Роланд выбивал сейчас на эстраде, а каждое: «Бау!» сопровождалось резким ударом каблука о деревянную доску.

Вокруг них люди начали хлопать. Не в такт, так быстро руки двигаться не могло. Хлопать и раскачиваться. Женщины в юбках приподняли их и начали покачивать из стороны в сторону. На всех лицах, молодых и старых, Джейк видел одно и то же выражение: искренней радости. «Нет, не просто радости», — подумал он и вспомнил фразу, которой его учительница английского языка характеризовала те книги, которые сразу становились близки: «Восторг абсолютного узнавания».

На лице Роланда заблестел пот. Он опустил скрещенные руки и начал хлопать. При каждом хлопке жители Кальи скандировали одно и то же слово: «Кам!.. Кам!.. Кам!.. Кам!..» У Джейка мелькнула мысль, что этим словом некоторые парни называли сперму, и решил, что это не может быть совпадением.

«Конечно же, нет. Как и то, что встреченный мною негр пританцовывал под этот же ритм. Это все Луч, это все девятнадцать».

— Кам!.. Кам!.. Кам!..

Эдди и Сюзанна уже хлопали и скандировали. Бенни хлопал и скандировал. Джейк присоединился к ним.

11

В итоге Эдди так и не понял слов «Песни риса». Не из-за диалекта, Роланда-то он хорошо понимал, а из-за быстроты, с которой слова слетали с его губ. Однажды такое с ним уже было. Когда по ти-ви увидел табачный аукцион где-то в Южной Каролине. Так вот, аукционист говорил так же быстро. Слова жестко загонялись в рамки песни, коверкались, если никак не умещались в этих рамках. В принципе, это была даже не песня — декламация или уличный хип-хоп. Более точного определения Эдди подобрать не мог. И все это время ноги Роланда выбивали заданный ритм по доскам эстрады, а толпа хлопала и скандировала: «Кам, кам, кам, кам».

И вот что смог уловить Эдди:

Кам-кам-каммала,
Рис, рис я сажала.
В землю опускала,
Семя прорастало.
Семя я сажала,
«Ориса», — напевала.

Тянисть лист зелен,
Расти рис ядрен
Тянисть лист зелен,
Кам-кам-каммала.
Кам-кам-каммала,
Расти рис ядрен.
Вот под небесами
Травка показалась
Кам-кам-каммала,
Выше поднималась,
Точно лес зеленый.
Под его покровом
Парень и девчонка
Долго целовались,
Долго миловались
Они под небесами,
Кам-кам-каммала,
Не зря рис сажала...

За первыми двумя последовали еще как минимум три куплета. К тому времени Эдди уже перестал различать слова, но общий смысл, правда, понял: весной молодые мужчина и женщина сажают рис и дают жизнь ребенку. Темп песни, и без того быстрый, все ускорялся. Слова слились воедино, руки зрителей двигались с невероятной скоростью. А каблуки Роланда полностью исчезли из виду. Если бы Эдди не видел все это собственными глазами, то сказал бы, что танцевать с такой скоростью невозможно, особенно после плотного обеда.

«Сбрось обороты, Роланд, — подумал он. — Мы же не сможем позвонить 911, если тебя вдруг хватит кондрашка».

Потом, по какому-то сигналу, который Эдди, Сюзанна и Джейк не уловили, Роланд замолчал, и жители Кальи, перестав хлопать, вскинули руки к небу и резко двинули бедра вперед, как в половом акте. «КАММАЛА!» — прогремело в Павильоне, и наступила тишина.

Роланд покачнулся, пот градом катился по щекам и лбу... и упал со сцены в толпу. У Эдди екнуло сердце. Сюзанна вскрикнула и уже покатила к стрелку. Джейк успел ее остановить, схватившись за одну из ручек за креслом.

— Я думаю, это часть шоу! — воскликнул он.

— Да, я тоже в этом уверен, — поддержал его Бенни Слайтман.

Толпа радостно редела и аплодировала. Роланда передавала друг другу на вытянутых руках. А свои стрелок простер к звездам. Его грудь высоко вздымалась. Не веря своим глазам, Эдди наблюдал, как Роланд плывет к ним, словно на гребне волны.

— Роланд поет, Роланд танцует, — он покачал головой, — а для полного счастья еще и прыгает со сцены в толпу, как Джой Рамон.^[30]

— О ком ты говоришь, сладенький? — спросила Сюзанна.

Эдди покачал головой.

— Не важно. Но этот прыжок уже ничем не перекрыть. Он точно венчает праздник.

Эдди не ошибся.

Спустя полчаса четверо всадников медленным шагом ехали по главной улице Кальи Брин Стерджис. Один — завернутый в salide. При каждом выдохе из ртов вылетало облако пара. Звезды напоминали осколки бриллиантов, ярче всех сияли Старая Звезда и Древняя Мать. Джейк вместе со Слайтманами уже ускакал на ранчо «Рокинг Би» Эйзенхарта. Каллагэн ехал чуть впереди троих странников. Но, прежде чем они тронулись в путь, настоял на том, чтобы Роланд завернулся в толстое одеяло.

— Ты же сказал, что до твоего дома меньше мили... — попытался возразить Роланд.

— И что с того? Облака ушли, ночь очень холодная, можно подумать, что вот-вот выпадет снег, а такой каммалы я, сколько тут живу, не видывал.

— И сколько ты тут живешь? — спросил Роланд.

Каллагэн покачал головой.

— Не знаю. Честное слово, стрелок, не знаю. Могу сказать, когда попал сюда... зимой 1983 года, через девять лет после того, как покинул Салемс-Лот. Через девять лет после того, как со мной случилось вот это, — он поднял покрытую шрамами руку.

— Похоже на ожог, — заметил Эдди.

Каллагэн кивнул, но больше говорить об этом не стал.

— В любом случае, время здесь другое, как вы все, наверное, уже знаете.

— Оно в движении, — отозвалась Сюзанна. — Как стрелка компаса.

Роланд, уже завернувшись в одеяло, на прощание перекинулся с Джейком парой слов... и не только. Эдди услышал, как что-то звякнуло, переходя из руки стрелка в руку подмастерья. Может, деньги.

Джейк и Бенни уехали в темноту бок о бок. Когда Джейк повернулся и помахал рукой, у Эдди защемило сердце. «Господи, ты же не его отец», — подумал он, но все равно, расставался с ним, как с сыном.

— С ним ничего не случится, Роланд? — Эдди ожидал мгновенного: «Разумеется, нет», — чтобы сразу же успокоиться. Поэтому долгое молчание стрелка еще сильнее разволновало его.

Наконец, Роланд ответил: «Будем на это надеяться», — и больше о Джейке Чеймберзе в этот вечер не вспоминали.

Они подъехали к церкви, низкому бревенчатому зданию с крестом над дверью.

— И чьим именем названа твоя церковь, отец? — спросил Роланд.

— Нашей Непорочной Госпожи.

Роланд кивнул. «Это хорошо».

— Вы чувствуете? — спросил Каллагэн. — Кто-нибудь из вас его чувствует? — о чем речь, он мог не говорить.

Роланд, Эдди и Сюзанна застыли на добрую минуту. Потом Роланд покачал головой.

Каллагэн удовлетворенно кивнул.

— Он спит, — потом торопливо добавил. — Говорю Богу спасибо.

— Что-то там, однако есть, — Эдди мотнул головой в сторону церкви. — Похоже... ну, не знаю, давит, как гиря.

— Да, — согласился Каллагэн. — Как гиря. Но сегодня он спит. Спасибо тебе, Господи, —

и он начертил крест в морозном воздухе.

В конце широкой дорожки (выровненная, утоптанная земля, с обеих сторон обсаженная аккуратно подстриженными кустами) стоял еще один бревенчатый дом. В нем и жил Каллагэн.

— Этим вечером ты расскажешь нам свою историю? — спросил Роланд.

Каллагэн посмотрел на осунувшееся, усталое лицо стрелка и покачал головой.

— Ни скажу ни слова, сэй. Даже если бы вечер не выдался таким долгим. Такое по ночам не рассказывают. Утром, за завтраком, до того, как ты и твои друзья отправитесь по своим делам... тебя это устроит?

— Ага, — ответил Роланд.

— А если он проснется этой ночью? — спросила Сюзанна, посмотрев на церковь. — Проснется и отправит нас в Прыжок?

— Тогда мы уйдем в Прыжок, — ответил Роланд.

— Ты знаешь, что с ним делать, не так ли? — спросил Эдди.

— Пожалуй, — ответил Роланд. По дорожке они двинулись к дому.

— Твой разговор со стариком-Мэнни как-то с этим связан? — спросил Эдди.

— Пожалуй, — Роланд повернулся к Каллагэну. — Скажи мне, отец, шар когда-нибудь отправлял тебя в Прыжок? Ты знаешь, о чем я говорю, не так ли?

— Знаю, — кивнул Каллагэн. — Дважды. Один раз в Мексику. Маленький городок, который назывался Лос-Сапатос. А однажды... думаю... в замок Короля. И, раз уж мне удалось вернуться, должен почитать себя счастливым.

— О каком Короле ты говоришь? — спросила Сюзанна. — Артуре Эльдском?

Каллагэн покачал головой. Шрам на его лбу налился кровью.

— Лучше не будем сейчас об этом. Ночью, — он печально глянул на Эдди. — Скоро появятся Волки. Это ужасно. А тут приходит молодой человек и говорит мне, что «Красные носки» опять проиграли национальный чемпионат... «Горожанам»?

— Боюсь, что да, — и, слушая его рассказ о перипетиях финального матча (сама игра мало о чем говорила Роланду, пусть и отдаленно напоминала «Очки» или, как некоторые называли ее, «Воротца»), они добрались до дома Каллагэна. Его домоправительница не вышла встречать гостей, но оставила на каминной полке для подогревания пищи котелок с горячим шоколадом.

Когда они пили его, Сюзанна повернулась к стрелку.

— Залия Джеффордс рассказала мне кое-что интересное, Роланд.

Он вопросительно изогнул бровь.

— С ними живет дед ее мужа. Считается самым старым жителем Калья Брин Стерджис. Тиан и старик многие годы не очень-то ладят, Залия уже и не помнит, из-за чего они поцапались, так давно это было, но у нее с ним хорошие отношения. Она говорит, что в последние пару лет дед все чаще впадает в старческий маразм, но у него случаются светлые дни. И он заявляет, что видел одного из этих Волков. Мертвым, — она помолчала. — Заявляет, что убил его сам.

— Клянусь своей душой! — воскликнул Каллагэн. — Не можешь ты такого говорить!

— Как видишь, говорю. Вернее, говорит Залия.

— Эту историю стоит послушать, — кивнул Роланд. — Это случилось в последний приход Волков?

— Нет, — покачала головой Сюзанна. — И не в предпоследний, когда Оуверхолсер был еще ребенком. В предыдущий раз.

— То есть семьдесят лет тому назад, если они приходят каждые двадцать три года? — уточнил Эдди.

Сюзанна кивнула.

— Но он уже тогда был взрослым. Он рассказал Залии, что пять или шесть человек затаились на Западной дороге, дожидаясь появления Волков. Среди них был и дед Тиана. И они убили одного Волка.

— И кем же он оказался? — спросил Эдди. — Как выглядел без маски?

— Она не сказала, — Сюзанна. — Не думаю, что он ей это рассказал. Но мы должны...

Ее прервал громкий храп. Эдди и Сюзанна в удивлении повернулись. Стрелок заснул. Подбородок упал на грудь. Руки он скрестил, словно заснул, думая о танце. И о рисе.

14

В доме была лишь одна свободная спальня, так что Роланда уложили с Каллагэном. А вот Эдди и Сюзанне повезло: впервые они могли провести ночь вдвоем, в постели и под крышей. И они не слишком устали, чтобы не воспользоваться такой возможностью. Потом Сюзанна сразу же отключилась, а Эдди какое-то время лежал без сна. Осторожно послал мысленный сигнал в направлении церкви Каллагэна, надеясь прикоснуться к хранящемуся в ней магическому кристаллу. Понимал, что идея эта не из лучших, но ничего не мог с собой поделать. Ничего не почувствовал. Точнее, не почувствовал ничего перед чем-то. «Я могу его разбудить, — подумал Эдди. — Действительно, могу».

Да, а человек, у которого болит зуб, может выбить его молотком, но почему ты должен следовать его примеру?

«Нам все равно придется его разбудить. Я думаю, без него не справимся».

Возможно, но для этого будет другой день. А этому надо дать спокойно закончиться.

Но какое-то время Эдди никак не мог расстаться с этим днем. Отрывочные образы мелькали в голове, вспыхивали, как осколки зеркала под ярким солнцем. Калья, лежащая под затянутым облаками небом, серая лента Девар-Тете Уайе. Зеленые рисовые поля на берегу. Джейк и Бенни Слайтман, переглядывающиеся и вдруг начинающие смеяться. Полоса зеленой травы, проход от главной улицы до Павильона. Меняющие цвет факелы. Ыш, кланяющийся и говорящий («Эльд! Спасибо!»). Роланд, задающий вопросы, два из трех. Удары его каблуков о деревянные доски, сначала медленные, потом ускоряющиеся, ноги,двигающиеся с невероятной скоростью. Роланд, хлопающий, потеющий, улыбающийся. Однако, глаза его не улыбались, эти синие глаза оставались такими же холодными, как и всегда.

Но как он танцевал! Великий Боже, как же он танцевал при свете факелов!

«Кам-кам-каммала, рис, рис я сажала!» — подумал Эдди.

Рядом с ним застонала Сюзанна: что-то ей снилось.

Эдди повернулся к ней, просунул руку под ее рукой, чтобы охватить ладонью грудь. Успел подумать о Джейке. Эти ранчеры, пусть только попробуют не принять его, как должно. Если не примут, им придется горько об этом пожалеть.

Эдди заснул. Ему ничего не снилось. А тем временем ночь двигалась навстречу дню, луна села, а пограничный мир медленно поворачивался, как стрелки останавливающихся часов.

Роланд проснулся где-то за час до рассвета от очередного жуткого сна. Рог. Что-то насчет рога Артура Эльдского. Рядом с ним, на большой кровати, спал Старик. Хмурое лицо говорило о том, что и ему снится что-то малоприятное. Кожу лба перекосило, «сломав» перекладину шрама-креста.

Разбудила Роланда боль, а не сон о роге, который выскользнул из руки Катберта, когда его давнишний друг упал. Боль начиналась у бедер и уходила вниз, до самых лодыжек. Боль эту он представлял себе в виде ярких огненных колец. Так он расплачивался за вчерашний танец. Если б только этим все и закончилось, он мог бы считать, что легко отделался, но Роланд знал, что это лишь начало и каммала дорого ему обойдется. И понимал, что это не ревматизм, который доставал его последние несколько недель: так тело всегда реагировало на сырую погоду приближающейся осени. Он видел, что его лодыжки, особенно, правая, начали распухать. То же происходило и с коленями. Бедра пока выглядели, как прежде, но, положив на них руки, он чувствовал изменения, происходящие под кожей. Нет, это не ревматизм, который донимал Корта в последний год, заставлял коротать дождливые дни у горящего очага. Это артрит, более того, худшая его форма, сухой скрут, и Роланд знал, что с ног он скоро перекинется на руки. Стрелок с радостью отдал бы болезни правую руку, если б она этим удовлетворилась. Он многому научил правую руку после того, как омароподобные твари отгрызли два пальца, но она уже не могла стать прежней. Да только с болезнями такое не проходило. Жертвы их не задабривали. Артрит, если уж начинался, пожирал все суставы.

«У меня, возможно, остался год, — думал он, лежа рядом со спящим священником из мира Эдди, Сюзанны и Джейка. — А может, даже два».

— Нет, не два. Возможно, не было и одного. Как там говорил Эдди? «Перестань дурить себе голову». Эдди знал много поговорок своего мира, но она была особенно хороша. Особенно уместна.

Нет, он все равно будет идти к Башне, даже если Старина Артрит лишит его способности стрелять, седлать лошадь, отрезать полоску шкуры, нарубить дрова для костра. Он будет идти до конца. Но как то не нравилась ему такая вот картина: он тащится позади, в полной зависимости от остальных, возможно, привязанный к седлу вожжами, потому что руки не могут ухватиться за луку седла. Якорь, тормозящий всех. И им не удастся развернуть парус, если вдруг потребуется резко увеличить скорость.

«Если до этого дойдет, я покончу с собой».

Но он знал, что не покончит. Потому что не мог на такое пойти. «Перестань дурить себе голову».

Эта мысль перекинула мостик к Эдди. С ним нужно поговорить о Сюзанне, и немедленно. С этим он проснулся и, возможно, ради этого можно потерпеть боль. Неприятный, конечно, разговор, но его не избежать. Эдди пора узнать о существовании Миа. Теперь, когда они в городе, в доме, уйти ей будет гораздо сложнее, но она все равно будет уходить. С потребностями ребенка и собственными желания она могла бороться с тем же успехом, как Роланд — с болью, которая окольцевала правые бедро и колено и обе лодыжки, но еще не добралась до рук. Если Эдди не предупредить, может случиться ужасное. А как раз сейчас им не нужны новые проблемы. Их появление могло привести к катастрофе.

Роланд лежал на кровати, скованный пульсирующими кольцами боли и наблюдал за светлеющим небом. И светлеть оно теперь начало не на востоке, а южнее.
Место восхода солнца тоже сместилось.

2

Домоправительницу, симпатичную женщину лет сорока, звали Розалита Мунос, и увидев, как Роланд идет к столу, она сказала: «Одна чашка кофе, а потом пойдешь со мной».

Каллагэн пристально посмотрел на Роланда, когда она пошла к плите за кофейником. Эдди и Сюзанна еще не встали, так что за кухонным столом они сидели вдвоем.

— Донимают боли, сэр?

— Это всего лишь ревматизм, — ответил Роланд. — Передается из поколения в поколение по отцовской линии. К полудню полегчает, яркое солнце и сухой воздух тому поспособствуют.

— Насчет ревматизма можешь мне не рассказывать, — ответил Каллагэн. — Скажи Богу спасибо, если это всего лишь ревматизм, а не что-то похуже.

— Я говорю, — потом добавил, повернувшись к Розалите, которая принесла дымящиеся кружки. — И тебе тоже спасибо.

Она поставила кружки на стол, сделала реверанс, потом застенчиво посмотрела на него.

— Никогда не видела, чтобы кто-то исполнил танец риса лучше тебя, сэй.

Роланд кисло улыбнулся.

— За что и расплачиваюсь этим утром.

— Я тебя поставлю на ноги, — ответила она. — У меня есть кошачье масло, чудодейственное средство. Сначала снимает хромоту, потом боль. Спроси отца.

Роланд повернулся к Каллагэну. Тот кивнул.

— Тогда я верю. Спасибо, сэй.

Она вновь сделала реверанс и вышла из кухни.

— Мне нужна карта Кальи, — заговорил Роланд, как только они остались одни. — Пусть грубая, но достаточно точная, особенно в расстояниях. Ты сможешь нарисовать ее мне?

— Ни в коем разе, — без запинки ответил Каллагэн. — Карту не нарисую, даже если ты приставишь револьвер к моей голове. Нет у меня таких способностей. Но я знаю, у кого они есть, — он возвысил голос. — Розалита! Роза! Зайди на минуту, пожалуйста!

3

Двадцать минут спустя Розалита решительно взяла Роланда за руку. Привела в кладовую и закрыла дверь.

— А теперь снимай штаны, прошу тебя. Не стесняйся, я сомневаюсь, что увижу что-нибудь новенькое, если, конечно, у мужчин в Гилеаде и Внутренних феодах то же устройство, что и у всех остальных.

— То же, — заверил ее Роланд и скинул штаны.

Солнце уже встало, но Эдди и Сюзанна еще не поднялись. Роланд не торопился их будить, понимая, что впереди будет много дней с ранним подъемом и поздним отходом ко сну. Вот в это утро он и решил позволить им насладиться мягкой постелью, крышей над головой и возможностью отгородиться от всего мира закрытой дверью.

Розалита, держа в руке бутылку со светлой, маслянистой жидкостью, присвистнула.

Посмотрела на правое колено Роланда, потом левой ладонью, сухой и горячей, прикоснулась к правому бедру. Он дернулся от ее прикосновения, пусть и легкого, как пух.

Она вскинула на него глаза. Темно-коричневые, почти черные.

— Это не ревматизм. Артрит. Тот, что распространяется очень быстро.

— Ага, и там, откуда я родом, его называли сухой скрут. Ни слова отцу или моим друзьям.

Темные глаза пристально смотрели на него.

— Долго тебе это в секрете не сохранить.

— Я слышу тебя очень хорошо. Но, пока есть возможность, пусть это останется моим секретом. И ты мне поможешь.

— Ага, — кивнула она. — Не бойся. От меня никто ничего не узнает.

— Я говорю, спасибо тебе. Так мне это поможет?

Розалита посмотрела на бутылку и улыбнулась.

— Ага. Это мята и кое-какие болотные травки. Но главный секрет — кошачья желчь. Всего три капли на бутылку, будь уверен. Это горные кошки, которые приходят из пустыни, со стороны великой тьмы, — она наклонила бутылку, плеснула маслянистой жидкости на ладонь. В нос Роланда ударил запах мяты, на него наложился другой запах, не столь сильный, но неприятный. Да, подумал стрелок, возможно, это запах желчи пумы, или когуара или, какого-то другого зверя, которого называли здесь горной кошкой.

Когда она наклонилась и начала втирать жидкость в коленные чашечки, их словно обдало огнем. Роланд едва не вскрикнул: колени просто прожаривались. Но вскоре жар спал, а вместе с ним в значительной степени ушла и боль.

Закончив растереть его тело, она спросила: «Как себя чувствуешь, стрелок-сэй?»

Вместо того, чтобы отвечать словами, он прижал ее к своему обнаженному телу и крепко обнял. Она, несколько не смущаясь, обхватила его руками и прошептала на ухо: «Если ты тот, за кого себя выдаешь, ты не должен позволить им забрать детей. Ни одного. И не обращай внимания на то, что говорят большие шишки, вроде Эйзенхарта и Телфорда».

— Мы сделаем все, что в наших силах, — ответил он.

— Хорошо. Спасибо тебе, — она отступила назад, посмотрела вниз. — Одна часть твоего тела не страдает ни артритом, ни ревматизмом. И выглядит очень неплохо. Может, даме будет позволено взглянуть на нее сегодня вечером, стрелок, под луной, и познакомиться с ней поближе.

— Может, и будет, — ответил Роланд. — Ты мне дашь бутылку этого снадобья, чтобы я мог возить его с собой, разъезжая по Калье, или оно слишком дорогое?

— Нет, не дорогое, — все еще флиртуя, Розалита обворожительно улыбнулась Роланду. Но тут же лицо ее стало серьезным. — Но, думаю, помогает оно только временно.

— Я знаю, — кивнул Роланд. — Но это и не важно. Мы лишь оттягиваем неизбежное, но в конце концов природа берет свое.

— Ага, — согласилась она. — Так всегда и бывает.

Когда, застегивая ремень, Роланд вышел из кладовой, он услышал шевеление наверху. За голосом Эдди, слов он не разобрал, последовал сонный женский смех. Каллагэн стоял у плиты, наливал в чашку кофе. Роланд подошел к нему.

— Я видел кусты облепихи слева от дорожки, которая идет от церкви к твоему дому.

— Да, и облепиха созрела. У тебя острые глаза.

— Сейчас речь не о глазах. Я иду туда, чтобы набрать полную шляпу ягод. Мне бы хотелось, чтобы Эдди присоединился ко мне, пока его жена съест яйцо или два. Сделаешь?

— Думаю, что да, но...

— Вот и отлично, — с тем Роланд и вышел из дома.

5

Когда пришел Эдди, Роланд уже набрал полшляпы и съел несколько пригоршней оранжевых ягод. Боль на удивление быстро уходила из лодыжек, колена, бедра. Собирая ягоды, он задался вопросом, а сколько бы отдал Корт за бутылку кошачьего масла Розалиты Мунис.

— Слушай, эти ягоды выглядят, как восковые фрукты, которыми моя мать украшала дом на каждый День благодарения, — Эдди подозрительно глядел в шляпу. — Ты уверен, что их можно есть?

Роланд достал из шляпы ягоду облепихи, размером чуть ли не с подушечку его пальца, сунул Эдди в рот.

— По вкусу похоже на воск, Эдди?

Глаза Эдди внезапно широко раскрылись.

— Похоже на клюкву, только слаще. Интересно, Сюзи умеет печь оладьи? Даже если не умеет, готов спорить, что домоправительница Каллагэна...

— Послушай меня, Эдди, — прервал его стрелок. — Слушай внимательно и не давай воли эмоциям. Ради своего отца.

Эдди, он уже тянулся к ягодам на кусте, опустил руку, посмотрел на Роланда. С бесстрастным лицом. В утреннем свете Роланд видел, насколько старше теперь выглядит Эдди. Словно повзрослел на добрый десяток лет.

— В чем дело?

Роланд, который долго хранил этот секрет, выбирая оптимальный момент для того, чтобы поделиться им с Эдди, отметил, что его рассказ не сильно того удивил.

— Как давно ты об этом знаешь?

Обвиняющие нотки в вопросе отсутствовали напрочь.

— Наверняка? С того самого момента, как увидел ее, уходящую в лес. Увидел, как она ела... — Роланд запнулся, — ...увидел, что она ела. Услышал, как она разговаривала с людьми, которых не было. А подозревал гораздо дольше. Чуть ли не с самого Лада.

— И не сказал мне.

— Нет, — вот сейчас, подумал Роланд, Эдди даст себе волю. Выскажется по полной программе. И ошибся.

— И ты хочешь знать, злюсь ли я, не так ли? Собираюсь ли закатить скандал?

— Собираешься?

— Нет, я не злюсь, Роланд. Раздражение, возможно, чувствую, и до смерти боюсь за Сюзи, но с чего мне злиться на тебя? — теперь уже запнулся Эдди. А когда заговорил вновь, чувствовалось, что слова даются ему с трудом, но он их произнес. — Ты же мой старший, не так ли?

— Да, — кивнул Роланд. Протянул руку, положил на плечо Эдди. Удивился возникшему у него желанию, нет, потребности, все объяснить. Но устоял. Если Эдди признавал его не просто старшим, а своим старшим, ему не оставалось ничего другого, как и вести себя соответственно. — Ты вроде бы и не поражен моими новостями.

— Ну, я удивлен, — ответил Эдди. — Может, не поражен, но... — он сорвал несколько

ягод, бросил в шляпу Роланда. — Что-то я видел, понимаешь? Иногда она бледнела, как мел. Иногда морщилась и хваталась за живот. А на вопрос отвечала, что ее пучит. И груди у нее стали больше. Я в этом уверен. Но, Роланд, к ней по-прежнему приходят месячные. Где-то около месяца тому назад я видел, как она зарывала тряпки, и они были в крови. Пропитаны кровью. Как такое может быть? Если она забеременела, когда мы «извлекали» Джейку, отвлекая демона говорящего круга, тогда должна быть на пятом, может, на шестом месяце. Даже с учетом того, что творится здесь со временем.

Роланд кивнул.

— Я знаю про ее месячные. И это решающее доказательство того, что ребенок не твой. Существо, которое она вынашивает, женская кровь не нужна, — Роланду вспомнилось, как Миа сжала лягушку, раздавила в кулаке. Выпила черную желчь. Слизнула с пальцев, как сладкий сироп.

— А оно... — Эдди уже собрался положить в рот ягоду облепихи, но передумал, бросил в шляпу Роланда. Стрелок подумал, что должно пройти какие-то время, прежде чем у Эдди вновь появится аппетит. — Роланд, оно будет выглядеть, как человеческий ребенок?

— Я практически уверен, что нет.

— Тогда как?

И, прежде чем стрелок успел удержать слова, они сорвались с губ.

— Лучше не поминать дьявола.

Эдди передернуло. Лицо стало мертвенно белым.

— Эдди? Ты в порядке?

— Нет, — ответил Эдди. — Я определенно не в порядке. Но я и не собираюсь плюхнуться в обморок, как одна девушка на концерте Энди Гибба. Так что же нам делать?

— На данный момент — ничего. Нам есть, чем заняться.

— Это точно, — вздохнул Эдди. — Сюда через двадцать четыре дня заявятся Волки, если я не ошибся в подсчетах. В Нью-Йорке... кто знает, какой там нынче день? Шестое июня? Десятое? Но наверняка до пятнадцатого июля времени там осталось меньше, чем вчера. Но, Роланд, если она вынашивает не человека, мы не можем гарантировать, что ее беременность продлится девять месяцев. Она может разродиться и в шесть. Черт, да она может разродиться завтра!

Роланд кивнул и промолчал. Эту часть пути Эдди прошел сам, мог пройти и оставшуюся.

И он прошел.

— Мы бессильны, не так ли?

— Да. Мы можем наблюдать за ней, но не более того. Мы даже не можем устранить ее от всего, потому что она догадается, чем это вызвано. И она нам нужна. Для того, чтобы стрелять, когда до этого дойдет, но и раньше нам придется подготовить кое-кого из местных, научить пользоваться оружием, которое у них есть. Скорее всего, это будут луки, — Роланд поморщился. В конце концов, ему удалось сдать экзамен Карту, стрелы достаточно точно поразили мишень, но его душа не лежала ни к луку, ни к арбалету. Этому оружию отдавал предпочтение Джейми Декарри, не он.

— Так мы собираемся сразиться с Волками?

— Да, конечно.

Эдди улыбнулся. Несмотря на свалившиеся на него ужасные новости. Таким уж он был. Роланд видел это и радовался.

Когда они возвращались к дому Каллагэна, Эдди спросил стрелка: «Мне ты все выложил, Роланд, почему не выложить ей?»

— Я не уверен, что понимаю тебя.

— Думаю, что понимаешь.

— Пусть так, но ответ тебе не понравится.

— Я слышал от тебя самые разные ответы, и не могу сказать, что мне нравился только один из пяти, — Эдди задумался. — Нет, это я загнул. Может, один из пятидесяти.

— Та, которая зовет себя Миа, на Высоком Слоге у этого слова одно значение — мать, знает, что вынашивает ребенка, хотя я сомневаюсь, что понимает, какой это ребенок.

Эдди молчал, переваривая информацию.

— Как бы то ни было, Миа считает его своим ребенком и намерена защищать его всеми доступными средствами. Если для этого придется установить контроль над телом Сюзанны, ты же помнишь, как Детта Уокер иногда брала верх над Одеттой Холмс, она это сделает, если сможет.

— И, скорее всего, сможет, — мрачно изрек Эдди. Потом взглянул на Роланда. — Так ты мне говоришь... поправь меня, если я ошибаюсь... Ты не хочешь сказать Сюзане, что она вынашивает монстра, опасаясь, что узнав об этом, она более не будет полноценным стрелком.

Роланд мог бы смягчить этот суровый вывод, но пришел к выводу, что не стоит. Тем более, что Эдди не грешил против истины.

— А если что-нибудь измениться за следующий месяц? — продолжил Эдди. — Если у нее начнутся схватки и она разродится существом из преисподней... она же будет совершенно к этому не готова. Не поймет, что с ней происходит.

Роланд остановился футах в двадцати от дома Каллагэна. Через окно увидел, что тот разговаривает с двумя подростками, мальчиком и девочкой. Даже с такого расстояния было ясно, что они — близнецы.

— Роланд?

— Ты все правильно говоришь, Эдди. А есть какой-нибудь выход? Если так, я надеюсь, что ты его найдешь. Время уже не лицо на воде, как ты сам указывал. Время стало дорогим товаром.

Вновь он ожидал, что Эдди взорвется, выдаст что-нибудь фирменное, вроде: «Поцелуй меня в зад» или «Нажрись говна и сдохни». Но Эдди лишь смотрел на него. Пристально и где-то с жалостью. Жалел он, конечно, Сюзанну, но, в какой-то степени и их двоих. Стоявших перед домом священника и плетущих заговор против одного из тета.

— Я во всем тебя поддержу, — принял решение Эдди, — но не потому, что ты — мой старший, и не потому, что одному из этой двойни предстоит вернуться из Тандерклепа безмозглым, — он указал на близнецов, с которыми Каллагэн разговаривал в гостиной. — Я бы отдал всех детей этого города за ребенка, которого вынашивает Сюзанна. Если б это был ребенок. Мой ребенок.

— Я знаю, — кивнул Роланд.

— Я пойду на это ради розы, — продолжил Эдди. — Роза — единственное, ради чего я готов рискнуть Сюзанной. Но, тем не менее, ты должен мне пообещать... если что-то пойдет не так... если у нее начнутся схватки или эта Миа попытается захватить контроль над телом, мы попытаемся ее спасти.

— Я бы при любых обстоятельствах попытался ее спасти, — ответил Роланд, и тут же перед его мысленным взором возникло кошмарное видение, лишь на мгновение, но такое ясное и четкое: Джейк, повисший над пропастью в горах.

— Ты в этом клянешься? — спросил Эдди.

— Да, — ответил Роланд, глядя в глаза Эдди. А мысленным взором видел падающего в

Они подошли к двери аккурат в тот момент, когда Каллагэн открыл ее, провожая подростков. И Роланд подумал, что никогда в жизни не видел таких красивых детей. Иссиня-черные волосы, у мальчика до плеч, у девочки, забранные белой лентой, до лопаток. Темно-синие глаза. Кремовая кожа, алые, чувственные губы. Россыпь веснушек по обе стороны переносицы. Насколько мог сказать Роланд, даже веснушки, и те были у них одинаковые. Они переводили взгляды с него на Эдди, потом на Сюзанну, которая стояла у дверях кухни, с посудным полотенцем в одной руке и кружкой для кофе в другой. На их лицах читалось любопытство и удивление. Роланд видел в их глазах осторожность, но не страх.

— Роланд, Эдди, я хочу познакомить вас с близнецами Тавери, Френком и Франсиной. Их привела Розалита... Тавери живут в полумиле отсюда. Карту вы получите во второй половине дня, и я сомневаюсь, что вы за всю свою жизнь видели что-то более прекрасное. И это лишь один из них талантов.

Близнецы Тавери получили хорошее воспитание. Френк поклонился, Франсина сделала реверанс.

— Помогите нам, и мы скажем вам спасибо, — улыбнулся им Роланд.

Абсолютно одинаковые пятна румянца зарделись на нежных щечках, близнецы пробормотали слова благодарности и попытались ускользнуть. Но, прежде чем им это удалось, Роланд обнял их за узкие, детские плечи и отвел на несколько шагов по дорожке. Его поразила не столько красота близнецов, как ум, которым светились их синие глаза. Он не сомневался, что они нарисуют достоверную карту; он не сомневался, что Каллагэн, посылая Розалиту за близнецами, хотел наглядно ему продемонстрировать (как будто в этом была необходимость): если ничего не предпринять, меньше чем через месяц один из этих красавцев превратится в идиота.

— Сэй? — теперь в голосе подростка слышалась тревога.

— Бояться меня не надо, — ответил Роланд, — но слушайте внимательно.

Каллагэн и Эдди наблюдали, как Роланд и близнецы Тавери медленно идут по дорожке к церкви. У обоих мелькнула одна и та же мысль: Роланд выглядел, как благодущный, любящий дедушка.

Сюзанна присоединилась к ним, какое-то время тоже смотрела на Роланда, потом дернула Эдди за рукав.

— Пошли со мной.

Он последовал за ней на кухню. Розалита ушла, так что они опять оказались вдвоем. Огромные карие глаза Сюзанны сверкали.

— И чего ты меня звала? — спросил он.

— Подними меня.

Он поднял.

— А теперь быстро целуй, пока есть такая возможность.

— Это все, что ты хочешь?

— А разве этого мало? Все лучше, чем ничего, мистер Дин.

Он поцеловал, и с желанием, но не мог не отметить, когда она прижалась к нему, сколь увеличились ее груди. Оторвавшись от Сюзанны, Эдди пристально всмотрелся в нее, ища в лице признаки другой. Той, что звала себя матерью на Высоком Слоге. Видел только Сюзанну, но понимал, что теперь обречен искать в ней Миа. И его взгляд то и дело устремлялся к ее животу. Пытался на него смотреть, но ничего не получалось. В голове мелькнул вопрос, а как изменятся теперь их отношения. Отвечать, даже обдумывать ответ на него определенно не хотелось.

— Так лучше? — спросил он.

— Гораздо, — она улыбнулась, но улыбка тут же поблекла. — Эдди? Что-то не так?

Теперь улыбнулся он, опять поцеловал ее.

— Если не считать того, что здесь я, скорее всего, и умру, в остальном полный порядок. Все прекрасно.

Лгал ли он ей раньше, Эдди не помнил, что полагал, что нет. А если и лгал, то не с такой уверенностью. Не так расчетливо.

И его это не радовало.

9

Десятью минутами позже, вооруженные кружками с кофе (и миской с облепихой), они вышли в маленький задний дворик дома Каллагэна. Стрелок поднял лицо к солнцу, наслаждаясь теплом его лучей. Затем повернулся к Каллагэну.

— Мы трое готовы выслушать твою историю, отец, если ты нам ее расскажешь. А потом, возможно, пройдем к твоей церкви и посмотрим, что ты там хранишь.

— Я хочу, чтобы вы его взяли, — ответил Каллагэн. — Он не осквернил церковь, такое невозможно, потому что Наша Госпожа чиста и непорочна. Но изменил многое. Даже при строительстве церкви я чувствовал, что ней живет душа Бога. Теперь нет. Это шар изгнал ее оттуда. Я хочу, чтобы вы забрали его.

Роланд уже открыл рот, хотел сказать, что волноваться ему не о чем, магический кристалл они заберут, но первой подала голос Сюзанна: «Роланд? Ты в порядке?»

Он повернулся к ней.

— Да, конечно. С чего ты решила, что нет?

— Ты постоянно поглаживаешь правое бедро.

Неужто он поглаживал? Похоже на то. Боль уже вернулась, несмотря на кошачье масло Розалиты и теплое солнце. Сухой скрут.

— Пустяки, — заверил он ее. — Ревматизм, ничего особенного.

Она с сомнением посмотрела на него, но вроде бы удовлетворилась таким объяснением. «Хорошенькое начало, — подумал Роланд. — По меньшей мере у двоих из нас появились секреты. Так продолжаться не может. Во всяком случае, долго».

Он повернулся к Каллагэну.

— Расскажи нам свою историю. Как у тебя появились шрамы, как ты сюда попал, как у тебя появился Черный Тринадцатый. Мы хотим услышать каждое слово.

— Да, — пробормотал Эдди.

— Каждое слово, — подтвердила Сюзанна.

Все трое смотрели на Каллагэна, Старика, миссионера, который разрешал звать себя отцом, но не священником. Его изуродованная правая рука поднялась ко лбу, погладила шрам.

— Во всем виновато спиртное. Теперь я в это верю. Не Бог, не дьяволы, не судьба, не

компания святых. Только спиртное, — он помолчал, задумавшись, потом улыбнулся. Роланд вспомнил Норта, жителя Талла, которого вернул из царства мертвых человек в черном. Норт улыбался точно так же. — Но, если Бог создал этот мир, тогда Он создал и спиртное. А значит, такова его воля.

«Ка», — подумал Роланд.

Каллагэн, молчал, потирая шрам-крест на лбу, собираясь с мыслями. А потом начал рассказывать свою историю.

Корень зла следовало искать в спиртном, именно к такому выводу он пришел, когда, наконец, бросил пить и сумел дать объективную оценку случившемуся. Теперь он не винил Бога, Сатану, травмирующие психику ребенка ссоры между его благословенной матушкой и его благословенным отцом. Только спиртное. И разве стоило удивляться, что виски крепко держал его за горло? Ирландец, священник, еще один страйк, и ты в ауте. ^[31]

По окончанию семинарии в Бостоне его направили в городской приход в Лоуэлл, штат Массачусетс. Прихожане любили его, но после семи лет в Лоуэлле Каллагэн начал испытывать внутренний дискомфорт. В разговоре с епископом Дугэном он объяснял этот дискомфорт очень правильными словами: недостаток сопереживания ближнему, ощущение увеличения разрыва с духовными потребностями прихожан. Перед тем, как войти в кабинет епископа, в туалете, он для храбрости глотнул виски (закусив парой мятных пастилок, чтобы от него не пахло спиртным), так что в тот день не мог пожаловаться на недостаток красноречия. Красноречие не всегда проистекает от веры, но очень часто — от бутылки. И он не лгал. Верил в то, что говорил тогда в кабинете Дугэна. В каждое слово. И он верил Фрейду, верил, что будущее за мессой на английском, верил, что война с бедностью Линдона Джонсона — богоугодное дело, а расширение войны во Вьетнаме — идиотизм: они уже утопи в трясине по пояс, а этот кретин полагал, что они идут правильным путем. Он верил в эти идеи (если все-таки речь шла о идеях, а не популярных темах для коктейль-пати), потому что тогда они высоко котировались на Интеллектуальной бирже. Социальное сознание в плюсе на два с половиной пункта, Здравоохранение и Жилое строительство в минусе на четверть, но они все равно оставались голубыми фишками. Потом все стало проще. Потом он начал понимать: он так много пьет не потому, что не может обрести душевный покой. Причина выдавалась за следствие. Он не мог обрести душевного покоя, потому что слишком много пил. Ему хотелось протестовать, сказать, что такого просто не может быть, такого и нет, это уж очень простое объяснение. Но было именно так. Глас Божий очень тихий, чириканье воробышка в реве урагана, как указывал пророк Исаия, и мы говорим, спасибо тебе. Трудно услышать тихий голос, если не отрываешься от бутылки. Каллагэн покинул Америку и отправился в мир Роланда до компьютерной революции, зато общество «Анонимных алкоголиков» и при нем работало в полную силу. На одном из собраний он как раз и услышал байку о том, что говнюк, который сел в самолет в Сан-Франциско и полетел на Восточное побережье, сойдет с трапа в Бостоне тем же говнюком. Разве что в его брюхе будет плескаться на четыре или пять стаканчиков виски больше. В 1964 г. его еще не оставила вера, и многие люди старались помочь ему отыскать путь истинный. Из Лоуэлла он отправился в Споффорд, штат Огайо, пригород Дейтона. Провел там пять лет, а потом вновь потерял покой. Само собой, вспомнил прежние аргументы. К которым прислушивались церковные иерархи. Которые позволяли перебраться на новое место. Недостаток сопереживания ближнему, ощущение увеличения разрыва с духовными потребностями прихожан (на этот раз жителей пригорода). Да, они любили его (и он их любил), но что-то мешало их единению. И действительно, что-то мешало, что-то вполне конкретное, которого хватало с лихвой как в баре на углу (там его тоже все любили), так и в шкафчике в гостиной дома приходского священника. Алкоголь, за исключением малых доз, яд, и Каллагэн травил себя каждый вечер. Именно яд, внесенный в организм, а не ситуация в мире или

состояние собственной души, сокрушили его. Всегда ли этот факт казался ему столь очевидным? Позже (на другом собрании «АА», он услышал фразу о том, что алкоголь и алкогольная зависимость — это слон в гостиной, и как можно его не заметить? Каллагэн ему ничего не сказал, на тот момент первые девяносто дней трезвости еще не закончились, а сие означало, что он должен сидеть тихо и молчать («Вынь вату из ушей и заткни ею рот», — советовали ветераны «АА», и мы говорим, спасибо вам), но он мог бы сказать ему, да, мог. Ты можешь не заметить слона, если он — волшебный слон, если он может, как Тень, туманить разум человека. Заставлять верить, что твои проблемы — духовные и психические, но никак не лежащие на дне бутылки. Господи Иисусе, даже бессонница, вызванная алкоголем, может свести человека с ума, но ведь когда пьешь, об этом как-то не думаешь. А с какой легкостью алкоголь лишает любого человеческого облика. Когда по трезвости вспоминаешь, что ты говорил и что делал, жуть берет («Я сидел в баре и решал мировые проблемы, а потом не смог найти на стоянке свой автомобиль», — вспоминал один мужчина на собрании, и мы все говорим, спасибо тебе). А уж твои мысли были и того хуже. Разве можно блевать все утро, а во второй половине дня твердо верить, что у тебя душевный кризис? Однако, он мог. И его начальники в это верили, потому что многие из них решали те же проблемы с волшебным слоном. Каллагэн начал думать, что маленькая церковь, приход в глубинке позволит ему вернуться к Богу и к себе. И весной 1969 года вновь оказался в Новой Англии. На этот раз, в северной части Новой Англии. Приехал со всеми своими пожитками, чемоданом, распятием, библией и ризой в милый, маленький городок Джерусалемс-Лот (или Салемс-Лот, как называли его местные жители). Где встретил настоящее зло. Заглянул ему в глаза.

И отступил.

2

— Ко мне пришел писатель, — продолжил Каллагэн. — Бен Мейерс.

— Думаю, я читал одну из его книг, — вставил Эдди. — Она называлась «Воздушный танец». О мужчине, которого повесили за убийство, совершенное его братом.

Каллагэн кивнул.

— Он самый. Там еще был учитель, Мэттью Берк, и они верили, что в Салемс-Лот действует вампир, из тех, что превращают в вампиров других людей.

— А разве есть другие? — спросил Эдди, вспоминая о доброй сотне фильмов, которые он видел в «Маджестике» и, может, тысяче комиксов, купленных (а иногда и украденных) в магазине «Далис».

— Есть, и мы до этого еще дойдем, но сейчас речь не об этом. Там был еще мальчик, который тоже верил в существование вампира. Примерно такого же возраста, как ваш Джейк. Они меня не убедили, поначалу, но сами не сомневались в собственной правоте. Опять же, что-то странное происходило в Салемс-Лот, тут двух мнений быть не могло. Люди исчезали. Атмосфера ужаса воцарилась в городе. Сейчас, сидя на солнышке, описать это невозможно, но так было. Мне пришлось отпевать другого мальчика. Дэниела Глика. Я сомневаюсь, что он стал первой жертвой вампира в Салемс-Лот, и уж точно не последней, но он был первым, кого мы нашли мертвым. И в день похорон Дэни Глика моя жизнь изменилась. И я говорю не только о том, что перестал каждодневно выпивать кварту виски. Что-то изменилось у меня в голове. Я это почувствовал. Будто кто-то щелкнул выключателем. И хотя я не пью уже многие годы, выключатель остается в том же положении.

Сюзанна подумала: «Именно тогда ты и ушел в Прыжок, отец Каллагэн».

Эдди подумал: «Именно тогда тебя ударило девятнадцатью, приятель. А может, девяносто девятью. А может, и тем, и другим».

Роланд просто слушал. Никаких ассоциаций у него в голове не возникало, он лишь набирал информацию.

— Писатель, Мейерс, влюбился в местную девушку, Сьюзен Нортон. Вампир взял ее. И потому, что ему представилась такая возможность, и потому, что хотел наказать Мейерса, который решился сформировать группу... ка-тет... и попытаться выследить его. Мы пошли в то место, которое купил вампир. Старый особняк, Дом Марстенов. А вампира звали Барлоу.

Каллагэн сидел, глубоко задумавшись, глядя сквозь них в далекое прошлое. Наконец, заговорил вновь.

— Барлоу удалось удрать, но оставил эту женщину. И письмо. Адресованное нам всем, но, прежде всего, мне. Увидев ее лежащей на полу в подвале Дома Марстенов, я понял, что все написанное там — правда. Врач, который был среди нас, послушал сердце, попытался измерить кровяное давление, чтобы убедиться, жива она или нет. Сердце не билось. Давление равнялось нулю. Но, когда Бен вогнал в нее кол, она ожила. Потекла кровь. Она кричала, снова и снова... Ее руки... Я запомнил тени от ее рук, мечущиеся по стене...

Эдди сжал руку Сюзанны. Они слушали, как зачарованные, одновременно веря и не веря услышанному. Вампиры — это не говорящий поезд, управляемый свихнувшимся компьютером, не мужчины и женщины, деградировавшие в дикарей. Вампиры, они куда ближе к невидимому демону, который обитал в том месте, где они «извлекали» Джейка. Или к стражу-привратнику на Голландском Холме.

— И что он написал тебе в письме, этот Барлоу? — спросил Роланд.

— Что моя вера слаба и за душой у меня ничего нет. И единственное, во что я действительно верю, так это спиртное. Я тогда этого еще не знал. А вот он — знал. Спиртное — это тот же вампир, а свой свояка, как известно, узнает издалека.

— Мальчик, который был с нами, не сомневался, что теперь этот король вампиров убьет его родителей или превратит их в вампиров. Чтобы отомстить. Мальчика поймали, но он сумел бежать и убил сообщника вампира, Стрэйкера.

Роланд кивнул, приходя к выводу, что этот мальчик все больше напоминает ему Джейка.

— Как его звали?

— Марк Петри. Я пришел с ним в его дом, вооруженный всеми орудиями, которыми снабдила меня церковь: крестом, епитрахилью, святой водой и, разумеется, Библией. Но пришел, видя в них только символы, и это было моей ахиллесовой пятой. Барлоу меня опередил. Убил родителей Марка, схватил его самого. Я поднял крест. Он засветился изнутри. Причинял вампиру боль. Эта тварь закричала, — Каллагэн улыбнулся, вспоминая этот вопль агонии. От его улыбки у Эдди заглохло сердце. — Я сказал, что уничтожу его, если он причинит вред Марку, и в тот момент мог это сделать. Он это знал. Ответил, что успеет перегрызть ему горло, прежде чем я шевельну пальцем. И он мог это сделать.

— Мексиканская ничья, — пробормотал Эдди, вспомнив день на берегу Западного моря, когда он и Роланд оказались в весьма схожей ситуации. — Мексиканская ничья, беби.

— И что произошло? — спросила Сюзанна.

Улыбка Каллагэна поблекла. Он потирал правую, в шрамах, руку, точно так же, как стрелок потирал бедро, не отдавая себе в этом отчет.

— Вампир сделал мне предложение. Он отпустит мальчишку, если я опущу крест. И мы сразимся без оружия. Его вера против моей. Я согласился. Господи, я согласился. Мальчик...

Мальчик исчезает, как исчезают круги от брошенного камня на темной воде.

Барлоу словно прибавляет в росте. Его волосы, зачесанные назад, по европейской моде, встают дыбом. Он в темном костюме и ярком, цвета красного вина галстуке, безукоризненно завязанном, и Каллагэну кажется, что костюм сливается с окружающей вампира тьмой. Родители Марка Петри лежат у его ног, мертвые, с размозженными черепами.

— Теперь твоя часть уговора, шаман.

Но с чего ему выполнять уговор? Почему не выгнать его, чтобы они разошлись, не выявив победителя? Или убить прямо сейчас? Но чем-то не нравится ему эта идея, ужасно не нравится, и он никак не может понять, чем именно. И умные слова, к которым он обращался в критические моменты, не помогают. Недостаток сопереживания, духовные различия с паствой не имеют никакого значения. Перед ним стоит вампир. И...

А его крест, который так ярко светился, начинает темнеть.

Страх раскаленной проволокой скручивает живот. Барлоу идет к нему через кухню Петри, и Каллагэн отчетливо видит клыки вампира, потому что Барлоу улыбается. Улыбкой победителя.

Каллагэн отступает на шаг. Потом на два. Наконец, его ягодицы касаются края стола, стол сдвигается с места, но вскоре упирается в стену. Отступить больше некуда.

— Печально наблюдать крушение веры человека, — говорит Барлоу и тянется к нему.

А чего ему не тянуться. Крест, который держит Каллагэн, полностью потух. Теперь это кусок гипса, дешевка, купленная его матерью в дублинской сувенирной лавчонке. Силы его, непосильным грузом давившей на руку и способной сокрушать стены, больше нет.

Барлоу вырывает крест из его пальцев. Каллагэн жалобно вскрикивает, криком ребенка, который внезапно осознает, что призрак-то настоящий, не плод его воображения, терпеливо дожидавшийся своего шанса. А потом раздается звук, который будет преследовать его до конца жизни, который будет слышаться ему и в Нью-Йорке, и на тайных хайвеях Америки, на собраниях «АА» в Топике, где он, наконец-то, бросил пить, и в Детройте, последней его остановке в том мире, и здесь, в Калья Брин Стерджис. Этот звук стоит у него в ушах, когда ему режут лоб и он ждет неминуемой смерти. Этот звук стоит у него в ушах, когда его убивают. Звук этот — два сухих щелчка, раздающиеся, когда Барлоу обламывает половинки перекладки, и глухой удар, падение обломков на пол. И он будет помнить нелепую мысль, которая мелькнула в голове, когда руки Барлоу ухватились за его плечи: «Господи, как же хочется выпить».

Каллагэн смотрел на Роланда, Эдди, Сюзанна и по его глазам они поняли: он вспоминает самый ужасный момент своей жизни.

— На собраниях «Анонимных алкоголиков» можно услышать много всяких и разных пословиц, выражений, слоганов. Один всегда вспоминается, стоит мне подумать о той ночи. О Барлоу, схватившего меня за плечи.

— Какой? — спросил Эдди.

— Будь осторожен, когда о чем-то просишь Бога, — ответил Каллагэн. — Потому что можешь и получить.

— То есть тебе дали выпить, — уточнил Роланд.
— О, да, — вздохнул Каллагэн. — Мне дали выпить.

5

Руки у Барлоу сильные, противостоять им невозможно. Он тянет Каллагэна к себе, и тот вдруг осознает, что сейчас произойдет. Его не убьют. Смерть — это счастье в сравнении с тем, что ему уготовано.

Нет, пожалуйста, нет, пытается он сказать, но ни слова не срывается с его губ, только короткий жалкий стон.

— Давай, священник, — шепчет вампир.

Рот Каллагэна прижат к вонючей коже холодной шеи вампира. Тут уж не до социальных проблем, этических или расовых последствий. Только запах смерти и вскрытая, пульсирующая вена, выплевывающая отравленную кровь Барлоу. Никакой потери связи с реальностью, никакой постмодернистской скорби о гибели американской системы ценностей, нет даже свойственного западному человеку религиозно-психологического чувства вины. Только желание навечно задержать дыхание или повернуть голову, а лучше бы, и то и другое. Не получается. Он не дышит целую вечность, кровь вампира, как краска, марает щеки, лоб, подбородок. Но тщетно. В конце концов, он делает то, что приходится делать всем алкоголикам, как только спиртное крепко берет их в оборот: он пьет.

Третий страйк. Ты вне игры.

6

— Мальчик убежал. Спасся. И меня Барлоу тоже отпустил. В моей смерти он не находил никакого смысла, понимаете. Вот и оставил меня в живых, себе на потеху.

— Больше часа я бродил по улицам города, который все больше напоминал кладбище. Вампиров первого типа немного, и это благо, потому что даже один такой вампир может много чего натворить за очень короткий период времени. Уже половина населения стали вампирами, а я был слишком слеп, слишком шокирован, чтобы осознать это. И никто из новых вампиров не приближался ко мне. Барлоу оставил на мне метку, точно так же, как Бог пометил Каина, прежде чем отправить в изгнание в землю Нод. Я принадлежал ему по праву и крови, как сказал бы ты, Роланд.

В переулке у «Аптеки Спенсера» был фонтанчик с питьевой водой, из тех, которые министерство здравоохранения запретило несколькими годами позже, но тогда ни один маленький городок не обходился без таких фонтанчика. Я смыл кровь Барлоу с лица и шеи. Постарался смыть и с волос. А потом пошел к церкви святого Андрея, моей церкви. Я решил вымолить у Бога второй шанс. Не у Бога теологов, которые верят, что все хорошее и плохое исходит из нас самих, но у старого Бога. Того самого, который говорил с Моисеем. Второй шанс, это все о чем я хотел попросить. Соглашался отдать за это жизнь.

Все ускорял шаг, так что к церкви не подошел — подбежал. В нее вели три двери. Я протянул руку к вредней. И тут же в глушителе какого-то автомобиля грянула обратная вспышка, раздался чей-то смех. Я отчетливо помню эти звуки. Потому что отсекли ту часть моей жизни, в которой я был священником римской католической церкви.

— А что случилось с тобой, сладенький? — спросила Сюзанна.

— Дверь отвергла меня, — ответил Каллагэн. — Когда я прикоснулся к металлической ручке, из нее ударила молния. Отбросила меня со ступенек на бетонный тротуар. И изувечила руку, — он поднял правую, всю в шрамах руку.

— И это? — Эдди указал на лоб Каллагэна.

— Нет, — ответил тот. — Это случилось позже. Я сумел поднялся. Еще побродил по городу, вернулся к «Аптеке Спенсера», только на этот раз вошел. Купил бинты, чтобы перевязать обожженную руку. И когда расплачивался, увидел плакат: «ПРОКАТИСЬ НА БОЛЬШОЙ СЕРОЙ СОБАКЕ».

— Он говорит про «Грейхаунд», сладенький, — пояснила Сюзанна Роланду. — Это национальная автобусная компания.

Роланд кивнул и посмотрел на Каллагэна, ожидая продолжения.

— Мисс Кугэн сказала мне, что следующий автобус направляется в Нью-Йорк, и я купил на него билет. Если б она сказала, что автобус идет в Джексонвилл или Ноум, или в Нот-Бургу в Южной Дакоте, поехал бы туда. Потому что мечтал только об одном: выбраться из этого чертова городка. Плевать я хотел на то, что люди умирали или их ждало что-то похуже смерти, пусть некоторые были моими друзьями, а другие — прихожанами. Я хотел выбраться оттуда. Можете вы это понять?

— Да, — без малейшего колебания ответил Роланд. — Очень даже можем.

Каллагэн встретился с ним взглядом, и увиденное в глазах стрелка, похоже, его обнадежило. Продолжал он уже спокойнее.

— Лоретта Кугэн была одной из городских старых дев. Я, должно быть, сильно напугал ее, потому что она попросила меня подождать автобуса на улице. Наконец, он подъехал. Я поднялся в салон и протянул водителю билет. Он оторвал свою половину и вернул мне мою. Я сел. Автобус тронулся с места. Мы проехали под мигающим желтым светофором в центре города, где закончилась первая миля. Первая миля дороги, которая привела меня сюда. Позже, где-то в половине пятого утра, за окном еще не рассвело, автобус остановился.

7

— Хартфорд, — говорит водитель. — Это Хартфорд, приятель. Стоянка двадцать минут. Хочешь выйти, съесть сэндвич или что-то еще?

Каллагэн перевязанной рукой достает из кармана бумажник и чуть не роняет его на пол. Во рту по-прежнему вкус смерти, неприятный, вкус гнилого яблока. Его надо чем-то смыть, этот вкус, если не удастся, хотя бы замазать, прикрыть, как прикрывают щербатый пол дешевым ковром.

Он вынимает из бумажника двадцатку, протягивает водителю.

— Не смогли бы вы купить мне бутылку?

— Мистер, инструкция...

— Сдачу, разумеется, оставьте себе. Пинты мне хватит.

— Я не хочу, чтобы мне заблевали автобус. В Нью-Йорке мы будем через два часа. Там и покупайте, что угодно, — водитель улыбается. — В этом городе есть все, знаете ли.

Каллагэн, он более не отец Каллагэн, огненный язык, вырвавшийся из дверной ручки, однозначное тому доказательство, добавляет к двадцатке десятку. Протягивает тридцать долларов. Вновь говорит, что ему хватит и пинты, а сдачи не надо. На этот раз водитель, он же не идиот, берет деньги.

— Но только не вздумай потом блевануть, — повторяет он. — Не хочу, чтобы мне

заблевали автобус.

Каллагэн кивает. Никакой блевотины, он это гарантирует. И в этот предрассветный час водитель идет в маленький торговый центр (продовольственный магазин — винный магазин — кафе быстрого обслуживания) при автостанции, работающий круглосуточно, о чем сообщают красные неоновые буквы вывески. В Америке существуют тайные хайвеи, хайвеи, недоступные глазу. Автостанция стоит на съезде, позволяющем попасть на эти неведомые дороги, и Каллагэн это чувствует. Об этом говорят ему бумажные стаканчики и смятые сигаретные пачки, которые ветер гонит по асфальту. Об этом шепчет табличка на бензонасосах, со словами: «ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА ОПЛАТА АВАНСОМ». На это указывает юноша-подросток на другой стороне улицы, в половину пятого утра сидящий на крыльце, положив голову на руки. Тайные хайвеи рядом и они шепчут: «Заходи, дружище. Здесь ты сможешь все позабыть, даже имя, которое привязали к тебе, когда ты был еще голым, орущим младенцем, перепачканным кровью матери. Они привязали к тебе имя, как привязывают пустую жестяную банку к хвосту собаки, не так ли? Но тебе больше нет нужды таскать его за собой. Заходи, заходи». Но он никуда не идет. Дождидается водителя автобуса, и скоро тот возвращается с пинтой «Олд лог кэбин» в бумажном пакете. Этот сорт виски Каллагэн знает очень хорошо, пинтовая бутылка стоит чуть больше двух долларов, что означает, что чаевые водителя — двадцать восемь долларов, плюс-минус четвертак. Неплохо. Но так принято в Америке, не так ли? Даешь много — получаешь чуть-чуть. Но, если «Олд лог кэбин» уберет этот отвратительный привкус изо рта, который донимает его куда больше, чем боль в обожженной руке, тогда тридцать баксов будут потрачены не зря. Черт, на это и сотни не жалко.

— И чтоб никакой блевотины, — какой уж раз предупреждает водитель. — Начнешь блевать, высажу прямо на автостраде. Клянусь богом, высажу.

К тому времени, когда «грейхаунд» въезжает в огромное здание автобусного терминала,^[32] Дон Каллагэн уже пьян. Но он не блюет. Тихонько сидит, пока не приходит время выйти из автобуса и влиться в человеческий поток, вяло текущий в шесть утра под холодным светом флуоресцентных ламп: наркоманы, таксисты, чистильщики обуви, девицы, готовые отсосать за десятку, подростки, одетые, как девушки, готовые отсосать за пятерку, копы с дубинками, торговцы наркотиками с транзисторными радиоприемниками, рабочие, приехавшие из Нью-Джерси. Каллагэн вливается в него, пьяный, но тихий; копы с дубинками не удостаивают его и взгляда. В Автобусном терминале пахнет сигаретным дымом и выхлопными газами. Урчат двигатели припаркованных автобусов. Все выглядят неприкаянными.

Под холодным светом флуоресцентных ламп все выглядят мертвяками.

«Нет, — думает Каллагэн, проходя под табличкой с надписью „Выход на улицу“. — Не мертвяками, это не так. Ходячими трупами».

— Ты побывал на многих войнах, не так ли? — Эдди пристально смотрел на Каллагэна. — Греческой, римской и вьетнамской.

Когда Старик начал свой рассказ, Эдди думал, что он будет достаточно коротким, а потому они смогут пойти в церковь и посмотреть, что же там хранится. Он не ожидал, что рассказ Старика тронет его за живое, не говоря уж о том, что потрясет, но именно так и произошло. Каллагэн знал такое, чего, по твердому убеждению Эдди, не мог знать никто: печаль бумажных стаканчиков, которые ветер тащит по асфальту, безнадежность надписей на бензонасосах, тоску

человеческого взгляда в предрассветный час.

— На войнах? Не знаю, — Каллагэн вздохнул, потом кивнул. — Да, пожалуй, побывал. Первый день я провел в кинотеатрах, первую ночь — в парке на Вашингтон-сквер. Увидел, как другие бездомные укрываются газетами, и сделал то же самое. И вот вам пример того, как изменилось для меня качество и уровень жизни. И перемены начались со дня похорон Дэнни Глика, — он повернулся к Эдди, улыбнулся. — И не волнуйся, сынок, я не собираюсь говорить целый день. Или даже утро.

— Ты просто продолжай и расскажи все, что считаешь нужным, — ответил Эдди.

Каллагэн рассмеялся.

— Я говорю, спасибо тебе. Ага, говорю тебе, большое спасибо. А собирался я рассказать, что накрыл голову верхней половиной «Дейли ньюс» и заголовком «БРАТЬЯ ГИТЛЕРЫ НАНОСЯТ УДАР В КУИНСЕ».

— Господи, Братья Гитлеры, — воскликнул Эдди. — Я их помню. Два недоумка. Они избивали... кого? Евреев? Черных?

— И тех, и других, — ответил Каллагэн. — И вырезали свастику на лбу. На моем вырезать до конца не успели. И это хорошо, потому что потом они не собирались ограничиться только избиванием. Но случилось это через несколько лет, когда я вновь приехал в Нью-Йорк.

— Свастика, — повторил Роланд. — Символ на самолете, который мы нашли около Речного Перекрестка? В котором сидел Дэвид Шустрый?

— Вот-вот, — кивнул Эдди и мыском сапога нарисовал свастику на траве. Трава практически тут же распрямилась, но Роланд успел заметить, что шрам на лбу Каллагэна действительно выглядел, как недорезанная свастика. Авторам не хватило лишь нескольких движений ножом.

— В тот день, в конце октября 1975 года, — продолжил Каллагэн, — Братья Гитлеры были лишь заголовком в газете, под которой я спал. Большую часть моего второго дня в Нью-Йорке я бродил по городу и боролся с желанием приложиться к бутылке. Какая-то моя часть хотела бороться, а не пить. Бороться и искупить свою вину. И одновременно я чувствовал, как кровь Барлоу делает свое черное дело, проникает все глубже и глубже. Мир пах иначе, и отнюдь не лучше. Мир выглядел иначе, и отнюдь не лучше. И вкус крови Барлоу вернулся мне в рот, вкусдохлой рыбы или прокисшего вина.

У меня не было надежды на спасение души. Об этом я и не думал. Но искупление содеянного и спасение души далеко не одно и то же. А напившись, я не мог ничего искупить. Я не считал себя алкоголиком, даже тогда, но, конечно, гадал, превратил он меня в вампира или нет. Начнет ли солнце жечь мне кожу, стану ли я поглядывать на шеи дам, — он пожал плечами, рассмеялся. — Или, возможно, господ. Вы же знаете, за кого многие держат священников. Они, мол, все, как один, геи, и горады лишь трясти крестом перед лицами людей.

— Но ты не вампир, — заметил Эдди.

— Даже не третьего типа. Просто меня вывалили в грязи. Только изнутри. От меня всегда будет нести вонью Барлоу и я буду видеть мир, каким видят его ему подобные, в оттенках серого и красного. Красный — единственный яркий цвет, который я мог различать долгие годы. Все остальные — в полутонах.

Наверное, я искал один из офисов «Менпауэр», вы знаете, компании, которая нанимает людей на один день. В те дни силы мне хватало, да и я был гораздо моложе.

— «Менпауэр» я не нашел, зато наткнулся на заведение, которое называлось «Дом». На углу Первой авеню и Сорок седьмой улицы, недалеко от здания ООН.

Роланд, Эдди и Сюзанна переглянулись. Чем бы ни был этот «Дом», находился он менее чем в двух кварталах от пустыря. «Только тогда никакого пустыря там не было, — подумал

Эдди. — В 1975. В семьдесят пятом там находился магазин деликатесов „Том и Джерри“, который специализировался на обслуживании различных торжеств». Он пожалел, что рядом нет Джейка. Парень просто подпрыгивал бы от волнения.

— А чем занимались в этом «Доме»? — спросил Роланд.

— Это не компания и не магазин. Ночлежка. Не могу сказать, что единственная на Манхэттене, но готов спорить, что одна из немногих. Я тогда практически ничего не знал о ночлежках, что-то слышал, когда служил в первом моем приходе, в Лоуэлле, но со временем значительно пополнил багаж знаний на сей предмет. Познакомился с системой с двух сторон. Бывали времена, когда я разливал суп в шесть вечера и раздавал в девять одеяла; а в другие времена я получал суп и спал под теми самыми одеялами. После проверки волос на отсутствие вшей.

Есть ночлежки, куда не пускают людей, от которых пахнет спиртным. А есть такие, куда тебя пустят, если ты скажешь, что последние два часа не брал в рот ни капли. Есть и такие, куда берут любого зассанного и засранного пьяницу, при условии, что общут у дверей и отберут выпивку. А после этого отправят в специальное помещение к таким же обитателям дна. Ты не сможешь уйти, если вдруг передумал, и ты ничем не удивишь своих соседей, если тебя вдруг начнет трясти или по углам будут мерещиться зеленые человечки. Женщин пускают далеко не во все ночлежки. Слишком велика опасность изнасилования. И это лишь одна из причин, по которым на улицах умирает больше бездомных женщин, чем мужчин. Так, во всяком случае, говорил Люп.

— Люп? — переспросил Эдди.

— Я до него еще доберусь, а пока ограничусь одним: он был идеологом алкогольной политики «Дома». В «Доме» под замком держали спиртное, а не пьяниц. Тебе могли налить стаканчик, если ты в нем нуждался, в обмен на обещание вести себя тихо. Плюс дать таблетку успокоительного. Медицина этого не рекомендует, вполне возможно, что такое сочетание считается вредным, ни Люп, ни Роуэн Магрудер врачами не были, но результата добивались. Я пришел трезвый, в этот вечер дел у них хватало, вот Люп сразу меня и запряг. Первую пару дней я работал бесплатно, а потом Роуэн пригласил меня в свой кабинет, размером с чулан для щеток. Спросил, не алкоголик ли я. Я ответил, что нет. Спросил, не разыскивает ли меня полиция. Я ответил, что нет. Спросил, не бегу ли я от кого-то. Я ответил, что да, бегу от себя. Спросил, не хочу ли я работать, и я заплакал. Он принял мои слезы за положительный ответ.

И следующие девять месяцев, до июня 1976 года, я работал в «Доме». Застилал кровати, готовил на кухне, собирал пожертвования вместе с Люпом, а иногда и Роуэном, в микроавтобусе «Дома» возил пьяниц на собрания «АА», наливал и давал выпить виски тем, у кого так тряслись руки, что они не могли удержать стакан. Вёл бухгалтерию, потому что разбирался в этом лучше Люпа, Магрудера и всех остальных, кто работал в «Доме». Эти дни не были самыми счастливыми в моей жизни, я не стану этого утверждать, вкус крови Барлоу оставался у меня во рту, но я заношу их скорее в актив, чем в пассив. Я ни о чем не думал. Не поднимал головы, делал то, о чем меня просили. Начал исцеляться.

А той зимой заметил, что со мной происходят перемены. У меня словно начало развиваться шестое чувство. Иногда я слышал какую-то мелодию, с колокольчиками. Ужасную, и при этом прекрасную. Иногда, когда я шел по улице, возникало ощущение, что сгущается тьма, хотя ярко светило солнце. Помнится, я даже смотрел вниз, чтобы убедиться, что моя тень на месте. Иной раз думал, что ее не будет, но она всегда оставалась со мной.

Члены ка-тета Роланда вновь переглянулись.

— Иногда одновременно с этими фугами появлялся резкий запах, злого лука и раскаленного металла. Я уже начал опасаться, не болен ли я какой-то формой эпилепсии.

— Ты обратился к врачу? — спросила Сюзанна.

— Нет. Я боялся того, что мог обнаружить врач. Поэтому по-прежнему не поднимал головы и продолжал работать. А потом, как-то вечером, пошел в кинотеатр на Таймс-сквер. Там показывали два вестерна с Клинтом Иствудом в главной роли. Из тех, что называли спагетти-вестернами.^[33] Помните?

— Само собой, — кивнул Эдди.

— И в голове опять зазвучала та мелодия. Колокола. И запах, лука и металла, еще сильнее ударил в нос. И источник находился впереди и слева. Я посмотрел туда и увидел двух мужчин, пожилого и молодого. Определить, что это они, труда не составило, потому что зал был на три четверти пуст. Молодой мужчина наклонился к пожилому. Пожилой не отрывал глаз от экрана, но обнял молодого за плечи. Если б я увидел такое в любой другой вечер, то мог бы сказать наверняка, что происходит, но не в этот вечер. Поэтому продолжал наблюдать. И увидел темно-синее сияние, сначала вокруг молодого человека, потом вокруг обоих мужчин. Такого раньше мне видеть не доводилось. Сияние это напоминало темноту, которую я иногда чувствовал на улице, когда в голове начинали звучать колокольца. А в нос бить запах. Ты вроде бы знал, что ничего этого нет, однако, все было. И я это понимал. Не принимал, это пришло позже, но понимал. Молодой человек был вампиром.

Он замолчал, думая о том, как продолжить. Как все изложить.

— Я верю, что в нашем мире действуют три вида вампиров. Я называю их первого, второго и третьего типов. Первый тип — большая редкость. Барлоу принадлежал к первому типу. Они живут очень долго и могут длительное время, пятьдесят, сто, двести лет, пребывать в летаргическом сне. А в активной фазе — создавать новых вампиров, тех, кого мы зовем живыми покойниками. Эти тоже способны создавать новых вампиров, но они далеко не такие хитрые и изобретательные, — он посмотрел на Эдди и Сюзанну. — Видели «Ночь оживших трупов»?

Сюзанна покачала головой. Эдди кивнул.

— В том фильме ожившие трупы — зомби, с полностью умершим мозгом. Вампиры второго типа более разумные, но не намного. Они не могут выходить из дома в дневные часы. Если пытаются, то слепнут, обгорают под солнечными лучами, гибнут. И хотя точно я сказать не могу, мне представляется, что долгая жизнь не для них. Не потому, что превращение из живого человека в живого покойника и вампира сокращает продолжительность жизни. Просто жизнь вампиров второго типа полна опасностей.

В большинстве случаев, в это я верю, пусть и не знаю наверняка, вампиры второго типа создают себе подобных на относительно небольшой территории. На этом этапе болезни, а это болезнь, вампир первого типа, король-вампир, обычно перебирается в другое место. В Салемс-Лоте они убили этого сукиного сына, возможно, их на всю Землю не больше десятка.

В остальных случаях вампиры второго типа создают вампиров третьего типа. Эти вампиры сродни москитам. Они не способны создавать новых вампиров, но они могут пить кровь. И пьют. Пьют.

— Они заражаются СПИДом? — спросил Эдди. — Ты понимаешь, о чем я, не так ли?

— Я понимаю, хотя впервые услышал этот термин весной 1983 года, когда работал в ночлежке «Маяк» в Детройте и мои дни в Америке подходили к концу. Разумеется, к тому времени мы уже не один год знали о существовании этой болезни. Знали, что в большей степени ей подвержены геи. В 1982 г. начали появляться газетные статьи о новой болезни, которой дали название «рак геев», с предупреждениями, что она может быть заразной. Я не верю, что вампиры умирают от нее, не верю, что она доставляет им какие-либо неудобства. Но они могут быть носителями вируса. И передавать его. О, да. У меня есть основания этому верить, — губы Каллагэна задрожали, потом сжались.

— Когда вампир-демон заставил тебя напиться его крови, он также дал тебе способность их видеть, — в голосе Роланда не слышалось вопросительных интонаций.

— Да.

— Всех или только третьего типа? Самых слабых?

— Самых слабых, — Каллагэн невесело рассмеялся. — Да. Именно так. Во всяком случае, всех, кого я видел после отъезда из Салемс-Лота, были третьего типа. Но, конечно, первый тип, вроде Барлоу, крайне редки, а второй тип долго не живет. Голод их выдает. А они всегда голодны. Вампиры третьего типа могут выходить в солнечный свет. И, в основном, питаются обычной пищей, как и мы.

— А что ты делал в тот вечер? — спросила Сюзанна. — В кинотеатре?

— Ничего, — ответил Каллагэн. — Все месяцы, проведенные в Нью-Йорке, во время моего первого приезда в Нью-Йорк, я ничего не делал. До самого апреля. Видите ли, у меня не было уверенности. То есть сердце-то верило, а вот моя голова отказывалась составить ему компанию. И еще один фактор: я был непьющим алкоголиком. Алкоголик — он тоже вампир, эта моя часть все сильнее мучилась от жажды, тогда как остальная пыталась отрицать мои сверхъестественные способности. Вот я и сказал себе, что видел в зале двух обнимающихся гомосексуалистов, ничего больше. А что касается остального, колокольца, запах, темно-синее сияние вокруг молодого мужчины... я убедил себя, что это симптомы эпилепсии или последствия того, что сделал со мной Барлоу, или и первое, и второе разом. И, разумеется, насчет Барлоу я не ошибался. Его кровь жила во мне. Она видела.

— Это еще не все, — подал голос Роланд.

Каллагэн повернулся к нему.

— На тебя воздействовал магический кристалл, отец. Он уже звал тебя из этого мира. Тот самый шар, который сейчас хранится в твоей церкви, хотя, подозреваю, ты познакомился с ним, когда церкви еще не было.

— Не было, — во взгляде Каллагэна, не отрывающегося от лица Роланда, читалось уважение. — Не было. Как ты узнал? Скажи мне, прошу тебя.

Роланд не сказал.

— Продолжай, — предложил он. — Что случилось с тобой потом?

— Потом случился Люп, — ответил Каллагэн.

Фамилия у него была Дельгадо.

Лишь на мгновение на лице Роланда отразилось изумление, широко раскрылись глаза, но Эдди и Сюзанна достаточно хорошо знали стрелка, чтобы решить, что для него такое проявление чувств — событие экстраординарное. С другой стороны, они уже привыкли ко всем этим совпадениям, которые, возможно совпадениями и не были, и чувствовали, что каждое из них — поворот на один зуб какой-то огромной шестерни.

Тридцатидвухлетний Люп Дельгадо, алкоголик, уже пять лет не бравший в рот ни капли спиртного, работал в «Доме» с 1974 года. Основал «Дом» Магрудер, но именно Дельгадо вдохнул в ночлежку настоящую жизнь, поставил перед ней реальные цели. Днем он работал в отделе технического обслуживания отеля «Плаза» на Пятой авеню. По вечерам спешил в «Дом». Он придумал и помогал реализовывать алкогольную политику «Дома», он первым встретил Каллагэна, когда тот переступил порог ночлежки.

— Первый раз я провел в Нью-Йорке чуть больше года, — продолжил Каллагэн, — но к

марту 1976 я... — он запнулся, стараясь облечь в слова то, что все трое уже прочитали на его лице. Кожа порозовела до такой степени, что крестообразный шрам казался на этом фоне неестественно белым. — Ну, ладно, полагаю, можно сказать, что к марту я в него влюбился. Тем самым стал гомосексуалистом? Педиком? Не знаю. Многие же говорят, что все священники — педики. Не проходит и месяца, чтобы в газетах не появилась статья о священнике, который запускает ручонки в штаны алтарных служек. Насчет себя могу сказать откровенно, у меня не было причин считать себя гомосексуалистом. Видит Бог, иной раз меня возбуждала красивая женская ножка, носил я сутану или нет, но никогда не приходила мысль о том, чтобы соблазнить алтарного служку. Да и ничего плотского между мной и Люпом не было. Но я любил его, и тут я говорю не о его уме, преданности делу, стремлению реализовать свои замыслы по части «Дома».

Каллагэн вновь замолчал, борясь с собой. Потом выпалил: «Боже, он был красавцем. Красавцем!»

— Так что с ним случилось? — спросил Роланд.

— Как-то в конце марта, одним снежным вечером, я вернулся в ночлежку. Народу набилось под завязку, так что покой нам только снился. Уже произошла драка и мы еще разбирались с ее последствиями. У одного парня начался приступ белой горячки, и Роуэн Магрудер увел его в свой кабинет, отпаивал кофе, сдобренным виски. Думаю, я говорил вам, что карцера в «Доме» не было. Наступило время ужина, чего там, они уже полчаса как наступило, но трое добровольцев, работавших на раздаче, не пришли, испугались плохой погоды. Гремело радио, две женщины танцевали. «Время кормежки в зоопарке», — как говаривал Люп.

— Я снимал пальто, направляясь на кухню, но меня остановил один парень, Френк Спинелли... спросил о рекомендательном письме, которое я обещал ему написать... подошла женщина, Лиза... фамилии не помню... она хотела помочь с одним из мероприятий «АА», «Составьте список тех, кому вы причинили боль»... потом юноша, который хотел найти работу, он немного умел читать, писать — нет... на плите начало что-то подгорать... полный бедлам. И мне это нравилось. Напоминало вихрь, который подхватывает тебя и несет. И вдруг посреди всего этого бедлама я замер. Колокольчиков не услышал, пахло только этим пьяным сукиным сыном да подгоревшей едой... а вот шею Люпа, как воротник, окружало свечение. И я увидел отметины. Очень маленькие. Прямо-таки точки.

Я не только остановился, видать, меня качнуло, потому что Люп поспешил ко мне. Вот тут я учуял запах, очень слабый, злого лука и раскаленного металла. Наверное, отключился на пару-тройку секунд, потому что мы вдвоем вдруг оказались в углу, рядом со шкафом, где держали материалы, связанные с «АА», и он спрашивал меня, когда я ел в последний раз. Знал, что иногда я забывал про еду.

Запах исчез. Синее свечение вокруг шеи исчезло. И маленькие точки, следы укусов, тоже исчезли. Но я их видел. И не имело смысла спрашивать, с кем он был, когда и где. Вампиры, даже третьего типа, а может, именно третьего типа, располагают средствами защиты. В их слюне, как и у пиявок, содержатся вещества, которые препятствуют свертыванию крови. Поэтому она льется потоком. Вещества эти обладают также анестезирующим эффектом, и, если ты не видишь, что эта тварь впилась в тебя, то и не догадываешься о том, что происходит. Слюна вампиров третьего типа вызывают у их жертв и краткосрочную амнезию.

Я как-то выкрутился. Сказал, что закружилась голова, свалил на то, что пришел с холода и из темноты, а попал в жару, яркий свет, шум. На какие-то мгновения потерял ориентацию. Он принял мое объяснение, но попросил меня не напрягаться. «Ты для нас слишком ценен, чтобы мы могли потерять тебя, Дон», — и тут он меня поцеловал. Сюда, — Каллагэн коснулся изуродованной рукой правой щеки. — Выходит, я солгал, говоря, что ничего плотского между

нами не было, не так ли? Один раз он меня поцеловал. Я до сих пор помню ощущения. Даже покаявания от его усов... здесь.

— Мне тебя очень жалко, — вырвалось у Сюзанны.

— Спасибо тебе, дорогая, — ответил он. — Если б вы знали, как дороги мне такие слова. До чего приятно встретить сочувствие человека из своего мира. То же самое, наверное, испытывает изгнанник, получив вдруг весточку из дома. То же чувство вызывает глоток родниковой воды у того, кому долгие годы приходилось ее из бутылок, — он наклонился вперед, взял ее руку в свои, улыбнулся. Эдди показалось, что улыбка какая-то натянутая, неискренняя, и внезапно у него возникла жуткая идея. А вдруг отец Каллагэн учуял запах едкого лука и горячего металла? Увидел синее сияние, не на шее, а вокруг живота, как пояс?

Эдди взглянул на Роланда, но помощи не получил. Лицо стрелка оставалось бесстрастным.

— У него был СПИД, не так ли? — спросил Эдди. — Какой-то гей, вампир третьего типа, укусил твоего приятеля и заразил его.

— Гей, — повторил Каллагэн. — Ты хочешь сказать мне, что это глупое слово... — он не договорил, покачал головой.

— Да, — ответил Эдди. — «Красные носки» не стали чемпионами, а гомики — это геи.

— Эдди! — воскликнула Сюзанна.

— Слушай, ты думаешь легко быть человеком, который покинул Нью-Йорк и забыл выключить свет? Будь уверена, нелегко. И, позволь мне сказать, меня не покидает ощущение, что и я отстал от жизни, — он повернулся к Каллагэну. — В любом случае, именно это с ним и случилось, не так ли?

— Думаю, да. Вы должны помнить, что я тогда многого не знал, а то, что знал, старался забыть. Очень старался. Первого вампира, первого «слабенького», я увидел в кинотеатре на неделе между Рождеством и Новым, 1976, Годом, — вновь с его губ сорвался смешок. — И теперь, вспоминая об этом, скажу, что кинотеатр назывался «Гейэти». ^[34] Разве это не удивительно? — он помолчал, в некотором недоумении оглядев лица стрелков. — Похоже, что нет. Вы вот совершенно не удивились.

— Совпадения отменены, сладенький, — объяснила Сюзанна. — Наша жизнь больше похожа на реальность, которую создавал в своих книгах Чарльз Диккенс.

— Я тебе не понял.

— И не надо, сладенький. Продолжай. Рассказывай свою историю.

Старику потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, на чем он остановился.

— Я встретил моего первого вампира третьего типа в конце декабря 1975 года. За те три месяца, которые прошли до того момента, как я увидел синее свечение вокруг шеи Люпа, я сталкивался еще с пятью или шестью. Только одного увидел с добычей. В одном из проулков Ист-Виллидж. Он, вампир, стоял вот так, — Каллагэн поднялся и продемонстрировал позу вампира, уперся ладонями в невидимую стену. — Второй мужчина, жертва, был между его рук, лицом к нему. Со стороны могло показаться, что они разговаривают. Целуются. Но я-то знал, знал, что происходит.

Другие... двоих я видел в ресторанах, они ели в одиночестве. Светились их руки, лица... свечение на губах напоминало размазанный черничный сок... И их укутывал запах злого лука, — Каллагэн коротко улыбнулся. — Я вдруг заметил, как схожи мои описания. Должно быть, потому, что я не стараюсь описать их конкретные черты, а наоборот, постоянно отмечаю общее. Пытаюсь понять. До сих пор пытаюсь понять, как мог существовать еще один мир, тайный мир, все время, рядом с тем миром, который я всегда знал.

«Роланд прав, — подумал Эдди. — Без воздействия Черного Тринадцатого тут не обошлось. Каллагэн этого не знает, но это так. Следует ли из этого, что он — один из нас? Часть нашего

ка-тета?»

— Я увидел одного в очереди в «Марин мидленд банк», где у «Дома» был свой счет. Днем. Я стоял к окошечку «Депозиты». Женщина — к окошечку «Снятие денег со счета». Свечение окутывало ее. Она заметила, что я смотрю на нее, и улыбнулась. Ничего не боясь. Флиртуя, — пауза. — Напекая на возможный секс.

— Ты их видел, потому что благодаря попавшей в тебя крови демона-вампира, — кивнул Роланд. — А они знали о тебе?

— Нет, — без запинки ответил Каллагэн. — Если б смогли засечь меня, вычислить, моя жизнь не стоила бы и цента. Я видел, что случилось с Люпом, знал, что он стал жертвой вампира. И они тоже это видели. Унюхивали. Возможно, слышали колокольца. Они метили свои жертвы, чтобы другие могли слететься на них, как мотыльки на свет. Или собаки, которым всегда хочется поссать один и тот же телеграфный столб.

Я уверен, что в тот мартовский вечер Люпа укусили впервые, потому что никогда раньше свечения вокруг его шеи не видел... или следов от укусов, которые могли показаться порезами от бритвы. Но потом его кусали многократно. Наверное, влиял и характер нашей работы, может, их притягивал наш контингент. Нравилась вампирам кровь, сдобренная алкоголем. Может, они от нее балдели. Кто знает?

В любом случае, именно из-за Люпа я впервые убил. Первого из многих. Произошло это в апреле...

10

Апрель, и в воздухе наконец-то запахло весной. Каллагэн в «Доме» с пяти часов, сначала заполняет чеки, чтобы оплатить полученные счета, потом идет на кухню. Готовит фирменное блюдо, которое называет жаркое из жаб с клецками. На самом деле в жаркое идет говядина, но ему нравятся колоритные названия.

Попутно он моет освобождающиеся большие металлические кастрюли, не потому, что в этом есть необходимость (на недостаток кухонной утвари, в отличие от многого, в «Доме» не жалуются), но так учила его мать: на кухне нельзя оставлять ничего грязного.

Одну из кастрюль несет к двери черного хода, прижимает к бедру, другой рукой поворачивает ручку. Выходит в проулок, с тем, чтобы вылить мыльную воду в канализационную решетку, и останавливается. Это зрелище он уже видел в Виллидж, но тогда двое мужчин (один — спиной к стене, второй — перед ним, наклонившись вперед, упираясь ладонями в кирпичи по обе стороны головы первого) воспринимались скорее как тени. Этих он видит совершенно отчетливо, в свете, падающем из дверного проема, и того мужчину, который стоит спиной к стене, вроде бы спит, склонив голову на бок, открывая шею, Каллагэн знает.

Это Люп.

И хотя, распахнув дверь, Каллагэн освещает эту часть проулка, да и не пытается скрыть свое появление, более того, напевает песню Лу Рида «Прогуляйся по диким местам», — парочка его не замечает. Оба в трансе. Мужчина, что стоит перед Люпом, выглядит лет на пятьдесят, в костюме, при галстуке. Рядом с ним, на брусчатке проулка, стоит дорогой брифкейс, какие продаются в бутике «Марк Кросс». Голова мужчины наклонена вперед. Открытые губы плотно прижаты к правой стороне шеи Люпа. Что там проходит? Яремная вена? Сонная артерия? Каллагэн не помнит, да и значения это не имеет. Колокольца на этот раз не звенят, но запах бьет с такой силой, что мгновенно начинают слезиться глаза, а из носа

потекло. Обоих мужчин окружает темно-синее свечение, и Каллагэн видит, как оно ритмично пульсирует. «Это их дыхание, — думает он. — Их дыхание вызывает эти пульсации. То есть свечение действительно существует».

Каллагэн слышит то ли чавканье, то ли сосание. Такие звуки обычно доносятся с экрана кинотеатра, когда мужчина и женщина страстно целуются.

После этого он уже не думает, действует на автомате. Ставит на крыльцо кастрюлю с мыльной, грязной водой. Металл гремит о бетон, но парочка у противоположной стены ничего не слышит: окружающий мир для них не существует. Каллагэн пятится на кухню. На разделочном столике лежит мясницкий тесак, которым он только что резал мясо для жаркого. Широкое лезвие поблескивает. Он видит в нем свое лицо и думает: «Что ж, по крайней мере я не вампир, мое отражение имеет место быть». А потом его пальцы сжимаются на обтянутой резиной рукоятке. Он возвращается на крыльцо. Переступает через кастрюлю с грязной, мыльной водой. Воздух теплый и влажный. Где-то капает вода. Где-то орет радио, оглашая окрестности песней «Кто-то сегодня спас мне жизнь». В воздухе столько влаги, что фонарь в дальнем конце проулка окружает нимб. В Нью-Йорке апрель, а в десяти футах от того места, где стоит Каллагэн, не так уж и давно рукоположенный священник католической церкви, вампир пьет кровь своей жертвы. Мужчины, в которого влюбился Доналд Каллагэн.

«Ты почти вонзила в меня свои коготки, не так ли, дорогая»? — поет Элтон Джон, и Каллагэн сходит с крыльца, поднимая тесак. А потом со всей силой опускает его на череп вампира. Половинки вампирова лица раскладываются как крылья. Он поднимает голову, как хищник, внезапно почувявший приближение другого зверя, более крупного и опасного, чем он сам. Мгновением позже сгибает колени, словно собираясь поднять с брусчатки брифкейс, потом решает, что сможет обойтись без него. Поворачивается и медленно идет к выходу из проулка. Навстречу голосу Элтона Джона, который поет: «Кто-то спас, кто-то спас, кто-то сегодня спас мне жизнь-з-знь!» Тесак по-прежнему торчит из черепа вампира. Рукоятка при каждом шаге мотается из стороны в сторону, как маленький хвост. Каллагэн видит и кровь, но совсем немного, не океан, как ожидал. В этот момент потрясение слишком велико, чтобы он мог над этим подумать, но позже он придет к выводу, что к выводу, что жидкой крови в вампирах самая малость. И жизнь в них поддерживает что-то более магическое, чем полезные вещества, которые кровь доставляет в самые дальние уголки тела. Большая часть их крови свернулась и по консистенции напоминает желток сваренного вкрутую яйца.

Тварь делает еще шаг, потом останавливается. Голова исчезает из поля зрения Каллагэна, потому что вампир резко наклоняется вперед. А потом, внезапно, одежда кучей надает на влажную мостовую проулка.

Словно во сне Каллагэн идет к груде одежды. Люп Дельгадо стоит, прижавшись спиной и затылком к стене, закрыв глаза, по-прежнему пребывая в трансе, в который ввел его вампир. Кровь маленькими струйками стекает по шее.

Каллагэн смотрит на одежду. Галстук завязан. Рубашка внутри пиджака, подол засунут в брюки. Он знает, что, расстегнув молнию, найдет в них трусы. Берется за рукав пиджака, чтобы убедиться, что он пуст не только по виду, но и на ощупь, и часы вампира вываливаются из рукава, падают на мостовую рядом с уже лежащим на ней перстнем, какие выдают выпускникам многих престижных университетов.

Видит Каллагэн и волосы. А также зубы, некоторые с пломбами. Это все, осталось от мистера Брифкейс-Марк-Кросса.

Каллагэн собирает одежду. Элтон Джон все поет «Кто-то сегодня спас мне жизнь», но, возможно, удивляться этому и не следует. Песня-то довольно длинная песня, на четыре

минуты, не меньше. Каллагэн надевает часы на свое запястье, перстень — на палец, чтобы они не потерялись. Заносит одежду в «Дом», проходя мимо Люпа, который так и не вышел из транса. Ранки на его шее становятся все меньше, затягиваются, исчезают.

На счастье Каллагэна кухня пуста. Слева дверь с табличкой «КЛАДОВАЯ». За ней — короткий коридор с нишами по обе стороны. Каждая ниша отделена от коридора металлической решетчатой дверью, запертой на крепкий замок. В одной нише — консервы. Во второй крупы. В нескольких — одежда. Рубашки, брюки, платья и юбки, пальто, для каждого вида одежды своя ниша. Есть ниши и для обуви, мужской и женской. В конце коридора — обшарпанный гардероб с надписью «СБОРНАЯ СОЛЯНКА». Каллагэн находит бумажник вампира и перекладывает в свой карман, поверх собственного бумажника. Карман заметно оттопыривается. Потом открывает ключом гардероб и бросает в него одежду вампира. Все легче, чем рассортировать ее, хотя он понимает, что кто-то обязательно будет ворчать, обнаружив в брюках трусы. В «Доме» использованное нижнее белье не берут.

— Мы, возможно, обслуживаем представителей самого дна, — как-то сказал Каллагэну Роуэн Магрудер, — но у нас есть свои правила.

Сейчас не до правил. Сейчас надо заняться волосами и зубами вампира. Его бумажником, перстнем, часами... и, Господи, брифкейс и туфли! Они же остались в проулке!

«Не смей скулить! — говорит он себе. — Его девяносто девять процентов исчезли, совсем, как монстр в последнем кадре фильма ужасов. Пока Бог был с тобой, я думаю, это Бог, так что не смей скулить!»

Он и не скулит. Собирает волосы, зубы, берет брифкейс, несет в дальний конец проулка, плюхая по лужам, перебрасывает через ограду. После короткого размышления отправляет следом часы, бумажник и перстень. Последний поначалу не хочет сниматься, Каллагэна уже охватывает паника, но перстень соскальзывает с пальца и отправляется за ограду. Кто-нибудь подберет. В конце концов, это Нью-Йорк. Он возвращается к Люпу и видит туфли. Слишком хорошие, чтобы их выбрасывать. Кто-нибудь сможет их поносить. С туфлями возвращается на кухню. Стоит перед плитой, держа их в правой руке, подвешенными на двух пальцах, когда из проулка на кухню заходит Люп.

— Дон? — голос у него чуть осипший, как у человека, который крепко спал и только что проснулся. В нем слышится легкое удивление. Он указывает на подвешенные на пальцах Каллагэна туфли. — Ты собираешься положить их в жаркое?

— Вкус они бы улучшили, это точно, — отвечает Каллагэн. Он изумлен спокойствием собственного голоса. А его сердце! Как ровно оно бьется. От шестидесяти до семидесяти ударов в минуту, — но я хочу отнести их в кладовую. Кто-то оставил их на заднем крыльце. А ты чего там делал?

Люп улыбается. Улыбка ему к лицу, он становится еще прекраснее.

— Постоял там, покурил, — отвечает он. — Такая хорошая погода, что не хочется заходить под крышу. Разве ты меня не видел?

— Видел, конечно, — ответил Каллагэн. — Но ты с головой ушел в свои мысли, вот я и не стал окликать тебя. Открой мне, пожалуйста, кладовую.

Люп проходит в короткий коридор, открывает замок на решетчатой двери соответствующей ниши.

— Хорошие туфли, — говорит он. — «Бэлли». — С чего это кто-то решил оставить пару туфель «Бэлли» пьяницам?

— Наверное, эти туфли чем-то не угодили хозяину, — отвечает Каллагэн. Он слышит колокольца, их сладостную и вгоняющую в ужас мелодию, и скрипит зубами. Окружающий мир вдруг начинает мерцать. «Только не сейчас, — думает он. — Пожалуйста, только не сейчас».

Это не молитва, в Нью-Йорке он молится мало, но, возможно, кто-то слышит его, потому что звон исчезает. Вместе с мерцанием. Из другой комнаты кто-то громко вопрошает, когда же, наконец, подадут ужин. Кто-то ругается. Все, как всегда. А вот ему хочется выпить. Тоже обычное дело, но сейчас очень уж хочется, нестерпимо. Он не может не думать о том, как его пальцы сжимали обтянутую резиной рукоятку тесака. О весе тесака. О звуке, с которым тесак развалил голову вампира. И прежний вкус опять во рту. Мертвый вкус крови Барлоу. И слова. Что сказал ему Барлоу на кухне дома Петри, перед тем, как сломал крест, подаренный ему матерью? «Печально наблюдать крушение веры»?

«Этим вечером я пойду на собрание „АА“», — думает он, надевая резинку на туфли «Бэлли» и бросая их в кучу обуви. Иногда они помогают. Он никогда не говорит: «Я — Дон и я алкоголик», — но иногда эти собрания помогают.

Люп стоит к нему вплотную и, обернувшись, Каллагэн от неожиданности ахает.

— Ты чего такой пугливый? — Люп смеется. Рассеянно почесывает шею. Следы от прокусов еще есть, но к утру они исчезнут. Однако, Каллагэн знает, вампиры что-то видят. Что-то чувствуют. В общем, могут вычислить таких, как Люп.

— Послушай, — говорит он Люпу, — я вот думаю, а не уехать ли из города на неделю или две. Развеемся. Отчего бы нам не поехать вместе? Побудем на природе. Порыбачим.

— Не могу, — отвечает Люп. — В отеле мне отпуск положен только в июне, а кроме того, здесь работать некому. Но, если ты хочешь уехать, с Роуэном я все улажу. Нет проблем, — Люп пристально смотрит на него. — Похоже, отдых пойдет тебе на пользу. Ты выглядишь уставшим. И ты такой нервный.

— Нет, то всего лишь мысли вслух, — качает головой Каллагэн. Никуда он, конечно, не поедет. Если останется, сможет приглядывать за Люпом, оберегать его. И теперь он кое-что знает. Убивать их не труднее, чем давить клопов на стене. И после них мало чего остается. А с Люпом все будет в порядке. Вампиры третьего типа, вроде мистера Марк-Кросс-Брифкейса не убивают свои жертвы, даже не изменяют их, не превращают в вампиров. По крайней мере, он этого не заметил. И он всегда будет начеку, это ему по силам. Будет на страже. Попытается хотя бы этим искупить содеянное в Салемс-Лоте. И у Люпа все будет хорошо.

11

— Да только с Люпом ты ошибся, — Роланд свернул сигарету из крошек, которые wygrеб со дна кисета. Табак больше напоминал пыль.

— Да, — согласился Каллагэн. — Ошибся. Роланд, сигаретной бумаги у меня нет, но вот с табаком могу помочь. В доме есть хороший табак, с юга. Мне он без надобности, но Розалита по вечерам иногда выкуривает трубку.

— Позже я с удовольствием возьму его и скажу, спасибо тебе, — ответил Роланд. — Впрочем, табака мне недостает куда как меньше, чем кофе. Заканчивай свою историю. Ничего не упускай, я думаю, мы должны услышать все, это важно, но...

— Я знаю. Времени в обрез.

— Да, — кивнул Роланд. — Времени в обрез.

— Тогда скажу сразу, мой друг подхватил эту болезнь... СПИД, так в результате ее называли? — он посмотрел на Эдди, тот кивнул. — Ясно. Наверное, нормальное название, не хуже других. Вы, возможно, знаете, что эта болезнь может долго не давать о себе знать, но с моим другом все вышло иначе. Она буквально сожрала его. К середине мая 1976 года Люп Дельгадо уже одной ногой стоял в могиле. Стал бледным, как смерть. Практически постоянно

температурил. Иной раз всю ночь проводил в над унитазом: его рвало. Роуэн запретил бы ему появляться на кухне, но такой необходимости не возникло: Люп сам себе это запретил. А потом появились язвы.

— Они называются саркомой Капоши, — вставил Эдди. — Кожная болезнь. Уродует человека и вызывает страшную боль.

Каллагэн кивнул.

— Через три недели после того, как появились язвы, Люп оказался в Центральной больнице Нью-Йорка. Роуэн Магрудер и я пришли к нему как-то вечером, в конце июня. До этого мы говорили друг другу, что он выкарабкается, поправится, что он молодой и крепкий. Но в тот вечер, едва переступив порог палаты, мы поняли, что его дни сочтены. Он лежал в кислородной палатке. К рукам тянулись шланги капельниц. Боль ни на секунду не отпускала его. Он не хотел, чтобы мы подошли близко, опасаясь, что его болезнь заразная. И сказал нам, что никто не знает, чем же он болен.

— Отчего болезнь вызывала еще больший страх, — вставила Сюзанна.

— Да. По его словам, врачи считали, что это болезнь крови, вызванная гомосексуальными контактами, а может, использованием одной иглы с другими наркоманами. Но он хотел, чтобы мы знали, говорил нам снова и снова, что к наркотикам он не прикасался, анализы это подтвердили. «Не прикасался с 1970, — повторял он. — Ни к таблеткам, ни к травке. Клянусь Богом». Мы сказали ему, что и так об этом знаем. Сели на кровать с обеих сторон, взяли его за руки.

Каллагэн шумно сглотнул слюну.

— Наши руки... он заставил нас вымыть руки перед уходом. На всякий случай. И поблагодарил за то, что мы его навестили. «Дом», сказал он Роуэну, это лучшее, что у него было в жизни. Потому что там он действительно обрел дом.

— Никогда раньше мне не хотелось так выпить, как в тот вечер, когда мы вышли из Центральной больницы. Слава Богу, Магрудер был рядом, поэтому мы вместе проходили мимо баров. В тот вечер я улегся спать трезвым, но зная, что долго не удержусь. Именно первый стакан превращает тебя в пьяницу, так говорили на собраниях «Анонимных Алкоголиков», и меня от моего первого стакана уже отделяло совсем ничего. Где-то бармен уже ждал меня, чтобы наполнить его.

Через два дня Люп умер.

На похороны собралось человек триста, практически все они какое-то время провели в «Доме». Слезы лились рукой, произносились трогательные речи, в том числе и людьми, которые не смогли бы пройти по прямой, вычерченной мелом. Когда все закончилось, Магрудер взял меня за руку.

— Я не знаю, кто ты, Дон, но мне доподлинно известно, что ты — хороший человек и запойный пьяница, который не прикасался к спиртному... как давно?

Я подумал о том, чтобы как-то уйти от прямого ответа, но на это потребовались бы слишком большие усилия.

— С прошлого октября.

— Сейчас тебе хочется выпить. Это написано на твоем лице. И вот что я тебе скажу: если ты думаешь, что, пропустив стаканчик, ты сможешь оживить Люпа, я тебе разрешаю. Более того, найди меня, мы вместе пойдем в «Бларни стоун»^[35] и сначала пропьем все, что у меня в бумажнике. Лады?

— Лады.

— Если ты напьешься сегодня, это будет самым худшим, что можно сделать, самым большим надругательством над памятью Люпа. Все равно, что помочиться на его мертвое лицо.

— Он был прав, и я это знал. Остаток этого дня провел так же, как и мой второй день в Нью-Йорке, бродил по городу, боролся с отвратительным вкусом во рту, боролся с желанием купить бутылку и устроиться в парке на лавочке. Я помню, как шел по Бродвею, по Десятой авеню. Потом оказался на Парк-авеню, в районе Тридцатых улиц. Уже начало темнеть, в обоих направлениях автомобили ехали по Парк-авеню с включенными фарами. На западе небо окрасилось в оранжевые и розовые тона. Улицы купались в этом великолепном предзакатном свете.

Я вдруг ощутил умиротворенность и подумал: «Я выиграю. Сегодня, по крайней мере, я выиграю». — И вот тут в голове зазвенели колокольца. Громче, чем всегда. Я почувствовал, что голова у меня разрывается. Парк-авеню замерцала передо мной и я подумал: «Боже, а ведь она нереальная. Парк-авеню нереальная, и все остальное тоже. Гигантская декорация. Весь Нью-Йорк — рисунок на заднике, а что находится за ним? Да ничего. Абсолютно ничего. Одна лишь темнота».

Потом ощущение реальности вернулось. Мелодия в голове начала утихать... утихать... смолкла. Я зашагал дальше, очень медленно. Как человек, идущий по тонкому льду. Боялся, что вывалюсь из этого мира, если надавлю на тротуар сильнее, и окажусь в темноте. Я знал, что все это какой-то бред, тогда я это знал, но знания не всегда помогают, не так ли?

— Не всегда, — Эдди вспомнил о тех днях, когда баловался героином в компании Генри.

— Не всегда, — согласилась Сюзанна.

— Не всегда, — кивнул Роланд, подумав о Иерихонском Холме. Подумав об упавшем на землю роге.

— Я прошел один квартал, потом два, три. Опять начал думать о том, что все будет хорошо. Да, я ощущаю во рту дурной вкус, да, я могу видеть вампиров третьего типа, но я к этому приспособлюсь. Особенно, с учетом того, что вампиры третьего типа не засекают меня. Я их видел, они меня — нет, словно мы находились по разные стороны стекла, которое пропускает свет только в одну сторону. Но в тот вечер я увидел кое-что похуже, гораздо хуже, чем эти вампиры.

— Ты увидел того, кто действительно умер, — сказала Сюзанна.

Каллагэн повернулся к ней. На лице читалось крайнее изумление.

— Как... как ты...

— Я знаю, потому что побывала в Нью-Йорке посредством Прыжка, — ответила Сюзанна. — Мы все побывали. Роланд говорит, что это люди, которые или не знают, что они умерли, или отказываются с этим смириться. Они. Как ты их называл Роланд?

— Бродячие мертвяки, — ответил Роланд. — Их немного.

— Но и немало, — Каллагэн вздохнул, — они знали, что я их вижу. На Парк-авеню мужчина без глаз и женщина правых руки и ноги, с обожженным телом смотрели на меня так, будто думали, что я могу... ну, не знаю, вернуть им жизнь.

Я побежал. Бежал долго, потому что пришел в себя на углу Второй авеню и Девятнадцатой улицы, сидел на бордюрном камне, опустив голову, тяжело дыша.

Какой-то старичок подошел, спросил, все ли со мной в порядке. К тому времени я уже успел отдышаться и ответил, что да. Он сказал, что в таком случае мне бы лучше подняться. Менее чем в двух кварталах патрульная машина, она приближается к нам и меня могут загрести, если увидят сидящим на бордюрном камне. Я посмотрел старику в глаза и ответил: «Я видел вампиров. Даже убил одного. Я видел ходящие трупы. И вы думаете, что меня испугают два копа в патрульной машине?»

Он попятился. Предложил мне держаться от него подальше. Сказал, что хотел лишь оказать мне услугу и вот, мол, что он за это получил. «В Нью-Йорке, — воскликнул он, — ни одно

доброе дело не остается безнаказанным», — и, разъяренный, потопал прочь.

Я расхохотался. Встал, оглядел себя. Рубашка вылезла из брюк. Сами брюки к какой-то краске. Я, конечно, понятия не имел, где успел в нее вляпаться. Я огляделся и, спасибо всем святым и грешникам, увидел, что совсем рядом бар «Американо» Потом я выяснил, что в Нью-Йорке их несколько, но тогда решил, что он перенесся сюда из сороковых годов, что спасти мне жизнь. Я вошел, сел на стул в конце стойки, а когда подошел бармен, сказал: «Ты для меня кое-что припас».

— Неужто, приятель? — спросил он.

— Да, — кивнул я.

— Тогда скажи, что именно, и я принесу.

— «Бушмиллс», ^[36] — ответил я, — а поскольку ты держишь его для меня с прошлого октября, почему бы тебе сразу не налить двойную порцию.

Эдди передернуло.

— Плохая идея.

— В тот момент мне казалось, что это лучшая идея всех времен и народов. Я мог забыть Люпа, перестать видеть мертвяков, возможно, даже перестать видеть вампиров... москитов в образе человеческого.

— К восьми вечера я напился. К девяти сильно напился. К десяти нализался до чертиков. Смутно помнил, как бармен вышвыривает меня за дверь. Наутро проснулся на скамейке в парке, под газетным одеялом.

— Возвращение в исходную точку, — пробормотала Сюзанна.

— Ага, леди, возвращение в исходную точку, ты права, и я говорю, спасибо тебе. Я сел. Подумал, что моя голова сейчас расколется. Опустил ее между колен, а поскольку она не взорвалась, вновь поднял. Старуха сидела на скамье в двадцати ярдах от меня, обычная старуха, в платке на голове, кормила воробышков из бумажного пакета с орешками. Только синий свет гулял по ее щекам и лбу, вырывался изо рта и прятался в нем при, соответственно, выдохах и вдохах. Одна из них. Москит. Ходящие трупы исчезли, но я по-прежнему мог видеть вампиров третьего типа.

Вроде бы опять следовало напиться, но возникла одна маленькая проблема: отсутствие денег. Пока я спал под газетами, кто-то обчистил мои карманы, так что в бар путь мне был заказан, — Каллагэн улыбнулся. Криво, невесело.

— В тот день я нашел «Менпауэр». Нашел и на следующий день, и днем позже. Потом напился. Так и пошло. Три дня я работал трезвым, обычно разнорабочим на стройке или грузчиком на складе какой-нибудь большой компании, потом напивался до поросячьего визга, а следующий день приходил в себя. После чего цикл повторялся. Все лето 1976 года, которое я провел в Нью-Йорке. И везде, куда бы я ни пошел, мне слышалась песня Элтона Джона «Кто-то сегодня спас мне жизнь». Не знаю, была она популярна в то лето или нет, но я слышал ее везде. Однажды работал пять дней подряд в «Коури муверс». Пять дней без выпивки — то был мой июльский рекорд. На пятый день бригадир подошел ко мне и спросил, не хочу ли я работать у них постоянно.

— Не могу, — ответил я. — В моем контракте с «Менпауэр» черным по белому записано, что я целый месяц не могу поступать на постоянную работу в другую компанию.

— Да брось ты, — отмахнулся он. — Все плюют на это дерьмо. И знаешь, что я тебе скажу, Донни? Ты — хороший парень. И мне представляется, что ты можешь не только затаскивать мебель в фургон. Как насчет того, чтобы подумать об этом вечером?

— Я подумал, а размышления, как обычно в то лето, привели к выпивке. Так что я оказался в каком-то маленьком баре неподалеку от «Эмпайр-Стейт-Билдинг», потягивал виски и слушал

Элтона Джона: «Ты почти вонзила в меня свои коготки, не так ли, дорогая?» А когда оклемался, обратился в другую компанию, где людей тоже нанимали на один день, но никогда не слышали о гребаной «Коури муверс».

Слово «гребаной» Каллагэн буквально выплюнул, что свойственно людям, которые крайне редко прибегают к ругательствам.

— Ты пил, ты бродил по городу, ты работал, — кивнул Роланд. — Но в то лето ты занимался и еще одним делом, не так ли?

— Да. Но мне потребовалось какое-то время, прежде чем я им занялся. Я несколько раз видел их, женщина, кормившая воробьев, была первой, но они ничего такого не делали. То есть я знал, кто они, но еще не мог пойти на хладнокровное убийство. А потом, как-то вечером в Бэттери-Парк, ^[37] увидел, как один кормится. К тому времени у меня в кармане уже лежал складной нож, который я всюду носил с собой. Я подошел к нему сзади, он продолжать жадно сосать кровь, и ударил четыре раза, в почку, между ребрами, в спину и шею. В последний удар вложил всю силу. Острие ножа вышло из адамова яблока. С хрустом.

Каллагэн говорил очень буднично, но от лица отхлынула кровь, оно стала белым, как полотно.

— Потом произошло тоже самое, что и в проулке за «Домом»: парень исчез, одежда осталась. Я это ожидал, но не мог знать наверняка, будет все как в прошлый раз или нет.

— Одного раза недостаточно, — пробормотала Сюзанна.

Каллагэн кивнул.

— В тот раз жертвой был юноша лет пятнадцати, пуэрториканец, может, доминиканец. Между ног у него стоял транзисторный приемник. Какая звучала музыка, не помню. Возможно, «Кто-то сегодня спас мне жизнь». Прошло пять минут. Я уже собрался щелкнуть пальцами у него под носом или похлопать по щекам, когда он моргнул, покачнулся, тряхнул головой и пришел в себя. Увидел меня, стоящего перед ним, и первым делом схватился за свой транзистор. Прижал к груди, как ребенка. «Что тебе нужно?» — спросил он. Я ответил, что мне ничего не нужно, совершенно ничего, но меня заинтересовала лежащая перед ним одежда. Юноша посмотрел вниз, присел, начал рыться в карманах. Я решил, что рыться он будет долго, и ушел, не опасаясь, что он побежит за мной. Вот так я убил второго вампира. С третьем проблем уже не возникло. С четвертым тем более. К концу августа я довел счет до шести. Шестой стала женщина, которую я видел в «Марин мидленд банк». Получается, что Нью-Йорк — маленький мир, не так ли?

Очень часто я приходил на угол Первой-авеню и Сорок седьмой улицы и стоял перед «Домом». Иногда появлялся там ближе к вечеру, когда пьяницы и бездомные стекались к обеду. Случалось, что Роуэн выходил и беседовал с ними. Сам он не курил, но всегда носил в кармане пару пачек и раздавал пьяницам, пока сигареты не заканчивались. Я не пытался прятаться от него, а он, если и замечал меня, то не подавал виду.

— Должно быть, ты к тому времени изменился, — заметил Эдди.

Каллагэн кивнул.

— Волосы у меня отросли до плеч и поседели. Появилась борода. И уж конечно, я более не следил за одеждой. Половина доставалась мне от вампиров. Одним из них был велосипедист-курьер. Так что я носил его сапоги. Конечно, не туфли «Бэлли», но почти новые и моего размера. Очень прочные. Они до сих пор у меня, — он мотнул головой в сторону дома. — Но я не думаю, что все это помешало бы ему узнать меня. Имея дело с алкоголиками, наркоманами и бездомными, которые лишь одной ногой в реальности, а второй-то — в Сумеречной зоне, привыкаешь к тому, что люди сильно меняются, и обычно не в лучшую сторону. Учишься видеть, кто скрывается под новыми синяками и слоями грязи. Я думаю, что дело в следующем: я

стал одним из тех, кого ты, Роланд, называешь бродячими мертвяками. Невидимым для мира. Но мне представляется, что эти люди... эти бывшие люди, накрепко привязаны к Нью-Йорку...

— Они не уходят далеко, — согласился Роланд. Самокрутку он давно докурил. Ломкой бумаги и табачных крошек хватило на две затяжки. — Призраки всегда обитают в одном доме.

— Разумеется, в одном, бедняжки. А мне хотелось уехать. Каждый день солнце садилось чуть раньше, и каждый день я чувствовал, что зов тех дорог, тех тайных хайвеев, становится чуть сильнее. Частично, причину следовало искать в знаменитом географическом методе лечения жизненных проблем. Наверное, я уже убедил себя, что он мне поможет. Совершенно нелогичная, но мощная вера в то, что переезд все изменит в лучшую сторону. Частично в надежде, что в другом месте, более открытом месте, больше не придется иметь дело ни с вампирами, ни с ходящими трупами. Но был и еще один момент. Ну... пожалуй, решающий, — Каллагэн улыбнулся, точнее, чуть растянул губы, обнажив десны. — Кто-то начал на меня охотиться.

— Вампиры, — догадался Эдди.

— Д-да... — Каллагэн прикусил губу, потом повторил, более уверенно. — Да. Но не просто вампиры. Это предположение представлялось наиболее логичным, но было не совсем верным. По крайней мере, я знал, что это не мертвяки. Они могли меня видеть, но плевать на меня хотели, может, только надеялись, что я могу вернуть их в мир живых. Вампиры третьего типа меня засечь не могли, я это вам уже говорил, уж тем более догадаться, что именно я на них охочусь. Осмотрительностью, памятью на лица, они не отличались, в какой-то степени и им была свойственна амнезия, которая возникала у их жертв.

Впервые я понял, что мне грозит опасность, в одну из ночей, которую проводил в парке на Вашингтон-сквер, незадолго до того, как убил женщину из банка. Парк стал для меня домом, и не только для меня. Летом он превращался в общежитие под открытым небом. У меня даже появилась любимая скамья, хотя мне и не удавалось занимать ее каждую ночь... я и подходил к ней не каждую ночь.

В тот вечер, душный, с далекими раскатами грома, с зарницами, чувствовалось, что гроза может докатиться и до Нью-Йорка, я появился в парке около восьми вечера. С бутылкой в бумажном пакете и книгой Эзры Паунда «Кантос». Направлялся к своей скамье, когда увидел на спинке соседней надпись, нанесенную спреем: «ОН ПРИХОДИТ СЮДА, У НЕГО ОБОЖЖЕНА РУКА».

— Господи, — прошептала Сюзанна.

— Я тут же ушел из парка и провел ночь в проулке в двадцати кварталах от него. Я нисколько не сомневался, что в этой надписи речь шла обо мне. Через два вечера я снова увидел ту же надпись, на тротуаре около бара на Лексингтон-авеню, где я часто пропускал стаканчик, а иногда съедал сэндвич. На этот раз ее сделали мелом на асфальте, и подошвы прохожих практически стерли ее, но я все-таки сумел прочитать: «ОН ПРИХОДИТ СЮДА, У НЕГО ОБОЖЖЕНА РУКА». А вокруг роились кометы и звезды, словно автор хотел замаскировать надпись. В квартале от бара, на знаке «Стоянка запрещена», черным маркером написали: «ВОЛОСЫ У НЕГО В ОСНОВНОМ СЕДЫЕ». Наутро я увидел надпись на борту автобуса: «ВОЗМОЖНО, ЕГО ЗОВУТ КОЛЛИНГВУД». Спустя два или три дня, в тех местах, где я часто бывал, мне стали попадаться постеры, какие развешивают хозяева пропавших домашних животных. Я видел их в Нидл-Парке, в западной части Центрального парка, у бара «Городские огни» на Лексингтон-авеню, в паре клубов в Виллидж.

— Постеры поиска пропавших домашних животных, — промурлыкал Эдди. — Знаешь, блестящая, между прочим, идея.

— Все одинаковые, — продолжил Каллагэн. — «ВЫ НЕ ВИДЕЛИ НАШЕГО

ИРЛАНДСКОГО СЕТТЕРА? ОН ГЛУПЫЙ И СТАРЫЙ, НО МЫ ЕГО ЛЮБИМ. У НЕГО ОБОЖЖЕННАЯ ПРАВАЯ ПЕРЕДНЯЯ ЛАПА. ОТКЛИКАЕТСЯ НА КЛИЧКИ КЕЛЛИ, КОЛЛИНС И КОЛЛИНГВУД. МЫ ЗАПЛАТИМ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ». А ниже ряд долларовых значков.

— И для кого развешивались эти постеры? — спросила Сюзанна.

Каллагэн пожал плечами.

— Не знаю. Может, для вампиров.

Эдди устало потер лицо.

— Ладно, давайте разбираться. У нас есть вампиры третьего типа... бродячие мертвяки... а теперь появляется эта третья компания. Члены которой развешивает постеры, использующиеся в случае потери домашнего животного, но речь в них идет совсем не о домашнем животном, и что-то пишет на стенах, дорожных знаках и тротуарах. Кто они?

— Слуги закона, — ответил Каллагэн. — Так они себя называют, иногда. Среди них не только мужчины, но и женщины. Иногда они называют себя регуляторами. Многие носят длинные желтые плащи... но не все. У большинства на руке татуировка... синий гроб... но не у всех...

— Большие охотники за гробами, Роланд, — пробормотал Эдди.

Роланд кивнул, не отрывая глаз от Каллагэна.

— Дай человеку выговориться, Эдди.

— Но на самом деле они... солдаты Алого короля, — добавил Каллагэн и перекрестился.

12

Эдди вытаращился на него. Рука Сюзанны легла на живот, начала его потирать. Роланд вспомнил, как они шли по парку Гейджа после того, как сумели покинуть монопоезд. Тогда дорога вывела их к еще более широкой дороге, которую Эдди, Сюзанна и Джейк называли автострадой. На одном щите-указателе кто-то написал спреем: «БЕРЕГИСЬ ХОДЯЩЕГО ТРУПА». Другой украсил схематичным изображением раскрытого глаза и надписью: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ АЛЫЙ КОРОЛЬ».

— Вижу, вы слышали об этом джентльмене, — сухо заметил Каллагэн.

— Скажем так, он оставил свою отметину там, где мы смогли ее увидеть, — ответила ему Сюзанна.

Каллагэн мотнул головой в сторону Тандерклепа.

— Если для достижения поставленной цели вам придется пойти туда, вы увидите гораздо больше, надписи и картинки на стенах и щитах-указателях.

— А как насчет тебя? — спросил Эдди. — Что сделал ты?

— Прежде всего, сел и обдумал ситуацию. И решил, какой бы фантастикой и паранойей это не казалось, что за мной действительно следят, и совсем не обязательно, что вампиры третьего типа. Но при этом я отдавал себе отчет в том, что те, кто следит за мной, вполне могут натравить на меня этих вампиров.

На тот момент, не забывая об этом, я не имел ни малейшего представления, какой таинственной может оказаться эта компания. В Салемс-Лоте Барлоу поселился в доме, который видел ужасную резню и где, по слухам, обитали привидения. Писатель, Мейерс, говорил, что этот дом, где царило зло, притянул к себе злобную тварь. В Нью-Йорке я вернулся к этой идее. Начал думать, что притянул к себе другого короля-вампира, другого вампира первого типа, точно так же, как Дом Марстенов притянул Барлоу. Правильная это была идея или нет (со

временем выяснилось, что нет), я порадовался, что мой мозг, пусть и залитый спиртным, способен на логические умозаключения.

Первым делом мне предстояло ответить на вопрос: оставаться в Нью-Йорке или бежать прочь. Я знал, если не убегу, меня поймут, скорее раньше, чем позже. Потому что знали отличие, по которому меня можно найти, — Каллагэн поднял обожженную руку. — Они практически знали мою фамилию, на уточнение у них ушла бы неделя-полторы. Они могли взять под наблюдение все места, где я бывал, где оставался мой запах. Могли переговорить с людьми, с которыми я общался, выпивал, играл в шашки. С людьми, с которыми работал в «Менпауэр» и «Броуни мен».

Тут в голову пришла мысль, которой следовало прийти куда как быстрее, несмотря на месяц пьянства. Они могли найти Роуэна Магрудера и «Дом» и всех тем, кто знал меня. Сотрудников, добровольцев, десятки клиентов. Черт, да после девяти месяцев, которые я проработал в «Доме», сотни клиентов.

А самое главное, манили меня эти дороги, — Каллагэн посмотрел на Эдди и Сюзанну. — Вы знаете о пешеходном мосте через Гудзон, по которому можно попасть в Нью-Джерси? Он прячется в тени МДВ и на нем стоят деревянные корыта, из которых раньше пили коровы и лошади.

Эдди громко рассмеялся.

— Извини, отец, но это невозможно. За свою жизнь я проезжал по мосту Джорджа Вашингтона раз пятьсот. Мы с Генри частенько ездили в парк «Палисейдс». Нет там деревянного моста.

— Однако, есть, — спокойно ответил Каллагэн. — Его построили в начале девятнадцатого столетия, а потом несколько раз ремонтировали. На середине есть табличка с надписью «ДВУХСОТЛЕТНЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗАВЕРШЕНА „ПРОМЫШЛЕННОЙ КОМПАНИЕЙ ЛАМЕРКА“ В 1975». Я сразу вспомнил это название, когда впервые увидел Энди, здешнего робота. Согласно табличке на его груди, эта компания участвовала в его изготовлении.

— Нам тоже она встречалась, — заметил Эдди. — В городе Лад. Только там она называлась «Ламерк фаундри».

— Возможно, разные подразделения одной компании, — подала голос Сюзанна.

Роланд ничего не сказал, только шевельнул оставшимися пальцами правой руки: поторопись, мол, поторопись.

— Он есть, но его трудно увидеть, — продолжил Каллагэн. — Он прячется. И это только первая из тайных дорог. Они расходятся от Нью-Йорка во все стороны, как паутина.

— Дороги, по которым совершается Прыжок, — пробормотал Эдди. — Логично.

— Я не знаю, так ли это или нет, — вновь заговорил Каллагэн. — Но могу сказать, что в своих странствиях, которые заняли у меня несколько последующих лет, я видел много чего удивительного и встретил множество хороших людей. Наверное, я бы оскорбил их, назвав нормальными или обычными, такими они и были. И благодаря им я куда с большим уважением стал относиться к таким определениям, как нормальный и обычный.

Я не мог покинуть Нью-Йорк, еще раз не повидавшись с Роуэном Мадругером. Хотел, чтобы он знал, что я, пусть и помочился на лицо мертвого Люпа (напился же, чего там говорить), но не скинул штаны и не навалил сверху кучу дерьма. То есть хотел сказать ему, что окончательно я не сдался. И если уж решил бежать, то не в панике, не как кролик бежит от луча фонарика, — Каллагэн снова заплакал. Наконец, вытер глаза рукавом рубашки. — Опять же, я хотел хоть с кем-то попрощаться, чтобы кто-то попрощался со мной. Когда мы говорим: «До свидания», — и нам говорят: «До свидания», — эти слова означают, что мы еще живы. Я хотел его обнять, передать поцелуй, полученный от Люпа. Когда он сказал мне: «Ты для нас слишком

ценен, чтобы мы могли потерять тебя...»

Он увидел Розалиту, спешащую к ним через лужайку, и замолчал. Она протянула ему грифельную доску, исписанную мелом. Эдди вдруг подумал, что на доске, в окружении звезд и комет надпись: «ПОТЕРЯЛСЯ! ДВОРОВЫЙ ПЕС С ПОКУСАННОЙ ПЕРЕДНЕЙ ЛАПОЙ! ОТКЛИКАЕТСЯ НА ИМЯ РОЛАНД! ХАРАКТЕР ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ, МОЖЕТ УКУСИТЬ, НО МЫ ВСЕ РАВНО ЕГО ЛЮБИМ!!!»

— От Эйзенхарта, — Каллагэн поднял голову. — Если Оуверхолсер в здешних краях крупный фермер, а Эбен Тук — крупный бизнесмен, тогда Воуна Эйзенхарта следует называть крупный ранчером. Он пишет, что он, оба Слайтмана и ваш Джейк встретятся с нами в церкви в полдень, если мы не против. Трудно разобрать его каракули, но, похоже, он предлагает вам посетить фермы и ранчо на пути в «Рокиг Би», где вы проведете ночь. Вас это устраивает?

— Не совсем, — ответил Роланд. — Я бы хотел сначала получить карту.

Каллагэн обдумал его слова, посмотрел на Розалиту. Эдди решил, что эта женщина не только домоправительница. Она отошла, чтобы не мешать разговору, но в дом не вернулась. «Скорее, она хороший личный секретарь», — подумал он. Старику даже не пришлось ее звать. Она подошла, откликнувшись на взгляд. И отбыла, получив инструкции.

— Думаю, ленч мы устроим на лужайке перед церковью, — сказал Каллагэн. — Там есть старое железное дерево, в тени которого мы отлично устроимся. А к тому времени, когда мы закончим ленч, близнецы Тавери уже нарисуют карту.

Роланд кивнул, предложение Каллагэна вполне его устроило.

Каллагэн встал, поморщившись, потер руками поясницу, потянулся.

— И я должен вам кое-что показать.

— Ты же не закончил свою историю, — напомнила ему Сюзанна.

— Не закончил, — согласился Каллагэн, — но времени в обрез. Я могу идти и говорить, а вы — идти и слушать.

— Конечно, можем, — Роланд тоже поднялся. Боль, конечно, никуда не делась, но значительно ослабела. Кошачье масло Розалиты заслуживало того, чтобы написать о нем домой. — И, прежде чем мы пойдем, я хочу задать тебе два вопроса.

— Я отвечу на них, если смогу, стрелок, будь уверен.

— Сначала о тех, кто выслеживал тебя... ты их видел в своих странствиях?

Каллагэн медленно кивнул.

— Ага, стрелок, видел, — он посмотрел на Эдди и Сюзанну. — Вы когда-нибудь видели цветную фотографию людей, сделанную со вспышкой... когда у всех красные глаза?

— Да, — ответил Эдди.

— У них такие вот глаза. Алые. И твой второй вопрос, Роланд?

— Они — Волки, отец? Эти слуги закона? Эти солдаты Алого короля? Они — Волки?

Ответил Каллагэн после долгой паузы.

— Точно я сказать не могу. Стопроцентной уверенности у меня нет. Но я так не думаю. Они, конечно, похитители, пусть крадут и не детей, — он задумался над своими словами. — В каком-то смысле они — Волки, — вновь помолчал. — Ага, в каком-то смысле Волки.

Глава 4. Продолжение истории священника (Тайные хайвеи)

1

Путь от заднего двора дома Каллагэна до дверей церкви Нашей Непорочной Госпожи много времени не занял, от силы пять минут. В столь короткий промежуток времени Старик не смог бы рассказать о тех годах, которые он провел на дорогах, прежде чем увидел статью в «Сакраменто Би», которая заставила его вернуться в Нью-Йорк в 1981 г., и тем не менее, три стрелка узнали всю историю. Роланд подозревал, что Эдди и Сюзанна не хуже него поняли, что сие означает: когда они будут уходить из Кальи Брин Стерджис, при условии, что не умрут здесь, Доналд Каллагэн, скорее всего, уйдет с ними. То был не рассказ, а кхеф — разделенная вода. Не говоря уже о прикосновении к разуму друг друга, или, телепатии, по терминологии нью-йоркцев, кхеф становился доступен только тем, кого ждала одна судьба, счастливая или горькая. Тем, кто составлял ка-тет.

— Вы знаете это выражение: «Мы уже не в Канзасе, Тото?» — спросил Каллагэн.

— Эта фраза нам точно что-то напоминает, сладенький, — ответила Сюзанна.

— Правда? Судя по тому, что я вижу, глядя на вас, точно напоминает. Возможно, вы когда-нибудь расскажите мне свою историю. Мне представляется, что моя рядом с ней сущая ерунда. В любом случае, я понял, что это не Канзас, едва добрался до дальнего конца пешеходного моста. По всему получалось, что попадаю я не в Нью-Джерси. Во всяком случае, не в тот Нью-Джерси, который всегда ожидал найти на другом берегу Гудзона. На досках настила лежала смятая газета...

2

По пешеходному мосту Каллагэн идет в гордом одиночестве, хотя по большому подвесному мосту слева от него автомобили движутся плотным потоком. Он наклоняется, чтобы поднять газету. Прохладный ветер с реки треплет его длинные, до плеч, обильно тронутые сединой волосы.

Это не газета, а лишь одна тетрадка из четырех страниц, зато первая, так что он читает название газеты: «Либрук Реджистер». Каллагэн никогда не слышал о Либруке. С другой стороны, в этом нет ничего удивительного, потому что он не специалист по Нью-Джерси, ни разу не побывал в этом штате после приезда на Манхэттен, но всегда думал, что на противоположной стороне МДВ находится город Форт-Ли.

Потом он обращает внимание на заголовки. Тот, что на самом верху, ему понятен: «НАПРЯЖЕННОСТЬ В МАЙАМИ СПАДАЕТ». Нью-йоркские газеты в последние дни уделяли много места тамошним расовым волнениям. Но уже второй: «ВОЙНА ВОЗДУШНЫХ ЗМЕЕВ В ТИНЕКЕ, ШТАТ ХАКЕНСЕК, ПРОДОЛЖАЕТСЯ», — в паре с фотоснимком горящего здания, вызывает недоумение. Там же фотография пожарных, и они смеются! А как воспринимать третий: «ПРЕЗИДЕНТ СПИРО АГНЮ ПОДДЕРЖИВАЕТ ПЛАНЫ НАСА ПО СОЗДАНИЮ МАРСИАНСКОЙ СТАНЦИИ»? Или статью в нижнем правом углу, набранную кириллицей?

«Что со мной произошло?» — спрашивает себя Каллагэн. Имея дело с вампирами, бродячими мертвяками, даже с плакатами розыска пропавших домашних животных, на

которых речь, несомненно, шла о нем, он никогда не опасался за свою психику. А теперь, на конце пешеходного моста через Гудзон, соединяющего Манхэттен и Нью-Джерси, аккуратно перед тем, как сойти с него и сделать первый шаг по земле Нью-Джерси, такие опасения у него возникают. Одного предположения, что Спиро Агню может стать президентом, думает он, достаточно для того, что человек, более-менее знакомый с политикой, спросил себя, а не поехала ли у него крыша. Ведь Агню давно уже с позором ушел в отставку, даже раньше своего босса.^[38]

«Что случилось со мной?» — гадает он, но, если он превратился в шизофреника, который все это воображает, ему совершенно не хочется знать ответ на поставленный вопрос.

— К черту! — он выбрасывает первые четыре страницы «Либрук реджистер» через ограждение пешеходного моста. Ветер подхватывает их и несет к мосту Джорджа Вашингтона. «Вот она, реальность, — думает Каллагэн. — Прямо передо мной. Эти легковушки, эти грузовики, эти туристические автобусы». Но тут же видит среди них незнакомое транспортное средство, красного цвета, на гусеницах вместо колес. Над корпусом, размером со школьный автобус, вращается алый цилиндр. На одной его стороне надпись «БЭНДИ». На другой — «БРУКС». Или «БЭНДИБРУКС»? «Бэнди брукс», что бы это значило? Он не имеет ни малейшего понятия. Никогда в жизни не видел такого транспортного средства, и представить себе мог, что такому агрегату, вы только посмотрите на эти гусеницы, разрешат ехать по общественной автостраде.

Значит, мост Джорджа Вашингтона тоже не отнесешь к реальному миру. Или, уже не отнесешь.

Каллагэн хватается за поручень и изо всех сил сжимает его пальцами, дожидаясь, пока пройдет волна головокружения, грозящая сбить его с ватных ног. Впрочем, поручень вполне реальный, из дерева, теплый от солнца, изрезанный тысячами инициалов и надписей. Он видит «ДК Л МБ» внутри сердечка. Он видит «ФРЕДДИ + ЭЛЕН = ЛЮБОВЬ». Он увидит «УБИВАЙ ВСЕХ ЛАТИНОСОВ И НИГГЕРОВ», с обеих сторон надписи по свастике. Послания любви, послания ненависти, и все они реальны, как частые удары его сердца, как вес нескольких монет и купюр в правом переднем кармане его джинсов. Он набирает полную грудь воздуха, и воздух тоже реален, в нем даже чувствуется запах дизельного топлива.

«Это происходит со мной, я это знаю, — думает Каллагэн. — Я не в палате номер девять какой-нибудь психиатрической клиники. Я — это я, я здесь, я даже трезвый, по крайней мере, в данный момент, и Нью-Йорк у меня за спиной. Так же, как и город Джерусалемс-Лот, штат Мэн, с его живыми покойниками. А передо мной — большая часть Америки, со всеми ее бесконечными возможностями».

Эта мысль поднимает ему настроение, а следующая — поднимает еще больше: не одна Америка, а может, дюжина... или тысяча... или миллион. Если перед ним Либрук, а не Форт-Ли, возможно, если и другие вариации Нью-Джерси, в которых город на другой стороне Гудзона называется Лиман, или Лигман, Ли-Блаффс, или Ли-Палисейдс, или даже Лигхорн-Виллидж. Может, по другую сторону Гудзона не сорок два континентальных штата, а сорок две сотни или сорок две тысячи, и все они уложены стопочкой, друг над другом.

И он мгновенно понимает, что, скорее всего, так оно и есть. Просто он набрел на место, где сливаются воедино огромное, может быть, бесконечное число миров. Каждый из них — Америка, но они все разные. И есть хайвеи, которые бегут по ним, и он может их видеть.

Он быстро доходит до конца моста со стороны Либрука, вновь останавливается. «А если я не найду пути назад? — думает он. — Допустим, заблужусь, буду бродить и бродить, и никогда не найду Америку, в которой на западной стороне моста Джорджа Вашингтона расположен город Форт-Ли, а Джералд Форд (это же надо!) — президент Соединенных

Штатов Америки?»

Но тут же приходит следующая мысль: «Допустим, и не найду. Что с того?»

И, наконец, ступая на землю Нью-Джерси, он улыбается, на сердце у него легко, впервые с того дня, когда он отправлял в последний путь Дэнни Глика в городе Джерусалем-Лот. Двое мальчишек с удочками проходят мимо него. «Почему бы одному из вас, молодые люди, не поприветствовать меня в Нью-Джерси?» — спрашивает он, его улыбка становится еще шире.

— Добро пожаловать в Эн-Джей, — с готовностью отвечает один из них, но они огибаят Каллагэна по широкой дуге и подозрительно смотрят на него. Он не винит в этом мальчишек, а их настороженность ни на йоту не портит ему настроение. У него такое ощущение, будто из темной, промозглой камеры он вышел в яркий, солнечный день. Прибавляет шагу и ни разу не оглядывается, чтобы бросить прощальный взгляд на небоскребы Манхэттена.

Зачем? Манхэттен — прошлое. Множество Америк лежит перед ним, они — будущее.

Он в Либруке. В голове не звучит музыка, никаких колокольцев. Позже будут и колокольца, и вампиры, послания, написанные мелом на тротуарах и краской — на кирпичных стенах (и речь в них будет идти не только о нем). Позже он увидит слуг закона в роскошных красных «кадиллаках», зеленых «линкольнах» и пурпурных «мерседесах», слуг закона с красными, как при съемке со вспышкой, глазами, но не сегодня. Сегодня в новой Америке, в которую он попал, перейдя на западный берег Гудзона по отреставрированному пешеходному мосту, светит солнце.

На Главной улице он останавливается перед рестораном «Либрук хоумстайл» и видит в витрине лист бумаги с надписью: «ТРЕБУЕТСЯ ПОВАР К ПРИЛАВКУ БЫСТРОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ». Дон Каллагэн подрабатывал за таким прилавком, когда учился в семинарии, и отдал немало времени кухне «Дома», в Ист-Сайде Манхэттена. Он думает, что имеющиеся навыки могут потребоваться и здесь, в «Либрук хоумстайл». Так и выходит, правда, два яйца для яичницы-глазуньи, держа их в одной руке, он все-таки разбивает к четвертой смене: сказывается длительный перерыв. Владелец ресторана, долговязый Дикки Рудбахер, спрашивает Каллагэна нет ли у него медицинских проблем («чего-нибудь заразного», как говорит он), и кивает, когда Каллагэн отвечает, что нет. Он не просит у Каллагэна никаких документов, даже не интересуется номером карточки социального страхования. ^[39] Хочет платить своему новому повару черным налом, не проводя его жалование по бухгалтерским книгам, если тот не возражает. Каллагэн заверяет Рудбахера, что его такой вариант вполне устраивает.

— И вот что еще, — Дикки Рудбахер замолкает, а Каллагэн ждет очередного сюрприза. Его бы уже ничего не удивило, но Рудбахер говорит очевидное. — По виду ты — пьющий.

Каллагэн признает, что раньше прикладывался к бутылке.

— Я тоже прикладываюсь, — кивает Рудбахер, — в этом бизнесе без спиртного просто сойдешь с ума. Я не собираюсь нюхать, чем от тебя пахнет... если ты будешь приходить на работу вовремя. Два раза опоздаешь, и можешь валить на все четыре стороны. Повторять я не буду.

Каллагэн работает за прилавком быстрого обслуживания ресторана «Либрук хоумстайл» три недели, а живет в двух кварталах от него в мотеле «Закат». Только ресторан не всегда «Либрук хоумстайл», а мотель не всегда «Закат». На четвертый день он просыпается в мотеле «Рассвет», а придя на работу обнаруживает, что ресторан называется «Форт-Ли хоумстайл». «Либрук реджистер», которые клиенты оставляли на прилавке, превращается в «Форт-Ли реджистер америкэн». И его не слишком радует, что Джералд Форд вновь становится президентом.

Когда Рудбахер расплачивается с ним в конце первой недели, в Форт-Ли, на пятидесятках

— Грант, на двадцатках — Джексон, на единственной в полученном от босса конверте десятке — Александр Гамильтон. В конце второй недели, в Либруке, на пятидесятках — Авраам Линкольн, а на десятке какой-то Шедбурн. Правда, на двадцатках по-прежнему Джексон, и это греет душу. В комнате мотеля, где живет Каллагэн, покрывало на кровати розовое в Либруке и оранжевое в Форт-Ли. Это удобно. Проснувшись, он всегда знает, в каком Нью-Джерси находится.

Дважды он напивается. Второй раз, после работы, компанию ему составляет Дикки Рудбахер. Не отстаёт от него ни на шаг. «Когда-то это была великая страна», — стонет либруковский Рудбахер, и Каллагэн радуется: хоть что-то остаётся неизменным, в какой бы из Америк он ни оказался.

Но его тень с каждым днем удлиняется все раньше, и он видит первого вампира третьего типа, тот стоит в очереди за билетами в городской кинотеатр, и извещает Рудбахера, что уходит с работы.

— Вроде бы ты говорил мне, что ничем не болен, — ворчит Рудбахер.

— Не понял?

— У тебя зуд в ногах, друг мой. Который зачастую составляет компанию вот этому, — Рудбахер опрокидывает воображаемый стакан, который держит в покрасневшей от мытья посуды руке. — Когда зуд в ногах подхватывает взрослый человек, он практически неизлечим. И вот что я тебе скажу, если бы не жена, которая все еще неплохо трахается, и двое детей в колледже, я бы собрал вещички и присоединился к тебе.

— Правда? — в изумлении спрашивает Каллагэн.

— Сентябрь и октябрь всегда худшие месяцы, — мечтательно говорит Рудбахер. — Ты буквально слышишь этот зов. Птицы тоже слышат его, и улетают.

— Зов?

Во взгляде Рудбахера читается: хватит нести чушь. «Для птиц это небо. Для таких, как мы — дорога. Гребаная дорога зовет нас. Такие, как я, у которых дети учатся, а жена хочет заниматься этим делом не только субботним вечером, включают радио громче, чтобы заглушить этот зов. Тебе нужды в этом нет, — он пристально смотрит на Каллагэна. — Останься еще на неделю. Я накину тебе двадцать пять баксов. Ты просто сорвешь банк в Монте-Карло».

Каллагэн обдумывает предложение, качает головой. Если б Рудбахер был прав, если б дорога была одна, возможно, он остался бы на неделю... и еще на одну... и еще. Но дорога-то не одна. Их множество, и все они — тайные хайвеи. Он вспоминает книжку, которую читал в третьем классе, и смеется. Книжка называлась «ДОРОГИ, КОТОРЫХ МНОГО».

— Что тут смешного? — хмурится Рудбахер.

— Ничего, — отвечает Каллагэн. — Все, — он хлопает босса по плечу. — Если буду возвращаться этим путем, загляну к тебе.

— Этим путем ты возвращаться не будешь, — говорит Рудбахер, и он, конечно же, прав.

— Я провел на дороге пять лет, может, чуть больше или чуть меньше, — заключил Каллагэн, когда они уже подходили к церкви. То была единственная фраза, произнесенная на сей предмет. Однако, они слышали куда больше. А потом не удивились, узнав, что Джейк, направлявшийся в город с Эйзенхартом и Слайтманами, также слышал часть рассказа Каллагэна. Джейка, в конце концов, отличала наиболее развитая способность касаться разума

других.

Пять лет на дороге, и больше ничего вслух.

А ведь все остальное, вы понимаете, тысячи потерянных миров розы.

Он пять лет на дороге, чуть больше или чуть меньше, только дорога не одна, их великое множество, а пять лет, при определенных обстоятельствах, могут тянуться вечность.

Это шоссе 71 в Делавэре, и яблоки, которые нужно собрать. Это маленький мальчик по имени Ларс и сломанный радиоприемник. Каллагэн чинит его, а мать Ларса дает ему корзинку с ленчем, удивительным ленчем, которого ему хватает на много дней. Это шоссе 317 в сельских районах Кентукки и сбор винограда с Питом Петаки, рот которого не закрывается ни на минуту. Девушка приходит, чтобы посмотреть, как они работают, симпатичная девушка лет семнадцати, сидит на каменной стене под опадающими желтыми листьями, и Пит Петаки размышляет о блаженстве, которое испытал бы, если б эти длинные бедра, скрытые джинсой, обняли его шею, а он погрузил бы язык в пещерку между ними. Пит Петаки не видит синего свечения, которое окружает девушку, и, конечно же, не видит, как чуть позже ее одежда падает на землю: Каллагэн, сидя рядом с ней, одной рукой привлекает ее к себе, а когда она уже гладит ему бедро и тянется губами к шее, всаживает в нее нож, под самое основание черепа. Этот удар у него отработан.

Это шоссе 19 в Западной Виргинии и маленький бродячий цирк, владелец которого ищет человека, который мог бы чинить автомобили и кормить животных. «Или наоборот, — говорит ему Грег Чамм, тот самый владелец. — Ты понимаешь, кормить автомобили и чинить животных. Что тебе больше нравится». А какое-то время спустя, когда желудочная инфекция, укладывает в постель большую часть труппы (они движутся к югу, пытаясь убежать от зимы), он уже участвует в представлении, играет медиума, вызывая духов, и с огромным успехом. Именно во время одного из выступлений он впервые видит их, не вампиров, не живых покойников, не бродячих мертвяков, а высоких людей с бледными, настороженными лицами, которые спрятаны под старомодными широкополыми шляпами или новомодными бейсболками с длинными козырьками. В тени, отбрасываемой или полями шляп, или козырьком их глаза поблескивают красным, как глаза скунса или бродячего кота, если они попадают под луч фонарика, шныряя между мусорных баков. Они его видят? Вампиры (по крайней мере, третьего типа) — нет. Мертвяки — да. А эти люди, прячущие руки в карманах длинных желтых плащей, с суровыми лицами, выглядывающими из-под шляп? Они его видят? Каллагэн этого не знает, но решает, что рисковать не стоит. Тремя днями позже, в городе Язу-Сити, штат Миссисипи, вешает на крюк черный цилиндр медиума, оставляет грязный комбинезон в кузове пикапа и уходит из цирка Чамма, не дождавшись выплаты жалования за последнюю неделю. Уходя из города, видит на телеграфных столбах плакаты розыска пропавших животных с одинаковым текстом:

ПОТЕРЯЛАСЬ! СИАМСКАЯ КОШКА, ДВУХЛЕТНЯЯ
ОТКЛИКАЕТСЯ НА КЛИЧКУ РУТА
ОНА ШУМНАЯ, НО ВЕСЕЛАЯ
ГАРАНТИРУЕТСЯ КРУПНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$
НАБЕРИТЕ 764, ДОЖДИТЕСЬ ОТВЕТА,

НАЗОВИТЕ ВАШ НОМЕР
БЛАГОСЛОВИТ ВАС ГОСПОДЬ ЗА ПОМОЩЬ

Кто такая Рута? Каллагэн не знает. Ему лишь известно, что она ШУМНАЯ, но ВЕСЕЛАЯ. Будет ли она шумной, когда ее схватят слуги закона? Будет ли веселиться?

Каллагэн в этом сомневается.

Но у него полным полно своих забот, и ему остается лишь молить Бога, в которого он больше не верит, чтобы эти люди в желтых плащах не смогли ее поймать.

В тот же день, по прошествию какого-то времени, он ловит попутку на шоссе 3 в округе Иссакуэна, под жарким небом, не подозревающим о приближении декабря и Рождества, у него в голове вновь звучат колокольца. Заполняют всю голову, рвут барабанные перепонки изнутри. А когда утихают, Каллагэн понимает: они приближаются. Мужчины с красными глазами, в больших шляпах и длинных желтых плащах.

Каллагэна как ветром сдувает с обочины. Разом превратившись в Супермена, он перепрыгивает широченный кювет, потом перемахивает через заросшую выюнком зеленую изгородь, падает в высокую траву, откатывается в сторону, возвращается к изгороди, наблюдает за дорогой сквозь дыру в листве.

Мгновение или два дорога пуста, а потом со стороны Язу-Сити появляется красно-белый «кадиллак». Мчится со скоростью никак не меньше семидесяти миль в час, дыра в листве маленькая, но Каллагэну удастся разглядеть пассажиров: трое мужчин, двое в желтых плащах, один в летной куртке. Все курят. Салон «кадиллака» заполнен сизым дымом.

«Они меня видят, они меня слышат, они меня чувствуют», — такое вот мысли роятся в голове Каллагэна, но усилием воли ему удастся сдержать поднимающуюся волну паники, подавить ее. Он заставляет себя подумать о песне Джона Элтона: «Кто-то спас, кто-то спас, кто-то сегодня спас мне жиз-з-знь!» — и одерживает окончательную победу над паникой. Лишь на мгновение, ужасное мгновение, ему кажется, что «кадиллак» сбавляет скорость, но за это мгновение он успевает представить себе, как они гонятся за ним по заросшему сорняками, давно непаханому полю, догоняют, затаскивают в заброшенный сарай или амбар... а потом «кадиллак» переваливает через вершину следующего холма, направляясь в Натчес, а может, и дальше. Каллагэн выжидает еще десять минут. «Чтобы убедиться, что они не выслеживают тебя», — как сказал бы Люп. Но, даже выжидая, он знает: это пустая формальность. Они не выслеживают его — они его упустили. Как? Почему?

Ответ приходит к нему не сразу, но это, по крайней мере, ответ, и он нутром чувствует, что правильный. Они упустили его, потому что ему удалось ускользнуть в другую реальность, в другую Америку, когда он лежал за зеленой изгородью, глядя на шоссе 3. Может, другую в нескольких мелочах, Линкольн на долларовых купюрах, Вашингтон — на пятерках, а не наоборот, но хватило и этого. Вполне хватило. И это хорошо, потому что мозги у этих парней есть, в отличие от зомби, и они его видят, в отличие от вампиров. Эти парни, кем бы они ни были, наиболее опасны.

Наконец, Каллагэн выходит на дорогу. А потом рядом с ним останавливается старый, побитый «форд» За рулем сидит негр в соломенной шляпе. Типичный негр-фермер из фильма тридцатых годов. Да только говорит он на правильном английском и не об урожае кукурузы, а о политике, и радио у него настроено не на музыку, а на ток-шоу, где обсуждается все та же политика. Когда Каллагэн выходит из «форда», в Шейди-Грейв, негр дает ему пять долларов и бейсболку.

— У меня есть деньги, — Каллагэн пытается вернуть пятерку.

— Человеку в бегах лишняя пятерка никогда не помешает, — отвечает ему негр. — И,

пожалуйста, только не говори мне, что ты не в бегах. Не оскорбляй мой интеллект.

— Спасибо тебе, — Каллагэн сует пятерку в карман.

— *De nado*^[40] — отвечает негр. — Куда направляешься? В общих чертах.

— Понятия не имею, — тут же вырывается у Каллагэна, он улыбается. — В общих чертах.

Сбор апельсинов во Флориде. Подметание улиц в Новом Орлеане. Чистка стойл конюшни в Лафкине, штат Техас. Раздача буклетов риэлторской конторы на уличных углах Финикса, штат Аризона. Работы, оплачиваемые наличными, безо всяких платежных документов. Банкноты с постоянно меняющимися лицами. Разные имена в разных газетах. Джимми Картер избран президентом, так же, как и Эрнест «Фриц» Холлингс и Рональд Рейган. Джордж Буш также избран президентом. Джералд Форд решает переизбираться и тоже становится президентом. Имена в газетах (знаменитости меняются с калейдоскопической быстротой, а о многих он никогда и не слышал) значения не имеют. Лица на банкнотах значения не имеют. А вот что имеет, так это флюгер на фоне яростно-розового заката, звук от ударов его каблучков на пустынной дороге в Юте, рев ветра в пустыне в Нью-Мексико, вид ребенка, прыгающего через скакалку у ржавого «шевроле-каприс» в Фоссиле, штат Орегон. Что имеет значение, так это гудение высоковольтных проводов вдоль автострады 50 к западу от Элко, штат Невада, и дохлая ворона в придорожном кювете на окраине Рейнбаррел-Спринг. Как-то он лежит в заброшенном сарае, на границе Калифорнии и Невады, и пьет четыре дня кряду. Заканчивается это семью часами рвоты. Первый час волны тошноты накатывают одна за другой, рвет его беспрерывно, и он уже не сомневается в неизбежности смерти. Потом он уже мечтает о том, чтобы умереть. Когда заканчивается последний приступ, он дает клятву, что с пьянством покончено, что больше к спиртному он не притронется, он получил хороший урок, но неделей позже опять пьян и смотрит на незнакомые звезды, лежа у стены ресторана, в который его наняли мыть посуду. Он — животное, угодившее в клетку, и ему без разницы. Иногда ему встречаются вампиры, иногда он их убивает. Но по большей части оставляет в живых, потому что боится привлечь к себе внимание, внимание слуг закона. Иногда он спрашивает себя, а что он, собственно делает, куда идет, и такие вопросы скоренько отправляют его на поиски очередной бутылки. Потому что никакой цели, никакого пункта назначения у него нет. Он просто бредет по тайным хайвеям и тащит за собой свою клетку. Он просто прислушивается к зову этих дорог и переходит с одной на другую. В клетке или нет, но иногда он счастлив, иногда он поет, закованный в цепи. Ему хочется увидеть еще один флюгер на фоне другого розового заката. Он хочет увидеть еще одну силосную башню, стоящую на краю давно заброшенного поля, хочет, чтобы мимо него проехал грузовик с надписью на борту «ТОНОПА ГРЕЙВЕЛ» или «АПЗУД ХЭВИ КОНСТРАКШН». Он в раю для бродяг, затерянный среди множества Америк. Он хочет слышать ветер в каньонах и знать, что он — единственный, кто его слышит. Он хочет слышать крик и слышать его эхо. Когда вкус крови Барлоу ощущается особенно сильно, ему хочется выпить. И, разумеется, когда он видит постеры розыска потерявшихся домашних животных или надписи мелом на тротуарах, ему хочется убраться куда-нибудь подальше. На западе и постеров, и надписей меньше, и он не встречает ни своего имени, ни примет. Время от времени ему попадаются на глаза вампиры, жаждущие крови, но он оставляет их в покое. Они, в конце концов, москиты, не более того.

Весной 1981 г. он вкатывается в город Сакраменто в кузове древнего грузовичка,

сработанного компанией «Интернейшнл харвестер», которые давно уже стали редкостью на дорогах Калифорнии. Он сидит среди трех десятков мексиканцев, незаконных иммигрантов, в кузове нет недостатка в мескале, текиле, травке и вине, все пьяны, а Каллагэн, возможно, пьянее остальных. Фамилии сидящих в кузове еще вспомнятся ему, выплывут из пьяного угара: Эскобар... Эстрада... Хавьер... Эстебан... Росарио... Эчевериа... Каверра. Это фамилии. С которыми он позднее столкнется в Калье или галлюцинации, вызванные спиртным? И как объяснить, что его фамилия оказалась столь близкой по написанию к тому месту, где в итоге закончились его странствия? Calla, Callahan. Калья, Каллагэн. Иногда, когда он долго не может уснуть в удобной кровати в своей спальне, эти имена бегают друг за другом у него в голове, словно тигры в каком-то мультфильме.

Иногда у него в голове мелькая строка из стихотворения (он так думает) Арчибалда Маклиша «Апостольское послание, оставшееся в земле»: «Это не голос Бога, а всего лишь гром». Строка на самом деле другая, но так он ее помнит. Не Бог, но гром. Или именно в это ему хочется верить? Сколько раз люди сознательно отказывались признавать, что с ними говорит Бог?

Но тогда ему не до Бога и грома. В Сакраменто он въезжает пьяным и счастливым. В голове нет вопросов, требующих поиска ответа. Счастлив он и на следующий день, несмотря на похмелье. Работу он находит легко, рабочие руки требуются всем, вакансий навалом, совсем как яблок на земле после бури в яблоневом саду. Если, конечно, ты не боишься запачкать руки, обжечь их в горячей воде или заполучить мозоль-другой, махая киркой или лопатой. За годы странствий еще никто не предлагал ему поработать биржевым брокером.

В Сакраменто его берут разгружать грузовики в огромном магазине кроватей и матрасов, который называется «Спящий Джон». В «Спящем Джоне» готовятся в ежегодной распродаже, поэтому все утро Каллагэн и пятеро других грузчиков таскают всякие и разные кровати, одно-, полутора-, двух-, а то и трехспальные. В сравнении с некоторыми другими работами, за которые ему доводилось браться, эта — просто подарок.

Во время перерыва на ленч Каллагэн и остальные сидят в тени навеса разгрузочной платформы. Вроде бы никого из этих людей он не видел в кузове «Интернейшнл-харвестер», но полной уверенности у него нет: вчера он слишком много выпил. Одно знает наверняка: как зачастую и бывало, он — единственный белый. Все они едят *enchiladas*,^[41] купленные в «Безумной Мэри», забегаловке на другой стороне улицы. Из старого, запыленного транзисторного приемника, который стоит на груде ящиков, звучит танго. Двое молодых парней танцуют, остальные, и Каллагэн в их числе, перестали есть и хлопают.

Молодая женщина в юбке и блузке выходит из магазина, неодобрительно смотрит на танцующих молодых парней, потом на Каллагэна.

— Ты — англи, так?

— Англи, — подтверждает Каллагэн.

— Тогда, возможно, тебя это заинтересует. Остальных — точно нет, — она протягивает ему газету, «Сакраменто би», вновь смотрит на танцующих мексиканцев. — Стручки фасолевые, — подтекст ясен: лучше б их тут не было.

У Каллагэна возникает мысль подняться и пнуть ее в тощий, не танцующий зад, но уже полдень, слишком поздно искать новую работу, если он потеряет эту. И даже если он не угодит в каталажку за этот пинок, заплатить-то ему точно не заплатят. Он ограничивается тем, что показывает ее удаляющейся спине палец, под смех и аплодисменты грузчиков. Молодая женщина поворачивается, подозрительно оглядывает их, скрывается за дверью. Все еще улыбаясь, Каллагэн раскрывает газету. Улыбка остается на его лице, пока он не добирается до раздела «НОВОСТИ СТРАНЫ». Между сходом с рельс поезда в Вермонте и

ограблением банка в Миссисипи он находит следующее:

ЗНАМЕНИТЫЙ «УЛИЧНЫЙ АНГЕЛ» В КРИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ

Нью-Йорк (АП). Роуэн Р. Магрудер, владелец и главный супервайзер едва ли не самой известной ночлежки Америки для бездомных, алкоголиков и наркоманов, находится в критическом состоянии после того, как на него напали Братья Гитлеры. Братья Гитлеры терроризируют пять районов Нью-Йорка на протяжении последних восьми лет. Согласно сведениям, полученным от полиции, они несут ответственность на избиение как минимум тридцати человек, двое из которых умерли. В отличие от их прежних жертв, Магрудер не черный и не еврей, но его нашли в подворотне, неподалеку от «Дома», ночлежки, которую он основал в 1968 году, с фирменным знаком, свастикой, который Братья Гитлеры вырезают на лбу своих жертв. На теле Магрудера также обнаружены многочисленные ножевые ранения.

«Дом» получил национальную известность в 1977 г., когда мать Тереза приехала туда, помогла приготовить и раздать обед и помолилась с обитателями ночлежки. Магрудер стал героем передовицы журнала «Ньюсуик» в 1980 г., когда мэр Нью-Йорка Эд Кох объявил ист-сайдовского «Уличного ангела» Человеком года Манхэттена.

Врач, хорошо знакомый с состоянием дел, полагает, что у Магрудера шансов остаться в живых «не больше трех из десяти». Он сказал, что нападавшие не только вырезали Магрудеру свастику на лбу, но и ослепили его. «Я считаю себя милосердным человеком, — добавил врач, — но, по моему мнению, тех, кто это сделал, следует обезглавить».

Каллагэн перечитывает записку вновь, задается вопросом, идет ли речь о «его» Роуэне Магрудере или о другом, из того мира, где на некоторых банкнотах красуется профиль Шедбурна. Почему-то он уверен, что Магрудер тот самый, его знакомец, вот почему ему и дали прочитать эту газету. И вообще, сейчас он находится в «реальном мире», о чем ему говорят не только-то профили на банкнотах в его бумажнике. Он это чувствует. Всеми фибрами души. А если это так (это так, он точно знает), получается, что он многое упустил, бродя по тайным хайвеям. Мать Тереза приезжала в ночлежку! Помогала с раздачей ужина! Черт, может и приготовила жаркое из жаб с клецками! Почему нет? Рецепт же остался на стене, приклеенный скотчем. И признание Человеком года! Передовица в «Ньюсуик»! Он жалеет, что ничего этого не знал, но трудно следить за новостями, разъезжая с бродящим цирком и выгребая бычье дерьмо из стойл за площадкой для родео в Энид, штат Оклахома.

Ему страшно стыдно, от стыда по щекам катятся слезы, но он их не замечает, пока Хуан Кастильо не спрашивает у него: «Почему ты плачешь, Донни?»

— Я? — спрашивает он, потом вытирает щеки и понимает, что да, он плачет. Но и тогда не знает, что причина слез — стыд, еще не знает. Думает, что плачет от шока, который испытал, и отчасти так оно и есть. — Да, похоже, плачу.

— Куда ты идешь? — спрашивает Хуан. — Перерыв на ленч уже заканчивается.

— Мне надо идти, — отвечает Каллагэн. — Мне надо возвращаться на Восток.

— Если ты сейчас уйдешь, тебе не заплатят.

— Знаю, — отвечает Каллагэн. — Все в порядке.

Но это как раз ложь. Потому что ничего не в порядке...

— В дно рюкзака я давно уже зашил пару сотен долларов, — продолжает Каллагэн. Они сидят на ступеньках, ведущих к двери церкви, под ярким солнечным светом. — Я купил билет на самолет до Нью-Йорка. Скорость, конечно, играла роль, но не главную. Я хотел порвать с этими тайными хайвеями, — он кивнул Эдди. — Прыжковыми автострадами. Они — притягивают так же сильно, как и алкоголь.

— Сильнее, — вставляет Роланд. Он видит, что к ним приближаются три человека: Розалита ведет близнецов Тавери, Френка и Франсину. Девочка держит в руках лист бумаги и несет его с таким благоговением, что хочется смеяться. — Дороги — самый сильный наркотик, какой только есть на земле, а каждая из них ведет к десятку других.

— Ты говоришь правильно, спасибо тебе, — кивает Каллагэн. Мрачный, грустный, и, как думает Роланд, где-то и растерянный.

— Отец, мы выслушаем окончание твоей истории, но только вечером. Или завтрашним вечером, если сегодня мы успеем вернуться. Наш юный друг Джейк скоро подъедет...

— Вы это знаете, не так ли? — в вопросе Каллагэна слышится любопытство, но не удивление.

— Ага, — ответила Сюзанна.

— Я бы посмотрел на то, что у тебя лежит, до его прихода, — заметил Роланд. — Рассказ о том, как он к тебе попал, часть твоей истории, и я думаю...

— Да, — кивнул Каллагэн. — Полагаю, кульминация моей истории.

— ...может подождать. Потому что сейчас у нас слишком много более важных дел.

— Так всегда и бывает, — вздохнул Каллагэн. — Месяцы... иногда годы, я пытался это вам объяснить, время вроде бы и не существует. А потом вдруг резко ускоряется, и ты уже ничего не успеваешь.

— Ты говоришь правильно, — согласился Роланд. — Эдди, я хочу, чтобы ты составил мне компанию при разговоре с близнецами. Мне представляется, юная леди положила на тебя глаз.

— Пусть смотрит, сколько хочет, — добродушно усмехнулась Сюзанна. — За это денег не берут. А я посижу на ступеньках, если ты не возражаешь, Роланд, погреюсь на солнышке. Давно уже я не ездила на лошади, и скажу тебе честно, седло натерло мне кожу. В стремяна упираться нечем, вот и с остальным проблемы.

— Можешь посидеть, а можешь пойти с нами, — ответил Роланд, но думал-то иначе, и Эдди это почувствовал.

Стрелок хотел, чтобы Сюзанна осталась на ступеньках, по крайней мере, на какое-то время. И Эдди мог только надеяться, что Сюзанна этого желания стрелка не уловила.

Когда они направились к близнецам и Розалите, Роланд быстро шепнул Эдди: «В церковь я пойду с ним один. Пойми, дело не в том, что я не хочу, чтобы вы оба приближались к тому, что там хранится. Если это Черный Тринадцатый, а я верю, что это так... будет лучше, если она будет держаться от него подальше».

— Учитывая ее деликатное состояние, не так ли? Роланд, я-то думал, что выкидыш Сюзанны тебя только порадует.

— Меня волнует не выкидыш, — ответил Роланд. — Я боюсь, что Черный Тринадцатый придаст силы тому, что сидит в ней, — он помолчал. — Им обоим. Младенцу и его хранильнице.

— Миа.

— Да, ей, — и тут же он улыбнулся близнецам Тавери. Франсина ответила ему мимолетной улыбкой, которая превратилась в ослепительную, стоило ей перевести взгляд на Эдди.

— Давайте посмотрим, что вы сделали, если карта готова, — Роланд протянул руку к листу бумаги.

— Мы надеемся, что все правильно, — ответил Френк Тавери. — А вдруг нет. Мы боялись, будь уверен. Миссас дала нам такой прекрасный лист бумаги, вот мы и боялись.

— Сначала мы все нарисовали на земле, — добавила Франсина. — Потом нанесли контуры тонким углем. И, наконец, Френк их обвел. Потому что у меня дрожали руки.

— Боялись вы напрасно, — успокоил их Роланд. Эдди подошел ближе, взглянул через плечо стрелка. Карта получилась отменная, с городским Залом собраний, площадью в центре, Большой рекой (Девар-Тете), бегущей у левого края листа обычной писчей бумаги, которая в его Америке продавалась в любом магазине канцелярских принадлежностей.

— Ребята, это просто потрясающая карта, — прокомментировал Эдди, и на мгновение подумал, что Франсина Тавери грохнется в обморок.

— Ага, — кивнул Роланд. — Вы очень нам помогли. А теперь я сделаю то, что вам может показаться богохульством. Вы знаете это слово?

— Да, — кивнул Френк. — Мы — христиане. «Не упоминай всуе имя Господа, твоего Бога, или Его Сына, Человека-Иисуса». Но богохульством является также надругательство над чем-то прекрасным.

Тон его оставался серьезным, но по глазам чувствовалось: ему хочется увидеть, какое же богохульство намерен совершить пришелец из мира древних. Того же хотелось и сестре.

Роланд сложил лист бумаги, к которому они боялись прикоснуться, пополам. Подростки ахнули. Как и Розалита Мунос, пусть и не так громко.

— Мой поступок — не богохульство, потому что теперь это не бумага, — пояснил Роланд. — Это инструмент, а инструменты следует беречь. Понимаете?

— Да, — в их голосах слышалось сомнение. Которое, правда, ушло, когда они увидели, с какой осторожностью Роланд убрал сложенную карту в кошель.

— Большое вам спасибо, — Роланд левой рукой взял за руку Франсины, правой, без двух пальцев — Френка. — Своими руками и глазами вы, возможно, спасли много жизней.

Из глаз Франсины брызнули слезы. Френк какое-то время держался, но вскоре слезы потекли и по его веснушчатым щекам.

7

— Хорошие дети, — сказал Эдди, когда они возвращались к церкви. — Талантливые дети. Роланд кивнул.

— Можешь ты представить себе, что один из них возвращается из Тандерклепа пускающим слюни идиотом?

Роланд, который очень даже хорошо мог это себе представить, промолчал.

8

Сюзанна, не споря, согласилась с решением Роланда оставить ее и Эдди на ступеньках церкви, и стрелку вдруг вспомнилось, что она не захотела идти и на пустырь, где росла роза.

Задался вопросом, а не боится ли какая-то ее часть того же, что и он. Если так, то битва, битва за ее тело, уже началась.

— Сколько должно пройти времени, прежде чем мне входить в церковь и вытаскивать вас оттуда?

— Прежде чем нам входить в церковь и вытаскивать вас оттуда, — поправила его Сюзанна.

Роланд задумался. Эдди задал хороший вопрос. Посмотрел на Каллагэна, который стоял на верхней ступеньке, в синих джинсах и клетчатой рубашке с закатанными рукавами, сцепив пальцы перед собой. Роланд видел, какие крепкие у него мышцы рук.

Старик пожал плечами.

— Он спит. Проблем быть не должно. Но... — он расцепил руки, указал на револьвер на бедре Роланда. — Я бы оставил это здесь. Вдруг он спит с одним открытым глазом.

Роланд расстегнул пояс с револьвером и передал Эдди. Кошель с картой отдал Сюзанне.

— Через пять минут. Если с нами что-то случится, я, возможно, смогу крикнуть, — добавлять: «Или не смогу», — не стал.

— Джейк к этому времени уже подъедет, — заметил Эдди.

— Если они приедут, пусть ждут снаружи, — распорядился Роланд.

— Эйзенхарт и Слайтманы в церковь входить не будут, — подал голос Каллагэн. — Они поклоняются Орисе. Госпоже риса, — он скорчил гримаску, показывая свое отношение к Госпоже риса и остальным второсортным богам Кальи.

— Тогда, пошли, — подвел черту Роланд.

9

Прошло немало времени с тех пор, когда Роланд Дискейн испытывал суеверный страх, свойственный иной раз верующим людям. Наверное, такого не случалось с ним с детства. Но страх тяжелой ношей лег ему на плечи, едва отец Каллагэн отворил дверь скромной деревянной церкви и придержал ее, пропуская Роланда вперед.

Они очутились в холле с истертым ковром на полу. Из холла две открытые двери вели в помещение побольше, с рядами скамей. В дальнем конце, на возвышении стоял, как показалось Роланду, аналой, в окружении горшков с белыми цветами. Их аромат пропитывал воздух. Свет попадал в церковь через узкие окна в стенах. За аналоем на дальнем стене, висело распятие из железного дерева.

Он слышал таинственное сокровище Старика, не ушами, но костями. Ровное, низкое гудение. Как и в случае с розой, от него веяло силой, но более ничего общего с розой не было. Это гудение говорило о бездонной пустоте.

Той самой пустоте, которую они почувствовали в Нью-Йорке-декорации, куда их перенес Прыжок. Пустоте, которая могла стать голосом.

«Да, это то самое, что перенесло нас, — подумал он. — Перенесло нас в Нью-Йорк... один из многих Нью-Йорков, если исходить из истории Каллагэна... но оно может перенести нас куда угодно и когда угодно. Может перенести... а может и зашвырнуть».

Он вспомнил окончание длинного разговора с Уолтером. Тогда он тоже отправился в Прыжок, но понял это только теперь. Почувствовал, как растет, раздувается, пока не стал больше земли, больше звезд, больше вселенной. И сила, которая все это проделывала, была здесь, в этой церкви, и он ее боялся.

«Спасибо богам, он спит», — подумал стрелок, но тут же в голову пришла куда более неприятная мысль: рано или поздно придется его разбудить. Рано или поздно придется

использовать его, чтобы вернуться в нужные им Нью-Йорки.

Рядом с дверью на подставке стояла чаша с водой. Каллагэн опустил в нее руку и перекрестился.

— Теперь ты это можешь? — тихим, чуть громче шепота, спросил Роланд.

— Ага, — ответил Каллагэн. — Бог принял меня к себе, стрелок. Хотя я думаю, пока это «испытательный срок». Ты понимаешь?

Роланд кивнул. Последовал за Каллагэном в церковь, не смочив пальцы святой водой.

Каллагэн повел его по центральному проходу и, хотя шагал Старик решительно и уверенно, Роланд чувствовал, что тот боится, возможно, даже больше, чем он сам. Каллагэн хотел избавиться от этого страшного магического кристалла, сомнений в этом не было, но Роланд не мог не отметить храбрость и мужество Старика.

По правую сторону от прохода короткая лесенка из трех ступенек вела на возвышение. Каллагэн поднялся по ним.

— Тебе нет нужды подниматься, Роланд. Ты все увидишь с того места, где сейчас стоишь. Ты ведь не будешь забирать его сегодня?

— Нет, — ответил Роланд. Теперь они уже перешептывались.

— Хорошо, — Каллагэн опустился на одно колено. Сустав хрустнул и оба вздрогнули от этого звука.

— Я даже не прикасаюсь к ящику, в котором он лежит, если в этом нет необходимости. Не прикасался с того момента, как положил его сюда. Тайник сделал сам, испросив прощения Господа за использование пилы в Его доме.

— Открывай, — бросил Роланд. Он весь подобрался, напряг органы чувств, чтобы сразу же уловить малейшее изменение в гудении бесконечной пустоты. Ему недоставало тяжести револьвера, давящей на бедро. Неужто люди, которые приходили сюда молиться, не чувствовали присутствия этого ужасного шара, спрятанного здесь Стариком? Роланд решил, что нет, иначе они давно перестали бы приходить сюда. И пришел к выводу, что лучшего места для тайника Каллагэн найти не мог: искренняя вера прихожан в какой-то степени нейтрализовала Черный Тринадцатый. Может, даже успокаивала, углубляла сон.

«Но он может проснуться, — думал Роланд. — Проснуться и в мгновение ока отправить нас в любой уголок Девятнадцатиландии». Но он тут же отогнал от себя эту гнетущую мысль. Да уж, идея использовать его для защиты розы представлялась все более абсурдной. За свою долгую жизнь ему приходилось сталкиваться и с людьми, и с чудовищами, но никто из них не шел ни в какое сравнение с Черным Тринадцатым. От него исходило невероятное, нечеловеческое зло. И зло это до краев заполняло бездонную пустоту.

Каллагэн надавил большим пальцем на желобок между двумя досками. Раздался легкий щелчок, квадрат пола, примерно пятнадцать на пятнадцать дюймов приподнялся. Каллагэн откинул крышку люка. Гудение заметно усилилось. Роланд вдруг подумал о громадных пчелах, которые ползают под половицами. Наклонился вперед, заглянул в тайник Старика.

Увидел что-то, прикрытое белой материей, очень хорошей материей.

— Стихарь алтарного служки, — пояснил Каллагэн. Поняв, что Роланд этого слова не знает, добавил. — Предмет одежды, — пожал плечами. — Сердце подсказало завернуть в него ящик, вот я и завернул.

— Сердце подсказало тебе правильно, — прошептал Роланд. Он думал о мешке, который Джейк нашел на пустыре, мешке с надписью «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДИННОГО МИРА». Этот мешок им понадобится, определенно понадобится, но не хотелось думать о том моменте, когда придется перекладывать шар из ящика в мешок.

Он отогнал и это мысль, а вместе с ней и страх, откинул материю, увидел деревянный

ящик.

Несмотря на страх, коснулся темного, тяжелого дерева. «На ощупь все равно, что чуть смазанный металл», — подумал он. Почувствовал, как по телу пробежала эротическая дрожь. Поцеловала страх, как давнего любовника, и исчезла.

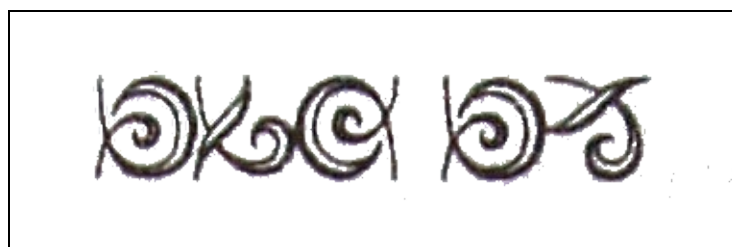
— Это черное железное дерево, — прошептал Роланд. — Я слышал о нем, но никогда не видел.

— В моих «Сказаниях об Артуре» оно названо деревом призраков, — также шепотом ответил Каллагэн.

— Да? Правда?

Конечно, ящик вызывал страх, мысли о том, что кто-то очень решил отдохнуть в нем, пусть и временно, от долгих странствий. Стрелку очень хотелось вновь прикоснуться к ящику, темное, прочное дерево молило об этом, но он заметил, что от его первого прикосновения гудение чуть усилилось, а когда он оторвал руку, вернулось на прежний уровень. «Умный человек не тычет палкой в спящего медведя», — напомнил он себе. Но народная мудрость не изменила его намерений. И он таки коснулся ящика, легонько, подушечками пальцев, потом понюхал их. Уловил запах камфары, огня и, он мог в этом поклясться, цветов далекой северной страны, которые цвели в снегу.

Роланд всмотрелся в вырезанные на крышке ящика розу, камень и дверь. А также в символы под дверью:

Опять потянулся к ящику. Каллагэн хотел перехватить его руку, но в последний момент передумал. Роланд коснулся крайнего символа под дверью. Вновь гудение, доносящееся из-под крышки, усилилось, гудения хранящегося в ящике шара.

— Не..? — прошептал он и прошелся пальцем по символам. — Не... найденная? — вроде бы озвучил прочитанное пальцами.

— Да, я уверен, что так оно и есть, — откликнулся Каллагэн. По шепоту чувствовалось, что он очень доволен, но, тем не менее, ухватился за запястье Роланда, с тем, чтобы оторвать его палец от ящика. Пот заблестел и на лбу, и на предплечьях. — Определенная логика в этом есть. Лист, камень, ненайденная дверь. Это символы из книги в моей реальности. Она называется «Обрати взгляд к родному дому, ангел».

«Лист, камень, дверь, — думал Роланд. — Роза кажется ему листом. Пожалуй. Такое вполне возможно».

— Ты его возьмешь? — спросил Каллагэн. Голос зазвучал громче, уже не шепот, в нем явственно чувствовалась мольба.

— Ты его видел, отец, сам шар?

— Ага. Однажды. Ничего ужаснее невозможно представить. Глаз чудовища из мира, недоступного Богу. Ты его возьмешь, стрелок?

— Да.

— Когда?

Роланд вдруг услышал колокольца, мелодию прекрасную и отвратительную одновременно, заставляющую скрипеть зубами. На мгновение стены церкви отца Каллагэна начали таять.

Словно Магический кристалл, лежащий ящике, говорил им: «Вы видите, как мало от вас зависит? Как быстро и легко я могу все изменить, если у меня возникнет такое желание? Берегись, стрелок! Берегись, шаман! Пропать вокруг вас! И достаточно моей прихоти, чтобы вы рухнули в нее».

И тут же все стихло.

— Когда? — Каллагэн перегнулся через зев люка, в котором стоял ящик, схватил Роланда за рубашку. — Когда?

— Скоро, — ответил Роланд.

Слишком скоро, — уточнило его сердце.

«Двадцать четыре, — думал Роланд в тот вечер, слыша крики подростков и лай Ыша. Он сидел на заднем крыльце дома Эйзенхарта в „Рокинг Би“. В Гилеаде, такое крыльцо, выходящее на поля, сараи и амбары, называлось рабочим. — Двадцать четыре дня до прихода Волков. И сколько до родов Сюзанны?»

Жуткая мысль вдруг мелькнула в голове. А если Миа, вторая личность, возникшая в теле Сюзанны, родит свое чудище аккурат в тот день, когда Волки придут в Калью? Такое казалось маловероятным, но, как резонно указывал Эдди, совпадения отменены. Роланд склонялся к тому, чтобы признать его правоту. И уж конечно, у них не было никакой возможности рассчитать период вынашивания этого монстра. Даже если бы речь шла о человеке, никто не мог гарантировать, что девять месяцев останутся девятью месяцами. Потому что время обрело способность растягиваться и ужиматься.

— Мальчики! — закричал Эйзенхарт. — Что, во имя Человека-Иисуса я скажу своей жене, если кто-нибудь из вас разобьется насмерть, прыгая с этого амбара?

— С нами ничего не случится, — прокричал в ответ Бенни Слайтман. — Энди не допустит, чтобы мы разбились! — мальчик, в комбинезоне и босиком, стоял в проеме ворот сеновала, над толстой доской с вырезанным на ней названием ранчо: «РОКИНГ БИ». — Или ты хочешь, чтобы мы на сегодня заканчивали с игрой, сэй?

Эйзенхарт взглянул на Роланда, который видел, что Джейк стоит за спиной Бенни, с нетерпением ожидая свой очереди, в таком же комбинезоне, позаимствованном у своего нового приятеля. Стрелок улыбнулся. Не смотрелся Джейк в такой одежде.

— Мне без разницы, будут они прыгать дальше или угомонятся, если ты это хочешь знать, — ответил Роланд на взгляд-вопрос.

— Продолжайте! — крикнул ранчер и вновь сосредоточился на железяках, которые лежали на крыльце. — Так что ты скажешь? Можно из этого стрелять?

Эйзенхарт представил Роланду для инспекции все свое оружие. Винтовку, ту самую, с которой приезжал в город на собрание, созванное Тианом Джеффордсом, и два револьвера, такие Роланд и его друзья в детстве называли «бочкострелами», из-за больших цилиндров-барабанов, которые после каждого выстрела приходилось поворачивать ребром ладони. Роланд без единого слова разобрал оружие. Вновь достал ружейное масло. Только на этот раз налил его в миску, а не в плошку.

— Я спросил...

— Я тебя слышал, сэй. Твоя винтовка в отличном состоянии. Что же касается бочкострелов... — он покачал головой. — Вот этот, с рукояткой из никеля, может стрелять. Второй можно зарыть в землю. Возможно, из него вырастит что-нибудь более полезное.

— Это очень печально, — покачал головой Эйзенхарт. — Они принадлежали моему отцу, а до того — его отцу. Находятся в семье уже восемь поколений. Появились еще до Волков. Их всегда бережно хранили и передавали любимому сыну по завещанию. Я вот очень обрадовался, когда они достались мне, а не моему старшему брату.

— У тебя был близнец? — спросил Роланд.

— Ага, Верна, — Эйзенхарт легко и часто улыбался, улыбнулся и сейчас, но улыбка под сидящими усами получилось натуженной, улыбка человека, который не хочет, чтобы другие

знали о его переживаниях. — Прекрасная, как заря. Она уже десять лет, как умерла. Рано, конечно, но для рунтов это обычное дело.

— Мне очень жаль.

— Я говорю, спасибо тебе.

Красное солнце опускалось на юго-западе, окрашивая двор в цвет крови. На крыльце стояли два кресла-качалки. Эйзенхарт сидел в одном из них. Роланд, скрестив ноги, устроился на досках, приводя в порядок наследство ранчера. Тот факт, что из револьверов, возможно, никогда не стреляли, для Роланда ровным счетом ничего не значил. Нравилось стрелку чистить оружие, это занятие его успокаивало.

А потом, со скоростью, показавшейся ранчеру невероятной, Роланд собрал винтовку и револьверы, положил их на кусок оленьей шкуры, вытер руки тряпкой и сел рядом с Эйзенхартом. Он догадался, что в обычные вечера, когда ранчо не посещали высокие гости, Эйзенхарт и его жена частенько сидели на этом крыльце бок о бок, наблюдая, как солнце скатывается за горизонт, а день сменяется ночью.

Роланд порылся в кошеле, нашел кисет, достал и скрутил самокрутку из ароматного сладкого табака Каллагэна. Бумагу заметила тонкая обертка кукурузного початка. Их Роланд получил в подарок от Розалиты. Стрелок подумал, что обертка эта даже лучше папиросной бумаги и с мгновение любовался своим творением, прежде чем поднести конец к огоньку спички, которую Эйзенхарт зажег, чиркнув о шершавый ноготь. Стрелок глубоко затянулся, выдохнул облачко дыма, которое медленно поднималось в теплом, вечернем воздухе.

— Хорошо! — Роланд улыбнулся и кивнул.

— Правда? Что ж, рад за тебя. Сам-то я к табаку не пристрастился.

Амбар был куда больше дома ранчера, в пятьдесят ярдов длиной, в пятьдесят футов высотой. Перед ним, в соответствии с сезоном, часовыми стояли пугала с головами-тыквами. Над открытыми воротами сеновала выдавался вперед торец коньковой балки, к которой крепились стропила. К балке привязали конец веревки. Внизу, во дворе, мальчики сложили достаточно высокую копну соломы. Ёш стоял с одной ее стороны, Энди — с другой. Оба смотрели вверх. Бенни Слайтман взялся за свободный конец веревки, подергал, потом отступил назад, скрылся из виду. Ёш начал гавкать. Мгновение позже Бенни уже бежал вперед, обмотав кулаки веревкой, длинные волосы развевались, как флаг.

— Гилеад и Эльд! — крикнул он, с силой оттолкнувшись. И прыгнул в красный закатный воздух. Его тень поспешила за ним.

— Бен-Бен! — тявкнул Ёш. — Бен-Бен-Бен!

Мальчик отпустил веревку, плюхнулся в солому, исчез, появляясь, заливаясь смехом. Энди протянул ему металлическую руку, но Бенни проигнорировал ее, легко спрыгнул на утоптанную землю. Ёш, гавкая, запрыгал вокруг него.

— Они всегда так кричат в игре? — спросил Роланд.

Эйзенхарт хохотнул.

— Отнюдь! Обычно это Ориса, или Человек-Иисус, или «Хайл, Калья», или все вперемешку. Я думаю, твой мальчик много чего порассказал младшему Слайтману.

Роланд проигнорировал легкое недовольство, которое чувствовалось в ответе ранчера, наблюдая, как Джейк втаскивает веревку на сеновал. Бенни лег на спине, изображая мертвого, и Ёш тут же принялся лизать его лицо. Потом Бенни сел, смеясь. У Роланда не оставалось сомнений в том, что Энди перехватил бы мальчика, если б тот проскочил мимо копны.

К одной из стен амбара примыкал загон для рабочих лошадей. Там их уже было не меньше двадцати. Трое ковбоев в пончо и коротких сапогах вели к загону еще шесть лошадей. С другой стороны находился загон для бычков. В ближайшие недели их предстояло забить и отправить

мясо вниз по реке на торговых баржах.

Джейк ретировался на сеновал, потом выскочил оттуда, крича: «Нью-Йорк! Таймс-сквер! Эмпайр-Стейт-Билдинг! Башни-близнецы! Статуя свободы!» И полетел по широкой дуге, которую «вычерчивал» свободный конец веревки. Они наблюдали, как Джейк, смеясь, исчез в соломе.

— Есть ли особая причина, по которой ты захотел, чтобы остальные двое остались у Джеффордсов? — спросил Эйзенхарт. Как бы между прочим, но Роланд почувствовал, что ответ ему небезынтересен.

— Рассредоточиться — для нас наилучший вариант. Тогда мы сможем больше увидеть и узнать. Времени в обрез. Надо принимать решения, — он говорил правду, но не всю, и Эйзенхарт, скорее всего, это понял. Он был умнее и проницательнее Оуверхолсера. И решительно выступал против оказания сопротивления Волкам, во всяком случае, пока. Тем не менее, Роланду он понравился. Здоровенный, честный, с хорошо развитым чувством юмора, свойственным потомственным крестьянам. Роланд подумал, что он может перейти на их сторону, увидев, что у них есть шанс на победу.

По пути к «Рокинг Би» они посетили полдюжины мелких ферм на берегу реки, где, в основном выращивался рис. Эйзенхарт представлял хозяев и гостей. На каждой ферме Роланд задавал те же два вопроса, что и прошлым вечером в Павильоне: «Будете ли вы так же открыты с нами, как мы — с вами? Вы видите в нас тех, кто мы есть, и принимаете, что мы делаем?» Везде ему дважды отвечали — да. Такие же ответы он получил и от Эйзенхарта. Но Роланд прекрасно понимал, что третий вопрос задавать еще рано. Пока необходимости в этом не было. У них оставалось более трех недель.

— Мы живем, стрелок, — нарушил затянувшееся молчание Эйзенхарт, — Продолжаем жить, несмотря на Волков. Когда-то был Гилеад, теперь нет Гилеада, тебе это известно лучше других, но мы живем. А вот если мы выступим против Волков, все переменится. Для тебя и твоих спутников то, что произойдет на Дуге, ровным счетом ничего не значит. Если вы выживете и победите, то продолжите свой путь. Если проиграете и умрете, нам идти некуда.

— Но...

Эйзенхарт поднял руку.

— Выслушай меня, я прошу. Можешь ты выслушать меня?

Роланд кивнул, смирившись с неизбежным. Впрочем, он полагал, что Эйзенхарту надо дать выговориться. Мальчишки, тем временем, бежали к амбару, чтобы успеть прыгнуть еще по разу. Надвигающаяся темнота грозила положить конец их играм. Стрелок задался вопросом, а каковы успехи Эдди и Сюзанны? Поговорили они с дедом Тиана? Если да, узнали что-нибудь важное?

— Допустим, они пошлют пятьдесят, может, даже шестьдесят, как случалось прежде, и не один раз? Допустим, мы их уничтожим? А потом, через неделю или месяц, после того, как вы уйдете, они выставят против нас пять сотен?

Роланд задумался над вопросом. И еще не успел ответить, когда к ним присоединилась Маргарет Эйзенхарт. Стройная, худощавая, сорока с чем-то лет, с маленькой грудью, в джинсах и рубашке из серого шелка. В черных волосах собранных в пучок на затылке, бежали седые пряди. Одну руку она прятала под фартуком.

— Это логичный вопрос, — вмешалась она, — только задал ты его слишком рано. Дай ему и его друзьям неделю, чтобы они могли осмотреться и увидеть то, что захотят увидеть.

Во взгляде Эйзенхарта, брошенном на свою половину, читалось и добродушие, и легкое раздражение.

— Разве я говорю тебе, как хозяйничать на кухне, женщина? Когда готовить, а когда мыть посуду?

— Только четыре раза в неделю, — ответила она. Потом, увидев, что Роланд уже поднимается с кресла-качалки, остановила его. — Нет, сиди, прошу тебя. Я целый час просидела, резала тыкву с Эдной, его теткой, — она мотнула головой в сторону Бенни. — Так что постоять очень даже приятно, — она с улыбкой наблюдала, как мальчишки, один за другим, приземлились в копну соломы. Оба заливисто смеялись, Ыш гавкал. — Воуну и мне не пришлось познать на себе весь этот ужас, Роланд. У нас шестеро детей, все близнецы, но они выросли в промежутке между налетами Волков. Поэтому, возможно, не нам принимать решение.

— Везение не превращает человека в глупца, — проворчал Эйзенхарт. — Скорее, наоборот, если хочешь знать мое мнение. Холодный глаз видит лучше.

— Возможно, — она наблюдала, как мальчишки вновь бегут к амбару. Каждый стремился первым добраться до лестницы. — Ага, возможно. Но сердце тоже имеет право голоса, и мужчина или женщина, которые не прислушиваются к этому голосу, точно глупцы. Иногда лучше прыгнуть с веревки, даже если уже слишком темно, чтобы разглядеть, есть внизу солома или нет.

Роланд наклонился вперед, коснулся ее руки.

— Я бы не смог сказать лучше.

Он чуть улыбнулась ему, одними губами. Лишь мгновение смотрела на него, чтобы тут же повернуться к мальчишкам, но и егохватило Роланду, чтобы понять: она испугана. Более того, просто в ужасе.

— Бен, Джейк! — позвала Маргарет. — Достаточно! Пора умыться, а потом ужинать. Сегодня у нас пирог для тех, кто сможет его съесть, и сливки!

Бенни подошел к воротам сеновала.

— Папа говорит, что мы сегодня можем переночевать в моей палатке на обрыве, сэй, если ты не возражаешь.

Маргарет посмотрела на мужа. Тот кивнул.

— Хорошо! Ставьте палатку и радуйтесь, а сейчас спускайтесь, если хотите получить пирог. Последнее предупреждение! Но сначала умойтесь! Чтоб за стол садились с чистыми руками и лицами!

— Ага, мы говорим, спасибо тебе, — ответил Бенни. — А можно будет дать кусок пирога Ышу?

Маргарет Эйзенхарт провела левой рукой по лбу, словно у нее болела голова. Правая, как заметил Роланд, так и не показалась из-под фартука.

— Ага, ушастик-путаник тоже получит пирог. Я уверена, что на самом деле он — Артур Эльдский, который, вернув себе человеческий облик, вознаградит меня драгоценными камнями, золотом и даром врачевания.

— Спасибо, сэй, — крикнул Джейк. — Можно нам прыгнуть еще по разу? Это самый быстрый путь вниз.

— Я поймаю их, если они полетят не туда, Маргарет-сэй, — синие глаза Энди сверкнули, потом поблекли. В роботе Роланд различал две личности: с одной стороны видел заботливую тетушку, из старых дев, с другой — шута горохового, никому не приносящего вреда. Обе ему не нравились, и он прекрасно понимал, почему. Стрелок не доверял технике вообще, а особенно технике, которая ходила и разговаривала.

— Именно последний прыжок обычно чреват сломанной ногой, — буркнул Эйзенхарт, — но прыгайте, если хотите.

Они прыгнули, и все обошлось без сломанных ног. Мальчишки точно приземлились на солому, со смехом выпрыгнули из стога, переглянулись, а потом наперегонки помчались к

кухне. Ыш — за ними. Словно овчарка за овцами.

— Это замечательно, что дети так быстро подружились, — сказала Маргарет. Но на ее лице читалась не радость, а грусть.

— Да, — кивнул Роланд. — Замечательно, — он положил кошель на колени, хотел уже коснуться уже узла завязок, но передумал. — Чем лучше всего владеют ваши люди? — спросил он Эйзенхарта. — Луком или арбалетом? Я уверен, что о револьвере или винтовке речи быть не может.

— Мы предпочитаем арбалет, — ответил Эйзенхарт. — Поставил стрелу, прицелился, выстрелил, и все дела.

Роланд кивнул. Этого он и ожидал. Ответ его не порадовал, дальность точного выстрела из арбалета редко превышала двадцать пять ярдов, да и то в безветренный день. А при сильном бризе... или, не дай бог, порывистом ветре...

Но Эйзенхарт смотрел на свою жену. И во взгляде читалось восхищение. Она же, приподняв брови, смотрела на него. Словно задавала молчаливый вопрос. Какой? Наверняка он имел отношение к ее руке, спрятанной под фартуком.

— Давай, скажи ему, — он нацелил палец на Роланда. — Хотя это ничего не изменит. Ничего! Скажи, прошу тебя! — губы под усами разошлись в усмешке. Роланд ничего не понимал, но почувствовал, как в нем затеплилась надежда. Возможно, ложная, но все лучше, чем тревоги и разочарования, которые замучили его в последнее время.

— Нет, — скромно потупилась Маргарет. — Говорить — это не мое. Показать могу, но не говорить.

Эйзенхарт вздохнул, задумался, потом повернулся к Роланду.

— Ты станцевал танец риса, значит, знаешь о леди Орисе.

Роланд кивнул. В одних местах Госпожа риса почиталась как богиня, в других считалась героиней-воительницей, в третьих, и первой, и второй.

— И ты знаешь, как она разделалась с Серым Диком, который убил ее отца?

Роланд снова кивнул.

2

Согласно легенде (хорошей легенде, которую стоило рассказать Эдди, Сюзанне и Джейку, если у них вновь появилось бы время для историй), леди Ориса пригласила Серого Дика, знаменитого главаря разбойников, на обед в Уэйдон, свой замок на реке Сенд. По ее словам, она хотела простить его за убийство отца, поскольку приняла сердцем Человека-Иисуса и хотела во всем следовать Его учению.

Ты заманишь меня в западню и убьешь, если мне достанет глупости прийти в замок, ответил ей Серый Дик.

Нет, нет, возразила леди Ориса, даже не думай. Все оружие останется за дверьми банкетного зала, где мы будем вдвоем, я — у одного торца длинного стола, ты — у другого.

Ты спрячешь кинжал в рукаве или пращу под платье, продолжал сомневаться Серый Дик. А если не спрячешь ты, спрячу я.

Нет, нет, заверила его леди Ориса. Даже не думай. Потому что мы будем голые.

Вот тут в Сером Дике разыгралась похоть, ибо леди Ориса была красавицей. Разбойника возбуждала мысль о том, что его член встанет от вида ее голых грудей и треугольника волос между ног, и никакие штаны не будут укрывать его молодца от ее девичьего взгляда. Он подумал, что понял, какая причина подвигла ее на это приглашение. «Его кичливое сердце

сослужит ему нехорошую службу», — сказала леди Ориса своей служанке (звали ее Мариам, и за ней числилось немало авантюр).

Она не ошиблась. «Я убил лорда Гренфолла, самого могущественного барона в приречных феодах, — сказал себе Серый Дик. — А в мстителях у него осталась только слабая дочь (зато ослепительно красивая). Не удивительно, что она готова пойти на мировую. Может, речь пойдет и о брачном союзе, если здравомыслия у нее не меньше, чем красоты».

В общем, он принял предложение. Его люди обыскали банкетный зал до прихода Серого Дика, и не обнаружили оружия, ни на столе, ни под столом, ни за гобеленами. Никто из них, естественно, не знал, что многие недели, предшествующие встрече с Серым Диком, леди Ориса училась бросать особым образом отбалансированную тарелку. Тренировалась по много часов в день. Силы ей всегда хватало, не жаловалась она и на остроту зрения. А кроме того, ненавидела Серого Дика всем сердцем и была готова пойти на все, лишь бы отомстить.

Обеденная тарелка Орисы отличалась не только балансировкой, но и остротой кромки. Люди Дика это проглядели, как и рассчитывали леди Ориса и Мариан. Вот так и начался этот более чем странный банкет. У одного торца стола сидел смеющийся, голый разбойник, у другого, в тридцати футах от него, скромно улыбающаяся красавица, тоже в чем мать родила. Они подняли бокалы, наполненные лучшим красным вином лорда Гренфолла. Леди Ориса чуть не обезумела от злости, наблюдая, как этот мужлан хлебает вино, словно воду, не обращая ни малейшего внимания ни на вкус, ни на букет, и алые капли скатываются с его подбородка на волосатую грудь, но ничем не выдала своих чувств. Лишь кокетливо улыбалась да маленькими глотками пила вино из своего бокала. Его взгляд так и шарил по ее обнаженной груди. Ей казалось, что какие-то мерзкие насекомые ползают по коже.

Сколько продолжался этот цирк? Некоторые сказители утверждали, что она расправилась с Серым Диком после второго тоста (Он поднял бокал со словами: «Пусть твоя красота расцветет еще сильнее». Она: «Пусть твой первый день в аду длится десять тысяч лет и будет самым коротким»). Другие — что они отведали двенадцать блюд, прежде чем леди Ориса ухватила за свою необычную тарелку, глядя Серому Дику в глаза и улыбаясь, тогда как ее пальцы перевернули тарелку и сжали ее в том секторе, где кромку не заостряли.

Но в любом случае история заканчивалась одинаково, броском тарелки. Специальные желобки на днище, под острой кромкой, обеспечивали тарелке устойчивость в полете. И она полетела, со свистом, отбрасывая тень на блюда с жареным мясом и индейкой, овощами и фруктами.

А через мгновение после броска, рука леди Орисы так и осталась вытянутой в направлении убийцы ее отца, указательный палец напоминал ствол револьвера, голова Серого Дика вылетела через открытую дверь в холл. Еще мгновение тело Серого Дика продолжало сидеть за столом, член стоял колом, потом поник, а грудь упала в тарелку, на горку мяса и приготовленного с пряностями риса.

Леди Ориса (в своих странствиях Роланд попадал в места, где ее называли Госпожой тарелок) подняла бокал и произнесла тост, обращаясь к безжизненному телу.

— Пусть твой первый день в аду длится десять тысяч лет, — пробормотал Роланд. Маргарет кивнула.

— Ага, и будет самым коротким. Я бы с радостью произнесла этот тост над каждым из Волков. Над каждым и всеми! — левая рука сжалась в кулачок. В красном закатном свете

казалось, что ее лицо горит в лихорадке. — У нас шестеро детей, понимаешь? Ровно полдюжины. Он тебе сказал, что не осталось ни одного, чтобы помочь с забоем скотины? Он тебе это сказал, стрелок?

— Маргарет, в этом нет необходимости, — Эйзенхарт заерзал в кресле-качалке.

— А может есть? Это имеет отношение к нашему разговору. Может, ты и платишь цену за то, что прыгаешь, но иногда приходится платить больше за то, что стоишь и смотришь. Я родила первых двоих, Тома и Тессу, за месяц до того, как Волки появились в прошлый раз. Потом остальных. Нашим младшим сейчас по пятнадцать, понимаешь?

— Маргарет...

Она проигнорировала мужа.

— Но они не могли быть такими же счастливыми со своими детьми, и знали это. Вот они и ушли. Некоторые на север Дуги, другие — на дальний юг. В поисках мест, куда не приходят Волки.

Она повернулась к Эйзенхарту, и хотя обращались к Роланду, слова ее, похоже, предназначались мужу.

— Один из пары. Такова дань, которую Калья Брин Стерджис платит Волкам. Каждые двадцать с небольшим лет. За исключением нас. Они отняли у нас всех детей. Всех... наших... шестерых... детей, — она наклонилась к Роланду, похлопала по колену, подчеркивая смысл сказанного. — Ты это понимаешь?

Тишина воцарилась на заднем крыльце. В загоне продолжали мычать обреченные на смерть бычки. Из кухни доносился мальчишечий смех, вызванный какой-то фразой Энди.

Эйзенхарт поник головой. Роланд видел только седину усов, но, и не глядя ему в лицо мог сказать, что ранчер или плачет, или изо всех сил старается сдержать слезы.

— Только не думай, что я хотела чем-то укорить тебя, — Маргарет с бесконечной нежностью погладила плечо мужа. — И они иногда возвращаются, ага, чего не случается с мертвыми, кроме как в снах. Но они еще не такие взрослые, чтобы не скучать по матери и обойтись без вопросов к отцу. И, тем не менее, ушли. Эта цена безопасности их детей, как ты должен понимать, — она смотрела на Эйзенхарта, одна рука лежала на его плече, вторая пряталась под фартуком. — А теперь скажи, как сильно ты на меня злишься, потому что я это вижу.

Эйзенхарт покачал головой.

— Не злюсь, — ответил он сдавленным голосом.

— Так, может, ты передумал?

Эйзенхарт вновь покачал головой.

— Старый упрямец, — в голосе слышалась любовь. — Ничем тебя не переубедишь, и мы все говорим, спасибо тебе.

— Я об этом думаю, — голову он по-прежнему не поднимал. — Все еще думаю, и это больше, чем я сам от себя ожидал... обычно сразу принимаю решение, и никогда его не меняю, — он посмотрел на стрелка. — Роланд, как я понимаю, в лесу юный Джейк показал Оуверхолсеру и остальным, как надо стрелять пулями. Может, мы тоже сможем тебе кое-что показать, даже удивить. Магги, пойдй в дом и принеси свою орису.

— Нет нужды, — Маргарет наконец-то вытащила правую руку из-под фартука. — Я ее уже принесла, вот она.

Эту тарелку могли бы узнать и Детта, и Миа, синюю тарелку, с затейливой вязью по периметру. Присмотревшись, Роланд увидел, что вязь эта — молодые ростки риса. Когда сэй Эйзенхарт постучал по тарелке костяшками пальцем, она зазвенела. Роланд уже понял, что изготовлена она не из фарфора. Тогда, из стекла? Какого-то особого стекла?

Он протянул руку с уважительным видом человека, разбирающегося в оружии и знающего, как с ним обращаться. Маргарет замялась, прикусила губу. Роланд потянулся к кобуре, ремень с ней он надел еще до ленча на лужайке у церкви, вытащил револьвер. Протянул ей, рукояткой вперед.

— Нет, — выдохнула она. — Не надо мне предлагать в залог стрелялку, Роланд. Полагаю, если Воун приглашает тебя в дом, я могу доверить тебе мою орису. Только будь осторожен, а не то останешься еще без одного пальца, а я думаю, что они тебе дороги. Двух на правой руке ты уже лишился.

Одного взгляда на синюю тарелку, орису Маргарет, хватило, чтобы Роланд оценил мудрость предупреждения. И одновременно почувствовал, как разгорается искорка надежды. Давно уже он не видел нового достойного оружия, а такое никогда ему не встречалось.

Тарелку сделали не из стекла — металла, легкого и прочного сплава. Размером она ничем не отличалась от обычной обеденной тарелки, диаметром в фут, может, чуть больше. На трех четвертях периметра кромка остротой не уступала бритве.

— Всегда понятно, где можно ухватиться за тарелку, даже если ты торопишься, — сказала Маргарет. — Потому что, сам видишь...

— Вижу, — в голосе Роланда слышалось восхищение. Два ростка риса перекрещивались, образуя букву Высокого Слога Zп, которая несла в себе два понятия: zi (вечное) и en (настоящее). Именно в месте перекреста, а найти его мог только очень острый глаз, кромка была не только матовой, но и более толстой, и не грозила отсечь палец или разрезать руку. Именно за это место и ухватывалась ориса.

Роланд перевернул тарелку. На доньшке, по центру, увидел маленький выступ. Джейку выступ этот напомнил бы точилку для карандашей, какую он носил в кармане в первом классе. Роланд никогда в жизни не точилки для карандашей, поэтому в выступе он уловил некую схожесть с коконом, из которого вылупилось какое-то насекомое.

— Он издает свист при полете орисы, понимаешь, — Маргарет видела искреннее восхищение Роланда и реагировала на него: щеки разругались, глаза заблестели.

— Другого назначения у него нет?

— Нет, — ответила она. — Но ориса должна лететь со свистом, как и в легенде, не так ли?

Роланд кивнул. Естественно, только так и не иначе.

— Сестры Орисы, — продолжила Маргарет, — это группа женщин. Которым нравится помогать другим...

— И сплетничать о других, — пробурчал Эйзенхарт, но очень уж доброжелательно.

— Ага, и это тоже, — признала она.

Они готовили угощение на поминки и праздники (именно сестры накрывали столы в Павильоне прошлым вечером). Если у кого-то сгорал дом или чью-то ферму затапливало при разливе Девар-Тете, сестры организовывали сбор помощи. Они же поддерживали чистоту и порядок в Павильоне и городском Зале собраний. Устраивали танцы для молодежи и следили за соблюдением приличий. Богатые люди (вроде Тука), иногда нанимали их для проведения свадебных церемоний, и такие свадьбы, будьте уверены, оставались в памяти жителей Кальи на долгие месяцы. В своем кругу они, конечно же, сплетничали, она этого не отрицала, а также играли в карты, «очки», «замки».

— И вы бросаете тарелку, — добавил Роланд.

— Ага, — кивнула она, — но ты должен понимать, что мы это делаем только для развлечения. Охота — мужская работа, и они отлично управляют с арбалетом, — она вновь гладила мужа по плечу, на этот раз, как показалось Роланду, более нервно. Он также подумал, если бы мы мужчины отлично управлялись с арбалетом, она бы не принесла бы с собой это смертоносное оружие. И Эйзенхарт этого бы не одобрил.

Роланд открыл табачный кисет, достал одну из оберток кукурузного початка, которые дала ему Розалита, подбросил ее и поставил кромку тарелки. Мгновением позже обертка разделась на две половинки, которые и упали на крыльцо. «Только для развлечения», — Роланд повторил про себя слова Маргарет и едва сдержал улыбку.

— Что это за металл? — спросил он. — Ты знаешь?

Брови Маргарет чуть поднялись, она, похоже, не ожидала такого вопроса, но ответила.

— Из титана, по словам Энди. Тарелки привозят из одного старого заводского здания, на далеком севере, в Калье Сен Че. Там много руин. Сама я в тех краях никогда не была, но слышала много историй. В основном, страшных.

Роланд кивнул.

— И эти тарелки... как они изготавливаются? Их делает Энди?

Она покачала головой.

— Он не может или не хочет. Точно сказать не могу. Их изготавливают женщины Кальи Сен Че, а потом рассылают по всем Кальям. До Кальи Дивайн на дальнем юге.

— Их изготавливают женщины, — повторил Роланд. — Женщины.

— Где-то есть машина, которая их изготавливает, вот и все, — вмешался Эйзенхарт. Роланда позабавил его тон, в котором слышалась обида. — А от женщин требуется лишь нажимать на кнопку.

Маргарет с улыбкой смотрела на него, не произнося ни слова. Может, она и не знала, как изготавливаются тарелки, но ей было доподлинно известно, что необходимо для сохранения мира в семье.

— Значит, Сестры есть в каждом городке Дуги, с севера до юга, — уточнил Роланд. — И все они могут бросать тарелки.

— Ага... от Кальи Сен Че на севере до Кальи Дивайн на юге. Дальше — не знаю. Мы любим помогать людям и любим поболтать. Раз в месяц мы бросаем тарелки, в память о том, как леди Ориса отомстила Серому Дику, но лишь у некоторых получается.

— У тебя получается, сэй?

Она молчала, кусая нижнюю губу.

— Покажи ему, — рыкнул Эйзенхарт. — Покажи ему и покончим с этим.

5

Они спустились с крыльца, жена ранчера первой, Эйзенхарт — за ней, Роланд последним. Позади них открылась и закрылась дверь кухни.

— Славные боги, миссас Эйзенхарт собирается бросать тарелку! — радостно воскликнул Бенни Слайтман. — Джейк! Ты не поверишь своим глазам!

— Отошли их в дом, Воун, — Маргарет глянула на мужа. — Незачем им это видеть.

— Нет, пусть смотрят, — возразил Эйзенхарт. — Мальчикам не повредит, если они увидят, что может женщина.

— Отошлем их в дом, Роланд, да? — теперь она повернулась к стрелку, покрасневшая, со сверкающими глазами и очень хорошенькая. Роланду показалось, что теперь она выглядит на

добрых десять лет моложе, в сравнении с той Маргарет, что вышла из дома с орисой под фартуком, но он задался вопросом, а удастся ли ей точно бросить тарелку в таком состоянии. Ему очень хотелось это увидеть, потому что удар из засады — грубая работа, и волнение ни в коем случае не должно мешать быстроте и точности.

— Я согласен с твоим мужем, — ответил он. — И позволил бы им остаться.

— Пусть будет по-вашему, — вроде бы с неохотой согласилась Маргарет, но Роланд видел, что она довольна, что ей нужны зрители. И надежда все крепла. Роланд подумал, что у жены ранчера, среднего возраста, миниатюрной, с маленькой грудью и тронутыми сединой волосами, сердце охотницы. Не стрелка, конечно, но в такой ситуации он бы не отказался получить в свое распоряжение нескольких охотников... нескольких киллеров... без разницы, мужчин или женщин.

Она направилась к амбару. Когда до пугал, охранявших ворота, оставалось пятьдесят ярдов, Роланд коснулся руки Маргарет, остановив ее.

— Нет, — она покачала головой. — Слишком далеко.

— Я видел, как ты бросала тарелку и с большего расстояния, — возразил Эйзенхарн, а когда она бросила на него сердитый взгляд, добавил. — Да, видел.

— Может и видел, только тогда рядом не стоял стрелок из рода Эльда, — фыркнула она, но не сдвинулась с места.

Роланд подошел к амбару, снял с одного из пугал, того, что стояло слева, голову, лыбящуюся тыкву, вошел в амбар, без труда нашел секцию с картофелем, взял картофелину, вышел из амбара, положил на плечи пугала, взамен тыквы. Поскольку размерами пугало не уступало человеку, контраст между головой и туловищем получился разительный. Теперь пугало напоминало карнавального уродца.

— О, Роланд, нет! — закричала Маргарет. — У меня не получится! Я не смогу!

— Я тебе не верю, — стрелок отступил в сторону. — Бросай.

На мгновение подумал, что орису она не бросит. Маргарет огляделась в поисках мужа. Если б Эйзенхарт остался рядом, точно сунула бы тарелку ему в руки, а сама бросилась в дом, не думая, порежется он или нет. Но Воун Эйзенхарт уже отошел к ступенькам крыльца. Мальчишки стояли у него за спиной, Бенни Слайтман улыбался, зато Джейк пристально наблюдал за ней, сдвинув брови, чтобы ничего не упустить.

— Роланд, я...

— Хватит, миссас. О прыжках ты все говорила правильно, но теперь я хочу посмотреть, не расходятся ли у тебя слова с делами. Бросай.

Она отпрянула, глаза широко раскрылись, словно ей отвесили оплеуху. А потом повернулась к пугалу, занесла правую руку над левым плечом. Последние лучи заходящего солнца окрасили тарелку в багрянец. Губы Маргарет превратились в тонкую белую линию. На мгновение мир застыл.

— Риса! — яростно, пронзительно выкрикнула она, и выбросила руку вперед. Пальцы разжались, указательный вытянулся вдоль линии, по которой полетела тарелка. Из всех, кто находился во дворе (в том числе и три ковбоя, которые тоже остановились, чтобы посмотреть, как хозяйка бросает орису), только Роланду хватило остроты глаз, чтобы проследить за полетом тарелки.

«Точный бросок! — радостно подумал он. — Очень точный!»

Тарелка с низким воем летела над утоптанной землей двора. Менее двух секунд потребовалось тарелке для того, чтобы достичь цели. Картофелина развалилась на две половинки, одна упала на землю у правой руки чучела, вторая — у левой. Сама же ориса вонзилась в воротину.

Мальчишки издали восторженный крик. Бенни вскинул руку с раскрытой ладонью, как научил его новый друг, Джейк, звонко хлопнул по ней второй ладонью.

— Отличный бросок, сэй Эйзенхарт! — крикнул Джейк.

— Отличное попадание! Спасибо тебе! — добавил Бенни.

Роланд заметил, как разошлись губы женщины, обнажая зубы, когда она услышала эту искреннюю похвалу, совсем как у лошади, увидевшей змею.

— Мальчишки, на вашем месте я бы ушел в дом, — сказал он. На лице Бенни отразилось недоумение. Джейк еще раз взглянул на Маргарет Эйзенхарт и все понял. Ты делаешь, что от тебя следует... а потом до тебя доходит, что ты сделал.

— Пошли, Бен, — бросил он.

— Но...

— Пошли, — он взял своего нового друга за руку и потянул к кухонной двери.

Роланд позволил женщине постоять несколько секунд, чтобы она пришла в себя. На ее щеках еще горели пятна румянца, но в остальном лицо побелело, как молоко. Стрелок подумал, что она изо всех сил старается побороть тошноту.

Подошел к воротине амбара, схватился за сектор орисы с тупой кромкой, потянул на себя. Удивился, сколь большое усилие пришлось приложить, прежде чем тарелка шевельнулась и, наконец, ее удалось вытащить. Он принес тарелку Маргарет, протянул со словами:

— Твой инструмент.

Поначалу она орису не взяла, зато бросила на Роланда полный ненависти взгляд.

— Почему ты насмехаешься надо мной, Роланд. Как ты узнал, что Воун взял меня из клана Мэнни? Скажи нам, прошу тебя.

Помогла, конечно, роза, прикосновение к ней усилило интуицию, помогло и лицо Маргарет, в котором было немало общего с лицом старика Хенчека. Но он не собирался объяснять этой женщине, каким путем и откуда попадали к нему те или иные сведения. Поэтому просто покачал головой.

— Я этого не знал. И не насмехался над тобой.

Маргарет Эйзенхарт ухватила Роланда за шею. Сухой, жаркой ладонью. Наклонила ухо к своему перекошенному рту. Он подумал, что уловил запах всех кошмаров, которые мучили его с того момента, как она решила покинуть своих близких ради крупного ранчера Кальи Брин Стерджис.

— Я видела, как вчера вечером ты говорил с Хенчеком. И еще будешь говорить с ним? Будешь, не так ли?

Роланд кивнул, замороженной ее хваткой. Невероятной для такого миниатюрного тела силой. Она шумно дышала ему в ухо. Неужто лунатик таился внутри каждого, даже в такой вот женщине? На этот вопрос ответить Роланд не мог.

— Хорошо. Я говорю, спасибо тебе. Передай ему, что Маргарет из клана Красной тропы прекрасно живет со своим любимым, ага, прекрасно, — хватка стала еще крепче. — Передай ему, что она ни о чем не сожалеет! Сделаешь это для меня.

— Ага, леди, будь уверена.

Она выхватила у него тарелку, не боясь порезаться об острую кромку. С тарелкой явно почувствовала себя увереннее. Посмотрела на него полными слез глазами.

— Ты говорил с моим отцом о Пещере? О пещере Двери?

Роланд кивнул.

— С чем ты пришел к нам, ты, несущий смерть человек с ружьем?

Подошел Эйзенхарт. С тревогой глянул на жену, которого ради него ушла из привычного ей мира. Какие-то мгновения она смотрела на него так, словно видела впервые в жизни.

— Я делаю только то, что велит ка, — ответил Роланд.

— Ка! — воскликнула Маргарет, ощерившись, лицо вдруг стало злобным, пугающим. —

Отговорка всякого возмутителя спокойствия. И ты ничем не отличаешься от прочих!

— Я делаю, что велит ка, и то же будешь делать ты.

Маргарет смотрела на него, словно не понимая слов. Роланд оторвал жаркую руку от своей шеи, сжал ее, мягко, не до боли.

— И то же будешь делать ты.

Секунду-другую она держала его взгляд, потом опустила глаза.

— Ага, — пробормотала. — Ага, как и мы все, — вновь решила посмотреть на него. —

Ты передашь Хенчеку мои слова?

— Ага, леди, как я и обещал.

На дворе, где с каждым мгновением сгущалась ночь, воцарилась тишина, нарушаемая разве что далекими криками расти. Трое ковбоев по-прежнему стояли у загона с рабочими лошадьми. Роланд направился к ним.

— Добрый вечер.

— Надеюсь, все у тебя хорошо, — приветствовал его один из них, коснувшись лба.

— Пусть все будет еще лучше, — ответил Роланд. — Миссас бросила тарелку и бросила хорошо, мы говорим, спасибо, да?

— Мы говорим, спасибо ей, — согласился другой ковбой. — Рука у миссас крепкая, глаз острый.

— Острый, — кивнул Роланд. — И вот что я вам сейчас скажу. Слушайте меня внимательно, прошу вас.

Ковбои недоуменно уставились на него.

Роланд вскинул голову, улыбнулся небу, вновь посмотрел на них.

— Вам, возможно, захочется поговорить об этом. Рассказать, что вы видели.

Они не сводили с него глаз, не желая признаться, что такое желание у них, конечно же, возникло.

— Проговоритесь, и я убью вас всех, — добавил Роланд. — Вы меня поняли?

Эйзенхарт коснулся его плеча.

— Роланд, право же...

Стрелок сбросил его руку, не оглядываясь.

— Вы меня поняли?

Ковбои кивнули.

— Вы мне верите?

Они вновь кивнули. На лицах читался страх. Роланда это порадовало. У них были основания для испуга.

— Скажите, спасибо тебе.

— Мы говорим, спасибо тебе. — ответил один. Его прошиб пот.

— Ага, — ответил второй.

— Большое-большое спасибо, — ответил третий, нервно сплюнув табачную жвачку.

Эйзенхарт предпринял вторую попытку.

— Роланд, послушай, я прошу...

Но Роланд не слушал. В голове одна за другой сверкали идеи. Внезапно он понял, что надо делать. Во всяком случае, что надо делать на этой стороне.

— Где робот? — спросил он ранчера.

— Энди? На кухне, с мальчиками, я думаю.

— Хорошо. Там есть комната, где ты хранишь племенные книги? — стрелок мотнул

головой в сторону амбара.

— Ага.

— Тогда, пойдём туда. Ты, я и твоя миссас.

— Я бы хотел, чтобы она пошла в дом, — ответил Эйзенхарт. «Я бы хотел, чтобы она пошла куда угодно, лишь бы подальше от тебя», — прочитал Роланд в его глазах.

— Наш разговор не затянется, — честно ответил стрелок. Он уже увидел все, что хотел.

6

В комнатке, где хранились племенные книги, с родословными лошадей, был лишь один стул, тот, что стоял за столом. На него села Маргарет. Эйзенхарт устроился на табуретке. Роланд присел на корточки, спиной к стене. Развязал кошель, достал из него карту, показал им карту, вычерченную близнецами. Эйзенхарт не сразу понял, на что указывал Роланд, может вообще не понял, но женщина суть ухватила. Роланд уже не удивлялся тому, что она не смогла остаться с Мэнни. Они — мирные люди. Маргарет Эйзенхарт к таковым не относилась. У нее таки было сердце охотницы.

— Об этом никому не говорите, — предупредил Роланд.

— Или ты убьешь нас, как наших ковбоев? — спросила она.

Стрелок повернулся к ней, и под его взглядом она медленно залилась краской.

— Роланд, извини. Я расстроена. Такое случается всегда, если бросаешь тарелку со злости.

Эйзенхарт обнял ее. На этот раз она уже не противилась, скорее, обрадовалась, положила голову ему на плечо.

— Кто еще из сестер может так же хорошо бросать тарелку? — спросил Роланд. — Есть такие?

— Залия Джеффордс, — без запинки ответила Маргарет.

— Это правда?

Она энергично кивнула.

— Залия смогла бы развалить эту картофелина надвое, отойдя еще на двадцать шагов.

— Кто еще?

— Сари Адамс, жена Диего. И Розалита Мунос.

Роланд вскинул брови.

— Ага, — кивнула Маргарет. — Роза лучшая, если не считать Залии, — короткая пауза. — И меня.

Роланд почувствовал, как огромная ноша свалилась с его плеч. Он не сомневался, что каким-то образом им придется привозить оружие из Нью-Йорка или добывать его на другом берегу реки. Теперь, судя по всему, они могли без этого обойтись. К счастью для всех. Потому что в Нью-Йорке у них было другое дело... связанное с Келвином Тауэром. И Роланд не хотел смешивать одно с другим, разве что в случае крайней необходимости.

— Я встречу с тобой и остальными тремя женщинами в доме Старика. Только с вами, — он коротко глянул на Эйзенхарта, и его глаза тут же вернулись к Маргарет. — Никаких мужей.

— Эй, эй, подожди, — вскинулся Эйзенхарт.

Роланд вскинул руку.

— Ничего еще не решено.

— Решено — не решено, я...

— Подожди, — остановила его Маргарет. — Когда ты хочешь встретиться с нами.

Роланд задумался. До прихода Волков оставалось двадцать четыре дня, может, только

двадцать три, а предстояло еще многое увидеть. Да еще магический кристалл, спрятанный в церкви Старика, с ним тоже следовало заняться. И старик-Мэнни, Хенчек...

Но он знал, что в конце концов роковой день наступит, и все образуется, так или иначе. По-другому просто не бывало. Пять минут, максимум, десять, и все будет кончено, то ли для Волков, то ли для них.

И проблема состояла лишь в одном, быть наготове, когда пойдет отсчет этих пяти минут.

— Через десять дней, — ответил он. — Вечером. Я хочу устроить вам состязание. Одним броском не отделаетесь.

— Хорошо, — кивнула она. — На это мы можем пойти. Но, Роланд... Я не брошу ни одной тарелки, палец не подниму против Волков, если мой муж по-прежнему будет против.

— Я понимаю, — ответил Роланд, прекрасно зная, что она сделает все, что он скажет. Они все сделают, когда придет время.

Через маленькое оконце в стене, грязное, в паутине, они, тем не менее, увидели Энди. Робот шел по двору, его глаза поблескивали в густом сумраке, он что-то напевал себе под нос.

— Эдди говорит, что роботов программируют на выполнение неких заданий, — Роланд следил взглядом за роботом. — Энди делает все, о чем ты его просишь?

— По большей части, — ответил Эйзенхарт. — Но не всегда. И потом, частенько его нет под рукой, ты понимаешь.

— Как-то не верится, что его построили лишь для того, чтобы распевать глупые песенки и сообщать людям их гороскопы, — пробормотал Роланд.

— Может, Древние Люди заложили в него программы-хобби, — предположила Маргарет. — А теперь, когда основных дел больше нет, они канули в лету, ты понимаешь, он концентрируется на хобби.

— Ты думаешь, его сделали Древние Люди?

— А кто еще? — спросил Воун Эйзенхарт. Энди ушел, двор опустел.

— Ага, кто еще? — в задумчивости повторил Роланд. — У кого еще хватило бы ума и соответствующих инструментов? Но Древние Люди исчезли за две тысячи лет до того, как Волки начали совершать набеги на Калью. За две тысячи или больше. И есть еще один вопрос, не столь интересный, но все-таки любопытный: почему он называет вам дату прихода Волков, если не может, и не говорит, ничего другого?

Эйзенхарт и его жена смотрели друг на друга, словно пораженные громом. Они еще не переварили первую часть сказанного Роландом. Стрелка это не удивило, но он несколько разочаровался в своих хозяевах. Действительно, речь шла об очевидном. А очевидное — отличная исходная точка для последующих умозаключений. Но при этом он понимал, что эйзенхарты, джеффордсы и оуверхолсеры Кальи имеют право на снисхождение: не так-то просто сохранять голову ясной, когда на карту поставлена жизнь твоих детей.

Раздался стук в дверь. «Войди!» — крикнул Эйзенхарт.

Открылась дверь, на пороге возник Бен Слайтман.

— Скотину закрыли на ночь, босс, — доложил он. Снял очки. Протер рубашкой. — Мальчики ушли с палаткой Бенни. Энди сопровождает их, так что беспокоиться не о чем, — Слайтман посмотрел на Роланда. — Для горных кошек еще рано, но, если одна из них появится, Энди позволит моему мальчику один раз выстрелить в нее из арбалета. Я дал ему такое указание и он ответил: «Приказ получен». Если Бенни промахнется, Энди встанет между мальчиками и горной кошкой. Он запрограммирован на защиту людей, и мы, конечно же, не могли изменить его программу. Если кошка попытается приблизиться...

— Энди разорвет ее на куски, — с чувством глубокого удовлетворения закончил за него Эйзенхарт.

— Он очень быстр, не так ли? — спросил Роланд.

— Да, — кивнул Слайтман. — Это только кажется, что он высокий и нескладный. При необходимости движется он, как хорошо смазанная молния. Быстрее любой горной кошки. Мы верим, что у него атомный источник энергии.

— Вполне возможно, — рассеянно кивнул Роланд.

— Какая разница, — отмахнулся Эйзенхарт. — Послушай, Бен, почему Энди никогда не говорит о Волках?

— Он запрограммирован...

— Ага, но как указал нам Роланд... аккуратно перед твоим приходом... и нам давно следовало увидеть это самим... если его создали Древние Люди, а потом они умерли или переселились куда-то еще... задолго до того, как впервые появились Волки... ты понимаешь, что сие означает?

Слайтман-старший кивнул, вновь надел очки.

— Может, в те далекие дни было что-то похожее на Волков, вы так не думаете? Настолько похожее, что Энди не может различить их. Другого объяснения у меня нет.

«Неужто?» — подумал Роланд.

Он достал карту близнецов Тавери, раскрыл ее, вновь постучал пальцем по сухому речному руслу на холмистой территории в северо-востоку от города. Русло уходило все дальше и дальше в холмистую местность, пока не упиралась в штольню одной из старых шахт Кальи, где добывались гранаты. Штольня на тридцать футов углублялась в толщу холма. Место это не очень-то напоминало каньон Молнии в Меджисе (во всяком случае, червоточины в сухом речном русле точно не было), но одна общая особенность имела место быть: и каньон, и сухое речное русло заканчивалось глухим тупиком, выхода их которого не было. И Роланд отдавал себе отчет, что человек всегда пытается воссоздать ситуацию, которая ранее приводила к желаемому результату. Так что его решение устроить Волкам засаду на сухом русле, которое упиралось в глухую штольню, представилось бы вполне логичным. Эдди, Сюзанне, Эйзенхартам, теперь вот бригадиру ковбоев Эйзенхарта. Таким же восприняли бы его и Сари Адамс, и Розалита Мунос. А также Старик. И все остальные, кому он раскрыл бы эту часть своего плана.

А если что-то останется недосказанным? Если часть сказанного им будет ложью?

Если Волки узнают эту ложь и примут ее за правду?

Это было бы неплохо, не так ли? Это будет просто хорошо, если они двинутся в нужном направлении, но не найдут там того, что ищут?

«Да, но ведь кому-то мне придется довериться. Рассказать все без утайки? Кому?»

Не Сюзанне, потому что Сюзанна опять раздвоилась, а Миа он не доверял.

Не Эдди, потому что Эдди мог проговориться Сюзанне, и тогда Миа бы все узнала.

Не Джейку, потому что Джейк задружился с Бенни Слайтманом.

Он вновь остался один, и никогда раньше не чувствовал себя столь одиноким.

— Посмотрите, — он вновь постучал пальцем по сухому речному руслу. — Вот место, о котором стоит подумать, Слайтман. Туда добраться легко, обратно — не очень. Допустим, мы соберем всех детей определенного возраста и спрячем их в штольне.

Он увидел, что Слайтман начал понимать его замысел. Это читалось по его глазам. Но по ним читалось и что-то еще. Возможно, надежда.

— Если мы спрячем детей, они их найдут, — покачал головой Эйзенхарт. — Похоже, они чуют запах детей, как великаны-людоеды в сказках.

— Так мне говорили, — кивнул Роланд. — Вот я и предлагаю этим воспользоваться.

— Приманить Волков детьми. Стрелок, это жестоко.

Роланд, который не собирался прятать детей Кальи не только в тоннеле заброшенной шахты, но в его окрестностях, кивнул.

— Мы живем в жестоком мире, Эйзенхарт.

— Я говорю, спасибо тебе, — ответил Эйзенхарт, но лицо его оставалось мрачным. Он коснулся карты. — Может сработать. Ага, может сработать... если ты сможешь заманить туда Волков.

«Где бы ни пришлось прятать детей, мне потребуются помощники, чтобы доставить их туда, — думал Роланд. — Люди, которые должны знать, куда идти и что делать. Знать все. Но для поиска этих людей еще есть время. Пока я могу продолжать игру, в которую играю. Прямотаки, как в „замки“. Потому что в Калье затаился враг».

Он это знал? Нет.

Чувствовал? Ага, будьте уверены.

Остается двадцать три дня, — думал Роланд. — Двадцать три дня до прихода Волков.

И предстояло положить немало усилий, чтобы этого времени хватило для подготовки достойной встречи.

Эдди, горожанин до мозга костей, несказанно удивился тому восторгу, который вызвал у него дом Джеффордсов на Речной дороге. «Я мог бы жить в таком доме, — думал он. — Это точно. И мне бы тут было хорошо».

Сложили дом из бревен, поставили так, чтобы северные ветры дули в глухую стену. Зато большие окна выходили на пологий склон, рисовые поля, реку. С противоположной стороны находились амбар и двор, утоптанную землю которого расцвечивали круглый островки травы и цветочных клумб. Слева от заднего крыльца находился огород, половину которого занимала экзотическое желтое растение, которое называлось мадригал. На следующий год Тиан намеревался засеять им часть своей земли.

Сюзанна спросила Залию, как ей удастся не подпускать куриц к грядкам, и женщина печально рассмеявшись, откинула со лба прядь волос.

— С большим трудом, вот как. Однако, мадригал растет, а там, где что-то растет, всегда есть надежда.

Что Эдди понравилось, так это ощущение дома, которое он почувствовал, едва попав на ферму. Он не мог сказать, что вызвало это ощущение, наверное, не что-то конкретное, а...

«Нет, одно и конкретное. Не вид бревенчатого дома, удачно вписанного в ландшафт, не огород с желтым мадригалом, не курицы и не клумбы».

Дети. Поначалу Эдди поразило количество. Их вывели к ним, как солдат — к приехавшему с инспекцией генералу. И он уже решил, что их целый взвод... отделение, уж как минимум.

— Это мои старшие, Хеддон и Хедда, — Залия указала на двух темных блондинов. — Им по десять. Поздоровайтесь с гостями.

Хеддон поклонился, одновременно стукнув по грязному лбу еще более грязным кулаком. Девочка сделала реверанс.

— Долгих ночей и приятных дней, — сказал Хеддон.

— Приятных дней и долгой жизни, тупица, — театральным шепотом поправила его Хедда, вновь сделала реверанс, повторила те же слова, кроме тупицы, нормальным голосом. Но Хеддон, замороженный видом пришельцев из другого мира, даже не бросил сердитого взгляда на сестру-знайку, похоже, и не услышал ее слов.

— Мои младшие близнецы — Лайман и Лиа.

Лайман, все его лицо заняли глаза и раскрытый рот, поклонился с таким усердием, что чуть не упал. А Лиа таки упала, когда делала реверанс. Эдди пришлось приложить немало усилий, чтобы не улыбнуться, когда Хедда, шипя, поднимала сестру из пыли.

— А это наш младший, — Залия взяла на руки крупного малыша, поцеловала. — Аарон, моя маленькая любовь.

— Тот, что родился один, — уточнила Сюзанна.

— Ага, леди, он самый.

Аарон начал дергаться, брыкаться, вырываясь из рук. Залия опустила малыша на землю. Он подтянул подгузник и направился к углу дома, громко зовя отца.

— Хеддон, пригляди за ним, — приказала Залия.

— Ма-ма, нет! — в голосе Хеддона слышалось отчаяние. Ему хотелось оставаться во дворе, слушать незнакомцев, смотреть на них во все глаза.

— Ма-ма, да! — отрезала Залия. — Займись младшим братом, Хеддон.

Мальчик, наверное, продолжил бы спор, но тут из-за угла появился Тиан Джеффордс и подхватил малыша на руки. Аарон страшно этому обрадовался, ударом кулака сшиб соломенную шляпу отца, схватился ручонками за его потные волосы.

Эдди и Сюзанна этого, можно сказать, и не заметили. Потому что во все глаза смотрели на одетых в комбинезоны гигантов, которые шли следом за Джеффордсом. Заезжая на маленькие фермы, расположенные вдоль Речной дороги, по пути к дому Джеффордсов, они видели с десяток очень высоких и крупных людей, но только издали («Большинство из них боится незнакомцев, вы понимаете», — сказал им Эйзенхарт). Эти стояли менее чем в десяти футах.

Мужчина и женщина или мальчик и девочка? «И то, и другое в одном флаконе, — подумал Эдди. — Потому что возраст для них значения не имеет».

На шее женщины, потной, смеющейся, ростом никак не меньше шести футов и шести дюймов, с огромными, больше головы Эдди грудями, висело деревянное распятие. Мужчина возвышался над ней на добрых шесть дюймов. Он застенчиво посмотрел на незнакомцев, начал сосать большой палец одной руки, а другой ухватился за промежность. Но более всего поразило Эдди не их рост и габариты, а явное сходство с Тианом и Залией. Создавалось впечатление, будто гиганты — первые наброски более удачных произведений искусства. В том, что оба — идиоты, двух мнений быть не могло, но идиоты, находящиеся в предельно близком родстве с совершенно нормальными людьми. Жуть, другого слова и не подберешь.

«Нет, — подумал Эдди, — не жуть. Слово это — рунт».

— Мой брат, Залман, — очень сухо представила мужчину Залия.

— И моя сестра, Тиа, — добавил Тиан. — Поприветствуйте гостей, недотепы.

Залман лишь шагнул вперед, посасывая один палец и дергая за другой. Тиа, однако, сделала реверанс, прямо-таки, как огромная утка. «Долгих дней долгих ночей долгой земли! — прокричала она. — СЕГОДНЯ У НАС КАРТОШКА С ПОДЛИВОЙ!»

— Хорошо, — кивнула Сюзанна. — Картошка с подливой это хорошо.

— КАРТОШКА С ПОДЛИВОЙ ЭТО ХОРОШО! — Тиа наморщила носик, верхняя губа растянулась и поднялась в довольной улыбке. — КАРТОШКА С ПОДЛИВОЙ! КАРТОШКА С ПОДЛИВОЙ! ХОРОША КАРТОШКА С ПОДЛИВОЙ!

Хедда застенчиво коснулась руки Сюзанны.

— Она так и будет вопить целый день, если ты не скажешь, чтобы она заткнулась, миссас-сэй.

— Заткнись, Тиа, — сказала Сюзанна.

Тиа загоготала, вскинув голову к небу, сложила руки на огромной груди и замолчала.

— Зал, — обратился к мужчине Тиан. — Ты хочешь пи-пи, не так ли?

Брат Залии ничего не сказал, только продолжал тискать промежность.

— Пойди, сделай пи-пи, — продолжил Тиан. — Пойди за амбар. Полей травку, мы говорим, спасибо тебе.

Еще мгновение Залман стоял на месте, а потом повернулся и загребая ногами, направился за амбар.

— Когда они были молодыми... — начала Сюзанна.

— Все знали и понимали, — ответила ей Залия. — Теперь она дура дурой, а мой брат и того хуже.

Она резко вскинула руки, закрыв лицо. Аарон пронзительно засмеялся и тоже закрыл лицо руками («Ку-ку», — позвал он, глядя сквозь пальцы). Но лица близнецов остались серьезными. Более того, на них отразилась тревога.

— Что не так с ма-ма? — спросил Лайман, дернув отца за штанину. Залман шел к амбару, с

большим пальцем во рту, дергая себя за писюн.

— Ничего, сынок. С твоей ма-ма все в порядке, — Тиан опустил малыша на землю, провел рукой по глазам. — Все в порядке, не так ли, Зи?

— Ага, — она опустила руки. Глаза покраснели, но она не плакала. — И, будем надеяться, что с вашей помощью, все так и останется.

— Из твоих бы уст да в Божье ухо, — Эдди наблюдал, как гигант скрывается за амбаром. — Из твоих бы уст да в Божье ухо.

2

— У него сегодня хороший день, у твоего деда? — спросил Эдди Тиана несколько минут спустя. Тиан решил показать Эдди участок земли, который назывался Сучий сын, тогда как Сюзанна осталась с Залией и детьми, большими и малыми.

— Трудно сказать, — Тиан помрачнел. — В последние годы половину времени он не в себе, а если что-то и соображает, но не разговаривает со мной. С ней, ага, разговаривает, потому что она кормит его с ложечки, вытирает с подбородка слюну и говорит ему, спасибо, сэй. Мало мне этих двух рунтов, так еще надо кормить сварливого старика. Голова у него заржавела, как старая петля. Зачастую он даже не понимает, где находится, и совсем не говорит.

Они шли по высокой траве, заплетающейся за ноги. Дважды Эдди чуть не упал, споткнувшись о камни, один раз Тиан схватил его за руку и обвел вокруг норы, провалившись в которую он мог без труда сломать ногу. «Не удивительно, что это поле называется Сучий сын», — подумал Эдди. И все-таки он замечал, что тут пытались привести в порядок. Не верилось, чтобы кто-то мог решиться вспахать это поле, но, похоже, Тиан Джеффордс такие попытки предпринимал.

— Если твоя жена права, думаю, мне надо с ним поговорить, — заметил Эдди. — Выслушать его историю.

— О, у деда много историй, это точно. С полтысячи! Беда в том, что в большинстве своем они лживы с первого слова, да он их еще и путает. Опять же, в последние годы он потерял последние три зуба, так что зачастую разобрать его слова — задача не из простых. Скорее всего, из его рассказа ты ничего не поймешь. Но я желаю тебе удачи, Эдди из Нью-Йорка.

— Да что такого он тебе сделал, Тиан?

— Речь о том, что он сделал не мне, а моему отцу. Но это длинная история, которая не имеет никакого отношения к нашему делу. Забудь об этом.

— Нет, это ты забудь, — Эдди остановился.

Тиан в удивлении уставился на него. Эдди кивнул, без тени улыбки. Мол, ты меня слышал. Ему было двадцать пять, на год больше, чем Катберту Олгуду в его последний день на Иерихонском холме, но в сумеречном, вечернем свете он мог сойти и за пятидесятилетнего. Ответственность старила.

— Если он видел мертвого Волка, нам необходимо разговорить его.

— Я не уверен, что из этого будет толк, Эдди.

— Да, конечно, но, думаю, ты меня понял. Если ты и затаил на него зло, забудь об этом. Когда мы разберемся с Волками, можешь затолкать его в горящий камин или сбросить с крыши, я разрешаю. Но пока держи свои обиды при себе. Договорились?

Тиан кивнул. Постоял, засунув руки в карманы, глядя на доставляющее ему столько хлопот северное поле, которое он называл Сучьим сыном. На лице читались и тревога, и жадность.

— Ты думаешь, история об убитом Волке — выдумка? Если да, я не буду тратить времени.

— Этой я склонен верить больше, чем любой другой, — с неохотой ответил Тиан.

— Почему?

— Ну, он рассказывает ее с того момента, как я начал понимать смысл слов, и она практически не меняется. И потом... — он скрипнул зубами. — Мой дед никогда ничего не боялся. Если кому хватило мужества пойти на Восточную дорогу и сразиться с Волками, не говоря уж о том, чтобы убедить других пойти с ним, я бы поставил все свои деньги на Хайми Джеффордса. Он из тех, кто может убедить человека сунуть голову в пасть горной кошке. У меня ощущение, что твой старший такой же. Или я не прав?

Эдди вспомнил, что он делал по указаниям Роланда, и кивнул. Стрелок умел убеждать людей бросаться грудью на амбразуру. Эдди не сомневался, что прежние друзья Роланда с ним бы согласились.

— Ага, — Тиан вновь повернулся к полю. — Если вы хотите что-то выудить из старика, я советую поговорить с ним после ужина. После того, как он поест и выпьет полпинты грэфа, у него часто наступает просветление. И постарайся, чтобы твоя жена сидела рядом, чтобы он смог таращиться на нее. Полагаю, будь он помоложе, он бы не только таращился, — Тиан опять помрачнел.

Эдди хлопнул его по плечу.

— Он давно уже не молод. В отличие от тебя. Так что, радуйся, хорошо?

— Ага, — Тиан попытался прогнать грусть. — Что ты думаешь о моем поле, стрелок? В следующем году я собираюсь посадить на нем мадригал. Желтое растение, которое ты видел у нас на огороде.

Эдди подумал, что ничего путного от этого поля ждать не приходится. И он подозревал, что глубоко в душе Тиан придерживается того же мнения: никто не называет поле Сучьим сыном, если надеется, что оно отблагодарит тебя за вложенный труд. Но очень уж знакомым было выражение лица Тиана. Такое же читалось на лице Генри, когда они отправлялись за товаром. На этот раз он будет лучшим, самым лучшим. «Китайский белый», а не «Мексиканский бурый», от которого болела голова и расстраивался желудок. Их ждал приход, какого никогда не было, а уж потом, поблагодарив с неделю, они поставили бы крест на наркотиках. Таковым было кредо Генри, вот и сейчас рядом с ним мог стоять Генри, говоря ему, какая отличная сельскохозяйственная культура мадригал, и как в следующую жатву он будет смеяться над людьми, убеждавшими его, что так далеко на севере мадригал не вызревает. А потом он прикупит поле Хью Аксельма на той стороне холма, наймет пару людей, и земля будет золотиться до самого горизонта... да чего там, он, возможно, откажется от риса и полностью сосредоточится на мадригале.

Эдди обвел взглядом поле, вспаханное меньше чем наполовину.

— Похоже, со вспашкой у тебя не ладится. Тут надо быть чертовски осторожным с мулами. Тиан хохотнул.

— Я бы никогда не рискнул пахать здесь на муле, Эдди.

— Тогда...

— Плуг тянет моя сестра.

У Эдди отпала челюсть.

— Ты дуришь мне голову?

— Отнюдь. Я бы пахал на Зале, он больше, ты сам видел, и сильнее, но голова у него совсем пустая. Он ничего не понимает. Я пытался.

Эдди качал головой, не в силах поверить услышанному. Их тени далеко протянулись по бугристой земле, заросшей сорняками и травой.

— Но... она же твоя сестра?

— Ага, а что еще ей делать целый день? Сидеть у ворот амбара и считать кур? Спать все больше и больше и подниматься лишь для того, чтобы есть картошку с подливой? Так даже лучше, поверь мне. Она не возражает. Трудно удержать ее на прямой, когда каждые восемь или десять шагов встречаются валун или нора, но она тянет, как дьявол, и смеется, как полоумная.

Что убедило Эдди, так это абсолютная уверенность Тиана в собственной правоте. Он и не думал оправдываться.

— Слушай, а почему не использовать на пахоте Энди. Готов спорить, у него получилось бы лучше, чем у тебя. Вам не приходила в голову мысль о том, что его надо заставить работать. Он мог бы пахать, рыть колодцы, поднимать бревна на стройке. И на нем можно сэкономить картошку с подливой, — он вновь хлопнул Тиана по плечу. — Как же вы проглядели такого ценного работника?

Губы Тиана дрогнули.

— Мечтать не вредно, все так.

— Не сработало, значит? Вернее, он не захотел работать.

— Что-то он делает, но не пашет и не роет колодцы. Если попросить его об этом, спрашивает пароль. А если пароль ты ему не называешь, спрашивает, не хочешь ли ты предпринять вторую попытку. А потом...

— А потом говорит, что тебе не повезло. Из-за директивы Девятнадцать.

— Если ты знаешь, чего задаешь эти вопросы?

— Я знаю, он так себя ведет, если интересуешься Волками, потому что спросил его о них. Я понятия не имел, что директива Девятнадцать распространяется и на физический труд.

Тиан кивнул.

— На самом-то деле пользы от него немного, и он иной раз страшно надоедлив. Думаю, ты это еще узнаешь на себе. Но он предупреждает нас о приходе Волков, и за это мы все говорим ему спасибо.

Эдди пришлось буквально прикусить вопрос, готовый сорваться с его губ. С чего им благодарить его, когда в этой вести нет ничего хорошего и несет она лишь несчастья? Разумеется, на этот раз все могло обернуться по-другому. На этот раз весть Энди могла привести к существенным переменам. Неужели всякий раз мистер Тебе-встретится-интересный-незнакомец вел дело к этому? Призывал местных жителей подняться с колен и вступить в бой? Эдди вспомнил самодовольную улыбку Энди и решил, что глупо ждать подобного альтруизма от робота. Негоже, конечно, давать оценку людям (возможно, и роботам) по их улыбке и манере говорить, однако, это общепринятая практика.

«Раз уж я об этом подумал, как не вспомнить его голос? Интонации, в которых явственно слышится: „Я вот знаю, что происходит, а ты — нет“? Или все это плод моего воображения?»

Но этот вопрос остался без ответа.

Еще на подходе к дому Эдди и Тиан слышали пение Сюзанны и смех детей, всех детей, больших и маленьких.

Залман держал один конец, как показалось Эдди, бельевой веревки. Тиа — второй. Они вращали веревку с широченными, довольными улыбками, тогда как Сюзанна, сидя на земле, задавала ритм детской песенкой-считалочкой, которую Эдди смутно помнил. Залия и четверо ее старших детей синхронно подпрыгивали. Их волосы взлетали, а потом падали. Крошка Аарон стоял рядом, его подгузник сполз чуть ли не до колен. Лицо освещала радостная улыбка. Одной,

сжатой в кулачок рукой, он словно крутил веревку.

— Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик погулять... Быстрее Залман! Быстрее, Тиа. Заставьте их попрыгать по-настоящему!

Тиа тут же начала вращать свой конец веревки быстрее, мгновение спустя прибавил скорости и Залман. Это он, похоже, понимал. Смеясь, увеличила темп и Сюзанна.

— Вдруг охотник выбегает...

Четверке близнецов очень нравилась новая игра. Хеддон, так тот засунул кулаки под мышки, чтобы не зацепиться за веревку. И младшая пара попривыкла к незнакомцам, так что первичная скованность пропала и прыгали он совершенно синхронно. Даже волосы и те взлетали и опадали одинаково. Эдди тут же вспомнились близнецы Тавери, с их идентичными веснушками.

— Привезли... Привезли... — Сюзанна замолчала. — Слушай, Эдди, дальше я не помню...

— Быстрее, быстрее, — Эдди махнул рукой гигантам, вращающим веревку. Они его послушались, Тиа при этом радостно загоготала. Эдди примеривался, не отрывая глаз от веревки, осторожно приближаясь, выживая удобного момента. Одну руку он положил на револьвер Роланда, дабы тот не выскочил из кобуры.

— Эдди Дин, ты не сможешь! — давясь смехом, выкрикнула Сюзанна.

Но он смог, как только веревка в очередной раз взлетела вверх. Впрыгнул между Хеддой и ее матерью. Лицом к Залии, щеки которой покраснелись, а лоб блестел от пота, запрыгал с ней в унисон. Протараторил один куплет, который вдруг всплыл из глубин памяти. Так же быстро, как тот аукционист в телевизоре.

— Привезли его в больницу, он украл там рукавицы... Прибавьте, ребята! Прибавьте!

Они прибавили, веревка вращалась теперь так быстро, что едва ухватывалась взглядом. В мире, который то поднимался, то опускался, Эдди увидел старика с венчиком волос вокруг обширной лысины и седыми бакенбардами, который вышел на крыльцо, тяжело опираясь на палку из железного дерева. «Привет, дедушка», — поздоровался Эдди и на какое-то время выкинул старика из головы. Сейчас от него требовалось другое: вовремя поднимать ноги, дабы не задеть веревку и не испортить праздник остальным. Ребенком он очень любил прыгать через веревочку, и очень огорчился, что пришлось оставить это занятие девочкам, едва он пошел в начальную школу. Иначе прослыл бы маменькиным сынком. Потом, уже в средней школе, на уроках физкультуры, получил возможность попрыгать вновь. Но такой радости, как сейчас, конечно же, не испытывал. Он словно обнаружил еще один аспект, связывающий нью-йоркскую жизнь, его и Сюзанны, со здешней жизнью, аспект, в котором не было ничего магического, в отличие от дверей-порталов, радуги Мейрлина и Прыжка. Он громко рассмеялся, начал при каждом прыжке перекрещивать ноги. Мгновением позже, Залия Джеффордс ответила тем же. Получилось не хуже танца риса. Может, и лучше. Потому что двигались они совершенно синхронно.

Но для Сюзанны творящееся перед ее глазами обрело магический ореол, так что, пусть на ее долю пришлось много разных чудес, и до, и после, эти несколько минут во дворе Джеффордсов навсегда сохранили свою уникальность. Не двое прыгали в унисон, не четверо — все шестеро, тогда как два лбящихся идиота, как могли быстро, вращали веревку.

Тиан смеялся, топал ногами и кричал: «Ну, здорово! Ну вы даете! Ну молодцы!» А с крыльца доносился смех деда, такой скрипучий, что Сюзанна поневоле задалась вопросом, а когда старик смеялся в последний раз?

Волшебство продолжалось еще пять, может, чуть больше секунд. Глаз уже не различал веревку, о ее присутствии напоминал только свистящий звук, с которым она рассекала воздух. Все шестеро, Эдди, Залия, четверо близнецов, отрывались от земли и опускались на нее, как

поршни двигателя.

А потом веревка зацепилась за чей-то каблук, Сюзанне показалось, что Хеддона, хотя каждый брал вину на себя, чтобы ни у кого не испортилось настроение, и прыгуны повалились в пыль, жадно хватая ртом воздух и смеясь. Эдди, схватившись за грудь, поймал взгляд Сюзанны. «У меня сейчас начнется сердечный приступ, дорогая, скорее набирай 911».

Она на четвереньках добралась до того места, где он лежал, наклонилась, чтобы поцеловать.

— Нет, у тебя сердечного приступа не будет, но ты серьезно зацепил мое сердце, Эдди Дин. Я тебя люблю.

Он пристально смотрел на нее, лежа в пыли двора Джеффордсов. Знал, как бы она ни любила его, он все равно будет любить ее сильнее. И всегда, когда он думал об этом, возникало дурное предчувствие, приходила мысль, что как к ним не благоволит, и в итоге для них все закончится плачевно.

«Если это и так, тогда твоя задача — вылезти из кожи, но максимально затянуть период, когда у вас все хорошо. Ты это сделаешь, Эдди?»

— С превеликим удовольствием, — сказал он.

Она вскинула брови.

— Чего, чего?

— Сделаю, — он улыбался. — Поверь мне, сделаю, — он обнял ее за шею, потянул на себя, поцеловал в лоб, нос, в губы. Близнецы смеялись и хлопали. Аарон пускал пузыри. На крыльце то же самое проделывал и старик.

4

Все они после таких физических нагрузок проголодались, и с помощью Сюзанны, подвозившей блюда на своем кресле, Залия накрыла длинный дощатый стол во дворе. Откуда, по мнению Эдди, открывался отличный вид. У подножия холма, на котором находился дом, он видел поле созревшего риса, доросшего до плеча взрослого человека. А за полем поблескивала под лучами заходящего солнца река.

— Скажи нам слово, Залия, если не возражаешь, — попросил Тиан.

Залии такое предложение очень даже понравилось. Потом Сюзанна рассказала Эдди, что ранее Тиан не обращал особого внимания на религию жены, но все изменилось после того, как отец Каллагэн неожиданно поддержал его в Зале собраний.

— Склоните головы, дети.

Четыре головы склонились, шесть, считая рунтов. Лайман и Лиа так крепко зажмурились, что казалось, будто у них что-то болит. Руки, чистенькие, розовые, они положили на стол.

— Благослови еду на нашем столе, Господи, и позволь поблагодарить Тебя за нее. Спасибо Тебе, что послал нам гостей, и пусть они радуются нашей компании, а мы — их. Избавь нас от ужаса, который прилетает в полдень, и того, что крадется в ночи. Мы говорим, спасибо тебе.

— Спасибо! — хором откликнулись дети, так громко, что задребезжали стекла.

— Во имя Бога-Отца и Его сына, Человека-Иисуса.

— Человека-Иисуса! — прокричали дети. Эдди подивился, заметив, что дед Тиана, на шее которого висело такое же большое распятие, как у Залмана и Тиа, во время молитвы сидел с открытыми глазами, неспешно ковыряя в носу.

— Аминь.

— Аминь!

Тиан сидел у одного торца длинного стола, Залия — напротив. Близнецов не сослали в гетто «детского стола», как всегда случалось с Сюзанной и ее двоюродными братьями и сестрами на семейных торжествах. Их усадили по одну сторону общего стола, младшие — посередине, старшие — по флангам. Хеддон помогал Лие, Хедда — Лайману. Сюзанна и Эдди сидели напротив детей, Залман — слева от Сюзанны, Тиа — справа от Эдди. Аарон сначала устроился на коленях матери, а когда ему там надоело, перебрался к отцу. Старика посадили рядом с Залией, которая наполняла его тарелку, резала мясо на очень мелкие кусочки и действительно выпирала подливу, текущую по подбородку. Тиан мрачно взирал на все это, но, надо отдать ему должное, никак не комментировал, с дедом не разговаривал, разве что один раз спросил, не хочет ли тот хлеба.

— Рука у меня еще шевелится. Если захочу — возьму, — ответил старик и в доказательство поднял плетеное блюдо с хлебом. Получилось неплохо, для джентльмена столь преклонного возраста, но он смазал впечатление, перевернув баночку с вареньем. «Дерьмо!» — выкрикнул он.

Четверо детей переглянулись, потом прикрыли рты и сдавленно захихикали. Тиа отбросила голову и загоготала, уставившись в небо. При этом локтем двинула Эдди в ребра, едва не сбросив со стула.

— Не надо бы произносить такие слова в присутствии детей, — пожурела старика Залия.

— Извини, — ответил тот. Эдди не сомневался, что Хейми Джеффордс ответил бы не столь смиренно, если б услышал подобное замечание от внука.

— Позволь положить тебе на тарелку немного варенья, дедушка, — Сюзанна взяла баночку из рук Залии. Старик не сводил с нее восхищенных глаз.

— Не видел настоящую коричневую женщину лет сорок, не меньше, — сказал ей старик. — Раньше они приплывали на баржах, а теперь — нет.

— Я надеюсь, ты не очень огорчился, узнав, что мы еще существуем, не исчезли с лица земли, — Сюзанна улыбнулась старику. И его губы растянулись в беззубой улыбке.

Стейк оказался жестким, но вкусным, жареные початки ничуть не хуже приготовленных в лесу Энди. Миску с картофельным пюре, огромную, как таз, пришлось наполнять дважды, горшок с подливой — трижды, но полным откровением для Эдди стал рис. Залия приготовила из него три блюда, и, по мнению Эдди, каждое могло получить высший приз на конкурсе кулинаров. Но для Джеффордсов, похоже, это была обычная, повседневная еда, не какие-то деликатесы. На сладкое подали яблочный пирог, после чего детей отправили поиграть. Дед поставил эффектную точку, громко рыгнув.

— Мы говорим, спасибо тебе, — сказал он Залии и трижды похлопал себя по шее. — Вкусно, как всегда, Зи.

— Мне очень приятно, что тебе нравится приготовленная мною еда, дедушка, — ответила она.

Тиан что-то буркнул себе под нос, потом повернулся к старику.

— Дед, эти двое хотят поговорить с тобой о Волках.

— Только Эдди, если ты не возражаешь, — быстро вставила Сюзанна. — Я помогу убрать со стола и помыть грязную посуду.

— В этом нет необходимости, — возразила Залия. Эдди видел, как взглядом она говорит

Сюзанне: «Останься, ты ему понравилась», — но Сюзанна то ли не заметила этот взгляд, то ли сознательно проигнорировала.

— Думаю, есть, — с легкостью, свидетельствующей о долгой практике, она перебралась со стула в свое кресло. — Ты поговоришь с моим мужем, не так ли, сэй Джеффордс?

— Все это произошло очень уж давно, — по тону старика отказа не чувствовалось. — Не знаю, смогу ли я вспомнить. Моя память все больше похожа на сито.

— Но я послушаю то, что ты вспомнишь, — успокоил его Эдди. — Мне важно каждое твое слово.

Тиа загоготала, словно он сказал что-то очень уж смешное. Залман последовал ее примеру, потом рукой, огромной, как разделочная доска, подхватил из миски остатки картофельного пюре. Тиан звонко шлепнул его по руке.

— Нельзя этого делать. Сколько раз я могу тебе это повторять?

— Ладно, — кивнул старик. — Я поговорю с тобой, если ты будешь слушать, мальчик. На что еще я способен в эти дни, кроме болтовни? Помоги мне добраться до крыльца, потому что спускаться по ступенькам куда легче, чем подниматься. И если ты принесешь мне мою трубку, дочка, я буду тебе очень признателен, потому что трубка помогает человеку думать, точно помогает.

— Разумеется, — принесу, — ответила Залия, оставив без внимания очередной мрачный взгляд мужа. — Прямо сейчас.

6

— Все это случилось очень давно, ты должен понимать, — начал старик, как только Залия Джеффордс устроила его в кресле-качалке, подложив под поясницу маленькую подушку и сунув в руку раскуренную трубку. — Не могу точно сказать, приходили с тех пор Волки дважды или трижды, но к тому моменту я прожил на земле девятнадцать жатв, а сколько прошло лет потом не знаю, сбился со счета.

На северо-западе великолепный багрянец заката уже потускнел. Тиан ушел в хлев, к домашней скотине, вместе с Хеддой и Хеддоном. Младшие близнецы были на кухне. Гиганты, Тиа и Залман, стояли в дальнем конце двора, смотрели на восток, не разговаривая, не шевелясь. Они напоминали каменных истуканов острова Пасхи с фотографии, которую Эдди когда-то видел в «Нейшнл джеографик». От одного взгляда на них по его коже бежали мурашки. Радовало лишь то, что старик сохранял ясность ума и, несмотря на шамканье и акцент, Эдди удавалось понять практически каждое слово. Во всяком случае, пока.

— Я не думаю, что годы, прошедшие после того появления Волков, имеют значение, сэр, — вставил Эдди.

Брови деда приподнялись. С губ сорвался хриплый смешок.

— Сэр, однако! Давно не слушал этого слова. Уже и не упомню, когда. Ты, должно быть, с севера.

— Пожалуй, что да, — ответил Эдди.

Старик надолго замолчал, глядя на темнеющий горизонт. Потом в некотором удивлении повернулся к Эдди.

— Слушай, мы уже поели? Выпили и закусили?

У Эдди упало сердце.

— Да, сэр. За столом, который стоит по другую сторону дома.

— Я вот почему спрашиваю. Если мне надо чего-то рассказать, то лучше всего я

рассказываю после вечерней еды. Вот и хочу знать, мы уже поели или нет.

— Поели.

— Ага. И как тебя зовут?

— Эдди Дин.

— Ага, — старик глубоко затянулся. Две струйки дыма выползли из ноздрей. —

Коричневая — твоя женщина?

— Сюзанна? Да, она — моя жена.

— Ага.

— Сэр... дедушка... Волки? — но Эдди уже не верил, что чего-нибудь добьется от старика.

Может, Сюзи сумеет...

— Насколько я помню, нас было четверо.

— Не пятеро?

— Нет, нет, точно четверо, — голос зазвучал сухо, по-деловому. И слова старик стал выговаривать четче. — Мы были молоды и отважны, и плевать хотели, выживем или нет, ты меня понимаешь? И до предела разозлились на этих Волков. Нам было без разницы, поддержит нас кто или нет.

Мы — это Поуки Слайделл... мой лучший друг, я, Эймон Дулин и его жена... рыжеволосая Молли. Суший дьявол, когда бросала тарелку.

— Тарелку?

— Ага, Сестры Орисы бросают их. У Зи она тоже есть. Я скажу ей, чтобы она тебе показала. У этих тарелок острая кромка, за исключением того места, где женщины ее ухватывают. Страшное оружие, эти тарелки, ага! Рядом с ними мужчине с арбалетом делать нечего. Тебе надо увидеть.

Эдди решил, что об этом надо рассказать Роланду. Он не знал, будет ли толк от этих тарелок, но отдавал себе отчет, что оружия им катастрофически не хватает.

— Вот эта Молли и убила Волка...

— Не ты? — удивленно переспросил Эдди, подумав о том, как тесно переплетаются правда и легенда и сколь трудно разделить их.

— Нет, нет, хотя... — тут глаза деда блеснули, — хотя, случалось, я и говорил, что убил Волка сам... может, для того, что раздвинуть колени молодой леди, которые без этого остались бы сжатыми, ты понимаешь?

— Думаю, да.

— И сделала это Молли своей тарелкой, это правда, но я ставлю телегу впереди лошади. Мы увидели впереди поднятое ими облако пыли. Потом, где-то в шести колесах от города, облако разделилось.

— Как это? Я не понимаю?

Старик поднял три скрюченных пальца, показывая, что Волки двинулись тремя колоннами.

— Самая большая группа, судя по облаку пыли, направилась в город, к магазину Тука, и правильно сделала, потому что многие попытались спрятать детей в складе за магазином. У Туки была секретная комната, где он хранил деньги, драгоценности, несколько старых винтовок и другие ценные вещи, которые он брал у нас в залог. Туки — они не только торговцы, ты понимаешь? — опять хриплый смешок. — Местонахождение этой комнаты действительно хранилось в тайне, даже те, кто работал у Тука, не знали, где расположена эта комната, но Волки направились напрямик к ней, забрали детей и убили всех, кто встал у них на пути, даже сказал грубое слово. А потом, уезжая, подожгли магазин своими лучевыми трубками. Спалили дотла, и нам еще повезло, что не сгорел весь город, молодой сэй, потому пожар, вызванный этими лучевыми трубками, отличался от обычного пожара, который можно погасить водой. А

тут вода тоже начинала гореть! Только усиливала пожар! Будь уверен!

Он плюнул через парашют крыльца, чтобы подчеркнуть свои слова, затем пристально посмотрел на Эдди.

— И вот что я хочу тебе сказать. Неважно, сколько человек мой внук убедит выступить против Волков, или ты и твоя коричневая, Эбена Тука среди них не будет. Туки держат магазин с незапамятных времен, и не хотят, чтобы он сгорел вновь. Для этих трусливых мерзавцев одного раза больше чем достаточно, ты меня понимаешь?

— Да.

— Из двух других пылевых облаков большее направилось на юг, к ранчо. А самое маленькое — по Восточной дороге, к фермам у реки, где мы решили встретить их и дать им бой.

Лицо старика блестело, воспоминания ожили. Эдди не увидел в нем молодого человека, каким тот был много, много лет тому назад, слишком много прошло времени, но в глазах читались возбуждение, решительность и, конечно же, страх, которые переполняли его в тот день. Не только его, но и всех остальных. Эдди чувствовал, что ему хочется прикоснуться к этим эмоциям, он тянется к ним, как голодный — к еде, и старик, должно быть, прочитал все это на его лице, потому что разом взбодрился. Конечно же, от своего внука старик такой реакции ждать не мог. Личной храбрости Тиану хватало, мы говорим, спасибо тебе, но это все, что он мог записать в свой актив. Этот же мужчина, Эдди из Нью-Йорка... он мог прожить короткую жизнь и умереть, упав лицом в пыль, но кроме храбрости, клянусь Орисой, у него было множество других достоинств.

— Продолжай, — попросил Эдди.

— Ага. Продолжу. Несколько Волков, из тех, что направлялись к нам, свернули на Речную дорогу, несколько — на Фасолевую. Я помню, как Поуки Слайделл повернулся к ко мне, с печальной улыбкой на лице, протянул мне руку, которая не держала арбалет и сказал...

Под жарким осенним солнцем, перекрывая стрекот последних цикад, доносящийся из высокой белой травы, что растет по обе стороны дороги, Поуки Слайделл говорит следующее: «Хорошо, что у меня был такой друг, как ты, Хейми Джеффордс, спасибо тебе», — на его лице улыбка, какой Хейми никогда не видел, но ему всего лишь девятнадцать, всю жизнь он провел на Краю, или на Дуге, как называют эти места, так что не видел многого. И теперь вряд ли уже увидит, если исходить из того, как складывается ситуация. Это кривая улыбка, но трусости в ней нет. Хейми догадывается, что такая же прилипла и к его лицу. Пока они стоял под солнцем их отцов, но скоро темнота поглотит их. Близится их смертный час.

Тем не менее, в пальцах нет дрожи, когда он крепко хватается Поуки за руку.

— Наша дружба только началась. И будет крепнуть, — говорит он.

— Надеюсь, что ты прав.

Облако пыли движется к ним. Через минуту, может, чуть позднее, они увидят всадников, которые поднимают эту пыль. И, что более важно, всадники, поднимающие пыль, увидят их.

Эймон Дулин говорит: «Знаете, я думаю, нам надо спрятаться в этом кювете, — указывает вправо от дороги, — и затаиться. А потом, как только они поравняются с нами, мы на них нападём».

Молли Дулин одета в облегающие черные шелковые брюки и белую шелковую блузу, расстегнутую на шее. В вырезе поблескивает серебряный талисман: Ориса с поднятым кулаком. В правой руке Молли держит тарелку с заостренной кромкой, синеватую, из титана,

с узором-вязью зеленых ростков риса по ободу. На левое плечо накинута шелковая лямка сплетенной из соломы сумки. В сумке лежат еще пять тарелок, две — ее, три — матери. Волосы Молли так сверкают под яркими солнечными лучами, что кажется, будто голова у нее объята огнем. Скоро волосы действительно будут гореть, это правда.

— Ты можешь делать все, что тебе хочется, Эймон Дулин, — отвечает она мужу. — Что же касается меня, то я останусь, где стою, чтобы они увидели меня и услышали имя моей сестры-близнеца, которое я буду выкрикивать. Они могут растоптать меня копытами своих лошадей, но я убью хотя бы одного из них или перережу ноги одной из лошадей до того, как они это сделают, а большего мне и не надо.

Времени прятаться в кювете уже нет, Волки появляются из-за поворота и видят четырех жителей Кальи, перегородивших им дорогу. У Хейми вдруг мелькает мысль, что Эймон Дулин, мягкий, добродушный, полысевший в свои двадцать три года, сейчас бросит арбалет и отпрыгнет в высокую траву с поднятыми руками, показывая, что сдается. Но вместо этого Эймон встает рядом с женой и натягивает тетиву арбалета.

Они стоят в ряд поперек дороги, сапоги тонут в тонкой, похожей на муку, пыли. Они стоят, загородив путь Волкам. И сие вызывает у Хейми чувство гордости. Он знает, что поступает правильно. Да, здесь их ждет смерть, но они отдадут жизнь не зазря. Лучше умереть, чем стоять и смотреть, как Волки забирают детей. Каждый из них потерял близнеца, а Поуки, он старше всех, потерял не только брата, но и может потерять сына. Так что они поступают правильно. Они понимают, что Волки, возможно, отомстят городу за их попытку сопротивления, но это значения не имеет. Они поступают правильно.

— Идите сюда! — кричит Хейми и натягивает тетиву своего арбалета. — Идите сюда, стервятники! Трусливые мерзавцы! Идите и получите свое! За Калью! За Калью Брин Стерджис!

От жары воздух дрожит. Кажется, что Волки мерцают где-то в отдалении. Хотя они приближаются с каждым мгновением. Они уже слышат топот копыт их лошадей, сначала глухо, потом все более отчетливо, громче. Волки словно летят над дорогой. Их штаны серые, как и шерсть лошадей. Темно-зеленые плащи развеваются за спинами. Зеленые капюшоны со всех сторон плотно облегают головы и окаймляют маски (это маски, все так). Так что они видят перед собой четыре оскаленные волчьи морды.

— Четверо против четверых! — кричит Хейми. — Четверо против четверых, нас поровну. Не отступим ни на шаг! Встретим их лицом к лицу!

Четверо Волков не снижают скорости. Расстояние до них уменьшается. Трое мужчин поднимают арбалеты. Молли, иногда ее зовут Красной Молли, как за цвет волос, так и за вспыльчивость, заносит тарелку над левым плечом. Злость ушла, она хладнокровна и совершенно спокойна.

Двое Волков, скачущих по краям, вооружены лучевыми трубками. Они вскидывают их. Каждый из двоих, что по центру, отводит назад правую руку, в зеленой перчатке, сжатую в кулак, они собираются что-то бросить. «Снитчи,^{[\[42\]](#)} — хладнокровно думает Хейми. — Вот чем они собираются нас угостить».

— Приготовились... — выдыхает Поуки. — Целься... Целься... Пли!

Он стреляет, и Хейми видит, как его стрела пролетает над головой Волка, второго справа. Стрела Эймона попадает в шею лошади крайнего слева. Животное жалобно ржет, его бросает в сторону, а Волки уже преодолевают последние сорок ярдов, разделяющие их и защитников Кальи. Лошадь, в которую попала стрела, сталкивается со своей соседкой в тот самый момент, когда ее всадник швыряет зажатый в руке предмет. Это действительно снитчи, но отклонение от цели столь велико, что система наведения ее просто не захватывает.

Стрела Хейми ударяет в грудь третьего Волка. Он уже готов издать победный крик, но крик этот замирает в горле. Стрела отскакивает от груди Волка, как отскочила бы от Энди или от валуна на Сучьем сыне.

Броня, Волки в броне, под зеленым плащом у них броня!

Другой снитч летит точно, попадает Эймону Дулину в лицо. Его голова взрывается, разбрасывая во все стороны кровь, осколки костей, куски губчатого серого вещества.

Молли стоит, как скала, даже когда ее обдаёт кровью и ошметками мозга мужа. Кричит: «ЭТО ВАМ ЗА МИННИ, МЕРЗКИЕ ТВАРИ!» — и бросает тарелку. Расстояние до Волков сократилось до минимума, в общем, расстояния-то и нет, Волки уже нависли над ними, но она бросает изо всей силы, и тарелка уходит вверх.

«Слишком сильно ты бросила, дорогая, — думает Хейми, увертываясь от лучевой трубки (лучевая трубка тоже злобно жужжит, почти так же, как летящий снитч). — К сожалению, слишком сильно».

Но Волк, в которого метила Молли, практически наезжает на поднимающуюся все выше и выше тарелку. Она ударяет его в то место, где сходятся зеленый капюшон и волчья маска. Раздается странный, приглушенный звук, как будто что-то разбивается за плотно закрытой дверью, и Волк валится с лошади, раскидывая руки в зеленых перчатках.

Поуки и Хейми радостно вопят, но Молли хладнокровно лезет в сумку за новой тарелкой, все они сложены аккуратно, сегментом с затупленной кромкой кверху. Вытаскивает ее в тот момент, когда лучевая трубка отсекает ей руку. Ее шатает, она скалит зубы, опускается на одно колено и тут ее блузу охватывает пламя. Хейми в изумлении видит, что она тянется второй рукой к тарелке, которая лежит в пыли, зажата в пальцах отрубленной руки.

Трое оставшихся Волков проскакивают мимо. Тот, в которого попала Молли, лежит в пыли, подергиваясь, руки его поднимаются и опускаются, как бы говоря: «Как они посмели? Как они только посмели?»

Трое Волков разом разворачиваются и вновь мчатся на них. Молли вырывает тарелку из собственных мертвых пальцев, а потом падает на спину, объятая огнем.

— Держись, Поуки! — истерично кричит Хейми, глядя на приближающуюся к ним смерть. — Держись, во имя богов! — Осознание, что их дело правое, по-прежнему с ним, пусть в нос и бьет запах горячей плоти Дулинов. Им всем давно следовало так поступить, им всем, потому что Волков можно убивать, хотя они сами об этом уже никому не расскажут, а эти твари увезут покойника с собой.

Вновь звенит тетива арбалета Поуки: он успевает выстрелить до того, как снитч ударяет ему в грудь и взрывается под одеждой. Кровь и куски плоти вылетают из рукавов, из ширинки вместе с оторванными пуговицами. Вновь Хейми попадает под горячий кровяной душ. Он тоже стреляет и видит, как стрела вонзается в бок серой лошади. Он знает, что уходит от удара бесполезно, но все-таки уходит и что-то с жужжанием проносится над его головой. Одна из лошадей сильно ударяет его, отбрасывает в кювет, в котором предлагал устроить засаду Эймон. Арбалет вылетает из руки. Он лежит в кювете, широко раскрыв глаза, зная, что они вновь развернут лошадей и тогда его уже ничто не спасет. Остается только изображать мертвого и надеяться, что они проедут мимо. Они не проедут, конечно же, не проедут, но это все, на что он сейчас может рассчитывать, вот и лежит, надеясь, что его глаза остекленели, как у мертвеца. А через несколько секунд, он это знает, необходимость в притворстве отпадет, потому что он и станет мертвецом. До его ноздрей доносится запах пыли, он слышит стрекот цикад в траве и держится за эти запахи и звуки, потому что понимает: сейчас он увидит Волков, их оскаленные пасти, и большие уже ничего не услышит и не унюхает.

Топот копыт приближается.

Один из Волков поворачивается в седле, проезжая мимо, и бросает снитч. Но в этот момент лошадь спотыкается о лежащего на дороге мертвого Волка, тело которого все еще подергивается, хотя руки перестали подниматься. Снитч пролетает над Хейми, достаточно высоко. Он чувствует, как она ищет цель, но, видать, система наведения его не захватывает. Вот снитч и летит, в чистое поле.

Волки скачут дальше, поднимая за собой пыль. Снитч вновь пролетает над ним, еще выше и медленнее. В пятидесяти ярдах дорога поворачивает и Волки скрываются из виду. Три зеленых плаща скрываются за поворотом.

Хейми встает на негнущихся, ватных ногах, которые отказываются поддерживать его тело. Снитч делает очередной разворот и летит назад, уже на него, но очень уж медленно, словно источник энергии, обеспечивающий его полет, практически разрядился. Хейми выбирается на дорогу, падает на колени рядом с горящими останками Поуки, хватая свой арбалет. Только держит его, как дубинку или битую для игры в «Очки». Снитч приближается. Он замахивается арбалетом-дубинкой и сшибает его на землю, как какую-то огромную осу. Он падает в пыль рядом с разорванными сапогами Поуки и злобно жужжит, пытаясь взлететь.

— Получай, сволочь! — кричит Хейми и начинает забрасывать снитч пылью. Из глаз катятся слезы. — Вот тебе, сволочь! Вот! Вот! — растущая горка белой пыли накрывает снитч, какое-то время он жужжит и ворочается, потом затихает.

Не вставая, у него просто нет сил подняться с колен, Хейми Джеффордс подбирается к монстру, которого убила Молли... он уже мертв, во всяком случае лежит смирно, не дергается. Вот тут он встает и первым делом несколько раз пинает Волка. Его тело перекачивается с бока на бок, вновь замирает. От него идет резкий, неприятный запах. Над маской поднимается дымок, она тает под жаркими лучами солнца.

«Он мертв, — думает юноша, который со временем стал дедом, самым старым жителем Кальи. — Мертв, ага, сомнений быть не может. Так не трусь. Сорви с него маску!»

Хейми срывает. Под палящим осенним солнцем хватается за разлагающуюся маску, которая на ощупь напоминает металлическую сетку, срывает ее и видит...

8

Потребовалось несколько мгновений, чтобы Эдди понял, что старик замолчал. Он с головой ушел в историю, она просто зачаровала его. Видел все так ясно, будто сам находился на Восточной дороге, стоял на коленях в пыли, с арбалетом, занесенным над плечом, как бейсбольная бита, готовясь сшибить приближающийся снитч.

Тут мимо крыльца прокатил на своем кресле Сюзанна, с тазом куриного корма на коленях. По пути с любопытством глянула на него. Эдди очнулся. Он же пришел сюда не для того не для того, чтобы его развлекали легендами. С другой стороны, кто откажется от возможности совместить приятное с полезным.

— И? — просил Эдди старика, как только Сюзанна заехала в курятник. — Что ты увидел?

— Э? — во взгляде старика читалась такая пустота, что Эдди охватило отчаяние.

— Что ты увидел? Когда сорвал маску?

Какое-то мгновение пустота оставалась, свет горит, но дома никого нет, а потом (по мнению Эдди, исключительно усилием воли), старик вернул себе связь с реальностью. Огляделся, посмотрел на стену за спиной, амбар, хлев, курятник, двор.

«Он напуган, — подумал Эдди. — Напуган до смерти».

Эдди попытался сказать себе, что все дело в паранойе старика, но и сам почувствовал, как

по спине пробежал холодок.

— Наклонись ближе, — прошептал старик, продолжил, когда Эдди наклонился. — Я говорил об этом только моему мальчику, Люку... отцу Тиана, понимаешь. Многие годы спустя. Он потребовал, чтобы я больше никому об этом не рассказывал. Я сказал: «Но, Люки, а если это поможет? Поможет справиться с ними, когда они заявятся вновь?»

Губы старика едва шевелились, но каждое слово он выговаривал на удивление четко, и Эдди не составляло труда его понимать.

— И я от него услышал: «Отец, если ты верил, что твои знания могут помочь, почему до сих пор молчал?» Я не нашелся, что ответить, молодой человек, потому что только интуиция заставляла меня держать рот на замке. А кроме того, какой прок мог быть от моих знаний? Что бы изменилось?

— Я не знаю, — ответил Эдди. Их лица практически соприкасались. Эдди чувствовал запах мяса и подливки в дыхании старика. — Откуда мне знать, если ты не сказал мне, что видел?

— «Красный король всегда находит себе подручных, — сказал мой сын. — И это хорошо, что никто не знает о твоей стычке с ними. Не нужно, чтобы кто-то узнал о том, что ты там увидел. Особенно не нужно, чтобы об этом прослышали в Тандерклепе». А увидел я кое-что очень грустное, молодой человек.

И пусть Эдди буквально изнывал от нетерпения, он подумал, что не стоит напирать на старика. Понимал, что чуть раньше или чуть позже, но тот все расскажет.

— Так что это было, дедушка?

— И я видел, что Люк не поверил мне до конца. Подумал, что его собственный отец — большой выдумщик, и правды в рассказе о стычке с Волками не так уж и много. Хотя, если б я все выдумал, то приписал бы себе убийство Волка, вместо того, чтобы говорить, что его убила его жена Эймона Дулина.

Это логично, подумал Эдди, но тут же вспомнил о намеках старика на то, что иной раз он как раз и приписывал себе убийство Волка, если мог на этом что-то поиметь. И не сдержал улыбки.

— Люки боялся, что кто-то еще может услышать мою историю и поверить ей. А потом об этом узнают Волки и убьют меня только за то, что я такой вот фантазер, — в сгущающемся сумраке он пристально всмотрелся в Эдди. — Ты мне веришь, не так ли?

Эдди кивнул.

— Я знаю, ты говоришь правду, дедушка. Но кто... — Эдди хотел спросить: «Кто мог тебя заложить?» — но подумал, что старик может не понять вопроса. — Кто мог рассказать Волкам? Кого ты подозревал?

Старик оглядел темнеющий двор, уже собрался что-то сказать, но промолчал.

— Скажи мне, — продолжил Эдди. — Скажи мне, кто, по-твоему...

Большая, высохшая и дрожащая от возраста рука, ухватила его шею и подняла ближе. Бакенбарды щекотали кожу, отчего по рукам бежали мурашки.

Дед прошептал девятнадцать слов, когда угасли последние остатки дня, и на Калью опустилась ночь.

Глаза Эдди Дина широко раскрылись. Прежде всего он подумал, что теперь ему все ясно с лошадьми... серыми лошадьми. За первой последовали другие мысли: «Ну, конечно. Это же совершенно логично. Нам следовало догадаться самим».

Девятнадцатое слово, и шепот смолк. Рука, державшая Эдди на шею, упала на колени старика. Эдди повернулся к нему.

— Это правда?

— Ага, стрелок. Правдивее быть не может. Я, конечно, не могу говорить за них всех,

потому что под одинаковыми масками могут скрываться разные лица, но...

— Скорее нет, чем да, — ответил Эдди, думая о серых лошадях. А ведь еще были серые штаны. Зеленые плащи. Да, это совершенно логично. Как там пела его мать? Что-то насчет армии. Ты, мол, в армии сынок, а не за плугом. И никогда тебе не разбогатеть, потому что ты в армии.

— Я должен пересказать твою историю своему старшему, — сказал Эдди.

Старик медленно кивнул.

— Ага. Делай, как считаешь нужным. С внуком у меня отношения не очень, сам видишь. Люки попытался вырыть колодец в месте, которое указал Тиан. С помощью лозы, ты понимаешь. Я возражал, но, после того, как пришли Волки и взяли Тиа, Люки ни в чем не отказывал Тиану. Можно ли позволить семнадцатилетнему парню определять, где рыть колодец, с лозой или без? Но Люки начал рыть и добрался-таки до воды. Мы все увидели, как она блестит, почувствовали ее запах, а потом глиняные стенки обвалились и погребли моего сына заживо. Мы его вытащили, но к тому времени он уже прошел свою тропу до конца, его легкие заполняла грязь и глина.

Медленно, очень медленно, старик достал из кармана носовой платок, вытер глаза.

— Мальчик и я после этого практически перестали разговаривать. Колодец разделил нас, ты понимаешь. Но он прав в том, что с Волками надо бороться, и если ты будешь говорить ему обо мне, скажи, что его дед очень им гордится. Скажи ему, что он настоящий Джеффордс, ага! В свое время я решился сразиться с ними, а теперь он поддержал честь семьи. — Старик помолчал, медленно кивнул. — Скажи своему старшему, ага! Каждое слово! И если об этом узнают... если Волки придут из Тандерклепа раньше за таким вот дряхлым стариком, как я...

Губы беззубого рта растянулись в улыбке, которую Эдди нашел очень уж мрачной.

— Я еще могу зарядить арбалет, — продолжил старик, — и чувствую, что твоя коричневая научится бросать тарелку, есть у нее ноги или нет.

Старик всмотрелся в темноту.

— Пусть они приходят, — прошептал он. — На этот раз они заплатят за все. На этот раз они заплатят сполна.

Миа снова попала в замок, но на этот раз все изменилось. На этот раз она не могла идти медленно, играя со своим голодом, точно зная, что скоро наестся и наестся досыта. На этот раз голод разрывал ее изнутри, казалось какой-то дикий зверь поселился в ее желудке. Теперь-то она понимала, что в своих предыдущих походах в замок испытывала совсем не голод, не настоящий голод, тогда за голод она принимала здоровый аппетит. На этот раз все изменилось.

«Его время подходит, — думала она. — Ему нужно есть больше, чтобы набираться сил. Мне тоже».

Однако, она боялась, более того, была в ужасе, и не потому, что страшно хотелось есть. Ей требовалась не просто еда, ей требовалась особая еда. Малой нуждался в ней для того, чтобы... ну, чтобы...

Окончательно сформироваться.

Да! Да, именно так, окончательно сформироваться! И, само собой, она полагала, что найдет эту еду в обеденном зале, поскольку в обеденном зале было все, тысячи блюд, одно вкуснее другого. Она оглядит стол и, найдя то, что ей нужно, овощи, пряности, рыбу... ее желудок подскажет, что нужно именно это, а не другое... набросится на еду и будет есть, есть, есть...

Миа перешла на быстрый шаг, побежала. Она слышала доносящееся снизу шуршание: штанины терлись друг о друга, она на этот раз была в штатах. Штанах из грубой, плотной хлопчатобумажной ткани, какие носят ковбои. И на смену туфелькам пришли сапоги.

«Короткие сапоги, — прошептал ее разум ее разуму. — Короткие сапоги, пусть будут они тебе удобными».

Но это значения не имело. Ничего не имело, кроме как стремления наесться, нажраться до отвала (о, как же ее замучил голод) и найти именно ту еду, что нужна малому. Найти то, что придаст ему сил и ускорит роды.

Она прошла по широкой лестнице, в устойчивом гудении двигателей, расположенных в глубинах земли. Обычно в этом месте ее окутывали восхитительные запахи отменно приготовленных мяса, дичи, рыбы... но сейчас они отсутствовали напрочь, будто повара забыли про свои обязанности.

«Может, у меня простуда, — подумала она, ее сапоги со стуком переступали по ступеням. — Конечно, в этом все и дело. Я простудилась. Нос забит, вот никаких запахов я и не чувствую...»

Но она чувствовала. В нос так и били запахи пыли и древности этого мест. Долетали до нее и запах влажной земли, и машинного масла, и грибка, методично поедающего гобелены и портьеры, что висели в этих давно покинутых залах.

Эти запахи присутствовали, но не еды.

Она рванула по черному мраморному полу в двойным дверям, не ведая, что за ней снова следят... только на этот раз в замок пришел не стрелок, а мальчишка с широко раскрытыми глазами, включенными волосами, в рубашке и шортах из хлопчатобумажной ткани. Миа пересекла холл, где пол выложили квадратами красного и черного мрамора, где высилась статуя из мрамора и стали. Не остановилась, чтобы сделать реверанс, даже не повернула головы. Она бы еще могла потерпеть голод. А вот ее малой — нет. Не мог он терпеть.

Что остановило Миа (да и то на несколько секунд), так это ее отражение, мутное, нечеткое,

в хромированной стали статуи. Помимо джинсов на ней была простая белая рубашка («Такие ты называешь футболками», — прошептал ее разум), с какой-то надписью на груди и картинкой.

Картинкой свиньи.

«Неважно, что изображено на твоей рубашке, женщина. Малой — вот что главное. Ты должна накормить малого!»

Она ворвалась в обеденный зал и остановилась, как вкопанная. Огромное помещение погрузилось в сумрак. Лишь несколько электрических факелов горели, большинство погасли. На ее глазах один, что еще горел, в дальнем конце зала, вдруг замигал и потух. Большие белые тарелки со стола исчезли, их заменили другие, синие, с зеленым рисунком, ростками риса, по ободу. Ростки риса образовывали букву Высокого слога Zn, которая означала, Миа это знала, вечное и настоящее а также кам, как в кам-каммале. Но тарелки значения не имели. Орнаменты значения не имели. Имело значение другое: и тарелки и прекрасные хрустальные фужеры пусты и покрыты толстым слоем пыли.

Нет, насчет того, что пусты все, она погорячилась. В одном хрустальном фужере лежал большой черный паук, само собой,дохлый, скрестив множество ножек на впалом брюшке.

Она увидела горлышко бутылки, торчащей из серебряного ведерка, и ее желудок конвульсивно дернулся. Миа схватила бутылку, мимоходом отметив, что воды в ведерке нет, не говоря уже о льде. Но, судя по весу бутылки, в ней осталось вино, никак не меньше половины...

Но прежде чем Миа успела поднести горлышко к губам, в нос ударил запах уксуса, такой сильный, что сразу же начали слезиться глаза.

— Твою мать! — выкрикнула она и отшвырнула бутылку. — Твою мать!

Бутылка разбилась о каменный пол. Твари, прячущиеся под столом, испуганно забегали, запищали.

— Бегайте, бегайте! — прорычала она. — А лучше, убирайтесь отсюда. Потому что здесь Миа, ничья дочь, и настроение у нее плохое! Однако, я наемся! Да! Да, наемся!

Говорить она могла, что угодно, но поначалу не увидела на столе ничего такого, что могла бы съесть. Хлеб лежал, она взяла один кусок и поняла, что он обратился в камень. В одном блюде она обнаружила то, что раньше, возможно, было рыбой, а теперь превратилось в что-то желеобразное, кишащее беловато-зелеными червями.

Желудок заурчал, возмущенный видом этой гадости. Хуже того, что-то под желудком ворочалось, брыкалось, требовало еды. Требовало не криком, но щелкая внутри нее какими-то переключателями, задействуя самые первозданные элементы ее нервной системы. В горле у нее пересохло, рот скривился, словно она таки отхлебнула вина, ставшего уксусом, глаза широко раскрылись и чуть вылезли из орбит. Все мысли, чувства, инстинкты сфокусировались на одной простой идее: добыть еду.

За дальним концом стола стояла высокая ширма, с изображением Артура из Эльда, выезжающего из болот с тремя своими рыцарями-стрелками. На его шее болталась Саита, великая змея, которую он только что убил. Еще один подвиг! Попутного тебе ветра! Мужчины и их подвиги! Фу! Какая ей польза от убийства волшебной змеи? У нее в животе малой, и он голоден.

«Голоден, — подумала она голосом, который не принадлежал ей. — Он голоден».

За ширмой увидела двойные двери. Прошла через них, по-прежнему не замечая мальчика Джейка, который стоял в другом конце обеденного зала, в нижнем белье, с испугом смотрел на нее.

Миа вышла на кухню, такую же пустынную, как и обеденный зал, такую же пыльную. Разделочные столики в зазубринах. На полу кастрюли, сковородки, решетки грилей. Четыре раковины, заполненные мутной, грязной водой с пленкой плесени. Под потолком —

флуоресцентные лампы. Лишь несколько давали ровный свет, большинство мигало, превращая кухню в съемочную площадку фильма ужасов.

Она пересекла кухню, расшвыривая кастрюли и сковороды, попадавшие на пути. Направляясь к четырем большущим духовкам, которые стояли рядом. Ее внимание привлекла третья, с приоткрытой дверцей. Из духовки тянуло теплом, таким тянет от потухшего костра, когда под слоем золы еще тлеют угольки, и запахом, от которого вновь свело желудок. Запахом только что поджаренного мяса.

Миа распахнула дверцу. Увидела поджаренную тушку. А также здоровенную, размером с кота, крысу, которая лакомилась мясом. Крыса повернула голову на звук открывшейся дверцы, посмотрела на Миа черными, бесстрашными глазами. Усики, блестящие от жира, подергивались. А потом крыса вновь принялась за еду. Миа отчетливо слышала чавканье, шорох раздираемой плоти.

Нет, мисс Крыса. Это угощение предназначено не тебе. Оно предназначено мне и моему малому.

— Даю тебе один шанс, милая! — промурлыкала она поворачиваясь к разделочным столикам с ящиками под ними. — Лучше уходи, пока можешь! Я тебя предупредила!

Но она знала, что мисс Крыса никуда не уйдет. Потому что тоже проголодалась.

Миа открыла ящик, увидела доски для резки хлеба и скалку. Уже взялась на нее, но подумала, что брызги крысиной крови попортят вкус мяса, чего ей совершенно не хотелось. Выдвинула второй ящик. Там лежали формочки для желе.

Перешла к другому разделочному столику и в первом же ящике нашла искомое.

Сначала остановила свой выбор на ножах, но потом, после короткого раздумья, взяла одну из вилок для мяса. С двумя шестидюймовыми стальными зубцами. Вернулась к духовкам, после короткой заминки проверила остальные три. Пусто, как она и ожидала. Что-то, может, судьба, может, провидение, может, ка, оставило на кухне свежее мясо, но только для одного едока. Мисс Крыса полагала, что мясо предназначено ей. Что ж, мисс Крыса ошиблась. И Миа не думала, что мисс Крысе удастся совершить еще одну ошибку. Во всяком случае, в этом мире.

Она наклонилась, и ей в нос вновь ударил запах только что поджаренной свинины. Губы разошлись в улыбки, из уголков рта закапала слюна. На этот раз мисс Крыса даже не оглянулась. Мисс Крыса решила, что Миа угрозы не представляет. Что ж, тем хуже для мисс Крысы. Миа нагнулась еще ниже, глубоко вдохнула и вонзила в нее вилку для мяса. Крысиный кебаб! Вытащила насажанную на вилку крысу из духовки, подняла на уровень лица. Крыса яростно пищала, лапки били воздух, голова моталась из стороны в сторону, кровь текла на зубцам вилки, рукоятке марая пальцы и запястье. Миа отнесла извивающуюся крысу к раковине, заполненной зловонной водой и сбросила с вилки. Крыса плюхнулась в воду и исчезла. На мгновение над поверхностью появился кончик хвоста, но лишь на мгновение.

Она пошла вдоль ряда раковин, поворачивая краны. Из последнего слабой струйкой потекла вода. Миа смывала кровь, пока струйка не иссякла. Потом вернулась к духовке, насухо вытерла руку о штаны. Джейка она по-прежнему не видела. Он уже стоял в дверях кухни и наблюдал за ней. Не делал попытки спрятаться, но Миа заворожил запах жареного мяса. Его было явно недостаточно, ее малому требовалась другая еда, но приходилось довольствоваться и этим.

Она протянула руки, схватилась за противень, тут же подалась назад, тряся пальцами и улыбаясь. Скорее, он боли, но присутствовала и толика веселья. Мисс Крыса то ли обладала более низким, в сравнении с ней, порогом чувствительности к температуре, то ли была еще более голодной, чем она. Хотя в последнее ей просто не верилось.

— Я голодна! — прокричала она, смеясь, и вновь пошла к ящикам, открывая и закрывая их один за другим. — Миа голодна, да, сэр! Не ходила в «Морхауз», ни в какой другой хауз, и я

голодна! И мой малой тоже голоден!

В последнем ящике (по-другому обычно и не бывает) она нашла теплостойкие рукавицы. Пospешила к духовке, надев их на руки, наклонилась, вытащила противень. Ее смех вдруг застрял в горле... а потом вырвался наружу, прибавив в громкости. Ну и дура же она! Как только ей могла такое померещиться? На мгновение ей показалось, что на противне, чуть подгрызенное с одной стороны мисс Крысой, тело ребенка. И действительно, поджаренный поросенок где-то похож на ребенка... младенца... чьего-то малого... но теперь-то она увидела закрытые глаза, подгоревшие уши, печеное яблоко в открытом рту, и пропали последние сомнения в том, что перед ней поросенок.

Ставя противень на разделочный столик, она вдруг подумала о своем отражении от металла статую в холле. Но времени для раздумий не было. Желудок требовал пищи. Она вытащила мясницкий нож из ящика, где брала вилку и отрезала часть, обгрызенную мисс Крысой, как вырезают червоточину из яблока. Отшвырнула этот кусок, подняла поросенка и начал рвать мясо зубами.

Джейк наблюдал за ней от двери.

Утолив первый голод, Миа оглядела кухню. Во взгляде читались расчетливость и отчаяние. Что ей делать, когда от поросенка останутся одни кости. Что ей делать, когда вновь захочется есть? И где найти то, что действительно нужно ее малому, действительно нужно? Она, понятное дело, приложит максимум усилий, чтобы найти все это и в достаточных количествах, особые продукты, или напитки, или витамины, или что уж там ему требуется. Свинина, конечно, сгодится (сгодится хотя бы на то, что малой вновь заснул, спасибо всем богам и Человеку-Иисусу), но в действительности нужно кое-что другое.

Она бросила сэя Пигги на противень, потянула рубашку через голову, развернула к себе, чтобы посмотреть на картинку и надпись. Увидела стилизованную свинку, ярко-красную, с блаженной улыбкой на мордочке. Прочитала надпись над свинкой, кривоватыми буквами, словно наносили ее спреем на стене свинарника: «„ДИКСИ-ПИГ“, УГОЛ ЛЕКС^[43] И 61-Й». Прочитала надпись под свинкой: «ЛУЧШИЕ ОТБИВНЫЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ — МАГАЗИН ДЕЛИКАТЕСОВ».

«„Дикси-Пиг“, — думала она. — „Дикси-Пиг“. Где же это я уже слышала?»

Вспомнить не получалось, но она не сомневалась, что сможет найти Лекс, если возникнет такая необходимость.

— Между Третьей и Парковой, — озвучила Миа свои мысли. — Именно там, не так ли?

Мальчик, который уже ретировался в обеденный зал, оставив двери открытыми, услышал ее слова и печально кивнул. Именно там, все так.

«Что ж, сейчас все хорошо, — думала Миа. — Сейчас все хорошо, лучше просто быть не может, и как говорила женщина в той книге, завтра будет другой день. Тогда и будем волноваться. Так?»

Так. Она вновь взялась за поросенка и продолжила трапезу. Чавкающие звуки, которые она при этом издавала, не очень-то и отличались от чавканья крысы. Действительно, не очень-то и отличались.

Тиан и Залия попытались уступить Эдди и Сюзанне свою спальню. И пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить хозяев, что гости не хотят спать в их спальне, что спать там им будет неудобно. Решающий удар нанесла Сюзанна, доверительным голосом поведав

Джеффордсам, что в городе Ладе с ними произошло нечто жуткое, и теперь ни один из них не может спать в доме. Так что сеновал, с открытой дверью в окружающий мир, если у кого возникало желание взглянуть на него, куда больше подходил для ночлега.

Это хорошая история и отменно рассказанная. Тиан и Залия слушали так доверчиво, на лицах отражалось такое сочувствие, что Эдди почувствовал себя виноватым. Много плохого случилось с ними в Ладе, из песни слова не выкинешь, но все эти происшествия нисколько не мешали им спать под крышей. Во всяком случае, он так думал, поскольку с того самого момента, как каждый из них покинул свой мир, они только одну ночь (прошлую) провели под настоящей крышей настоящего дома.

А теперь Эдди, скрестив ноги, сидел на одном из одеял, которые Залия дала им, когда они направились на сеновал. Еще два лежали рядом. Смотрел он во двор, мимо крыльца, на котором дед Тиана рассказывал свою историю, в сторону реки. Луна то скрывалась за облаками, но выглядывала из них, и тогда темнота отступала под серебристым светом. Но он, скорее не смотрел, как слушал. Уши ловили каждый звук, доносящийся из расположенного под ним хлева. Она была там, он не сомневался, но, Господи, какая же внизу стояла тишина!

И, между прочим, кто она? Миа, говорит Роланд, но это всего лишь имя. Кто она на самом деле?

Но это не просто имя. «На Высоком Слоге оно означает мать», — сказал стрелок.

Оно означает мать.

Но она мать не моего ребенка. Малой — не мой сын.

Снизу донесся чуть слышный удар, скрипнула половица. Эдди напрягся. Она внизу, все точно. Он уже начал сомневаться, но нет, она внизу.

Он проснулся после шести часов глубокого, ничем не потревоженного сна, чтобы обнаружить, что Сюзанна ушла. Он подошел к воротам сеновала, которые они оставили открытыми, выглянул. Увидел, что она во дворе. Даже в лунном свете понял, что в коляске не Сюзанна; ни его Сюзи, не Одетта Холмс или Детта Уокер. И при этом женщина эта не показалась ему полной незнакомкой...

Я видел ее в Нью-Йорке, только тогда у нее были ноги, и она знала, как ими пользоваться. У нее были ноги, и она не хотела вплотную приближаться к розе. На то у нее были причины, веские причины, но думаю, что главная мне известна. Думаю, она боялась, что роза причинит вред тому, кто сидит у нее в животе.

И все-таки он жалел женщину, которую видел внизу. Кем бы она ни была, кого бы ни вынашивала, она попала в это щекотливое положение, спасая Джейка Чеймберса. Она отвлекла демона круга, удержала в себе, пока Эдди не закончил вырезать ключ.

Если б ты покончил с этим раньше, если б ты не оказался таким дерьмом, она могла бы и не вляпаться в эту историю, или тебе так не кажется?

Эдди отогнал эту мысль. Доля истины в ней была, он стушевался, вырезая ключ, вот почему и не успел закончить его к моменту «извлечения» Джейка, но он уже покончил с таким образом мышления. Пользы никакой, сплошное самоуничтожение.

Кем бы они ни была, сердце его рвалось к женщине, которую он видел внизу. В тишине ночи, под лунным светом, чередующимся с темнотой, в коляске Сюзанны она пересекла двор... вернулась обратно... вновь укатила к дальнему концу... повернула налево... потом направо. Чем-то она напомнила ему древних роботов на поляне Шардика, в которых он стрелял по приказу Роланда. И тут есть чему удивиться. Потому что засыпал он, думая об этих роботах, о том, что сказал он них Роланд: «Я думаю, по-своему им очень грустно. Эдди собирается избавить их от тоски-печали». И он избавил, пусть и не без уговоров: того, что выглядел многозвенной змеей, напоминающего трактор, подаренный ему на день рождения, похожего на

злобную стальную крысу. Расстрелял всех, кроме последнего, чего-то летающего. С ним разобрался Роланд.

Как древние роботы, женщина во дворе хотела куда-то уйти, только не знала куда. И вопрос заключался в том, что же ему теперь делать?

Наблюдать и ждать. Использовать время, что придумать его одну убедительную байку на случай, что один из них проснется и увидит, как она мотается по двору в кресле. Что-нибудь насчет посттравматического синдрома, вызванного пребыванием в Ладе.

— Что ж, мне это годится, — пробормотал он, но в этот момент Сюзанна развернулась и покатила к хлеву, теперь уже целенаправленно. Эдди улегся, готовый имитировать сон, но наверх Сюзанна не поднялась. Скрипнули ворота хлева, которые ей удалось открыть с немалым усилием, потом половицы: она слезла с кресла и, на руках и коленях, пробиралась в глубь.

На пять минут воцарилась полная тишина. Эдди уже начал нервничать, когда послышался поросятчий визг, резкий и короткий. Визг этот очень уж напоминал вскрик младенца, и по коже Эдди побежали мурашки. Он посмотрел на лестницу, ведущую вниз, но заставил себя остаться на месте.

Это же свинья. Точнее, поросенок. Совсем молоденький.

Возможно, но перед его мысленным взором раз за разом возникали младшие близнецы. Особенно девочка. Лиа, рифмуется с Миа. Они такие крошки, и это безумие, представлять себе Сюзанну, перерезающую горло ребенку, полнейшее безумие, но...

Но внизу не Сюзанна, если начнешь думать, что там Сюзанна, ты причинишь себе боль, как случилось и раньше.

Боль, это мягко сказано. Его чуть не убили. Омароподобные твари чуть не сжевали его.

Им на съедение меня бросила Детта. Внизу не Детта.

Да, и вполне возможно, что та, что внизу, гораздо лучше Детты, однако утверждать такое мог только круглый дурак. Да, сейчас речь не шла о его жизни.

А может, на карте стояли жизни детей? Детей Тиана и Залии?

Его прошиб пот, он сидел, не зная, что предпринять.

Наконец, ожидание затянулось на вечность, вновь заскрипели половицы. Последняя — у лестницы на сеновал. Эдди лег и закрыл глаза. Конечно, не совсем. Сквозь ресницы увидел, как в проеме люка показалась ее голова. В этот момент луна выглянула из-за облака, залила сеновал серебристым светом. Он увидел кровь в уголках ее рта, темную, как шоколад, и отметил для себя, что утром ее надо вытереть. Он не хотел, чтобы кто-то из Джеффордсов увидел эту кровь.

«Кого я хочу увидеть, как это близнецов, — подумал Эдди. — Обе пары, всех четверых, живыми и здоровыми. Особенно Лиа. Чего еще я могу хотеть. Завтра утром Тиан, конечно, выйдет из хлева в некотором недоумении. Спросит, не слышали ли мы чего ночью, не видели ли лису или горную кошку. Потому что, вот странность, пропал один поросенок. Надеюсь, ты спрятала то, что от него осталось, Миа, или кто ты там есть. Надеюсь, ты хорошо спрятала то, что от него осталось».

Она подошла к нему, легла на спину, повернулась на бок и мгновенно уснула, он это понял по ровному дыханию. Эдди приподнял голову, посмотрел на спящий дом Джеффордсов.

Она не приближалась к дому.

Нет, если не проехала хлев насквозь... обогнула дом... залезла в окно... взяла одного из близнецов... взяла маленькую девочку... вернулась с ней в хлев... и...

Она этого не сделала. Прежде всего, не уложилась бы в те несколько минут.

Скорее всего, не уложилась бы, но он знал, что успокоиться он сможет только утром. Увидев всех детей за завтраком. Включая Аарона, малыша на пухлых ножках с чуть выпирающим животиком. Он вспомнил, как его мать иногда говорила, увидев молодую мамашу,

которая катила в коляске своего малыша: «Какой милый! Так и хочется его съесть!»

Прекрати! Пора спать!

Но прошло еще много времени, прежде чем Эдди вновь заснул.

3

Джейк со стоном вырвался из кошмара, поначалу не понял, где находится. Сел, дрожа всем телом, подтянул колени к груди, обхватил их руками. Увидел, что одет в простую рубашку из хлопчатобумажной ткани, слишком большую по размеру... и то ли шорты, то ли трусы из той же ткани, похожие на те, в каких он ходил на уроки физкультуры, тоже слишком большие по размеру. Что..?

Рядом кто-то тяжело вздохнул, потом пукнул. Джейк повернулся на эти звуки, увидел Бенни Слайтмана, по глаза залезшего под два одеяла, и все встало на свои места. На нем нижнее белье Бенни. Они в палатке Бенни. На обрыве над рекой. В этом месте, сказал Бенни, берега слишком каменистые, чтобы выращивать рис, однако здесь отличная рыбалка. Поэтому, если им повезет, они смогут наловить рыбы на завтрак. И хотя Бенни знал, что Джейк и Ыш должны вернуться в дом Старика к своему старшему и членам ка-тета на день или два, может, дольше, он надеялся, что Джейк еще приедет в «Рокинг Би». Он бы показал ему другие места, где хорошая рыбалка и заводь для купания, и пещеры, которые светились в темноте, и ящериц, которые тоже светились. Джейк улегся спать в надежде увидеть все эти чудеса. Ему не нравилось, что на обрыв он отправился без пистолета (за последнее время он столько увидел и столько сделал, что без оружия чувствовал себя не в своей тарелке), но не сомневался, что Энди приглядывает за ними, а потому позволил себе глубоко заснуть.

А потом этот сон. Ужасный сон. Сюзанна в огромной, грязной кухне заброшенного замка. Сюзанна поднимает к лицу пищащую крысу, насажанную на вилку для мяса. Поднимает и смеется, тогда как кровь с деревянной ручки стекает на ее руку.

Это не сон, и ты это знаешь. Ты должен сказать Роланду.

За этой мыслью последовала другая, еще более тревожная: *Роланд знает. И Эдди.*

Джейк по-прежнему сидел, прижав колени к груди, обхватив их руками, чувствуя себя глубоко несчастным, прямо таки как в тот день, когда он разглядел собственное экзаменационное сочинение по английскому языку на уроке у мисс Эйвери. «Как я понимаю правду», так называлось сочинение. Теперь-то он знал, почему оно написано так, а не иначе, знал, что по большей части сочинение это обусловлено прикосновениями, как говорил Роланд, или телепатией, чтением мыслей другого человека, этот термин предпочитали использовать в Нью-Йорке двадцатого века, но тогда испытал дикий ужас. На этот раз не столько ужаснулся, как... ну...

«Почувствовал грусть», — подумал он.

Да. Да, они вроде бы ка-тет, единство из множества, да только их единство нынче утерялось. Сюзанна стала другой личностью, и Роланд не хотел ставить ее в известность, потому что предстояла схватка с Волками как этом, так и в другом мире.

С Волками Кальи, с Волками Нью-Йорка.

Джейк хотел разозлиться, да только понимал, что злиться не на кого. Сюзанна забеременела, помогая, между прочим, ему, и если Роланд и Эдди не говорили ей об этом, то лишь потому, что побереечь ее.

Да, конечно, — вмешался негодующий голос. — Но они также хотят, чтобы она помогла им, когда Волки выедут из Тандерклепа. От нее будет куда меньше пользы, если аккурат в это

время у нее случится выкидыш или нервный срыв.

Он знал, это несправедливые слова, но сон очень уж сильно потряс его. Перед мысленным взором вновь и вновь возникала крыса. Крыса, извивающаяся на вилке для мяса. Она, поднимающая крысу на уровень лица. И улыбающаяся. Не мог он этого забыть. Улыбающаяся. В тот момент он прикоснулся к ее разуму и уловил мысль: крысиный кебаб.

— Господи, — прошептал Джейк.

Вроде бы он понимал, почему Роланд не рассказывает Сюзанне о Миа и о ребенке, которого Миа называла малым, но разве стрелок не отдавал себе отчета, что при этом терялось кое-что очень важное, и с каждым уходящим днем этого важного терялось все больше и больше.

Они знают больше, чем ты, они взрослые.

Джейк подумал, что это утверждение — дерьмо собачье. Если взрослые знали больше и лучше разбирались в проблемах, которые постоянно подбрасывала жизнь, почему его отец выкуривал в день по три пачки сигарет без фильтра и нюхал кокаин, пока из носа не начинала идти кровь? Если взрослые обладали особыми знаниями, которые позволяли всегда поступать правильно, почему его мать спала со своим массажистом, которого отличали огромные бицепсы и полное отсутствие мозгов? Почему ни один из них не заметил, что в 1977 году, когда весна переходила в лето, их ребенок (по прозвищу Бама, известном только домоправительнице) медленно, но верно сходил с ума?

Это не одно и то же.

А что, если одно? Что, если Роланд и Эдди очень уж близко к проблеме и не могут взглянуть на нее со стороны, не могут увидеть очевидное?

Что есть очевидное? Какого твое понимание очевидного?

Они больше не ка-тет, вот оно, его понимание очевидного.

Что сказал Роланд Каллгэну, при их первой встрече? «Мы — шар, и катимся, как он». Тогда так оно и было, теперь, по разумению Джейка, нет. Ему вспомнилась шутка, которую произносили люди, когда спускало колесо. «Хорошо хоть, оно спустило только вниз». Вот и их шар, похоже, сдулся. Они уже не настоящий ка-тет... как они могут зваться ка-тетом, если у них появились секреты друг от друга? И разве Миа и ребенок, растущий в животе Сюзанны — единственный секрет? Джейк полагал, что нет. Было и что-то еще. Что-то такое, о чем Роланд не говорил не только Сюзанне, но и всем остальным.

«Мы сможем победить Волков, если будем единым целым, — думал Джейк. — Если будем ка-тетом. А не такими, как сейчас. Такие, как сейчас, мы не победим ни здесь, ни в Нью-Йорке. Я в этом уверен».

Другая мысль пришла следом за этой, такая ужасная, что поначалу он попытался отбросить ее. Только понял, что не получается. Никак не хотелось ему рассматривать эту идею, но ведь ничего другого не оставалось.

«Я могу взять инициативу на себя. Могу сам рассказать ей».

А что потом? Что он скажет Роланду? Как сможет все объяснить?

«Я не смогу. Такого объяснения нет, да и не будет он меня слушать. Единственное, что мне по силам...»

Он вспомнил историю Роланда о том дне, когда тому пришлось сразиться с Кортм. Закаленный в боях старый учитель с палкой и мальчишка с соколом. Идя против решения Роланда и выдавая Сюзанне секреты, он, Джейк, нарывался на то самое испытание на право зваться мужчиной.

«И я еще не готов. Может, Роланд и был готов, пусть на пределе, но был, но я же не Роланд. Никто не может сравниться с ним. Он возьмет надо мной верх и меня отправят на восток, в Тандерклеп, одного. Ыш попытается пойти со мной, но я не позволю. Потому что там смерть.

Возможно, для всего нашего ка-тета, но уж для одинокого мальчишки, вроде меня, точно».

И однако, секреты Роланда — это нехорошо. И что из этого следует? Вскоре они соберутся, соберутся все, чтобы услышать продолжение истории Каллагэна и, возможно, решить, как поступать с магическим кристаллом, который хранился в церкви Каллагэна. Так что же ему делать?

Поговори с ним. Постарайся убедить, что он поступает неправильно.

Хорошо. Это он сможет. Будет тяжело, но он сможет. Следует ли ему поговорить и с Эдди? Джейк решил, что нет. Вовлечение Эдди еще больше все запутает. Пусть Роланд решает, что говорить Эдди. Роланд, в конце концов, их дин, их старший.

Полог палатки задрожал, и рука Джейка двинулась к тому месту, где следовало находиться «ругеру». Его там, само собой, не было, но и тревога оказалась ложной. Полог тронул своей мордочкой Ыш и чуть откинул, чтобы просунуть в палатку голову.

Джейк протянул руку, чтобы погладить зверька, но Ыш зубами мягко ухватил его за пальцы и потянул. Джейк не стал противиться, чувствовал, если и заснет этой ночью, то нескоро.

За палаткой мир предстал перед ним в резких черно-белых цветах. Крутой каменистый склон уходил к реке, в этом месте широкой и мелкой. Отражающаяся в ней луна светилась, как лампа. Среди скал на берегу Джейк увидел две фигурки и замер. В этот момент луна скрылась за тучей, и мир потемнел. Ыш вновь потянул его за собой. Джейк подчинился, нашел четырехфутовый уступ, спустился на него. Ыш остался наверху, на его спиной, дыша ему в ухо, как маленький двигатель.

Луна вышла из-за облака. Мир просветлел. Джейк увидел, что Ыш привел его к огромному гранитному валуну, торчащему из земли, как корма зарытого корабля. С этого места он мог многое увидеть, оставаясь незамеченным. Взгляд его сразу же вернулся к двум фигуркам.

Одну он узнал сразу: рост и блеск металла в лунном свете однозначно указывали, что перед ним Энди, робот-посыльный (со многими другими функциями). Второй... кто же второй? Джейк прищурился, но все равно не смог ответить на этот вопрос. От берега его отделяли двести ярдов, так что, несмотря на яркий лунный свет, черты лица расплывались. Даже когда этот мужчина поднимал голову, глядя на Энди. Впрочем, мужчина был в шляпе... шляпу эту он вроде бы узнал...

Ты можешь ошибиться.

А потом мужчина чуть повернул голову, лунный свет отразился от его лица двумя бликами, и Джейк понял, что не ошибся. Многие ковбои Кальи носили такие же шляпы с круглой тульей, но во всем городе в очках Джейк видел только одного человека.

Ладно, это отец Бенни. Что с того? Не все родители похожи на моих, некоторые тревожатся о своих детях, особенно, если они уже потеряли хотя бы одного. Мистер Слайтман потерял сестру Бенни. Она умерла от легочного пожара, как говорил Бенни. Должно быть, так здесь называют пневмонию. Шесть лет тому назад. Мы отправились в поход, мистер Слайтман посылает Энди, чтобы тот приглядывал за нами, просыпается глубокой ночью и решает проверить, все ли у нас в порядке. Может, ему тоже приснился кошмар.

Такое возможно, непонятно только, почему Энди и мистер Слайтман сейчас беседуют так далеко от палатки, на берегу реки, не так ли?

Ну, может, он боялся вас разбудить. Может, еще поднимется наверх, к палатке, в этом случае мне лучше вернуться в нее, а может, поверит Энди на слово и вернется в «Рокинг Би».

Луна спряталась за другое облако, и Джейк подумал, что ему следует остаться на месте, пока она не появится вновь. А когда она появилась, его охватило то самое отвращение, которое он испытывал, следуя за Миа по заброшенному замку. На мгновение он даже подумал, что это тоже сон, что он просто перескочил из первого во второй, но камешки под ногами и дыхание

Ыша подсказали, что он не спит. И видит все наяву.

Мистер Слайтман не поднимался к палатке мальчиков, не возвращался и к «Рокинг Би» (в отличие от Энди, который широкими шагами шел к ранчо вдоль берега). Нет, отец Бенни пересекал реку. Вброд. Направлялся на восток.

Наверняка он идет туда не без причины. И причина эта, должно быть, веская.

Неужели? И какова же эта веская причина? Они уже не в Калье, Джейк это прекрасно понимал. Здесь лишь бесплодные земли да пустыня, буферная зона между пограничьем и королевством мертвым, которое звалось Тандерклеп.

Сначала что-то случилось с Сюзанной... его подругой Сюзанной. Теперь, похоже, что-то не так с отцом его нового друга. Джейк понял, что грызет ноготь, эту привычку он приобрел в последние недели учебы в школе Пайпера, и заставил себя опустить руку.

— Это несправедливо, знаешь ли, — пожаловался он Ышу. — Совершенно несправедливо.

Ыш лизнул его в ухо. Джейк повернулся, обнял ушастика-путаника, уткнулся лицом в его шелковистую шерсть. Ыш стоял, как вкопанный. Какое-то время спустя Джейк поднялся с выступа к Ышу. Ему чуть полегчало.

Опять выглянула луна. Джейк пристально смотрел на то место, где разговаривали Энди и мистер Слайтман, стараясь запечатлеть его в памяти. Большая круглая скала, со сверкающей поверхностью, прибитое водой сухое дерево. Джейк не сомневался, что найдет его, даже если на обрыве не будет палатки Бенни.

Ты собираешься сказать Роланду?

— Не знаю, — пробормотал Джейк.

— Знаю, — отозвался Ыш у его лодыжки и Джейк аж подпрыгнул от неожиданности. Чего это ушастик-путаник подал голос?

Безумие какое-то.

Да нет, не безумие. Было время, когда он уже не сомневался, что спятил или спятит в самом ближайшем будущем, но все это осталось в прошлом. И потом, он знал, что иногда Ыш читает его мысли.

Джейк вернулся в палатку. Бенни крепко спал. Джейк несколько секунд, кусая губы, смотрел на другого мальчика, старше годами, младше в знании жизни. Он не хотел навлекать на отца Бенни неприятности. Навлекать без необходимости.

Джейк лег, натянул одеяло до подбородка. Никогда в жизни не чувствовал он такой нерешительности. Не знал, что и делать. Ему хотелось плакать. И заснул он, лишь когда занялся рассвет.

Покинув «Рокинг Би», первые полчаса Роланд и Джейк в молчании ехали на восток, к маленьким фермам. Их лошади шли бок о бок. Роланд знал, Джейка волнует что-то очень серьезное, об этом говорила тревога, написанная на лице мальчика. Однако, стрелок изумился, когда Джейк сжал правую руку в кулак, приложил к левой стороны груди и сказал: «Роланд, до того, как Эдди и Сюзанна присоединятся к нам, могу я поговорить с тобой дан-дин?»

Могу я открыть сердце твоему приказу? Но подтекст был более сложным, более древним, выражение это пришло из столетий, предшествующих Артуру Эльдскому, так, во всяком случае, говорил Ванни. Обычно речь шла о неразрешимой эмоциональной проблеме, чаще всего, любовной, с которой обращались за помощью к старшему. Идя на такой шаг, он или она соглашались в точности последовать совету старшего, незамедлительно и без единого вопроса. Но, само собой, у Джейка Чеймберза не могло быть любовных проблем... если, конечно, он вдруг не влюбился в ослепительную Франсину Тавери... и откуда он узнал эту фразу?

Тем временем Джейк смотрел на него широко раскрытыми глазами, и Роланду решительно не нравилась серьезность бледного лица мальчика.

— Дан-дин... где ты это слышал, Джейк?

— Нигде. Думаю, почерпнул из твоей головы, — тут Джейк торопливо добавил. — Специально я туда не залезал, будь уверен, но иногда что-то мне перепадает. Обычно всякая ерунда, но бывает, и какие-то фразы.

— Ты подбираешь их, как ворона или расти подбирают блестящие предметы, за которые во время полета цепляется глаз?

— Полагаю, что да.

— Какие еще? Перечисли мне несколько.

Джейк смутился.

— Многие я запомнить не могу. Дан-дин означает открыть тебе свое сердце и согласиться сделать все, как ты скажешь.

Выражение это вбирало в себя значительно больше, но суть мальчик уловил. Роланд кивнул. Солнечные лучи приятно согревали ему лицо. Показательное выступление Маргарет Эйзенхарт в значительной степени успокоило его, а позднее у него состоялась плодотворная беседа с отцом леди-сэй, и впервые за много ночей он крепко спал.

— Да, — кивнул Роланд.

— Что же еще... Ага, тэлами, что означает... я думаю... сплетничать о человеке, о котором ты сплетничать не должен. Почему-то я ее запомнил, хотя сам вроде бы сплетничать не люблю.

Роланд улыбнулся. Джейк все говорил правильно. Чудеса, да и только. Он дал себе зарок в будущем лучше охранять глубинные мысли. Способы для того имелись, спасибо богам.

— Еще дэш-дин, так называют религиозного лидера. Это выражение мелькнуло у тебя в голове утром, думаю, в связи с этим стариком-Мэнни. Он — дэш-дин?

Роланд кивнул.

— Именно так. А его имя, Джейк? — стрелок сосредоточился на нем. — Мы можешь увидеть его имя в моей голове?

— Конечно, Хенчек, — без малейшей запинки ответил Джейк. — Ты говорил с ним... когда? Вчера, поздней ночью?

— Да, — вот на этом он не сосредотачивался, даже предпочел бы, чтобы Джейк об этом не узнал. Но в прикосновениях мальчику, похоже, уже не было равных, и Роланд верил его словам о том, что он не залезает в чужих головах. Во всяком случае, специально.

— Миссис Эйзенхарт думает, что ненавидит Хенчека, а тебе кажется, что она просто его боится.

— Да, в прикосновениях ты силен. Стал куда сильнее Алена и сильнее, чем раньше. Причина в розе, не так ли?

Джейк кивнул. Естественно, в розе. Какое-то время они ехали молча, копыта лошадей тонули в тонкой пыли. Несмотря на солнце день выдался холодным, чувствовалось приближение осени.

— Хорошо, Джейк. Поговори со мной дан-дин, если считаешь это необходимым, а я благодарю тебя за доверие мудрости, которой, по твоему разумению, я обладаю.

Но Джейк молчал почти две минуты. Роланд пытался проникнуть в его голову, как с другими проделывал это мальчик (и с легкостью), но ничего не увидел. Совершенно ни...

Ан, нет. Увидел крысу. Извивающуюся, на что-то насаженную...

— Где находится замок, в который она ходит? — спросил Джейк. — Ты знаешь?

Роланд не смог скрыть удивления. Точнее, изумления. Наверное, потому что чувствовал за собой вину. Внезапно он понял... если не все, то многое.

— Замка нет и никогда не было, — ответил он Джейку. — Это место, в которое она приходит в своей голове, и создано оно на основе сказок, которые она, должно быть, читала, и историй, которые я рассказывал у костра. Она приходит туда, чтобы не видеть, что она в действительности ест. Что требуется ее ребенку.

— Я видел, как она ела жареного поросенка. А до нее этого поросенка ела крыса. Она насадила крысу на вилку для мяса.

— И где ты это видел?

— В замке, — он помолчал. — В ее сне. Я попал в ее сон.

— Она тебя видела? — синие глаза стрелка сверкнули. Его лошадь что-то почувствовала и остановилась. Как и лошадь Джейка. Они стояли на Восточной дороге, примерно в миле от того места, где Молли Дулин убила Волка из Тандерклепа. Стояли лицом к лицу.

— Нет, — ответил Джейк. — Она меня не видела.

Роланд думал о той ночи, когда последовал за ней в болото. Он знал, что мысленно она где-то еще, чувствовал это, только не мог сказать, где именно. Очень уж смутными были образы, которые он выуживал из ее головы. Теперь он знал. Знал и другое: Джейк встревожен решением старшего оставить Сюзанну в неведении. И возможно, мальчик тревожился правильно. Но...

— Ты видел не Сюзанну, Джейк.

— Я знаю. Это другая личность, с ногами. Она называет себя Миа. Она беременна и до смерти напугана.

— Раз уж ты говоришь со мной дан-дин, расскажи все, что ты видел, и все, что тревожило тебя после пробуждения. Потом я отдам тебе мудрость моего сердца, мудрость, которая у меня есть.

— Ты не... Роланд, ты не сердишься на меня?

И на этот раз Роланд не смог скрыть изумления.

— Нет, Джейк. Отнюдь. Может, это я должен просить тебя не сердиться на меня.

Мальчик устало улыбнулся. Лошади двинулись дальше, на этот раз чуть быстрее, словно знали, в месте, где они стояли, чуть не случилась беда, и хотели как можно быстрее уйти оттуда.

Пока Джейк не начал говорить, он не знал, что именно расскажет, насколько откроет душу. Проснувшись вновь, он так и не смог решить, говорить Роланду об Энди и Слайтмане-старшем или нет. В конце концов ухватился за предложение Роланда: «Расскажи все, что ты видел, и все, что тревожило тебя после пробуждения», полностью исключив из рассказа встречу у реки. По правде говоря, утром встреча эта уже не казалась ему столь важной.

И он рассказал Роланду, как Миа спускалась по ступеням, о страхе, который она испытала, увидев, что в обеденном зале нет еды. О том, как пошла на кухню. Как увидела жареного поросенка, которым лакомилась крыса. Как убила соперницу. Как жрала добычу. Как он проснулся, дрожа всем телом и с трудом подавив крик.

Тут он запнулся и посмотрел на Роланда. Стрелок нетерпеливо вертанул рукой: продолжай, скорее, расскажи все до конца.

«Что ж, — подумал Джейк, — он обещал не сердиться и держит слово».

Все так, но Джейк по-прежнему не решался сказать Роланду, что собирался обо всем рассказать Сюзанне. На полном серьезе обдумывал эту идею. Он, однако, озвучил свой главный страх: если трое о чем-то знают, а один нет, значит, ка-тет разбит, и именно в тот момент, когда он должен быть максимально крепок. Даже пересказал Роланду байку о спущенном колесе, «хорошо хоть, оно спустило только вниз». Он не ожидал, что Роланд рассмеется, и ожидания его полностью оправдались. Но он почувствовал, что Роланд в определенной степени пристыжен, и вот это его испугало. Поскольку считал, что стыдиться могли лишь люди, которые не знали, что делали.

— И до последней ночи ситуация была еще хуже, чем теперь, когда трое знают, а один — нет, — продолжил Джейк. — Потому что ты пытался держать в неведении и меня. Так?

— Нет, — ответил Роланд.

— Нет?

— Я просто не мешал естественному ходу событий. Эдди рассказал о Сюзанне только по одной причине. Они остались вдвоем, вот я и боялся, что он, узнав о ее странствиях, попытается разбудить Сюзанну. Боялся, что может произойти между ними, когда он ее разбудит.

— А почему просто не сказать ей?

Роланд вздохнул.

— Послушай меня, Джейк. Когда мы были мальчиками, Корт занимался нашим физическим воспитанием. Ванни — духовным. Оба пытались научить тому, что знали об этике. Но по обычаям Гилеада, наши отцы учили нас всему, что касалось ка. А поскольку отцы у нас всех были разные, каждый из нас, оставляя позади детство, имел свое представление о том, что есть ка и что ка делает. Ты это понимаешь?

«Я понимаю, что ты уходишь от ответа на простой вопрос», — подумал Джейк, но кивнул.

— Мой отец много чего рассказывал мне на сей предмет, и большая часть рассказанного им благополучно забылась, но одно я помню четко. Когда у тебя нет уверенности, предоставь ка определять курс.

— Значит, все дело в ка, — в голосе Джейка слышалось разочарование. — Роланд, пользы от этого немного.

Стрелок уловил тревогу в голосе Джейка, но куда больше его задело разочарование. Он повернулся в седле, открыл уже рот, собрался что-то сказать в подтверждение своих слов, и закрыл рот. Не стал ничего подтверждать, сказал правду.

— Я не знаю, что делать. Не хочешь ли подсказать мне?

Лицо мальчика до корней волос залила краска, и Роланд понял, что мальчик думает, что он издевается над ним. Злится на него. Такое отсутствие взаимопонимания пугало. «Он прав, — подумал стрелок. — Наш ка-тет дал трещину. Да помогут нам боги».

— Не думай так, — добавил Роланд. — Слушай меня, прошу... и слушай внимательно. В Калье Брин Стерджис нам предстоит схватка с Волками. В Нью-Йорке — с Балазаром и его «джентльменами». И произойдет это в самом скором времени. Досидит ли ребенок в чреве Сюзанны до того, как эти проблемы разрешатся, так или иначе? Я не знаю.

— Она даже не выглядит беременной, — пробормотал Джейк. Щеки его чуть побледнели, но головы он не поднимал.

— Согласен, не выглядит, — кивнул Роланд. — Грудь у нее чуть налилась, может, увеличились и бедра, но это единственные признаки. Так что у меня есть основания надеяться. Я должен надеяться, должен и ты. Потому что, еще до Волков и до розы нам придется решать вопрос с Тринадцатым Черным. Думаю, я знаю, что надо с ним сделать, надеюсь, что знаю, но сначала я должен вновь поговорить с Хенчеком. И нам еще предстоит дослушать до конца историю отца Каллагэна. Ты думал о том, чтобы самому рассказать все Сюзанне?

— Я... — Джейк прикусил губу и замолчал.

— Вижу, что думал. Выброси эти мысли из головы. Если что-то и может, за исключением смерти, навсегда порушить нашу дружбу, так это твой разговор с ней без моего разрешения, Джейк. Я — твой старший.

— Я это знаю! — Джейк чуть ли не кричал. — Не думай, что я этого не знаю.

— А ты думаешь, мне это нравится! — возвысил голос и Роланд. — Или ты не видишь, насколько мне было легче до того... — он замолчал, в ужасе от тех слов, которые хотел произнести.

— До того, как появились мы, — ровным голосом закончил за него Джейк. — Но знаешь, что я тебе скажу? Мы об этом не просили, ни один из нас.

«И я не просил тебе сбросить меня в пропасть. Убить меня».

— Джейк... — стрелок вздохнул, поднял руки, они вновь упали на бедра. Впереди показался поворот к ферме Джеффордсов, где их ждали Эдди и Сюзанна. — Я могу только повторить уже сказанное: когда человек не уверен в том, что хочет ка, лучше всего предоставить ка полную свободу. Если же человек пытается вмешаться, он наверняка все сделает неправильно.

— В королевстве Нью-Йорк это называется «умыть руки», Роланд. Ты не можешь предложить своего решения, вот и не противись чужому, пусть оно тебе и не нравится.

Роланд задумался. Губы его затвердели.

— Ты попросил меня командовать твоим сердцем.

Джейк кивнул.

— Тогда слушай меня. Первое, я говорю, что мы втроем, ты, я и Эдди, поговорим с Сюзанной до прихода Волков, расскажем ей все, что знаем. Что она беременна, что отец этого ребенка — демон, что она создала вторую личность, женщину по имени Миа, которая и стала матерью этого ребенка. Второе, я говорю, что до нашего разговора с ней мы эту тему больше обсуждать не будем.

Джейк жадно ловил каждое слово, на лице ясно читалось облегчение.

— Ты серьезно?

— Да, — ответил Роланд, стараясь не показать, как обидел и рассердил его этот вопрос. Но он понимал, почему мальчик его задает. — Я обещаю и клянусь выполнить свое обещание. Тебя это устраивает?

— Да! Более чем!

Роланд кивнул.

— Я поступаю так не потому, что считаю это решение правильным, Джейк. Лишь потому, что так считаешь ты. Я...

— Подожди, подожди, — улыбка Джейка поблекла. — Не пытайся переложить все на меня. Я...

— Избавь меня этой ерунды, — к такому сухому, отстраненному тону Роланд прибегал крайне редко. — Ты захотел быть в числе тех, кто принимает решение, как положено мужчине. Я тебе это разрешаю, должен разрешить, потому что по велению ка ты играешь мужскую роль в этих событиях. Ты сам открыл эту дверь, когда засомневался в правильности моего суждения. Ты это отрицаешь?

Побледневший было Джейк вновь покраснел, снова побледнел. На лице отражался испуг, он качал головой, не произнося ни слова. «О, боги, — думал Роланд. — Как же я ненавижу эти разговоры. Они смердят сильнее дерьма мертвеца». Но продолжил он более ровным, спокойным голосом.

— Нет, ты не просился сюда. И у меня не было ни малейшего желания лишать тебя детства. Однако, мы здесь, а ка стоит в стороне и смеется. Мы должны делать все, что хочет ка, или нам придется пенять на себя.

Джек опустил головы, с дрожью в голосе прошептал: «Я знаю».

— Ты уверен, что Сюзанне надо все рассказать. Я, с другой стороны, не знаю, что делать... в этом вопросе определенности у меня нет. Когда один знает, а второй — нет, второй должен склонить голову и подчиниться, а первый — взять на себя ответственность. Ты меня понимаешь, Джейк?

— Да, — прошептал мальчик и вытер со лба пот.

— Хорошо. Мы закрываем эту тему, и я говорю, спасибо тебе. Ты силен в прикосновениях.

— Я только жалею об этом! — вырвалось у Джейка.

— Тем не менее. Ты можешь прикоснуться к ней?

— Да. Я не проникаю внутрь, ни в ее разум, ни в любой другой, но иногда прикасаюсь. Улавливаю отрывки песен, о которых она думает, мысли о ее квартире в Нью-Йорке. Ей недостает этой квартиры. Однажды она подумала: «Как же мне хочется прочитать новый роман Аллена Друри, ^[44] который как раз прислали из книжного клуба». Я думаю, Аллен Друри — известный писатель ее времени.

— Другими словами, выхватываешь то, что лежит на поверхности.

— Да.

— Но ты можешь проникнуть глубже?

— Я, наверное, могу наблюдать и как она раздевается, — мрачно ответил Джейк, — но ведь это нехорошо.

— В сложившихся обстоятельствах хорошо, Джейк. Воспринимай ее, как колодец, к которому ты должен наведываться каждый день и доставать одно ведро, чтобы убедиться, что вода по-прежнему вкусная. Если у нее в голове возникнут какие-то перемены, я хочу об этом знать. Особенно хочу знать, не планирует ли она убежать.

У Джейка округлились глаза.

— Убежать? Куда убежать?

Роланд покачал головой.

— Не знаю. Куда уходит кошка перед тем, как окотиться? В чулан? Под крыльцо?

— А если мы все ей расскажем и другая возьмет верх? Если Миа убежит, Роланд, и утащит с собой Сюзанну?

Роланд не ответил. Собственно, именно этого он боялся, а Джейку хватило ума, чтобы

докопаться до сути.

Джейк смотрел на него. Он все понял и, похоже, согласился.

— Раз в день. Не чаще.

— Чаще, если ты почувствуешь изменения.

— Хорошо, — кивнул Джейк. — Мне это противно, но я сам открыл сердце твоему приказу. Пожалуй, ты победил.

— Это не армрестлинг, Джейк. Не игра.

— Знаю, — Джейк тряхнул головой. — У меня такое ощущение, что ты обвел меня вокруг пальца, но пусть так и будет.

«Я и обвел тебя вокруг пальца, — подумал Роланд. Как хорошо, добавил он про себе, что никто из них пока не почувствовал его растерянности. Интуиция, которая позволяла ему выходить из многих сложных положений, молчала. — Обвел... потому что другого выхода не было».

— Пока мы будем молчать, но расскажем ей все до прихода Волков, — уточнил Джейк. — До того, как мы сразимся с ними. Так?

Роланд кивнул.

— А если сначала нам придется сразиться с Балазаром... в другом мире... мы скажем ей до того, как это случится. Да?

— Да, — кивнул Роланд. — Будь уверен.

— До чего мне это противно, — вырвалось у Джейка.

— Мне тоже, — ответил Роланд.

3

Эдди сидел на крыльце дома Джеффордсов, строгал палку, слушал какую-то запутанную историю деда, кивал, как он надеялся, впопад, когда во двор въехали Роланд и Джейк. Эдди тут же отложил нож и сбежал со ступенек, оборачиваясь на ходу и зовя Сюзи.

Этим утром он пребывал в превосходном настроении. Страхи прошлой ночи как ветром сдуло, что обычно и бывает с нашими самыми жуткими ночными страхами. Страхи эти ничем не отличаются от вампиров первого и второго типа отца Каллагэна, точно также не выносят дневного света. Во-первых, на завтрак собрались все дети Джеффордсов. Во-вторых, в хлеву действительно недосчитались поросенка. Тиан спросил Эдди и Сюзанну, не слышали ли они ночью каких-то подозрительных звуков, и с мрачной удовлетворенностью кивнул, когда оба покачали головами.

— Ага. В наших краях живут мутанты, правда, южнее. Стаи диких собак появляются здесь каждую осень, две недели тому назад их видели в Калье Амити. На следующей они доберутся до нас, потом отправятся в Калью Локвуд. Мутанты, они молчаливые. Не в смысле спокойные — немые. Тут у них ничего нет, — он похлопал себя по горлу. — И потом, они, можно сказать, заплатили за поросенка. Я нашел около клетки для поросят огромную крысу. Дохлую. Ей практически оторвали голову.

— Фу, — Хедда отодвинула тарелку, картинно скорчив гримаску.

— Тебе бы лучше съесть эту овсянку, мисс, — прикрикнула на нее Залия. — Она тебя согреет, когда ты будешь развешивать выстиранное белье.

— Ма-ма, почему-у-у?

Эдди поймал взгляд Сюзанны и подмигнул ей. Они подмигнула в ответ, и все у них разом наладилось. Ладно, она устроила себе ночную прогулку. Закусила в темноте. Спрятала то, что

осталось после трапезы. Да, конечно, предстояло решить вопрос с ее беременностью. Эдди понимал, что от этого никуда не деться. Но почему-то не сомневался, что все будет хорошо. При дневном свете нелепой казалось сама мысль о том, что Сюзанна может причинить вред ребенку.

— Хайл, Роланд, Джейк.

Эдди вновь обернулся. На крыльцо вышла Залия. Сделал реверанс. Роланд приподнял шляпу, приветствуя ее, вернул на место.

— Сэй, — спросил он ее, — ты встанешь плечом к плечу с мужем, когда придет время сразиться с Волками, ага?

Она вздохнула, но глаз не отвела.

— Встану, стрелок.

— Ты просишь помощи и поддержки?

Каких-то особых интонаций в голосе Роланда не слышалось, вопрос задавался походя, как бы между прочим, но Эдди почувствовал, как екнуло у него сердце, а когда рука Сюзанны коснулась его пальцев, крепко ее сжал. Потому что Роланд задал третий вопрос, ключевой вопрос, и задал его не самому крупному фермеру Кальи, не самому крупному ранчеру, не самому крупному бизнесмену. Вопрос адресовался жене мелкого фермера, с забранными в узел на затылке каштановыми волосами, с загорелым до черноты лицом, в вылинявшем от многих стирок платье. И Эдди полагал, что адресат Роланд выбрал правильно. Потому что душа Кальи Брин Стерджис жила в четырех десятках таких вот маленьких ферм. Так пусть Залия Джеффордс ответит за них всех. Почему нет?

— Я прошу и говорю, спасибо тебе, — ответила она. — Пусть Господь Бог и Человек Иисус благословят тебя и тех, кто с тобой.

Роланд кивнул, как будто ответ этот ровным счетом ничего не значил.

— Маргарет Эйзенхарт мне кое-что показала.

— Правда? — спросила Залия и улыбнулась. Тиан вышел из-за угла, вспотевший и усталый, хотя было только девять утра. С порванной упряжью на плече. Пожелал доброго дня Роланду и Джейку, подошел к жене, обнял за талию.

— Ага, и она рассказала нам историю о леди Орисе и Сером Дике.

— Это хорошая история, — отозвалась Залия.

— Хорошая, — согласился Роланд. — Я не буду ходить вокруг да около, леди-сэй. Ты выйдешь на линию огня со своей тарелкой, когда пробьет час?

Глаза Тиана широко раскрылись. Он уже открыл рот, тут же закрыл его. Посмотрел на жену, как человек, которому вдруг открылась истина.

— Ага, — ответила Залия.

Тиан бросил упряжь на землю и обнял ее. Она обняла его, крепко, потом вновь повернулась к Роланду и его друзьям.

Роланд улыбался. Эдди просто не мог поверить своим глазам, так случалось во всех случаях, когда ему доводилось лицезреть этот феномен.

— Хорошо. И ты покажешь Сюзанне, как бросать тарелку?

Залия задумчиво посмотрела на Сюзанну.

— Она сможет научиться?

— Не знаю, — ответила Сюзанна. — Я чему-то должна научиться, Роланд?

— Да.

— Когда, стрелок? — спросила Залия.

Роланд задумался.

— Через три или четыре дня, если все пойдет хорошо. Если у нее не будет получаться, отошлешь ее ко мне и возьмешься за Джейка.

Джейк аж вздрогнул.

— Но я думаю, что у нее все получится. Я не знаю ни одного стрелка, который с ходу не мог бы овладеть новым оружием. И одному из нас придется бросать тарелки или стрелять из арбалета, потому что на четверых из стрелкового оружия у нас только два револьвера и один пистолет, которые точно не подведут. И мне нравится тарелка. Очень нравится.

— Я покажу тебе, на что я способна, не сомневайся, — и Залия застенчиво посмотрела на Сюзанну.

— А потом, через девять дней, ты, Маргарет, Розалита и Сари Адамс придете в дом Старика и мы посмотрим, что вы умеете.

— У тебя есть план? — спросил Тиан. Его глаза горели надеждой.

— К тому времени будет, — ответил Роланд.

4

Они ехали к городу в одном ряду, неспешным шагом, но, когда Восточную дорогу пересекла другая, уходящая и на север, и на юг, Роланд натянул поводья.

— Здесь я вас покину, — он указал на север, в сторону холмов. — В двух часах отсюда находится место, которое одни Ищущие Люди называют Мэнни Калья, а другие — Мэнни Красной тропы, маленькое поселение внутри большого. Там я встречаюсь с Хенчеком.

— Их старшим, — вставил Эдди.

Роланд кивнул.

— За деревней Мэнни, еще в часе езды, находятся выработанные шахты и множество пещер.

— Место, которое ты указывал на карте близнецов Тавери? — спросила Сюзанна.

— Нет, но близко. Пещеру, которая меня интересует, они называют Пещерой двери. Мы услышим о ней от Каллагэна этим вечером, когда он будет заканчивать свою историю.

— Ты это точно знаешь или руководишься интуицией? — спросила Сюзанна.

— Я узнал об этом от Хенчека. Прошлой ночью он рассказал мне и о пещере, и об отце Каллагэне. Я могу ввести вас в курс дела, но я думаю, будет лучше, если мы услышим все это от Каллагэна. В любом случае, пещера для нас очень важна.

— Через нее мы сможем вернуться, не так ли? — подал голос Джейк. — Ты думаешь, что через нее мы сможем вернуться в Нью-Йорк?

— И не только, — ответил Роланд. — Я думаю, что имея при себе Черный Тринадцатый, через пещеру мы сможет попасть куда угодно и когда угодно.

— В том числе и в Темную Башню? — спросил Эдди. Он внезапно осип, вопрос задал едва ли не шепотом.

— Этого я сказать не могу, — ответил Роланд, — но я уверен, что Хенчек покажет мне пещеру, и тогда я, возможно, узнаю больше. А у вас пока будет дело в магазине Тука.

— У нас? — удивился Джейк.

— Да, — Роланд подтянул кошель на колени, открыл, порылся в нем. Достал кожаный мешочек с завязанными тесемками, который они увидели впервые.

— Его мне дал отец, — рассеянно продолжил Роланд. — Он был со мной и когда я с друзьями ехал в Меджис, столько лет тому назад.

Она с благоговейным трепетом смотрели на мешочек, думая об одном и том же: если стрелок говорил правду, а сомневаться в этом не приходилось, кожаному мешочку многие сотни лет. Роланд развязал тесемки, заглянул в мешочек, удовлетворенно кивнул.

— Сюзанна, подставь руки.

Она подставила. В сложенные лодочкой ладони Роланд высыпал с десяток серебряных монет, опустошив мешочек.

— Эдди, теперь ты.

— Роланд, я думаю, заглашник пуст.

— Подставляй руки.

Эдди пожал плечами, но подчинился. Роланд перевернул мешочек над его ладонями, и «лодочку» высыпались золотые монеты, тем же числом, что и серебряные. Мешочек опустел.

— Джейк?

Мальчик молча подставил руки. Из нагрудного кармана пончо Ыш с интересом наблюдал за происходящим. На этот раз из мешочка высыпались драгоценные камни. Сюзанна ахнула.

— Это всего лишь гранаты, — в голосе Роланда слышались извиняющиеся нотки. — Здесь их цена невысока, но, думаю, ты сможешь купить все, что тебе захочется.

В их взглядах, устремленных на мешочек, читалось такое изумление, что Роланд улыбнулся.

— Большая часть магии, которую я знал или к которой имел доступ, канула в лету, но, сами видите, кое-что осталось. Как напивавшиеся водой листочки чая на дне чашки.

— А в нем еще что-то осталось? — спросил Джейк.

— Нет. Но со временем что-нибудь да появится. Потому что деньги в нем не переводятся, — Роланд убрал древний мешочек в кошель, достал кисет с табаком, которым снабдил его Каллагэн, свернул самокрутку. — Зайдите в магазин. Купите все, что пожелает ваша душа. Несколько рубашек, к примеру. Одну и мне, если вас не затруднит. Она мне не помешает. А потом возвращайтесь на крыльцо и посидите там, как принято у местных жителей. Сэю Туку это не понравится, он будет счастлив, лишь увидев ваши спины, удаляющиеся на восток, в сторону Тандерклепа, но он вас не прогонит.

— Пусть только попробует, — пробурчал Эдди и коснулся рукоятки револьвера Роланда.

— В этом не будет необходимости, — покачал головой Роланд. — Он не выйдет из-за прилавка, таков обычай. Да и настроение горожан удержит его.

— Они склоняются на нашу сторону, не так ли? — спросила Сюзанна.

— Да, Сюзанна. Если бы ты прямо сейчас задала бы им тот же вопрос, который я задал сэю Джеффордс, они бы не ответили, поэтому лучше их не спрашивать. Но да. Они готовы сражаться. Или позволить нам сражаться за них. И это нельзя ставить им в укор. Наша работа — сражаться за тех, кому это не под силу.

Эдди уже открыл рот, чтобы пересказать Роланду услышанное от деда Джеффордса, потом закрыл. Роланд ни о чем его не спрашивал, хотя послал к Джеффордсам, чтобы они выслушали историю старика. И тут до него дошло, что и Сюзанна не спрашивала. Даже не упомянула про его разговор со старым Хейми.

— Ты задашь Хенчеку тот же вопрос, что задавал миссис Джеффордс? — спросил Джейк.

— Да, — ответил Роланд. — Ему задам.

— Потому что знаешь, что он ответит.

Стрелок кивнул и вновь улыбнулся. Не той улыбкой, от которой становится легко на душе, а холодной, как отблеск солнца на снегу.

— Стрелок никогда не задает этого вопроса, пока не знает, каким будет ответ. Встретимся в доме отца Каллагэна за вечерней трапезой. Если все пойдет хорошо, я приеду, когда солнце скатится за горизонт. Вы в порядке? Эдди? Джейк? — короткая пауза. — Сюзанна?

Все кивнули. В том числе и Ыш.

— Тогда до вечера. Всего вам хорошего, и пусть солнце никогда не упадет на ваших глазах.

Он пришпорил лошадь и повернул на заросшую травой дорогу, видать, пользовались ей не так, чтобы часто, уходящую на север. Они наблюдали за Роландом, пока он не скрылся из виду, так было всегда, если он уезжал и оставлял их одних, и каждый в этот момент испытывал смешанные чувства: страх, одиночество, но и гордость.

Втроем они двинулись к городу, стараясь держаться ближе друг к другу.

— Нет, нет, нельзя приносить сюда этого грязного зверька-путаника, никак нельзя! — закричал Эбен Тук из-за прилавка. Голос у него был высокий, пронзительный, скорее женский, чем мужской, и сонную тишину магазина он разорвал, как звон разбившегося стекла. Его указующий перст нацелился на Ыша, который выглядывал из нагрудного кармана пончо. С дюжину покупателей, в основном, женщины, повернулись, чтобы посмотреть на возмутителя спокойствия.

Двое рабочих с фермы, в коричневых рубашках, грязных белых брюках и сомбреро, стоявшие у прилавка, поспешно отошли в сторону, словно ожидали, что пришельцы из другого мира тут же выхватят оружие и их пули превратят сэя Тука в решето.

— Да, сэр, — бесстрастно ответил Джейк. — Извини, — он вынул Ыша из кармана, опустил на залитое солнцем широкой крыльцо, у двери. — Подожди нас здесь, малыш.

— Жди Ыш, — ответил ушастик-путаник, и его хвост обвился вокруг задних лап.

Джейк присоединился к своим друзьям и втроем они прошли в магазин. Сюзанна решила, что пахнет в нем, как в магазинах Миссисипи. Те же смешанные запахи солонины, кожи, пряностей, кофе, моли и обмана. У прилавка стояла большая бочка с чуть сдвинутой крышкой. Рядом на гвозде висели щипцы. Из бочки шел сильный запах маринованных огурцов.

— Кредита не будет! — все тем же пронзительным, вызывающим раздражение голосом выкрикнул Тук. — Я никому не давал кредита и никому не дам! Правду говорю! Спасибо вам!

Сюзанна схватила Эдди за руку, сжала, призывая к спокойствию. Эдди нетерпеливо вырвал руку, но когда заговорил, голос его звучал так же бесстрастно, как и у Джейка.

— Спасибо тебе, сэй Тук, мы его и не просим, — тут ему вдруг вспомнились слова Каллагэна. — Никогда в жизни.

Послышался одобрительный шепот покупателей. Никто из них более не делал вида, что интересуется товарами. Тук покраснел. Сюзанна вновь взяла Эдди за руку и на этот раз, пожимая ее, улыбнулась.

Поначалу они выбирали то, что им нужно, в молчании, но вскоре к ним начали подходить люди, все они были в Павильоне на торжественной встрече стрелков, здоровались, спрашивали (застенчиво), как они поживают. Все трое отвечали, что отлично. Они взяли рубашки, в том числе две для Роланда, штаны из плотной хлопчатобумажной ткани, нижнее белье, три пары сапог с короткими голенищами, уродливых, но похоже, крепких. Джейк попросил Тука достать с полки пакетик с леденцами. Тот достал, что-то ворча себе под нос. А вот когда Джейк захотел прикупить мешочек табака и пачку папиросной бумаги для Роланда, Тук отказал с видимым удовольствием:

— Нет. Нет. Я не продаю курительную траву мальчикам. Никогда не продавал.

— Хорошая идея, однако, — кивнул Эдди. — Уверен, что министерство здравоохранения выдало бы тебе похвальную грамоту. Но ты продашь табак и бумагу мне, не так ли, сэй? Наш старший любит покурить вечером, размышляя, как помочь тем, кто попал в беду.

Послышались смешки. Магазин начал заполняться. Не покупателями — зрителями. Теперь

они выступали перед аудиторией, и Эдди ничего не имел против. Тука в Калье, похоже, не жаловали, но удивляться этому не приходилось. В том, что он — говнюк, двух мнений быть не могло.

— Никогда не видел, чтобы кто-то танцевал каммалу лучше, чем он, — крикнул мужчина из одного из проходов, и остальные одобрительно загудели.

— Я говорю, спасибо вам, — ответил Эдди. — Обязательно ему передам.

— И твоя леди прекрасно поет, — добавил другой мужчина.

Сюзанна сделала реверанс. Сама она напоследок сдвинула крышку с бочки и щипцами достала огромный огурец. Эдди наклонился, присмотрелся к нему.

— Вроде бы однажды я достал из носа что-то такое же зеленое, но точно не помню.

— Не паясничай, дорогой мой, — с улыбкой ответила Сюзанна.

Право определить с окончательной ценой Эдди и Джейк предоставили Сюзанне, что ее вполне устроило. Тук приложил все силы, чтобы взять с них по максимуму, но Эдди пришел к выводу, что он не стремился ободрать именно стрелков, просто полагал выкачивание денег из покупателей частью своей работы (а может, и считал сие призванием). Однако, ему хватало ума учитывать настроение конкретных клиентов, потому что в конце концов он заметно удавил свои аппетиты. Что не помешало ему взвесить монеты на специальных весах, которые, похоже, служили исключительно для этой цели, а также посмотреть на просвет гранаты Джейка и отказаться принять один из них (который выглядел точно так же, как и остальные, по мнению Эдди, Джейка и Сюзанны).

— Как долго вы пробудете здесь? — вежливо осведомился Тук, когда покупки стали собственностью стрелков, а монеты и камни исчезли с прилавка. Однако, глаза пристально поглядывали на них, и Эдди не сомневался, что их слова в самом скором времени станут достоянием Эйзенхарта, Оуверхолсера и всех тех, чье слово окажется весомым в день принятия решения.

— Ну, все зависит от того, что мы увидим, — ответил Эдди. — А что мы увидим, зависит от того, что вы нам покажете, не так ли?

— Ага, — согласился Тук, несколько озадаченный ответом. В магазине собралось уже человек пятьдесят. Никто ничего не покупал, все глазели на стрелков. Чувствовалось, как нарастает напряжение. Эдди все это нравилось. Он не знал, хорошо это или плохо, но да, ему все это очень нравилось.

— А также зависит от того, что хотят горожане, — внесла свою лепту Сюзанну.

— Я скажу тебе, что они хотят, коричневая! — прозвенел пронзительный голос Тука. — Они хотят мира, чтобы все было, как и всегда! Они же останутся в городе после того, как вы четверо...

Сюзанна схватила большой палец Тука и вывернула его. Пробежала это на удивление ловко. Джейк не сомневался, что ее маневр увидели только двое или трое человека, которые стояли у самого прилавка.

— Я разрешаю произносить это слово старику, который практически лишился разума, но не тебе. Назови меня еще раз коричневой, толстяк, и я вырву у тебя язык и подотру им твою задницу.

— Извини меня! — прохрипел Тук. Пот большими каплями катился по его щекам. — Извини, прошу тебя!

— Хорошо, — Сюзанна отпустила палец. — А теперь мы выйдем на крыльцо и немного посидим, ибо шопинг — занятие утомительное.

На крыльце магазина Тука не было тотемов, изображавших хранителей луча, какие Роланд видел в Меджисе, но кресла-качалки стояли, рядком, не меньше двух десятков. И все три лестницы охраняли пугала, поставленные по случаю приближения праздника Жатвы. Выйдя из магазина, Эдди, Сюзанна и Джейк заняли три центральных кресла. Ыш улегся между ног Джейка и вроде бы заснул, положив мордочку на передние лапы.

Эдди мотнул головой в сторону двери.

— Жаль, что здесь нет Детты Уокер. Она бы что-нибудь умыкнула у этого сукиного сына.

— Думаешь, меня не подмывало последовать ее примеру? — хмыкнула Сюзанна.

— Горожане выходят на крыльцо, — заметил Джейк. — Думаю, они хотят поговорить с нами.

— Конечно, хотят, — кивнул Эдди. — Для этого мы здесь и сидим, — он улыбнулся, и от улыбки его красивое лицо стало еще красивее. Прошептал. — Встречайте стрелков, горожане. Кам-кам-каммала, говнюка я наказала.

— Закрой свой грязный рот, сынок, — строго бросила Сюзанна и тут же рассмеялась.

«Они чокнутые», — подумал Джейк. Но, если он — исключение, почему тоже засмеялся?

Хенчек из Мэнни и Роланд из Гилеада вторую половину дня проводили в тени массивной скалы. Ели холодную курицу с рисом, завернутые в тортильи, запивая сидром из кувшина, который передавали друг другу. Перед едой старик произнес молитву тому, кого называл Силой и Всевышним, после чего замолчал. Роланда это устраивало. Хенчек уже дал положительный ответ на вопрос, заданный стрелком.

Когда они поели, солнце уже укатилось за высокие хребты. Так что и шли они в тени, поднимаясь по тропе, усыпанной камнями и слишком узкой для лошадей, которых они оставили в осиной роще. Десятки маленьких ящериц разбегались из-под ног, многие ныряли в щели между камнями.

Солнце зашло, но воздух остался горячим. После мили подъема Роланд уже тяжело дышал и то и дело стирал банданой пот с лица и шеи. Хенчек же, несмотря на почтенный возраст, если судить по внешнему виду, где-то под восемьдесят, размеренно шагал впереди. Дыхание оставалось ровным, как у человека, прогуливающегося по парку. Свой плащ он оставил внизу, и Роланд видел, что по черной рубашке не расползаются пятна пота.

Они достигли поворота тропы, и на мгновение перед ними открылся великолепный вид на лежащую внизу равнину. На западе и севере Роланд видел прямоугольники пастбищ, с крошечными фигурками пасущегося на них скота. На юге и востоке поля становились все зеленее по мере приближения к реке. Он видел и Калью, и, пусть и очень далеко на западе, границу огромного леса, который они пересекли, чтобы добраться до Дуги. На этом участке тропы дул холодный ветер, но Роланд с радостью подставил ему лицо, закрыл глаза, вбирая в себя запахи Кальи: овец, лошадей, пшеницы, речной воды и риса, риса, риса.

Хенчек снял широкополую, с плоской тульей шляпу и застыл, подняв голову и тоже закрыв глаза, словно безмолвно благодарил того, кто сотворил всю эту красоту. Ветер развевал его длинные волосы и поделил пополам длинную, до талии бороду. Так они простояли минуты три, давая ветру охладить разгоряченные тела. Потом Хенчек нахлобучил шляпу и посмотрел на

Роланда.

— Скажи мне, стрелок, мир кончится в огне или во льду?

Роланд задумался.

— Ни в том и ни другом. Я думаю, во тьме.

— Ты так думаешь?

— Ага.

Хенчек ничего не ответил, повернулся, чтобы продолжить путь. Роланду не терпелось добраться до пещеры, но он, тем не менее, коснулся руки старика. Обещания надо выполнять. Особенно данные женщине.

— Прошлую ночь я провел в доме одной забывшей. Так вы называете тех, кто покинул ваш ка-тет?

— Мы говорим о забывших, ага, — Хенчек пристально смотрел на него, — но не ка-тет. Мы знаем это слово, но оно не наше, стрелок.

— В любом случае, я...

— В любом случае, ты провел ночь в «Рокинг Би», доме Воуна Эйзенхарта и нашей дочери, Маргарет. И она бросала для тебя тарелку. Я не упоминал об этом прошлой ночью во время нашего разговора, потому знал об этом, так же, как и ты. И потом, нам и без этого было о чем поговорить, не так ли? О пещерах и прочем.

— Было, — согласился Роланд. Он попытался скрыть удивление, но, похоже, безуспешно, потому что Хенчек кивнул, а его губы, едва видимые из-под бороды и усов, изогнулись в легкой улыбке.

— У Мэнни есть способы многое узнать, стрелок; всегда были.

— Ты не будешь называть меня Роландом?

— Нет.

— Она просила передать тебе, что Маргарет из клана Красной тропы прекрасно живет со своим любимым, по-прежнему прекрасно.

Хенчек кивнул. Если и почувствовал боль, но внешне ничем это не выказал, даже взглядом.

— Она проклята, — эти слова он произнес тоном, каким обычно говорят: «Похоже, во второй половине дня может выглянуть солнце».

— Ты просишь меня сказать ей об этом? — спросил Роланд. Ситуация и забавляла, и ужасала его.

Синие глаза Хенчека выцвели от возраста, но в них безошибочно читалось удивление, вызванное этим вопросом. Кустистые брови приподнялись.

— Зачем? Она знает. Каждый миг, который она провела со своим любимым, ей придется искупать в глубинах Наара. И это она знает. Пойдем, стрелок. Еще четверть колеса, и мы у цели. Но подъем будет крутым.

Как выяснилось, подъем оказался не просто крутым, а очень крутым. Спустя полчаса они подошли в валуну, перегородившему большую часть тропы. Хенчек первым обогнул валун, черные штаны трепало ветром, бороду уносило за плечо, пальцы с длинными ногтями вжимались в камень. Валун еще сохранил тепло солнца, но ледяной ветер пронизывал до костей. Роланд чувствовал, что каблуки его сапог висят над пропастью глубиной в добрые две тысячи футов. Если б старик решил столкнуть его вниз, поход к Темной Башне на том бы и закончился.

«Как бы не так, — подумал Роланд. — Эдди займет мое место, а остальные будут идти с ним, пока не упадут».

На другой стороне валуна тропа обрывалась черной дырой, высотой в девять и шириной в пять футов. Выходящий из пещеры воздух, с неприятным, мерзким запахом, разительно отличался от ветра, который обдумал их на последнем участке тропы. Вместе с запахом воздух нес с собой крики, пусть Роланд и не мог разобрать не слова. Человеческие крики.

— Мы слышим крики тех, кто находится в Нааре? — спросил он Хенчека.

На этот раз и тени улыбки не коснулось губ старика.

— Не шути с этим, — отчеканил он. — Особенно здесь. В присутствии вечного.

Роланд ему поверил. Осторожно двинулся к зеву пещеры, положив руку на рукоятку револьвера, левого, теперь он носил только один револьвер, потому что правой рукой стрелять не мог. Под сапогами хрустели камешки.

Запах усиливался. Противный, но не ядовитый. Правой рукой Роланд прижимал бандану ко рту и носу. В темноте пещеры, на земле, он видел кости ящериц и других мелких животных, а чуть дальше — смутные очертания чего-то большого, знакомые очертания.

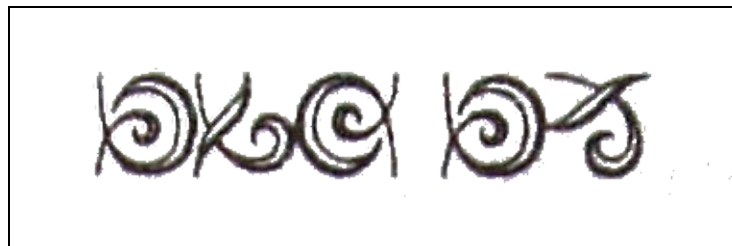
— Будь осторожен, стрелок, — Хенчек отступил сторону, освобождая Роланду дорогу, чтобы тот смог войти в пещеру, если будет на то его желание.

«Мои желания тут не причем, — подумал Роланд. — Я должен войти. Может, так оно и проще».

Очертания проступали все четче. И Роланд особо не удивился, убедившись, что перед ним дверь, точно такая же, какие он обнаружил на берегу. Отсюда и название, Пещера двери. Сработанная из железного дерева (а может, из дерева призраков), дверь стояла в двадцати футах от входа в пещеру. Высотой в шесть с половиной футов, как и двери на берегу. И петли у нее тоже ни к чему не крепились.

«Однако, она легко повернется на этих петлях, — подумал он. — Повернется. Когда придет время».

Замочной скважины не было. Ни под, ни над хрустальной ручкой. С выгравированной на ней розой. На берегу Западного моря все три двери маркировались надписями на Высоком Слоге: первая — «УЗНИК», вторая — «ГОСПОЖА ТЕНЕЙ», третья — «ТОЛКАЧ». На этой нарисовали то ли символы, то ли иероглифы, то ли руны, идентичные тем, что он видел на ящике, спрятанном в церкви Каллагэна:

— Тут написано — «ненайденная», — Роланд посмотрел на Хенчека.

Старик кивнул, но, когда Роланд двинулся вокруг двери, шагнул вперед и вытянул руку.

— Будь осторожен, а не то узнаешь, кому принадлежат эти голоса.

Роланд увидел, о чем говорил Хенчек. В восьми или девяти футах за дверью пол резко уходил вниз, под углом в пятьдесят, а то и в шестьдесят градусов. Уцепиться было не за что, камень словно отшлифовали. Где-то в тридцати футах пол тонул в темноте. А оттуда неслись голоса. Один вдруг выделился из общего хора. Голос Габриэль Дискейн.

«Роланд, нет! — выкрикнула его мать из темноты. — Не стреляй! Это же я! Твоя м...» — но ее последние слова заглушил грохот револьверных выстрелов. Боль раскаленным гвоздем

пронзила голову Роланда. Он с такой силой прижал бандану к лицу, что едва не сломал себе нос. Попытался расслабить мышцы руки, но удалось ему это не сразу.

А из зловонной тьмы донесся голос отца:

— С того момента, как ты начал ходить, я знал, что ты не гений, — усталый голос, — но до вчерашнего дня не верил, что ты идиот. Позволить ему заманить себя в ловушку, как корову на бойню! Боги!

«Не обращай внимания. Это даже не призраки. Я думаю, это всего лишь эхо, отражение от стен голосов, каким-то образом вытянутых из моей головы».

Когда он обошел дверь (помня о пропасти справа), она исчезла. Так что увидел он только силуэт Хенчека, вырезанную из черной бумаги человеческую фигуру, поставленную на входе в пещеру.

«Дверь есть, но ты можешь видеть только одну ее сторону. Точно так же, как и у других дверей».

— Выводит из равновесия, не так ли? — донесся из пропасти голос Уолтера. — Отступись, Роланд! Лучше отступить и умереть, чем обнаружить, что комната на вершине Темной Башни пуста.

И тут же заревел рог Эльда, от этого звука по коже Роланда побежали мурашки, волосы на затылке встали дыбом: последний боевой крик Катберта Олгуда, когда тот бежал по склону Иерихонского холма навстречу смерти от рук варваров с синими лицами.

Роланд опустил руку с банданой и двинулся дальше. Шаг, второй, третий. Кости хрустели пол подошвами сапог. На третьем шаге дверь появилась вновь, ее торец, с торчащим из него язычком замка. С другой стороны так же торчали петли. Он на мгновение остановился, глядя на торец двери, смакуя ее необычность, как смаковал необычность других дверей, на морском берегу. Но там он мало что соображал, чуть живой, на грани смерти. Если он чуть поворачивал головой, дверь исчезала, если смотрел прямо перед собой, появлялась вновь. Не колыхалась, не начинала мерцать. Или была, или ее не было.

Он вернулся к фасаду тем же путем, положил ладони на железное дерево, надавил. Почувствовал легкую вибрацию, словно за дверью работали мощные двигатели. Из пропасти Пещеры двери ему кричала Риа с Кооса, называла отродьем, который никогда не видел истинного лица своего отца, рассказывала о том, как его шлюшка изорвала горло криками, горя на костре. Роланд, не обращая внимания на ее вопли, взялся за хрустальную ручку.

— Нет, стрелок, ты не посмеешь! — в тревоге воскликнул Хенчек.

— Посмею, — ответил Роланд. И посмел, но ручка не повернулась, ни вправо, ни влево. Он отступил от двери.

— Но дверь была открыта, когда ты нашел священника? — спросил он Хенчека. Они говорили об этом прошлой ночью, но теперь у Роланда появились новые вопросы.

— Ага. Когда я и Джеммин нашли его. Ты знаешь, что мы, старики-Мэнни ищем другие миры? Не ради сокровищ, а для обогащения души.

Роланд кивнул. Он также знал, что некоторые возвращались из таких путешествий безумцами. А другие вовсе не возвращались.

— Эти холмы обладают магнетической силой, — продолжил Хенчек. — Отсюда начинается много дорог в другие миры. Мы пошли в пещеру около старых гранатовых шахт и обнаружили там послание.

— Какое послание?

— У входа в пещеру стояла машина. После нажатия кнопки раздавался голос. Голос этот велел нам прийти сюда.

— Вы знали об этой пещере и раньше?

— Ага, но до того, как появился отец, она называлась Пещерой голосов. Теперь ты знаешь, почему.

Роланд кивнул, взмахом руки предложил Хенчеку продолжить.

— Голос из машины интонациями и акцентом напоминал голоса членов твоего ка-тета, стрелок. Он сказал, что мы должны прийти сюда, Джеммин и я, где и найдем дверь, человека и чудо. Вот мы и пришли.

— Кто-то оставил вам инструкции, — пробормотал Роланд. Думал он об Уолтере. Человеке в черном, снабдившем их печеньем с эльфами на обертке, компании «Киблер», по словам Джейка. Уолтер был Флеггом, Флегг — Мартеном, а Мартен... Мейрлином, старым волшебником из легенды? Этого Роланд не знал. — Он обратился к вам по имени?

— Нет, так много он не знал. Только назвал нас Мэнни.

— Каким образом кто-то мог узнать, где нужно оставить говорящую машину?

Хенчек поджал губы.

— Почему ты думаешь, что это был человек? Разве Бог не может говорить человеческим голосом? Может, машину оставил посланец Всевышнего?

— Боги оставляют знамения, люди — машины, — ответил Роланд. — Разумеется, я исхожу из собственного опыта, Па.

Хенчек резко махнул рукой, как бы прося Роланда избавить его от лести.

— Многие знали, что ты и твой друг исследуете пещеру, в которой вы нашли говорящую машину?

Хенчек пожал плечами.

— Полагаю, люди нас видят. Кто-то может увидеть издалека, с помощью подзорной трубы или бинокля. И есть еще этот механический человек. Он многое видит и рассказывает об увиденном всем, кто готов его слушать.

Роланд воспринял его ответ, как утвердительный. Подумал о том, что кто-то знал о прибытии отца Каллагэна в окрестности Кальи. Как и о том, что ему потребуется помощь.

— Дверь была открыта полностью? — спросил Роланд.

— Это вопросы для Каллагэна, — ответил Хенчек. — Я обещал показать тебе пещеру. И показал. Конечно же, этого достаточно.

— Он был в сознании, когда вы его нашли?

Хенчек замялся с ответом.

— Нет. Только что-то бормотал. Как спящий человек, которому снится кошмар.

— Тогда он не сможет ответить на этот вопрос, не так ли? Хенчек, ты просил помощи и поддержки. Просил от лица всех своих кланов. Тогда помоги мне! Помоги мне, чтобы я смог помочь тебе!

— Я не вижу, чем это поможет.

Может и не помогло бы, не помогло бы в борьбе с Волками, которые страшной угрозой нависли над всей Калья Брин Стерджис, но у Роланда были и другие заботы, в других мирах, сразиться ему и его ка-тету предстояло не только с выходцами из Тандерклепа. Он стоял, глядя на Хенчека, положив руку на хрустальную ручку двери.

— Она была приоткрыта, — наконец, ответил Мэнни. — Так же, как и ящик. На чуть-чуть. Тот, кого они зовут Стариком, лежал лицом вниз. Здесь, — Хенчек указал на усыпанный камешками и костями пол пещеры у ног стрелка. — Ящик стоял у его правой руки, открытый вот на столько, — Хенчек развел большой и указательный палец примерно на два дюйма. — Из него доносились звуки каммен. Я слышал их и раньше, но таких громких — никогда. От них у меня заболели глаза, покатались слезы, а Джеммин вскрикнул и двинулся к двери. Наступил на руку распростертого на земле Старика и даже этого не заметил.

Дверь была приоткрыта, как и ящик, и из нее в пещеру лился ужасный свет. Я много путешествовал, стрелок, побывал во многих где и во многих когда; я видел другие двери и тодэш-такены, дыры в реальности, но никогда не сталкивался с таким светом. Черным, как все в пустоте, но в нем выделялось что-то красное.

— Глаз, — уточнил стрелок.

Хенчек уставился на него.

— Глаз? Так ты говоришь?

— Думаю, что да. Черноту, которую ты видел, отбрасывал Черный Тринадцатый. А красное — скорее всего, Глаз Алого Короля.

— Кто он?

— Я не знаю. Мне лишь известно, что находится он далеко на востоке, в Тандерклепе или еще дальше. Я верю, что он, возможно, хранитель Темной Башни. Может, даже думает, что Башня принадлежит ему.

При упоминании Роландом Темной Башни старик, словно в ужасе, закрыл глаза руками.

— Что произошло потом, Хенчек? Скажи мне, прошу тебя.

— Я потянулся к Джеммину, чтобы остановить его, потом вспомнил, как он наступил на руку лежащего мужчины, не заметив этого, и отказался от этой мысли. Подумал: «Хенчек, если ты это сделаешь, он утащит тебя за собой», — старик встретился с Роландом взглядом. — Мы путешествуем, тебе это известно, и редко испытываем страх, потому что полностью доверяем Всевышнему. Однако, я испугался этого света и мелодии этих колокольцев, — он помолчал. — Они ужаснули меня. Я никогда не говорил о том дне.

— Даже с отцом Каллагэном?

Хенчек кивнул.

— Он ничего не сказал вам, когда очнулся?

— Спросил, умер ли он. Я ответил, если он умер, то мы тоже мертвецы.

— А что случилось с Джеммином?

— Умер через два года, — Хенчек похлопал по левой стороне груди. — Сердце.

— Сколько лет прошло с тех пор, как вы нашли Каллагэна?

Хенчек покачал головой.

— Стрелок, я не знаю. Ибо время...

— Да, сдвинулось, — нетерпеливо прервал его Роланд. — Но все-таки, по твоим прикидкам.

— Больше пяти лет, потому что он построил церковь и заполнил ее суеверными дураками, ты понимаешь.

— А что сделал ты? Как спас Джеммина?

— Упал на колени и закрыл ящик, — ответил Хенчек. — Это все, что я мог сделать. Если б промедлил еще секунду, то затерялся бы в черном свете, который все лился из двери. Он отбирал у меня все силы... и туманил голову.

— По-другому и быть не могло, — мрачно бросил Роланд.

— Но я действовал быстро, и как только крышка захлопнулась, закрылась и дверь. Джеммин барабанил по ней кулаками, требовал и молил, чтобы она пропустила его. Потом упал, потеряв сознание. Я вытащил его из пещеры. Вытащил их обоих. Побыв какое-то время на свежем воздухе, они пришли в себя, — Хенчек поднял руки, опустил, как бы говоря: «Такие вот дела».

Роланд в последний раз попытался повернуть ручку. С прежним результатом. Но он понимал, что ситуация изменится, если принести сюда магический кристалл...

— Пора возвращаться, — он опустил руку. — Я хотел бы успеть в дом отца Каллагэна к

ужину. А для этого нам нужно быстро спуститься к лошадям и еще быстрее скакать всю дорогу.

Хенчек кивнул. Борода во многом скрывала выражение его лица, но Роланд чувствовал, что старик испытывает облегчение, покидая пещеру. Облегчение испытывал и Роланд. Кому приятно слышать обвиняющие крики матери и отца, доносящиеся из пропасти. Не говоря уже про крики мертвых друзей.

— Что случилось с говорящей машиной? — спросил Роланд, когда они двинулись вниз по тропе.

Хенчек пожал плечами.

— Ты знаешь, что такое байдерейки?

«Батарейки». Роланд кивнул.

— Пока они работали, машина вновь и вновь повторяла одно и то же сообщение, говоря нам, что мы должны пойти в Пещеру голосов и найти человека, дверь и чудо. А также песню. Когда однажды мы дали послушать ее отцу Каллагэну, он заплакал. Ты должен спросить его об этой песне, она — точно часть его истории.

Роланд вновь кивнул.

— Потом байдерейки умерли, — в пожатии плеч Хенчека читалось презрение к машинам, к ушедшему миру, может, и к первому, и второму. — Мы их вытащили. Прочитали на них: «Дюраселл». Ты знаешь, что такое «Дюраселл», стрелок?

Роланд покачал головой.

— Мы отнесли их Энди и спросили, не сможет ли он перезарядить их. Он сунул их в себя, но вытащил такими же бесполезными. Энди сказал, ничем не могу помочь, извините. Мы сказали, спасибо тебе, — Хенчек пожал плечами с тем же презрением. — Мы открыли машины... это сделала еще одна кнопка, и из нее высунулся язык. Вот такой длины, — Хенчек развел руки на четыре или пять дюймов. — С двумя дырками. Внутри находилось что-то коричневое и блестящее, как веревка. Отец Каллагэн назвал ее «кассетной пленкой».

Роланд кивнул.

— Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты привел меня в пещеру, Хенчек, и рассказал все, что знаешь.

— Я сделал то, что должен, — ответил Хенчек. — А ты сделаешь то, что обещал. Не так ли?

Роланд из Гилеада кивнул.

— Пусть Бог определит победителя.

— Ага, это и наши слова. Ты говоришь так, будто знаешь нас, — он остановился, пристально всмотрелся в Роланда. — Или ты только выдаешь себя за того, кем представляешься? Каждый, кто прочитал Добрую книгу, знает, что такое возможно.

— Ты спрашиваешь, не самозванец ли я? Здесь, где нас никто не может услышать? Ты должен знать, что нет, а если не знаешь, то ты просто дурак.

Старик обдумал его слова, потом протянул узловатую руку.

— Удачи тебе, Роланд. Это хорошее имя, и благородное.

Роланд протянул ему правую руку и, когда старик пожимал ее, почувствовал первый укол боли там, где совершенно не хотел его чувствовать.

Ладно, не так уж и страшно. Пока болит другая рука. Не та, что целая и невредимая.

— Может, на этот раз Волки убьют нас всех, — сказал Хенчек.

— Может, так и будет.

— И однако, хорошо, что мы встретились.

— Да, хорошо, — кивнул стрелок.

Глава 9. Завершение истории священника (Ненайденная дверь)

1

— Кровати готовы, — сообщила им Розалита Мунос, когда они вернулись в дом отца Каллагэна.

Эдди так устал, что ему показалось, будто сказала она что-то совершенно другое: «Сейчас самое время прополоть огород» или «Пятьдесят или шестьдесят человек собрались в церкви, чтобы встретиться с вами». В конце концов, кто говорит о кроватях в три часа пополудни?

— Что? — переспросила Сюзанна. — Что ты сказала, милая? Я не разобрала.

— Кровати готовы, — повторила домоправительница. — Вы двое будете спать в той же кровати, что и прежде, а молодой сэй — на кровати отца Каллагэна. И ушастик может пойти с тобой, Джейк, если ты этого хочешь. Отец просил тебе это передать. Он бы сказал сам, но сегодня обходит больных. Несет им причастие, — последнее она произнесла с нескрываемой гордостью.

— Кровати, — кивнул Эдди. Он все не понимал, о чем, собственно речь. Огляделся, дабы убедиться, что на дворе ясный день, все те же три часа пополудни. — Кровати?

— Отец видел вас в магазине, — пояснила Розалита, — и подумал, что вы захотите отдохнуть, пообщавшись со всеми этими людьми.

Эдди наконец-то все понял. Он предполагал, что когда-то в своей жизни наверняка сталкивался с добротой, да только, честно говоря, никак не мог вспомнить, кто и когда относился к нему по-доброму.

После того, как они уселись в кресла-качалки, горожане приближались к ним очень осторожно, по одному, по двое, далеко не все. Но, поскольку никого не превратили в камень и никто не получил пулю в лоб, осмелели, завязался разговор, послышался смех, так что они все подходили и подходили. Когда ручеек превратился в поток, Эдди на своей шкуре испытал, каково это, быть публичной фигурой. Как это трудно, как изматывает. Они хотели получить простые ответы на тысячу трудных вопросов. Откуда стрелки пришли и куда идут — стали лишь первыми. На некоторые вопросы Эдди отвечал честно, но в основном использовал опыт политиков, которые стараются, ничего не говоря по существу, добиться максимального доверия избирателей. Отметил для себя, что и его друзья придерживаются того же принципа. Нет, разумеется, они не лгали, но говорили далеко не всю правду и при этом подчеркивали собственную значимость. И каждый из их собеседников хотел, чтобы ему смотрели прямо в глаза, а по завершению разговора искренне желали всего наилучшего. Даже Ыш принимал участие в той важной миссии, что выпала на их долю: расположить к себе горожан. Его то и дело гладили, заставляли говорить, пока Джейк не поднялся, вновь вошел в магазин и попросил у Эбена Тука миску с водой. Этот господин дал ему жестяную кружку и сказал, что он может наполнить ее из корыта у магазина. Горожане задавали ему вопросы и когда он спускался с лестницы и наполнял кружку водой. Ыш вылакал ее досуха и Джейк вновь прогулялся к корыту и обратно.

В общем, эти пять часов стали самыми долгими в жизни Эдди, и он подумал, что быть знаменитостью, конечно, приятно, но очень уж нелегко. К тому времени, когда стрелки наконец-то покинули крыльцо и направились к дому отца Каллагэна, они поговорили практически со всеми горожанами и со многими фермерами, ранчерами, ковбоями и наемными

работниками. Новости расходились быстро: пришельцы из другого мира сидят на крыльце магазина Тука, и если ты хочешь поговорить с ними, они с тобой поговорят.

А теперь, клянусь Богом, эта женщина... этот ангел... упомянула о кроватях.

— Сколько у нас времени? — спросил он Розалиту?

— Отец вернется через час, — ответила она, — но есть он будет не раньше шести, и при условии, что ваш старший вернется к этому времени. Я могу разбудить вас в половине шестого. У вас будет время помыться. Пойдет?

— Да, — улыбнулся ей Джейк. — Я не знал, что разговоры с людьми могут быть такими утомительными. Да и в горле от них пересыхает.

Розалита кивнула.

— В кладовой есть кувшин холодной воды.

— Я должна помочь приготовить еду, — сказала Сюзанна и тут же сладко зевнула.

— Мне поможет Сари Адамс, — ответила Розалита, — да и потом, горячего не будет. Так что идите. Отдохните. Вы все вымотались, это видно.

2

В кладовой Джейк вволю напился, потом налил воду в миску и отнес Ышу в спальню отца Каллагэна. Он чувствовал себя виноватым в том, что собрался улечься в чужую постель (да еще привел с собой ушастика-путаника), но увидел, что одеяло на узкой кровати Каллагэна откинуло, подушка взбита, а простыни так и манят его. Поставил миску на пол, и Ыш тут же принялся лакать воду. Джейк же разделся, оставшись лишь только что купленном нижнем белье, лег и закрыл глаза.

«Наверное, уснуть-то я и не смогу, — подумал он. — Я же никогда не спал днем, даже раньше, когда миссис Шоу называла меня Бамой».

Но минутой позже уже тихонько похрапывал, прикрыв глаза рукой. Ыш спал на полу рядом с ним, положив нос на левую лапу.

3

Эдди и Сюзанна сидели бок о бок на кровати в спальне для гостей. Эдди никак не мог поверить что такое возможно: не просто поспать днем, но поспать в настоящей постели. Роскошь, однако. Более всего ему хотелось, лечь, обнять Сюзи, да так и заснуть, но сначала предстояло закончить одно дельце. Которое не давало ему покоя весь день, даже в самом разгаре беседы с горожанами.

— Сюзи, я насчет деда Тиана...

— Не хочу об этом слышать, — отрезала она.

В удивлении его брови взлетели вверх. Хотя такого ответа ему следовало ожидать.

— Мы к этому вернемся, но не сейчас, — добавила она. — Я устала. Хочу спать. Расскажи Роланду о том, что узнал у старика, расскажи Джейку, если хочешь, а мне — не надо. Пока не надо, — она сидела рядом с ним, ее коричневое бедро касалось его белого, ее карие глаза всматривались в его светло-коричневые. — Ты меня слышишь?

— Слышу тебя очень хорошо.

— Тогда я говорю, спасибо тебе, большое спасибо.

Он рассмеялся, обнял ее, поцеловал.

И вскоре они заснули, обнявшись, соприкасаясь лбами. Прямоугольник света двигался по их телам по мере того, как садилось солнце. Теперь оно садилось на западе, во всяком случае, в этот день. Роланд это видел, когда ехал к дому Старика, не спеша, высвободив ноги, которые донимала боль, из стремян.

4

Розалита вышла ему навстречу.

— Хайл, Роланд... долгих дней и приятных ночей.

Он кивнул.

— И тебе в два раза больше.

— Как я поняла, ты хочешь попросить некоторых из нас побросать тарелки в Волков, когда они придут в Калью.

— Кто тебе это сказал?

— Ну... нашептала одна маленькая птичка.

— Понятно. И что ты скажешь? Если я попрошу?

В усмешке она оскалила зубы.

— Ничего в жизни не доставит мне большего удовольствия, — зубы исчезли, усмешка сменилась улыбкой. — Хотя мы вдвоем тоже могли бы получить удовольствие, не дожидаясь прихода Волков. Видишь мой маленький домик, Роланд?

— Ага. И ты снова разотрешь меня этим волшебным маслом?

— А тебя надо растереть?

— Ага.

— Растереть сильно или мягко?

— Я слышал, что именно сочетание первого и второго дает наилучший эффект.

Она обдумала его слова, рассмеялась и взяла за руку.

— Пошли, пока солнце светит, а этот маленький уголок мира спит.

Он с готовностью пошел и отдал должное секретному роднику, обрамленному сладким мхом, который она ему показала.

5

Каллагэн вернулся в половине шестого, примерно в то время, когда Розалита разбудила Эдди, Сюзанну и Джейка. В шесть Розалита и Сари Адамс подали ужин на застекленном, выходящим до двор крыльце-веранде, зелень, овощи и холодную курятину. Роланд и его друзья ели с аппетитом, стрелок еще дважды наполнял тарелку. Каллагэн, с другой стороны, едва прикоснулся к еде. Загар на его лице, признак здоровья, не мог скрыть темных мешков под глазами. А когда Сари, веселая, полная, но очень подвижная женщина, поставила на стол пирог, отрицательно покачал головой.

Наконец, на столе остались только чашки и кофейник. Роланд достал кисет, вопросительно посмотрел на Каллагэна.

— Конечно, кури, — кивнул тот, возвысил голос. — Роза, принеси какую-нибудь посудину для пепла.

— После такой еды я готов слушать тебя до утра, — заметил Эдди.

— Я тоже, — согласился Джейк.

Каллагэн улыбнулся.

— В отношении вас, парни, у меня те же чувства, он налил себе кофе. Розалита принесла Роланду глиняную плошку. После ее ухода Старик продолжил. — Лучше бы я позавчера рассказал мою историю до конца. А то проворочался всю ночь, думая о том, как рассказывать остальное.

— Тебе станет легче, если я скажу, что часть твоей истории мне уже известна? — спросил Роланд.

— Скорее нет, чем да. Ты ходил с Хенчеком в Пещеру двери, не так ли?

— Да. Он сказал, что говорящая машина, которая помогла им найти тебя, исполняла песню, и ты плакал, когда слушал ее. О какой песне идет речь?

— «Кто-то сегодня спас мне жизнь», да. И у меня нет слов, чтобы описать, до чего же это странно, сидеть в хижине Мэнни в Калья Брин Стерджис, смотреть на темноту Тандерклепа и слушать Элтона Джона.

— Подожди, подожди, — подала голос Сюзанна. — Ты очень уж далеко убежал от нас, отец. Мы остановились на Сакраменто. 1981 год, ты только что узнал, что твоего друга порезали так называемые Братья Гитлеры, — с Каллагэна она перевела строгий взгляд сначала на Джейка, потом на Эдди. — Я должна отметить, господа, что с того времени, как я покинула Америку, вы, похоже, не добились особого прогресса в вопросе мирного сосуществования людей с разным цветом кожи.

— Мена за это винить нельзя, — ответил Джейк. — Я еще учился в школе.

— А я наркоманил, — добавил Эдди.

— Хорошо, беру всю вину на себя, — вставил Каллагэн, и все рассмеялись.

— Заканчивай историю, — предложил Роланд. — Может, тогда тебе удастся выспаться.

— Может и удастся, — кивнул Каллагэн, с минуту собирался с мыслями. — Что я помню о больнице, наверное, это помнят все, так это запах дезинфицирующих средств и звуки, издаваемые машинами. Большинство машин. Их пиканье. Такие же звуки издают только приборы в кабине самолета. Однажды я спросил летчика, что у них там пикает, и он ответил, что навигационное оборудование. В ту ночь я, помнится, думал о том, что в реанимационной палате очень уж много внимания уделяется навигации.

Когда я работал в «Доме», Роуэн Магрудер не был женат, но я подумал, что за годы моего отсутствия ситуация изменилась, потому что на стуле у его кровати сидела женщина и читала книгу в обложке. Хорошо одетая, в элегантном зеленом костюме, колготках, туфлях на низком каблуке. Я считал, что готов к встрече с ней. Помылся, причесался, и после Сакраменто не брал в рот ни капли. Но когда мы встретились лицом к лицу, выяснилось, насчет готовности я погорячился. Видите ли, она сидела спиной к двери. Я постучал в дверной косяк, она повернулась и мою уверенность в себе как ветром сдуло. Я отступил на шаг и перекрестился. Впервые с той ночи, когда Роуэн и я навещали Люпа в такой же палате. Можете догадаться, почему?

— Разумеется, — ответила Сюзанна. — Потому что все части картинки-головоломки сложились. Они всегда складываются. Мы это видим снова и снова. Просто мы не знаем, какая из себя картинка.

— Или не можем ее постичь, — добавил Эдди.

Каллагэн кивнул.

— Передо мной сидел Роуэн, только с грудями и блинными светлыми волосами. Его сестра-близнец. И она рассмеялась. Спросила, не увидел ли я призрака. Я чувствовал... что опять соскользнул в один из других миров, такой же, так реальный мир, если есть такое понятие, но не совсем. У меня возникло непреодолимое желание достать бумажник и

посмотреть, кто изображен на банкнотах. И речь шла не только о внешнем сходстве. Сюрреаличности добавлял и ее смех. Женщина сидела у кровати мужчины с ее лицом, если допустить, что под повязками осталось что-то от лица, и смеялась его смехом.

— Добро пожаловать в палату 19, — хмыкнул Эдди.

— Не понял?

— Я только хотел сказать, что это чувство мне знакомо, Дон. Нам всем знакомо. Продолжай.

— Я представился, спросил, могу ли войти в палату. И когда спрашивал, думал о Барлоу, вампире. Думал: «В первый раз ты должен их пригласить. Это потом они приходят и уходят, когда им вздумается». Она ответила, что да, разумеется, я могу войти. Сказала, что прилетела из Чикаго, чтобы побыть с ним в «его последние часы». Потом, приятным голосом добавила: «Я сразу поняла, кто вы. По шраму на вашей руке. В своих письмах Роуэн писал, что вы, по его глубокому убеждению, в другой жизни были священнослужителем. Он все время говорил о другой жизни людей, имея в виду то время, когда они еще не пили, не принимали наркотики, оставались в здравом уме. Этот в другой жизни был плотником. Та — моделью. Насчет вас он не ошибся?» Все тем же приятным голосом. Словно женщина, беседующая со случайным знакомым на коктейль-пати. А рядом на кровати лежал Роуэн, с лицом, скрытом под бинтами. Будь он в солнцезащитных очках, то выглядел бы точь-в-точь, как Клод Рейнс в «Человеке-невидимке».

Я вошел, сказал, что когда-то был священнослужителем, да, но все это осталось в далеком прошлом. Она протянула руку. Я протянул руку. Потому что, видите ли, подумал...

6

Он протягивает руку, потому что предполагает, что она хочет ее пожать. Его вводит в заблуждение приятный голос. Он и представить себе не может, что на самом деле Ровена Магрудер Роулингс поднимает руку, не протягивает. Поначалу он даже не осознает, что ему влепили пощечину, да такую крепкую, что в левом ухе звенит, а левый глаз слезится; ему кажется, что ощущение тепла в левой щеке — аллергическая реакция, а может и результат стрессового состояния. А потом Ровена надвигается на него, и по лицу катятся слезы.

— Подойди и посмотри на него, — говорит она. — И знаешь, что ты увидишь? Другую жизнь моего брата! Единственную, которая у него осталась! Подойди поближе и посмотри внимательно. Они вырезали ему глаза, они вырезали ему щеку, так что сквозь нее видны зубы! В полиции мне показывали фотографии. Не хотели показывать, но я настояла. Они продырявили ему сердце, но, как я понимаю, эту дыру врачи зашили. Подвела печень. Они продырявили и ее, и он умирает.

— Мисс Магрудер, я...

— Я — миссис Роулингс, — сообщает она ему, — хотя это не имеет ровным счетом никакого значения. Подойди. Приглядишься. Посмотри, что вы с ним сделали.

— Я был в Калифорнии... Прочитал в газете...

— Я в этом не сомневаюсь. Не сомневаюсь. Но ты — единственный, до кого я могу добраться, ты понимаешь? Единственный из тех, кто был близок к нему. Другой его приятель умер от болезни гомосексуалистов, а остальных здесь нет. Они жрут халявную еду в его ночлежке или обсуждают то, что произошло, на своих собраниях. Какие чувства вызывает у них случившееся. Что ж, преподобный Каллагэн... или отец Каллагэн? Я видела, как ты перекрестился... Так вот, позволь сказать тебе, что чувствую я. От всего этого я... в

ЯРОСТИ, — она по-прежнему говорит приятным голосом, но, когда он открывает рот, чтобы ответить, прижимает палец к его губам с такой силой, что он сдается. Пусть выговорится, почему нет? Прошли годы с тех пор, как он в последний раз слушал исповедь, но некоторые навыки сохраняются на всю жизнь. Умеешь ты, к примеру, кататься на велосипеде, так в любой момент сядешь и поедешь.

— Он с отличием окончил Нью-Йоркский университет. Ты это знал? В 1949 г. занял второе место на поэтическом конкурсе, который ежегодно проводит Белойтский колледж, ^[45] ты это знал? Студентом предпоследнего курса! Он написал роман... прекрасный роман... до сих пор лежит у меня на чердаке, собирая пыль.

Каллагэн чувствует, как теплая роса оседает на его лице.

— Я просила его... нет, умоляла... продолжать писать, а он смеялся надо мной, говоря, что ничего у него не получится. «Пусть пишут мейлеры, о'хары, ирвины шоу, те, кто умеет это делать, — заявил он мне. — Я же намерен стать мистером Чипсом. ^[46] Буду сидеть в кабинете в башне из слоновой кости и попыхивать трубочкой». Я бы против этого не возражала, но он принял активное участие в работе общества «Анонимные алкоголики», а уж оттуда оставался один шаг до управления ночлежской. И общения со своими друзьями. Такими, как ты.

Каллагэн изумлен. Он никогда не слышал чтобы слово «друзья» произносилось с таким презрением.

— Но где они сейчас, когда он здесь и быстро идет ко дну? — спрашивает его Ровена Магрудер Роулингс. — Г-м-м? Где все эти люди, о которых он заботился, все эти репортеры, которые называли его гением? Где Джейн Поули? Она брала у него интервью в телешоу «Сегодня», знаешь ли. Дважды! Где эта гребаная мать Тереза? Он написал в одном из своих писем, что они называли ее «маленькая святая» когда она приходила в «Дом». Что ж, сейчас ему бы не помешала помощь святой, моему брату святая крайне необходима, пусть бы исцелила его возложением рук, но где же она, черт бы ее побрал?

Слезы катятся по ее щекам. Грудь поднимается и опускается. Она прекрасна и отвратительна. У Каллагэна она вызывает ассоциации с Шивой, индийским богом-истребителем демонов, изображение которого он однажды видел. «Рук, правда, маловато», — думает он, и с трудом подавляет желание расхохотаться.

— Их здесь нет. Здесь только ты и я, так? И он? Он мог бы получить Нобелевскую премию по литературе. Или тридцать лет ежегодно обучать по четыреста студентов. Мог бы прикоснуться к двенадцати тысячам умов. А вместо этого он лежит на больничной койке с изрезанным лицом, и им пришлось собирать пожертвования в его гребаной ночлежки, чтобы оплатить его пребывание в больнице, его гроб, его похороны.

Ровена смотрит на него, лицо искреннее и улыбающееся, щеки блестят от слез, из носа висят сопли.

— В его предыдущей другой жизни, отец Каллагэн, он был Уличным Ангелом. Но это его последняя другая жизнь. Роскошная жизнь, не так ли? Я иду вниз, в кафетерий, выпить чашечку кофе и съесть пончик. Там я пробуду минут десять. Этого времени вам вполне хватит для завершения вашего визита. Окажите мне услугу, уйдите отсюда до моего возвращения. Меня тошнит от вас и всех остальных его доброжелателей.

Она уходит. Ее низкие каблук стучат в коридоре. И лишь когда этот стук полностью перекрывает пиканье машин он понимает, что дрожит всем телом. Он не думает, что это начало приступа белой горячки, но, видит Бог, ощущения схожие.

И когда из-под бинтов раздается голос Роуэна, Каллагэн с огромным трудом подавляет крик. Слова звучат приглушенно, но он разбирает их без труда.

— Эту маленькую проповедь она прочитала сегодня раз восемь, но никому не сказала, что в Белойте я занял второе место только потому, что участвовали в конкурсе всего пять человек. Наверное, война у многих отбила охоту писать стихи. Как поживаешь, Дон?

Слова смазанные, голос хриплый, но это Роуэн, все точно. Каллагэн подходит берет его руки, которые бессильно лежат на одеяле, в свои. И они сжимают их с неожиданной силой.

— Что же касается романа... из меня получился бы третьесортный Джеймс Джонс, [\[47\]](#) и это плохо.

— Как ты, Роуэн? — спрашивает Каллагэн. Теперь плачет он. Комната плывет перед глазами.

— Сам видишь, паршиво, — доносится из-под бинтов. — Спасибо, что пришел.

— Пустяки, — отвечает Каллагэн. — Чем я могу помочь, Роуэн? Что надо сделать?

— Ты можешь держаться подальше от «Дома», — говорит Роуэн. Голос его слабеет, но руки по-прежнему крепко сжимают руки Каллагэна. — Я их не интересовал. Они искали тебя. Ты меня понимаешь, Дон? Они искали тебя. Раз за разом спрашивали, где ты, и в конце я бы им сказал, если б знал, поверь мне. Но я не знал.

Пиканье одной из машин учащается, и Каллагэн понимает, что это тревожный знак. Знать он этого не может, но как-то чувствует.

— Роуэн... у них были красные глаза? Они носили... как же сказать... длинные плащи? Вроде шинелей? Они приехали в большом автомобиле?

— Нет, — шепчет Роуэн. — Им за тридцать, но одеваются они, как подростки. И выглядят, как подростки. Эти парни будут выглядеть подростками еще лет двадцать, если так долго проживут, а потом в один день превратятся в стариков.

Каллагэн думает: «Двое уличных отмороzków. Так он их характеризует?» Получается, что да, но ведь это ничего не значит. Слуги закона могли нанять Братьев Гитлеров для этой работы. Это логично. Даже в газетной заметке указывалось, что Роуэн Магрудер не похож на их типичные жертвы.

— Держись подальше от «Дома», — шепчет Роуэн и, прежде чем Каллагэн успевает ему это пообещать, машины поднимают тревогу. На мгновение руки Роуэна напрягаются, и Каллагэн ощущает в них ту силу, ту яростную энергию, которая позволяла держать двери «Дома» открытыми, даже когда полностью пустели банковские счета, энергию, которая привлекала людей, которые могли сделать то, что не удавалось самому Роуэну Магрудеру.

И тут же палата начинает заполняться медсестрами, появляется доктор с суровым лицом, требует карту пациента, и вскоре должна вернуться сестра-близнец Роуэна, на этот раз изрыгая огонь. Каллагэн решает, что пора покидать этот маленький сумасшедший дом, да и сумасшедший дом побольше, который зовется Нью-Йорк. Похоже, слуги закона по-прежнему интересуются им, очень даже интересуются, и, если у них и есть оперативная база, то расположена она, скорее всего здесь, в Городе развлечений, [\[48\]](#) США. Следовательно, возвращение на Западное побережье — блестящая идея. Он не может купить еще один билет на самолет, но у него достаточно денег, чтобы оплатить проезд на «Большой серой собаке». И для него эта поездка не будет первой. Еще одно путешествие на запад, почему нет? С удивительной ясностью видит себя в автобусе, на сидении 29-С. Полная, нераскрытая пачка сигарет в нагрудном кармане. Полная, непочатая бутылка «Эрли таймс» [\[49\]](#) в бумажном пакете. Новый, только что снятый с книжной полки роман Джона Д. Макдональда на коленях. Может, он уже будет на другой стороне Гудзона и проедет Форт-Ли, заканчивая первую главу и смакуя второй стаканчик виски, когда они отключат все машины в палате 577 и его давний друг уйдет в темноту, навстречу тому, что ждет там всех нас.

— Пятьсот семьдесят семь, — повторил Эдди.

— Девятнадцать, — подсчитал Джейк.

— Простите? — переспросил Каллагэн.

— Пять, семь и семь, — объяснила Сюзанна. — Сложи их и получишь девятнадцать.

— Это что-то значит?

— Если сложить их вместе, получится мать, слово, которое вбирает в себя целый мир. Во всяком случае, для меня, — улыбнулся Эдди.

Сюзанна его проигнорировала.

— Мы не знаем. Но ты не уехал из Нью-Йорка, не так ли? Если б уехал, остался бы без этого, — она указала на шрам на лбу.

— Да нет, уехал, — ответил Каллагэн. — Только не так скоро, как собирался. Из больницы я вышел с намерением прямиком пойти на автовокзал и взять билет на сороковой автобус.

— Это еще что? — спросил Джейк.

— На сленге бродяг, это автобус который уходит раньше других. Если ты купил билет до Фэрбанкса, штата Аляска, значит, ты едешь на сороковом автобусе.

— Здесь это будет девятнадцатый автобус, — усмехнулся Эдди.

— Шагая по улице, я вспоминал время, проведенное в ночлежке. Забавные случаи, когда несколько наших клиентов устроили для остальных цирковое представление. Страшные случаи, вроде того, что произошел как-то перед обедом, когда один парень сказал другому: «Джерри, перестань ковырять в носу, меня от этого тошнит», — а Джерри выхватил нож и, прежде чем кто-то из нас успел сообразить, что к чему, полоснул первому по горлу. Люп закричал, все перепугались, кровь хлестала во все стороны, бедняге задело то ли сонную артерию, то ли яремную вену, и тут из сортира выбежал Роуэн, поддерживая штаны одной рукой, с рулоном туалетной бумаги во второй. И знаете, что он сделал?

— Воспользовался бумагой.

Каллагэн улыбнулся. И сразу помолодел.

— Точно, воспользовался. Прижал целый рулон к тому месту, откуда хлестала кровь, и велел Люпу позвонить по 211, тогда «скорую помощь» вызывали по этому номеру. Я стоял, наблюдая, как белая туалетная бумага становится красной и как краснота по торцу захватывает все новые и новые слои, подбираясь к внутреннему картонному кольцу. И тут Роуэн сказал: «Считайте, что это самый большой в мире порез при бритье», — и мы начали смеяться. Смеялись, пока из глаз не брызнули слезы.

Я много чего вспомнил, будьте уверены. Хорошего, плохого, ужасного. Я помню, пусть и смутно, что зашел в какой-то магазинчик, вышел оттуда с бумажным пакетом в котором лежали две банки «Бада». ^[50] Выпил одну банку и пошел дальше. О том, куда иду, не думал, во всяком случае, на сознательном уровне, но мои ноги, должно быть, выбирали дорогу, потому что, остановившись и оглядевшись, я увидел, что стою перед ресторанчиком, в который мы иногда заходили поужинать, если были, как говорится, при деньгах. На углу Второй авеню и Пятьдесят второй улицы.

— «Чав-Чав», — уточнил Джейк.

Каллагэн в изумлении уставился на него, потом повернулся к Роланду.

— Стрелок, твои парни начинают меня пугать.

Роланд нетерпеливо крутанул пальцами, мол, продолжай.

— Я решил зайти и съесть гамбургер, в память о прежних временах. И пока ел гамбургер,

решил, что не хочу покидать Нью-Йорк, не заглянув в окно «Дома», не увидев ночлежки. В конце концов, я мог постоять на другой стороне улицы, как стоял после смерти Люпа. Почему нет? Тогда меня никто не трогал. Ни вампиры, ни слуги закона, — Каллагэн посмотрел на своих слушателей. — Я не могу сказать вам, поверил ли я в это, но теперь мне кажется, что я решил поиграть со смертью в кошки-мышки. Могу многое вспомнить о той ночи, что чувствовал, говорил, думал, но не это.

В любом случае, до «Дома» я не добрался. Расплатившись, пошел по Второй авеню. «Дом» находился на углу Первой авеню и Сорок седьмой улицы, но я не хотел проходить мимо здания. Поэтому решил выйти на Первую авеню по Сорок шестой улице и перейти на другую сторону.

— Почему не по Сорок восьмой? — спросил Эдди. — Ты мог бы выйти на Первую авеню по Сорок восьмой, это было бы быстрее. Тебе не пришлось бы обходить целый квартал.

Каллагэн обдумал вопрос, покачал головой.

— Если на то и была причина, я ее не помню.

— Причина была, — кивнула Сюзанна. — Ты хотел пройти мимо пустыря.

— Почему мне вдруг...

— По той же причине, которая вызывает у людей желание пройти мимо пекарни, когда из духовки достают хлеб, — пояснил Эдди. — Это просто приятно, ничего больше.

На лице Каллагэна читалось сомнение, но спорить он не стал, просто пожал плечами.

— Если ты в этом уверен...

— Уверен, сэй.

— В общем, я шел, потягивал пиво и уже добрался до перекрестка Второй авеню и Сорок шестой улицы...

— Что там было? — прервал его Джейк. — Что ты увидел на углу Второй авеню и Сорок шестой?

— Я не... — начал Каллагэн и замолчал. — Забор, — ответил он на вопрос Джейка. — Высокий забор. Десять, может, двенадцать футов.

— Не тот, через который перелезали мы, — Эдди повернулся к Роланду. — Если только он не подрос футов на пять.

— На нем еще висел какой-то щит, — продолжил Каллагэн. — Я это помню. Большой щит с городским видом. Разглядеть мне не удалось, потому что фонари на углу не горели. И вот тут я почувствовал: что-то не так. В голове зазвенели сигналы тревоги. Если хотите знать, очень похожие на те, что заставили медсестер и врачей сбежаться в палату Магрудера. Какое-то время я не мог сообразить, где нахожусь. В голове у меня помутилось. И одновременно я думал...

И одновременно он думает: «Все в порядке, просто не горят несколько фонарей, если бы здесь были вампиры или слуги закона, ты бы услышал колокольца и почувствовал запахи подгоревшего лука и горячего металла». Но при этом решает, что из этого района надо уйти, и немедленно. Слышны колокольца или нет, все его нервы напряжены, их окончания буквально искрятся от тревоги.

Он поворачивается и видит за спиной двоих мужчин. В первые несколько секунд они столь поражены его резким маневром, что он, наверное, успел бы проскочить между них и умчаться по Второй авеню, в том направлении, откуда пришел. Но он тоже удивлен, поэтому эти секунды они стоят, таращась друг на друга.

Перед ним Братья Гитлеры, большой и маленький. Последний не выше пяти футов и двух

дюймов. На нем рубашка из «шамбре» и черные слаксы. На голове бейсболка, повернутая козырьком назад. Глаза у него черные, как капли битума, лицо в прыщах. Каллагэн мгновенно присваивает ему имя Ленни. Большой ростом шесть футов и шесть дюймов, в фуфайке «Янки», синих джинсах и кроссовках. У него пшеничные усы. И рюкзак, который почему-то он носит на животе. Каллагэн нарекает его Джорджем.

Каллагэн поворачивается, чтобы броситься вниз по Второй авеню, в случае, если загорится зеленый свет. Если нет, то есть возможность побежать по Сорок шестой улице, к зданию ООН, отелю «Плаза», нырнуть в вестибюль...

Здоровяк, Джордж, хватает его за воротник рубашки, дергает на себя. Ткань рвется, но, к сожалению, воротник отрывается не полностью, так что убежать Каллагэну не удастся.

— Нет, тебе не уйти, док, — говорит коротышка. — Не уйти, — подсказывает к нему, быстрый, как таракан, и, прежде чем Каллагэн соображает, что задумал Ленни, тот сует руку ему между ног, хватая яйца и сжимает изо всей силы. Боль мгновенна, нестерпима, огромна. Бьет наотмашь, как удар свинцовой трубы.

— Нравится, радатель ниггеров? — спрашивает Ленни, и в его голосе слышится искренняя забота, он словно говорит: «Нам это очень важно знать». Потом дергает яйца на себя и интенсивность боли утраивается. В нижнюю часть живота словно вгрызаются ржавые зубья большой пилы, и Каллагэн думает: «Он их сейчас оторвет. Он уже превратил их в желе, а теперь собирается оторвать. Удерживает их лишь тонкий мешочек из кожи, и он собирается...»

Он начинает кричать, и Джордж накрывает его рот рукой. «Прекрати! — рявкает он своему напарнику. — Мы на гребаной улице, или ты забыл?»

И пусть боль ест его живьем, Каллагэн продолжает анализировать ситуацию: Джордж — главный Брат Гитлер, не Ленни. Джордж — умный Брат Гитлер. Стейнбек, конечно же, поменял бы их местами.

И тут, справа, доносится гудение. Которое начинает нарастать. Поначалу он думает, что это колокольца, но нет, гудение очень уж приятное. И сильное. Джордж и Ленни чувствуют его. Им оно не нравится.

— Что это? — спрашивает Ленни. — Ты что-то слышишь?

— Не знаю. Давай отведем его в наше место. И держи руки подальше от его яиц. Потом сможешь дергать за них, сколько захочешь, а пока только помогай мне.

Они встают у него по бокам и ведут по Второй авеню. Высокий дождатый забор проплывает справа. Приятное, мощное гудение доносится из-за него. «Если я смогу перелезть через забор, со мной все будет в порядке», — думает Каллагэн. Там находится что-то могучее и доброе. Они не решаются приблизиться к нему.

Может, и так, но он сомневается, что сумел бы вскарабкаться на забор высотой в десять футов, даже если бы его яйца не рассылали по всему телу импульсы боли, даже если бы он не чувствовал, что они раздуваются в огромные шары. И тут его голова наклоняется вперед, и он выблевывает горячую смесь наполовину переваренного обеда на свои рубашку и брюки. Чувствует как блевотина, проникая сквозь материю, добирается до кожи, теплая, как только что выссанная моча.

Две молодые пары, одна компания, идут навстречу. Парни здоровые, они могут размазать Ленни по тротуару, и, возможно, вдвоем справятся и с Джорджем, но сейчас на их лицах читается отвращение и им хочется как можно быстрее увести своих девушек от облевавшегося Каллагэна.

— Он немного перебрал, — говорит Джордж, сочувственно улыбаясь, — вот его и вывернуло. Иной раз такое случается даже с лучшими из нас.

«Они — Братья Гитлеры! — пытается крикнуть Каллагэн. — Эти двое — Братья Гитлеры! Они убили моего друга и теперь собираются убить меня! Вызовите полицию!» Но с губ не срывается ни слова, разве что какие-то нечленораздельные звуки, и обе пары проходят мимо. А Джордж и Ленни тащат его по Второй авеню, в квартале между Сорок Шестой и Сорок Седьмой улицами. Его ноги едва касаются тротуара. Его «швейцарский гамбургер» из ресторана «Чав-Чав» дымится на рубашке. Господи, он улавливает даже запах горчицы, которой помазал гамбургер.

— Дай мне взглянуть на его руку, — говорит Джордж, когда они приближаются к перекрестку, и когда Ленни хватает левую руку Каллагэна, добавляет. — Нет, придурок, на другую.

Ленни поднимает его правую руку. Каллагэн не может остановить его, даже если б и попытался. Нижняя часть живота наполнена горячим, влажным цементом. Желудок тем временем поднялся к самому горлу и дрожит там, как какой-то маленький, перепуганный зверек.

Джордж смотрит на шрам на правой руке Каллагэна и кивает.

— Да, это он, все так. Но убедиться никогда не вредно. А ну, шевелись, перебирай ногами. Быстро, быстро.

Дойдя до Сорок седьмой улицы, они поворачивают к Первой авеню. Далеко впереди пятно яркого белого света: «Дом». Видно даже несколько фигур с поникшими плечами, мужчины стоят на углу, курят и о чем-то говорят. «Я, возможно, даже знаю некоторых из них, — думает он. — Черт, наверняка знаю».

Но до «Дома» они не доходят. Отшагав лишь четверть квартала между Второй и Первой авеню, Джордж тащит его в дверную арку пустующего магазина с надписью в обоих витринах: «ПРОДАЕТСЯ ИЛИ СДАЕТСЯ В АРЕНДУ». Ленни кружит вокруг них, как тывкающий терьер вокруг двух медленно бредущих коров.

— Я собираюсь тобой заняться, радатель ниггеров, — напевает он. — Мы разобрались с тысячью таких, как ты, разберемся с миллионом, порежем всех ниггеров и их радетелей, это из песни, которую я пишу, песни, которая называется «УБЕЙ ВСЕХ ЛЮБЯЩИХ НИГГЕРОВ ПИДОРОВ». Я собираюсь отослать ее Мерлю Хаггарду, он — лучший, он сказал, что всех хиппи надо утопить в их собственном дерьме, отошлю этому гребаному Мерлю, напишу ему, что у меня есть «мустанг 380» и «люгер» Германа Геринга, ты это знаешь, радатель ниггеров?

— Заткнись, маленький мудозвон, — говорит Джордж, но по-доброму, достает из кармана кольцо с ключами, находит нужный, вставляет в замочную скважину, поворачивает. Каллагэн думает: «Для него Ленни — радио, которое постоянно играет в авторемонтной мастерской или на кухне ресторана быстрого обслуживания, он и не слышит слов, это всего лишь привычный шумовой фон».

— Да, Норт, — соглашается Ленни и продолжает. — Гребанный «люгер» гребаного Геринга, все так, и я могу отстрелить из него твои гребаные яйца, потому что мы знаем правду, знаем, во что превращают страну такие радатели ниггеров, как ты, правда, Норт?

— Я же предупреждал, никаких имен, — бурчит Джордж-Норт, но осуждения в голосе нет и Каллагэн знает, почему: он никогда не сможет назвать эти имена полиции, если все пойдет по плану этих садистов.

— Извини, Норт, но именно вы, гребанные радатели негров, именно вы, гребанные еврейские интеллектуалы поганите нашу страну, вот я и хочу, чтобы ты думал об этом, когда я буду вытаскивать твои гребаные яйца из твоей гребаной мошон...

— Слушай, уgomонись! — все также беззлобно просит здоровяк.

Дверь открывается. Джордж-Норт вталкивает Каллагэна в пустующий магазин. Внутри

пахнет отбеливателем, мылом, крахмалом. Из двух стен торчат провода и трубы. Он видит на стене более чистые прямоугольники, там, где стояли стиральные машины и сушилки. Понимает, что здесь был не магазин, а прачечная. На полу надпись, которую он едва разбирает в полумраке «ПРАЧЕЧНАЯ „БУХТА ЧЕРЕПАХИ“. ВЫ СТИРАЕТЕ ИЛИ МЫ СТИРАЕМ, ВСЕ РАВНО БЕЛЬЕ БУДЕТ ЧИСТЫМ!»

«Белье будет чистым», — повторяет про себя Каллагэн и поворачивается к ним. Не удивляется, увидев, что Джордж/Норт нацелил на него пистолет. Не «люгер» Германа Геринга, скорее дешевка 32-го калибра, какую можно купить в каком-нибудь баре в жилых кварталах города, но Каллагэн уверен, что стрелять он стреляет. Джордж-Норт открывает висящий на животе рюкзак, не отрывая глаз от Каллагэна, он делал это и раньше, они оба делали, они — матерые волки, за которыми тянется долгий кровавый след, и достает оттуда кольцо широкой изоляционной ленты. Каллагэн вспоминает, как Люп как-то сказал, что без изоляционной ленты Америка не протянет и недели. «Секретное оружие», — так он ее называл. Джордж-Норт передает ленту Ленни, который берет ее и подскакивает к Каллагэну, все с той же тараканьей скоростью.

— Руки за спину, радатель ниггеров, — приказывает Ленни.

Руки Каллагэна по-прежнему висят, как плети.

Джордж-Норт чуть опускает пистолет.

— Делай, что тебе говорят, святоша, а не то получишь пулю в живот. Будет очень больно, это я тебе обещаю.

Каллагэн подчиняется. У него нет выбора. Ленни шныряет ему за спину.

— Сведи их вместе, радатель ниггеров, — говорит Ленни. — Или ты не знаешь, как это делается? Или ты не смотришь кино? — и смеется, как безумец.

Каллагэн сводит запястья. Слышится противный скрежет, это Ленни отдирает конец изоляционной ленты и начинает обматывать руки Каллагэна. Он стоит, вдыхая запахи мыла, отбеливателя и легкий аромат умягчителя ткани.

— Кто вас нанял? — спрашивает он Джорджа-Норта. — Слуги закона?

Джордж-Норт не отвечает, но Каллагэну кажется, что он увидел, как дернулись его глаза. Мимо темных витрин магазина, подчиняясь сигналам светофора, проезжают автомобили, спешат редкие пешеходы. Что будет, если он закричит? Ответ ему известен, не так ли? Библия говорит, что священник и левит прошли мимо раненого человека и не услышали его криков, «самаритянин же некто... увидев его, сжалился». ^[51] Каллагэну нужен добрый самаритянин, да только в Нью-Йорке они в дефиците.

— У них красные глаза, Норт?

Глаза Норта вновь дергаются, но ствол его пистолета нацелен на живот Каллагэна и рука тверда.

— Они ездят на больших, красивых автомобилях? Ездят, не так ли? И сколько, ты думаешь, дадут за твою жизнь и за жизнь этого шибздика, как только...

Ленни опять хватается за яйца, сжимает, выкручивает, тянет вниз. Каллагэн кричит, мир перед его глазами сереет. Сила ухолит из ног, колени подгибаются.

— Он ПАДАЕТ! — радостно вопит Ленни. — Мо-Хам-м-мед А-ли ПАДАЕТ! ВЕЛИКАЯ БЕЛАЯ НАДЕЖДА ВЫШИБАЕТ ДУХ ИЗ ЭТОГО КРИКЛИВОГО НИГГЕРА И СБИВАЕТ С НОГ! Я ПРОСТО НЕ ВЕРЮ СВОИМ ГЛАЗАМ! — он имитирует Говарда Коселла и до того хорошо имитирует, что Каллагэну, несмотря на жуткую боль, хочется рассмеяться. Он вновь слышит противный скрежет, и теперь ему связывают лодыжки.

Из угла Джордж-Норт приносит еще один рюкзак. Откидывает клапан, открывает, достает «Полароид». Наклоняется над Каллагэном, и внезапно мир озаряется ярчайшей

вспышкой. Каллагэн на несколько мгновений слепнет, потом видит перед собой синий шар. Из шара доносится голос Джорджа-Норта.

— Напомни, что я должен сфотографировать его и потом. Они хотели получить оба снимка.

— Да, Норт, да! — голос маленького вибрирует от возбуждения, и Каллагэн понимает, что настоящие страдания только начинаются. Он вспоминает песню Дилана «Скоро пойдет сильный дождь» и думает: «Эта в большей степени соответствует происходящему со мной. В большей, чем „Кто-то сегодня спас мне жизнь“».

Его окутал туман чеснока и томатов. Кто-то обедал в итальянском ресторане, возможно, аккуратно в тот момент он, Каллагэн, схлопотал по физиономии в больничной палате. Из тумана появляется силуэт мужской фигуры. Здоровяк. «Кто нас нанял, значения для тебя не имеет, — говорит Джордж-Норт. — Главное в том, что нас наняли, а для всех, кто потом тебя вспомнит, ты — еще один радатель ниггеров, такой же, как этот Магрудер, вот Братья Гитлеры с тобой и разобрались. По большей части мы работаем за идею, но иногда и за доллар, как любой добропорядочный американец, — он делает паузу, потом изрекает. — В Куинс мы — знаменитости, знаешь ли».

— А пошли вы на хер, — говорит Каллагэн, и тут же правая сторона его лица взрывается болью. Ленни бьет его ботинком с кованым мыском и ломает челюсть, как потом выясняется, в четырех местах.

— Странно такое слышать, — голос Ленни доносится из вселенной безумия, где Бог, несомненно, умер и лежит, разлагаясь на небесном полу. — Странно такое слышать от святоши, — тут интонации голоса изменяются, он становится более пронзительным, как у капризного ребенка, требующего очередную игрушку. — Позволь мне, Норт. Пожалуйста, позволь. Я хочу все сделать сам!

— И не мечтай, — отвечает Джордж-Норт. — Свастики на лбу режу я, ты всегда портачишь. Потом, если хочешь, можешь вырезать их у него на руках, идет?

— Он же связан! И руки у него в этой гребаной...

— После его смерти, — терпеливо объясняет Джордж-Норт. — После того, как он умрет, мы развяжем ему руки, и ты сможешь...

— Норт, пожалуйста! Я все сделаю так, что тебе понравится. И послушай! — по голосу Ленни чувствуется, что ему в голову пришла блестящая идея. — Вот что я тебе скажу! Если я начну портачить, ты мне скажешь, и я перестану! Пожалуйста, Норт! Пожалуйста!

— Ну... — Каллагэн уже слышал этот тон. Добродушного отца, который ни в чем не может отказать любимому, пусть и психически неполноценному сыну. — Ну, ладно.

Перед глазами у него проясняется. Об этом он может только сожалеть. Он видит, как Ленни вынимает из рюкзака фонарь. Джордж уже достал скальпель из своего рюкзака, что по-прежнему висит у него на животе. Они меняются. Джордж направляет луч фонаря на распухшее лицо Каллагэна. Каллагэн дергается, закрывает глаза. Успевает только увидеть, как Ленни поднимает скальпель, зажатый в маленьких, но ловких пальцах. Потом, правда, снова открывает, жуясь от света.

— Я все сделаю, как надо! — восторженно верещит Ленни. — Я все сделаю, как надо!

— Только не напортачь, — предупреждает Джордж.

Каллагэн думает: «Будь это фильм, сейчас бы прибыла кавалерия. Или копы. Или гребаный Шерлок Холмс в машине времени Герберта Уэллса».

Но Ленни опускается перед ним на колени, видно, что член в штанах стоит колом, а кавалерия не прибывает. Он наклоняется вперед, вытягивая руку со скальпелем, а копы не прибывают. И пахнет от него не чесноком с томатами, а потом и табаком.

— Одну секунду, Билл, — говорит Джордж-Норт. — У меня идея. Давай я тебе сначала все нарисую. Ручка у меня есть.

— На хрен, — выдыхает Ленни-Билл. Он тянется скальпелем ко лбу Каллагэна. Каллагэн видит, дрожь возбуждения этого шибздика передается на острое, как бритва, лезвие, а потом оно исчезает из его поля зрения. По его лбу проводят чем-то холодным, которое сразу же становится горячим, а Шерлок Холмс не прибывает. Кровь заливают глаза, он уже ничего не видит, но к нему на помощь не прибывают ни Джеймс Бонд, ни Перри Мейсон, ни Тревис Макги, ни Эркуль Пуаро, ни мисс гребаная Марпл.

Перед мысленным взором возникает длинное лицо Барлоу. Волосы вампира нимбом плавают над головой. «Давай, лжепророк — говорит он, — переходи в истинную веру». Дважды слышится сухой треск, это пальцы вампира ломают перекладыны креста, который подарила ему мать.

— Гребаный неделух, — стонет Джордж-Норт, — это же не сватика, это гребаный крест. Дай мне скальпель.

— Подожди, Норт, дай мне шанс, я еще не закончил!

Они препираются над ним, как пара подростков, тогда как яйца у него болят, сломанная челюсть пульсирует болью, а глаза заливают кровь. Все эти споры семидесятых годов насчет того, мертв Бог или нет... Да вы только посмотрите на него! Только посмотрите на него! Неужто могут возникнуть какие-то сомнения?

И вот тут прибывает кавалерия.

9

— Что именно ты под этим подразумеваешь? — спросил Роланд. — Я бы хотел, чтобы ты подробно на этом остановился, отец.

Они по-прежнему сидят за столом на крыльце — веранде, но трапеза закончена, солнце село и Розалита принесла свечи. Каллагэн прервал рассказ, чтобы попросить ее сесть с ними, и она села. За остеклением веранды двор темен, насекомые недовольно гудят, желая добраться до света.

Джейк прикоснулся к разуму стрелка, чтобы понять, чем вызван этот вопрос. А потом, поскольку вся эта секретность ему надоела, выпалил: «Мы были этой кавалерией, отец?»

Роланд шокирован, но лишь на мгновение, потом его губы изогнулись в улыбке. На лице Каллагэна читается изумление.

— Нет, — ответил он. — Думаю, что нет.

— Ты их не видел, не так ли? — спросил Роланд. — Ты не видел людей, которые тебя спасли.

— Я сказал вам, что у Братьев Гитлеров был фонарь, — ответил Каллагэн. — Сказал правду. Но у других парней, кавалерии...

10

Кем бы они ни были, у них прожектор. И он заполняет бывшую прачечную светом, более ярким, чем вспышка дешевого «Полароида». И, в отличие от «Полароида», свет этот не гаснет. Джордж-Норт и Ленни-Билл прикрывают глаза. Каллагэн тоже прикрыв бы, да руки у него связаны за спиной.

— Норт, брось пистолет! Билл, брось скальпель! — голос, обладатель которого находится за прожектором, пугает. Это голос человека, который способен практически на все. — Сейчас я досчитаю до пяти и, если не подчинитесь, пристрелю обоих, чего вы и заслуживаете, — и голос начинает считать, не медленно и размеренно, а скороговоркой. — Оди́ндва́триче́тыре... — словно обладателю голоса не терпится, покончив с формальностями, нажать на спусковой крючок. У Джорджа-Норта и Ленни-Билла нет времени, что найти ответный ход. Они бросают скальпель и пистолет. Когда последний падает на грязный линолеум, гремит выстрел: «БА-БАХ!» Такой же звук издает детский пугач, заряженный двойными пистонами. Каллагэн понятия не имеет, куда попала пуля. Может, даже в него. Почувствовал бы он, если б попала? Сомнительно.

— Не стреляйте, не стреляйте! — визжит Ленни/Билл. — Мы не, мы не, мы не... — Не что? Ленни-Билл, похоже, не знает.

— Руки вверх! — другой голос, но тоже раздается из-за прожектора. — Тянитесь к небу! Быстро, засранцы!

Руки взлетают вверх.

— Нет, ниже, — говорит первый. Они, возможно, крутые парни, Каллагэн готов вписать их в первые строчки списка получателей рождественских открыток, но совершенно ясно, что ничего такого раньше они не проделывали. — Снять обувь! Снять штаны! Приступайте! Живо!

— Какого хрена... — огрызается Джордж-Норт. — Вы же копы? Если вы копы, то должны зачитать нам наши права, как положено по...

Из-за прожектора гремит выстрел. Каллагэн видит оранжевую вспышку. Возможно, это тоже пистолет, но калибра куда большего, чем хлопушка Братьев Гитлеров. От грохота закладывает уши, сыпется штукатурка, пыль. Джордж-Норт и Ленни-Билл вскрикивают. Каллагэн думает, что вскрикивает и один из его спасителей, скорее всего, тот, кто не стрелял.

— Снять обувь и штаны! Быстро! Быстро! Не успеете, пока я сосчитаю до тридцати, вы — покойники. Оди́ндва́триче́тыре...

Вновь он считает очень быстро, не оставляя времени для раздумий, тем более для сопротивления. Джордж-Норт собирается сесть, но голос номер два предупреждает: «Сядешь, и мы тебя убьем».

Вот Братья Гитлеры и перепрыгивают с ноги на ногу между рюкзаком, пистолетом, ручным фонариком и скальпелем, торопливо стаскивая с себя обувь и штаны под быстрый счет голоса номер один. Наконец, и обувь, и штаны валяются на полу. Джордж в трусах до колен, Ленни — в запянутых мочой плавках. У Ленни, понятное дело, уже ничего не стоит. Остаток этого вечера эрекция и член Ленни, похоже, решили провести врозь.

— А теперь, вон отсюда, — приказывает голос номер один.

Джордж всматривается в свет. Его фуфайка «Янки» прикрывает верхнюю часть трусов. Рюкзак по-прежнему у него на животе. Мускулистые голени поросли волосами и дрожат. На лице Джорджа написан страх.

— Послушайте, парни, — говорит он, — если мы уйдем, не покончив с этим типом, они нас убьют. Они — жуткие...

— Если вы не смаетесь отсюда до того, как я досчитаю до десяти, — обрывает его голос номер один, — я убью вас сам.

А голос номер два, сочащийся презрением добавляет:

— Гей кокниф ен йом, трусливые сукины дети! Останетесь — получите по пуле, нет проблем.

Потом, повторив эту фразу десятку евреев, которые в недоумении качали головами, уже в

Топике Каллагэн набрел на пожилого джентльмена, который перевел ему гей кокниф ен йом с идиша. Идите просритесь в океан, вот что сие означало.

А голос номер один считает, все с той же скоростью: «Одиндватриче...»

Джордж-Норт и Ленни-Билл в нерешительности переглядываются, совсем как незадачливые герои в мультфильме, а потом, в подштанниках, бросаются к двери.

— Иди за ними, — приказывает голос номер один своему напарнику. — Если у них возникнет идея вернуться...

— Понял тебя, — отвечает голос номер два и уходит.

Яркий свет гаснет.

— Перевернитесь на живот, — обращается голос номер один к Каллагэну.

Каллагэн пытается сказать, что едва ли у него получится, что яйца у него раздулись до размеров чайных чашек, но челюсть-то сломана, так что он издает лишь какие-то нечленораздельные звуки. С большим трудом ему удается повернуться на левый бок.

— Замрите, — продолжает голос номер один. — Не хочу вас порезать, — по голосу ясно, что резать людей — не его профессия. Даже в нынешнем полубессознательном состоянии Каллагэн это понимает. У его спасителя тяжелое, учащенное дыхание, иногда оно прерывается, к счастью, ненадолго. Каллагэну хочется его поблагодарить. Одно дело, спасти людей, если ты — коп, пожарный или телохранитель, полагает он. Совсем другое — если ты обычный законопослушный гражданин. «А ведь именно таков его спаситель, — думает он, — оба его спасителя». Но при этом они пришли сюда хорошо подготовленными. И откуда узнали имена Братьев Гитлеров? И где ждали все это время? Вошли с улицы или все это время прятались в бывшей прачечной? Каллагэн этого не знает. Да ему и без разницы. Потому что кто-то спас, кто-то спас, кто-то сегодня спас его жизнь, и это главное, это все, что имеет хоть какое-то значение. Джордж и Ленни практически прикончили его, не так ли, но кавалерия прибыла в самую последнюю минуту, совсем как в фильме с Джоном Уэйном.

Что Каллагэн хочет, так это поблагодарить своего спасителя. А еще хочет оказаться в машине «скорой помощи» на пути в больницу до того, как Братья Гитлеры оглушат на улице обладателя голоса номер два или у обладателя голоса номер один от волнения случится инфаркт. Он предпринимает еще одну попытку, но опять ему не удается произнести хоть слово. Лишь набор звуков.

Ему освобождают руки, потом ноги. Спаситель не падает, сраженный инфарктом. Каллагэн ложится на спину и видит пухлую белую руку, которая держит скальпель. На третьем пальце перстень-печатка. С раскрытой книгой и надписью под ней: «Ex Libris».^[52] Потом прожектор включается вновь, и Каллагэн прикрывает глаза рукой. «Господи, почему вы это делаете?» — пытается спросить он. Получается что-то вроде: «Го-ч-мы-е», — но обладатель голоса номер один, похоже, его понимает.

— Я думаю, это очевидно, мой раненый друг. Если мы встретимся вновь, это будет нашей первой встречей. Если столкнемся на улице, вы меня не узнаете. Так безопаснее.

Скрип шагов. Прожектор удаляется.

— Мы вызовем «скорую» по телефону-автомату на углу...

— Нет! Не делайте этого! А если они вернутся! — он объят ужасом, поэтому, совершенно неожиданно для себя, четко произносит эти слова.

— Мы посторожим вас, — отвечает голос номер один. Дыхание выровнялось. Его спаситель заметно успокоился. — Я думаю, вполне возможно, что они вернутся. Этот здоровяк очень расстроился из-за того, что им помешали, но, если китайцы правы, я теперь несу ответственность за вашу жизнь. А я человек ответственный. Поэтому, если они таки вернутся, то нарвутся на пулю. И я уже не буду стрелять поверх голов, — силуэт

останавливается. Вроде бы этот мужчина тоже немалого роста. И характер, похоже, у него крепкий. — Они — Братья Гитлеры, друг мой. Вы знаете, о ком я говорю?

— Да, — шепчет Каллагэн. — И вы не собираетесь сказать мне, кто вы.

— Лучше вам не знать, — отвечает мистер Экслибрис.

— Вы знаете, кто я?

Пауза. Вновь шаги. Мистер Экслибрис уже стоит в дверях бывшей прачечной.

— Нет, — говорит он. Потом добавляет. — Священник. Это неважно.

— Как вы узнали, что я здесь?

— Дождитесь «скорой помощи», — голос номер один игнорирует. — Не пытайтесь выбраться отсюда самостоятельно. Вы потеряли много крови и, возможно, у вас повреждены внутренние органы.

С тем он и уходит. Каллагэн лежит на полу, вдыхая запахи отбеливателя, мыла, умягчителя ткани. «Вы стираете или мы, — думает он, — белье все равно будет чистым». Его яйца болят и опухают. Сломанная челюсть болит и опухает. Он чувствует, как опухает все лицо. Он лежит и ждет, то ли приезда машины «скорой помощи», то ли возвращения Братьев Гитлеров. То ли спасения, то ли смерти. И проходит, наверное, вечность, прежде чем он видит свет. И понимает, что на этот раз ему выпал счастливый билет. Он дождался спасения — не смерти.

И жизнь продолжается.

11

— Вот так я оказался в палате 577 той же больницы и в тот же день.

Глаза Сюзанны широко раскрылись.

— Ты серьезно?

— Абсолютно, — кивнул он. — Роуэн Макгрудер умер, мне крепко досталось от Братьев Гитлеров, вот они и определили меня в освободившуюся палату интенсивной терапии. Должно быть, едва успели перестелить постель, и пока медицинская сестра не сделала мне укол морфия, я лежал и гадал, а не войдет ли сейчас в палату миссис Роулингс, чтобы докончить начатое Братьями Гитлерами. Но почему вас это должно удивлять? В наших историях десятки таких вот странных совпадений, не так ли? Вы не задумывались над схожестью написания моей фамилии и Кальи Брин Стерджис?

— Конечно, задумывались, — ответил Эдди.

— Что произошло потом? — спросил Роланд.

Каллагэн улыбнулся, и вот только тут стрелок обратил внимания, что половинки лица священника несимметричны. «Любимый вопрос сказителя, Роланд, но я думаю, мне пора увеличить скорость повествования, иначе мы просидим здесь всю ночь. Тем более, что главная часть, та, что вы действительно хотите услышать, последняя».

«Тебе, возможно, так и кажется», — подумал Роланд, и не удивился бы, узнав, что та же мысль мелькнула у троих его друзей.

— В больнице я провел неделю. Оттуда меня перевезли в центр для выздоравливающих в Куинс. Сначала предложили такой же на Манхэттене, но он ассоциировался у меня с «Домом», мы иногда отправляли туда наших клиентов. Я боялся, что Братья Гитлеры могут меня там найти.

— Нашли? — спросила Сюзанна.

— Нет. Я навестил Роуэна в палате 577 больницы «Риверсайд» и сам оказался в той же

палате 19 мая 1981 года. Меня отвезли в Куинс вместе с тремя другими выздоравливающими 25 мая. А еще через шесть дней, когда я уже собирался выписаться и уехать из города, мне на глаза попалась заметка в «Пост». Не на первой полосе, но в первой тетрадке. «ДВОЕ МУЖЧИН ЗАСТРЕЛЕНЫ НА КОНИ-АЙЛЕНДЕ, — гласил заголовок. — КОПЫ ГОВОРЯТ: ПОХОЖЕ, МАФИОЗНАЯ РАЗБОРКА». А все потому, что лица и руки сожгли кислотой. Однако, копы смогли идентифицировать покойников: Нортон Рэндолф и Уильям Гартон, оба из Бруклина. Напечатали в газете и из фотографии. Из полицейского архива. Обоих не раз арестовывали. Именно они схватили меня. Джордж и Ленни.

— Ты думаешь, с ними разобрались слуги закона, не так ли? — Да. Заказ-то они не выполнили.

— В статье имелся намек на то, что они — Братья Гитлеры? — спросил Эдди. — Потому что мы еще долго пугали друг друга этими парнями.

— В этой — нет, но таблоиды выдвигали такие версии, и я думаю, что криминальные репортеры, которые разрабатывали эту тему, знали, что Рэндолф и Гартон и есть Братья Гитлеры, потому что потом предпринимались лишь жалкие попытки их имитировать, но ни один из таблоидов не станет убивать пугало, потому что пугало поднимает тираж.

— Да, тебе крепко досталось, — сказал Эдди.

— Вы еще не дослушали до конца. Самое вкусное впереди.

Роланд опять крутанул пальцами, но на этот раз его жест вроде бы не призывал Каллагэна поторопиться с продолжением. Он свернул самокрутку и выглядел на удивление спокойным и всем довольным. Только Ыш, который спал у ног Джейка, мог потягаться с ним в удовлетворенностью жизнью.

— Я искал глазами переходный мост, когда уезжал из Нью-Йорка во второй раз, пересекая Гудзон по МДВ, с книгой на коленях и бутылкой в бумажном пакете, — продолжил Каллагэн, — но пешеходный мост исчез. За несколько последующих месяцев я только изредка видел тайные хайвеи, и лишь пару раз мне в руки попали купюры с Шедбурном. Все они куда-то подевались. Зато мне встречалось множество вампиров третьего типа, помнится, я еще подумал, что они расползаются по стране. Но я их не убивал. Такое желание у меня пропало, так же, как у Томаса Харди пропало желание писать романы, а у Томаса Харта Бентона — расписывать стены. «Эти же москиты, — думал я. — Пусть живут». Обычно я приезжал к какой-то город, находил отделение «Броуни мен», «Менпауэр», «Джоб гай» и определялся с баром, в котором чувствовал себя, как дома. Отдавал предпочтение заведениям, которые напоминали мне «Американо» или «Бларни стоун» в Нью-Йорке.

— Другими словами, тебе нравилось не только выпить, но и закусить чем-нибудь горячим, — вставил Эдди.

— Совершенно верно, — во взгляду Каллагэна ясно читалось, что он видит в Эдди родственную душу. — И я вел себя пристойно до самого отъезда из города. То есть напивался в моем любимом баре, а заканчивал вечер, орал, ползал по земле, блевал, в другом месте. Обычно, *al fresco*.

— Что... — начал Джейк.

— Это значит, на свежем воздухе, сладенький, — пояснила Сюзанна. Взъерошила ему волосы, потом скривилась и прижала руку к животу.

— Ты в порядке, сэй? — спросила Розалита.

— Да, но иногда пучит живот. Ничего страшного, пара глотков воды все исправит.

Розалита поднялась, похлопала Каллагэна по плечу.

— Продолжай, отец, а не то мы просидим здесь до двух ночи и горные кошки придут из пустоши до того, как ты закончишь.

— Хорошо, — кивнул Каллагэн. — Я пил, пил каждый вечер, и всем, кто хотел слушать, рассказывал о Люпе, Роуэне, его сестре, чернокожем, который подвозил меня в округе Иссакуэна и Руте, возможно, очень веселой, но определенно не сямской кошке.

Так продолжалось, пока я не оказался в Топике. В конце зимы 1982 года. Вот там я и достиг дна. Вы знаете, что это такое, достигнуть дна?

После долгой паузы все кивнули. Джейк думал об уроке мисс Эйвери и экзаменационном сочинении, Сюзанна вспомнила «Оксфорд Миссисипи», Эдди — берег Западного моря, где он наклонился над человеком, который стал его дином, старшим, с намерением перерезать ему горло, потому что Роланд не разрешал пройти через одну из волшебных дверей за дозой героина.

— Для меня дном стала тюремная камера, — уточнил Каллагэн. — Осознал я это ранним утром, относительно трезвым. Я находился не в обезьяннике для пьяниц, а именно в камере, с одеялом на койке и даже сиденьем на унитазе. В сравнении с местами, где мне довелось побывать, я попал в номер роскошного отеля. Единственно, что мешало, какой-то кретин, выкрикивающий фамилии... и эта песня.

12

Свет, падающий через маленькое, забранное решеткой окно, серый, вот и кожа у него в таком свете серая. А руки грязные и в царапинах. Под некоторыми ногтями черное (грязь), под другими — бурое (засохшая кровь). Он смутно помнит, что дрался с кем-то, называвшем его сэр, и понимает, что в камеру, возможно, попал по очень популярной статье 48 уголовного законодательства: нападение на сотрудника полиции, находящегося при исполнении. В голове постепенно проясняется, он вспоминает, что коп был совсем ребенок (должно быть, в Топике берут в полицию и детей, стоит им научиться пользоваться горшком). Он еще пытался объяснить ему, что всегда ищет новых приключений и всегда носит шапку, потому что у него на лбу отметина Каина. «Выглядит, как крест, — он вспоминает, что произносил эти слова (или пытался произнести), — но это Ошмешина Хаина». Со скобами в местах переломов, удерживающими вместе куски челюсти, произнести лучше «отметина Каина» у него не получалось.

Вчера он, конечно, крепко набрался, но сегодня чувствует себя не так уж и плохо, сидя на койке, приглаживая рукой взлохмаченные волосы. Во рту вкус не очень, такое ощущение, что Рута, сямская кошка, воспользовалась им вместо туалета, если уж хотите знать правду, зато голова не болит, как обычно бывает после пьянки. Если бы только смолкли эти крики. Но в конце коридора кто-то выкликает фамилии из бесконечного списка, строго по алфавиту. А чуть ближе другой человек поет его наименее любимую песню: «Кто-то спас, кто-то спас, кто-то сегодня спас мне жизнь...»

— Нейлор!.. Ноутон!.. О'Коннор!.. Ословски!.. Осмер!.. О'Шоннесси!..

И только до него доходит, что песню поет он сам, как в голених начинается дрожь. Поднимается к коленям, усиливается. Он видит, как мышцы ног сжимаются и растягиваются. Что с ним происходит?

— Палмгрен!.. Палмер!..

Дрожь захватывает пах, нижнюю часть живота. Его трусы темнеют в том месте, куда он выплеснул струю мочи. Одновременно ноги начинают взлетать в воздух, опускаться и снова взлетать, словно он пытается обеими ногами отбивать невидимые мячи. «У меня припадок, — думает он. — Вот в чем дело. Я сейчас отключусь». Пытается позвать на помощь, но из горла

вырывается тихое хрипение. Руки начинают подниматься и опускаться. Ногами он по-прежнему отбивает невидимые мячи, руки не отстают от ног, а дальше по коридору этот урод все выкрикивает и выкрикивает фамилии.

— Петерс!.. Пешнер!.. Пийк!.. Полович!.. Ранкор!.. Ранс!..

Верхняя половина туловища Каллагэна начинает дергаться. С каждым разом, когда ее бросает вперед, ему все труднее удерживать равновесие, он все ближе к тому, чтобы повалиться на пол. Его руки взлетают вверх и опускаются вниз. Он выбрасывает ноги вперед, ставит на пол. Потом в заднице внезапно возникает теплый блин, и он понимает, что только что справил в трусы большую нужду.

— Рикуперо!.. Робиллард!.. Росси!..

Его отбрасывает назад, до самой выбеленной бетонной стены, на которой кто-то написал «БАНГО СКЭНК» и «У меня только что случился 19-ый нервный припадок». Потом бросает вперед, он падает на колени, сгибается пополам, как мусульманин во время утренней молитвы. С мгновение смотрит на бетонный пол между голыми коленями, теряет равновесие, прикладывается к полу лицом, в трех местах челюсть ломается повторно. Но четыре, должно быть, магическое число, поэтому на этот раз он ломает еще и нос. Лежит на полу, дергаясь, словно выброшенная на берег рыба, марая тело кровью, говном, мочой. «Да, я умираю», — думает он.

— Рульян!.. Санелли!.. Сear!..

Но постепенно амплитуда судорог уменьшается, они переходят в крупную дрожь, потом в мелкую. Он думает, что кто-то должен подойти, помочь ему, но никто не приходит, поначалу. Наконец, его перестает трясти, и он, Доналд Френк Каллагэн, оставшись в сознании, не отключившийся, лежит на полу камеры в полицейском участке города Топика, штат Канзас, а дальше по коридору какой-то человек, все выкрикивает фамилии, строго в алфавитном порядке.

— Сейви!.. Серроу!.. Сетцер!..

Внезапно, впервые за эти месяцы, он думает о том, как кавалерия прибыла на подмогу в тот самый момент, когда Братья Гитлеры готовились изрезать его на куски в бывшей прачечной на Восточной Сорок седьмой улице. И точно изрезали бы, а днем или двумя позже кто-нибудь случайно обнаружил бы Доналда Френка Каллагэна, покойником и с яйцами, подвешенными к ушам вместо сережек. Но кавалерия прибыла и...

«Не кавалерия, — думает он, лежа на полу, его лицо вновь опушает, новое лицо становится прежним лицом. — Голос номер один и голос номер два». Только и это не совсем верно. Двое мужчин, среднего возраста, причем ближе к пожилому. Мистер Экслибрис и мистер Гей Кокниф Ен Йом, что бы сие не означало. Оба перепуганные до смерти. И они имели право на испуг. Братья Гитлеры, возможно, не порезали тысячу людей, как хвастался Ленни, но порезали многих, а нескольких и убили, они были абсолютными отморозками, так что мистер Экслибрис и мистер Гей Кокниф имели полное право на испуг. Все для них обернулось хорошо, но могло и не обернуться. Что бы произошло, если бы Джордж и Ленни развернули ситуацию с точностью до наоборот? Тогда в бывшей прачечной «Бухта Черепахи» тот, кто заглянул бы туда первым, нашел не один труп, а три. И уж об этот «Пост» точно написала бы на первой полосе! Эти парни рисковали своей жизнью, а теперь, по прошествии шести или восьми месяцев, посмотрите, ради кого они шли на такой риск: грязный, изможденный, никчемный пьяница, обоссавшийся и обосравшийся. Не отрывающийся от бутылки ни днем, ни ночью.

В тот самый момент все и происходит. Дальше по коридору голос все бубнит фамилии: Спрэнг, Стивард, Судли. В этой камере мужчина, лежащий на грязном полу в сером свете зари, наконец-то достигает дна, то есть, по определению, того уровня, ниже которого спуск невозможен, если, конечно, не брать лопату и не начинать копать.

Он лежит, смотрит прямо перед собой, параллельно полу, видит пылинки и комья грязи, которые кажутся ему холмами. Он думает: «Что у нас сейчас? Февраль? Февраль 1982 года? Что-то в этом роде. Ладно, вот что я тогда говорю. Даю себе год на исправление. Год, чтобы доказать, что эти двое не зря пошли на риск. Если у меня получится, живу дальше. Если буду пить и в феврале 1983 года, покончу с собой».

Крикун тем временем добрался до фамилии Таргенфилд.

13

Каллагэн замолчал. Пригубил кофе, скорчил гримасу и налил себе сладкого сидра.

— Я знал, с чего начинается подъем. Видит Бог, достаточно часто водил опустившихся на дно пьяниц на собрания «АА» в Ист-Сайде. Поэтому, когда меня выпустили, я нашел отделение «АА» в Топике и начал каждый день ходить на собрания. Вперед не смотрел, назад не оглядывался. «Прошное — история, будущее — тайна», — говорят они. Только на этот раз, вместо того, чтобы сидеть в задних рядах и молчать, я заставлял себя выходить вперед и, когда все представлялись, говорить: «Я — Дон К. и я не хочу больше пить». Я хотел, каждый день хотел, но у «АА» есть изречения на все случаи жизни. По этому поводу они говорят: «Притворяйся, пока не добьешься своего». И мало помалу, я добился. Одним утром осенью 1982 года проснулся и понял, что выпить мне не хочется. Отделался, можно сказать, от вредной привычки.

Я переехал. В первый год трезвости не рекомендуется что-то резко менять в жизни, но однажды в парке Гейджа, точнее, в Рейнском розарии... — он замолчал, глядя на них. — Что? Вы знаете, о чем я? Только не говорите мне, что знаете Рейнский розарий!

— Мы там были, — ответила Сюзанна. — Видели детский поезд.

— Это потрясающе, — выдохнул Каллагэн.

— Это девятнадцать часов и поют птички, — сказал Эдди. Без тени улыбки.

— Короче, в розарии я увидел первый постер. «НЕ ВИДЕЛИ ЛИ ВЫ КАЛЛАГЭНА, НАШЕГО ИРЛАНДСКОГО СЕТТЕРА. ШРАМ НА ЛАПЕ, ШРАМ НА ЛБУ. ЩЕДРОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ». И так далее, и так далее. Наконец-то они правильно написали мою фамилию. Вот я и решил, что пора сматываться. Поехал в Детройт, там нашел ночлежку, которая называлась «Лайтхауз». Для алкоголиков. Тот же «Дом», только без Роуэна Мадругера. Они делали много хорошего, но едва сводили концы с концами. Я стал им помогать. Работал там и в декабре 1983 года, когда это случилось.

— Что случилось? — спросила Сюзанна.

Ответил ей Джейк Чеймберз. Он знал, единственный из них всех, кто мог знать. В конце концов, то же самое случилось и с ним.

— Именно тогда ты и умер.

— Да, совершенно верно, — удивления Каллагэн не выказал. Словно они обсуждали урожайность риса или возможность работы Энди на ан-томной энергии. — Именно тогда я и умер. Роланд, тебя не затруднит скрутить для меня самокрутку? Мне нужно что-то покрепче сидра.

14

В «Маяке» есть давняя традиция, которая выдерживается все четыре года

существования ночлежки. Речь идет об обеде в День благодарения, который устраивается в спортивном зале средней школы «Святое имя», расположенной на западной части улицы Конгресса. Алкоголики украшают зал гирляндами из оранжевой и коричневой бумаги, картонными индейками, пластмассовыми овощами и фруктами. Другими словами, американскими амулетами жатвы. Чтобы попасть на этот обед, нужно как минимум две недели ходить трезвым. Не допускались на обед, об этом договорились Уэрд Хакман, Эл Маккоуэн и Дон Каллагэн, и те, кто от выпивки становились буйными, независимо от того, сколько времени они не брали в рот спиртного.

В День индейки около сотни лучших детройских алкоголиков, наркоманов и просто бездомных собираются в «Святом имени» на прекрасный обед с индейкой, картофельным пюре, закусками. Они сидят за десятком столов, поставленных на баскетбольной площадке (ножки подбиты фетром, гости в носках). Перед нем, как сесть и наброситься на еду, и это тоже элемент традиции, они ходят вокруг столов («Это займет не больше десяти секунд, а потом мы начнем», — заранее предупреждает их Эл), и каждый говорит, за что он благодарен. Поскольку это День благодарения, да, да, а также потому, что один из постулатов программы «АА» состоит в том, что благодарный пьяница не пьет, а благодарный наркоман не закидывается и не ширяется.

Все действительно происходит очень быстро, Каллагэн ни о чем особо не думает, плывет по течению, а в результате, когда приходит его очередь, едва не выпаливает то, что может навлечь на него серьезные неприятности. В наилучшем варианте сложится мнение, что у него более чем странное чувство юмора.

— Я благодарен, что в... — тут до него доходит, что он собирается сказать, и буквально прикусывает себе язык. Они смотрят на него, ожидая продолжения, небритые мужчины и женщины с бледными, одутловатыми лицами, от которых идет тяжелый запах станций подземки. Некоторые уже зовут его отцом, и откуда они это знают? Как могли узнать? Неужели не чувствуют, что у него холодеет внутри, когда он слышит такое обращение? Но они смотрят на него. «Клиенты». Смотрят и Уэрд с Элом.

— Я благодарен, что не прикасался сегодня ни к спиртному, ни к наркотикам, — говорит он то, что понятно каждому. Они что-то одобрительно бормочут, и стоящий рядом мужчина говорит: «Я благодарен, что моя сестра разрешила прийти к ней домой на Рождество». И никто не узнал, что Каллагэн едва не сказал: «Я благодарен, что в последнее время не видел вампиров третьего типа и постеров поиска пропавших домашних животных».

Он думает, что заклятье Барлоу наконец-то снято с него, потому что Господь принял его в свое лоно, пусть и на испытательный срок. Другими словами, он думает, что потерял способность видеть вампиров. Он, конечно, не пытается проверить свою догадку посещением церкви, ему хватает и гимнастического зала средней школы «Святое имя». Ему даже не приходит в голову, во всяком случае, на сознательном уровне, что на этот раз они хотят обложить его со всех сторон, действуют осторожно, чтобы не спугнуть. И пусть учатся они медленно, но, тем не менее, учатся, в чем Каллагэну еще предстоит убедиться.

А потом, в начале декабря, Уэрд Хакман получает удивительное письмо. «Рождество в этом году приходит раньше, Дон! Посмотри, что я тебе сейчас покажу, Эл! — он торжествующе машет письмом. — Если мы правильно разыграем эту партию, парни, наши тревоги о следующем годе рассеются, как дым!»

Эл Маккоуэн берет письмо и, по мере того, как читает его, недоверие и сдержанность, написанные на его лице, начинают таять. А к тому времени, когда он передает письмо Дону, его рот растянут в широченной, от уха до уха, улыбке.

Письмо от большой компании с отделениями в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Денвере,

Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. Бумага такая приятная на ощупь, что хочется вишить ее в рубашку, чтобы она ласкала кожу. В письме говорится о том, что компания намеревается пожертвовать двадцать миллионов долларов двадцати благотворительным организациям, работающим в Соединенных Штатах Америки, по миллиону каждой. В письме говорится, что компания намерена перевести деньги до конца календарного 1983 года. Среди потенциальных получателей денег — бесплатные столовые, ночлежки для бездомных, две клиники для неимущих, программа создания вакцины против СПИДа, которую реализуют в Спокане. Одна из ночлежек — «Маяк». Подписано Ричардом П. Сейром, исполнительным вице-президентом, г. Детройт. Все пристойно и убедительно, и приглашение всех троих в офис детройтского отделения компании с тем, чтобы обсудить формальности, связанные с передачей денег, тоже пристойно и убедительно. Дата совещания, которая станет и датой смерти Доналда Каллагэна: 19 декабря 1983 г. Понедельник.

Письмо отпечатано на фирменном бланке. В шапке название компании: «СОМБРА КОРПОРЕЙШН».

— Ты пошел, — в голосе Роланда вопросительные интонации отсутствовали.

— Мы все пошли, — ответил Каллагэн. — Если бы пригласили меня одного, я бы не пошел. Но, поскольку пригласили нас троих... и хотели пожертвовать нам миллион долларов... вы можете представить себе, что значил миллион баксов для такой ночлежки, как «Маяк»? Особенно в годы правления Рейгана?

Сюзанна вздрогнула от неожиданности. Эдди бросил на нее торжествующий взгляд. Каллагэну хотелось спросить, в чем причина, но Роланд вновь крутанул пальцы, торопя его с рассказом, и действительно, время было позднее. Хотя члены ка-тета Роланда не выглядели сонным: все жадно ловили каждое слово Каллагэна.

— Вот к какому я пришел выводу, — он наклонился вперед. — Вампиры и слуги закона определенно связаны друг с другом. Я думаю, если проследить эти связи, то они выведут на темную страну. Тандерклеп.

— У меня в этом нет ни малейшего сомнения, — синие глаза Роланда блеснули на бледном, усталом лице.

— Вампиры, за исключением первого типа, глупы. Слуги закона умнее, но не намного. Иначе мне бы не удалось так долго уходить от них. Но потом руководство операцией взял на себе кто-то другой. Как я представляю себе, агент Алого Короля, кем бы он ни был. Слугам закона велели держаться от меня подальше. Вампирам — тоже. В последние месяцы я не видел ни одного постера розыска пропавших домашних животных, ни одной надписи мелом на тротуарах Западной Форт-стрит или Джефферсон-авеню. Кто-то отдал соответствующие приказы, теперь-то мне это ясно. Кто-то умный. И миллион долларов! — он покачал головой. Горькая улыбка искривила губы. — Вот что ослепило меня. Деньги, ничего больше... «О, да, они будут потрачены на благие дела!» — говорил я себе. Мы и друг другу это говорили. «Мы обречем финансовую независимость как минимум на пять лет! Больше нам не придется ходить в городской совет Детройта, вымаливая подачки!» Все так. И только гораздо позже мне открылась еще одна истина, очень простая: жадность даже в благом деле остается жадностью.

— Что произошло? — спросил Эдди.

— Мы пришли на встречу, — Каллагэн мрачно усмехнулся. — В Тишман-Билдинг, номер 982 на Мичиган-авеню, один из самых респектабельных деловых адресов Детройта. В

шестнадцать часов двадцать минут, 19 декабря.

— Странное время для совещания, — заметила Сюзанна.

— Мы тоже так подумали, но кто будет обращать внимание на такие мелочи, когда на карте стоит миллион долларов? После короткой дискуссии мы согласились с Элом, вернее, с матерью Эла. Она сказала, что на важные встречи положено приходить на пять минут раньше, не больше и не меньше. Поэтому в вестибюль Тишман-Билдинг мы вошли в 16:10, в парадных костюмах. Нашли на доске-указателе «Сомбра корпорейшн», поднялись на тридцать третий этаж.

— Вы проверили, что это за компания? — спросил Эдди.

Каллагэн посмотрел на него кивнул.

— Согласно той информации, которую мы нашли в библиотеке, «Сомбра» — корпорация закрытого типа, то есть ее акций на бирже нет, которая в основном занималась покупкой других компаний. Области специализации — высокие технологии, недвижимость и строительство. Об активах корпорации нигде ничего не сообщалось. Коммерческая тайна.

— Компанию зарегистрировали в США? — спросила Сюзанна.

— Нет. В Нассау, на Багамах.

Эдди вздрогнул, вспомнив те дни, когда перевозил кокаин, и типа с бледным, болезненным лицом, от которого получил последнюю партию товара.

— Я там бывал. Но из «Сомбра корпорейшн» никого не видел.

Правда ли это? Допустим, тот тип с бледным лицом и английским акцентом работал на «Сомбру»? Разве трудно предположить, что, помимо прочего, они занимались и торговлей наркотиками. Эдди полагал, что нет. Вот откуда могла потянуться ниточка в Энрико Балазару.

— Во всяком случае, корпорация присутствовала в соответствующих справочниках и ежегодниках. Мало известная, но богатая. Я не знаю, в ту ли «Сомбру» мы приходили, теперь мне кажется, что практически все люди, которых мы увидели на тридцать третьем этаже — актеры, и их специально набрали, чтобы разыграть для нас этот спектакль, но, скорее всего, существовала и настоящая «Сомбра корпорейшн».

Мы вышли из кабины лифта на тридцать третьем этаже. Попали в роскошную приемную. На стенах — картины французских импрессионистов, кого же еще, за столом — ослепительно красивая секретарь. Если ты — мужчина, уж прости меня, Сюзанна, и видишь такую женщину, то тебе кажется, что ты будешь жить вечно, если сможешь прикоснуться к ее груди.

Эдди загоготал, искоса глянул на Сюзанну, тут же замолчал.

— Часы показывали 16:17. Нам предложили сесть. Что мы и сделали, очень нервничая. Люди приходили и уходили. То и дело слева от нас открывалась дверь и мы видели большой зал, разделенный перегородками на отдельные комнатки, в каждой из которых стоял стол, а за ним работал человек. Звенели телефоны, взад-вперед сновали секретари, гудел большой «ксерокс». Если все это подстроили, а я думаю, что так оно и было, то не менее тщательно, чем на съемочной площадке в Голливуде. Я, конечно, нервничал в ожидании встречи с мистером Сейром, но не больше, чем Эл или Уэрд. И это удивительно, иначе и не скажешь. Я был в бегах восемь лет, практически с того момента, как покинул Салемс-Лот, и обзавелся очень неплохой системой раннего оповещения, но в тот день она даже не пискнула. Полагаю, если б удалось с помощью гадальной доски связаться с Джоном Диллинджером,^[53] он бы сказал то же самое о вечере, когда пошел в кино с Энн Сейдж.

В 16:19 в приемную вышел молодой человек в полосатой рубашке и галстук от «Хьюго Босс». Нас провели по коридору мимо кабинетов, которые занимали важного вида менеджеры, к двойным дверям. На одной висела табличка «КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ». Наш сопровождающий распахнул двери. Сказал: «God luck, gentlemen». He good luck, a god luck.^[54] Вот тут и

включилась система охранной сигнализации, но слишком поздно. Все произошло очень быстро. Они не...

Все происходит быстро. Они долго охотились за Каллагэном, так теперь времени не теряют. Двери захлопываются за их спинами, очень уж громко и с такой силой, что трясется дверная коробка. Помощники топ-менеджеров, которые сами получают никак не меньше восемнадцати тысяч долларов в год, закрывают двери иначе, с уважением к деньгам и власти, но здесь — не тот случай. Так закрывают двери рассерженные алкоголики или наркоманы. И сумасшедшие. Сумасшедшим очень нравится хлопать дверьми.

Система охранной сигнализации Каллагэна гремит на полную мощь, оглядывая конференц-зал, с большущим окном в дальнем конце, из которого открывается потрясающий вид на озеро Мичиган, он понимает, что на то есть причины, и успевает подумать: «Дорогой Иисус... Мария, мать Божья... как я мог так сглупить?» В конференц-зале тринадцать человек. Трое — слуги закона, и он впервые видит их тяжелые, нездорового цвета лица, поблескивающие красным глаза и полные, женские губы. Все трое курят. Девять — вампиры третьего типа. Тринадцатый — в яркой рубашке и кричащем галстуке, атрибутах слуг закона, все так, но лицо у него худое и хитрое, в глазах светятся ум и черный юмор. На лбу — красный круг крови, которая не капает, но и не свертывается.

Раздается сухой треск. Каллагэн оборачивается и видит, как Эл и Уэрд падают на пол. У дверей, через которые они вошли, стоят еще двое, слуги закона, мужчина и женщина, с электрошокерами в руках.

— С вашими друзьями все будет в порядке, отец Каллагэн.

Он поворачивается. Говорил человек с красным кругом на лбу. Выглядит он лет на шестьдесят, но, возможно, старше. На нем ярко-желтая рубашка и красный галстук. Тонкие губы, расходясь в улыбке, обнажают заостренные зубы. «Это Сейр, — думает Каллагэн. — Сейр, точнее, тот, кто подписал письмо. Тот, кто все это придумал».

— А вот с вами, увы, нет, — добавляет он.

В глазах слуг закона читается легкая скука: вот он, наконец-то нашелся, их потерявшийся пес с обожженной лапой и шрамом на лбу. У вампиров интереса побольше. Их окружает ярко-синяя аура. И тут Каллагэн слышит колокольца. Слабенькие, доносящиеся из далекого далека, но они есть. Зовут его.

Сейр, если это его фамилия, обращается к вампирам. «Это он, — говорит он будничным голосом. — Он убил сотни таких же, как вы, в двенадцати регионах Америки. Мои друзья, — он указывает на слуг закона, — не смогли его выследить и изловить, но, разумеется, их работа — выслеживать менее осторожную дичь, и с ней они прекрасно справляются. В любом случае, он здесь. Давайте, займитесь им. Но не убивайте!»

Он поворачивается к Каллагэну. Красный круг на лбу блестит, но кровь с него не капает. «Это глаз, — думает Каллагэн. — Кровавый глаз». Чей глаз? Кто им смотрит? Откуда?

— Все эти друзья Короля несут в крови вирус СПИДа. Вы знаете, о чем я, не так ли? Мы позволим этому вирусу убить вас. Он навсегда выведет вас из игры, как в этом мире, так и в других. В конце концов, это игра не для таких, как вы. Не для лжепророков.

Каллагэн не медлит ни секунды. Если промедлит, то погибнет. Он боится не СПИДа, он боится прикосновения этих грязных губ, которые будут целовать его точно так же, как губы другого вампира целовали Люпа Дельгадо в проулке. Им не удастся взять над ним верх. После

того, что ему довелось испытать, после всех этих работ-однодневок, после тюремных камер, после того, как в Канзасе он стал таки трезвенником, они не смогут взять над ним верх.

Он не пытается урезонить их. Это не переговоры. Он просто бежит по конференц-залу, огибая справа длинный стол красного дерева. Человек в желтой рубашке, на его лице тревога, кричит: «Хватайте его! Хватайте!» Руки хватают его за пиджак, специально купленный в магазине мужской одежды «Великая река», но соскальзывают. Он успевает подумать: «Окно не разобьется, оно из специального упрочненного стекла, антисуицидного стекла, оно не разобьется...» — и ему достаёт времени попросить помощи у Бога, впервые с того момента, как Барлоу заставил его напиться своей отравленной крови.

— Помоги мне! Пожалуйста, помоги мне! — кричит отец Каллагэн и, плечом вперед, врывается в окно. Чья-то рука бьет его по голове, пытается схватить за волосы, но неудачно. Окно разбивается на мелкие осколки, и его уже обдувает холодный воздух, в котором кружат снежинки. Он смотрит меж черных туфель, тоже специально купленных для этой встречи, видит Мичиган-авеню, по которой снуют автомобили-игрушки и люди-муравьи.

Спиной чувствует, что все они, Сейр, слуги закона и вампиры, от которых требовалось заразить его и навечно вывести из игры, сгрудились у разбитого окна, таращатся на него, не веря своим глазам.

Он думает: «Вот это тоже навечно выведет меня из игры... не так ли?»

И он думает, удивляясь, как ребенок: «Это же моя последняя мысль. Это прощание».

А потом он падает.

17

Каллагэн замолчал и посмотрел, где-то застенчиво, на Джейка.

— Ты это помнишь? — спросил он. — Фактическую... — откашлялся, — ...смерть?

Джейк медленно кивнул.

— А ты — нет?

— Я помню, как смотрел на Мичиган-авеню между моих новых туфель. Помню, как стоял там, как мне показалось, в снежном вихре. Помню, как Сейр за моей спиной что-то кричал на незнакомом языке. Ругался, судя по интонациям. Помню, как подумал: «Он испуган». Практически эта мысль стала моей последней в том мире. О том, что Сейр испуган. Потом я попал в полную темноту. Плавал в ней. Слышал колокольца, но очень далеко. И вдруг они приблизились. Словно смонтировали их на автомобиле, который мчался ко мне с сумасшедшей скоростью.

Возник свет. Я увидел свет в темноте. Подумал, что у меня посмертные ощущения а-ля Кюблер-Росс, и пошел к свету. Для меня не имело значения, куда я выйду, если не превращусь в кровавое месиво на Мичиган-авеню, окруженное толпой зевак. Но я не понимал, как такое могло случиться. Упав с тридцать третьего этажа, в сознание не приходят.

И я хотел уйти как можно дальше от колокольцев. Но они звучали все громче. Глаза начали слезиться. Уши — болеть. Я радовался, что у меня по-прежнему были глаза и уши, но колокольца заглушали эту радость.

Я подумал: «Я должен успеть выскочить в свет». Рванул к нему. И...

18

Он открывает глаза, но еще до того, как открыл их, улавливает запах. Запах сена, очень слабый, почти что сошедший на нет. Можно сказать, призрак запаха. И он? Он тоже призрак?

Он садится, оглядывается. Если это жизнь после жизни, то все святыне книги мира, включая ту, по которой он читал проповеди, неправильные. Потому что это не небеса и не ад: он — в конюшне. На полу валяются выцветшие добела соломинки, должно быть, лежат тут с незапамятных времен. В дожатых стенах щелки, через которые струится яркий свет. Это свет, за которым он следовал из тьмы, думает он. И он думает: «Это свет пустыни». Есть конкретные основания для такого вывода? Возможно. Воздух сухой, когда он втягивает его через нос. словно воздух другой планеты.

«Может, так и есть, — думает он. — Может это планета После Жизни».

Мелодия колокольцев, восхитительная и ужасная, слышна, но звуки ее все тише... тише... пропадают. Он слышит легкой шорох горячего ветра. Ему удастся проникнуть в стойло сквозь щели, и он поднимает с пола несколько соломинок. Они, правда, тут же падают вниз.

Раздается новый звук. Аритмичные удары. Судя по звукам, издает их машина, в которой что-то сломалось. Он встает. В стойле жарко, ладони и лицо покрыты потом. Он оглядывает себя и видит, что парадный костюм, приобретенный в магазине мужской одежды «Великая река» исчез. Он в джинсах и рубашке из «шамбре». На ногах — потрепанные сапоги со стоптанными каблуками. Выглядят они так, словно он отшагал в них многие мили. Он наклоняется и ощупывает ноги. Ни переломов, ни синяков. Ощупывает руки. Целы. Пытается щелкнуть пальцами. Получается, раздается сухой звук, словно сломался сучок.

Он думает: «А если вся моя жизнь — сон? И вот это — реальность? Если так, кто я и что здесь делаю?»

Из теней за его спиной доносятся звуки ударов: «Бух — БУХ — бух — БУХ — бух — БУХ...»

Он поворачивает на звуки и ахает, увидев, что стоит перед ним. А стоит, посреди пустой конюшни, дверь. Не вделана в стену, стоит сама по себе. Петли есть, но, насколько он видит, крепятся к воздуху. На двери написаны какие-то иероглифы. Прочитать их он не может. Подходит ближе, словно надеется, что уменьшение расстояние до двери поможет понять, что к чему. Где-то помогает. Потому что он видит, что ручка двери хрустальная, а на ней выгравирована роза. Он читал Томаса Вульфа: камень, роза, ненайденная дверь; камень, роза, дверь. Камня нет, но, возможно, слово, которое обозначают иероглифы — камень.

«Нет, — думает он. — Нет, слово: НЕНАЙДЕННАЯ. Может, камень — это я».

Он протягивает руку и прикасается к хрустальной ручке. Возможно, это сигнал, («знамение», — думает он) потому что удары смолкают. Очень слабо, очень далеко, ну, очень далеко, он слышит колокольца. Пытается повернуть ручку. Она не поворачивается. Ни по часовой стрелке, ни против. Ни на йоту. словно залита бетоном. Когда он убирает руку, стихает и мелодия колокольцев.

Он обходит дверь, и дверь исчезает. Замыкает круг, и дверь возвращается. Медленно еще трижды обходит дверь, отмечая то место, где она теряет толщину и где обретает ее вновь. Потом обходит дверь в обратном направлении. Результат тот же. Что за черт?

Несколько мгновений он смотрит на дверь, размышляя, потом идет дальше, мимо двери, его интересует машина, грохот которой он слышал. Боли при ходьбе не чувствует, словно и не падал с тридцать третьего этажа, но до чего же в конюшне жарко!

Он видит пустые стойла, груду давнишнего выбеленного временем сена, рядом с ним — аккуратно сложенную попону и доску для резки хлеба. На доске полоска вяленого мяса. Он берет ее, нюхает, пахнет солью. «Вкусно», — думает он, кладет в рот. Насчет отравления не тревожится. Как можно отравить человека, который уже умер?

Жуя, продолжает обследование конюшни. В глубине находит маленькую комнатку. В стенах хватает щелей, так что света вполне хватает, чтобы разглядеть какую-то машину, установленную на бетонированной площадке. Ранее увиденное в конюшне говорит о том, что ею не пользовались уже многие и многие годы, а вот это машина, похожая на доильную, словно только что доставлена с завода. Ни ржавчины, ни пыли. С одной стороны торчит хромированная труба. Внизу — сток. Его стальной кольцевой бурт вроде бы влажный. К машине приклепана маленькая металлическая табличка. Рядом с табличкой — красная кнопка. На табличке написано:

ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ
Ла МЕРКА
834789-AA-45-776019
СЕРДЕЧНИК НЕ ВЫНИМАТЬ
ОБРАТИТЬСЯ К СПЕЦИАЛИСТАМ

На красной кнопке выдавлены буквы: «ВКЛ». Каллагэн вдавливая кнопку. Удары возобновляются и через мгновение-другое из хромированной трубы начинает течь вода. Он подставляет руки. Вода ледяная, под ней разгоряченная кожа немеет. Он пьет. Вода ни сладкая, ни горькая, и он думает: «На больших глубинах никакого вкуса просто нет. Это...»

— Привет, святоша.

От неожиданности Каллагэн вскрикивает. Его руки взлетают вверх, рассыпая капельки-бриллианты. Сверкнув в лучиках солнечного света, пробившихся в щели между досками, они падают на пол. Он разворачивается на стоптанных каблуках. У двери в насосную стоит мужчина в широком плаще, прямо-таки балахоне, с капюшоном.

«Сейр, — думает Каллагэн. — Это Сейр, он последовал за мной, прошел через эту чертову дверь...»

— Успокойся, — говорит человек в плаще. — «Страви давление», — как сказал бы новый приятель стрелка, — добавляет доверительно. — Его имя Джейк, но домоправительница зовет его Бама, — и потом, радостно, как человек, которому в голову только что пришла прекрасная идея. — Я могу тебе его показать! Их обоих! Возможно, еще не поздно! Пошли! — он протягивает руку. Пальцы, появившиеся из рукава, длинные и белые. Неприятные. Как воск. Когда Каллагэн отказывается сдвинуться с места, человек в плаще приводит убедительный довод. — Пошли. Ты же знаешь, что не можешь задержаться здесь надолго. Это всего лишь дорожная станция, тут никто не задерживается. Пошли.

— Кто ты?

Человек в плаще нетерпеливо дергает головой.

— Нет времени на объяснения, святоша. «Имя, имя, что такого важного в имени?» — как кто-то сказал. Шекспир? Вирджиния Вульф? Не упомнишь? Пойдем, и я покажу тебе чудо. И не притронусь к тебе. Пойду впереди. Видишь?

Он поворачивается, полы плаща развеваются, как юбка или вечернее платье. Он уходит в конюшню и, секундой спустя, Каллагэн следует за ним. В насосной ему все равно делать нечего. Насосная — это тупик. Выйдя из конюшни, он сможет убежать.

Убежать куда?

Вот там и будет видно, не так ли?

Человек в плаще, проходя мимо отдельно стоящей двери, стучит по ней костяшками пальцев. «Постучать по дереву, это к удаче», — радостно возвещает он и, когда ступает на

яркий прямоугольник свете, падающего сквозь распахнутые ворота конюшни, Каллагэн видит: незнакомец что-то несет в левой руке. Это ящик, по форме — куб, со стороной примерно в один фут. По виду сделан из того же дерева, что и дверь. А может, из более прочного и тяжелого дерева. В том, что он темнее двери, сомнений нет.

Не сводя глаз с человека в плаще, чтобы остановиться, едва остановится он, Каллагэн следует за ним в солнечные лучи. За пределами конюшни еще жарче, с такой жарой он сталкивался лишь в Долине смерти. И точно, стоило выйти за ворота, он убеждается, что вокруг пустыня. С одной стороны — полуразрушенное здание, возведенное на фундаменте из блоков песчаника. Должно быть, когда-то это была гостиница, думает он. Или тут снимался какой-нибудь вестерн. С другой стороны — загон для скота, но столбы и перекладины в основном валяются на земле. А вокруг мили песка и торчащих из него камней. Ничего, кроме...

Нет! Что-то есть! Два что-то! Две крохотные движущиеся точки на самом горизонте! — Ты их видишь! У тебя отменное зрелище, святоша!

Человек в плаще, плащ — черный, лицо — белое пятно под капюшоном, стоит в двадцати шагах от него. Он хихикает. Звуки эти нравятся Каллагэну не больше, чем вид восковых пальцев. Звук мышей, перебирающихся через кости. Вроде бы ерунда, но...

— Кто они? — осипшим голосом спрашивает Каллагэн. — Кто ты?

Человек в черном картинно вздыхает.

— Слишком долгая история, слишком мало времени. Зови меня Уолтер, если хочешь. Что же касается этого места, то мы на дорожной станции, как я тебе и говорил. Маленькая промежуточная остановка между гудком отправления в твоём мире и радостными криками встречающих в последующем. О, ты считал себя повидавшим виды странником, не так ли? Потому что прошелся по твоим тайным хайвеям? Но только теперь, святоша, у тебя началось настоящее путешествие.

— Перестань так меня называть! — кричит Каллагэн. В горле у него уже пересохло. Жаркие солнечные лучи просто давят на голову.

— Святоша, святоша, святоша! — тараторит человек в черном, словно капризный ребенок, но Каллагэн знает, что в душе незнакомец смеется над ним. Он чувствует, что этот человек в черном, если он человек, в душе смеется над многим. — Ну ладно, не стоит из-за этого ссориться. Я буду звать тебя Дон. Тебя это устроит?

Черные точки на горизонте то исчезают, по появляются в стоящем над пустыней мареве. А скоро исчезнут совсем.

— Кто они? — спрашивает он человека в черном.

— Люди, которых тебе никогда не встретить, — мечтательно отвечает человек в черном. Капюшон чуть сдвигается. Каллагэн видит восковую линию носа и глазницу, заполненную черной жидкостью. — Они умрут под горами. Если не умрут под горами, в Западном море есть чудовища, которые сожрут их живьем. «Дод-а-чок!» — вновь он смеется. — Но...

«Но ты в этом не уверен, друг мой», — думает Каллагэн.

— Если даже они преодолеют все препятствия, — говорит Уолтер, — вот это их убьет, — он поднимает ящик. И вновь Каллагэн слышит неприятное звяканье колокольцев. — И кто сведет их вместе? Ка, разумеется, однако даже ка нужен друг, каи-маи. И этот друг — ты.

— Я не понимаю.

— Не понимаешь, — с грустью соглашается человек в черном, — а у меня нет времени на объяснения. Как Белый Кролик в «Алисе», я опаздываю на очень важное свидание. Они преследуют меня, видишь ли, а мне пришлось вернуться, чтобы поговорить с тобой. Так что я

занят-занят-занят! Теперь я должен вновь их обгонять... как еще я могу приманить их к себе? Ты и я, Дон, должны завершать нашу беседу, к сожалению, такую короткую. Возвращаемся на станцию, амиго. Шустро, как кролики!

— А если я не хочу! — да только разве у него есть варианты? Менее всего ему хочется возвращаться в конюшню. Может, попросить этого типа отпустить его и попытаться догнать людей, превратившихся в точки на горизонте? Что, если он скажет человеку в черном: «Вот где я должен быть, и твоя ка хочет, чтобы я был там»? Но он заранее знает ответ. С тем же успехом можно плевать против ветра.

Словно в подтверждение его слов Уолтер говорит:

— Хочешь ты или нет, значения не имеет. Ты пойдешь, куда направляет тебя Король, и там будешь ждать. Если эти двое умрут в пути, а так, скорее всего и произойдет, ты будешь спокойно жить в том месте, куда я тебя пошлю, и там и закончишь свои дни, после долгих лет жизни, возможно, с ложным, но, безусловно, приятным осознанием, что ты искупил свои грехи. Ты будешь жить на своем уровне Башни после того, как я давно превращусь в тлен на моем. Это я обещаю тебе, отец, ибо видел все в магическом кристалле, так что говорю правду! А если их ничто не остановит? Если они придут в то место, где будешь ты? Что ж, в этом крайне маловероятном случае ты будешь всеми силами помогать им и, помогая, убьешь их. Есть от чего рехнуться, не так ли? Ты согласен со мной?

И он направляется к Каллагэну. Тот отступает к конюшне, где ждет ненайденная дверь. Он не хочет туда идти, но больше некуда.

— Не подходи ко мне, — говорит он.

— Нет, — отвечает Уолтер, человек в черном. — Не могу, — он протягивает ящик Каллагэну. И одновременно хватается за крышку.

— Нет! — вскрикивает Каллагэн. Потому что не хочет, чтобы человек в черном открыл ящик. В нем находится что-то ужасное, его содержимое может ужаснуть даже Барлоу, злобного вампира, который заставил Каллагэна испить его крови и отправил странствовать по всей Америке, как капризного ребенка, компания которого ему надоела.

— Продолжай идти и, возможно, я его не открою, — издевается над ним Уолтер.

Каллагэн пятится к конюшне. Скоро он уже под крышей. И с этим ничего не поделаешь. Он физически чувствует, как сокращается расстояние до односторонней двери.

— Ты жесток! — выплевывает он.

Глаза Уолтера широко раскрываются, на мгновение на лице читается глубокая обида. Это, возможно, абсурд, но Каллагэн заглядывает в запавшие глаза человека в черном и убежден, что чувство истинное. А потому теряет последнюю надежду, что происходящее с ним — сон или некая интерлюдия перед смертью. В снах, во всяком случае, его снах, плохиши, злодеи, являли собой чистое зло, не проявляли каких-либо эмоций.

— Я такой, каким меня сделали ка, Король и Башня. Мы все такие. Мы загнаны в рамки, из которых нам не выйти.

Каллагэн вспоминает Запад, по которому путешествовал в других реальностях: заброшенные силосные башни, закаты, которыми никто не любовался, длинные тени, собственную горькую радость от осознания того, что он тащит за собой свою клетку, звяканье держащих его цепей, превращающееся в сладкую музыку.

— Знаю, — говорит он.

— Да, вижу, что знаешь. Не останавливайся.

Каллагэн пятится по конюшне. Вновь до него долетает слабый запах сена давно ушедших дней. Детройт кажется галлюцинацией. Как и все воспоминания об Америке.

— Не открывай ящик, — говорит Каллагэн, — и я не остановлюсь.

— А ты прекрасный святоша, знаешь ли.

— Ты обещал не называть меня так.

— Обещания даются для того, чтобы их нарушать, святоша.

— Не думаю, что ты сможешь убить его, — говорит Каллагэн.

Уолтер морщится.

— Это дело ка, не мое.

— Может, и ка не удастся. Предположим, он выше ка?

Уолтера отбрасывает назад, как от удара. «Я богохульствую, — думает Каллагэн. — А для этого человека, полагаю, такое — не подвиг».

— Никто не может быть выше ка, лжепророк, — бросает ему человек в черном. — А комната на вершине башни пуста. Я это знаю.

И хотя Каллагэн не уверен, что понимает, о чем толкует человек в черном, отвечает он быстро и уверенно.

— Ты не прав. Бог есть. Он ждет и наблюдает за всем со своего высокого трона. Он...

Слишком много и разного происходит практически одновременно. Слышатся глухие удары: заработал насос. Зад Каллагэна упирается в тяжелое, гладкое дерево двери. Человек в черном протягивает Каллагэну ящик, одновременно открывая его. И его капюшон откидывается назад, открывая бледное, оскаленное лицо, очень уж похожее на морду горноста (это не Сейр, но на его лбу такой же красный круг, открытая рана, кровь в которой не капает и не свертывается), лицо хитрого, скользкого типа. И Каллагэн видит, что находится в ящике, видит Черный Тринадцатый, лежащий на красном бархате, как глаз какого-то чудовища, выросшего не под сенью Господа. От одного только его вида Каллагэн начинает кричать, ибо чувствует безмерную силу магического кристалла: Черный Тринадцатый может забросить его куда угодно, а то и просто в никуда. А тут еще открывается дверь. Даже в охватившей его панике, чего там, ужасе, Каллагэн успевает подумать: «Поднятие крышки ящика открывает дверь». Он продолжает пятиться, уже в другую реальность. Слышит пронзительные голоса. Один из них — Люпа, он спрашивает Каллагэна, почему тот позволил ему умереть. Другой принадлежит Роуэне Магрудер, которая говорит ему, что это и есть другая жизнь, и как она ему нравится? Его руки поднимаются, чтобы закрыть уши, когда один старый сапог цепляется за другой и он начинает валиться на спину, думая, что за дверью Ад, что человек в черном втолкнул его в настоящий Ад. И когда его руки поднимаются на уровень груди, человек в черном, передает ему открытый ящик. А шар движется. Поворачивается, как глаз в невидимой глазнице. И Каллагэн думает: «Он живой, это украденный глаз какого-то ужасного монстра, который живет за пределами вселенной, на пределах Бога и, о Боже, он видит меня!»

Но он берет ящик. Менее всего на свете он хочет его взять, но не может остановить себя. «Закреть, я должен закрыть его», — думает Каллагэн, но он падает, зацепился ногой за ногу (или ка человека в черном зацепила одну его ногу за другую), падает, одновременно поворачиваясь. Откуда-то снизу его зовут голоса прошлого, упрекают (его мать хочет знать, почему он позволил этому грязному Барлоу сломать крест, который она привезла ему из Ирландии) и, в это трудно поверить, человек в черном радостно кричит вслед: «Bon Voyage, [\[55\]](#) святоша».

Каллагэн ударяется об каменный пол. Он усыпан костями мелких животных. Крышка ящика закрывается и он чувствует безмерное облегчение... но она поднимается вновь, очень медленно, и он снова видит глаз.

— Нет, — шепчет Каллагэн. — Пожалуйста, нет.

Но он не может закрыть ящик, силы его иссякли, а сам ящик не закрывается. Внутри черного глаза возникает красная искорка, растет... растет. Ужас переполняет Каллагэна,

сдавливает горло, угрожает остановить сердце. «Это Король, — думает он. — Это Глаз Алого Короля, посредством которого он обзирает мир, сидя в Темной Башне. А сейчас он видит меня».

— НЕТ! — кричит Каллагэн, лежа на полу пещеры к северу от Кальи Брин Стерджис, где вскорости ему предстоит обосноваться. — НЕТ! НЕТ! НЕ СМОТРИ НА МЕНЯ! О, РАДИ ЛЮБВИ ГОСПОДА, НЕ СМОТРИ НА МЕНЯ!

Но Глаз смотрит, и Каллагэн не выдерживает этого безумного взгляда. Лишается чувств. Вновь откроет глаза только через три дня, уже среди Мэнни.

Каллагэн устало посмотрел на них. Полночь пришла и ушла, мы все говорим, спасибо, и до прихода Волков, собирающихся и в этот раз собрать урожай детей, осталось двадцать два дня. Каллагэн допил остатки сидра в стакане, скривился, словно хлебнул пшеничного виски, поставил пустой стакан на стол.

— Остальное вы знаете. Меня нашли Хенчек и Джеммин. Хенчек закрыл ящик, а когда он это сделал, закрылась и дверь. С тех пор Пещера голосов называется Пещерой двери.

— А ты, отец? — спросила Сюзанна. — Что они сделали с тобой?

— Отнесли меня в хижину Хенчека... его кра. Там я окончательно пришел в себя. На какие-то мгновения очнулся у пещеры, но потом снова отключился. Пока лежал без сознания, жены и дочери Хенчека кормили меня водой и куриным бульоном. Каплями, которые выжимали из тряпки, одну за другой.

— Извини за любопытство, но сколько у него жен? — спросил Эдди.

— Три, но спать с ними он может только по очереди, — рассеянно ответил Каллагэн. — В зависимости от расположения звезд или еще от чего-то. Они поставили меня на ноги. Вскоре я начал гулять по городу. Поначалу меня так и звали — Гуляющий Старик. Я никак не мог осознать, где нахожусь, хотя прежние странствия в какой-то мере подготовили меня к тому, что произошло. Укрепили психологически. Видит Бог, бывали дни, когда я думал, что все происходящее укладывается в одну-две секунды, которые потребовались бы мне, чтобы долететь от разбитого окна на тридцать третьем этаже до тротуара Мичиган-авеню. Что это мой разум готовится к смерти, напоследок предлагая мне удивительную галлюцинацию, реальное подобие целой жизни. И бывали дни, когда я думал, что со мной случилось то самое, чего мы все больше всего боялись в «Доме» и в «Маяке»: белая горячка. Так что сижу я сейчас в какой-нибудь психушке и события эти прокручиваются у меня в голове, а не наяву. Но в конце концов я просто принял все, как оно есть. И порадовался, что забросило меня в хорошее место, настоящее или воображаемое.

Когда ко мне вернулись силы, я начал зарабатывать на жизнь тем же, что и в годы странствий. Здесь, конечно, не было отделений «Менпауэр» или «Броуни мен», но эти годы выдались изобильными, так что человеку, который хотел работать, работы хватало. Годы большого риса, как здесь говорят, хотя и скот плодился, и другие сельскохозяйственные культуры давали большие урожаи. Со временем я вновь начал проповедовать. Все получилось само собой, решение вызрело на подсознательном уровне, потому что, видит Бог, в молитвах я к Нему с такой просьбой не обращался. Выяснилось, что эти люди знают о Человеке-Иисусе, — он рассмеялся. — Как и о Всевышнем, Орисе и Звезде Бизона... ты знаешь о Звезде Бизона, Роланд.

— Да, — кивнул стрелок, вспомнив проповедника Звезды, которого однажды ему пришлось

убить.

— Но они слушали, — продолжил Каллагэн. — Во всяком случае, многие слушали, и когда они предложили построить церковь, я сказал, спасибо вам. Такова история Старика. Сами видите, вы в нее попали... двое из вас. Джейк, это случилось после того, как ты умер?

Джейк склонил голову. Ыш, чувствуя его печаль, тихонько заскулил. Но когда Джейк ответил, голос его не дрожал.

— После первой смерти. До второй.

На лице Каллагэна отразилось удивление, он перекрестился.

— То есть такое может случиться не однажды? Мария, спаси и сохрани нас!

Розалита покинула их чуть раньше. Теперь вернулась с новым подсвечником. В том, что стоял на столе, свечи практически догорели, так что на крыльце-веранде значительно потемнело.

— Кровати готовы, — объявила она. — Сегодня мальчик ляжет с отцом. Эдди и Сюзанна, вам постелено в той же комнате.

— А Роланд? — кустистые брови Каллагэна поднялись.

— Для него у меня есть диванчик, — без запинки ответила она. — Я уже показала ему, где он стоит.

— Показала, значит, — повторил Каллагэн. — Показала. Что ж, с этим все ясно, — поднялся. — Не могу вспомнить, когда в последний раз так уставал.

— Мы посидим еще несколько минут, если ты не возражаешь, — Роланд вскинул на него глаза. — Вчетвером.

— Как вам будет угодно.

Сюзанна взяла его руку и поцеловала.

— Спасибо тебе за рассказ, отец.

— Я рад, что наконец-то смог выговориться.

— Ящик оставался в пещере, пока ты не построил церковь? — спросил Роланд. — Свою церковь?

— Ага. Не могу сказать, сколь долго. Может, лет восемь. Может, меньше. Трудно сказать. Но пришло время, когда он начал меня звать. И, пусть я ненавидел Глаз и боялся его, какая-то моя часть хотела увидеть его вновь.

Роланд кивнул.

— Все части радуги Мэрлина могут притягивать к себе, но Черный Тринадцатый, как мне говорили, самый мощный из всех магических кристаллов. И самый страшный. Думаю, теперь я знаю причину. Это наблюдающий Глаз Алого Короля.

— Чем бы он ни был, я чувствовал, как он зовет меня в пещеру... и дальше. Нашептывал, что я должен возобновить свои странствия и более не задерживаться в одном месте. Я знал, что могу открыть дверь, открыв ящик. А дверь перенесла бы меня, куда я пожелаю. В любое место и время. От меня требовалось лишь сосредоточиться, — Каллагэн задумался, вновь сел. Наклонился вперед, глядя на Роланда поверх лежащих на столе сцепленных рук. — Выслушай меня, прошу. У нас был президент, по фамилии Кеннеди. Его убили за тринадцать лет до случившегося в Салемс-Лоте... убили на Западе...

— Да, — кивнула Сюзанна. — Джек Кеннеди. Бог любит его, — она повернулась к Роланду. — Он был стрелком.

Брови Роланда поднялись.

— Ты так говоришь?

— Ага. И я говорю правду.

— В любом случае, — вновь заговорил Каллагэн, — вопрос так и остался открытым,

действовал ли убийца в одиночку или был частью большого заговора. Иногда я просыпался ночью и думал: «А почему бы тебе не отправиться туда и не увидеть все своими глазами? Почему бы тебе не встать перед дверью с ящиком в руках и не отдать мысленный приказ: „Даллас, 22 ноября 1963 года“? Если ты это сделаешь, дверь откроется и ты окажешься там, как герой романа Герберта Уэллса о машине времени. И, возможно, ты сможешь изменить произошедшее в тот день. Если и был в современной американской истории переломный момент, то пришелся он именно на 22 ноября 1963 года. Измени его, и ты изменишь все, что произошло потом. Вьетнам... расовые волнения... все».

— Господи, — в голосе Эдди слышалось уважение. С какой стороны ни посмотри, столь честолюбивая идея заслуживала уважения. Она стояла вровень со стремлением капитана маленького суденышка преследовать белого кита. — Но, отец... если б ты это сделал, а все изменилось к худшему?

— Джек Кеннеди не был плохим человеком, — холодно отчеканила Сюзанна. — Джек Кеннеди был хорошим человеком. Великим человеком.

— Может и так. Но знаешь, что я тебе скажу? Я думаю, только великий человек может совершить великую ошибку. А кроме того, тот, кто пришел бы после него, мог оказаться очень плохим человеком. И какой-нибудь Большой охотник за гробами, возможно, не получил своего шанса благодаря Ли Харви Освальду или кому-то еще, если стреляли несколько человек.

— Но шар не допускает таких мыслей, — вмешался Каллагэн. — Я уверен, он убеждает людей творить зло, нашептывая им, будто, зовет на добрые дела. Что они помогут не кому-то в отдельности, а всем вместе.

— Да, — сухо согласился Роланд.

— Ты думаешь, я попал бы туда? — спросил Каллагэн. — Или шар лгал мне? Заманивал меня?

— Я не сомневаюсь, что попал бы, — ответил Роланд. — И я уверен, если мы покинем Калью, то именно через эту дверь.

— Тогда я смогу пойти с вами! — с жаром воскликнул Каллагэн.

— Может, и пойдешь, — ответил Роланд. — Но, в конце концов, ты перенес ящик, вместе с шаром, в церковь. Чтобы утихомирить его.

— Да. И, по большому счету, это сработало. В основном он спит.

— Однако, ты говорил, он отправил тебя в Прыжок.

Каллагэн кивнул. Жар из голоса исчез. Осталась только усталость. Он вдруг постарел на добрый десяток лет.

— Первый раз он отправил меня в Мексику. Вы помните начало моей истории? Писателя и мальчика, который верил в существование вампиров?

Они кивнули.

— Как-то ночью, когда я спал, шар добрался до меня, и я оказался в Лос-Сапатосе. На похоронах. Похоронах писателя.

— Бена Мейерса, — кивнул Эдди. — Автора «Воздушного танца».

— Да.

— Люди тебя видели? — спросил Джейк. — Нас вот — нет.

Каллагэн покачал головой.

— Нет. Но чувствовали. Когда я направлялся к ним, они отходили. Словно воспринимали меня, как дуновение холодного ветра. Мальчика я увидел. Марка Петри. Конечно, уже не мальчика. Молодого мужчину. Из его речи я понял, что в Лос-Сапатосе середина девяностых годов... Надолго я там не задержался, но все-таки успел увидеть, что мой юный друг из далекого прошлого не тронулся умом, голова его осталась ясной. Так что, возможно, в Салемс-Лоте я

хоть что-то, но сделал правильно, — он помолчал. — В своей речи Марк называл Бена отцом. Меня это тронуло до глубины души.

— А твой второй Прыжок? — спросил Роланд. — Ты попал в замок Короля?

— Там были птицы. Огромные, жирные, черные птицы. Об остальном говорить не буду. Во всяком случае, ночью, — сухо отрезал Каллагэн. Вновь поднялся. — Может, в другой раз.

Роланд кивнул, принимая его решение.

— Мы говорим, спасибо тебе.

— Вы тоже идете спать?

— Скоро, — ответил Роланд.

Они вновь поблагодарили его за рассказ (даже Ыш, и тот коротко твякнул) и пожелали ему спокойной ночи. Проводили его взглядом, а потом несколько секунд молчали.

20

Первым заговорил Джейк.

— Это Уолтер оказался позади нас, Роланд! Когда мы покинули дорожную станцию, он оказался позади нас! Вместе с отцом Каллагэном!

— Да. Получается, что с тех пор Каллагэн — часть нашей истории. От таких мыслей мой желудок поднимается к горлу. Словно я потерял вес.

Эдди коснулся уголка глаза.

— Когда ты проявляешь такие эмоции, Роланд, у меня внутри все тает, — а стоило Роланду взглянуть на него, добавил. — И не смейся, пожалуйста. Ты знаешь, мне нравится, когда ты шутишь, но сейчас ты смущаешь меня.

— Извини, — ответил Роланд с легкой улыбкой. — Тот юмор, который у меня остался, рано отправляется на покой.

— А вот мой бодрствует всю ночь, — ответил Эдди. — И мне не дает заснуть. Рассказывает мне шутки. Тук-тук, кто там? Это я, почтальон...

— Ты закончил? — оборвал его Роланд.

— Да, но только на время. Потому что голоса моего юмора не заглушить. Он обязательно даст о себе знать. Могу я задать тебе вопрос?

— Глупый?

— Я так не думаю. Надеюсь, что нет.

— Тогда задавай.

— Эти двое мужчин, которые спасли задницу Каллагэну в прачечной Ист-Сайда... ты думаешь, они именно те, о ком думаю я?

— А по-твоему, кто они?

Эдди посмотрел на Джейка.

— Что скажешь, о, сын Элмера? Есть идеи?

— Конечно, — ответил Джейк. — Это Келвин Тауэр и второй парень из магазина, его друг. Который загадывал мне загадки о Самсоне и реке, — он щелкнул пальцами раз, другой, улыбнулся. — Эрон Дипно.

— А что ты можешь сказать насчет перстня, упомянутого Каллагэном? — спросил Эдди. — С надписью «Экслибрис»? Я не видел этого перстня ни у одного из них?

— А ты смотрел? — полюбопытствовал Джейк.

— Нет, конечно. Но...

— И не забывай, что мы видели его в 1977 году. А Каллагэну они спасли жизнь в 1981.

Может, кто-то дал мистеру Тауэру этот перстень именно в эти четыре года. Подарил. Или он сам его купил.

— Это всего лишь предположение, — указал Эдди.

— Да, — согласился Джейк. — Но Тауэру принадлежал книжный магазин, так что он вполне мог носить перстень с надписью «Экслибрис». Или тебе не кажется, что это логично?

— Мне кажется, что и тут не обошлось без девятнадцати. Но как они могли узнать, что Каллагэн... — Эдди замолчал, задумался, решительно покачал головой. — Нет, не хочу даже в это влезать. Потому что чувствую, сейчас мы начнем обсуждать убийство Кеннеди, а я устал.

— Мы все устали, — уточнил Роланд, — а в ближайшие дни нам предстоит многое сделать. Однако история отца очень меня встревожила. Я не могу сказать, то ли она ответила на многие вопросы, то ли наоборот, поставила их еще больше.

Все предпочли промолчать.

— Мы — ка-тет, — продолжил Роланд, — но сейчас мы сидим вместе ан-тет. На совете. И пусть час поздний, может, нам есть еще что обсудить до того, как мы разойдемся? Если да, говорите, — вновь ответа не последовало. Роланд отодвинул стул. — Хорошо, тогда я желаю всем...

— Подожди.

Остановила его Сюзанна. Она так давно молчала, что про нее все забыли. А тут в голосе слышались стыдливые нотки, так на нее не похожие. Они просто не могли слышаться в голосе женщины, которая сказала Эбену Туку, что она, если он еще раз назовет ее коричневой, вырвет у него язык и подотрет им его задницу.

— Нам есть, что обсудить.

Все тот же голос.

— Кое-что еще.

Уже едва слышно.

— Я...

Она посмотрела на них, на каждого по очереди, и когда встретила взглядом со стрелком, он увидел в ее глазах печаль, упрек и усталость. Злости не увидел. «Если б она злилась, — позже подумал он, — мне бы не было так стыдно».

— Я думаю, у меня возникла маленькая проблема, — продолжила Сюзанна. — Я не понимаю, как такое может быть... как такое могло случиться... но, мальчики, я думаю, что немножко беременна.

Произнеся эти слова, Сюзанна Дин/Одетта Холмс/Детта Уокер/Миа — не знающая отца, закрыла лицо руками и заплакала.

За домиком Розалиты Мунос стояла высокая будка туалета, выкрашенная в небесно-синий цвет. По левую руку стрелка, который вошел в туалет поздним утром, рассказ отца Каллагэна затянулся за полночь, да и потом они улеглись далеко не сразу, к стене крепилось металлическое кольцо, под которым, в семи или восьми дюймах, находился стальной диск. В этой импровизированной вазе стояли два побега «черноглазой Сюзанны». ^[56] Их лимонный, чуть терпкий запах был единственным, который долетал до ноздрей стрелка. На стене над сидением, в рамке и повыше зеркала, висела картинка, изображающая Человека-Иисуса, со сложенными в молитве руками под подбородком. Рыжие локоны падали на плечи, смотрел он вверх, на Своего Отца. Роланд слышал о племенах мутантов, которые называли Отца Иисуса Большим Небесным Папашей.

Роланда порадовало, что Человека-Иисуса изобразили в профиль. Если ли Он смотрел на него, Роланд сомневался, что сумел бы справить малую нужду, не закрыв глаз, пусть его мочевого пузырь и наполнился под завязку. «Странное место для изображения Сына Божьего», — подумал он, а потом сообразил, что ничего странного и нет. Обычно этим туалетом пользовалась только Розалита, и Человек-Иисус мог увидеть лишь ее прикрытую одеждой спину.

Роланд Дискейн расхохотался, и одновременно упругая струя полилась в очко.

Когда он проснулся, Розалита уже ушла, и достаточно давно: ее половина кровати остыла. Теперь, выйдя из небесно-синего туалета и застегивая пуговицы, Роланд посмотрел на солнце и понял, что до полудня осталось совсем ничего. Определить время без часов, песочных или солнечных, в последние дни стало совсем не просто, но такая возможность оставалась, при тщательности расчетов и готовности признать, что погрешность результата будет достаточно велика. Корт, подумал он, пришел бы в ужас, если б увидел, что один из его учеников, один из сдавших экзамен учеников, стрелок, начинает такое важное дело, проспав чуть ли не до полудня. А ведь дело начиналось именно сегодня. Прошедшие дни ушли на ритуалы и подготовку, занятия нужные, но, в принципе, бесполезные. Вроде танца под Песню риса. Этот этап закончился. А насчет сна допоздна...

— Никто не заслужил этого больше, чем я, — изрек он и спустился по склону. Здесь тянулся забор, очерчивая границу участка Каллагэна (а может, отец считал, что это граница участка Бога). За забором без умолка журчала маленькая речка, словно девочка, делящаяся секретами с подружкой. Берега речки заросли «черноглазой Сюзанной», так что одной тайной (пусть и маленькой) стало меньше. Роланд глубоко вдохнул лимонный запах.

Он вдруг понял, что думает о ка, что случилось с ним редко (Эдди, который твердо верил, что Роланд ни о чем другом практически не думает, очень бы удивился). Собственно, ка устанавливала один единственный принцип: «Отойди в сторону и не мешай мне работать». Тогда почему, скажите на милость, люди никак не могли заучить этот столь простой урок?

Откуда бралось это неумное, глупое желание вмешаться? Все внесли свою лепту; все знали о том, что Сюзанна Дин беременна. Роланд — буквально с момента зачатия, когда Джейк «извлекался» из дома на Голландском холме. Сюзанна сама это знала, несмотря на окровавленные тряпки, которые прятала рядом с тропой. Тогда почему они так долго тянули с разговором, который состоялся прошлой ночью? Почему никак не решались на него? Кому-нибудь этот разговор причинил дополнительные страдания?

Роланд надеялся, что нет. Но едва ли мог знать наверняка, не так ли?

Однако, хорошо, что они все выяснили. И солнечное утро служило тому подтверждением, потому что давно уже он не мог похвастаться отличным самочувствием. По крайней мере, физическим. Ничего не болело и...

— Я думал, вы уляжетесь вскоре после того, как я покинул вас, стрелок, но Розалита сказала мне, что ты пришел чуть ли не на заре.

Роланд отвернулся от забора и своих мыслей. В этот день Каллагэн надел черные брюки, черные ботинки и черную рубашку с воротником-стойкой. Крест висел на груди, а седые волосы не торчали во все стороны, возможно, чем-то смазанные. Какое-то время он держал взгляд Роланда, потом продолжил:

— Вчера я ездил по маленьким фермам, причащал тех, кто этого хотел. И выслушивал их исповеди. Сегодня с тем же поеду на ранчо. Многие ковбои следуют, как они здесь говорят, тропой Креста. Розалита повезет меня на двуколке, так что за ленчем и обедом вам придется управляться самим.

— Мы с этим справимся, — ответил Роланд, — но сможешь ли ты уделить мне несколько минут для разговора?

— Разумеется, — кивнул Каллагэн. — Если человек не может задержаться, не следовало и подходить. Хороший совет, думаю, и не только для священников.

— Ты выслушаешь мою исповедь?

Брови Каллагэна приподнялись.

— Так ты веришь в Человека-Иисуса?

Роланд покачал головой.

— Отнюдь. Ты ее, тем не менее, выслушаешь? И не будешь с кем-либо делиться?

Каллагэн пожал плечами.

— Насчет того, чтобы никому не сказать ни слова, это просто. Мы всегда так делаем. Только не путай умение хранить тайну с отпущением грехов, — он холодно улыбнулся Роланду. — Последнее мы, католики, приберегаем только для себя, будь уверен.

Мысль об отпущении грехов никогда не приходила Роланду в голову, он находил нелепой саму идею, что оно может ему понадобиться (или этот человек может его дать). Он скрутил самокрутку, не торопясь, думая о том, с чего начать и как много сказать. Каллагэн ждал, уважая молчание собеседника.

Наконец, Роланд заговорил.

— Существовало пророчество, что я должен «извлечь» троих, и мы станем ка-тетом. Неважно, кто этот пророк, неважно, что было прежде. Я не хочу ворошить прошлое без крайней на то необходимости. Было три двери. Из второй вышла женщина, которая стала женой Эдди, хотя тогда она не звалась Сюзанной...

женщинами, которыми она была раньше. Особое внимание уделил спасению Джейка от привратника-хранителя и «извлечению» мальчика в Срединный мир, рассказал, как Сюзанна (а может, в тот момент, Детта) держала демона круга, пока они помогали Джейку. Он знал, чем она рисковала, сообщил Роланд Каллагэну, и понял, еще когда они ехали на Блейне Моно, что она не избежала риска и забеременела. Поставил в известность Эдди, и Эдди совсем не удивился. Потом Джейк сказал ему об этом. Точнее, отругал его за это. И ему, Роланду, не оставалось ничего другого, как признать свою вину. Но до прошлой ночи на крыльце-веранде ни один из них в полной мере не осознавал, что Сюзанна тоже знала, и, возможно, так же давно, как и Роланд.

— Итак, отец... что ты думаешь?

— Ты говоришь, ее муж согласился хранить секрет, — ответил Каллагэн. — И даже Джейк... который ясно видел...

— Да, — кивнул Роланд. — Он тоже умеет хранить секреты. Когда он спросил меня, что делать, я дал ему плохой совет. Я сказал ему, что лучшее для нас — не мешать ка, и это, конечно, связывало мне руки.

— Многое выглядит яснее, когда остается в прошлом, не так ли?

— Да.

— Ты сказал ей прошлой ночью, что в ее чреве растет демонское семя?

— Она знает, что ребенок не Эдди.

— Значит, не сказал. И Миа? Ты рассказал ей о Миа, об обеденном зале замка?

— Да, — ответил Роланд. — Я думаю, она опечалилась, но не удивилась. В ее теле уже жила вторая личность, Детта, с тех пор, как в результате несчастного случая она потеряла обе ноги, — то был не несчастный случай, но Роланд не собирался без необходимости рассказывать Каллагэну о Джеке Морте. — Детта Уолкер хорошо пряталась от Одетты Холмс. Эдди и Джейк сказали, что она — шизофреничка,^[57] — это экзотическое для него слово Роланд выговорил очень тщательно.

— Но ты ее излечил, — сказал Каллагэн. — Столкнул обе личности лицом к лицу в одной из этих дверей, не так ли? Столкнул?

Роланд пожал плечами.

— Бородавки можно выжечь раскаленным металлом, отец, но это означает, что они не появятся вновь у человека, предрасположенного к бородавкам.

Каллагэн удивил его громким смехом. Смеялся долго, наконец, достал из заднего кармана носовой платок, вытер глаза.

— Роланд, тебе, конечно, нет равных в быстроте стрельбы и ты храбр, как Сатана в субботнюю ночь, но ты не психиатр. Сравнить шизофрению с бородавками... ну и ну! — И тем не менее, Миа — реальна, отец. Я видел ее сам. Не во сне, как Джейк, а собственными глазами.

— Именно об этом я и говорю, — кивнул Каллагэн. — Она — не часть женщины, которая родилась Одеттой Сюзанной Холмс. Она — это она.

— В этом есть разница?

— Думаю, да. Но вот что я могу сказать тебе прямо сейчас: независимо от того, как пойдут дела у тебя и твоих друзей, у вашего ка-тета, беременность Сюзанны должна храниться в строжайшем секрете от жителей Кальи Брин Стерджис. Сегодня общий настрой в вашу пользу. Но, если станет известно, что женщина-стрелок с коричневой кожей вынашивает дитя демона, люди от вас отвернутся, и очень быстро. А возглавит их Эбен Тук. Я знаю, что в конце концов вы сами будете решать, что нужно сделать на благо Кальи, но вчетвером, без помощи местных жителей, Волков вам не побить, как бы хорошо вы ни владели оружием. Их слишком много.

Ответ не требовался. Правда была на стороне Каллагэна.

— Чего ты боишься больше всего? — спросил Каллагэн.

— Развала ка-тета, — без промедления ответил Роланд.

— Ты говоришь о том, что Миа может захватить контроль над телом, которое они делят, и уйти одна, чтобы родить ребенка?

— Если это произойдет, все еще может утрястись. При условии, что Сюзанна вернется. Но вынашивает она не человека — демона, — Роланд, не мигая, смотрел на священника в черной одежде. — И у меня есть все основания верить, что жизнь свою он начнет с убийства своей матери.

— Развала ка-тета, — повторил Каллагэн. — Не смерти твоей подруги, а развала ка-тета. Интересно, знают ли твои друзья, что ты за человек, Роланд.

— Знают, — коротко ответил Роланд, одним словом закрыв тему.

— И что ты хочешь от меня?

— Прежде всего, ответа на вопрос. Мне ясно, что у Розалиты есть определенные врачебные навыки. Их хватит для того, чтобы до срока вытащить ребенка из утробы матери? Но хватит ли силы духа, чтобы не сойти с ума от того, что она может увидеть?

Они, конечно, тоже там будут, он и Эдди, и Джейк тоже, пусть Роланду это и не нравилось. Потому что тварь, которая сидела в Сюзанне, даже рожденная до срока, несла в себе немалую опасность. «А ведь срок близко, — думал он. — Наверняка я этого не знаю, но чувствую. Я...»

Он не закончил мысль, увидев, как изменилось лицо Каллагэна: на нем ясно читались ужас, отвращение, нарастающая злость.

— Розалита никогда такого не сделает. Хорошо запомни мои слова. Она скорее умрет.

— Почему? — в недоумении спросил Роланд.

— Потому что она католичка!

— Я не понимаю.

Каллагэн увидел, что Роланд говорит правду, и злость его поугасла. Однако, Роланд чувствовал, что многое осталось недоговоренным.

— Ты же говоришь об аборте! — воскликнул Каллагэн.

— И что?

— Роланд... Роланд, — Каллагэн склонил голову, а когда поднял, злость исчезла. Ее место заняло ослиное упрямство, с которым стрелку уже приходилось сталкиваться. Он знал, что бороться с ним бесполезно. С тем же успехом он мог пытаться голыми руками сдвинуть гору. — Моя церковь делит грехи на две категории: мелкие, которые Господь может простить, и смертные, которые не прощаются. Аборт — это смертный грех. Это убийство.

— Отец, мы говорим о демоне, а не о человеческом существе.

— Так говоришь ты. Это дело Господа, не мое.

— А если он ее убьет? Ты скажешь то же самое и, таким образом, умоешь руки?

Роланд никогда не слышал истории о Понтии Пилате, и Каллагэн это знал. Его передернуло, все так, но позицию он не изменил.

— Тебя прежде всего заботит целостность ка-тета, а уж потом ее жизнь! Стыдись. Стыдись!

— Моя цель... цель ка-тета — Темная Башня, отец. Она спасет не только мир, в котором мы находимся, не только эту вселенную, но все вселенные. Все существующее.

— Мне без разницы. Я не могу на такое пойти. А теперь слушай меня, Роланд, сын Стивена, потому что я выслушал тебя и выслушал внимательно. Ты слушаешь?

Роланд вздохнул.

— Я говорю, спасибо тебе.

— Роза не сделает этой женщине аборт. В городе есть другие, кто может, я этом не сомневаюсь. Даже в этом месте, где каждые двадцать с чем-то лет детей забирают монстры из

темной страны, есть такие, кто практикует это черное дело. Но, если вы пойдете к одной из них, о Волках ты можешь не волноваться. Задолго до их прихода я подниму против вас всю Калью Брин Стерджис.

Роланд вытаращился на него.

— Даже зная, что мы сможем спасти сотню других детей? Человеческих детей, которые появляется на земле не для того, чтобы первым делом пожрать своих матерей?

Каллагэн словно и не слышал стрелка. Его лицо побледнело, как мел.

— Я попрошу у тебя большего, понравится тебе это или нет. Я хочу, чтобы ты дал мне слово, поклялся перед лицом своего отца, что никогда не предложишь этой женщине сделать аборт.

В голове Роланда мелькнула мысль: как только он затронул эту тему, затронул сам, для этого человека Сюзанна перестала быть Сюзанной. Она стала женщиной. Ей на смену пришла другая: а скольких монстров убил отец Каллагэн, собственной рукой?

И, как часто случалось в моменты крайнего напряжения, с Роландом заговорил отец: «Ситуацию еще можно выправить, но, если ты будешь продолжать в том же духе, даже если будешь думать об этом, шанс можно упустить».

— Я жду твоего обещания, Роланд.

— Или ты поднимешь город?

— Ага.

— А если Сюзанна сама решит сделать аборт? Женщины идут на такое, а она далеко не глупа. Она знает, чем могут закончиться роды.

— Миа... истинная мать ребенка, ей не позволит.

— Если ты в этом уверен, то напрасно. У Сюзанны Дин очень развит инстинкт самосохранения. Не говоря уже о преданности нашей цели.

Каллагэн задумался, отвернулся, губы его превратились в тонкую белую полоску. Вновь посмотрел на Роланда.

— Ты это предотвратишь. Как ее старший.

Роланд подумал: «Пожалуй, меня загнали в угол».

— Хорошо, — ответил он. — Я передам ей наш разговор и позабочусь о том, чтобы она поняла, в какое положение ты нас ставишь. А также скажу ей, чтобы она ничего не говорила Эдди.

— Почему?

— Потому что он убьет тебя, отец. Убьет за твое вмешательство в наши дела.

Роланд с удовлетворением отметил, что глаза Каллагэна широко раскрылись. Вновь напомнил себе, что не должен настраивать себя против этого человека, который просто не мог быть другим. Разве он не рассказал им о клетке, которую всюду таскал за собой?

— А теперь послушай меня, как я слушал тебя, потому что теперь ты несешь ответственность за нас всех. Особенно за «женщину».

Каллагэн вновь дернулся, как от удара. Но кивнул.

— Говори, что должен сказать.

— Во-первых, ты должен наблюдать за ней, когда сможешь. Как коршун! Особенно пристально наблюдай, когда ее пальцы здесь, — Роланд потер лоб над левой бровью, — и здесь, — теперь потер левый висок. — Прислушивайся к тому, как она говорит. Будь настороже, когда речь ее убыстряется. Следи, когда движения становятся резкими, — Роланд рывком поднял руку, почесал голову, рывком опустил. Наклонил голову вправо, вновь посмотрел на Каллагэна. — Ты понял?

— Да. Это признаки появления Миа?

Роланд кивнул.

— Я не хочу, чтобы она оставалась одна, когда ее тело будет переходить под контроль Миа. Если, конечно, есть такая возможность.

— Я понимаю, — кивнул Каллагэн. — Но, Роланд, мне трудно поверить, что новорожденный, кем бы ни был его отец...

— Замолчи, — обрезал его Роланд. — Замолчи, прошу тебя, — а когда Каллагэн замолчал, продолжил: — Что ты думаешь и во что веришь, для меня — ноль. Это твои дела, и я желаю тебе в них удачи. Но, если Миа или ребенок Миа причинят вред Розалите, отец, я спрошу с тебя за ее раны. И воздам тебе должное вот этой рукой. Ты это понимаешь?

— Да, Роланд, — на лице Каллагэна читались одновременно замешательство и спокойствие.

— Хорошо. А теперь вот о чем я тебе попрошу. Близится день прихода Волков, и мне нужно шесть человек, которым я могу абсолютно доверять. Хотелось бы, чтобы ты назвал мне троих мужчин и трех женщин.

— Ты не будешь возражать, если некоторые из них будут родителями детей, которым грозит опасность?

— Нет. Даже наоборот. Но исключи женщин, которые умеют бросать тарелку: Сари, Залию, Маргарет Эйзенхарт, Розалиту. Они понадобятся в другом месте.

— Для чего тебе нужны эти шестеро?

Роланд молчал.

Каллагэн еще несколько секунд смотрел на него, потом вздохнул.

— Рубен Каверра. Рубен не забыл свою сестру, не забыл, как любил ее. Диана Каверра, его жена... против семейных пар ты не возражаешь?

— Нет. Сойдут и пары. — Роланд крутанул пальцами, предлагая ему продолжать.

— Кантаб из Мэнни. Дети пойдут за ним, как за дудочником в пестром костюме. [\[58\]](#)

— Не понял.

— Неважно. Они пойдут за ним, а это главное. Баки Хавьер и его жена... а что ты скажешь о своем мальчике, Джейке? Городские дети уже не сводят с него глаз, а многие девочки, подозреваю, влюбились.

— Нет, он мне нужен.

«Или ты хочешь, чтобы он всегда был рядом с тобой?» — подумал Каллагэн... но не сказал. Чувствовал, что и так наговорил Роланду слишком много... во всяком случае, для одного дня.

— А как насчет Энди? Дети его тоже любят. А он будет всеми силами защищать их.

— Да? От Волков?

На лице Каллагэна отразилась тревога. Вообще-то он имел в виду горных кошек. И волков, тех, что бегали на четырех лапах. Что же касалось других, приходящих из Тандерклепа...

— Нет, — покачал головой Роланд. — Не Энди.

— Почему нет? Разве эти шестеро нужны тебе не для борьбы с Волками?

— Не Энди, — повторил Роланд. Он ориентировался на свою интуицию, а интуиция, как известно, сродни прикосновениям. — Еще есть время подумать об этом, отец... и мы тоже подумаем.

— Вы собираетесь в город?

— Ага. Сегодня и в несколько последующих дней.

Каллагэн улыбнулся.

— То, что вы собираетесь делать, твои друзья и я назвали бы «schmoozing». [\[59\]](#) Это еврейское слово.

— Да? И что это за племя?

— Несчастное, с какой стороны ни посмотри. Здесь шмузинг называется каммалой. На их языке каммалой называется, что угодно, — Каллагэна удивило собственное неумное желание как можно быстрее вернуть себе благорасположение стрелка. Он даже устыдился этого. — В любом случае, желаю вам удачи.

Роланд кивнул. Каллагэн направился к дому, где Розалита уже запрягла лошадей в двуколку и с нетерпением ждала возвращения Каллагэна. Богоугодные дела не терпели отлагательства. Чуть поднявшись по склону, Каллагэн остановился.

— Я не извиняюсь за свою веру, но, если осложнил работу, которую тебе предстоит сделать здесь, в Калье, сожалею об этом.

— Человек-Иисус представляется мне отменным сукиным сыном, когда дело касается женщин, — ответил Роланд. — У него была жена?

Уголки рта Каллагэна задрожали.

— Нет, но Его подруга была шлюхой.

— Лучше что-то, чем ничего, — пожал плечами Роланд.

4

Роланд вновь облокотился на забор. Следовало начинать день, но он хотел, чтобы Каллагэн успел уехать подальше. И у него не находилось других причин, по которым Энди не войти в число доверенных лиц, за исключением первой и пока единственной: интуиции.

Он все еще стоял у забора, уже со второй самокруткой, когда Эдди спустился по склону, в рубашке поверх штанов и сапогами в руке.

— Хайл, Эдди, — приветствовал его Роланд.

— Хайл, босс. Видел, как ты беседовал с Каллагэном. Они оставили нас одних, наши Вильма и Фред. [\[60\]](#)

Роланд поднял брови.

— Неважно, — махнул рукой Эдди. — Роланд, за всей этой суетой, я так и не смог рассказать тебе историю деда Тиана. А я узнал от него очень важное.

— Сюзанна встала?

— Да. Умывается. Джейк уминает, как мне показалось, омлет из двенадцати яиц.

Роланд кивнул.

— Лошадей я покормил. Мы сможем заседлать их, пока ты будешь рассказывать мне историю старика.

— Не думаю, что это займет так много времени, — ответил Эдди, и не ошибся. Он добрался до главного, тем словам, что старик прошептал ему на ухо, когда они подошли к конюшне. Роланд повернулся к нему, его глаза сверкнули. О лошадях он напрочь забыл. В руках, которые легли на плечи Эдди, даже в покалеченной правой, чувствовалась огромная сила.

— Повтори!

Эдди нисколько не обиделся.

— Он велел мне наклониться поближе. Я наклонился. Сказал, что никому этого не говорил, кроме своего сына, и я ему верю. Тиан и Залия знают, что он там был, или говорит, что был, но они понятия не имеют о том, что он увидел, сняв маску с убитого Волка. Думаю, им не известно, что именно Красная Молли сшибла его с лошади. А потом он прошептал... — вновь Эдди повторил Роланду признание деда Тиана.

Торжествующий блеск в глазах Роланда просто пугал.

— Серые лошади! — воскликнул он. — Все лошади одного цвета! Теперь, Эдди, ты

понимаешь, почему? Понимаешь?

— Да, — ответил Эдди. Губы разошлись в усмешке, обнажив зубы. Усмешка эта кому-то сулила серьезные неприятности. — Как сказала хористка бизнесмену, мы там уже бывали.

В стандартном американском английском слово с наибольшим количеством значений, должно быть, *run*. Полный словарь английского языка издательства «Рандом хауз» предлагает сто семьдесят восемь значений этого слова, начиная с «двигаться стремительно, переставляя ноги более быстро, чем при ходьбе» и заканчивая «таять или переходить в жидкое состояние». На Дуге, в Пограничье между Срединным миром и Тандерклепом, синяя лента слова-рекордсмена по значениям перешла к каммале. Если бы каммала попала в вышеуказанный словарь издательства «Рэндом хауз», первым значением (при условии, что значения ранжировали, как принято, по частоте использования) стало бы «сорт риса, растущий на восточной оконечности Срединного мира». Вторым — «половой акт». Третьим, скорее всего, «сексуальный оргазм», в контексте: «Ты получила каммалу?» — с тем, чтобы услышать в ответ: «Да, да, я говорю, спасибо тебе, большую каммалу». Мочить каммалу — это и полив рис в сухое время года, и мастурбация. Каммала — это начало большого и веселого семейного пира (не сам пир, а именно его начало). Быстро лысеющий мужчина (в этом году такое случилось с Гарреттом Стронгом) — спешащий каммала. Спаривание животных — влажная каммала. Кастрированное животное — сухая каммала, хотя никто не сможет сказать, почему. Девственница — зеленая каммала, женщина в период месячных — красная каммала, старик, который больше не может ковать железо, когда ему подставляют наковальню, мы говорим, увы, мягкая каммала. Держать каммалу — сленговое выражение, означающее делиться секретами. Сексуальные значения этого слова понятны, но почему гористая территория с сухими руслами рек к северу от города известна, как лощины каммалы? Или почему вилку иногда называют каммалой, а ложку или нож — никогда? Возможно, ста семидесяти восьми значений слова каммала не наберется, но семьдесят — точно будет. В два раза больше, если брать в расчет вариации. Одно из значений, наверняка занимающее место в первой десятке, то самое, которое отец Каллагэн определил как шмузинг. Практически фраза звучит так: «Пойти Стерджис каммала» или «Пойти Брин-а каммала». То есть, пойти поболтаем с городскими жителями, не с кем-то конкретным, а со всеми, кто встретится на пути.

В последующие пять дней Роланд и его ка-тет пытались продолжить процесс, инициированный на крыльце магазина Тука. Поначалу получалось не очень («Все равно, что разжигать костер влажными щепками», — как сказала Сюзанна в первый вечер), но мало помалу местные жители все с большей охотой подходили к ним. Во всяком случае привыкали к пришельцам из другого мира. Каждый вечер Роланд и чета Динов возвращались в дом отца Каллагэна. Каждый вечер, а чаще, во второй половине дня, Джейк возвращался на ранчо «Рокинг Би». Энди встречал его там, где дорога на ранчо отходила от Восточной дороги и сопровождал остаток пути. Всякий раз кланялся и говорил: «Добрый вечер, са! Хочешь услышать свой гороскоп? Ты встретишь давнего друга. Молодая леди питает к тебе теплые чувства!» И так далее.

Джейк вновь спросил Роланда, почему он так много времени проводит с Бенни Слайтманом.

— Ты жалуешься? — задал встречный вопрос Роланд. — Тебе он больше не нравится?

— Мне он нравится, Роланд, но, думаю, я должен делать что-то, не только прыгать в стог

сена, учить Ыша всяким фокусам и купаться в реке. Вот и объясни мне, что именно.

— Больше ничего, — ответил Роланд. Потом добавил. — Еще ты должен отсыпаться. Растущему организму нужно много спать.

— Почему я езжу туда?

— Потому что мне представляется, что именно там ты должен ночевать. Я хочу, чтобы ты держал глаза и уши открытыми и ставил меня в известность, увидев что-то непонятное или не нравящееся тебе.

Они провели вместе эти пять дней, и дни выдались долгими. Новизна поездок верхом быстро улетучилась. Как и жалобы на боль в мышцах и натертую кожу. В одной из таких поездок, когда они приближались к месту, где их ждал Энди, Роланд прямо спросил Сюзанну, не думала ли она, что аборт — одно из решений возникшей проблемы.

— Не могу сказать, что эта мысль не приходила мне в голову, — ответила она, с любопытством посмотрев на него.

— Отбрось ее. Никаких абортов.

— На то есть особая причина?

— Ка, — коротко ответил Роланд.

— Кака, — поддакнул Эдди. Шутка была старая, но трое нью-йоркцев рассмеялись. Присоединился к ним и Роланд. На том тему закрыли. И Роланда это радовало. Его вполне устраивало нежелание Сюзанны обсуждать Миа и грядущие роды. Он полагал, что некоторых сторон проблемы знать ей не следовало.

Однако, она никогда не испытывала недостатка храбрости. Роланд не сомневался, что рано или поздно вопросы с ее стороны последуют. После того, как квартет (квинтет, считая Ыша) пять дней колесил по городу, Роланд в середине дня начал отсылать ее к Джеффордсам, чтобы она попрактиковалась в бросании тарелки.

Через восемь дней после их долгого ночного разговора на веранде-крыльце дома Каллагэна, того, что закончился только в четыре утра, Сюзанна пригласила их на ферму Джеффордсов, чтобы продемонстрировать свои успехи. «Это идея Залии, — сказала она. — Думаю, она хочет знать, удастся ли мне сдать экзамен».

Роланд понимал, что ему достаточно спросить Сюзанну, если он хотел получить ответ на этот вопрос, но при этом хотелось и посмотреть, чему научилась Сюзанна. Когда они прибыли на ферму, на заднем крыльце собралась вся семья и несколько соседей Тиана: Хорхе Эстрада с женой, Диего Адамс. Хавьеры. Они напоминали зрителей на тренировке игроков в «Очки». Залман и Тиа, рунты, стояли с краю, таращась на толпу широко раскрытыми глазами. Был и Энди, который держал на руках спящего Аарона.

— Роланд, вроде бы ты хотел сохранить все в секрете, и что из этого вышло?

Роланд уже понял, что его угрозы ковбоям, которые видели, как бросала тарелку Маргарет Эйзенхарт, результата не дали. Потому что в деревне обожали посплетничать. Независимо от того, находилась она во Внутренних феодах или в Пограничье. Селяне жить без этого не могли. «В лучшем случае, — думал он, — эти болтуны не забывали сказать и о том, что Роланд — крутой парень, сильный каммала, который шутить не любит».

— Может, ничего страшного не случилось, — ответил он. — Жителям Кальи испокон веков известно, что Сестры Орисы бросают тарелку. Если они узнают, что этому научилась Сюзанна, может, еще сильнее нас зауважают.

— При условии, что она не провалится, — вставил Джейк.

Роланда, Эдди и Джейка почтительно поприветствовали, когда они поднялись на крыльцо. Энди сказал Джейку, что по нему сохнет молодая леди. Джейк покраснел и ответил, что больше не хочет слышать своих гороскопов, если Энди не возражает.

— Как скажешь, са, — Джейк в это время всматривался в слова и цифры на груди Энди и думал, действительно ли он попал в этот мир роботов и ковбоев или ему все снится. — Я надеюсь, что ребенок скоро проснется, очень надеюсь. И заплачет! Потому что я знаю несколько колыбельных...

— Замолчи, скрипучий стальной бандит! — сердито бросил ему дед Тиана, и робот, после того, как извинился перед стариком (как всегда, самодовольным, без единой извиняющейся нотки голосом), замолчал. «Посыльный, со многими другими функциями, — думал Джейк. — Может, одна из твоих функций — издеваться над местными жителями, Энди, или это плод моего воображения?»

Сюзанна находилась в доме с Залией. А когда они вышли, Сюзанна была не с одной сумкой из плетеной соломы, а двумя. Они висели на бедрах, держась на переброшенных через плечи лямки. Лямки эти перекрещивались на груди, как ленты с патронами. Эдди обратил внимание и на пояс, к который удерживал сумки на месте, не давая смещаться к животу или спине.

— Амуниция, однако, мы говорим спасибо, тебе, — ответил Диего Адамс.

— Это придумала Сюзанна, — ответила Залия, когда Сюзанна садилась в свое кресло на колесах. — Чтобы зафиксировать сумки с тарелками на одном месте.

«Здорово она это придумала», — подумал Эдди и улыбнулся, восхищаясь Сюзанной. Увидел такую же улыбку на лице Роланда. Джейка. И мог поклясться, что даже Ыш улыбался.

— Принесет ли это пользу, вот что хочется знать, — выдохнул Баки Хавьер. Такой вопрос, подумал Эдди, только подчеркивал разницу между стрелками и жителями Кальи. Эдди и его друзья сразу поняли, для чего это делается и как сработает. Хавьер, однако, был фермером, а потому, смотрел на все совсем другими глазами.

«Мы вам нужны, — подумал Эдди, Оглядев мужчин и женщин, собравшихся на крыльце, фермеров в грязных белых штанах, Адамса — в кожаных и коротких сапогах, заляпанных навозом. — Ой, как нужны».

Сюзанна подъехала к крыльцу, культи подсунула под себя, приподнялась на них. Эдди знал, что такая поза причиняет ей немалую боль, но по лицу Сюзанны не чувствовалось, что она испытывает какой-то дискомфорт. Роланд тем временем смотрел на сумки. В каждой лежали четыре тарелки. Простые, без рисунка по ободу. Тренировочные тарелки.

Залия прошла к амбару. Роланд и Эдди сразу, как только приехали, увидели закрепленное на стене одеяло. Остальные же заметили его, лишь когда Залия стала снимать одеяло со стены. Под ним оказался нарисованным мелом человек, с застывшей улыбкой на лице и развевающимся позади плащом. По уровню мастерства рисунок не шел ни в какое сравнение с творением близнецов Тавери, однако, стоявшие на крыльце сразу поняли, что перед ними Волк. Старшие дети ахнули. Эстрады и Хавьеры заплодировали, но на их лицах отразилась тревога. Энди похвалил художника (добавив: «...кем бы он ни был»), и дед Тиана вновь велел ему заткнуться. А потом заявил, что Волки, которых он видел, были куда крупнее. Голос его дрожал от волнения.

— Ну, я нарисовала его в размер человека, — сказала Залия (в действительности она отталкивалась от размера мужа). — Если настоящие Волки больше, попасть в них будет легче, и это хорошо. Слушайте меня, прошу вас, — последняя фраза прозвучала неуверенно, почти как вопрос.

Роланд кивнул.

— Мы говорим, спасибо тебе.

Залия бросила на него благодарный взгляд, отошла в сторону, повернулась к Сюзанне.

— Можешь начинать.

От стены амбара Сюзанну отделяли примерно шестьдесят ярдов. На мгновение она застыла,

положив руки на грудь, правую поверх левой, склонив голову. Члены ка-тета знали, что сейчас происходит у нее в голове: «Я целюсь глазом, стреляю рукой, убиваю сердцем». Их сердца устремились к ней, на крыльях телепатических способностей Джейка и любви Эдди, поддерживая ее, подбадривая, желая удачи. Роланд не отрывал от Сюзанны взгляда. Может, еще одна рука, умеющая бросать тарелки, решит исход сражения в их пользу. Может, и нет. Но он от всей души желал ей не промахнуться.

Сюзанна подняла голову. Посмотрела на нарисованного мелом человека на амбарной стене. Руки все лежали на груди. Потом она пронзительно вскрикнула, совсем, как Маргарет Эйзенхарт во дворе ранчо «Рокинг Би», и Роланд почувствовал, как у него учащенно забилося сердце. В этот момент перед его мысленным взором возник Давид, его сокол, складывающий крылья в синем небе, чтобы упасть на добычу, как камень с глазами.

— Риса!

Ее руки упали и исчезли. Только Роланд, Эдди и Джейк могли уследить за их движениями. Правая выхватила тарелку из левой сумки, левая — из правой. Сэй Эйзенхарт бросала тарелку, занося руку за плечо, жертвуя временем ради силы броска и точности. Руки Сюзанны вновь скрестились, на уровне грудной клетки, тарелки поднялись чуть выше подлокотников кресла, а потом полетели, чтобы через несколько мгновений вонзились в стену амбара.

При броске Сюзанна вытянула руки перед собой, но, как только тарелки вылетели из пальцев, опустила руки, перекрестив, выхватила из сумок новые тарелки. Бросила их, потом третью пару, четвертую. Последние две тарелки вонзились в стену, одна выше всех остальных, вторая — ниже, еще до того, как первые перестали вибрировать.

На мгновение во дворе Джеффордсов воцарилась полнейшая тишина. Замолчали даже птицы. Восемь тарелок торчали в человеческом силуэте одна над другой, верхняя — в горле, остальные ниже, на расстоянии от двух с половиной до трех дюймов. И чтобы бросить все восемь тарелок, ей потребовалось не больше трех секунд.

— Ты собираешься использовать тарелку против Волков? — с благоговейным трепетом в голосе спросил Баки Хавьер. — Да?

— Ничего еще не решено, — холодно ответил Роланд.

И тут подала голос Дили Эстрада: «Но, если бы это был человек, слушайте меня, его бы разрубило на куски».

А последнее слово осталось за дедом Тиана, который, пожалуй, имел на этот право, как самый старый житель Кальи: «Именно так!»

6

Когда они возвращались к главной дороге (Энди шел впереди, нес сложенное кресло и играл победный марш), Сюзанна сказала: «Я могу отдать пистолет, Роланд, и сосредоточиться на тарелках. Очень приятно, знаешь ли, издать такой крик, а потом бросить ее».

— Ты напомнила мне моего сокола, — признался Роланд.

Сюзанна сверкнула белозубой улыбкой.

— Я и ощущала себя соколом. Риса! О-Риса! Одно это слово побуждало меня вложить всю силу в бросок.

Джейку вдруг вспомнился Гашер («Твой старый приятель, Гашер», — как нравилось называть себя этому джентльмену), и по его телу пробежала дрожь.

— Ты действительно готова променять пистолет на тарелку? — спросил Роланд, не зная, смеяться ему или ужаснуться.

— Ты бы стал сворачивать самокрутки, если бы имел доступ к фабричным сигаретам? — спросила она и продолжила, не дожидаясь его ответа. — Нет, конечно. Однако, тарелка — отличное оружие. Когда они придут, я намерена бросить две дюжины. Так что свою долю Волков я выберу.

— А тарелок хватит? — спросил Эдди.

— Будь уверен. Красивых, вроде той, что бросала для тебя, Роланд, сэй Эйзенхарт, конечно, мало, но тренировочных — сотни. Розалита и Сари Адамс сортируют их, отбраковывая те, которые неотбалансированы, а потому могут отклониться от цели. — Она замялась, понизила голос. — Они все приходили, Роланд, и, хотя Сари храбра, как лев, и не согнется перед торнадо...

— Мастерства ей недостает, так? — сочувственно спросил Эдди.

— Скорее да, чем нет, — ответила Сюзанна. — Она кое-что умеет, но не чета остальным. И жесткости ей не хватает. Мягковатая она.

— Я могу найти ей другое занятие, — заметил Роланд.

— Какое, сладенький?

— Отряжу в группу сопровождения. Мы посмотрим, как они бросают тарелки, послезавтра. В пять часов, Сюзанна. Они знают?

— Да. Чуть ли не вся Калья заявится посмотреть, если ты разрешишь.

Роланду это определенно не понравилось... но следовало ожидать, что все так и будет. «Я слишком давно не жил среди людей, — подумал он. — В этом все дело».

— Кроме женщин и нас никого быть не должно, — отчеканил он.

— Если жители Кальи увидят, как хорошо женщины бросают тарелки, многие колеблющиеся перейдут на нашу сторону.

Роланд покачал головой. Он не хотел, чтобы жители знали, насколько хорошо женщины бросают тарелки, этот момент играл немаловажную роль для его планов. Пусть город знает, что они умеют бросать тарелки... в этом он как раз не видел ничего плохого.

— Как они, Сюзанна? Скажи мне.

Она подумала и улыбнулась.

— Настоящие охотницы. Бьют наповал. Каждая из них.

— Ты можешь научить их бросать с двух рук?

Сюзанна обдумала вопрос. Любого можно научить чему угодно, имея в своем распоряжении достаточно времени, но как раз времени у них и не было. До прихода Волков оставалось тринадцать дней, во дворе отца Каллагэна Сестры Орисы (включая нового члена общества, Сюзанну из Нью-Йорка) встречались через два дня, то есть на обучение ей отводилось чуть больше полутора недель. Самой Сюзанне не пришлось ничему учиться. Все получилось само собой, как и во всем, что касалось стрельбы. В отношении же других...

— Розалита научится, — наконец, ответила она. — Маргарет Эйзенхарт можно научить, но она иной раз начинает суетиться в самый неподходящий момент. Залия? Нет. Пусть бросает по одной тарелке, только правой рукой. Она чуть медлительнее остальных, но я гарантирую, что каждая брошенная ею тарелка наполнится чьей-то кровью.

— Да, — кивнул Эдди, — пока снитч найдет ее и не вытряхнет из корсета, ага.

Сюзанна его реплику проигнорировала.

— Мы сможем убить многих из них. Ты знаешь, что сможем.

Роланд кивнул. Увиденное заметно приободрило его, особенно с учетом рассказа Эдди. Сюзанна и Джейк уже знали секрет деда Тиана. И, раз уж Джейк пришел на ум...

— Что-то ты сегодня очень уж тихий, — Роланд повернулся к мальчику. — С тобой все в порядке?

— Да, спасибо тебе, — он наблюдал за Энди. Вспоминал, как Энди качал малыша. Думал о том, что Аарон не протянул бы и шести месяцев, если б Тиан, Залия и старшие дети умерли, а малыш остался на попечении Энди. Умер бы или потерял разум. Энди менял бы ему подгузники. Энди кормил бы его, чем положено. Энди пел бы колыбельные. Пел бы очень хорошо, но в песнях этих напрочь отсутствовала бы материнская любовь. Или отцовская. Энди был всего лишь Энди, роботом-посыльным, со многими другими функциями. Лучше бы крошку Аарона воспитывали... ну, волки.

Мысль эта вернула его в ночь, которую он и Бенни провели в палатке на речном обрыве (больше они в палатке не ночевали, потому что ночи стали уж очень холодными). В ночь, когда он увидел, как Энди и отец Бенни о чем-то говорили на берегу, после чего отец Бенни перешел реку вброд. Направился на восток.

Направился в сторону Тандерклепа.

— Джейк, ты уверен, что у тебя все в порядке? — спросила Сюзанна.

— Да, мэм, — ответил Джейк, зная, что от такого ответа она, возможно, засмеется. Так и произошло, он засмеялся вместе с ней, продолжая думать об отце Бенни. Очках отца Бенни. Джейк не сомневался, что во всем городе очки носил только Слайтман-старший. Как-то раз, когда они втроем объезжали северные пастбища Рокинг Би в поисках отбившихся от табуна лошадей, он спросил отца Бенни об очках. Тот рассказал ему о том, выменял очки на чистокровного жеребца у одного из торговцев, плывших по реке. Случилось это давно, при жизни сестры Бенни, да благословит ее Ориса. Он пошел на этот обмен, хотя все ковбои, и даже сам Воун Эйзенхарт, говорили ему, что проку от очков не будет. Пользы, мол, от них не больше, чем от предсказаний Энди. Но Бен Слайтман их надел, и они все изменили. Впервые с семилетнего возраста он увидел окружающий его мир, а не размытую копию.

Он протер стекла подолом рубашки, посмотрел на просвет, надел очки.

— Просто не знаю, что буду делать, если разобью их или потеряю. Я обходился без них больше двадцати лет, но к хорошему человек привыкает быстро.

Джейк думал, что это неплохая история. Полагал, что Сюзанна в нее бы поверила (если б обратила внимание на то, что очки эти в Калье единственные). Он склонялся к мысли, что в нее поверил бы даже Роланд. Слайтман рассказывал ее правильно: как человек, понимающий, как ему повезло, и не имеющий ничего против того, чтобы рассказать другим, что последовал собственному суждению, которое оказалось более правильным, чем мнение многих, в том числе и его босса. Даже Эдди, и тот не нашел бы в истории Слайтмана-старшего никакой зацепки. А зацепка состояла в том, что история отца Бенни не была правдивой. Джейк не знал, на что тот выменял очки, его телепатической силы не хватало, чтобы докопаться до истины, но в том, что Слайтман-старший солгал, сомнений у него не было. Потому-то он и волновался.

«Может, ничего в этом и нет. Может, он просто не хочет говорить, как они к нему попали. Может, кто-то из Мэнни принес очки из одного из своих путешествий в другие миры, а отец Бенни украл их у него».

Такая версия имела право на существование, и Джейк, если бы постарался, мог придумать с полдюжины других. На недостаток воображения он никогда не жаловался.

Однако, ложь Слайтмана-старшего, наложенная на увиденное у реки, не давала Джейку покоя. Какие дела были у бригадира ковбоев Эйзенхарта на той стороне Девар-Тете Уайе? Джейк не знал. Но всякий раз, когда он собирался поговорить об этом с Роландом, что-то удерживало его.

«И это после того, как он сам упрекнул Роланда, что у того появились секреты от остальных».

Да, да, да, но...

Но что его останавливало?

Не что, а кто. Бенни, естественно. А может, проблема была не в Бенни, а в самом Джейке? Он с трудом сходил с детьми, Бенни стал едва ли не его первым другом. Настоящим другом. И от мысли о том, что он может навлечь неприятности на отца Бенни, у него сосало под ложечкой.

Двумя днями позже, в пять вечера, Розалита, Залия, Маргарет Эйзенхарт, Сари Адамс и Сюзанна Дин собрались на поле, которое тянулось на запад от небесно-синей будки-туалета Розы. То и дело слышались смешки, а то и раскаты пронзительного, нервного хохота. Роланд к женщинам не подходил. Эдди и Джейк следовали ему примеру. Он им сказал, что будет лучше, если они сами справятся с волнением.

Вдоль изгороди, на расстоянии десять футов друг от друга, стояли пугала с головами-тыквами. Каждую тыкву покрывал мешок, завязанный так, что напоминал капюшон плаща. У стоек пугал стояли три корзины. Одна — с тыквами. Вторая — с картофелинами. Содержание третьей вызвало стоны и протесты. Потому что в ней лежала редиска. Роланд предложил им оставить жалобы при себе. Добавил, что думал о горошинах. Никто (даже Сюзанна) не мог с уверенностью сказать, что стрелок шутил.

Каллагэн, в этот день одетый в джинсы и жилетку со многими карманами, вышел на заднее крыльцо-веранду, где сидел Роланд и курил, дожидаясь, пока дамы возьмутся за дело. Рядом Джейк и Эдди играли в шашки.

— Приехал Воун Эйзенхарт, — сообщил он Роланду. — Говорит, что направляется к Туки, чтобы выпить пива, но по пути хочет перекинуться с тобой парой слов.

Роланд вздохнул, поднялся, через дом вышел на переднее крыльцо. Эйзенхарт сидел на козлах возка, запряженного одной лошадью, мрачно смотрел в сторону церкви Каллагэна.

— Доброго тебе дня, Роланд.

Несколько дней тому назад Уэйн Оуверхолсер подарил Роланду широкополую ковбойскую шляпу. Стрелок приподнял ее, ожидая продолжения.

— Полагаю, ты скоро пошлешь перышко. Другими словами, созовешь собрание.

Роланд признал, что этот день близился. Жители города не могли указывать рыцарям Эльда, что им делать, и как, но Роланд считал своим долгом довести до их сведения, что они решили сразиться с Волками.

— Я хочу, чтобы ты знал, когда принесут перышко, я его коснусь и пошлю дальше. А на собрании я скажу да.

— Я говорю, спасибо тебе, — ответил Роланд. Его тронуло решение ранчера. Сердце стрелка, похоже, стало мягче, после того, как к нему присоединились Эдди, Сюзанна и Джейк. Иногда его это печалило. Обычно — нет.

— Тук этого не сделает.

— Не сделает, — согласился Роланд. — Пока дела идут хорошо, туки это мира к перышку не прикоснутся. И уж тем более не скажут да.

— Оуверхолсер с ним.

Это был удар. Не то, чтобы неожиданный, но Роланд надеялся, что Оуверхолсер таки перейдет на их сторону. Роланд уже обладал необходимой поддержкой и предполагал, что Оуверхолсеру это известно. По-хорошему, крупному фермеру следовало сидеть и ждать, чем все закончится. Попытка вмешаться могла привести к тому, что в следующем году он бы уже не увидел, как зерно заполняет его амбары.

— Я хочу, чтобы ты знал одно, — продолжил Эйзенхарт. — Я говорю да из-за жены, а она — потому что решила выйти на охоту. Бросание тарелок привело к тому, что женщина указывает своему мужчине, что он должен делать, а чего — нет. Это неестественно. Право указывать принадлежит мужчине. За исключением, понятное дело, ухода за детьми.

— Она отдала все, чем жила с рождения, когда выходила за тебя замуж, — напомнил Роланд. — Теперь твою очередь чем-то поступиться.

— Как будто я этого не знаю? Но, если твоими стараниями она погибнет, Роланд, уходя из Кальи, ты унесешь с собой мое проклятье. Если она погибнет. Независимо от того, скольких детей вам удастся спасти.

Роланд, которого проклинали не один раз, кивнул.

— Если ка пожелает, Воун, она вернется к тебе.

— Ага. Но запомни, что я сказал.

— Запомню.

Эйзенхарт шлепнул вожжами лошадь по спине, и возок тронулся с места.

8

Каждая женщина располовинила голову-тыкву с сорока, пятидесяти и шестидесяти ярдов.

— Старайтесь попасть в голову как можно ближе к капюшону, — предложил им Роланд. — Если попадете ниже, толку не будет.

— Из-за брони? — спросила Розалита.

— Ага, — ответил Роланд, не сказав всей правды. Впрочем, и не собирался говорить до самого последнего момента.

Потом пришел черед картофелин. Сари Адамс разрежала свою с сорока ярдов, чуть задела с пятидесяти и промахнулась с шестидесяти: тарелка пролетела слишком высоко. Она выругалась, совсем не по-женски и, понутив голову, отошла к будке-туалету. Там и села, наблюдая за продолжением соревнования. Роланд подошел, присел рядом. Увидел слезу, побежавшую из уголка левого глаза по иссеченной ветром щеке.

— Я подвела тебя, чужестранец. Говорю, извини.

Роланд взял ее руку, пожал.

— Нет, леди, нет. Для тебя найдется работа. Только не в том месте, что для остальных. И тебе, возможно, придется бросать тарелку.

Она печально улыбнулась ему и благодарно кивнула.

Эдди водрузил на пугала новые головы-тыквы, и на каждую поставил по редиске. Они практически полностью скрывались в тени капюшонов-мешков.

— Удачи вам, девочки, — улыбнулся он. — Покажите класс.

— Начинайте с десяти ярдов, — приказал Роланд.

С десяти в редиску попали все. И с двадцати. С тридцати Сюзанна послала тарелку чуть выше, следуя полученным от Роланда инструкциям. Он хотел, чтобы этот тур выиграла одна из женщин Кальи. На дистанции в сорок ярдов Залия Джеффордс слишком долго целилась, и в итоге ее тарелка разрубила тыкву, а не редиску.

— Фак-каммала! — воскликнула она, тут же зажала рот руками, посмотрела на Каллагэна, который сидел на ступеньках крыльца. Тот лишь улыбнулся и помахал ей рукой, словно ничего и не слышал.

Залия подскочила к Эдди и Джейку, покраснев до кончиков ушей, в ярости.

— Ты должен попросить его дать мне еще один шанс, попроси, прошу тебя, — сказала она

Эдди. — Я смогу попасть. Знаю, что смогу...

Эдди положил руку ей на плечо, останавливая словесный поток.

— Он тоже это знает, Зи. Ты остаешься в команде.

Она посмотрела на него, сверкая глазами, губы сжались так плотно, что практически исчезли.

— Ты уверен?

— Да, — кивнул Эдди. — «Горожане» могли бы взять тебя в питчеры, дорогая.

На поле остались Маргарет и Розалита. Обе попали в редиску и с пятидесяти ярдов. Эдди, наклонившись к Джейку, пробормотал: «Знаешь, дружище, я бы этому не поверил, если б не увидел собственными глазами».

С шестидесяти ярдов Маргарет Эйзенхарт промахнулась. Розалита занесла тарелку над правым плечом, она была левшой, на мгновение застыла, потом крикнула: «Риса!» — и метнула тарелку. Даже Роланду не хватило остроты зрения, чтобы понять, то ли тарелка зацепила редиску, то ли поднятый тарелкой ветер сшиб ее. Но Розалиту это не волновало. Он вскинула руки и издала победный вопль.

— Ярмарочный гусь! Ярмарочный гусь! — начала скандировать Маргарет, и остальные, даже Каллагэн, присоединились к ней.

Роланд подошел к Розе, крепко обнял и прошептал, что пусть ярмарочного гуся для нее у него нет, зато вечером найдется гусак с длинной шеей.

— Что ж, — улыбнулась она в ответ, — становясь старше, мы соглашаемся на любые призы. Не так ли?

Залия повернулась к Маргарет.

— Что он ей сказал? Ты знаешь?

Маргарет Эйзенхарт улыбалась.

— То самое, что ты не раз слышала, я уверена.

9

Потом дамы ушли. Так же, как и отец Каллагэн, у которого нашлись какие-то дела. Роланд сидел на нижней ступеньке крыльца, глядя на поле, где проходили состязания. Когда Сюзанна спросила, доволен ли он результатом, стрелок кивнул.

— Да, думаю, все прошло хорошо. Мы должны на это надеяться, потому что времени остается все меньше. Слишком много на нас наваливается, и сразу, — правда же состояла в том, что никогда раньше он не попадал в столь сложное положение... но с того дня, как Сюзанна призналась в своей беременности, он, пусть и немного, но успокоился.

«Просто ты вовремя вспомнил о том, что нельзя мешать ка, — подумал он. — И произошло это благодаря женщине, у которой мужества больше, чем у любого из нас».

— Роланд, мне обязательно надо возвращаться в Рокинг Би? — спросил Джейк.

Роланд обдумал вопрос, пожал плечами.

— Ты хочешь?

— Да, но на этот раз мне лучше взять с собой «ругер», — лицо Джейка порозовело, но голос остался ровным. Он проснулся с этой идеей, будто бог снов, которого Роланд называл Нис, подсунул ее ему во сне. — Я положу его на дно спальника и заверну в рубашку. Никто не узнает, что он там, — Джейк помолчал. — Я не собираюсь показывать его Бенни, если ты думаешь, что он нужен мне для этого.

Такая мысль не приходила Роланду в голову. Но чем руководствовался Джейк? Он задал

этот вопрос и получил ответ человека, который просчитал партию в «Замки» на несколько ходов вперед.

— Ты спрашиваешь, как мой старший?

Роланд уже отрыл рот, чтобы ответить утвердительно, заметил, как пристально смотрят на него Эдди и Сюзанна, и передумал. Одно дело, хранить секреты (как каждый по-своему хранил секрет беременности Сюзанны), и совсем другое — следовать интуиции. Ответить да, значит, держать Джейка на коротком поводке. Но он, конечно, заслужил право на определенную самостоятельность. Нынешний Джейк разительно отличался от того Джейка, которого «извлекли» в Срединный мир, дрожащего, перепуганного, чуть ли не голого.

— Нет, не как твой старший, — ответил он. — Что касается «ругера», ты можешь брать его и увозить, куда хочешь и в любое время. Разве не ты принес его тету?

— Украл, — тихим голосом ответил Джейк, уставившись в колени.

— Ты его взял, чтобы выжить, — напомнила Сюзанна. — А это большая разница. Послушай, сладенький, ты никого не собираешься подстрелить, не так ли?

— Не собираюсь, нет.

— Будь осторожен, — добавила она. — Я не знаю, что ты задумал, но будь осторожен.

— И что бы ты ни задумал, постарайся разобраться с этим в течение следующей недели, — вставил Эдди.

Джейк кивнул, посмотрел на Роланда.

— Когда ты решил провести общее собрание?

— Если верить роботу, у нас десять дней до прихода Волков. Так что... — Роланд что-то подсчитал в уме. — Собрание пройдет через шесть дней. Тебя это устроит?

Джейк снова кивнул.

— И все-таки ты не хочешь рассказать мне, что тебя тревожит?

— Нет, если ты не спросишь, как старший. Возможно, это ерунда, Роланд. Честное слово.

Роланд с сомнением кивнул, начал сворачивать новую самокрутку. До чего же это приятно, курить свежий табак.

— Есть что-нибудь еще? — спросил он. — Если нет, тогда...

— В общем-то, есть, — прервал его Эдди.

— Что?

— Мне нужно вернуться в Нью-Йорк, — говорил он так буднично, будто разговор шел о том, что он собрался прогуляться в ближайший магазин за банкой маринованных огурцов или коробочкой лакричных пастилок, но глаза его возбужденно горели. — И на этот раз я должен попасть туда во плоти. То есть, придется напрямую задействовать этот шар. Черный Тринадцатый. Я очень надеюсь, что ты, Роланд, знаешь, как это делается.

— А с чего это ты собрался в Нью-Йорк? — спросил Роланд. — Вот этот вопрос я задаю, как старший.

— Само собой, — кивнул Эдди, — и я тебе отвечу. Потому что ты прав, говоря о том, что времени в обрез. Потому что Волки Калы — не единственные, из-за кого нам надо тревожиться.

— Ты хочешь посмотреть, сколько времени осталось до пятнадцатого июля, — догадался Джейк. — Так?

— Да, — кивнул Эдди. — По тому, что мы видели в Прыжке, ясно, что время в том Нью-Йорке 1977 года идет быстрее. Вы же помните дату на экземпляре «Нью-Йорк таймс», которую я нашел?

— Второе июня, — ответила Сюзанна.

— Правильно. А точно соотнести время этого мира и другого не представляется

возможным. Согласны?

Джейк энергично кивнул.

— Потому что этот мир не похож на другие... если только эта разница не кажущаяся, подстроенная Черным Тринадцатым, который и отправил нас в Прыжок.

— Я так не думаю, — покачал головой Эдди. — Мне представляется, что отрезок Второй авеню, от пустыря до, скажем, Шестидесятых улиц, играет очень важную роль. Я думаю, это дверь. Одна большая дверь.

Джейк Чеймберз оживился.

— Не до Шестидесятых. Не так далеко. Я думаю, ты говоришь об отрезке Второй авеню между Сорок шестой и Пятьдесят четвертой улицами, В тот день, когда я ушел из школы Пайпера, я почувствовал какие-то изменения, когда пересек Пятьдесят четвертую улицу. Речь может идти только об этих восьми кварталах. На этом отрезке находятся магазин звукозаписи, ресторан «Чав-Чав» и «Манхэттенский магазин для ума». И, разумеется, пустырь. Это другой конец. Это... не знаю...

— Оказавшись там, ты попадаешь в другой мир, — продолжил Эдди. — Какой-то ключевой мир. И я думаю, именно поэтому время там бежит...

Роланд поднял руку.

— Стоп.

Эдди замолчал, выжидающе посмотрел на Роланда, с легкой улыбкой на лице. Но Роланд и не думал улыбаться. И от недавнего благодушия не осталось и следа. Слишком много у них дел. А вот времени на все эти дела явно недостаточно.

— Ты хочешь посмотреть, насколько приблизилось время к тому дню, когда перестанет действовать прежнее соглашение. Правильно я тебя понял?

— Да.

— Для этого не обязательно перемещаться в Нью-Йорк во плоти. Хватит и Прыжка.

— Прыжок годится, если нужно только проверить день и месяц, но есть и другие дела. Насчет пустыря мы сильно ошиблись. Очень сильно, уверяю вас.

10

Эдди не сомневался, что они смогут стать владельцами пустыря и без унаследованного Сюзанной состояния. Он полагал, что история Каллагэна ясно показала, что для этого нужно сделать. Не розы, конечно. Роза не могла принадлежать никому (ни им, ни кому-то еще). Но пустыря, чтобы охранять и защищать розу. И денег для этого, по его убеждению, практически не требовалось.

Испуганный или нет, Келвин Тауэр спрятался в бывшей прачечной, чтобы спасти задницу Каллагэна. Испуганный или нет, Келвин Тауэр 31 мая 1977 года отказался продать последний участок манхэттенской земли, находящийся в его собственности, «Сомбра корпорейшн». Эдди думал, что Келвин Тауэр вполне тянет на героя.

Эдди также думал и о том, как отец Каллагэн закрыл лицо руками, первый раз упомянув о Черном Тринадцатом. Ему очень хотелось вышвырнуть шар из своей церкви... но он все равно держал его там. Как и владелец книжного магазина, отец Каллагэн тянул на героя. И как же они сгруппировались, предположив, что Келвин Тауэр попросит за пустырь миллионы! Он хотел избавиться от пустыря! Отдал бы его даром, но только надежному человеку. Или надежному ка-тету.

— Сюзанна, ты не можешь идти, потому что беременна, — продолжил Эдди. — Джейк, ты не можешь идти, потому что еще ребенок. Не говоря ни о чем другом, я уверен, что ты не можешь

подписать контракт, о котором я думаю с тех пор, как отец Каллагэн рассказал нам свою историю. Я мог бы взять тебя с собой, но похоже, ты хочешь кое-что проверить в другом месте. Или я ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься, — ответил Джейк. — Но я почти что готов идти с тобой. Очень уж будет интересно.

Эдди улыбнулся.

— Почти — недостаточно. Что же касается Роланда... извини босс, но в нашем мире ты чувствуешь себя не в своей тарелке. Ты... э... у тебя проблемы с произношением.

Сюзанна расхохоталась.

— Что ты собираешься ему предложить? — спросил Джейк? — Я хочу сказать, что-то ты должен предложить, не так ли?

— Один бакс, — ответил Эдди. — Который я попрошу Тауэра мне одолжить...

— Нет, мы можем дать ему больше, — лицо Джейка было очень серьезным. — У меня есть пять или шесть долларов, — он улыбнулся. — Потом накинём ещё. Когда все устанут и на этой стороне.

— Если останемся живы, — вставила Сюзанна, но ее глаза ярко сверкали. — Знаешь что, Эдди? Ты, похоже, гений.

— Балазар и его друзья опечалятся, если сэй Тауэр продаст нам свой участок, — заметил Роланд.

— Да, но, возможно, мы сможем убедить Балазара оставить его в покое, — мрачная усмешка изогнула губы Эдди. — Если уж на то пошло, Роланд, Энрико Балазар из тех людей, кого я с удовольствием убью дважды.

— Когда ты хочешь отправиться туда? — спросила Сюзанна.

— Чем раньше, тем лучше, — ответил Эдди. — Я просто схожу с ума, не зная, как обстоят дела в Нью-Йорке. Роланд, что скажешь?

— Я скажу, завтра. Мы перенесем шар в пещеру, а там посмотрим, сможешь ли ты пройти через дверь в где и когда Келвина Тауэра. Твоя идея хороша, Эдди, и я говорю, спасибо тебе.

— А если шар закинет тебя в другое место? — спросил Джейк. — В 1977 год, но в другую реальность, или... — он не мог найти нужных слов. Лишь помнил, какими тонкой казалась ткань реальности, когда Черный Тринадцатый впервые отправил их в Прыжок, какая бескрайняя тьма ждала их за «декорациями» нью-йоркских улиц и домов, — ...в никуда, а то и подальше? — закончил он.

— В этом случае я пришлю почтовую открытку, — Эдди пожал плечами и хохотнул, но при этом Джейк успел увидеть, как тот напуган. Увидела это и Сюзанна, потому что взяла руку Эдди в свои и пожалала.

— Эй, да все у меня будет хорошо.

— Иначе и быть не должно, — ответила ему Сюзанна. — Не должно!

Когда на следующее утро Роланд и Энди вошли в церковь Нашей непорочной госпожи, день только занимался на северо-восточном горизонте. Эдди, плотно сжав губы, освещал путь по центральному проходу подсвечником. Магический кристалл, за которым они пришли, мерно гудел. Сонно, но Эдди это гудение совершенно не нравилось. Да и от самой церкви по коже бежали мурашки. Пустая, огромная... Эдди не отпускало ощущение, что он вот-вот увидит сидящие на скамьях призрачные фигуры (а то и бродячих мертвяков), которые одарят их неодобрительными взглядами.

Но больше всего его доставало гудение.

Когда они приблизились к алтарю, Роланд открыл заплечный мешок и достал другой, для боулинга, который до вчерашнего дня Джейк держал у себя. Стрелок на мгновение поднял его, развернув, и они вновь прочитали надпись: «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДИННОГО МИРА».

— Ни слова, пока я не скажу, что можно говорить, — предупредил Роланд. — Ты понял?

— Да.

Роланд направился к тайнику отца Каллагэна, надавил большим пальцем на желобок меж двух досок, и крышка люка приподнялась. Роланд полностью откинул ее. Эдди как-то видел по телевизору фильм о саперах, которые обезвреживали неразорвавшиеся бомбы, сброшенные на Лондон немецкой авиацией. Движения Роланда живо напомнили ему тот фильм. И почему нет? Если они не ошибались насчет того предмета, что лежал в тайнике, а Эдди полагал, что не ошибались, то имели дело с неразорвавшейся бомбой.

Роланд развернул белый стихарь, они увидели ящик. Гудение усилилось. У Эдди перехватило дыхание. Его прошиб холодный пот. Где-то совсем рядом невероятно злобный монстр приоткрыл еще спящий глаз.

Но гудение вернулось на прежний уровень, и Эдди вновь обрел способность дышать.

Роланд протянул Эдди мешок, знаком предложив широко его раскрыть. Эдди подчинился, хотя больше всего ему хотелось шепнуть Роланду на ухо, что надо сматываться и забыть о Нью-Йорке. Роланд вытащил ящик из тайника, и гудение опять усилилось. Свечи разгоняли темноту, и Эдди видел, что лоб Роланда блестит от пота. Он не сомневался, что точно также блестит и его лоб. Если Черный Тринадцатый проснется и закинет их в какое-нибудь черное никуда...

«Я не пойду. Я буду бороться, чтобы остаться с Сюзанной».

Разумеется, он бы поборолся. Но при этом испытал огромное облегчение, когда Роланд осторожно опустил деревянный ящик в этот странный, металлический мешок, который они нашли на пустыре. Гудение не исчезло, но стало куда как тише. А когда Роланд стянул тесемки, превратилось в едва слышный шепот, какой обычно доносится из морской раковины, если приложить ее к уху.

Эдди перекрестил воздух перед собой. Чуть улыбнувшись, Роланд последовал его примеру.

Когда они вышли из церкви, северо-восточный горизонт заметно просветлел. До восхода солнца оставалось совсем ничего.

— Роланд.

Стрелок повернулся к нему, приподнял брови. Его рука сжимала горловину мешка, должно быть, тесемкам он не очень доверял.

— Если мы находились в Прыжке, когда нашли этот мешок, как мы смогли взять его с собой?

Роланд обдумал вопрос.

— Может, и мешок находится в Прыжке.

— И сейчас?

Роланд кивнул.

— Да, думаю, что да. И сейчас.

— Понятно, — Эдди помолчал. — От всего этого мурашки бегут по коже.

— Передумал насчет визита в Нью-Йорк, Эдди?

Эдди покачал головой. Но он боялся. Возможно, боялся даже больше, чем в салоне для баронов, когда он вышел в проход, чтобы загадать Блейну пару-тройку загадок.

2

Когда половина тропы, ведущей к Пещере двери («Она крутая», — сказал Хенчек и не погрешил против истины), осталась позади, пошел уже одиннадцатый час и солнце прогрело воздух. Эдди остановился, вытер шеей банданой, посмотрел на извивающиеся сухие русла к северу от тропы. Тут и там в склонах зияли черные дыры, и он спросил Роланда, не гранатовые ли это шахты. Стрелок ответил, что да.

— И в какую ты хочешь отвести детей? Она отсюда видна?

— Видна, — Роланд достал свой единственный револьвер, наставил на выбранную им шахту. — Посмотри поверх прицела.

Эдди посмотрел и увидел глубокую расселину, формой напоминающую двойную букву S. Почти до самого верха ее заполняла густая тень. Он понял, что солнце, если освещало дно, то лишь на полчаса и в полдень. Одним концом расселина упиралась в скалу. Эдди предположил, что вход в штольню находится именно там, но тень не позволяет его разглядеть. Второй, юго-восточный конец расселины переходил в сухое речное русло, которое сбегало к Восточной дороге. А уж за Восточной дорогой до самой реки тянулись рисовые поля.

— На ум сразу приходит история, которую ты нам рассказывал, — Эдди повернулся к стрелку. — О каньоне Молнии.

— Само собой.

— Только без червоточины, которая сделала всю грязную работу.

— Да, — согласился Роланд, — без червоточины.

— Скажи мне правду, ты действительно собираешься спрятать детей в глухом тупике сухого речного русла?

— Нет.

— Горожане думают, что собираешься. Даже женщины, бросающие тарелки.

— Знаю, — кивнул Роланд. — Я хочу, чтобы они так думали.

— Почему?

— Потому что не верю, что в поиске детей Волкам помогали какие-то сверхъестественные силы. Услышав историю деда Тиана, не думаю, что в Волках вообще есть что-то сверхъестественное. Нет. Просто в этом амбаре завелась крыса. Которая на ушко шепчет тем, кто посылает из Тандерклепа Волков.

— Ты хочешь сказать, всякий раз крысы разные. Каждые двадцать три или двадцать четыре года.

— Да.

— Кто это делает? — спросил Эдди. — Кто может это делать?

— Точно я не уверен, но идея есть.

— Тук? Предательство, передаваемое по наследству, от отца к сыну?

— Если ты отдохнул, Эдди, думаю, нам лучше продолжить путь.

— Оуверхолсер? Может, этот Телфорд, который выглядит, как ковбой из телевизора.

Роланд молча прошел мимо него. Под подошвами его новых сапог хрустели камушки. Зажатый в левой руке, розовый мешок болтался из стороны в сторону. Шар, лежащий в ящике из «дерева призраков» продолжал нашептывать неприятные секреты.

— Разговорчив, как всегда, — хмыкнул Эдди и последовал за стрелком.

3

Первым из глубин пещеры донесся голос великого мудреца и знаменитого наркомана.

— О, вы только посмотрите на этого маменькиного сынка! — простонал Генри. Голос его, забавный и пугающий одновременно, напомнил Эдди умершего партнера Эбенезера Скруджа в «Рождественской песни». — Маменькин сынок думает, что ему удастся вернуться в Нью-Йорк? Если попытаешься, то попадешь куда как дальше, братец. Лучше оставайся, где пребываешь сейчас... вырезай что-нибудь из деревяшек... будь хорошим мальчиком... — мертвый брат засмеялся. Живой — задрожал.

— Эдди? — позвал Роланд.

— Послушай своего брата, Эдди! — пронзительно крикнула мать из глубин пещеры. На полу белели кости мелких животных. — Он отдал за тебя жизнь, всю свою жизнь, по меньшей мере, ты можешь его послушать!

— Эдди, ты в порядке?

Голос матери сменился голосом Кзабы Драбника, спятившего гребаного венгра, как его звали приятели Эдди. Кзаба просил Эдди дать ему сигарету, в противном случае угрожая спустить его гребаные штаны и выпороть. Эдди с трудом отвлекся от этого пугающего многоголосья.

— Да, пожалуй, что да.

— Голоса идут из твоей головы. Пещера каким-то образом находит их и усиливает. Не обращай на них внимания. Они, конечно, отвлекают, но больше ничем навредить не могут.

— Почему ты позволил им убить меня, брат? — всхлипнул Генри. — Я думал, что ты придешь, но ты так и не пришел.

— Навредить не могут, — кивнул Эдди. — Я тебя понял. Что делаем дальше?

— Согласно обоим историям, Каллагэна и Хенчека, дверь откроется, как только я приподниму крышку ящика.

Эдди нервно рассмеялся.

— Я не хочу, чтобы ты доставал ящик из мешка, не говоря уже о крышке.

— Если ты передумал...

Эдди покачал головой.

— Нет. Я хочу вернуться в Нью-Йорк, — тут он широко улыбнулся. — Ты не боишься, что я сойду с пути истинного? Найду человечка и приму дозу?

— Это китайский белый! — восторженно выкрикнул из глубин пещеры Генри. — Эти ниггеры продают самый лучший порошок!

— Отнюдь, — ответил Роланд. — Меня много чего тревожит, но только не твое возвращение к прежним привычкам.

— Хорошо, — Эдди вошел в пещеру, посмотрел на свободно стоящую там дверь. Если не считать иероглифов и хрустальной ручки с выгравированной на ней розой, дверь эта выглядела точь-в-точь, как двери на берегу. — Если ее обойти...

— Если ее обойти, она исчезнет, — ответил Роланд. И за ней — глубокая пропасть, насколько мне известно, до самого Наара. На твоём месте я бы помнил об этом.

— Хороший совет, и Быстрый Эдди говорит, спасибо тебе, — он взялся за хрустальную ручку, обнаружил, что она не поворачивается ни вправо, ни влево. Собственно, ничего другого он и не ожидал. Отступил на шаг.

— Ты должен думать о Нью-Йорке, — напомнил ему Роланд. — Конкретно, о Второй авеню. И о времени. Тысяча девятьсот семьдесят седьмом годе.

— Как я могу думать о годе?

Когда Роланд отвечал, в голосе его слышалось нетерпение.

— Думай о том, как все было в тот день, когда ты и Джейк следовали за другим, более ранним Джейком. Эдди уже собрался сказать, что это не тот день, ему надо вернуться в Нью-Йорк позже, но закрыл рот. Если они понимали правила игры, он не мог вернуться в тот день, на призраком, в Прыжке, ни во плоти. Если они понимали правила игры, тамошнее время как-то связано со здешним, только бежало быстрее. Если они понимали правила... если были правила...

Так почему бы тебе не отправиться туда и убедиться самому, есть они или нет?

— Эдди? Ты хочешь, чтобы я загипнотизировал тебе? — Роланд уже вытащил из гнезда пояса-патронташа патрон. — Если это поможет тебе увидеть прошлое.

— Нет, Думаю, мне лучше пойти так, с ясной головой.

Эдди несколько раз сжал и разжал кулаки, параллельно набирая полную грудь воздуха и выдыхая его. Сердцебиение не участилось, скорее, замедлилось, но каждый удар, казалось, сотрясал все тело. Господи, насколько бы все было проще, если б существовал пульт управления, в приборы которого он мог ввести нужные ему параметры, как на машине времени профессора Пибоди или в том фильме про морлоков!

— Слушай, а как я выгляжу? — спросил он Роланда. — В смысле, не привлеку ли я к себе излишнего внимания, материализовавшись на Второй авеню?

— Если ты появишься прямо перед людьми, наверняка привлечешь. Я советую игнорировать тех, кто захочет заговорить с тобой на эту тему, и сразу уйти.

— Это понятно. Я говорю про одежду.

Роланд пожал плечами.

— Я не знаю, Эдди. Это твой город, не мой.

Эдди мог бы на это возразить, что его город — Бруклин. А на Манхэттене он бывал разве что раз в месяц и полагал его другой страной. Однако, понимал, о чем толкует Роланд. Он постарался взглянуть на себя со стороны. Простая байковая рубашка с роговыми пуговицами, темно-синие джинсы с никелевыми, а не медными клепками, ширинка на пуговицах (последний раз молнии Эдди видел в Ладе). И решил, что одежда у него нормальная. Во всяком случае, нормальная для Нью-Йорка. Если кто и бросит на него взгляд, то примет за официанта кафе или артиста, играющего хиппи, у которого выдался выходной день. Впрочем, он сомневался, что кто-то удостоит его и взгляда, в Нью-Йорке предпочитали не смотреть на людей, что вполне его устраивало. Впрочем, не хватало одной мелочи...

— У тебя есть полоска кожи? — спросил он Роланда.

Из пещеры донесся голос мистера Табтера, его учителя из пятого класса: *У тебя был потенциал!* — прогремел он. — *Ты был одним из моих лучших учеников, и посмотри, что с тобой стало! Почему ты позволил брату испортить тебя?*

На что яростно возразил Генри: *Он позволил мне умереть! Он меня убил!*

Роланд снял с плеча мешок, поставил на пол рядом с розовым, открыл, порылся. Эдди не знал, что в нем может лежать, мог лишь сказать, что никогда не видел дна. Наконец, стрелок нашел полоску кожи и протянул Эдди.

Пока Эдди завязывал ею волосы, Роланд достал из мешка то, что называл сумой, открыл, начал выгружать на пол содержимое: пакет с табаком, подаренным Каллагэном, монеты и бумажные деньги, жестянку с иголками и нитками, погнутую миску, из которой он сделал компас неподалеку от поляны Шадрика, старую карту и новую, недавно нарисованную близнецами Тавери. После того, как сума опустела, он вытащил из кобуры на левом бедре револьвер с рукояткой, отделанной сандаловым деревом. Откинул цилиндр, проверил патроны, удовлетворенно кивнул, вернул цилиндр на место. Положил в суму, завязал тесемки на легко развязываемый, стоило дернуть за одну, выбленочный узел. Подняв суму за потертую лямку, протянул Эдди.

Поначалу Эдди не хотел ее брать.

— Нет, Роланд, это твой.

— Последние недели ты носил его столько же, что и я. Может, больше.

— Да, но теперь речь идет о Нью-Йорке, Роланд. В Нью-Йорке все крадут.

— У тебя не украдут. Возьми револьвер.

Эдди с мгновение смотрел Роланду в глаза, потом взял суму, повесил на плечо.

— Ты чувствуешь, что так надо.

— Ага.

— Ка в действии?

Роланд пожал плечами.

— Ка всегда в действии.

— Хорошо, — кивнул Эдди. — И, Роланд, если я не вернусь, позаботься о Сюзи.

— Твоя работа — сделать все, чтобы мне не пришлось заботиться о ней.

«Нет, — подумал Эдди, — моя работа — оберегать розу».

Повернулся к двери. Ему хотелось задать еще тысячу вопросов, но он признавал правоту Роланда: время для вопросов вышло.

— Эдди, если ты не хочешь...

— Наоборот, хочу, — он поднял левую руку, отставил большой палец. — Когда увидишь, что я так сделаю, открывай ящик.

— Хорошо.

Голос Роланда доносился издалека. Потому что он, Эдди, остался наедине с дверью. Дверью с надписью «НЕНАЙДЕННАЯ» на незнакомом ему языке с красивыми буквами. Однажды он прочитал роман «Дверь в лето»... Кто его написал? Один из фантастов, чьи книги он постоянно приносил из библиотеки. Один из представителей старшего поколения, которые гарантировали хорошее, качественное чтение. Мюррей Лейнстер, Пол Андерсон, Гордон Диксон, Айзек Азимов, Харлан Эллисон... Роберт Хайнлайн. Да, именно Хайнлайн написал «Дверь в лето». Генри всегда издевался над ним из-за этих книжек, называл маменькиным сынком, книжным червем, спрашивал, может он читать и дробить одновременно, спрашивал, как ему удастся так долго сидеть, уткнувшись носом в выдумки про ракеты и машины времени. Генри, старший брат. Генри, с лицом в прыщах, блестящих от кремов, которые, судя по аннотации, могли в мгновение ока расправиться с прыщами. Генри, собравшийся в армию. Эдди, младший брат. Эдди, приносивший книги из библиотеки. Тринадцатилетний Эдди, по возрасту такой же, как Джейк сейчас. На дворе 1977 год, ему тринадцать, он на Второй авеню, и такси поблескивают желтым под солнечным светом. Черный юноша с плеером проходит мимо

ресторана «Чав-Чав». Эдди может его видеть, Эдди знает, что слушает черный юноша: Элтона Джона, который поет, понятное дело, «Кто-то сегодня спас мне жизнь». На тротуаре много людей. Вечер уже не за горами, и люди идут домой, проведя еще один день на стальных полях Кальи Нью-Йорк, где выращивают деньги вместо риса и не жалуются на плохой урожай. Женщины выглядят забавно в дорогих деловых костюмах и кроссовках: их туфли на высоком каблуке в сумочках, потому что рабочий день закончился, и они идут домой. Все улыбаются, потому что свет такой яркий, а воздух такой теплый. Издалека даже доносится перестук дятла. Перед ним дверь в лето 1977 года, таксисты берут бакс с четвертью за посадку и тридцать центов за каждую четверть мили. Раньше они брали меньше, потом будут брать больше, но сейчас такса у них такая. Космический челнок с учительницей на борту еще не взорвался. Джон Леннон еще жив, хотя долго не проживет, если будет и дальше злоупотреблять героином, этим китайским белым. Что же касается Эдди Дина, Эдди Кантора Дина, то он про героин еще ничего не знает. Несколько сигарет — вот и все его грехи (если не считать попыток погонять шкурку, которые еще год не будут удачными). Ему — тринадцать. В Нью-Йорке 1977 год, и на груди у него растут ровно четыре волоска. Он пересчитывает их каждое утро, надеясь, что к ним вот-вот присоединится пятый. Это лето после лета парусников.^[61] Июньский день катится к вечеру, и он слышит радостную мелодию. Радостная мелодия льется из динамиков над дверью магазина «Башня выдающихся записей». Это Манго Джерри поет «Летом, этим летом», и...

Внезапно все это стало для Эдди реальным, совершенно реальным, и он вскинул левую руку: приготовились. За его спиной Роланд сел, достал ящик из розового мешка. И, как только Эдди и оттопырил большой палец, стрелок поднял крышку.

Тут же Эдди услышал прекрасную и ужасную мелодию колокольцев. Глаза начали слезиться. В свободно стоящей перед ним двери что-то щелкнуло, она начала открываться, и на пол пещеры легла полоса солнечного света. Донеслись звуки клаксонов и перестук дятла. Не так уж и давно он так хотел, чтобы такая вот дверь открылась, что ради этого едва не убил Роланда. А теперь, увидев перед собой открывающуюся дверь, перепугался до смерти.

Колокольца, неотъемлемые спутники Прыжка, разрывали голову. Он понял, что сойдет с ума, если будет слушать их достаточно долго. «Иди, раз уж собрался идти», — подумал он.

Шагнул вперед, увидев сквозь слезы, как три руки протянулись, чтобы схватиться за четыре ручки. Потянул дверь на себя, и золотой предвечерний свет заставил прищуриться. В нос ударили запахи бензина, нагретого солнцем города и чьего-то лосьона после бритья.

Практически ничего не видя перед собой, Эдди шагнул сквозь ненайденную дверь в лето реальности, которую покинул через такую же дверь.

Он попал на Вторую авеню, все так. Увидел перед собой «Блимпис». Сзади доносился веселый голос Манго Джерри. Людской потом обтекал его. Кто-то шел к Сороковым улицам, кто-то — к Шестидесятым. На Эдди большинство не обращало внимания, и не только потому, что они куда-то спешили. В Нью-Йорке не обращать внимания на других — норма жизни.

Эдди поправил суму Роланда, висевшую на правом плече, оглянулся. Дверь в Калья Брин Стерджис никуда не далась.

Он видел Роланда, который сидел в пещере, у самого входа, с открытым ящиком на коленях.

«Это гребаные колокольца сводят его с ума», — подумал Эдди. И тут увидел, как стрелок вытащил два патрона из пояса-патронташа и вставил в уши. Эдди улыбнулся. «Все правильно».

По крайней мере патроны помогли заблокировать дребезжание червоточины на автостраде 70. Сработало это или нет, Роланду он ничем помочь не мог. Потому что у него были другие дела.

Эдди чуть повернулся, вновь посмотрел через плечо, чтобы убедиться, что дверь повернулась вместе с ним, оказавшись у него за спиной. Повернулась. Если она не отличалась от других, она будет следовать за ним, куда бы он ни пошел. Если и не будет, Эдди не видел в этом проблемы: далеко он уходить не собирался. Заметил он и другое: ощущение темноты, знакомое по Прыжку и грозившее его поглотить, исчезло. Потому что, решил Эдди, он здесь во плоти, а не виртуально. И если в округе и были бродячие мертвяки, он их увидеть не мог.

Вновь поправив лямку сумы, Эдди двинулся к «Манхэттенскому ресторану для ума».

5

Люди расступались перед ним, давая пройти, и это доказывало, что он действительно здесь, на Второй авеню. Люди обходили его и во время Прыжка. Наконец, Эдди сознательно столкнулся с молодым мужчиной, который нес не один брифкейс, а два, Большим охотником за гробами в мире бизнеса, как окрестил его Эдди.

— Эй, смотри, куда идешь! — возмутился мистер Бизнесмен, когда их плечи вошли в плотный контакт.

— Извините, — поспешил ответить Эдди, — извините, — итак, он здесь во плоти. — Вас не затруднит сказать мне, какой сегодня...

Но мистер Бизнесмен уже ушел, гонясь за инфарктом, который неминуемо поджидал его по достижению сорока пяти или пятидесяти лет. Эдди вспомнил бородатый нью-йоркский анекдот: «Извините, сэр, сможете вы сказать, как пройти к зданию городского совета или мне просто идти на хер?» И рассмеялся, ничего не смог с собой поделать.

Как только совладал со смехом, зашагал дальше. На углу Второй авеню и Пятьдесят четвертой улицы увидел мужчину, разглядывающего витрину обувного магазина. Тоже в деловом костюме, но куда более расслабленного в сравнении с тем мистером Бизнесменом, которого он толкнул. И брифкейс он нес один, что Эдди счел добрым знаком.

— Извините, — обратился к нему Эдди, — но не могли бы вы сказать мне, какой сегодня день?

— Четверг, — ответил мужчина. — Двадцать третье июня.

— 1977 года?

Мужчина улыбнулся, вопросительно и одновременно цинично, изогнул бровь.

— 1977, совершенно верно. 1978 начнется... месяцев через шесть. Даже чуть позже.

Эдди кивнул.

— Спасибо, сэй.

— Спасибо, кто?

— Неважно, — ответил Эдди и продолжил путь.

«Только три недели до пятнадцатого июля, плюс-минус день, — думал он. — Маловато для душевного спокойствия».

Да, но, если ему не удастся убедить Келвина Тауэра продать ему пустырь сегодня, вопрос времени потеряет свою актуальность. Однажды, очень давно, Генри похвалялся, что его маленький братец может уговорить дьявола прыгнуть в его же костер. Эдди надеялся, что прежнее умение убеждать осталось при нем. Заключи сделку с Келвином Тауэром, инвестируй в недвижимость, а потом гуляй себе с Богом. Празднуй. Купи себе шоколад со сливками или...

Бег его мыслей прервался, он так резко остановился, что кто-то врезался в него сзади и

выругался. Эдди едва почувствовал удар, практически не расслышал ругани. Темно-серый «линкольн таун-кар» вновь стоял у тротуара. Не перед пожарным гидрантом, но все равно в непосредственной близости от книжного магазина.

«Таун-кар» Балазара.

Ноги понесли Эдди дальше. Теперь он радовался, что Роланд уговорил его взять с собой один из револьверов. И убедился, что револьвер этот заряжен.

6

Черная грифельная доска вернулась в окно. В этот день «Манхэттенский магазин для ума» предлагал паровой обед из Новой Англии: Натаниэла Готорна, Генри Дэвида Торо и Роберта Фроста, с десертом на выбор: Мэри Маккарти или Грейс Метильос, но на двери висела табличка: «ИЗВИНИТЕ, МАГАЗИН ЗАКРЫТ». Часы на здании банка напротив «Башни выдающихся записей» показывали 3:14 пополудни. Кто, скажите, закрывает магазин в четверть четвертого в рабочий день?

Тот, кто обслуживает особого клиента, Эдди сам и ответил на свой вопрос. Вот кто.

Он прижался носом к стеклу, отгородился руками от света, что посмотреть, что же происходит в «Манхэттенском ресторане для ума». Увидел круглый стол с детскими книжками. Справа от него — стойку, только в этот день на ней никто не сидел, даже Эрон Дипно. И кассовый аппарат стоял в гордом одиночестве.

В магазине не было ни души. Келвина Тауэра вызвали куда-то по срочному делу, может, что-то случилось с кем-то из родственников.

Случилось, это точно, — зазвучал в его голове голос стрелка. — Только не с родственниками, а с ним. Случились незваные гости, которые прибыли в серой автоповозке. И почему бы тебе вновь не взглянуть на стойку, Эдди? Только на этот раз используй глаза по прямому назначению.

Иногда Эдди думал голосами других людей. Он полагал, что в этом не отличался от многих. Не сам же он выдумал этот способ взглянуть на происходящее под другим углом. Но на этот раз он вроде бы и не пытался думать голосом стрелка. Просто голос Роланда сам зазвучал в его голове.

Эдди вновь посмотрел на стойку. Увидел разбросанные шахматные фигурки, перевернутую кофейную чашку. Заметил лежащие на полу, между двух высоких стульев, очки, одно стекло треснуло.

Почувствовал, как в голове запульсировала злость. Пульсации эти набирали силу и учащались, постепенно они блокировали логическое мышление, а после этого оставалось лишь пожалеть тех, кто оказывался в пределах досягаемости револьвера Роланда. Как-то раз он спросил Роланда, бывает ли такое с ним? И Роланд сухо ответил: «Такое бывает с каждым из нас». Когда же Эдди покачал головой и возразил, что он — не Роланд, так же, как и Сюзи, и Джейк, стрелок промолчал.

Тауэр и его особые клиенты на складе, подумал он, в той комнатухе, которую Тауэр использовал под кабинет. И на этот раз одними разговорами дело не ограничится. Эдди не сомневался, что джентльмены Балазара найдут другие способы напомнить мистеру Тауэру, что близиться пятнадцатое июля, день, когда тому придется принимать ответственное решение. И они наверняка подскажут Тауэру, каким должно быть это решение.

Когда слово «джентльмены» пришло в голову Эдди, злость запульсировала еще сильнее. Не должны так называть себя люди, разбившие очки толстому и безобидному владельцу книжного

магазина, а теперь терроризирующие его в подсобке. Джентльмены! Фак-каммала!

Он подергал дверь. Заперта, но замок хлипкий. Дверь болталась в дверной коробке, как готовый выпасть молочный зуб. Стоя в дверной арке, стараясь делать вид, будто его заинтересовала какая-то книга, Эдди начал прикладывать силу. Надавил на ручку, потом привалился к двери плечом, вроде бы ненароком.

Девяносто девять процентов из ста, на тебя никто не смотрит. Это же Нью-Йорк, не так ли? Можете вы сказать, как пройти к зданию Городского совета или мне просто идти на хер?

Он надавил сильнее, но еще не изо всей силы, однако, что-то треснуло, и дверь распахнулась. Эдди тут же переступил порог, словно имел на это полное право, закрыл дверь за собой. Но она тут же открылась. Эдди взял с круглого столика книжку «Как Гринч украл Рождество» (*Никогда ее не любил*), вырвал последнюю страницу, сложил несколько раз, сунул между дверью и дверным косяком, закрыл дверь. На этот раз она осталось на месте. Эдди огляделся.

В магазине пусто, а теперь, когда солнце ушло за небоскребы Вест-Сайда, еще и сумрачно. И тихо...

Ан, нет, нет, какие-то звуки слышались. Из глубин магазина донесся сдавленный крик. «Осторожно, работают джентльмены», — подумал Эдди. Злость разрасталась, заполняя голову.

Он развязал тесемки на суме Роланда, направился в глубину магазина, к двери с табличкой: «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ». По пути ему пришлось обойти груды книг в обложке, и перевернутый вращающийся выставочный стеллаж, какие встречались в старых аптеках. Келвин Тауэр ухватился за него, когда джентльмены Балазара тащили его на склад. Эдди этого не видел, но точно знал, что так оно и было.

Дверь запереть не удосужились. Эдди достал револьвер Роланда, а суму положил на пол, чтобы она не сковывала движения. Осторожно, дюйм за дюймом, открыл дверь, напоминая себе, где находится стол Тауэра. Если б они увидели его, он бы бросился к ним, крича во все горло. Как указывал Роланд, нужно всегда кричать во все горло, если тебя обнаружили. Потому что в этом случае твой противник может на секунду-другую оторопеть, а иногда эти самые секунды и становятся решающими.

Но на этот раз ему не пришлось ни кричать, ни бросаться на противника. Мужчины, которые его интересовали, находились в кабинете, их высокие, ломаные тени плясали по стенам. Тауэр сидел на стуле, только стул этот выдвинули из-за стола и поставили к стене между двух из бюро. Без очков выглядел он совсем потерянным. Оба гостя стояли к нему лицом, то есть спиной к Эдди. Тауэр мог бы увидеть его, но смотрел он на Джека Андолини и Джорджа Бьонди, только на них. И ужас, который читался на лице Тауэра, еще больше разозлил Эдди.

В воздухе пахло керосином, а этот запах, как догадался Эдди, мог повергнуть в ужас самого храброго владельца магазина, особенно того, чьи товары изготавливались из бумаги. Один из джентльменов, тот, что повыше, Андолини, расположился рядом со шкафом со стеклянными дверцами, высотой в пять футов. Дверцы джентльмены раскрыли, внутри Эдди увидел четыре или пять полок, заставленных книгами в пластиковых обложках. Одну из них Андолини держал перед собой, словно расхваливал Тауэру ее достоинства. Второй джентльмен, Бьонди, поднял над головой стеклянную банку с маслянистой жидкостью. Эдди, конечно, знал, что налито в эту банку.

— Пожалуйста, мистер Андолини, — голос Тауэра дрожал от страха. — Пожалуйста, это очень ценная книга.

— Разумеется, ценная, — кивнул Андолини. — В этом шкафу все книги ценные. Как я понимаю, у вас есть экземпляр «Улисса» с автографом писателя, которая стоит двадцать шесть

тысяч долларов.

— Что ты такое говоришь, Джек? — спросил Джордж Бьонди. По голосу чувствовалось, что он потрясен. — Неужто книга может стоит двадцать шесть «штук»?

— Я не знаю, — ответил Андолини. — Может, вы скажите нам, мистер Тауэр? Или я могу звать тебя Кел?

— Мой «Улисс» хранится в банковской ячейке, — ответил Тауэр. — Он не продается.

— Но эти продаются, не так ли? — свободной рукой Андолини указал на шкаф. — Вот на заднем форзаце этой книги я вижу число, написанное карандашом. Семь тысяч пятьсот. Не двадцать шесть «штук», но все равно цена нового автомобиля. И знаете, что я собираюсь сделать, Кел? Ты меня слушаешь?

Эдди направился к ним, старался не шуметь, но особо и не скрывался. И, тем не менее, ни один из троих его не видел. Неужто он был таким же глупым, когда жил в этом мире? Таким уязвимым, что на него могли неожиданно напасть даже не из засады? Наверное, да, поэтому не стоило удивляться, что Роланд поначалу относился к нему с таким презрением.

— Я... я слушаю.

— У тебя есть то, что очень нужно мистеру Балазару. Никак не меньше, чем тебе нужен твой экземпляр «Улисса». И хотя все эти книги в стеклянном шкафе вроде бы продаются, я готов спорить, ты сделаешь все, чтобы их не продать, потому что просто не сможешь заставить себя с ними расстаться. Точно так же, как не можешь заставить себя расстаться с пустырем. И вот что сейчас произойдет. Джордж плескнет керосина на эту книгу стоимостью в семь с половиной тысяч долларов, а я ее подожгу. Потом я возьму другую книгу из твоей пещеры сокровищ и попрошу у тебя устного согласия на продажу этого земельного участка «Сомбра корпорейшн» в полдень 15 июля. Ты меня понял?

— Я...

— Если ты дашь устное согласие, наша встреча закончится. Если не дашь устного согласия — я сожгу вторую книгу. Потом третью. Четвертую. После четвертой, Кел, мой напарник, я в этом уверен, потеряет терпение.

— Ты чертовски прав, — прорычал Джордж Бьонди. Эдди уже находился так близко, что мог прикоснуться к Большому Носу, если б захотел, но они по-прежнему его не видели.

— После четвертой книги мы выльем оставшийся керосин в этот шкаф со стеклянными дверцами и подожжем все ваши...

Краем глаза Андолини наконец-то уловил движение. Посмотрел за левое плечо напарника и увидел молодого мужчину со светло-коричневыми глазами на дочерна загоревшем лице. Мужчина держал в руке старинный, чего там, доисторический, огромный, бутафорский револьвер. Наверняка бутафорский.

— Какого хера... — начал Джек.

Но, прежде чем он успел закончить фразу, лицо Эдди Дина осветила широченная, искренняя улыбка, благодаря которой он из разряда симпатичных мужчин разом перепрыгнул в разряд красавцев. «Джордж! — воскликнул он. Таким тоном приветствовали только самых дорогих, самых близких друзей после долгой разлуки. — Джордж Бьонди! Слушай, у тебя по-прежнему самый большой нос на эту сторону Гудзона! Как же я рад тебя видеть!»

Человек всегда по-особому реагирует на незнакомцев, которые называют его по имени. А если в голосе слышатся добрые интонации, человек подсознательно раскрывает незнакомцу объятья. Вот и Джордж «Большой Нос» Бьонди, поворачиваясь на столь дружелюбный голос, заулыбался. Улыбка так и осталась на его лице, когда Эдди ударил его рукояткой револьвера Роланда. Андолини отличался острым зрением, но рука Эдди, двигавшаяся с невероятной быстротой, словно размазалась по воздуху: в мгновение ока рукоятка револьвера трижды

опускалась на лицо Бьонди. Первый удар пришелся между глаз, второй — повыше правого глаза, третий — в правый висок. Первые два удара получились глухими, третий — чавкающим. Бьонди повалился на пол, как мешок с почтовой корреспонденцией, глаза закатились, губы разошлись, как у младенца, ждущего когда его накормят. Банка упала на бетонный пол, разбилась. Запах керосина резко усилился.

Эдди не дал его напарнику ни секунды передышки. Подскочил к нему, пока Большой Нос еще дергался на полу, в лужах керосина и осколках стекла.

У Келвина Тауэра (который начинал жизнь Кальвином Тореном) произошедшее перед его глазами не вызвало безмерного чувства облегчения. Первой пришла мысль не «Слава Тебе, Господи», но «Эти — плохиши, а новенький еще хуже».

В полумраке склада казалось, что незнакомец выпрыгнул из собственной тени и роста в нем никак не меньше десяти футов. Горящие глаза вылезали из орбит, губы разошлись в зверином оскале, обнажив не зубы, а клыки. В одной руке он держал револьвер, размером не уступающий бландебасу, короткоствольному ружью с раструбом, которое в приключенческих историях семнадцатого века именовалось машиной. Он схватил Андолини за ворот рубашки и лацканы пиджака спортивного покроя и швырнул в стену. Бедром бандит задел шкаф со стеклянными дверцами, который повалился на пол. На жалобный крик Тауэра мужчины внимание не обратили.

Джентльмен Балазара попытался подняться. Вновь прибывший, черные волосы он чем-то связал на затылке, поначалу не мешал ему, а потом резким ударом по ногам свалил на пол. Коленом надавил на грудь, ствол бландебаса, машины, упер под подбородок. Бандит крутанул головой, пытаясь вывернуться. Это привело лишь к тому, что давление на нежную кожу под подбородком усилилось.

Полузадушенным голосом, словно герой мультфильма, подручный Бадазара просипел: «Не заставляй меня смеяться, шустрик... это не настоящий револьвер».

Вновь прибывший, тот самый, который слился с собственной тенью и превратился в гиганта, вытащил свою машину из-под подбородка бандита, большим пальцем взвел курок, нацелил револьвер в глубины склада. Тауэр уже собрался что-то сказать, одному Богу известно, что, но в этот момент оглушающе громыхнуло, словно мина взорвалась в пяти футах от окопа. Из ствола вырвалась яркое желтое пламя. А мгновением позже ствол вновь упирался в нежную кожу под подбородком Андолини.

— Так что скажешь, Джек? — спросил вновь прибывший. — По-прежнему думаешь, что револьвер ненастоящий? Скажу тебе, что я думаю: в следующий раз, когда я нажму на спусковой крючок, твои мозги долетят до Хобокена.^[62]

Эдди увидел страх в глазах Джека Андолини, но не панику. И не удивился. Именно Джек Андолини нашел его после того, как ему не удалось доставить из Нассау груз кокаина. Этот Джек Андолини был моложе, на целых десять лет, но отнюдь не краше. Старину Двойного Уродца, как окрестил его великий мудрец и знаменитый наркоман Генри Дин, отличали узкий лоб пещерного человека и громадная челюсть прирожденного убийцы. Огромные кулаки

казались карикатурными. Выглядел он не только как Двойной Уродец, но и как Двойной Тупица, однако, на самом деле ума ему хватало. Дураки, умеющие только махать кулаками, не поднимаются столь высоко в бандитской иерархии, не становятся заместителями таких, как Энрико Балазар. И если пока Джек не занимал этот высокий пост, ему предстояло его занять к 1986 году, когда Эдди возвращался в аэропорт имени Кеннеди, везя под рубашкой боливийский порошок, стоимостью в двести тысяч долларов. В том мире, в том где и когда, Андолини стал фельдмаршалом Утеса. В этом, думал Эдди, у него есть все шансы отойти от дел гораздо раньше. Отойти от всех дел. Если будет дергаться.

Эдди еще сильнее вдавил ствол револьвера под подбородок Андолини. Запахи разлитого керосина и сгоревшего пороха перекрывали запах старых книг. Где-то в тенях сердито шипел Серджио, магазинный кот. Серджио явно не нравился весь этот шум в его владениях. Андолини скривился, попытался повернуть голову влево.

— Не... не надо... горячо!

— Не так уж и горячо, как будет через пять минут, — ответил Эдди. — Если, конечно, ты не прислушаешься к тому, что я тебе скажу, Джек. Твои шансы выбраться отсюда минимальны, но они есть. Будешь слушать?

— Я тебя не знаю. Откуда ты знаешь нас?

Эдди убрал револьвер из-под подбородка Старины Двойного Уродца и увидел оставшееся на шее красное кольцо в том месте, где в нее вжималось дуло револьвера Роланда. *Допустим я скажу тебе, что по воле ка мы встретимся снова, через десять лет? И тебя съедят омароподобные чудовища? Что начнут они с твоих ступней, обутых в туфли от «Гуччи», а потом двинутся вверх?* Андолини, естественно, ему бы не поверил, как не верил, что револьвер Роланда может стрелять, пока Эдди ему это не продемонстрировал. А кроме того, существовала вероятность, что на этом уровне Башни Андолини и не съедят омароподобные чудовища. Потому что этот мир отличался от других. Потому что сейчас они находились на Девятнадцатом уровне Темной Башни. Эдди это чувствовал. Потом он собирался все это обдумать, но не сейчас. Сейчас думать не получалось. Сейчас хотелось прикончить этих двоих, а потом отправиться в Бруклин и перебить весь тет Балазара. Эдди постучал стволом револьвера по скуле Андолини. Ему приходилось сдерживаться, чтобы не дать волю рукам и не превратить эту уродливую физиономию в кровавое месиво, и Андолини это видел. Моргнул, облизал губы. Коленом Эдди по-прежнему упирался в его грудь. Чувствовал, как она поднимается и опускается.

— Ты не ответил на мой вопрос, — процедил он. — Вместо этого задал свой. Если сделаешь это еще раз, Джейк, я вот этим стволом изуродую тебе лицо. Потом прострелю одну из коленных чашечек, и ты будешь до конца жизни прыгать на одной ноге. Я могу много чего тебе отстрелить, а ты все равно сможешь говорить. И не пытайся изображать тупицу. Ты далеко не глуп, за исключением выбора работодателя, и я это знаю. Поэтому позволь снова спросить: ты будешь слушать?

— Разве у меня есть выбор?

И вновь Андолини не смог уловить невероятно быстрое движение руки Эдди. Ствол револьвера прошелся по его физиономии. Треснула сломанная ключица, кровь хлынула из правой ноздри, которая смотрела на Эдди, как жерло тоннеля Куинс-Мидтаун. Андолини вскрикнул от боли. Тауэр — от ужаса.

Эдди вновь уперся стволом под подбородок Андолини. Не сводя с него глаз, сказал: «Приглядывайте за вторым, мистер Тауэр. Если начнет шевелиться, дайте мне знать».

— Кто вы? — проблеял Тауэр.

— Друг. Единственный из тех, что у вас есть, который может спасти вашу задницу. А

теперь приглядывайте за ним и не мешайте мне.

— Х-хорошо.

Эдди Дин полностью сосредоточился на Андолини.

— Я уложил Джорджа, потому что Джордж глуп. Если бы и смог передать Балазару мое послание, мне он бы все равно не поверил. А разве может человек в чем-то убедить других, если сам в это не верит?

— Логично, — Андолини заворуженно смотрел на Эдди, возможно, потому, что наконец-то разглядел, кто этот незнакомец с револьвером. Разглядел того, кого Роланд видел с самого начала, даже когда Эдди Дин был наркоманом, корчившимся в ломке. Джек Андолини разглядел в нем стрелка.

— Это точно, — кивнул Эдди. — А вот и послание, которые ты должен передать: Тауэра не трогать.

Джек замотал головой.

— Ты не понимаешь. У Тауэра есть то, что нужно кому-то еще. Мой босс согласился это добыть. Обещал. И мой босс всегда...

— Выполняет свои обещания, я знаю, — прервал его Эдди, — только на этот раз выполнить не сможет, и не по своей вине. Потому что мистер Тауэр решил не продавать свой пустырь «Сомбра корпорейшн». Он продаст его... э... «Тет корпорейшн». Усек?

— Мистер, я тебя не знаю, но я знаю своего босса. Он не остановится.

— Остановится. Потому что мистеру Тауэру будет нечего продавать. Пустырь перейдет в другие руки. А теперь слушай меня внимательно, Джек. Слушай ка-ми, не ка-маи, — слушай умом, а не ушами.

Эдди наклонился ниже. Джек таращился на него, в ужасе от этих глаз навывкате, со светло-коричневыми радужками, налитыми кровью белками, и оскаленного рта, находящегося буквально в дюйме от его губ.

— Отныне мистер Келвин Тауэр находится под защитой людей, которые более безжалостны и могущественны, чем ты можешь себе представить, Джек. Людей, рядом с которыми Утес выглядит как хиппи в Вудстоке. Ты должен убедить его, что он ничего не приобретет и дальше досаждая мистеру Тауэру, зато потеряет все.

— Я не смогу...

— Что до тебя, знай, что теперь этого человека взял под свое крыло Гилеад. Если ты прикоснешься к нему, если твоя нога еще раз ступит в этот магазин, я приду в Бруклин и убью твоих жену и детей. Потом найду твоих отца с матерью и убью их. Потом убью сестер твоей матери и братьев твоего отца. Потом убью родителей твоих родителей, если они еще живы. А тебя оставлю напоследок. Ты мне веришь?

Джек Андолини все таращился в нависшее над ним лицо, с налитыми кровью глазами, оскаленным ртом, но теперь в его глазах застыл ужас. Потому что он поверил. Кем бы ни был этот незнакомец, он многое знал о Балазаре и деле, которым тот сейчас занимался. Что касается этого дела, знал даже больше, чем сам Андолини.

— Нас много, — продолжал Эдди, — и мы занимаемся одним — защищаем... — он едва не сказал: «Защищаем розу», — ...Келвина Тауэра. Мы будем наблюдать за магазином, будем наблюдать за Келвином Тауэром, будет наблюдать за друзьями Тауэра... такими, как Дипно, — Эдди увидел, как глаза Андолини широко раскрылись от изумления, и ему это понравилось. — У тех, кто посмеет прийти сюда и даже хотя бы прикрикнуть на Тауэра, мы убьем всех ближайших родственников, а потом и их самих. Это касается и Джорджа, и Чими Дретто, и Трикса Постино... и твоего брата, Клаудио.

Глаза Андолини раскрывались все шире при каждом имени, а при упоминании брата на

мгновение закрылись. Эдди подумал, что до Андолини дошел смысл его слов. «Сможет ли он убедить Балазара — другой вопрос, — холодно подумал Эдди. — Но в принципе это и неважно. Как только Тауэр продаст нам пустырь, какая разница, что они с ним сделают, не так ли?»

— Откуда ты так много знаешь? — спросил Андолини.

— Какая разница? Просто передай мои слова. Скажи Балазару, пусть поставит в известность своих друзей из «Сомбры», что этот участок больше не продается. Во всяком случае, они его купить не смогут. И скажи ему, что отныне Тауэр под защитой людей из Гилеада, у которых большие «пушки».

— Едва ли...

— Я хочу сказать, людей, которые куда более опасны, чем те, с кем Балазару доводилось иметь дело, включая и «Сомбра корпорейшн». Скажи ему, если он будет настаивать на своем, в Бруклине появится достаточно трупов, чтобы завалить Грэнд-Арми-плазу. ^[63] И среди них будет много женщин и детей. Убеди его.

— Я... я постараюсь.

Эдди поднялся, попятился. Лежащий среди лужиц керосина и соколов стекла Джордж Бьонди шевельнулся, застонал. Эдди повел стволом револьвера Роланда, показывая Джеку, что тот может встать.

— Уж постарайся.

9

Тауэр налил две чашки кофе, но из своей пить не смог. Очень уж сильно дрожали руки. После нескольких неудачных попыток (Эдди вспомнился сапер из фильма про обезвреживание неразорвавшихся бомб, у которого от напряжения случился нервный срыв), Эдди его пожалел и перелил половину содержимого его чашки в свою.

— Попробуйте теперь, — он поставил ополовиненную чашку перед владельцем книжного магазина. Тауэр вновь надел очки. Одна из дужек погнулась, так что сидели они криво. По левому стеклу змеилась трещина, напоминающая разряд молнии. Мужчины находились у мраморной стойки. Тауэр стоял за ней, Эдди сидел на высоком стуле. Тауэр принес с собой книгу, которую собирался сжечь Андолини, и теперь она лежала рядом с кофеваркой. Похоже, не мог заставить себя с ней расстаться.

Тауэр поднял чашку дрожащей рукой (Эдди заметил, что перстня на ней нет, как, впрочем и на другой руке) и выпил. Эдди не мог понять, почему этот человек пьет черный кофе. Сам-то он полагал, что кофе надо пить с молоком. После месяцев, которые он провел в мире Роланда (а может и лет) кофе, сваренный Тауэром, казался очень уж крепким.

— Полегчало? — спросил Эдди.

— Да, — Тауэр глянул в окно, словно ожидал увидеть возвращение серого «таун-кара», который всего десять минут, как уехал. Потом посмотрел на Эдди. Он все еще боялся этого молодого человека, но прежний ужас покинул его, как только молодой человек убрал огромный револьвер в, как он сказал «суму моего друга». Сума эта, из вытертой выцветшей кожи, где-то напоминала женские сумки, с одной лямкой, какие носят на плече. Только молнию заменяли тесемки. Келвин Тауэр подумал, что вместе с револьвером молодой человек убрал в суму и какую-то свою, самую жуткую часть. И Тауэра это радовало, позволяя надеяться, что молодой человек блефовал, когда грозил убить не только самих бандитов, но и их семьи.

— А где сегодня ваш приятель Дипно? — спросил Эдди.

— У онколога. Два года назад Эрон увидел кровь в унитазе, когда справлял большую

нужду. В молодости ты думаешь: «Чертов геморрой», и покупаешь тюбик «Предотвращая Г.» Но, когда тебе больше семидесяти, ты предполагаешь самое страшное. В его случае все оказалось плохо, но не ужасно. В его возрасте и раковая опухоль теряет активность. Раковые клетки тоже стареют. Забавно, не так ли? В общем, он прошел курс радиационной терапии, и ему сказали, что рака у него больше нет, но Эрон считает, что с этой гадостью нужно быть настороже. Поэтому проверяется каждые три месяца. Вот и сейчас он на обследовании. Оно и к лучшему. Потому что он, пусть и старик, но все равно сорви-голова.

«Надо бы познакомить Эрона Дипно с Хейми Джеффордсом, — подумал Эдди. — Они смогли бы играть в „замки“ вместо шахмат и вспоминать бурное прошлое».

Тауэр, тем временем, грустно улыбнулся. Поправил очки. С мгновение они сидели на его лице прямо, потом снова перекошились.

— Он — сорви-голова, а я — трус. Возможно, поэтому мы и дружим, у каждого есть то, чего нет у другого, мы дополняем друг друга и составляем единое целое.

— Не стоит уж так строго судить себя.

— Какая уж там строгость. Мой психоаналитик говорит, что я — классический пример того, каким вырастает ребенок в семье с мягким отцом и строгой матерью. Он также говорит...

— Извините, Келвин, но мне насрать на мнение вашего психоаналитика. Вы, как могли, держались за этот участок, а это говорит о многом.

— Моей заслуги тут нет, — гнул свое Келвин Тауэр. — Та же история... — он взял со стойки книгу, которая лежала рядом с кофеваркой... — что и с этой книгой и другими, которые они угрожали сжечь. Я не могу расставаться с вещами. Когда моя первая жена сказала, что хочет развестись со мной, а я спросил, почему, она ответила: «Я думала, что ты мужчина, когда выходила за тебя замуж, а оказалось, что ты — амбарная крыса, которая все тащит в нору».

— Пустырь — это не книги, — возразил Эдди.

— Неужто? Вы действительно так думаете? — Тауэр пристально смотрел на него. А когда вновь поднял чашку, Эдди с облегчением отметил, что рука дрожит уже не так сильно.

— А вы — нет?

— Иногда мне снится этот пустырь, — ответил Тауэр. — Я не был там с того времени, как магазин Томми Грэма разорился, и я заплатил, чтобы снести здание. И, разумеется, пришлось поставить забор, который обошелся примерно в ту же сумму, что и снос. Мне снится, что за забором поле цветов. Поле роз. И простирается оно не до Первой авеню, а в бесконечность. Станный сон, не так ли? Эдди не сомневался, что Келвин Тауэр действительно видел такой сон, но подумал, что заметил и кое-что еще в глазах, прячущихся на тонированными и треснувшими стеклами. Подумал, что этим сном Тауэр прикрывает другие сны, о которых не хочет говорить.

— Станный, — согласился Эдди. — Я думаю, вам нужно налить еще чашку кофе, прошу вас, налейте. А потом мы посоветуемся.

Тауэр улыбнулся и вновь поднял книгу, которую Андолини собрался первой превратить в пепел.

— Посоветуемся. Именно так и говорят герои этой книги.

— Посоветуемся?

— Вот-вот.

Эдди протянул руку.

— Дайте взглянуть.

Тауэр замялся, и по его лицу Эдди увидел, что очень уж ему не хочется выпускать книгу из рук.

— Да перестаньте, Кел, я не собираюсь подтирать ей задницу.

— Я понимаю. Разумеется, не собираетесь. Извините, — и все равно книгу Тауэру отдавать не хотелось. — Просто я... некоторые книги для меня очень дороги. А эта — настоящий раритет.

Он передал книгу Эдди, тот посмотрел на прикрытую пластиком суперобложку, и почувствовал, как у него остановилось сердце.

— Что? — Тауэр поставил кофейную чашку на стойку. — Что случилось.

Эдди не ответил. На суперобложке художник изобразил маленькое полукруглое строение, похожее на куотсетский модуль, ^[64] только сделанное из дерева и земли. С одной стороны стоял индеец, в кожаных штанах, голый по пояс, прижимая к груди томагавк. На заднем фоне виднелся допотопный паровоз, мчащийся по прериям. Из трубы в синее небо поднимался серый дым.

Называлась книга «Доган». Написал ее Бенджамин Слайтман Мл.

Из далекого далека Тауэр спрашивал его, не плюхнется ли он в обморок. С более близкого расстояния Эдди слышал собственный голос, отвечающий, что нет. Бенджамин Слайтман Мл. Другими словами, Бенджамин Слайтман-младший. И...

Он оттолкнул пухлую руку Тауэра, которая потянулась к книге. Пальцем пересчитал все буквы в имени и фамилии автора. Само собой, в сумме получилось девятнадцать.

10

Эдди проглотил еще чашку кофе Тауэра. Не обращая внимания на крепость напитка. Опять взял в руки книгу в пластиковой обложке.

— А что в ней такого особенного? — спросил он. — То есть для меня она особенная, потому что недавно я встретил человека, которого зовут точно так же, как и автора этой книги. Но...

Тут Эдди осенило, он перевернул книгу, в надежде увидеть на задней стороне супера фотография писателя. Но нашел лишь короткую биографию писателя на заднем клапане: «БЕНДЖАМИН СЛАЙТМАН МЛ. — ранчер из Монтаны. Это его второй роман». А ниже — рисунок орла и слоган: «ПОКУПАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ ВОЕННОГО ЗАЙМА».

— Так что в ней такого особенного? — повторил Эдди. — Почему она стоит семь с половиной тысяч долларов?

Лицо Тауэра просветлело. Пятнадцать минут назад он едва не умер от ужаса, но теперь это происшествие кануло в лету, подумал Эдди. Теперь его охватила всепоглощающая страсть. Для Роланда это была Темная Башня, для этого человека — редкие книги.

Он развернул книгу так, чтобы Эдди мог видеть суперобложку.

— «Доган», так?

— Так.

Тауэр раскрыл книгу и указал на передний клапан суперобложки, также прикрытый под пластиком, с кратким содержанием книги.

— А здесь?

— «Доган», — прочитал Эдди. — «Захватывающая история о Дальнем Западе и героических попытках индейца выжить». И что?

— А теперь посмотрите сюда, — торжествующе воскликнул Тауэр и указал на титульную страницу. Здесь Эдди прочитал:

— Не понимаю, — качнул головой Эдди. — В чем суть?

Тауэр закатил глаза.

— Посмотрите еще раз.

— Почему бы вам сразу не сказать...

— Нет, вы посмотрите. Я настаиваю. Радость — в открытии, мистер Дин. Вам это скажет любой коллекционер. Доган — это... ну, ничего. Неправильно напечатанное название на суперобложке уже поднимает стоимость книги, но взгляните сюда...

Он открыл страницу копирайта и протянул книгу Эдди. За значком копирайта стоял 1943 г., что объясняло и орла, и слоган на суперобложке. Здесь книга называлась «Хоган», как и положено. Эдди уже собрался спросить, куда смотреть, но все увидел сам.

— Из фамилии автора исчезли две буквы, «Мл.», не так ли?

— Да! Да! — Тауэр чуть не прыгал от восторга. — Словно книгу в действительности написал его отец! Между прочим, на одном библиографическом конгрессе в Филадельфии я рассказал о книге адвокату, который читал нам лекцию по авторскому праву, так он сказал, что из-за такой вот ошибки наборщика отец этого Слайтмана-младшего мог предъявить права на книгу! Потрясающе, не так ли?

— Безусловно, — кивнул Эдди, думая о Слайтмане-старшем. Думая о Слайтмане-младшем. Думая о том, как быстро Джейк сдружился с последним и почему сейчас, когда он сидел и пил кофе с Калье Нью-Йорк, его вдруг охватила тревога.

«По крайней мере, он взял с собой „ругер“», — подумал Эдди.

— Вы говорите мне, что такие вот мелочи увеличивают стоимость книги в сотни раз? — спросил он Тауэра. — Одна опечатка на супере, парочка внутри, и книга сразу стоит семь с половиной тысяч баксов?

— Конечно же, цена этой книги определяется не только опечатками, — покачал головой Тауэр. — Мистер Слайтман написал три прекрасных романа о Западе, все с позиции индейцев. «Хоган» — его второй роман. После войны он занял в Монтане высокий пост, что-то связанное с распределением водных ресурсов и выдачей лицензий на добычу полезных ископаемых, а потом, ирония судьбы, его убили индейцы. Скальпировали. Они пили около магазина...

«Магазина, который принадлежал Туку, — подумал Эдди. — Готов поспорить на что угодно, фамилия владельца этого магазина — Тук».

— ...вероятно, мистер Слайтман что-то сказал, они восприняли эти слова, как оскорбление и... убили его.

— У всех ваших действительно ценных книг такие же интересные истории? — спросил Эдди. — Я хочу сказать, их ценность определяется не только содержанием, но и такими вот странными совпадениями?

Тауэр рассмеялся.

— Молодой человек, большинство коллекционеров редких книг никогда их не раскрывают. Раскрытие и закрытие книги портит корешок. То есть снижает цену последующей продажи.

— Вам не кажется, что в этом есть что-то нездоровое?

— Отнюдь, — ответил Тауэр, но, тем не менее, покраснел. Какая-то его часть, похоже, соглашалась с Эдди. — Если покупатель выкладывает восемь тысяч долларов на первое, с автографом автора, издание романа Харди «Тесс из рода д'Эрбервиллей», он, конечно, положит ее в надежное место, где сможет любоваться книгой, не прикасаясь к ней. А если ему захочется прочитать роман, для этого достаточно купить дешевое издание в обложке.

— Вы в это верите, — Эдди пристально смотрел на него. — Вы в это действительно верите.

— Ну... да. Книги могут быть дорогими. И их цена формируется разными факторами. Иногда достаточно росписи автора. Иногда, как в нашем случае, цену поднимают опечатки. Случается, что первое издание выходит очень маленьким тиражом. Но разве все это имеет хоть какое-то отношение к цели вашего прихода сюда, мистер Дин? Разве об этом вы хотели... посоветоваться?

— Нет, полагаю, что нет, — но о чем конкретно он хотел посоветоваться? Он это знал, четко представлял себе, когда выпроводил Андолини и Бьонди со склада, а потом стоял в дверях магазина, наблюдая, как те, поддерживая друг друга, плетутся к «таун-кар». Даже в циничном Нью-Йорке, где каждый занимался только собой, они притягивали к себе немало взглядов. Оба были в крови, в глазах каждого читалось: «Как такое могло СЛУЧИТЬСЯ со мной?» Да, он знал, но книга, имя и фамилия автора, спутала все мысли. Он взял книгу из рук Тауэра, положил задней стороной супера кверху, чтобы не смотреть на нее. Потом начал собираться с мыслями.

— Первое и самое важное, мистер Тауэр. Вы должны уехать из Нью-Йорка до пятнадцатого июля. Потому что они вернутся. Возможно, не эти двое, но другие бандиты, которых использует Балазар. И они будут гореть желанием преподать урок мне и вам. Балазар — деспот, — это слово он почерпнул от Сюзанны. Так она называла Тик-Така. — Его метод — не давать спуска. Вы отвечаете ему затрещину, он отвечает двумя. Вы ударяете его в нос, он ломает вам челюсть. Вы бросаете гранату, он сбрасывает на вас бомбу.

Тауэр застонал. Прямо-таки, как на сцене или экране. При других обстоятельствах Эдди наверняка бы рассмеялся. Но не сейчас. Опять же, он вспомнил все, что хотел сказать Тауэру. Так что на смешки времени не было. Совершенно не было.

— Меня они, скорее всего, не достанут. У меня есть дела в другом месте. Можно сказать, за холмами, за долами, в общем, далеко отсюда. Ваша задача — сделать так, чтобы они не достали и вас.

— Но, конечно же... после того, что вы сделали... пусть они и не поверили насчет женщин и детей... — глаза Тауэра, за разбитыми очками, умоляли Эдди сказать ему, что на самом деле тот не собирался завалить трупами Грэнд-Арми-плазу. Но здесь Эдди ничем не мог ему помочь.

— Послушайте, Кел, понятия верить или не верить таким, как Балазар, не знакомы. Что они делают, так это проверяют границы допустимого. Я напугал Большого Носа? Нет, только отключил. Я напугал Джека? Да. И лишь потому, что у того более богатое воображение. На Балазара произведет впечатление испуг Уродца Джека? Да... но приведет это лишь к тому, что он более основательно подготовится к операции.

Эдди наклонился над стойкой, глядя Тауэру в глаза.

— Я не хочу убивать детей, понимаете? Давайте разберемся с этим раз и навсегда. В... ну, в другом месте, неважно, где именно, я и мои друзья готовы рискнуть жизнью, чтобы спасти детей. Но человеческих детей. А люди, вроде Джека, Трикса Постино или самого Балазара... они — животные. Двуногие волки. А волки воспитывают людей? Нет, они воспитывают новых волков. Волки-самцы женятся не человеческих женщинах? Нет, они спариваются с волчицами. Поэтому, если мне придется пойти туда, а я пойду, если придется, я скажу себе, что истребляю волчью стаю, целиком, до последнего щенка. Вот так. И закроем эту тему.

— Господи, он же говорит на полном серьезе, — выдохнул Тауэр.

— Я это сделаю, но сейчас речь о другом. О том, что они придут за вами. Не для того, чтобы убить, лишь развернуть в нужном им направлении. Если вы останетесь здесь, Кел, думаю, они превратят вас в инвалида. Есть какое-нибудь место, где вы можете укрыться до пятнадцатого июля? У вас хватит денег? Сейчас у меня их нет, но думаю, я их достану.

Мысленно Эдди уже перенесся в Бруклин. Под прикрытием Балазара в подсобке парикмахерской Берни играли в покер, об этом знали все. По рабочим дням могли и не играть,

но кто-то наверняка сидел там с деньгами. Их бы хватило...

— Деньги есть у Эрона, — с неохотой ответил Тауэр. — Он предлагал их мне много раз. Я всегда отказывался. Также часто он говорил, что мне пора в отпуск. Думаю, под этим он подразумевал, что мне надо скрыться от тех парней, которых вы выгнали. Ему хотелось узнать, что им от меня нужно, но он не спрашивал. Он не только сорви-голова, но и джентльмен, — Тауэр сухо улыбнулся. — Возможно, Эрон и я могли бы уехать вместе, молодой человек. В конце концов, другого шанса может и не быть.

Эдди не сомневался, что химио — и радиотерапия позволят Эрону Дипно оставаться на ногах и через четыре года, но решил, что сейчас говорить об этом не стоит. Он посмотрел в сторону входной двери «Манхэттенского ресторана для ума» и увидел другую дверь. За ней — вход в пещеру. Там, скрестив ноги, сидел стрелок. Эдди задался вопросом, сколько времени же он отсутствует, сколько времени Роланд выдерживает пусть приглушенную, но все равно сводящую с ума мелодию колокольцев.

— Как вы думаете, Атлантик-Сити это далеко? — робко спросил Тауэр.

Эдди Дин даже вздрогнул. Представил себе двух пухлых овечек, в годах, конечно, но еще вкусных, забредших не в стаю, а в целый город волков.

— Только не туда, — отрезал он. — Куда угодно, только не туда.

— Как насчет Мэна или Нью-Хэмпшира? Возможно, мы сможем арендовать коттедж на каком-нибудь озере до пятнадцатого июля.

Эдди кивнул. Он родился и вырос в городе, и, пожалуй, не мог представлять себе, что и на севере Новой Англии могут быть плохиши в клетчатых кепках и костюмах-тройках.

— Это лучше. И вот что еще, пока вы там будете, найдите себе адвоката.

Тауэр рассмеялся. Эдди чуть склонил голову, улыбнулся сам. Хорошо, конечно, смешить людей, но еще лучше знать, а над чем, собственно, они смеются.

— Извините, — Тауэру так удалось сдержать смех. — Дело в том, что Эрон был адвокатом. А его сестра и двое братьев, они моложе, и сейчас адвокаты. Они хвалятся, что на их фирменных бланках уникальная шапка, единственная в Нью-Йорке, а то и в Соединенных Штатах. Она состоит из одного слова: «ДИПНО».

— Это многое упрощает, — кивнул Эдди. — Я хочу, чтобы мистер Дипно подготовил контракт, пока вы будете отдыхать в Новой Англии...

— Прятаться в Новой Англии, — поправил его Тауэр, вдруг помрачнев. — Скрываться в Новой Англии.

— Называйте это, как угодно, но бумагу подготовьте. Этот участок вы продадите мне и моим друзьям. Сначала вы получите бакс, но я практически могу гарантировать, что в итоге мы расплатимся с вами по реальной рыночной цене.

Он хотел сказать еще много чего, но замолчал. Убрав руку с книги, которая называлась то ли «Доган», то ли «Хоган», он увидел, что на лице Тауэра вновь явственно читаются жадность и упрямство... да еще и проглядывает глупость. *«Боже, он собрался упираться. После того, что случилось, он собрался упираться. И почему? Да потому, что он и в самом деле амбарная крыса».*

— Вы можете доверять мне, Кел, — продолжил Эдди, понимая, что не в доверии дело. — Я даю вам слово. Выслушайте меня, сейчас. Выслушайте меня, прошу вас.

— Я вас знать не знаю. Вы вошли с улицы...

— ...и спас вашу жизнь, не забывайте об этом.

Но упрямства в лице Тауэра только прибавлялось.

— Они не собирались меня убить. Вы сами это сказали.

— Они собирались сжечь ваши книги. Ваши самые ценные книги.

— Нет, не самые ценные. И, возможно, они блефовали.

Эдди глубоко вдохнул, выдохнул, надеясь, что желание перегнуться через стойку и ухватить Тауэра за жирную шею пройдет или, по крайней мере, утихнет. Напомнил себе, что не будь Тауэр упрямым, «Сомбра корпорейшн» давно бы стала владельцем пустыря. Эдди полагал, что с гибелью розы Темная Башня просто рухнет, как рухнула башня в Вавилоне, когда Богу надоело продолжающееся строительство, и Он шевельнул пальцем. И не придется ждать еще сотню или тысячу лет, пока окончательно выйдут из строя машины, которые приводили в действие Лучи. Все рухнет и мы посыпемся в тартарары. А потом? Да здравствует Алый Король, правитель бездонной тьмы.

— Кел, продав этот пустырь мне и моим друзьям, вы соскочите с крючка. Более того, у вас появится достаточно денег, чтобы удержать этот магазин на плаву до конца своих дней, — тут в голову пришла еще одна мысль. — Вам известна компания «Холмс дентал»?

Тауэр улыбнулся.

— А кому нет? Я пользуюсь их нитями для чистки межзубных промежутков. И зубной пастой. Пробовал и зубной эликсир, но он очень крепкий. А почему вы спросили?

— Потому что Одетта Холмс — моя жена. Я, возможно, выгляжу, как Фрогги-Гремлин, но на самом деле я — Прекрасный Принц.

Тауэр долго молчал. Эдди зажал свое нетерпение в кулак, не мешая мужчине думать. Наконец, Тауэр посмотрел на него.

— Вы думаете, что я веду себя глупо. Что я — второй Силес Марнер или, того хуже, Эбenezер Скрудж.

Эдди понятия не имел, кто такой Силес Марнер, но понял, о чем толкует Тауэр, поскольку Скрудж олицетворял собой скрягу.

— Вот что я вам скажу. После того, что вам пришлось пережить, вы должны понимать, что служит вашим интересам, а что — нет.

Я считаю себя обязанным заверить вас, что дело не в бессмысленной жадности. Если еще и элемент осторожности. Я знаю, что этот участок земли стоит недешево, как и любой участок земли на Манхэттене, но дело не только в этом. В моем кабинете стоит сейф. В нем кое-что лежит. Возможно, даже более ценное, чем подписанный автором экземпляр «Улисса».

— Тогда почему вы не храните эту ценную вещь в банке?

— Потому что ей положено лежать здесь, — ответил Тауэр. — Потому что она всегда здесь лежала. Может, ждала вас, может, такого, как вы. Когда-то, мистер Дин, моей семье принадлежала практически вся Бухта черепахи, и... ну, подождите. Вы подождете?

— Да, — ответил Эдди.

Как будто у него был выбор.

После ухода Тауэра Эдди слез со стула и подошел к двери, которую мог видеть только он. Посмотрел сквозь нее. Издалека до него донеслась мелодия колокольцев. Куда яснее зазвучал голос матери. «Почему бы тебе не уйти оттуда? — печально спросила она. — Ты только все испортишь, Эдди... как и всегда».

«В этом вся моя мать», — подумал он и позвал Роланда.

Стрелок вытащил патрон из одного уха. Эдди заметил, как неуклюже двигается его рука, словно пальцы онемели, но думать об этом времени не было.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Все прекрасно. А ты?

— Тоже, но... Роланд, не можешь ли ты пройти сквозь дверь? Мне может понадобится помощь.

Роланд задумался, покачал головой.

— Если я пройду, ящик может закрыться. Наверняка закроется. А тогда закроется дверь. И мы останемся на той стороне.

— А нельзя подпереть крышку камнем, костью, чем-нибудь?

— Нет, не получится, — ответил Роланд. — Магический кристалл слишком сильный.

«И он воздействует на тебя», — подумал Эдди. Лицо Роланда осунулось, побледнело, как и в то время, когда его травил яд омароподобных тварей.

— Хорошо.

— Возвращайся, как можно быстрее.

— Постараюсь.

12

Когда он обернулся, Тауэр вопросительно смотрел на него.

— С кем вы разговаривали?

Эдди отступил в сторону, указал на дверь.

— Видите что-нибудь, сэй?

Келвин Тауэр присмотрелся, уже собрался покачать головой, присмотрелся внимательнее.

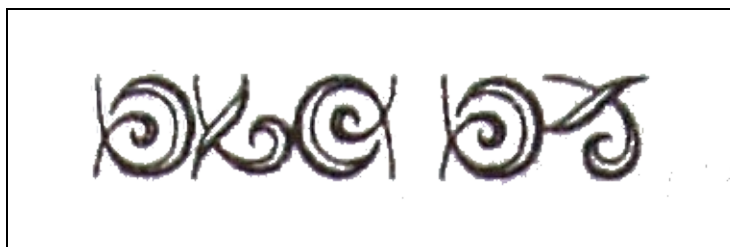
— Мерцание. Как горячий воздух над жаровней. Кто там? Где это?

— Пока будем считать, что никто. Что у вас в руке?

Тауэр поднял руку, в которой держал конверт, очень старый. Эдди увидел на нем четыре слова, написанные двумя строками:

Предсмертное письмо
Стефан Торен,

а ниже — те же символы, что на двери и ящике:

«Куда-то мы, похоже, приплыли», — подумал Эдди.

— Когда-то в этом конверте лежало завещание моего прапрапрадедушки, — пояснил Келвин Торен. — Датированное 19 марта 1846 года. Теперь в нем один листок бумаги с написанными на нем именем и фамилией. Если вы, молодой человек, скажите мне, какие имя и фамилия там написаны, я сделаю все, о чем вы просите.

«Ну вот, — подумал Эдди, — очередная загадка». Только на этот раз на карту стоят не четыре жизни, а существование всего живого.

«Слава Богу, что загадка легкая», — последовала другая мысль.

— Фамилия — Дискейн, — ответил Эдди. — Имя, скорее всего, Роланд, имя моего

старшего, или Стивен, имя его отца.

Вся кровь мгновенно отлила от лица Келвина Тауэра. Эдди и не знал, удастся ли тому устоять на ногах.

— Святой Боже на небесах, — выдохнул он.

Дрожащими руками Тауэр достал из конверта древний, хрупкий лист бумаги, который в этой реальности пролежал в конверте более ста тридцати лет. Сложенный вдвое. Тауэр развернул его и положил на стойку, где они смогли прочитать слова, которые Стефан Торен написал тем же твердым почерком, каким надписывал конверт.

Роланд Дискейн из Гилеада
Род Эльда
СТРЕЛОК

13

Потом разговор продолжался еще минут пятнадцать, и Эдди полагал, что и в эти минуты было сказано что-то важное, но все решилось именно в тот момент, когда он назвал Тауэру фамилию, записанную его трижды прадедушкой на листке бумаги за четырнадцать лет до начала Гражданской войны.

Во время этой беседы мнение о Тауэре сложилось у Эдди самое негативное. Нет, конечно, он проникся к нему определенным уважением (как проникся бы к любому, кто сумел продержаться двадцать секунд против громил Балазара), но в принципе Тауэр ему не нравился. Чувствовалась в нем какая-то сознательная глупость. Эдди подумал, что к этому приложил руку психоаналитик, который говорил Тауэру, что тот должен сам заботиться о себе, быть капитаном собственного корабля, ковать собственное счастье, уважать собственные желания, и так далее, и так далее. Полный набор дежурных фраз и терминов, призванных убедить человека, что быть эгоистом это очень даже хорошо. Более того, благородно. Так что Эдди не удивился, когда Тауэр признался ему, что Эрон — его единственный друг. Удивляло как раз наличие этого друга. Такие люди никак и никогда не могли войти в ка-тет, стать его частью, и Эдди тревожило, что их судьбы оказались так крепко повязаны.

Ты просто должен доверять ка. Для того ка и существует, не так ли?

Так-то оно так, но Эдди это определенно не нравилось.

14

Эдди спросил, есть ли Тауэра перстень-печатка с надписью «Ex Liveris». На лице Тауэра отразилось недоумение, потом он рассмеялся и сказал Эдди, что тот, должно быть, имеет в виду «Ex Libris». Порылся на полках, нашел нужную книгу, показал надпечатку на титульном листе. Эдди кивнул.

— Нет, — ответил Тауэр. — Но такой перстень мне бы очень подошел, не так ли? — он пристально всмотрелся в Эдди. — А почему вы спросили?

Но Эдди сейчас не хотелось говорить Тауэру, что в будущем ему придется спасать человека, который в тот самый момент странствовал по тайным хайвеям множества Америк. Во-первых, такой рассказ мог бы свести Тауэра с ума, во-вторых, ему хотелось вернуться через ненайденную дверь до того, как Черный Тринадцатый причинит Роланду непоправимый вред.

— Неважно. Но, если увидите такой перстень, купите его. Еще один момент, и я уйду.

— Какой?

— Вы должны пообещать мне, что уйдете сразу же после моего ухода.

Тауэр заартачился. И вот это упорное нежелание предпринять хоть какое-то действие, сдвинуться с места, что-то изменить в заведенном порядке вещей страшно не нравилось Эдди.

— Ну, по правде говоря, я не знаю, получится ли у меня. Предвечернее время для меня самое жаркое. Люди частенько заходят в магазин после работы. Вот и мистер Брайс обещался зайти за первым изданием романа Ирвина Шоу «Растревоженный эфир», о сотрудниках радиостанции во времена Маккартни... Я должен сначала заглянуть в ежедневник, посмотреть, какие у меня назначены встречи...

— Вам нравятся ваши яйца, Кел? Вы так же привязаны к ним, как они — к вам?

Тауэр, который размышлял о том, кто будет кормить Серджио, если он вот так резко сорвется с места и укатит в Новую Англию, недоуменно вскинул глаза на Эдди, словно впервые услышал это простенькое, из четырех букв слово.

Эдди кивнул.

— Ваши яйца. Яички. Кокушки. Камешки. Ваши cojones.^[66]

— Я не понимаю...

Чашка Эдди опустела. Он налил в нее кофе. Пригубил. Отметил про себя отменный вкус и крепость.

— Я же сказал вам, что оставшись, вы рискуете превратиться в инвалида. И это никакая не шутка. А начнет они наверняка с этого, с ваших яиц. Чтобы преподать вам наглядный урок. А когда это произойдет, зависит исключительно от транспорта.

— Транспорта? — повторил Тауэр лишенным всяких эмоций голосом.

— Совершенно верно, — Эдди маленькими глоточками, словно коньяк, пил кофе. — От того, сколько времени уйдет на то, чтобы Джек Андолини доехал до Бруклина, Балазар собрал команду и, загрузив в минивэн, прибыл сюда. Я надеюсь, что Джек слишком потрясен, чтобы воспользоваться телефоном. Или вы думаете, что Балазар будет дожидаться завтрашнего дня? Соберет тупоголовых Кевина Блейка и Чими Дретто, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию? — Эдди поднял один палец, потом второй, с пылью другого мира под ногтями. — Во-первых, у них нет мозгов, во-вторых, Балазар им не доверяет.

Он, Кел, поступит точно так же, как и любой деспот, добившийся успеха и не желающий терять власть: как можно быстрее нанесет ответный удар. Пробки в час пик их немного задержат, но, если в шесть вечера, самое позднее, в половине седьмого вы еще будете здесь, можете распрощаться с вашими яйцами. Они отхватят их ножом, а потом стерилизуют рану огнем, скажем, факела из одной из ваших особо ценных книг...

— Перестаньте, — Тауэр не побледнел — позеленел. — Я могу снять номер в отеле в Виллидж. Там есть дешевые отели, в которых живут художники и писатели, которым пока не удается продать свои творения. Номера, конечно, ужасные, но жить там все-таки можно. Я позвоню Эрону, и рано утром мы уедем на север.

— Отлично, но сначала вы должны выбрать город, в который поедете. Чтобы я или кто-то из моих друзей смог вас найти.

— Откуда я знаю, куда мы поедем? Я не знаю никаких городов в Новой Англии севернее Уэстпорта, штат Коннектикут.

— Наведите справки, как только доберетесь до отеля в Виллидж. Выберите город и рано утром, до того, как вы уедете из Нью-Йорка, отправьте вашего приятеля, Эрона, к пустырю. Пусть напишет почтовый индекс на заборе, — тут в голову Эдди пришла неприятная мысль. — У вас есть почтовые индексы? Их уже изобрели?

Тауэр посмотрел на него, как на чокнутого.

— Разумеется, есть.

— Отлично. Пусть напишет его со стороны Сорок шестой улицы, там, где заканчивается забор. Вы поняли?

— Да, но...

— Они, возможно, не оставят засаду в вашем магазине, сообразят, что вам хватило ума и вы сделали ноги, но, если и оставят, за пустырем наблюдать не будут, а если и будут, то лишь со стороны Второй авеню. Если возьмут под наблюдение и Сорок шестую улицу, то будут высматривать вас, а не его.

Тауэр, несмотря на охвативший его страх, заулыбался. Эдди расслабился, тоже улыбнулся.

— Но..? Если они будут высматривать и Эрона?

— Пусть оденется не так, как всегда. Если отдает предпочтение джинсам, пусть наденет костюм. Если носит костюм...

— Пусть наденет джинсы.

— Точно. Не помешают и солнцезащитные очки, при условии, что утро выдастся ясным, и они не будут вполне уместны. Индекс пусть напишет черным маркером. Скажите ему, чтобы вел себя, как можно естественней. Он прогулочным шагом идет вдоль забора, останавливается, вроде бы его заинтересовал какой-то постер, пишет индекс и уходит. И предупредите его, чтобы он, не дай Бог, не ошибся.

— А как вы найдете нас, зная почтовый индекс?

Эдди подумал о магазине Тука, о долгой беседе с местными жителями, которую они вели, сидя в больших креслах-качалках. Позволяя всем, кто хотел, посмотреть на себя, отвечая на вопросы.

— Загляните в местный магазин. Поболтайте с жителями городка, расскажите всем, кто будет слушать, что вы приехали, чтобы написать книгу или нарисовать с десятков пейзажей. Я вас найду.

— Ладно, — кивнул Тауэр. — Это хороший план. Вы отлично с этим справились, молодой человек.

«Потому что это мое», — подумал Эдди, но не озвучил свою мысль. Сказал другое: «Я должен идти. И так задержался».

— Прежде чем вы уйдете, вы должны мне помочь, — остановил его Тауэр и объяснил, чего он от него хочет.

Глаза Эдди широко раскрылись.

— Да вы рехнулись! — взорвался он.

Тауэр мотнул головой в сторону входной двери магазина, где по-прежнему мерцал воздух, отчего прохожие на мгновение становились миражами на фоне мерцающего прямоугольника.

— Там дверь. Вы мне это сказали, и я вам верю. Я не могу разглядеть, что за ней, но что-то я вижу.

— Вы рехнулись, — повторил Эдди. — Полностью и бесповоротно.

Он прекрасно понимал, что его слова не соответствуют действительности, но очень уж не хотелось связывать свою судьбу с судьбой человека, обратившегося к нему с такой просьбой. Чего там, выставившего такое требование.

— Может, да, а может, и нет, — Тауэр сложил руки на широкой, пухлой груди. Говорил мягко, но по глазам-ледышкам чувствовалось: он от своего не отступится. — В любом случае, это мое условие. Выполните его, и я сделаю все, о чем вы просите. Другими словами, закрою глаза на то, что и ваше предложение представляется мне чистейшим безумием.

— Кел, побойтесь Бога! Господь праведный и Человек-Иисус! Я же прошу вас сделать

только то, что завещал вам сделать Стефан Торен!

Глаза остались теми же ледышками: отступить от своего Тауэр не собирался. Пожалуй, еще больше заledenели.

— Стефан Торен мертв, а я — нет. Я назвал вам мое условие. Вопрос в том, согласны вы или...

— Да, да, ДА! — взревел Эдди и допил кофе. Затем взял пакет с молоком, стоявший за кофеваркой, и осушил его. Словно молоко прибавило ему сил. — Пошли. Покончим с этим.

Роланд мог видеть, что происходит в магазине, но в несколько искаженном виде, словно смотрел на дно быстро бегущего потока. Ему очень хотелось, чтобы Эдди поторопился. Даже с пулями, глубоко засунутыми в уши, он слышал эту жуткую мелодию колокольцев и ничто не блокировало эти ужасные запахи: то горячего металла, то протухшего бекона, то заплесневелого сыра, то подгоревшего лука. Его глаза слезились, и, возможно, слезы тоже мешали ему разглядеть происходящее за дверью.

Колокольца и запахи, конечно, доставляли неудобства, но куда сильнее сказывалось воздействие Черного Тринадцатого на уже поврежденные болезнью суставы. Казалось, шар подсыпал в них толченное стекло. Пока в здоровой левой руки боль проявилась лишь несколькими уколами, но стрелок не питал особых иллюзий, понимал, что интенсивность боли и в левой руке, и во всем теле будет только нарастать, если ящик останется открытым и между ним и Черным Тринадцатым не будет преграды. Роланд понимал, что боль ослабеет, как только крышка ляжет на место, но сомневался, что она исчезнет совсем. И знал, что дальше будет только хуже.

Словно поздравляя его с точным прогнозом, резкая боль пронзила правое бедро и запульсировала там. Бедро словно раз за разом прижигали раскаленными щипцами. Он попытался помассировать бедро правой рукой... как будто массаж мог помочь.

— Роланд, — приглушенный голос едва доносился из-за двери, как будто их разделял толстый слой воды, но он точно принадлежал Эдди. Роланд оторвал взгляд от бедра и увидел, что Тауэр и Эдди толкают к двери какой-то шкаф, похоже, заполненный книгами. — Роланд, можешь нам помочь?

Боль так глубоко проникла в бедра и колени, что Роланд не знал, сумеет ли он подняться... но поднялся, и довольно плавно. Он не знал, что уже разглядели острые глаза Эдди, но ему не хотелось, чтобы они увидели больше. Во всяком случае, до тех пор, пока не закончились их приключения в Калье Брин Стерджис.

— Когда мы толкнем, тяни на себя!

Роланд, кивнул, показывая, что понял, и шкаф заскользил к нему. Половина шкафа, вдвинувшаяся в пещеру обрела четкие очертания, половина, еще остающаяся в «Манхэттенском ресторане для ума», мерцала и колыхалась, будто мираж. Тут же Роланд ухватился за шкаф и потянул на себя. Шкаф заскользил по полу пещеры, сдвигая перед собой камушки и мелкие кости.

Как только шкаф миновал дверь, крышка ящика из дерева призраков начала закрываться. Дверь — тоже.

— Нет, ничего у тебя не получится, — пробормотал Роланд. — Нет, не получится, мерзавец. Оставшиеся пальцы правой руки он сунул в сужающуюся щель между крышкой и ящиком. Дверь также застыла. Роланд решил, что с него хватит. Теперь боль добралась и до

зубов. Эдди продолжал о чем-то говорить с Тауэром, но Роланд чувствовал, что на этом надо ставить точку, даже если Тауэр и делился с Эдди секретами мироздания.

— Эдди! — проревел он. — Эдди, ко мне!

И, к счастью, Эдди подхватил суму и прошел в дверь. Едва он вернулся в пещеру, Роланд закрыл ящик. Тихонько захлопнулась и ненайденная дверь. Мелодия колокольцев смолкла. Суставы перестали наливать болью. Облегчение было столь велико, что Роланд даже вскрикнул. И еще секунд десять мог только стоять, прижав подбородок к груди, закрыв глаза, борясь со слезами.

— Спасибо, Эдди, — наконец, выдавил он из себя. — Я говорю, спасибо тебе.

— Не за что. Давай-ка выбираться из пещеры, если ты не возражаешь.

— Не возражаю, — ответил Роланд. — Будь уверен.

16

— Тебе он не понравился, не так ли? — спросил Роланд.

С момента возвращения Эдди прошло десять минут. Они отошли от пещеры, потом остановились на скальном выступе, за крутым поворотом тропы, сели. Сильный ветер, который только что отбрасывал назад волосы, прижимал к телу одежду, тут давал о себе знать только редкими порывами, и Роланда они только радовали. Он надеялся, что они послужат объяснением того, почему он так долго и неловко сворачивал самокрутку. Но глаза Эдди не открывались от него, и этот молодой человек из Бруклина, который не так уж и давно был таким же слепым и глухим, как Андолини и Бьонди, теперь видел слишком много.

— Ты про Тауэра?

Роланд усмехнулся.

— А про кого еще я могу говорить? Про кота?

С губ Эдди сорвался смешок. Он раз за разом глубоко вдыхал чистый, сладкий воздух, радуясь возвращению. Побывать в Нью-Йорке во плоти, конечно, лучше, чем в Прыжке, без этих колокольцев и подступающей со всех сторон тьмой, но, Господи, как же воняло в этом городе. В основном, автомобилями и выхлопными газами (тут пальма первенства принадлежала сизым облакам дизелей), но хватало и других неприятных запахов. И почетное место среди них занимал запах множества тел, тот запах, который не могли скрыть ни духи, ни одеколоны, ни дезодоранты, которыми так любили пользоваться тамошние жители. Они хоть знали, как плохо от них пахло? Эдди полагал, что да. Он-то знал. Неужто когда-то было время, когда ему не терпелось вернуться в Нью-Йорк, когда он мог убить, чтобы вернуться туда?

— Эдди! Возвращайся от Ниса! — Роланд щелкнул пальцами перед лицом Эдди Дина.

— Извини. Что же касается Тауэра... да, он мне не понравился. Боже, перетащить сюда все свои книги! Согласиться помочь спасти мир лишь при условии спасения своих паршивых первых изданий!

— Он так не думает... разве что в своих снах. И ты знаешь, что они сожгут его магазин, когда приедут и не найдут его там. В этом можно не сомневаться. Вьют на пол канистру бензина и подожгут. Разобьют окно и бросят внутрь гранату или самодельную бомбу. Или ты хочешь сказать мне, что такая мысль не приходила тебе в голову? Конечно же, приходила.

— Ну, возможно.

Теперь пришел черед хохотнуть Роланду.

— Возможно, это мягко сказано. Итак, он спас свои лучшие книги. И теперь в Пещере двери появился шкаф, за который мы можем спрятать сокровище отца Каллагэна. Впрочем,

теперь это уже наше сокровище.

— Его храбрость не показалась мне настоящей, — заметил Эдди. — Скорее, это жадность.

— Не все должны уметь владеть мечом, револьвером, управлять кораблем, — ответил Роланд, — но все служат ка.

— Правда? И Алый король? И слуги закона, мужчины и женщины, о которых рассказывал Каллагэн?

Роланд не ответил.

— Может, для него все обернется хорошо. Я про Тауэра. Не про кота.

— Очень забавно, — сухо процедил Роланд. Чиркнул спичкой по штанам, руками прикрыл огонек, прикурил.

— Спасибо, Роланд. Вижу, с юмором у тебя становится все лучше. Спроси меня, удастся ли Тауэру и Дипно выбраться из Нью-Йорка, не оставив следа.

— Удастся?

— Я знаю, что след они оставят. Мы точно его возьмем, но я надеюсь, что людям Балазара это не удастся. Кто меня беспокоит, так это Джек Андолини. Он в таких делах дока. Что же касается Балазара, так он заключил контракт с «Сомбра корпорейшн».

— Взял золото короля.

— Да, похоже на то, — Эдди послышалось Короля, а не короля, как в Алом Короле. — Балазар знает, если ты заключил контракт, его надо выполнить или сослаться на чертовски хорошую причину, которая не позволила этого сделать. О том, что контракт не выполнен, сразу становится известно. Идет разговоры, что такой-то мягчает, теряет хватку. У них есть еще три недели, чтобы найти Тауэра и заставить его продать участок «Сомбре». Они используют это время. Балазар — не ФБР, но контакты у него есть, так что... Роланд, беда Тауэра в том, что происходящее с ним не кажется ему реальным. Такое ощущение, что он путает свою жизнь с жизнью персонажей своих книг. Он думает, что все должно закончиться хорошо, потому что писатель подписал контракт, а книги с плохим концом продаются плохо.

— Ты думаешь, он не проявит должной осторожности.

Эдди усмехнулся.

— Я знаю, что он не проявит должной осторожности. Вопрос лишь в том, сумеет ли Балазар этим воспользоваться.

— Мы должны присматривать за мистером Тауэром. Держать под наблюдением для его же блага. Ты думаешь об этом, не так ли?

— Именно так! — воскликнул Эдди, и оба одновременно рассмеялись. Потом Эдди продолжил. — Я думаю, мы должны послать Каллагэна, если он, конечно, согласится. Ты, возможно, подумаешь, что я спятил, но...

— Отнюдь, — ответил Роланд. — Он — один из нас... или может стать. Я сразу это почувствовал. Он привык к странствиям в незнакомых краях. Я поговорю с ним сегодня. А завтра поднимусь с ним сюда и отправлю через дверь.

— Позволь мне это сделать, — посмотрел на него Эдди. — Для тебя одного раза достаточно. По крайней мере, сейчас.

Роланд встретился с ним взглядом, бросил окурок в пропасть.

— С чего ты это взял, Эдди?

— Ты поседел еще сильнее. И идешь с трудом. Сейчас немного разошелся, но я, думаю, шар каким-то образом усиливает ревматические боли. Позволь мне сопровождать Каллагэна.

— Хорошо, позволяю, — ответил Роланд, подумав: «Если Эдди думает, что у меня разыгрался ревматизм, не так уж все и плохо».

— Вообще-то я могу привести его и этим вечером. Эрон Дипно уже успеет написать

почтовый индекс на заборе.

— Никто из нас не будет подниматься по этой тропе в темноте. Без крайней на то необходимости.

Эдди посмотрел на крутизну самой тропы, на валун, превращающий тропу в узкую каменную полосу над пропастью.

— Я тебя понял.

Роланд начал подниматься, но Эдди протянув руку, коснулся его локтя.

— Посиди еще пару минут, Роланд. Пожалуйста.

Роланд сел, посмотрел на него.

Эдди глубоко вдохнул.

— Бен Слайтман замазан. Он — та самая крыса. Я в этом практически уверен.

— Да, я знаю.

Глаза Эдди широко раскрылись.

— Знаешь? Как ты мог...

— Скажем так, я подозревал.

— Почему?

— Его очки, — ответил Роланд. — Бен Слайтман-старший — единственный в Калье Брин Стерджис, кто носит очки. Пошли, Эдди, дел у нас хватает. Поговорить мы сможем и по пути.

17

Они не смогли, поначалу, потому что тропа была слишком узкой и крутой. Но со временем она расширилась и стала более пологой. И когда они смогли идти бок о бок, разговор возобновился. Эдди рассказал книге, которая называлась то ли «Доган», то ли «Хоган», об авторе, о путанице на странице копирайта (впрочем, он сомневался, что Роланд понял, о чем речь), добавил, что у него возникли мысли, а не замешан ли в этом и сын. Безумная, конечно, идея, но...

— Я думаю, если бы Бенни Слайтман помогал отцу шпионить за нами, Джейк знал бы об этом, — ответил Роланд.

— А ты уверен, что он не знает? — спросил Эдди.

Роланд помолчал, потом покачал головой.

— Он подозревает отца Бенни.

— Он тебе говорил?

— В этом не было необходимости.

Они уже подходили к лошадям, которые вскинули головы, похоже, радуясь появлению хозяев.

— Он сейчас в «Рокинг Би», — напомнил Эдди. — Может, нам стоит заглянуть туда. Придумать какую-нибудь причину и увезти в дом отца... — он замолчал, глядя на Роланда. — Нет?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что Джейк разберется с этим сам.

— Это трудно, Роланд. Он и Бенни Слайтман сдружились. Очень сдружились. Если именно Джейк раскроет Калье глаза на то, что делает отец Бенни...

— Джейк занимается тем, чем должен, — оборвал его Роланд. — Как и все мы.

— Но он еще мальчик, Роланд. Или ты этого не видишь?

— В мальчиках ему ходить недолго, — Роланд сел на лошадь, надеясь, что Эдди не заметил, как лицо перекосило от боли, когда он перебрасывал правую ногу через седло. Но Эдди, само собой, заметил.

Джейк и Бенни Слайтман все утро того же дня скидывали тюки сена с верхних сеновалов трех амбаров «Рокинг Би» на нижние, а потом потрошили их. Во второй половине дня плавали и плескались на отмелях Уайе, избегая глубоких мест, где вода уже заметно остыла.

Между этими занятиями съели ленч в компании дюжины наемных работников (но не Слайтмана-старшего, который с раннего утра уехал по своим делам на ранчо Телфорда).

— Никогда не видел, чтобы Бен так много работал, — улыбнулся повар, ставя на стол большую тарелку с жареной картошкой, на которую мальчишки тут же набросились. — Ты его загоняешь, Джейк.

Джейк, собственно, к этому и стремился. Он полагал, что Бенни заснет, как убитый, после того, как все утро они ворочали тюки с сеном, потом плавали, а под вечер еще и по десятку раз спрыгнули с крыши в стог сена. Проблема заключалась лишь в том, что заснуть мог и он.

Поэтому вечером, когда закат уже догорал, он взял с собой Ыша, когда пошел к водяному насосу, чтобы помыться. Вымыл лицо, побрызгал на зверька, который радостно слизнул с шерсти капельки воды. Потом Джейк опустился на колено, двумя руками осторожно взялся за мордочку ушастика-путаника.

— Послушай меня, Ыш.

— Ыш.

— Скоро я пойду спать, но хочу, чтобы ты разбудил меня, как только встанет луна. Тихонько, ты понимаешь?

— Аешь! — последовало в ответ. Что сие означало, никто, наверное, сказать не мог, но Джейк решил, что ушастик его понял. Потому что верил в Ыша. Или потому что любил его. А может, первое не отличалось для Джейка от второго.

— Когда взойдет луна. Скажи, луна, Ыш.

— Луна!

Это обнадеживало, но Джейк, тем не менее, установил и внутренний будильник, дабы он зазвенел, когда взойдет луна. Потому что решил пойти туда, где другой ночью видел отца Бенни и Энди. Ему не хотелось верить, что отец Бенни как-то связан с Волками, и Энди тоже, а потому следовало разобраться, где правда. Именно так бы и поступил Роланд. Если не по вышеуказанной причине, то по другой.

Двое мальчиков лежали в комнате Бенни. Кровать там стояла одна, Бенни, конечно, предложил ее гостю, но Джейк отказался. В итоге они договорились, что будут спать на кровати по очереди. В эту ночь кровать досталась Бенни, а Джейк улегся на полу, что его только порадовало. Очень уж мягким был у Бенни матрац, набитый гусиным пухом. На куда более твердом полу спалось, конечно, не так сладко, и вероятность того, что ему удастся проснуться с восходом луны, повышалась.

Бенни лежал, заложив руки за голову, уставившись в потолок. Он заманил Ыша на кровать, и ушастик-путаник уже спал, свернувшись калачиком, засунув нос под хвост.

— Джейк, — шепот. — Ты спишь?

— Нет.

— Я тоже, — пауза. — Я так рад, что ты можешь побыть со мной.

— Я тоже, — ответил Джейк, совершенно искренне.

— Когда ты — единственный ребенок, иной раз бывает так одиноко.

— Как будто я этого не знаю... у меня никогда не было сестры, — Джейк помолчал. —

Готов спорить, ты очень огорчился, когда умерла твоя сестренка.

— Я и сейчас грущу, — по крайней мере, он говорил будничным тоном, не рвавшим душу. — Полагаю, вы еще поживете здесь после того, как побьете Волков.

— Возможно, но не очень долго.

— Вы должны идти дальше, не так ли?

— Да.

— Куда?

Спасать Темную Башню в этом мире и розу — в Нью-Йорке, откуда и прибыли он, Эдди и Сюзанна. Но Джейк не собирался рассказывать об этом Бенни, хотя тот ему и нравился. Все, что касалось Башни и розы, следовало хранить в секрете. О делах ка-тета могли знать только его члены. Но и лгать не хотелось.

— Роланд не любит говорить об этом.

Долгая пауза. Бенни осторожно повернулся, чтобы не потревожить Ыша.

— Он меня немного пугает, твой дин.

Джейк обдумал слова Бенни, потом ответил:

— Он и меня немного пугает.

— Он пугает моего отца.

Джейк разом подобрался.

— Правда?

— Да. Отец сказал, что не удивится, если вы, разобравшись с Волками, возьметесь за нас. Потом добавил, что пошутил, но вот этот старый ковбой с суровым лицом его пугает. Он имел в виду твоего дина, не так ли?

— Да, — ответил Джейк.

Джейк уже решил, что Бенни заснул, когда услышал новый вопрос:

— А какой была твоя комната там, откуда ты пришел?

Джейк подумал о своей комнате и поначалу никак не мог представить ее себе, поскольку давно уже о ней не вспоминал. А когда представил, постеснялся подробно описать ее Бенни. По стандартам Кальи Бен жил очень неплохо, Джейк догадывался, что мало кто из детей мог похвастаться собственной комнатой, но, опиши он свою комнату, Бенни решил бы, что имеет дело со сказочным принцем. Телевизор, стереосистема, все эти пластинки, наушники, постеры, микроскоп, показывающий невидимое глазу. Как ему рассказать обо всех этих чудесах?

— Она такая же, как твоя, только у меня еще был стол, — наконец, ответил Джейк.

— Письменный стол? — Бенни приподнялся на локте.

— Да, конечно. — В ответе Джейка слышался вопрос: «А какой же еще?»

— Бумага? Ручки? Из птичьих перьев?

— Бумага, — согласился Джейк. — И ручки. Но не из птичьих перьев. Шариковые.

— Шариковые ручки? Я не понимаю.

Джейк начал объяснять, но вскоре услышал посапывание. Посмотрел на кровать и увидел, что Бенни лежит на боку, лицом к нему, но глаза у него закрыты.

Ыш открыл глаза, они блеснули в темноте, и подмигнул Джейку. А потом вроде бы вновь заснул.

Джейк долго смотрел на Бенни, его переполняла тревога, причину которой он не понимал... или не хотел понимать.

Наконец, заснул и он.

3

Из крепкого, глубокого сна его вывели неприятные ощущения в запястье. Что-то его сдавливало. Что-то острое. Зубы. Ыш.

— Ыш, прекрати, отстань, — пробормотал Джейк, но Ыш не отставал. Зажал запястье Джейка в челюстях и дергал из стороны в сторону, иногда покусывая. Отпустил руку, только когда Джейк сел и сонно уставился в залитую лунным светом ночь.

— Луна, — сказал Ыш. Он сидел на полу рядом с Джейком, раскрыв челюсти в улыбке, его глаза ярко блестели. — Луна!

— Да, — шепнул Джейк, потом пальцами закрыл Ышу пасть. — Тихо! — посмотрел на Бенни, который теперь лежал лицом к стене и похрапывал. Джейк подумал, что его не разбудит и взрыв гранаты.

— Луна, — повторил Ыш, уже гораздо тише. Теперь он смотрел в окно. — Луна, луна, луна.

4

Джейк поехал бы на незаседланной лошади, но он хотел взять с собой Ыша, а как ехать с ним без седла мальчик себе не представлял: при падении Ыш мог сильно разбиться. К счастью, сэй Оуверхолсер дал ему очень смиренного пони, который тихонько стоял, не мешая Джейку седлать его. К седлу Джейк привязал спальник, он чувствовал вес «ругера», мог его прощупать, нажимая на спальник. Снял с гвоздя чей-то фартук с просторным карманом на груди, скрутил, превратив в широкий ремень, перепоясался. Ему вдруг вспомнилось, что в теплые дни в его школе некоторые мальчишки вытаскивали подол рубашки из брюк и ходили, точно так же перепоясав ее ремнем. Как и воспоминание о комнате, это находилось далеко-далеко, словно бродячий цирк, который дал представление в городе... и отправился дальше.

«Та жизнь была богаче», — прошептал голос, глубоко в голове.

«Эта жизнь — честнее», — прошептал второй голос, еще с больших глубин.

Он верил второму голосу, но на сердце, когда он вывел пони из конюшни и повел вкруг дома, давили грусть и тревога. Ыш шел следом, изредка смотрел на небо и бормотал: «Луна, луна», — но в основном принимался к окружающим запахам. Задуманный поход таил в себе немало опасностей. Все-таки предстояло пересечь Девар-Тете Уайе, действовать на берегу Тандерклепа. Джейк это знал, но куда больше его волновала нарастающая сердечная боль. Он думал о Бенни, который так радовался, что в «Рокинг Би» у него появился близкий друг. И задавался вопросом, назовет ли Бенни его другом неделю спустя.

— Не имеет значения, — вздохнул Джейк. — Это ка.

— Ка, — Ыш вскинул голову, посмотрел на него. — Луна. Ка, луна. Луна, ка.

— Заткнись, — беззлобно прикрикнул на него Джейк.

— Заткнись ка, — весело ответил Ыш. — Заткнись луна. Заткнись Эйк. Заткнись Ыш, — давно уже он так много не говорил и, выговорившись, замолчал. Джейк вел лошадь еще десять минут, мимо домика, в котором храпели, вздыхали и пердели наемные работники, за

ближайший холм. Там, увидев впереди Восточную дорогу, решил, что дальше можно ехать верхом. Размотал фартук, надел, посадил Ыша в нагрудный карман, вскочил в седло.

Он не сомневался, что сразу найдет место, где Слайтман пересек реку, но напомнил себе, что видел его только один раз, и Роланд бы сказал, что в столь ответственном деле этого недостаточно. Поэтому прежде всего поднялся на обрыв, где стояла палатка Бенни, нашел гранитный выступ, напомнивший ему корму зарытого в землю корабля. Вновь Ыш остался наверху, дыша ему в ухо. Джейк тут же нашел и круглый валун с блестящей поверхностью, и сухое бревно, потому что в последнее время дождей не было и река только отступала от берега.

Вернувшись к пони, он привязал его к кусту рядом с тем местом, где стояла палатка, Джейк свел его к воде, посадил Ыша в карман фартука, уселся в седло и направил пони в реку. Вода едва покрывала щетки над копытами. Несколько минут спустя река осталась позади.

Едва оказавшись на дальнем берегу, Джейк почувствовал: что-то изменилось. Луна по-прежнему пыла в чистом небе, но стало как-то темнее. Темнота отличалась от той, которая наваливалась на него в Нью-Йорке во время Прыжка, и в голове не звучала мелодия колокольников, но некое сходство имело место быть. А еще чувствовалось, тут что-то затаилось, и глаза могут повернуться в его направлении, если он что-то сделает не так и выдаст свое присутствие их хозяевам. Он же пришел на край Крайнего мира. Кожа Джейка покрылась мурашками, его затрясло. Ыш смотрел на него из кармана фартука.

— Все нормально, — прошептал ему Джейк. — Просто надо обвыкнуться.

Он слез с лошади, опустил Ыша на землю, положил фартук в тень большого валуна. Решил, что на этом этапе его поездке фартук ему не потребуется: вновь брать ушастика-путаника на руки он не собирался. От волнения Джейк весь вспотел. В тревоге оглядел противоположный берег, не хотел, чтобы его застали врасплох, но не заметил ничего подозрительного. Однако, ощущение, что он не один, оставалось. На этом берегу Девар-Тете Уайе могли жить только злобные твари, в этом Джейк не сомневался. И почувствовал себя гораздо увереннее, когда достал из спальника самодельную кобуру, закрепил на привычном месте, сунул в нее «ругер». С «ругером» он становился другим человеком, который далеко не всегда ему нравился. Но здесь, на дальнем берегу Уайе, мог выжить только этот человек — стрелок.

С востока донесся крик, предсмертный крик женщины. Джейк знал, что это горная кошка, он эти крики уже слышал, когда купался в реке с Бенни или рыбачил, но все равно положил руку на рукоятку «ругера» и не убирал, пока крик не смолк. Ыш стоял, согнув передние лапы, наклонив голову, приподняв зад. Обычно сие означало, что он хочет поиграть, но в оскаленных зубах ничего игривого не просматривалось.

— Все в порядке, — попытался успокоить его Джейк. Вновь порывшись в спальнике (седельную суму не взял), пока не нашел кусок материи в красную клетку. Шейный платок Слайтмана-старшего, украденный четыре дня тому назад: тот снял платок, сев за стол, случайно уронил на пол и забыл про него.

«А я, однако, воришка, — подумал Джейк. — Сначала пистолет отца, теперь шейный платок отца Бенни. Не могу сказать, это шаг вперед или назад».

Ему ответил голос Роланда: «Ты делаешь то, что должен. Почему бы тебе не перестать бить себя в грудь и не заняться делом?»

Растянув платок руками, Джейк посмотрел на Ыша.

— В кино это всегда срабатывает, — сказал он ушастик-путанику. — Не знаю, как с этим

в реальной жизни, особенно по прошествию немалого времени, — он наклонил платок к Ыша, который вытянул длинную шею и понюхал его. — Найди этот запах, Ыш. Найди и следуй за ним.

— Ыш! — повторил зверек, но остался на месте, глядя на Джейка.

— Давай, глупенький, — Джейк вновь сунул платок ему под нос. — Найди этот запах! Давай!

Ыш дважды повернулся по триста шестьдесят градусов, потом затрусил на север, вдоль реки. Иногда опускал нос к скальному грунту, но куда больше его интересовали доносящиеся издали крики горных кошек. Джейк наблюдал за ним, и его надежда таяла, как весенний снег на солнцепеке. С другой стороны, он видел, куда шел Слайтман. И, наверное, сам мог взять нужное направление, уйти от реки, посмотреть, что там можно увидеть.

Ыш развернулся, направился к Джейку, остановился. Принюхался более тщательно. В этом месте Слайтман вышел из воды? Возможно. Ыш тихонько зарычал и двинулся направо, на восток. Проскользнул между двух валунов. Джейк, надежда тут же вернулась, сел на лошадь и последовал за ним.

6

Джейку потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что Ыш идет по тропе, проложенной по каменистой земле этой холмистой, выжженной солнцем местности. Вскоре ему на глаза стали попадаться признаки технологической цивилизации: бухта окислившегося электрического провода, наполовину ушедший в землю трансформатор, осколки стекла. В тени, отбрасываемой в лунном свете большим валуном, Джейк заметил целую бутылку. Слез с пони, поднял ее, осушенную Бог знает сколько десятилетий (или столетий) тому назад, осмотрел. Увидел на боковой поверхности знакомое слово: «Нозз-А-Ла».

— Напиток, который везде пьют обманщики, — пробормотал Джейк и положил бутылку под валун. Рядом валялась смятая пачка сигарет. Мальчик расправил ее, увидел нарисованную на ней женщину с красными губами и в красной шляпке. Сигарету она держала двумя длинными пальцами. Прочитал название сигарет: «ВЕЧЕРИНКА».

Ыш застыл в десяти или двенадцати ярдах впереди, оглянувшись через низкое плечо.

— Уже иду, — успокоил его Джейк.

Другие тропки вливались в ту, по которой Ыш шел, а он ехал, и Джейк понял, что это продолжение Восточной дороги. Кое-где он видел следы сапог и другие, поменьше, более глубокие. Следы встречались под высокими скалами, там, где их не мог замести ветер. Он догадался, что следы от сапог оставлены Слайтманом, меньше размером и более глубокие — Энди. Других не было. Но им предстояло появиться, в самом ближайшем будущем. Следам серых лошадей Волков, скачущих с востока. И Джейк полагал, что они оставят за собой глубокие следы. Столь же глубокие, как следы Энди.

Впереди тропа взбегала на холм. На вершине с обеих сторон стояли бесформенные кактусы с толстыми отростками, торчащими во все стороны. Ыш там остановился, глядя вниз, вроде бы улыбался. Приблизившись к нему, Джейк уловил запах кактусов. Резкий, горьковатый. Запах этот напомнил ему о «мартини» отца.

Джейк остановил лошадь рядом со зверьком, тоже посмотрел вниз. У подножия холма увидел уходящую вправо разбитую бетонку. Сдвижные ворота, оставшись наполовину раскрытыми в незапамятные времена, должно быть, еще до того, как Волки начали совершать набеги пограничные Кальи и увозить детей. За воротами высилась здание с полукруглой

металлической крышей. По стене тянулись маленькие окошки, и у Джейка учащенно забилося сердце: они светились. Такой ровный белый свет не могли дать ни свечи, ни лампы накаливания (Роланд вроде бы называл их «искросветами»). Такой свет давали только флуоресцентные лампы. В нью-йоркской жизни флуоресцентные лампы ассоциировались у него по большей части с неприятным: гигантскими магазинами, где все продавалось, но никогда не удавалось найти нужное тебе; сонными уроками в школе, когда учитель что-то бубнил о торговых путях древнего Китая или полезных ископаемых Перу, за окном лил дождь и, казалось, звонок, возвещающий об окончании занятий, никогда не прозвенит; кабинетами врачей, где он сидел в одних трусах, дрожащий от холода, зная, что дело определено закончится очередным уколом.

Сегодня, впрочем, этот свет подбодрил его.

— Хороший мальчик! — похвалил он ушастика-путаника.

Но зверек, вместо того, что, как обычно, повторить последние слог или два последнего слова, посмотрел на спину Джейка и зарычал. В этот самый момент дернулась и нервно заржала лошадь. Джейк дернул за уздечку и вдруг осознал, что горьковатый (и не то, чтобы совсем уж неприятный) запах джина и можжевельника усилился. Повернувшись, увидел, как к нему тянутся два утыканных иголками отростка кактуса, что стоял по правую руку. Раздался неприятный хруст и капельки белого сока побежали по основному стволу кактуса. Иглы показались Джейку очень уж злобными и зловещими. Похоже, кактус учуял его и задумал съесть.

— Пошли, — шепнул он Ышу и сдвинул бока лошади. Этого вполне хватило, чтобы она резво спустилась с холма, к зданию со светящимися окнами. Ыш бросил недоверчивый взгляд на движущийся кактус и поспешил следом.

7

У бетонной дороги Джейк остановил пони. В пятидесяти ярдах дорогу (а в том, что это дорога, двух мнений быть не могло) пересекали рельсы, которые тянулись к Девар-Тете Уайе и пересекали ее по низкому мосту. Мост этот местные жители называли «переправой». А старики, по словам Каллагэна, «дьявольской переправой».

— Поезда, что привозят рунтов из Тандерклепа, катятся по этим рельсам, — прошептал он Ышу. И чувствовал ли зверек притяжение Луча? Джейк точно чувствовал. У него возникла предчувствие, что уйдут они из Кальи Брин Стерджис, если уйдут, именно по этим рельсам.

Он задержался еще на мгновение, вытащил ноги из стремян, и направил пони по разбитой бетонке к зданию. Джейк решил, что выглядит оно, как куонсетский ангар на какой-нибудь военной базе. Ыш, с его короткими лапами, с большим трудом продвигался по выбоинам. И для лошади дорога эта представляла собой немалую опасность. Поэтому, миновав ворота, Джейк спешил и огляделся в поисках места, где мог бы привязать лошадь. Подходящие кусты росли у ворот, но в голове мелькнула мысль, что не стоит оставлять лошадь на самом виду. Он повел пони в сторону от бетонки, на твердый сланец, обернулся, бросил Ышу: «Подожди меня!»

— Ня! Ыш! Эйк!

Джейк нашел кусты, которые росли за грудой валунов, невидимые ни с бетонки, ни с тропы, по которой они приехали. Вот это место его вполне устроило, он привязал пони, погладил по длинной, шелковистой морде.

— Скоро вернусь. Будешь вести себя хорошо?

Пони выдохнул через ноздри и вроде бы кивнул. Что, в общем-то, ничего не значило, и Джейк это прекрасно понимал. И вообще, возможно, зря прятал лошадь. Однако, и он это знал,

лучше перестраховаться, чем потом сожалеть о собственном легкомыслии. Поспешил к бетонке, подхватил Ыша на руки. И в этот момент вспыхнули яркие прожектора, буквально пригвоздив его к земле. Держа Ыша одной рукой, Джейк поднял вторую, чтобы прикрыть глаза. Ыш жалобно выл и моргал.

Но никто не закричал: «Стой», никто не потребовал предъявить документы, лишь ветер шелестел листвой. Прожектора включились по сигналу датчиков, которые уловили движение на бетонке, догадался Джейк. Что за этим последует? Загремят пулеметы, управляемые дипольными компьютерами? На него набросятся маленькие, но смертельно опасные роботы, вроде тех, которые расстреляли Роланд, Эдди и Сюзанна на поляне, где начинался Луч? Тот самый Луч, по которому они сейчас и идут. Или сверху свалится огромная сеть, как в том фильме про джунгли, который он видел по ти-ви?

Джейк поднял голову. Никакой сети. И никаких пулеметов. Он двинулся дальше, лавируя между самыми выбоинами, перепрыгнул через глубокий провал. После него выбоины практически исчезли, путь трещин и хватало. Джейк опустил Ыша на бетон.

— Дальше пойдешь сам. Ты, однако, тяжелый. Следи за весом, а не то сдам тебя в «Уэйт уочерс».^[67]

Он смотрел прямо перед собой, щурясь, прикрывая глаза рукой от яркого света. Прожектора висели под самой крышей куонсетского ангара. В их свете он отбрасывал длинную, черную тень. На земле Джейк увидел трупы горных кошек, два слева, два справа. От трех остались только скелеты, четвертая еще не успела разложиться. Он отметил, что рана слишком большая для пули. Подумал, что кошку убили стрелой, выпущенной из арбалета. От сердца чуть отлегло. Современное ему или оружие будущего здесь, похоже, не использовалось. Однако, только безумец не дал бы задний ход, не вернулся бы сначала к реке, а потом в Калью. А кто, скажите на милость, он?

— Безумец, — ответил Джейк на свой же вопрос.

— Умец, — поддакнул Ыш, у сапога Джейка.

Минутой позже они уже подошли к двери. Над ней крепилась изрядно заржавевшая стальная табличка с надписью:

**СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ, ЛТД
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КОРИДОР
КВАДРАТ ДУГИ**

**АВАНПОСТ 16
ВТОРОЙ УРОВЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ
ВХОД ПО РЕЧЕВОМУ ПАРОЛЮ**

На самой двери, только на двух винтах, еще два вывалились, висела другая табличка. «Это шутка? — подумал Джейк. — Прозвище?» Чутьочку одного и капелька другого? Кто мог ответить на этот вопрос? Табличка провисела Бог знает сколько лет, буквы едва проступали сквозь ржавчину, но Джейк все-таки прочитал текст:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ДОГАН»

Джейк предположил, что дверь заперта, и не ошибся. Рычаг-рукоятка поднималась и опускалась лишь на самую малость. Он догадался, что в стародавние времена, новенькой, она бы не сдвинулась ни на йоту. Слева от двери Джейк заметил ржавую стальную панель с кнопкой и решеткой микрофона. Под решеткой прочитал: «УСТРОЙСТВО РЕЧЕВОГО ВВОДА». Джейк потянулся к кнопке, и внезапно прожектора погасли, оставив его, как сначала показалось, в крошечной тьме. «Прожектора управляются таймером, — подумал он, дожидаясь, пока глаза привыкнут к изменению в освещении. — И таймер установлен на короткий промежуток. А может, он не может долго работать, устал, как и все остальное, оставленное Древними Людьми».

Наконец, глаза приспособились к лунному свету, и он вновь увидел панель с кнопкой. А каким должен быть речевой пароль, догадывался. Поэтому решительно нажал на кнопку.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА АВАНПОСТ 16 КВАДРАТА ДУГИ, — раздался голос. Джейк подпрыгнул, едва подавив крик. Он ожидал услышать голос, но не предполагал такого совпадения с голосом Блейна Моно. — В АВАНПОСТЕ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ВТОРОЙ УРОВЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРОИЗНЕСИТЕ ПАРОЛЬ. У ВАС ДЕСЯТЬ СЕКУНД. ДЕВЯТЬ... ВОСЕМЬ.

— Девятнадцать.

— ПАРОЛЬ НЕПРАВИЛЬНЫЙ. У ВАС ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА. ПЯТЬ... ЧЕТЫРЕ... ТРИ...

— Девяносто девять.

— СПАСИБО.

Что-то щелкнуло, дверь открылась.

Джейк и Ыш вошли в помещение, которое напомнило ему огромный зал управления под городом Ладом. Роланд пронес его по этому залу, следуя за стальным шаром, который вел их к колыбели Блейна. Тут помещение было куда как поменьше, но пульта управления и приборные панели выглядели точно также. Перед некоторыми даже стояли стулья на колесиках, чтобы люди могли передвигаться от пульта к пулту, не поднимаясь на ноги. Ощутимо чувствовался приток свежего воздуха, до Джейка долетал и скрежет машин, которые гнали его в ангар. Три четверти панелей светились, но остальные, темные, вышли из строя. Машинерия состарилась и устала, в этом он не ошибся. В углу сидел лыбящийся скелет в лохмотьях военной формы.

Одну сторону ангара занимали телевизионные мониторы. Что-то похожее Джейк видел и в кабинете отца, только там стояли только три монитора, по одному на каждую из главных телеведущих компаний, а здесь... он сосчитал. Тридцать. На трех все мельтешило, на двух быстро бежали кадры, четыре не работали вовсе. Но двадцать один показывали разную «картинку», и Джейк переводил взгляд с одного экрана на другой все с возрастающим изумлением. На пяти или шести он видел различные участки пустыни, в том числе и вершину холма, охраняемую двумя бесформенными кактусами. На двух — «Доган», со стороны бетонной дороги и сзади. Расположенные под ними три экрана — внутренние помещения «Догана». Один — то ли камбуз, то ли кухню. Второй — маленькую казарму на восемь коек (на одной из них, верхней, Джейк заметил еще один скелет). Третий — то самое помещение с экранами, в котором находился Джейк. Камера находилась под самым потолком, так что Джейк увидел и себя, и Ыша. На одном экране рельсы тянулись от «Догана» вдаль. На одном — сверкала под лунным светом Маленькая Уайе. Крайний справа показывал переправу с

уложенными на ней рельсами.

Но больше всего поразили Джейка «картинки» восьми оставшихся экранов. Один показывал магазин Тука, в это время, само собой, темный, запертый на все замки. Один — Павильон. Два — Главную улицу Кальи. Еще один — церковь Нашей Непорочной Госпожи. Шестой — гостиную в доме священника. Комнату внутри дома! Джейк видел на экране спящего кота Каллагэна. Два последних показывали, как предположил Джейк, поселение Мэнни (сам он там никогда не был).

«Но где же, черт возьми, установлены камеры? — подумал Джейк. — Как вышло, что их никто не видит?»

Потому что они маленькие, предположил он. И потому что они спрятаны. «Улыбнитесь. Вас снимает скрытая камера».^[68]

Но церковь... дом священника... эти здания появились в Калье несколько лет тому назад. И гостиная! Камера в доме! Кто мог установить там камеру и когда?

Когда — Джейк сказать не мог, но вот насчет кто... Пожалуй, он знал, кто мог это сделать. Слава Богу, они совещались, главным образом, на заднем крыльце или на лужайке. Но все равно, как много знают Волки... или их хозяева? Что записали машины, которые стояли внутри дома священника?

И что передали?

Джейк ощутил боль в руках, и только тут понял, что ногти впились в ладони, так сильно он сжал кулаки. Не без труда ему удалось разжать пальцы. Он все время ждал, что из динамиков громкой связи раздастся голос, голос Блейна, и спросит, а что, собственно, он тут делает. Но голоса тишину зала не нарушали. Лишь мерно гудело работающее оборудование, да шумели, изредка скрежеща, вентиляторы. Джейк глянул на дверь и увидел, что ее закрыл пневматический доводчик. Об этом он не волновался, полагал, что с этой стороны дверь откроется легко. Если нет, добрые две девятки помогут ему выбраться из ангара. Он вспомнил, как представлялся местным жителям в тот вечер в Павильоне. Вечер, от которого его уже отделяла целая вечность. «Я — Джейк Чеймберз, сын Элмера, из рода Эльда, — сказал он им. — Ка-тет Девяносто девяти». Почему так сказал? Он этого не знал. Знал только одно: совпадения вновь начали проявляться. В школе мисс Эйвери прочитала им стихотворение «Второе пришествие» Уильяма Батлера Йетса. В нем шла речь о ястребе, который летал в небе по расширяющейся спирали, как объяснила мисс Эйвери, разновидности круга. Вот и здесь все шло по спирали, а не по кругу. Только для ка-тета Девятнадцати (или Девяносто девяти, почему-то Джейк думал, что это одно и то же) спираль эта сужалась, по мере того, как мир вокруг него становился древнее, разбалтывался, ломался, терял свои части. Они словно попали в тот самый смерч, который унес Дороти в страну Оз, где жили настоящие колдуньи и правили шарлатаны. И Джейк не видел ничего удивительного в том, что они будут снова и снова видеть одно и то же, чаще и чаще, потому что...

Его глаз уловил движение на одном из экранов. Джейк посмотрел на него и увидел отца Бенни и Энди, робота-посыльного (со многими другими функциями), поднявшихся на вершину холма, которую охраняли часовые-кактусы. Усеянные иглами отростки-руки, выдвинулись вперед, чтобы перекрыть дорогу и, возможно, насадить на иглы добычу. Энди, однако, мог не бояться иголок. Он махнул рукой и обрубил один из отростков. Отросток упал на землю, сочась белым соком. Может, это и не сок, подумал Джейк. Может, это кровь. В любом случае второй кактус, по другую сторону дороги, торопливо отшатнулся. Энди и Бен Слайтман остановились, возможно, чтобы обсудить нападение кактусов. Разрешение экрана не позволяло определить, движутся губы человека или нет.

Джейка охватила жуткая, перехватывающая дыхание паника. Тело налилось свинцом,

словно он разом перенесся на Сатурн или Юпитер. Он не мог дышать, легкие отказывались раздуваться или сдуваться. «То же самое, должно быть, почувствовала Златовласка, — подумал он, — когда проснулась в маленькой кровати, чтобы услышать, как в дом вошли три медведя». Он не ел кашу, не ломал стульчик медвежонка, но знал слишком много секретов. Впрочем, они слились в один секрет. Чудовищный секрет.

Теперь они спускались с холма. Направлялись к «Догану».

Ыш озабоченно смотрел на мальчика, максимально вытянув длинную шею, но Джейк его практически не видел. Перед глазами расцвели черные цветы. Еще чуть-чуть, и он грохнется в обморок. Они найдут его, распростертым на полу. Ыш попытается его защитить, но, если Энди не сможет разобраться с ушастиком-путаником, с ним разберется Бен Слайтман-старший. У двери лежали четыредохлые горные кошки, и по меньшей мере одну из них отец Бенни уложил из своего верного арбалета. Так что с маленьким лающим ушастиком-путаником он справится без труда.

Такой ты, значит, у нас трус? — спросил в голове голос Роланда. — *Зачем им убивать такого труса, как ты? Они просто отправят тебя на запад, в компанию к тем, кто забыл лица своих отцов.*

Эта мысль привела его в чувство. Он глубоко вдохнул. Втягивал в себя воздух, пока легкие не раздулись по максимуму, до боли. Шумно выдохнул. Отвесил себе крепкую затрещину.

— Эйк! — воскликнул Ыш, с упреком, просто в шоке.

— Все нормально, — Джейк посмотрел на мониторы, показывающие кухню и казарму, сделал выбор в пользу последней. На кухне прятаться было просто негде. В казарме он мог найти чулан, а если нет? Об этом думать не хотелось.

— Ыш, за мной, — и пересек гудящий зал, залитый ровным белым светом.

10

В казарме пахло древними пряностями: корицей и гвоздикой. Джейк задался вопросом, не этот ли запах встретил археологов, когда они впервые попали в подземелья под пирамидами? С верхней полки в углу ему улыбался скелет, словно приветствовал дорогого гостя. «Приляг, странник, отдохни. Я вот давно тут лежу». На его ребрах висела паутина, и Джейк задался еще одним вопросом: а сколько поколений пауков вывелись в этой грудной клетке? На другой койке, на подушке, лежала челюсть, которая вызвала у Джейка жуткое воспоминание. Однажды, в том мире, где он умер, стрелок нашел такую же. И использовал ее.

В голове вертелись еще два вопроса и вызрело одно решение. Вопрос первый: сколько времени понадобится им, чтобы войти в ангар? Вопрос второй: найдут ли они пони? Если б Слайтман приехал на лошади, его дружелюбный пони, в этом Джейк не сомневался, обязательно бы приветственно заржал. К счастью, Слайтман пришел на своих двоих, как и в прошлый раз. Джейк и сам бы пришел пешком, если б знал, что его цель так близко от реки. Впрочем, тайком выскальзывая из «Рокинг Би», он понятия не имел, а есть ли у него цель.

Решение вызрело следующее: убить и железного человека, и того, что из плоти и крови, если они его найдут. И если ему это удастся. С Энди могли возникнуть проблемы, но он полагал, что слабое место робота — выпученные глаза из синего стекла. Если он сможет ослепить робота...

«Даст Бог — будет и вода, — прокомментировал его мысли стрелок, который, похоже, поселился в его голове, на счастье или на горе. — Сейчас твоя задача — спрятаться, если сможешь. Где?»

Не на койках. Они видны на мониторе и едва ли ему удастся прикинуться скелетом. Под одной из двух дальних нижних? Рискованно, но может сработать... если...

Джейк заметил другую дверь. Прыгнул к ней. Повернул рычаг-рукоятку. Чулан. Чуланы — идеальное место для тех, кому надо спрятаться, но этот от пола до потолка набили каким-то старым электронным оборудованием. Что-то высыпалось на пол.

— Черт, — прошипел он, собрал все, что вывалилось, затолкал обратно, закрыл дверь. Что ж, придется лезть под одну из коек...

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА АВАНПОСТ 16 КВАДРАТА ДУГИ, — прогремел записанный в незапамятные времена голос. Джейк вздрогнул и тут же увидел еще одну дверь, слева от себя, приоткрытую. Посмотреть, что за дверью или нырять под койку? Он мог выбрать только один вариант, на оба времени бы не хватило. — В АВАНПОСТЕ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ВТОРОЙ УРОВЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ...

Джейк выбрал дверь, и, как оказалось, правильно, потому что Слайтман не стал слушать всю запись, ответил сразу: «Девяносто девять», — динамики громкой связи многократно усилили его голос, и контрольное устройство тут же поблагодарило его.

За дверью оказался еще один чулан, на этот раз пустой, с двумя или тремя ветхими рубашками и пончо, висевшими на крючках у дальней стены. В воздухе хватало пыли, и Ыш, переступая порог, трижды чихнул.

Джейк опустился на колени, обнял Ыша за длинную шею.

— Больше не чихай, а не то нас убьют. Сиди тихо, Ыш.

— Ихо Ыш, — прошептал в ответ ушастик-путаник и подмигнул. Джейк потянулся к двери и прикрыл ее, оставив щель в пару дюймов, как и было раньше. Он, во всяком случае, на это надеялся.

11

Он слышал их хорошо... слишком хорошо. Джейк уже понял, что ангар напичкан микрофонами и динамиками. Его это не радовало. Потому что, если он и Ыш могли слышать их...

Говорили они о кактусах, вернее, говорил Слайтман. Ему хотелось знать, чего это вдруг они проявили такую агрессивность.

— Дело почти наверняка в горных кошках, сэй, — самодовольно ответил Энди. Эдди говорил, что Энди напоминает ему работа СиЗРиО в «Звездных войнах», фильме, которого Джейк ждал с нетерпением. Разминулся с ним меньше чем на месяц. — У них сейчас сезон спаривания, знаешь ли.

— Какое там спаривание? Или ты говоришь мне, что эти чертовы кактусы не могут отличить горную кошку от добычи, которую они могут поймать и съесть? Кто-то прошел по этой дороге, уж поверь мне. И недавно.

Страшная мысль мелькнула в голове Джейка: а если пол в «Догане» пыльный? Он-то таращился на приборные панели и мониторы. Впрочем, если он и Ыш оставили следы, эти двое их уже заметили. И могли притворяться, что ведут разговор о кактусах, а на самом деле подкрадывались к двери казармы.

Джейк вытащил «ругер» из кобуры, держа в правой руке, положил большой палец на рычажок предохранителя.

— Нечистая совесть превращает нас всех в трусов, — голос Энди оставался таким же самодовольным. — Это мое вольное изложение...

— Заткнись, мешок с болтами, — рывкнул Слайтман. — Я... — и тут же вскрикнул от боли. Джейк почувствовал, как напрягся Ыш. Тихонько зарычал. Джейк сдавил ему пасть.

— Отпусти! — крикнул Слайтман. — Отпусти меня!

— Разумеется, сэй Слайтман, — сочувственно ответил Энди. — Я только нажал на маленький нерв в твоём локте, знаешь ли. Боль скоро уйдёт, потому что приложенная сила не превышала двадцати фунтов на квадратный фут.

— Зачем ты это сделал? — в голосе Слайтмана слышалась обида. — Разве я не выполняю все твои требования, и даже больше? Разве я не рискую жизнью ради своего мальчика?

— Не говоря уже о некоторых радостях жизни, — промурлыкал Энди. — Очках... музыкальной машине, которую ты прячешь на дне седельной сумки... и, разумеется...

— Ты знаешь, почему я это делаю, и что будет со мной, если меня выведут на чистую воду, — ответил Слайтман. Жалобные завывания исчезли из его голоса, в нём слышалось достоинство и усталость. Джейку такая перемена не понравилась. Если уж он выберется отсюда и раскроет предателя, ему хотелось раскрыть злодея. — Да, что-то мне перепало, это правда, и я говорю, спасибо тебе. Очки, чтобы я мог лучше разглядеть людей, с которыми прожил всю жизнь, а теперь предаю. Музыкальная машина, чтобы я не слышал голоса совести, о которой ты так походя упомянул, и мог спать по ночам. А потом ты щипаешь меня за локоть, после чего я чувствую, как мои глаза просто вываливаются из орбит.

— Я позволяю это другим, — голос Энди тоже изменился. Напомнил Джейку о Блейне. Что бы произошло, услышь такой голос Тиан Джеффордс? Воун Эйзенхарт? Оуверхолсер? Остальные жители Кальи? — Они постоянно сыпят мне на голову горячие угли, а я не протестую, не даю им отпора. «Иди сюда, Энди. Иди туда, Энди. Прекрати это глупое пение, Энди. Заткни пасть, Энди. Не говори нам о будущем, потому что мне не хотим о нём слышать». Вот я и не говорю ни о чём, за исключением Волков, потому что вот тут они меня слушают и становятся грустными. Поэтому и говорю. Для меня каждая их слеза — золотой самородок. «Ты — всего лишь глупая жестянка, набирая проводами и поблескивающая лампочками, — говорят они. — Скажи нам, какая будет погода, спой колыбельную нашему малышу, а потом проваливай». И я им это позволяю. Я же глупый Энди, игрушка каждого ребенка и всегда мишень для крепкого словца. Но от тебя я такого не потерплю, сэй. Ты собираешься и дальше жить в Калье, как минимум, ещё несколько лет, после того, как уйдут Волки, не так ли?

— Ты знаешь, что собираюсь, — ответил Слайтман, так тихо, что Джейк едва его расслышал. — И я этого заслуживаю.

— Ты и твой сын будете жить в Калье. Такое может случиться, но зависит это не только от смерти пришельцев. Зависит это и от моего молчания. Если ты хочешь, чтобы я молчал, относись ко мне с должным уважением.

— Это абсурд, — после короткой паузы ответил Слайтман. И Джейк, сидя в чулане, полностью с ним согласился. Робот, требующий уважения... конечно же, это абсурд. Как и гигантский медведь, патрулирующий пустующий лес, как и головорез, пытающийся раскрыть тайны дипольных компьютеров, как и поезд, живущий только для того, чтобы слышать и разгадывать новые загадки. — А кроме того, выслушай, прошу тебя, как я могу уважать тебя, если не питаю к себе ни малейшего уважения?

В ответ раздался механический щелчок, очень громкий. Аналогичный звук издал Блейн, когда почувствовал, как абсурд наваливается на него, грозя сжечь логические цепочки. А потом Джейк услышал голос Энди: «Нет ответа, девятнадцать. Выходи на связь и докладывай, сей Слайтман. И покончим с этим».

— Хорошо.

Тридцать или сорок секунд чьи-то пальцы бегали по клавиатуре, а потом раздался

пронзительный трескучий свист, от которого Джейк поморщился, а Ыш заскулил. Джейк таких звуков никогда раньше не слышал: его «извлекли» из Нью-Йорка 1977 года, так что слово модем для него ровным счетом ничего не значило.

Свист разом оборвался. На мгновение установилась тишина, сменившаяся голосом: «ЭТО АЛГУЛ СЪЕНТО. ^[69] ФИНЛИ О'ТЕГО НА СВЯЗИ. ПОЖАЛУЙСТА, НАЗОВИТЕ ПАРОЛЬ. У ВАС ДЕСЯТЬ СЕ...»

— Суббота, — ответил Слайтман, и Джейк нахмурился. Слышал ли он в этом мире название первого дня уик-энда? Скорее нет, чем да.

— СПАСИБО. АЛГУЛ СЪЕНТО ПРИЗНАЕТ ПАРОЛЬ. ЛИНИЯ СВЯЗИ ОТКРЫТА, — вновь пронзительно свистнуло. — ДОКЛАДЫВАЙТЕ, СУББОТА.

Слайтман сообщил, как наблюдал за Роландом и «молодым стрелком», которые поднялись к Пещере голосов, где теперь появилась какая-то дверь, скорее всего, используемая Мэнни. Сказал, что использовал дальнозор, а потому все хорошо видел...

— Телескоп, — самодовольно вставил Энди. — Эти устройства называются телескопами.

— Ты хочешь докладывать вместо меня? — голос Слайтмана сочился сарказмом.

— Извини, — ответил Энди-страдалец. — Извини, извини, продолжай, продолжай, я говорю, спасибо тебе.

Возникла пауза. Джейк мог представить себе, как Слайтман сверлит взглядом робота, для чего бригадиру ковбоев пришлось сильно задрать голову, дабы смотреть при этом Энди в глаза. Наконец, он продолжил.

— Они оставили лошадей внизу и пешком поднялись по тропе. С собой они несли розовый мешок, который передавали друг другу. Чувствовалось, в мешке лежало что-то тяжелое. Что-то с прямыми углами. Я разглядел это в телескоп дальнозор. Могу я высказать два предположения?

— ДА.

— Во-первых, они могли переносить в пещеру две или три наиболее ценные книги отца Каллагэна. Если это так, следует послать туда Волка после завершения ими основной миссии.

— ЗАЧЕМ? — холодный, нечеловеческий голос, Джейк в этом не сомневался. Голос этот вызывал у него дрожь в коленках, нагонял страху.

— В качестве наглядного примера, — ответ казался Слайтману очевидным. — Чтобы проучить священника!

— ОЧЕНЬ СКОРО НЕОБХОДИМОСТЬ В НАГЛЯДНЫХ УРОКАХ СВЯЩЕННИКУ ОТПАДЕТ, — указал голос. — КАКОВА ВТОРАЯ ТВОЯ ДОГАДКА?

Когда Слайтман заговорил вновь, чувствовалось, что он потрясен. Джейк очень надеялся, что ответ Финли потряс этого паршивого предателя. Конечно, он защищал сына, своего единственного сына, но почему думал, что это давало ему право...

— Возможно, в мешке лежали карты, — ответил Слайтман. — Я долго думал и пришел к выводу, если у человека есть книги, у него могут быть и карты. Возможно, он отдал им карты Восточных регионов, карты, которые позволят им добраться до Тандерклепа. Они не скрывают, что идут туда. Но эти карты едва ли принесут им пользу, даже если они и останутся живы. В следующем году север будет на востоке, а годом позже поменяется местами с югом.

Сидя в темном чулане, Джейк вдруг смог увидеть Энди, наблюдающего, как Слайтман докладывает об увиденном и услышанном. Синие электрические глаза Энди мерцали, вспыхивали и гасли. Слайтман этого не знал, никто в Калье не знал, что это мерцание заменяло роботу DNF-44821-V-63 смех. Энди смеялся над Слайтманом.

«Потому что он знает, — подумал Джейк. — Знает, что лежало в мешке. Готов поспорить на пачку печенья, знает».

Мог ли он с уверенностью это утверждать? Мог прикоснуться к мозгу робота, как

прикасался к мозгу людей?

«Если робот способен думать, — ответил в его голове стрелок, — с этим у тебя не должно возникнуть проблем».

Ну... возможно.

— Как бы о ни было, их поход в Пещеру голосов — весьма убедительное доказательство того, что они собираются спрятать детей в тех местах, — продолжил Слайтман. — Но я уверен, что пещеру они подобрали другую.

— Да, да, конечно, другую, — голос Энди сохранил прежние интонации, но Джейк подумал, что вспышки глаз участились. Чуть ли не слились в одну. — Слишком много голосов в этой пещере, они могут испугать детей. Точно испугают!

DNF-44821-V-63, робот-посыльный. Посыльный! Можно обвинять в предательстве Слайтмана, но разве Энди в чем-то виновен? Он выполнял свою основную функцию, четко пропечатанную на его груди, где ее видели все и каждый. И куда же мы только смотрели? Господи!

Отец Бенни тем временем продолжал докладывать Финли О'Тего, который пребывал в некоем месте, именуемом Алгул Сьенто.

— Шахта, которую он показывал нам на карте, нарисованной близнецами Тавери, называется «Глория» и находится менее чем в миле от Пещеры голосов. Но я уверен, что он не собирается прятать там детей. Хочешь, я выдвину еще одно предположение?

— ДА.

— В русло сухой реки, которое идет к «Глории», в четверти мили к югу от нее вливается другое сухое русло. Оно упирается еще в одну старую шахту, «Красную птицу-2». Их дин утверждает, что спрячет детей в «Глории», и я думаю, он повторит эти слова на общем собрании, которое должно пройти в конце недели, когда он попросит разрешения выступить против Волков. Но я уверен, что на самом деле он спрячет их в «Красной птице». Поставит на страже Сестер Орисы, у входа в пещеру и над ней, и мой тебе совет, нельзя недооценивать этих женщин.

— СКОЛЬКО ИХ БУДЕТ?

— Я думаю, пять, если он включит Сари Адамс. Плюс мужчины с арбалетами. Коричневая тоже будет бросать тарелки, и я слышал, получается у нее неплохо. Может, лучше, чем у других. Но, так или иначе, мы знаем, где будут находиться дети. Спрятать их в таком месте — ошибка, но он этого не знает. Он опасен, но мозги у него заржавели. Возможно, такая стратегия уже приносила ему успех.

Естественно, приносила, в каньоне Молнии, против людей Латиго.

— Теперь важно выяснить, где в момент прихода Волков будут находиться он сам, молодой стрелок и мальчик. Возможно, он скажет об этом на собрании. Если нет, потом он может сказать Эйзенхарту.

— ИЛИ ОУВЕРХОЛСЕРУ?

— Нет, Эйзенхарт пойдет с ним. Оуверхолсер — нет.

— ТЫ ДОЛЖЕН ВЫЯСНИТЬ, ГДЕ ОНИ БУДУТ НАХОДИТЬСЯ.

— Знаю, — ответил Слайтман. — Мы выясним, Энди и я, а потом еще раз вернемся в это проклятое место. После этого, клянусь леди Орисой и Человеком-Иисусом, будем считать, что я свои обещания выполнил. Можем мы идти?

— Через минуту, сэй, — ответил Энди. — Ты знаешь, я должен передать свое послание.

Опять послышался пронзительный трескучий свист. Джейк стиснул зубы, дожидаясь, пока он утихнет. Наконец, воцарилась тишина. Финли О'Тего оборвал связь.

— Мы можем идти? — вновь спросил Слайтман.

— Если у тебя нет необходимости задержаться, то да, — ответил Энди.

— Ты не замечаешь здесь никаких изменений? — внезапно спросил Слайтман, и Джейк почувствовал, как внутри у него все похолодело.

— Нет, — ответил Энди, — но я питаю глубокое уважение к человеческой интуиции. Ты руководишься интуицией, не так ли, сэй?

Пауза, как показалось Джейку, затянулась на целую минуту, хотя он понимал, что на самом деле заняла она лишь несколько секунд.

— Нет, — наконец, ответил Слайтман. — Наверное, я нервничаю, потому что развязка близка. Господи, скорее бы все закончилось. Как я это ненавижу!

— Ты поступаешь правильно, сэй, — Джейк не знал, как воспринял эти слова Слайтман, но его самого сочувственный тон Энди заставил стиснуть зубы. — Для тебя этот выбор единственно правильный. Не твоя вина, что во всей Калье Брин Стерджис только у тебя из двух близнецов в живых остался один, не так ли? Я знаю песню, которая как раз об этом. Может, ты хочешь ее послушать...

— Заткнись! — сдавленным голосом просипел Слайтман. — Заткнись, механический дьявол! Я продал тебе душу, разве этого недостаточно? Неужто надо мной еще нужно и насмехаться?

— Если я тебя обидел, я извиняюсь от всего моего гипотетического сердца, — ответил Энди. — Другими словами, прошу прощения, — вроде бы голос звучал искренне. Безо всяких задних мыслей. Но Джейк не сомневался, что при этом глаза Энди вспыхивали и гасли в приступах синего смеха.

12

Заговорщики отбыли. Из динамиков громкой связи полилась какая-то странная, бессмысленная мелодия (бессмысленная, во всяком случае, для Джейка), а потом в ангаре воцарилась тишина. Он ждал, что сейчас они найдут его пони, вернутся, устроят обыск, найдут его, убьют. Сосчитал до ста двадцати, а поскольку они так и не вернулись в «Доган», поднялся (из-за огромной дозы выплеснутого в кровь адреналина ноги едва держали его) и вернулся в большой зал. Посмотрел на монитор, камера которого показывала вершину холма, и увидел, как гости «Догана» прошли между кактусами. На этот раз они не шевельнулись. Наверное, запомнили полученный урок. Джейк наблюдал, как они уходят все дальше и дальше, отметил несоответствие их роста. Если бы их увидел на улице его отец, то наверняка определил бы в какое-нибудь шоу. Так Элмер Чеймберз понимал шутку.

Как только сладкая парочка скрылась из виду, Джейк посмотрел на пол. Конечно же, никакой пыли. Никакой пыли и никаких следов. Он бы увидел пыль, когда вошел. И, уж конечно, ее увидел бы Роланд. Роланд всегда все видел.

Джейку хотелось уйти, но он заставил себя подождать. Если б они увидели вдруг включившиеся прожектора, которые управлялись датчиками, реагирующими на движение, то могли бы предположить, что мимо «Догана» пробежала горная кошка, а могли и вернуться. Чтобы скоротать время, он прогулялся вдоль пультов управления и приборных панелей. Большинство устройств изготовила «Промышленная компания ЛаМерка», но встречались и знакомые логотипы «GE»^[70] и «IBM», плюс незнакомый ему — «Microsoft». На всех устройствах и приборах с этими логотипами он нашел еще одну надпись: «Made in USA». На изделиях, произведенных «Промышленной компанией ЛаМерка», такая надпись отсутствовала.

Он не сомневался, что некоторые из клавиатур, всего их было больше двух десятков,

контролировали компьютеры. А для чего служила остальная техника? Какая ее часть по-прежнему работала? Хранится ли здесь оружие? Почему-то он думал, что на последний вопрос можно ответить отрицательно... если бы тут хранилось оружие, его давно бы оприходовал Энди, робот-посыльный (со многими другими функциями).

Наконец, Джейк решил, что можно уходить. Возвращаться он намеревался с крайней осторожностью: вернуться к реке, объехать «Рокинг Би» по широкой дуге, приблизиться с другой стороны. И уже подходил к двери, когда в голове сверкнул вопрос: осталась ли запись его с Ышем посещения «Догана»? Попали они на какую-нибудь видеопленку? Он обвел взглядом работающие мониторы, задержавшись на том, что показывал большой зал. Опять увидел себя и Ыша. Камера захватывала все помещение, укрыться не представлялось возможным.

«Наплюй на это, Джейк, — посоветовал в его голове стрелок. — Все равно ты ничего не можешь с этим поделать, так что наплюй. Если ты начнешь записывающее устройство, то наверняка наследишь. А то и поднимешь тревогу».

Опасность поднять тревогу убедила Джейка. Он подхватил Ыша и покинул ангар. Пони ждал там, где он его и оставил, пощипывал кусты под лунным светом. Никаких следов на сланце пони не оставил. Джейк увидел, что следов не остается и после него. Требовалось большее усилие, чтобы продавить достаточно прочную поверхность. Энди, наверное, продавил бы, он — нет. Джейк полагал, что не оставил бы следа и отец Бенни.

Прекрати. Если бы они почувляли тебя, то давно бы вернулись.

Джейк согласился с таким выводом, но все равно чувствовал себя Златовлаской, на цыпочках уходящей от дома трех медведей. Он вывел пони на тропу, нашел фартук, надел, посадил Ыша в широкий нагрудный карман. Когда сажился в седло, ударил ушастика-путаника о луку.

— Ой, Эйк! — сказал Ыш.

— Тихо, крошка, — Джейк направил пони к реке. — Тихо, малыш.

— Ихо, — согласился Ыш и подмигнул. Джейк зарылся пальцами в густую шерсть, почесал там, где Ышу больше всего нравилось. Ушастик-путаник закрыл глаза, вытянул длинную шею, блаженно улыбаясь.

Когда они добрались до реки, Джейк спешил, из-за валуна долго оглядывал противоположный берег. Ничего подозрительного не увидел, но сердце буквально выскакивало из груди, пока пони не вышел из воды. Он старался придумать, что сказать отцу Бенни, если тот перехватит его и спросит, куда это он ездил глубокой ночью. На ум ничего не приходило. На уроках английского он всегда получал отличные оценки за сочинения, но теперь открыл для себя, что страх и воображение несовместимы. Если б отец Бенни перехватил его, он бы ничего не смог сказать в свое оправдание. И кончилось бы это печально.

Но его никто не перехватил, ни на речном берегу, ни на пути к «Рокинг Би», ни в конюшне, где он расседлал и расчесал пони. Вокруг все спали, и Джейка это вполне устроило.

Как только Джейк улегся на свой матрас и натянул одеяло до подбородка, Ыш запрыгнул на кровать Бенни и свернулся клубочком, вновь сунув нос под хвост. Бенни что-то пробормотал во сне, протянул руку, погладил ушастика-путаника.

Джейк лежал, с тревогой глядя на спящего мальчика. Ему нравился Бенни, его открытость, готовность поразвлечься, желание поработать, когда возникала такая необходимость. Ему

нравился смех Бенни, у них на многое совпадали взгляды, и...

И до этой ночи ему нравился и отец Бенни.

Он попытался представить себе, как посмотрит на него Бенни, когда выяснится, что а) его отец — предатель, и б) его друг вывел отца на чистую воду. Джейк думал, что злость он переживет. А вот обиду...

Ты думаешь, что во взгляде будет читаться обида? Только обида? Подумай, как следует. В мире Бенни Слайтмана не так уж много опор, и ты выбьешь их из-под него. Все до единой.

Не моя вина, что его отец — шпион и предатель.

Но и Бенни в этом не виноват. А если спросить Слайтмана, он бы сказал, что и за ним вины нет, его заставили пойти на предательство. Джейк полагал, что это правда. Абсолютная правда, если встать на позицию отца. Что же такого особенного было у близнецов Кальи и почему в этом так нуждались Волки? Что-то в их мозгу. Какие-то энзим или секрет, вырабатываемые только близнецами, может, тот самый энзим или секрет, ответственный за предполагаемый феномен «телепатии близнецов». В любом случае, они могли получить его из мозга Бенни Слайтмана, потому что он, пусть и остался один, но родился в паре. Его сестра умерла? Тяжелое дело, не так ли? Особенно тяжелое для отца, который любил своего единственного оставшегося ребенка. Который не мог с ним расстаться.

Допустим, Роланд его убьет? И как после этого будет смотреть на тебя Бенни?

Однажды, в другой жизни, пообещал, что будет заботиться о Джейке Чеймберзе, а потом позволил ему упасть в темноту. Джейк думал, что большего предательства просто не может быть. Теперь у него возникли сомнения. Большие сомнения. Эти невеселые мысли долго не давали ему заснуть. Наконец, где-то за полчаса до первых проблесков зари, он погрузился в чуткий, тревожный сон.

— Мы — ка-тет, — отчеканил стрелок. — Мы — единство из множества, — он заметил сомнение во взгляде Каллагэна, не мог не заметить, и кивнул. — Да, отец, ты — один из нас. Я не знаю, надолго ли, но знаю, что это так. И мои друзья знают.

Джейк кивнул. Как Эдди и Сюзанна. В этот день они собрались в Павильоне. Услышав историю Джейка, Роланд более не хотел встречаться в доме священника, даже во дворе. Полагал, что Слайтман или Энди, а то и еще какой-нибудь неизвестный им друг Волков, мог поставить там подслушивающие устройства и камеры. Небо затянуло серым, обещая дождь, но погода стояла на удивление теплая для этого времени года. Какие-то женщины или мужчины с хорошо развитым чувством ответственности, сгребли опавшую листву с лужайки у сцены, с которой не так уж и давно стрелки представлялись населению Кальи, и травка зеленела, как летом. Кто-то из местных жителей запускал змеев, рука об руку прогуливались парочки, несколько торговцев, разложив свой товар под открытым небом, одним глазом выискивали потенциальных покупателей, вторым поглядывали на низкие облака. На эстраде репетировали музыканты, которые с таким жаром играли в день приезда стрелков в Калью Брин Стерджис. В двух или трех случаях горожане направлялись к Роланду и его друзьям, чтобы поздороваться и перекинуться парой слов, но Роланд, без тени улыбки, качал головой, и они тут же разворачивались. Время налаживания отношений прошло. Они вплотную приблизились к развязке.

— Через четыре дня состоится собрание, — продолжил Роланд. — На этот раз, думаю, придет весь город, не только мужчины.

— Конечно, должен собраться весь город, — кивнула Сюзанна. — Если ты рассчитываешь, что женщины будут бросать тарелки, которые заменят недостающее стрелковое оружие, их нельзя не пригласить в этот чертов Зал собраний.

— На весь город в Зале собраний места не хватит, — вставил Каллагэн. — Мы зажжем факелы и проведем собрание здесь.

— А если пойдет дождь? — спросил Эдди.

— Если пойдет дождь, люди промокнут, — ответил Каллагэн и пожал плечами.

— Четыре дня до собрания и девять до прихода Волков, — вновь заговорил Роланд. — Скорее всего, это наш последний шанс посоветоваться, в спокойной обстановке, с ясной головой, до того, как все закончится. Мы не можем сидеть долго, поэтому, не будем терять времени, — он вытянул руки, Сюзанна взялась за одну, Джейк — за другую. Через мгновение все сидели тесным кружком, взявшись за руки. — Мы все видим друг друга?

— Вижу тебя очень хорошо, — ответил Джейк.

— Очень хорошо, Роланд, — поддакнул Эдди.

— Как в ясный день, сладенький, — согласилась Сюзанна и улыбнулась.

Ыш, который что-то вынюхивал в травке, ничего не сказал, но посмотрел на них и подмигнул.

— Отец? — спросил Роланд.

— Я вижу и слышу тебя очень хорошо, — губы Каллагэна чуть искривились в улыбке. — И я рад, что вы включили меня в свой круг. Во всяком случае, пока рад.

Роланд, Эдди и Сюзанна уже слышали большую часть истории Джейка; Джейк и Сюзанна — историю Роланда и Эдди. Теперь Каллагэн услышал обе, как он потом говорил, «две серии». Слушал с широко раскрытыми глазами, частенько у него отвисала челюсть. Перекрестился, когда Джейк рассказал о том, как прятался в чулане. Спросил Эдди: «Ты, разумеется, не собирався убивать жен и детей? Просто блефовал?»

Эдди посмотрел на тяжелые облака, на его губах заиграла улыбка. Вновь перевел взгляд на Каллагэна.

— Роланд говорит мне, что отцом ты зваться не хочешь, но в последнее время все больше и больше встаешь на отцовские позиции.

— Если ты говоришь о моем нежелании рассматривать даже возможность прерывания беременности твоей...

Эдди поднял руку.

— Значит так, я не говорю о чем-то конкретном. Дело в том, что мы должны выполнить здесь одну работенку и нуждаемся в твоей помощи. И меньше всего нам хочется отвлекаться на твою католическую блажь. Поэтому, будем считать, что я блефовал и двинемся дальше. Тебя это устроит, отец?

В улыбке Эдди читались напряженность и раздражение. На щеках вспыхнули красные пятна. Каллагэн долго смотрел на него, потом кивнул.

— Да. Ты блефовал. Закроем эту тему и двинемся дальше.

— Хорошо, — Эдди взглянул на Роланда.

— Первый вопрос — Сюзанне, — Роланд повернулся к ней. — Он прост: как ты себя чувствуешь?

— Отлично.

— Правду говоришь?

Она кивнула.

— Правду говорю, спасибо тебе.

— Здесь голова больше не болит? — Роланд потер рукой чуть повыше левого виска.

— Нет. Меня перестало трясти после захода солнца и перед рассветом. И посмотрите на меня! — она провела рукой по округлым грудям, талии, правому бедру. — Я немного похудела, Роланд... Где-то я читала, что у самок некоторых видов животных, хищников из отряда кошачьих, оленей, зайчих, детеныш рассасывается, если условия окружающей среды не благоприятствуют его рождению. Ты не думаешь... — она замолчала, с надеждой глядя на стрелка.

Роланду очень бы хотелось ободрить ее, ухватившись за эту блестящую идею, но он не мог. Опять же, в ка-тете решили ничего не утаивать друг от друга. Он покачал головой. Сюзанна погрузилась.

— Насколько я могу сказать, спит она спокойно, — вставил Эдди. — Никаких признаков Миа.

— Розалита говорит то же самое, — добавил Каллагэн.

— Так вы следите за мной? — возмущенно спросила Сюзанна голосом Детты. Но улыбаясь.

— Случается, — признал Каллагэн.

— Давайте не будем больше касаться малого Сюзанны, если не возражаете, — предложил Роланд. — Нам надо поговорить о Волках. О них и еще кое о чем.

— Но, Роланд... — начал Эдди.

Роланд поднял руку.

— Я знаю, что у нас много других проблем. Знаю, что они не терпят отлагательства. Но знаю и другое, если мы будем разбрасываться, то умрем здесь, в Калье Брин Стерджис, а мертвые стрелки уже никому не смогут помочь. Не смогут выполнить и то, что должны. Вы согласны? — он обвел всех взглядом. Никто не ответил. Издалека донеслось детское пение. Радостные, чистые, невинные голоса. Пели вроде бы о каммале.

— Помимо Волков, есть у нас одно дело, которым нам обязательно надо заняться. Оно касается тебя, отец. И Пещеры двери. Ты войдешь в дверь, вернешься в свою страну?

— Ты шутишь? — у Каллагэна загорелись глаза. — Вернуться назад, пусть и на чуть-чуть? Только скажи.

Роланд кивнул.

— Тогда сегодня, только позже, мы с тобой поднимемся в пещеру и я открою тебе дверь. Ты знаешь, где находится пустырь?

— Конечно. Проходил мимо него тысячу раз, в другой жизни.

— И ты знаешь, что такое почтовый индекс? — спросил Эдди.

— Если мистер Тауэр сделал все, как ты говорил, он будет написан на краю дощатого забора, со стороны Сорок шестой улицы. Между прочим, блестящая идея.

— Ты запишешь индекс... и запишешь число, — сказал Роланд. — Мы должны отслеживать тамошнее время, Эдди в этом прав. Запишешь и вернешься. А потом, после собрания в Павильоне, тебе придется пройти через дверь еще раз.

— Уже в тот город в Новой Англии, где сейчас находятся Тауэр и Дипно, — догадался Каллагэн.

— Да.

— Если ты их найдешь, говорить нужно будет с мистером Дипно, — вмешался Джейк. Покраснел, когда все взоры обратились на него, но продолжал смотреть на Каллагэна. — Мистер Тауэр очень уж упрям...

— Тут двух мнений быть не может, — перебил его Эдди. — К тому времени, как ты попадешь туда, он наверняка уже найдет дюжину букинистических магазинов и Бог знает сколько экземпляров первого издания книги «Девятнадцатый нервный срыв Индианы Джонса».

— ...но мистер Дипно тебя выслушает, — закончил свою мысль Джейк.

— Ушает, Эйк, — подтвердил Ыша и перекатился на спину. — Ушает их!

Почесывая живот Ыша, Джейк добавил: «Если кто-то и сможет убедить мистера Тауэра что-то сделать, так это мистер Дипно».

— Хорошо, — Каллагэн кивнул. — Я тебя понял.

Судя по голосам, поющие дети направлялись к ним. Сюзанна повернулась, не увидела их и предположила, что идут они по Речной улице. Если так, то они могли увидеть детей после того, как они повернут на Главную около магазина Тука. Некоторые горожане, стоявшие на крыльце, их уже видели.

Роланд, тем временем, с улыбкой смотрел на Эдди.

— Однажды, когда я употребил в разговоре слово assume,^[71] ты сказал мне, как оно трактуется в твоём мире. Если помнишь, пожалуйста, повтори.

Эдди расплылся в улыбке.

— Ass u me, то есть сделать задницу из тебя и меня, ты про это?

Роланд кивнул.

— Хорошее толкование. Тем не менее, я собираюсь выдвинуть одно предположение, вколотить его в стену, как гвоздь, а потом повесить на него наши надежды выйти из этой передрыги живыми. Мне это не нравится, но других вариантов я не вижу. Предположение

следующее: против нас работают только Бен Слайтман и Энди. Если мы разберемся с ними к приходу Волков, то обеспечим нашим действиям полную секретность.

— Не убивайте его, — едва слышно прошептал Джейк. Прижал к себе Ыша и начал похлопывать его по голове и длинной шее. Ушастик-путаник терпел.

— Извини, Джейк, — Сюзанна наклонилась вперед, приложила руку к уху. — Я не...

— Не убивайте его! — осипшим, дрожащим голосом повторил Джейк, чувствовалось, что из глаз вот-вот брызнут слезы. — Не убивайте отца Бенни. Пожалуйста.

Эдди придвинулся к Джейку, обнял за плечи.

— Джейк, отец Бенни Слайтмана хочет отдать Волкам сотню детей Кальи Брин Стерджис, чтобы спасти собственного сына. И ты знаешь, какими они вернуться.

— Да, но он полагал, что у него нет другого выхода, потому что...

— Он мог встать рядом с нами, — ледяным голосом оборвал его Роланд. Голосом, от которого веяло смертью.

— Но...

Но что? Джейк не знал. Пытался найти убедительный довод и не мог. Слезы таки брызнули из глаз, потекли по щекам. Каллагэн попытался обнять его. Джейк оттолкнул руку священника.

Роланд вздохнул.

— Мы посмотрим, что можно сделать, чтобы не трогать его. Это все, что я могу тебе обещать. Я не уверен, что тем самым мы проявим милосердие... на следующей неделе Слайтманов изгонят из города, если к тому времени еще останется город, но, возможно, они смогут пойти по Дуге на север или на юг и начать где-то новую жизнь. И послушай меня, Джейк, Бенни Слайтману не нужно знать о том, где прошлой ночью ты видел его отца и Энди.

В глазах Джейка затеплилась надежда. Он плевать хотел на Слайтмана-старшего, заботило мальчика только одно: Бенни не должен знать, что именно он выследил его отца. Он понимал, что это трусость, но не хотел, чтобы Бенни узнал о его роли в этой истории.

— Правда? Ты постарайся?

— Я не могу тебе ничего обещать, но...

Закончить он не успел, потому что из-за угла показались поющие дети. Вел их Энди, робот-посыльный, его серебристые руки и ноги и золотистое тело-цилиндр сверкали на солнце. Шел он спиной вперед. В руке держал арбалетную стрелу, с привязанными к ней яркими лентами. Сюзанна решила, что очень уж он похож на организатора парада в День независимости. Он махал импровизированным жезлом из стороны в сторону, аккомпанируя поющим детям музыкой, которая лилась из динамиков в его груди и голове.

— Святое дерьмо, — выдохнул Эдди. — Это же дудочник в пестром костюме из Гамелина.

3

Кам-каммала-кам-раз,
Прямо папе на заказ.
Мама сына родила
То-то радость-то была.

Этот куплет Энди пропел соло, потом наставил жезл на детскую толпу. Они запели:

Кам-каммала-кам-кам,

То-то радость всем нам.
Долго папа веселился,
Сын ведь как-никак родился.

Пение сменилось радостным смехом. Детей вроде бы было не так много, как поначалу подумала Сюзанна, исходя из создаваемого ими шума. После рассказа Джейка о встрече в «Догане», у нее похолодело сердце, когда она увидела, что колонну возглавляет Энди. И одновременно зло запульсировали жилки на шее и на левом виске. Какое право имел он вести их по улице? Действительно, дудочник в пестром костюме, Эдди прав, дудочник в пестром костюме из Гамелина.

В этот момент Энди указал жезлом на симпатичную девочку лет тринадцати или четырнадцати. Сюзанна подумала, что девочка — дочь Ансельма, фермера, жившего по соседству с Тианом Джеффордсом. Девочка запела:

Кам-каммала-кам-два,
Гудит с похмелья голова.
Хватит дурака валять,
Рис пришла пора сажать.

Остальные присоединились, и Сюзанна поняла, что детей все-таки больше, чем она решила, когда они показались из-за угла. Уши подсчитали их точнее глаз, и на то была веская причина.

Кам-каммала-кам-кам,
На полях шум-гам.
Мама споро рис сажала,
Вся деревня подпевала.

Ей показалось, что детей меньше, потому что у многих были одинаковые лица. К примеру, лицо девочки Ансельмов ничем не отличалось от лица мальчика, брата-близнеца, шедшего рядом с ней. Собственно, вся детская колонна и состояла из близнецов. У Сюзанны скрутило живот. Она почувствовала боль над левым глазом. Рука начала подниматься, чтобы потереть лоб.

«Нет, — сказала она себе, — я не чувствую боли». Заставила руку вернуться на прежнее место. Нет необходимости тереть лоб. Нет необходимости тереть то, что не болит.

Энди указал жезлом на пухлого мальчугана, не старше восьми лет. Он пропел свой куплет пронзительным, дребезжащим голосом, вызвав смех остальных детей.

Кам-каммала-кам-три.
На поля ты посмотри.
Скоро славный рис взойдет,
Нам достаток принесет.

Дети хором ответили:

Кам-каммала-кам-рис,
На поля ты оглянись.
Рис зеленый и густой,
Дал богатство нам с тобой.

Энди заметил ка-тет Роланда и приветствовал их, взмахнув жезлом. Радостно закричали и дети... половине которых предстояло вернуться рунтами, если бы никто не помешал реализации планов устроителя парада. Потом они будут расти, превращаясь в гигантов, крича от боли, и умрут молодыми.

— Помашите в ответ, — Роланд поднял руку. — Помашите в ответ, вы все, ради своих отцов.

Эдди улыбнулся роботу во все тридцать два зуба.

— Как дела, говенный ди-джей? — прошипел он. Поднял обе руки с оттопыренными большими пальцами. — Как дела, робот-психопат? Скажи, отлично. Скажи, спасибо тебе. Скажи, поцелуйте меня в задницу!

Джейк расхохотался. Они продолжали улыбаться и махать руками. Дети отвечали тем же. Махал руками и Энди. Повел колонну по Главной улице, распевая: «Кам-каммала-кам-четыре! Разлилась река пошире...»

— Они его любят, — лицо Каллагэна перекошило от отвращения. — Многие поколения детей любили Энди.

— Скоро ситуация изменится, — процедил Роланд.

4

— Еще вопросы? — спросил Роланд после ухода Энди и детей. — Задавайте, если они есть. Возможно, другого случая не представится.

— Как насчет Тиана Джеффордса? — спросил Каллагэн. — Заварил кашу именно он. И должен принять участие в последнем действе.

Роланд кивнул.

— У меня есть для него работа. Для него и Эдди. Отец, около домика Розалиты стоит отличный туалет. Высокий, крепкий.

Каллагэн вскинул брови.

— Ага, я говорю, спасибо тебе. Его построили Тиан и Хью Ансельм.

— Может ты в ближайшие дни снабдить дверь крепким наружным засовом?

— Могу, но...

— Если все пойдет хорошо, засов и не понадобится, но лучше подстраховаться.

— Да, — кивнул Каллагэн. — Подстраховаться никогда не помешает. Я все сделаю.

— А какой у тебя план, сладенький? — спросила Сюзанна. Спокойным, на удивление мягким голосом.

— Никакого конкретного плана у меня нет. Потому что зачастую заранее намеченные планы только мешают. Главное для вас — не верить всему тому, что я могу сказать после того, как мы встанем, отряхнем задницы и пойдем к горожанам. Особенно не верить сказанному мною на собрании, когда я буду стоять на этой самой сцене с перышком в руке. Потому что в основном я буду лгать, — он улыбнулся, но глаза остались жесткими и холодными, как две ледышки. — Мой отец и отец Катберта всегда следовали правилу: «Сначала улыбка, потом

ложь. На конце — выстрелы».

— Мы почти что там, не так ли? — спросила Сюзанна. — Подошли к выстрелам.

Роланд кивнул.

— И выстрелы прозвучат и стихнут так быстро, что я иной раз думаю, для чего это планирование, эти разговоры, если все всегда заканчивается пятью минутами крови, боли и глупости, — он помолчал. — Потом мне становится тошно. Как в тот день, когда мы с Бертом пошли посмотреть на повешенного.

— У меня вопрос, — прервал затянувшуюся паузу Джейк.

— Задавай, — повернулся к нему Роланд.

— Мы победим?

Роланд так долго молчал, что в душу Сюзанны начал закрадываться страх.

— Они не догадываются, как много мы знаем. За долгие годы утратили бдительность. Если Энди и Слайтман — единственные крысы в нашем амбаре, если из Тандерклепа прискачет не слишком много Волков, если у нас не закончатся тарелки и патроны... тогда, да, Джейк, сын Элмера. Мы победим.

— Сколько это, слишком много?

Роланд задумался, его выцветшие синие глаза смотрели на восток.

— Гораздо больше, чем ты можешь себе представить, — наконец, ответил он. — И надеюсь, гораздо больше, чем будет на самом деле.

5

Во второй половине дня Доналд Каллагэн стоял перед ненайденной дверью, стараясь сосредоточиться на Второй авеню 1977 года. Сконцентрировал внимание на ресторане «Чав-Чав», куда частенько заглядывал на ленч с Джорджем и Люпом Дельгадо.

— Я всегда ел говяжьей грудинку, — Каллагэн пытался игнорировать пронзительный голос матери, доносящийся из черной глотки пещеры. Когда он вошел в пещеру с Роландом, взгляд его сразу упал на шкаф с книгами, который Келвин Тауэр переправил в этот мир. Так много книг! При виде их обычно щедрое сердце Каллагэна переполнилось жадностью. Но интерес к книгам быстро угас. Он успел вытащить лишь одну, наугад, «Вирджинца» Оуэна Уистера, ^[72] но трудно думать о книге, кто твои умершие друзья и родственники честят тебя на все лады.

Мать раз за разом спрашивала, почему он позволил вампиру, этому мерзкому кровососу, сломать крест, который она ему подарила. «Ты всегда был слаб в вере, — голос переполняла печаль. — Слаб в вере и силен в выпивке. Готова спорить, ты бы и сейчас не отказался от стаканчика, так?»

Великий Боже, конечно же, не отказался. От виски. «Эйншент эйдж». Каллагэн почувствовал, как на лбу выступил пот. Сердце билось в два раза чаще обычного. Нет, в три раза.

— Грудинка, — пробормотал он. — С горчицей, — перед его мысленным взором возникла пластиковая бутылочка, из которой выдавливалась горчица. Он вспомнил и название фирмы, пропечатанное на этикетке: «Плочманс».

— Что? — спросил Роланд.

— Я говорю, что готов, — ответил Каллагэн. — Если ты собираешься открыть дверь, во имя любви к Богу, открывай.

Роланд приподнял крышку ящика. В уши Каллагэна ударил звон колокольцев, разом напомнив ему о слугах закона в их больших автомобилях. Желудок сжался, из глаз брызнули

слезы ярости.

Но дверь с щелчком открылась, полоса солнечного света ворвалась в пещеру, разгоняя сумрак.

Каллагэн глубоко вдохнул и подумал: «О, Мария, зачавшая без греха, помолись за нас, которые верят в Тебя». И ступил в лето 1977 года.

Оказался там, понятное дело, в полдень. Время ленча. Аккурат перед рестораном «Чав-чав». Никто, похоже, не обратил внимания на его появление. На подставке, у двери ресторана, стояла зеленая грифельная доска с предлагаемыми на ленч блюдами.

ЭЙ ВЫ, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ЧАВ-ЧАВ»!
БЛЮДА ДНЯ НА 24 ИЮНЯ

БЕФСТРОГАНОВ
ГОВЯЖЬЯ ГРУДИНКА (С КАПУСТОЙ)
ТАКО^[73] «РАНЧО ГРАНДЕ»
КУРИНЫЙ СУП

И ПОПРОБУЙТЕ НАШ ГОЛЛАНДСКИЙ
ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ

Отлично, на один вопрос ответ он уже получил. Эдди побывал в Нью-Йорке 23 июня, он попал туда на следующий день. Что касается второго...

Каллагэн повернулся спиной к Сорок шестой улице и зашагал по Второй авеню. Однажды оглянулся: дверь в пещеры следовала за ним, как ушастик-путаник всегда следовал за мальчиком. Увидел он и сидящего Роланда, который вставил в уши патроны, чтобы приглушить сводящую с ума мелодию колокольцев.

Он отшагал два квартала, прежде чем остановиться, с широко раскрытыми глазами, отвалившейся челюстью. Они говорили, что этого следовало ожидать, и Джейк, И Эдди, но Каллагэн им не верил. Ожидал, что найдет «Манхэттенский ресторан для ума» в целости и сохранности, застывшим под теплым летним солнцем. Может, даже с надписью на листке бумаги в витрине: «УЕХАЛ В ОТПУСК. ВЕРНУСЬ В АВГУСТЕ». А уж в том, что с магазином ничего не случится, Каллагэн не сомневался.

Однако, случилось. И от магазина осталось совсем ничего. Обгоревшие стены, окруженные желтой лентой с повторяющимися словами: «ПОЛИЦЕЙСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ». Подойдя ближе, он уловил запахи обуглившегося дерева, сгоревшей бумаги и... очень слабый... бензина.

Пожилой чистильщик обуви, устроившийся рядом с обувным магазином, сказал Каллагэну: «Безобразие, не правда ли? Слава Богу, там никого не было».

— Ага, мы говорим, спасибо. И когда это произошло?

— Глубокой ночью, когда же еще? Или ты думаешь, что эти бандиты будут разливать бензин ясным днем? Они не гении, но им хватает ума не светиться.

— А может, во всем виновата проводка? Может, причина — короткое замыкание?

Чистильщик обуви бросил на Каллагэна циничный взгляд. «Да брось ты», — читалось в нем. Указал вымазанным в гуталине пальцем в сторону пожара.

— Ты видишь желтую ленту? Видишь желтую ленту со словами «ПОЛИЦЕЙСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ» вокруг магазина, который, по твоему мнению, загорелся сам по себе? Ни в коем разе, друг мой. Ни в коем разе, Хосе. Кела Тауэра взяли за жабры плохие люди. Взяли крепко. Об этом тут все знали, — он закатил глаза. — Даже не хочется думать об ущербе, который ему причинили. У него в подсобке хранились дорогие книги. Очень дорогие.

Каллагэн поблагодарил чистильщика за его откровения и вновь зашагал по Второй авеню, но уже в обратную сторону. Глубоко вдыхал городской воздух, насыщенный углеводородами, впитывал в себя каждый городской звук: урчание автобусов (борта некоторых украшали постеры выходящего на экраны фильма «Ангелы Чарли») грохот отбойных молотков, автомобильные гудки. Около магазина «Башня выдающихся записей» притормозил, заслушавшись льющейся из динамиков музыкой. Эту старую песню он не слышал уже много лет, но она была очень популярна, когда он служил в Лоуэлле. Что-то про дудочника в пестром костюме.

— Криспиан Сент-Питерс,^[74] — пробормотал Каллагэн. — Вот как его звали. Великий Боже, Человек-Иисус, я действительно здесь. Я действительно в Нью-Йорке!

Словно в подтверждение его слов какая-то женщина, похоже, куда-то спешащая, прошипела ему: «Возможно, некоторые могут позволить себе стоять посреди тротуара весь день, но в основном тут ходят. Думаю, вы могли бы и подвинуться, к бордюрному камню или стене».

Каллагэн извинился, хотя понимал, что едва ли его услышат, а уж тем более, оценят проявленную галантность, и двинулся дальше. Ощущение, что это сон, чрезвычайно живой сон, не проходило, пока он не подошел к Сорок шестой улице. А там услышал розу, и все в его жизни изменилось.

7

Поначалу он уловил едва слышный шепот, но, по мере сокращения расстояния, которое отделяло его от пустыря, начал различать голоса, поющие ангельские голоса. Никогда в жизни не слышал ничего более восхитительного, и побежал. Когда добрался до забора, уперся в него обеими руками. Заплакал, ничего не мог с собой поделать. Чувствовал, что люди смотрят на него, но его это нисколько не волновало. В эти мгновения он многое понял в Роланде и его друзьях, впервые почувствовал себя частью ка-тета. Его больше не удивляло их стремление выжить любой ценой и идти дальше! Чему тут удивляться, когда на кону стояло такое! По другую сторону забора, оклеенного постерами, находилось что-то удивительное, ни с чем не сравнимое...

Молодой мужчина с длинными черными волосами, схваченными резинкой и сдвинутой на затылок ковбойской шляпе хлопнул его по плечу. «Тут хорошо, не так ли? — спросил ковбой-хиппи. — Я не знаю, почему так, но хорошо. Я прихожу сюда раз в день. Хочешь, я тебе кое-что скажу?»

Каллагэн повернулся к молодому человеку.

— Да, пожалуйста. Я слушаю.

Молодой человек провел рукой по лбу, потом по щеке.

— У меня были угри. Жуткие угри. По всему лицу. Потом я начал приходить сюда. В конце марта или начале апреля... и все прошло, — он рассмеялся. — Дерматолог, к которому послал меня отец, говорит, что мне помог оксид цинка, но я думаю, это место. Что-то есть в этом месте. Ты слышишь?

И хотя в голове Каллагэна звучала ангельская музыка, он словно перенесся в Нотр-Дам во время службы, он покачал головой. Сработал инстинкт.

— Нет? — спросил хиппи в ковбойской шляпе. — Я тоже. Но иногда мне кажется, что слышу. Он поднял правую руку, вытянул два пальца буквой V. — Мир, брат.

— Мир, — ответил Каллагэн, тоже поднял правую руку с двумя оттопыренными пальцами.

После ухода хиппи Каллагэн провел ладонью по шершавым доскам, порванной афише фильма «Война зомби». Больше всего на свете он хотел перелезть через забор и посмотреть на розу... может, упасть перед ней на колени и молиться. Но по тротуару шли люди, он уже привлек к себе немало любопытных взглядов, в том числе и тех, кто, как и ковбой-хиппи, знали о притягательности этого места. И от него требовалось служить этой великой поющей силе за забором (Неужели речь шла о розе? Может, о чем-то большем?). То есть охранять Келвина Тауэра от тех, кто сжег его магазин.

Ведя рукой по шершавым доскам, Каллагэн повернул на Сорок шестую улицу. Впереди высилась зеленовато-стеклянная громада отеля «Плаза». «Calla, Callahan, — подумал он. — Calla, Callahan, Calvin, — потом в голове сложился стишок. — Калья-кам-четыре, растет роза на пустыре, Калья-кам-Каллагэн, Келвина не отдадим врагам».

Он добрался до края забора. Поначалу ничего не увидел, и у него упало сердце. Потом посмотрел вниз, и вот они, на уровне колена, пять цифр, написанных черным маркером. Каллагэн сунул руку в карман, достал огрызок карандаша, всегда носил его с собой, оторвал край афиши какой-то офф-бродвейской постановки, переписал почтовый индекс.

Ему не хотелось уходить, но он знал, что должен. Впрочем, что-то соображать так близко от розы не представлялось возможным.

«Я вернусь», — сказал он ей, и обрадовался до слез, услышав ответ-мысль: «Да, отец, приходи в любое время. Кам-каммала».

На углу Второй авеню и Сорок шестой улицы он обернулся. Дверь в пещеру по-прежнему находилась у него за спиной, ее нижний торец плавал в трех дюймах над тротуаром. Семейная пара средних лет, туристы, судя по путеводителям в руках, приближались к нему со стороны отеля. О чем-то разговаривая друг с другом, они обошли дверь по широкой дуге. «Они ее не видят, но чувствуют», — подумал Каллагэн. А если бы на тротуаре было много людей и обойти дверь не удалось? Что ж, они прошли бы сквозь нее, на мгновение почувствовав холод и головокружение. Возможно, услышали бы мелодию колокольцев, учуяли бы запах сгоревшего лука или горячего металла. А ночью, скорее всего, увидели бы сны о далеких местах, так не похожих на Город развлечений.

Он мог вернуться, наверное, ему следовало вернуться, он добыл то, за чем пришел. Но Нью-Йоркская публичная библиотека находилась совсем рядом. А там, за каменными львами, даже человек без цента в кармане мог получить кое-какую информацию. К примеру, определить, в какой город придет корреспонденция, помеченная известным ему почтовым индексом. И, по правде говоря, не хотелось ему так быстро покидать Нью-Йорк.

Он махал руками, пока стрелок не обратил на него внимания. Игнорируя взгляды прохожих, Каллагэн один, два, три раза поднимал пальцы в воздух, не зная, понял ли его стрелок. Вроде бы понял, потому что кивнул, на еще вскинул левую руку с оттопыренным большим пальцем.

Каллагэн повернулся и быстрым шагом, чуть ли не трусцой, направился к библиотеке. Он не мог терять ни минуты, как бы ни нравился ему Нью-Йорк. Понимал, что Роланду в пещере ой как не сладко. И к тому же, по свидетельству Эдди, еще и опасно.

Стрелок без труда понял послание Каллагэна. Тридцать пальцев — тридцать минут. Отцу требовалось побыть на другой стороне еще полчаса. Роланд предположил, что он нашел способ связать почтовый индекс, написанный на заборе, с конкретным местом. Если бы ему это удалось, полчаса были бы потрачены не зря. Информация — это могущество. А иногда, если времени в обрез, еще и скорость.

Патроны в ушах полностью блокировали голоса. Мелодия колокольников прорывалась сквозь эту преграду, но звучала гораздо приглушеннее. И слава Богу, потому что мелодия эта была куда как неприятнее дребезжания червоточины. Если б ему пришлось слушать ее два дня, он бы точно попал в сумасшедший дом, но полчаса мог выдержать без проблем. А если б его допекло, мог бы что-нибудь бросить в дверь, привлечь внимание Каллагэна, и тот вернулся бы раньше.

Какое-то время Роланд наблюдал как улица движется навстречу Каллагэну. С дверями на берегу Западного моря дело обстояло несколько иначе: он смотрел на мир глазами Эдди, Одетты, Джека Морта. Здесь он постоянно видел спину Каллагэна, а иногда, когда отец оборачивался, и его лицо.

Чтобы скоротать время, Роланд решил взглянуть на книги, которые так много значили для Келвина Тауэра, что спасение этих книг он поставил условием их сотрудничества. На переплете первой, снятой Роландом с полки, проступал силуэт головы мужчины. Мужчина курил трубку, а на его голове красовалась шапка, напоминающая егерскую. Корт носил очень похожую и Роланд, в далеком детстве, полагал, что она куда более стильная, чем шляпа его отца, в пятнах пота и с заскорузлыми тесемками. Слова были из нью-йоркского мира. Роланд думал, что легко их прочтает, но не тут-то было. Некоторые он таки прочитал, но далось ему это с огромным трудом.

— Сер-лок Хоунс, — озвучил он имя и фамилию, вынесенные на переплет. — Нет, Холмс. Как и у отца Одетты. Четыре... коротких... помана. Помана? Нет, первая буква эр. «Четыре коротких романа о Серлоке Холмсе». Он открыл книгу, уважительно прошелся рукой по титульной странице, вдыхая особый аромат хорошей бумаги. Название одного романа прочитал: «Знак четырех». В названиях остальных разобрал только два слова: «собака» и «этюд».

— Знак — это знамение, — сказал он себе. Когда начал считать буквы в названии книги, рассмеялся. Тут о девятнадцати речи не было. Поставил книгу на место, взял другую, с солдатом на суперобложке. В названии разобрал только одно слово «Мертвые». Взял третью, с целующимися мужчиной и женщиной. Да, в историях мужчины и женщины всегда целовались. Народу это нравилось. Он поставил книгу на полку и повернулся к двери, посмотреть, как идут дела у Каллагэна. Его глаза широко раскрылись, когда он увидел, что отец находится в большом зале среди множества и книг и журналов, которые Эдди называл «Magda-seen»... впрочем, Роланд не знал, кто такая Магда, что такого она повидала и почему об этом так много написано.^[75]

Роланд взял новую книжку, улыбнулся, увидев картинку на супер. Церковь, на фоне заходящего красного солнца. Чем-то она напоминала церковь Нашей Непорочной Госпожи. Открыл книгу, пролистнул. Множество слов, из которых он понимал, дай Бог, каждое четвертое. И уже собирался закрыть книгу, когда его взгляд за что-то зацепился. Вернее, что-то бросилось ему в глаза. На мгновение у Роланда перехватило дыхание.

Он замер, более не слыша колокольников, не интересуясь большой комнатой с книгами и журналами, в которой находился Каллагэн. Начал читать книгу с церковью на супер. Вернее, пытался читать. Слова прыгали перед глазами, не желали складываться в предложения. Но,

боги! Если он действительно это увидел...

Интуиция подсказывала, что у него в руках ключ. Но к какой двери?

Он не знал, не мог прочесть, потому что не хватало знакомых слов. А книга в руках буквально запела. Роланд подумал, что она, возможно, схожа с розой...

...но розы бывали черными.

— Роланд, я его нашел. Ист-Стоунэм, маленький городок в центральной части Мэна, в сорока милях от Портленда и... — он замечал, присмотревшись к стрелку. — Что случилось.

— Колокольца достали, — быстро ответил Роланд. — Даже с пулями в ушах, — дверь уже закрылась, мелодия колокольцев смолкла, оставались только голоса. В данный момент отец Каллагэна спрашивал, думает ли Донни, что мальчику-христианину следует приносить в дом журналы, которые он нашел под его кроватью, и что бы случилось, если б их нашла его мать? Так что, когда Роланд предложил покинуть пещеру, Каллагэн мог только приветствовать его слова. Слишком уж хорошо он помнил тот разговор с отцом. Закончился разговор тем, что они вместе помолились у изножия его кровати, а три номера «Плейбоя» отправились в мусоросжигательную печь.

Роланд сунул ящик в Черным Тринадцатым в розовый мешок, завязал последний, убрал за шкаф Тауэра с его наиболее ценными книгами. Книгу с церковью на суперобложке, он еще раньше поставил на полку, но перевернул, чтобы потом легко найти.

Они вышли из пещеры, постояли бок обок, глубоко вдыхая чистый воздух.

— Ты уверен, что дело только в колокольцах? — спросил Каллагэн. — Слушай, ты выглядишь так, будто только что увидел призрака.

— Колокольцы, сопровождающие Прыжок, хуже любого призрака, — ответил Роланд. Возможно, говорил правду, может, и нет, но в любом случае, его ответ устроил Каллагэна. Когда они двинулись вниз по тропе, Роланд вспомнил об обещании, которое дал остальным и, что более важно, себе: больше никаких секретов внутри ка-тета. Как же быстро он научился нарушать обещания! Но он чувствовал, что поступает правильно. Он знал некоторые из имен, упомянутых в книге. Другие узнают их, но позже. Узнают, если возникнет такая необходимость, если он не ошибся в важности этой книги. А сейчас она только отвлекла бы их он надвигающейся битвы с Волками. Если они победят, тогда, возможно...

— Роланд, тебе нехорошо?

— Да нет же, — он хлопнул Каллагэна по плечу. Остальные также смогут прочесть эту книгу, понять, о чем речь. Может, изложенная в книге история всего лишь история... но бывает, когда истории...

— Отец?

— Да, Роланд?

— Роман — это история, не так ли? Выдуманная история?

— Да, только длинная.

— Но выдуманная.

— Да, вся беллетристика — выдуманные истории.

Роланд задумался. «Чарли Чу-Чу» — тоже выдуманная история, только выяснилось, что во многих моментах, жизненно важных моментах, никакая это не выдумка. И имя и фамилия автора поменялись. Существовало множество миров, сцепленных воедино Башней. Возможно...

Нет, сейчас для этих мыслей просто нет времени.

— Расскажи мне о городе, куда поехали Тауэр и его друг, — попросил Роланд.

— Сказать мне особенно нечего. Я нашел его в одном из телефонных справочников штата

Мэн. И упрощенная карта почтовых индексов подсказала, где он находится.

— Хорошо. Это очень хорошо.

— Роланд, ты в порядке?

«Calla, — подумал Роланд. — Callahan». Он заставил себя улыбнуться. Заставил себя вновь хлопнуть Каллагэна по плечу.

— Все отлично. Пора возвращаться в город.

Тиан никогда не в жизни не испытывал большего испуга, чем в тот момент, когда подошел к краю сцены Павильона и посмотрел на собравшихся жителей Кальи Брин Стерджис. Он знал, что на собрание пришло чуть больше шестисот человек, максимум, семьсот, но толпа казалась огромной, а напряженная тишина нервировала. Он нашел взглядом свою жену, в надежде успокоиться, но спокойнее ему не стало. Осунувшееся, темное, лицо Залии больше напоминало лицо старухи, чем женщины, находящейся в детородном возрасте.

Не прибавляла спокойствия и природа. Небо во вторую половину этого дня оставалось синим, без единого облачка, но для пяти часов вечера было очень уж мрачно. Причиной тому стал громадный вал облаков на юго-западе, и солнце нырнуло за него в тот самый момент, когда он поднимался по ступенькам сцены. Такая погода предвещала сильную грозу. И постоянную тьму, которая звалась Тандерклеп, рвали яркие молнии.

«Знал бы я, что до этого дойдет, никогда бы заваривал эту кашу, — мелькнула дикая мысль. — И на этот раз отец Каллагэн не сможет прийти мне на помощь, поддержать». Хотя Каллагэн и стоял у сцены, рядом с Роландом и его друзьями, стрелками, сложив руки на груди, в простой черной рубашке с воротником-стойкой и распятым Человеком-Иисусом на груди.

Он сказал себе, не дури, Каллагэн поможет, и пришельцы из другого мира тоже помогут. Они здесь, чтобы помочь. Закон, по которому они живут, требует, чтобы они помогли, даже если эта помощь — смерть для них и провал миссии, которую они выполняют. Он сказал себе, что от него требуется самая малость, представить Роланда, а остальное сделает сам стрелок. Он уже стоял на этой сцене, станцевал каммалу и завоевал их сердца. Неужто Тиан сомневался, что Роланд завоюет их сердца и во второй раз? По правде говоря, нет. Боялся он другого: на этот раз это будет танец смерти, а не жизни. Потому что этот человек и его друзья несли с собой смерть. Смерть была их хлебом и вином. Шербетом, которым они споласкивали рот после трапезы. На том, первом, собрании (неужто после него прошло меньше месяца?) Тианом двигало отчаяние, но этого месяца хватило, чтобы прикинуть цену. А если они допустили ошибку? Если Волки сожгут Калью лучевыми трубками, возьмут тех детей, которые им нужны, а всех остальных, детей, взрослых, стариков, уничтожат жужжащими шарами смерти?

Они ждали, собравшиеся жители Кальи, когда же он начнет собрание. Эйзенхарты, Оуверхолсеры, Хавьеры, бесчисленные Туки (среди последних не было близнецов, которых могли забрать Волки, Тукам повезло). Телфорд стоял с мужчинами, его полная, суровая лицом жена — с женщинами. Стронги, Росситеры, Слайтманы, Хэнды. Росарио и Посельи. Мэнни вновь сбились в одно синее пятно. Рядом с седобородым Хенчеком стоял молодой Кантаб, которого так любили дети. Пришел и Энди, другой любимчик детей, он встал чуть в стороне, серебристые руки висели плетью, синие глаза сверкали в сумраке. Сестры Орисы держались вместе, как птицы на заборе (среди них была и жена Тиана). Пришли ковбои, все наемные работники, даже старик Бернардо, городской пьяница.

Темноту на востоке продолжали рвать беззвучные взрывы молний.

Роланд, он, тоже сложив руки на груди, стоял рядом с Отцом Каллагэном, поймал взгляд Тиан и чуть кивнул. Тиан отметил, какие они холодные, эти выцветшие синие глаза. Почти такие же холодные, как у Энди. Однако этого кивка вполне хватило, чтобы Тиан сделал все, что он него требовалось.

Он поднял перышко и вытянул руку перед собой. Толпа затаила дыхание. Где-то далеко за городом раздался крик расти, словно отгоняющий ночь.

— Не так уж и давно я стоял перед вами в Зале собраний и говорил о том, во что верил. О том, что Волки, приходя, забирают не только наших детей, но наши сердца и души. Каждый раз, когда они берут, а мы стоим и смотрим, они вгрызаются в нас чуть глубже. А если достаточно глубоко врезаться в дерево, оно умирает. Тоже самое можно сказать и про город. Он тоже умрет.

Тишину прорезал голос Розалиты Мунос, которой боги не дали детей: «Правильно, мы говорим, спасибо тебе! Слушайте его! Слушайте его внимательно!»

— Отец Каллагэн в тот вечер рассказал нам о стрелках, идущих с северо-запада, идущих через Срединный лес по Тропе Луча. Некоторые сомневались, но отец говорил правду.

— Мы говорим, спасибо ему, — откликнулись горожане. — Отец сказал правду, — и тут же закричала женщина: «Восславим Марию! Восславим Марию, мать Господа!»

— Все эти дни они жили среди нас. Кто хотел с ними поговорить, тот мог поговорить. И они не обещали ничего, кроме помощи...

— А потом они уйдут, оставив за собой окровавленные руины, если мы по глупости дадим им волю! — проревел Эбен Тук.

Толпа удивленно ахнула. А когда вновь установилась тишина, раздался голос Уэйна Оуверхолсера: «Заткнись, горлопан!»

Тук повернулся к Оуверхолсеру, самому крупному фермеру Кальи и одному из постоянных покупателей. На лице читалось полнейшее изумление.

— Их дин — Роланд Дискейн из Гилеада, — продолжил Тиан. Они это знали, но упоминание легендарных имен вызвало восторженный рокот. — Он пришел сюда из Внутренних феофов. Вы будете слушать его? Что скажете, горожане?

Ответа долго ждать не пришлось: «Слушайте его! Слушайте его! Наконец-то мы его услышим! Слушайте его внимательно, мы говорим, спасибо тебе!» — а потом раздались какие-то ритмичные звуки, и Тиан не сразу понял, что происходит. А когда до него дошло, заулыбался. Так топали сапоги, не по доскам Зала собраний, а по траве леди Орисы.

Тиан вскинул руку. Роланд выступил вперед. Топанье усилилось. К мужчинам присоединились женщины. Роланд поднялся по ступенькам. Тиан передал ему перышко и спустился со сцены, взял Хедду за руку, подал знак остальным близнецам подойти к нему. Роланд поднял перышко, держа древнее лакированное древко обеими руками, на которых остались только восемь пальцев. Наконец, топот стих. Лишь трещали факелы, освещая задранные кверху лица, на которых читались надежда и страх, читались очень отчетливо. Крикнула расти и замолчала. На востоке большие молнии резали темноту.

Стрелок стоял лицом к горожанам.

Долго, очень долго он только смотрел на них. И во всех, смотрящих на него и испуганных глазах читал одно и то же. Он много раз стоял перед такой вот толпой, так что прочитать выражение глаз ему не составляло труда. Эти люди голодали. Им хотелось что-то купить, наполнить урчащие желудки. Он помнил продавца пирожков, который ходил по улицам Гилеада в самые жаркие летние дни, громкими криками предлагая свой товар. Мать Роланда называла его сеппе-сэй, потому что от этих пирожков потом многие мучались животом. Сеппе-сэй означало продавец смерти.

«Ага, — подумал он, — только я и мои друзья не берем денег».

От этой мысли его лицо осветила улыбка. Сам он разом помолодел, а по толпе прошелестел вздох облегчения. Начал он, примерно с того же, что в первый раз:

— Нас тепло встретили в Калье, послушайте меня, прошу вас.

Тишина.

— Мы открыли вам свою душу. Вы приняли нас с открытой душой. Так ведь?

— Ага, стрелок! — выкрикнул в ответ Воун Эйзенхарт. — Так!

— Вы видите в нас тех, кто мы есть, и согласны с тем, что мы делаем?

На этот раз ответил ему Хенчек, дэш-дин Мэнни.

— Ага, Роланд, и, клянусь Книгой, мы говорим, спасибо тебе. Вы — из рода Эльда. Белизна пришла, чтобы противостоять Тьме.

На этот раз долгим был вздох толпы. А где-то в задних рядах зарыдала женщина.

— Жители Кальи, ищите ли вы нашей помощи и поддержки?

Эдди замер. За недели, проведенные в Калье Брин Стерджис этот вопрос задавался многократно, но только отдельным людям, и Эдди полагал, что задавать его на общем собрании — большой риск. А вдруг они скажут нет?

Мгновением позже Эдди понял, что волновался зря. Роланд, как и всегда, прекрасно чувствовал настроение аудитории. Кто-то, конечно, ответил: «Нет», — Хейкоксы, Туки, маленькая группа, которую возглавлял Телфорд, но в большинстве своем жители Кальи проревели во всю мощь легких: «АГА, МЫ ГОВОРИМ, СПАСИБО ТЕБЕ!» Нашлись и такие, Оуверхолсер среди них, кто промолчал. Эдди подумал, что в большинстве случаев это вариант был самым мудрым. Самым политически грамотным. Но этот случай отличался от большинства, это был момент истины, когда каждому полагалось сделать выбор. Если ка-тет Девятнадцати побеждал Волков, горожане до конца своих дней помнили бы, кто сказал нет и кто промолчал. И у него серьезные возникли сомнения, что годом позже Уэйн Дейл Оуверхолсер останется крупным фермером.

Но тут Роланд продолжил, и Эдди полностью сосредоточился на речи стрелка. Слушал и восхищался. Учитывая место и время, где он родился и вырос, Эдди довелось услышать немало лжи. Лгал он и сам, иной раз очень даже неплохо. Но к тому времени, когда Роланд произнес половину речи, Эдди уже понял, что впервые в жизни, ранним вечером в Калье Брин Стерджис, он столкнулся с истинным виртуозом лживости. И...

Эдди огляделся, удовлетворенно кивнул.

Они проглатывали каждое слово.

3

— Последний раз, появившись перед вами на этой сцена, — начал стрелок, — я станцевал каммалу. Сегодня...

Его прервал Джордж Телфорд, заговорил слишком уж масляным голосом, слишком уж застенчиво, но Эдди не мог не отдать должное храбрости ранчера, потому шел он явно против прилива.

— Ага, мы помним, ты танцевал хорошо! А как ты станцуешь мортату, ^[76] скажи мне, прошу тебя.

Толпа неодобрительно загудела.

— Неважно, как я ее станцую, — ответил Роланд, без малейшей запинки, — потому что танцевать в Калье мне уже некогда. У меня есть работа, у меня и моих друзей. Вы нас пригласили, и мы говорим, спасибо вам. Вы поверили нам, обратились к нам за помощью и

поддержкой, и теперь я прошу выслушать меня очень внимательно. Менее чем через неделю придут Волки.

Все согласно вздохнули. Время в Пограничье вело себя странно, но не настолько, чтобы местные жители не знали, что до прихода Волков осталось пять дней.

— Я хочу, чтобы вечером, накануне их прихода, все близнецы Кальи, возрастом до семнадцати лет, пришли туда, — Роланд указал влево, на шатер, который поставили Сестры Орисы. Сегодня у Павильона собралось много детей, но, конечно, меньше сотни, которая попадала в зону риска. Старшие дети приглядывали за младшими, но кто-то из Сестер периодически навещался к шатру, чтобы убедиться, что там все в порядке.

— В шатре они все не уместятся, Роланд, — вставил Бен Слайтман.

Роланд улыбнулся.

— Уместятся, если шатер будет побольше. И я уверен, что Сестры Орисы такой найдут.

— Ага, и устроим им ужин, который они никогда не забудут, — воскликнула Маргарет Эйзенхарт. Толпа откликнулась на ее слова добродушным смехом, который, однако, сразу увял. Многие подумали о том, что в случае победы Волков половина детей еще через неделю не сможет вспомнить своего имени, а уж про ужин забудет вовсе.

— Я хочу, чтобы они провели ночь здесь, потому что мы отправимся в путь на рассвете, — продолжил Роланд. — Из того, что мне рассказали, следует, что невозможно заранее предсказать, придут ли волки ранним утром, поздним или после полудня или ближе к вечеру. Мы окажемся круглыми дураками, если они придут рано и захватят нас на дороге.

— А что мешает им прибыть днем раньше? — спросил Эбен Тук. — Или в полночь, накануне дня их ожидаемого прибытия?

— Они не могут, — просто ответил Роланд. Отталкиваясь от истории, рассказанной дедом Тиана, они полагали, что так оно и есть. Именно история деда убедила стрелка в том, что Энди и Бена Слайтмана можно не трогать буквально до последнего дня. — Они едут издалека и большую часть пути — не на лошадях. Поэтому день их прибытия определяется заранее.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Луис Хейкок.

— Будет лучше, если я не отвечу на этот вопрос. Возможно, у Волков длинные уши.

Толпа озадаченно молчала.

— В ту же ночь, накануне прибытия Волком, мне потребуется десяток крытых повозок, самых больших в Калье, чтобы вывезти детей из города. Возниц я назначу сам. А так же тех, кто будет сопровождать детей и постоянно находиться при них. И не надо спрашивать, куда я их повезу. Об этом тоже лучше не говорить.

Разумеется, многие думали, что и так знали, куда он повезет детей: на север от города, к старой шахте «Глория». И слухи эти не составляли для Роланда тайны. Бен Слайтман придерживался другой версии: на север, да, но к шахте «Красная птица-2». Обе версии в полной мере устраивали Роланда, потому что не имели ничего общего с его планами.

— Не слушайте его, прошу вас! — выкрикнул Джордж Телфорд. — А если уж слушаете, заклинаю вас вашими душами и жизнью нашего города, не делайте этого! То, что он говорит, безумие! Мы пытались спрятать наших детей, но из этого ничего не вышло! Но, если он это сделает, они придут и из мести сожгут город, сожгут дотла...

— Молчи, трус, — резко, как ударом хлыста, оборвал его Хенчек.

Телфорд продолжил бы речь, невзирая на оклик, но старший сын взял его за руку и заставил замолчать. Правильно сделал, потому что вновь затопали сапоги. Телфорд посмотрел на Эйзенхарта, словно крикнул: «Но ты-то не можешь участвовать в этом безумии!»

Ранчер покачал головой.

— Нет смысла так на меня смотреть, Джордж. Я полностью поддерживаю жену, а она верит

Эльду.

Эти слова вызвали аплодисменты. Роланд подождал, пока они смолкнут.

— Ранчер Телфорд говорит правильно. Волки наверняка узнают, где спрятаны дети. И, когда они придут, мой ка-тет встретит их. Нам не впервые придется столкнуться с такими, как они.

Горожане одобрительно заревели. Затопали. Заплодировали. Телфорд и Тук недоуменно оглядывались, будто люди, заснувшие в своих кроватях, а проснувшиеся в дурдоме.

Опять Роланду пришлось дожидаться, пока стихнет шум.

— Некоторые горожане согласились поддержать нас, и они придут не с пустыми руками, а хорошо вооруженные. Опять же, нет нужды говорить вам об этом, — но в городе не было ни одного человека, который не знал бы о Сестрах Орисы и их тарелках. Эдди оставалось только восхищаться той ловкостью, с которой Роланд манипулировал горожанами Кальи. Он посмотрел на Сюзанну, которая закатила глаза и улыбнулась ему. Но рука, которая легла на его предплечье, была холодной. Она хотела, чтобы собрание поскорее закончилось. И Эдди понимал, что она чувствует.

Телфорд предпринял еще одну попытку.

— Люди, послушайте меня! Такие попытки уже предпринимались!

Ему ответил Джейк Чеймберз.

— Но не стрелками, сэй Телфорд.

Толпа взревела. Снова затопала и захлопала. Роланд даже поднял руки, чтобы восстановить тишину.

— Большая часть Волков направится к тому месту, где мы спрячем детей, и мы с ними разберемся. Маленькие группки, возможно, доберутся до ферм и ранчо. Некоторые могут попасть и в город. И, да, без пожаров не обойтись.

Они слушали молча и внимательно, кивая, догадываясь, какой будет следующая фраза. Как ему и хотелось.

— Сожженный дом можно отстроить заново. Из рунта нормальный человек уже не вырастет.

— Ага, — кивнула Розалита. — И сердце рунта не станет нормальным.

С этим согласились в основном женщины. В Калье Брин Стерджис (как и во многих других местах) мужчины на трезвую голову о сердце предпочитали не говорить.

— Теперь слушайте меня внимательно, потому что сейчас я скажу вам, кто такие Волки. Джейми Джеффордс подтвердил многие из наших предположений.

Послышались изумленные ахи. Повернулись головы. Джейми, который стоял рядом с внуком, распрямил спину и даже, на пару секунд, выпятил грудь. Эдди оставалось только надеяться, что старик промолчит, услышав продолжение. Если начнет возражать, у них появятся новые проблемы. К примеру, придется гораздо раньше разбираться со Слайтманом и Энди. И у Финли О’Тего, голоса, которому докладывал Слайтман из «Догана», могли бы возникнуть подозрения, если бы эта парочка за день-другой до прихода Волков не вышла на связь. Эдди почувствовал, как шевельнулась рука на его предплечье: Сюзанна скрестила пальцы.

— Под масками не живые существа, — продолжил Роланд. — Волки — ходящие покойники, слуги вампиров, которые правят Тандерклепом.

В толпе дружно заахали.

— Мои друзья, Эдди, Сюзанна и Джейк, называют их зомби. Их можно убить стрелой из лука, арбалета или пулей, лишь попав в голову или сердце, — Роланд похлопал себя по левой стороне груди. — И, разумеется, отправляясь в рейд, они надевают под одежду толстую броню.

Хенчек кивнул. Несколько стариков и старух, которые помнили приход Волков, не один раз — два, последовали его примеру.

— Это многое объясняет, — сказал он, — но как...

— Послать пулю в мозг тоже не представляется возможным, потому что под капюшонами у них шлемы. Но мы видели таких существ в Ладе. Их слабое место — здесь, — он опять похлопал себя по груди. Ходячие покойники не дышат, но у них есть некое подобие жабр повыше сердца. Если прикрыть жабры броней, они умрут. И именно туда мы и будем бить.

Низкий гул завязавшихся в толпе разговоров перекрыл пронзительный и взволнованный голос деда Тиана: «Истинная правда, именно туда попала Молли Дулин своей тарелкой, вроде бы и бросила не со всей силы, но эта тварь грохнулась на землю!»

Рука Сюзанны так сжала предплечье Эдди, что он почувствовал ее короткие ногти. Когда посмотрел на нее, она улыбалась. Ту же улыбку он видел и на лице Джейка. «Ну, ты и хитер, старик, — подумал Эдди. — Извини, что засомневался в тебе. Пусть Энди и Слайтман пересекут реку и доложит все эту собачью чушь». Он спрашивал Роланда, поверят ли они (неизвестных им «они» олицетворял тот, кто называл себя Финли О'Тего) этой байке. «Их набег на эту сторону Уайе длится больше ста лет, и за все время они потеряли только одного Волка, — ответил Роланд. — Я думаю, они поверят чему угодно. На данный момент их действительно слабое место — самодовольство».

— Приведите ваших близнецов к семи вечера. Их встретят Сестры Орисы со списками на досках из сланца. Они будут вычеркивать каждую пришедшую пару. Я очень надеюсь, что к девяти вечера в списках не останется ни одной невычеркнутой фамилии.

— Ты не вычеркнешь из списка моих близнецов! — выкрикнул злобный голос из задних рядов. Владелец голоса протолкался вперед, встал слева от Джейка. Коренастый, широкоплечий мужчина, которому принадлежала рисовая ферма у южной границы Кальи. Роланд покопался в памяти и она услужливо подсказала имя и фамилию: Нейл Фарадей. Один из тех немногих, кого не оказалось дома, когда Роланд и его ка-тет разъезжали по фермам и ранчо, знакомясь с хозяевами. Возможно, дома его не было только для них. Трудолюбивый человек, по словам Тиана, но и выпивоха. На последнее указывали черные мешки под глазами и паутина лиловых прожилок на щеках. Такие обычно уважением не пользуются, однако Телфорд и Тук одарили его благодарными взглядами. «Еще один здравомыслящий человек в толпе безумцев, — говорили эти взгляды. — Спасибо богам».

— Да я сам привезу их в город. Пусть Волки возьмут по одному от каждой пары, у меня все равно останутся трое. А кроме них останется еще и ферма! — он пренебрежительно оглядел горожан. — Никто ее не сожжет! Идиоты! — он повернулся и вновь проложил дорогу через изумленную и потрясенную толпу. Его тирада произвела куда большее впечатление, чем аргументы Телфорда и Тука.

«Он, возможно, беден, как церковная мышь, но я думаю, что в ближайший год проблем с кредитом у Тука для него не будет, — подумал Эдди. — Если магазин уцелеет».

— Сэй Фарадей имеет право на собственное мнение, но я надеюсь, что в ближайшие несколько дней оно у него изменится, — вновь заговорил Роланд. — Я надеюсь, что вы поможете сэю Фарадею его изменить. Потому что, если он не изменит своего мнения, у него не останется ни одного ребенка, — он возвысил голос и простер руку к тому месту, где стоял Фарадей. — И тогда он поймет, каково это, обрабатывать землю с помощью только двух мулов и жены.

Телфорд шагнул к сцене, его лицо побагровело от ярости.

— Ты сказал все, что мог, в защиту своей позиции, ты, человек, несущий смерть? Ты выплеснул на нас всю ложь?

— Я не лгу и я ничего не утверждаю, — ответил Роланд. — Если у кого-то создалось ощущение, что я знаю ответы на все вопросы, учитывая, что месяц тому назад я понятия не имел о существовании Волков, извините. Но позвольте, перед тем, как я пожелаю вам спокойной ночи, рассказать одну историю. Когда я был мальчишкой в Гилеаде, до прихода Доброго Человека и великих пожаров, в одном из восточных феодалов была лесная ферма...

— Да разве могут быть фермы, на которых выращивают деревья? — недоверчиво выкрикнули из толпы.

Роланд улыбнулся и кивнул.

— Речь идет не об обычных деревьях, и даже не о железном дереве, а о бальзовом, с удивительно легкой, но прочной древесиной. Лучшего дерева для постройки лодок не найти. Тоненькая пластинка едва ли не легче воздуха. Их выращивали на тысяче акров земли, десятки тысяч бальзовых деревьев стояли стройными рядами, росли под присмотром главного лесника феодала. И на ферме действовало правило, которое никогда не нарушалось: срубил два дерева — посади три.

— Ага, — кивнул Эйзенхарт. — То же правило действует и в отношении породистых лошадей. Имей четырех на каждую, которую хочешь продать или забить. Только не все могут его выполнять.

Взгляд Роланда обежал толпу.

— В то лето, когда мне исполнилось десять лет, мор поразил бальзовый лес. Какие-то пауки оплетали белой паутиной верхние ветви некоторых деревьев, и они начинали гнить сверху, падали задолго до того, как болезнь добиралась до корней. Лесник, увидев, что происходит, отдал приказ немедленно спилить все деревья. Чтобы спасти древесину, пока ее еще можно было спасти. И правило спили два дерева — посади три, больше не действовало. Потому что потеряло всяческий смысл. К следующему лету базовых лесов в восточной Гилеаде уже не существовало.

Толпа затихла. Сгущались слишком ранние сумерки. Трещали факелы. Все взгляды скрестились на лице стрелка.

— Здесь, в Калье, Волки собирают урожай детей. И им не нужно их сажать, потому что, слушайте меня, женщины и мужчины все делают сами. Даже дети это знают. Каммала — это не только сорт риса, это еще и действие, в результате которого появляются новые дети.

Глухой ропот прошелестел по толпе.

— Волки берут, потом ждут. Берут... и ждут. И все у них получалось, потому что мужчины и женщины всегда рожают новых детей, независимо от того, как растет рис и плодятся скот. Но теперь ситуация меняется. Теперь городу грозит мор.

— Ага, ты говоришь правду, — воскликнул Тук. — Ты и есть мор, все... — тут кто-то сбил шляпу с его головы. Эбен Тук развернулся в поисках обидчика, увидел пятьдесят враждебных лиц. Подобрал шляпу с земли, прижал к груди, более не произнес ни слова.

— Они увидят, что вы больше не собираетесь растить для них детей, — продолжил Роланд, — и на этот раз не будут брать по одному ребенку из каждой пары близнецов. На этот раз они возьмут всех, до кого смогут дотянуться. Так что приводите ваших малышей к семи часам. Я даю вам хороший совет.

— А разве ты оставляешь им выбор? — выкрикнул Телфорд. Его лицо побелело от страха и ярости.

Роланд решил, что с него хватит. Голос поднялся до крика, Телфорд отшатнулся, так

сверкнули синие глаза.

— Тебе-то волноваться не о чем, сэй, твои дети выросли, и все в городе это знают. Ты уже все сказал. Так почему бы тебе не заткнуться?

Гром аплодисментов и топот сапог стал ответом на эти слова. Телфорд набычился, втянув голову в плечи, потом развернулся и проложил путь сквозь толпу. За ним последовали еще несколько человек. А вскоре после их ухода закончилось и собрание. Обошлось без голосования. Роланд не предложил им альтернативы.

«Не предложил, — думал Эдди, толкая кресло Сюзанны к столам с едой, — потому что ее и нет».

5

Вскоре после завершения собрания Роланд подошел к Бену Слайтману. Тот стоял у столба, на котором горел факел, с чашкой кофе и куском пирога. Роланд тоже пил кофе и ел пирог. В шатре, которому предстояло приютить детей, в этот вечер поставили столы с угощением. К входу тянулась длинная очередь. Люди тихонько разговаривали, практически никто не смеялся. На лужайке Джейк и Бенни перекидывались резиновым мячом, изредка бросали его на траву, чтобы и Ёш мог принять участие в игре. Ушастик-путаник радостно лаял, но мальчиков отличала та же сдержанность, что и стоявших в очереди горожан.

— Ты хорошо говорил, — Слайтман чокнулся своей чашкой с чашкой Роланда.

— Ты так думаешь?

— Ага. Разумеется, они были готовы к твоей речи, полагаю, ты это знал, но вмешательство Фарадея могло стать для тебя сюрпризом. Однако, ты не растерялся.

— Я говорил правду. Если Волки понесут большие потери, они действительно будут хватать всех, кого смогут. Легенды обрастают бородой, и двадцать три года — достаточный срок, чтобы отрастить длинную бороду. Жители Кальи полагают, что Волков Тандерклепе тысячи, может, миллионы, но я думаю, это не так.

Слайтман в изумлении воззрился на него.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что с годами многое ломается, — ответил Роланд и добавил. — Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал.

Слайтман настороженно посмотрел на него. Стекла очков блеснули в свете факела.

— Если смогу, Роланд, пообещаю.

— Твой мальчик должен прийти сюда с остальными детьми. Его сестра мертва, но я сомневаюсь, что из-за этого Волки его не тронут. Скорее всего, у него есть то, что им нужно.

Слайтман и не попытался скрыть свое облегчение.

— Конечно, он придет. О другом я и не думал.

— Хорошо. И у меня есть для тебя работа, если ты согласишься.

Настороженность вернулась.

— Какая работа?

— Я склоняюсь к мысли, что шестерых взрослых недостаточно для того, чтобы приглядывать за детьми, пока мы будем разбираться с Волками. Вот и Розалита спросила меня, что я будут делать, если они испугаются и запаникуют.

— Но ведь ты собираешься спрятать их в пещере, не так ли? — спросил Слайтман, понизив голос. — В пещере дети далеко не убегут, даже если и испугаются.

— Но могут удариться о стену и разбить голову. Крики, дым или огонь могут привести к

тому, что в толпе кого-то затопчут. Я решил, что для присмотра за детьми мне нужны десять человек. Я бы хотел, чтобы ты вошел в их число.

— Роланд, я польщен.

— Ты говоришь, да?

Слайтман кивнул.

Роланд пристально смотрел на него.

— Ты понимаешь, что тех, кто будет с детьми, убьют, если мы проиграем?

— Если бы я думал, что вы можете проиграть, то никогда не согласился бы находиться с детьми, — он помолчал. — И не отдал бы своего сына.

— Спасибо, Бен. Ты — хороший человек.

Слайтман еще больше понизил голос.

— Какую ты выбрал шахту, Роланд? «Глорию» или «Красную птицу-2»? — а поскольку стрелок сразу не ответил, добавил. — Разумеется, я пойму, если ты мне не ответишь...

— Не в этом дело, — прервал его Роланд. — Просто мы еще не решили.

— Но это будет одна из них?

— Да, какая же еще? — рассеянно ответил Роланд, начал сворачивать самокрутку.

— А вы попытаетесь забраться выше?

— Нет смысла, — ответил Роланд. — будет не тот угол, — он похлопал себя по груди, повыше сердца. — Надо попасть им сюда, помни об этом. В другие места... бесполезно. Пуля, даже пробив броню, не причинит зомби вреда.

— Это проблема, не так ли?

— Это возможность, — поправил его Роланд. — Ты знаешь каменистые осыпи, которые есть перед входом в каждую из старых шахт, где добывались гранаты?

— Ага.

— Вот там мы и спрячемся. Ниже шахты. А когда они подъедут, встанем и... — указательным пальцем левой руки Роланд нажал на воображаемый спусковой крючок.

Улыбка осветила лицо бригадира ковбоев.

— Роланд, это блестящая идея!

— Нет, — возразил Роланд, — всего лишь простая. Но простота обычно дает наилучшие результаты. Я думаю, для них это будет сюрприз. Не успеют они очухаться, как полягут от наших пуль. Раньше это срабатывало. И нет причин, по которым не сработает вновь.

— Нет. Пожалуй, что нет.

Роланд огляделся.

— Лучше нам об этом не говорить, Бен. Я знаю, тебе можно доверять, но...

Резиновый мячик подкатился в ногам Слайтмана. Его сын, улыбаясь, вскинул руки.

— Па! Брось его!

Бен бросил, сильно. Мяч полетел, как тарелка Молли в истории деда Тиана. Бенни подпрыгнул, поймал мячик одной рукой, рассмеялся. Слайтман тепло улыбнулся сыну и посмотрел на Роланда.

— Они — хорошая пара? Твой мальчик и мой?

— Ага, — губы Роланда чуть искривились, почти что в улыбке. — Почти как братья, все так.

город. Смерть на лошадях, вот кого видели в них.

— Ты доволен тем, как все прошло, сладенький? — спросила Сюзанна Роланда.

— Пожалуй, — ответил он и начал сворачивать самокрутку.

— Я бы тоже хотел попробовать, — подал голос Джейк.

Сюзанна коротко глянула на него.

— Прикуси язык, сладенький... тебе еще нет тринадцати.

— Мой отец начал курить в десять.

— И умрет, скорее всего, не дожив до пятидесяти, — отрезала Сюзанна.

— Невелика потеря, — пробормотал Джейк, но с повторной просьбой обращаться к

Роланду не стал.

— Как Миа? — Роланд зажег спичку, чиркнув по ногтю. — Ведет себя спокойно?

— Если б не вы, парни, не знаю, поверила бы я, что такая дамочка когда-либо существовала.

— И живот не беспокоит?

— Нет, — Сюзанна полагала, что у всех свои правила насчет лжи. Ее правило заключалось в краткости: если уж лжешь, говори, как можно меньше. Если у нее в животе и сидел малой, какой-то монстр, пусть они волнуются о нем через неделю. Пока же у них и так хватало забот. Так что, незачем им знать о редких коротких схватках, которые периодически донимали ее.

— Тогда все хорошо, — кивнул стрелок. Какое-то время они ехали молча, потом он добавил. — Надеюсь, парни, вы умеете копать. Скоро нам придется поработать лопатой.

— Будем рыть могилы? — спросил Эдди, сам не знал, шутит он или нет.

— Очередь могил придет позже, — Роланд посмотрел на небо, но облака уже наплзли с запада и закрыли звезды. — Главное, помнить, что могилы роют победители.

Поднявшись из темноты, печальный и обвиняющий, его ушей достиг голос Генри Дина, великого мудреца и знаменитого наркомана.

— Я в аду, брат! Я в аду, не могу добыть дозу и все это твоя вина!

— Как думаешь, сколько нам придется тут пробыть? — спросил Эдди Каллагэна. Они только что вошли в Пещеру двери, а младший брат великого мудреца, как игральными костями, уже бренчал в руке двумя патронами, которыми ему не терпелось заткнуть уши. Решающее собрание прошло накануне вечером, и, когда Эдди и отец Каллагэн выезжали из города, Главная улица удивила их необычной тишиной. Словно жители Кальи попрятались от себя, потрясенные тем, что они сотворили прошлым вечером.

— Боюсь, какое-то время мне потребуется, — признал Каллагэн. Оделся он скромно, неброско, в нагрудный карман положил все американские деньги, которые им удалось собрать: одиннадцать мятых долларов и пару четвертаков. Он подумал, что судьба сыграет с ним злую шутку, если, выйдя из двери, он попадет в Америку с Линкольном на долларовом банкноте и Вашингтоном — на пятидесятке.^[77] — Но, думаю, мы сможем разбить поиски на этапы.

— Возблагодарим Бога за маленькие радости, — Эдди вытащил из-за шкафа Тауэра розовый мешок. Поднял обеими руками, начал поворачиваться, остановился. Брови его сошлись у переносицы.

— Что такое? — спросил Каллагэн.

— Там что-то есть.

— Да, ящик.

— Нет, что-то в мешке. Думаю, зашито в материю. На ощупь — камешек. Может, это потайной карман.

— Может, — согласился Каллагэн. — Только у нас нет времени разбираться, что там такое.

Однако, Эдди вновь нажал на таинственный предмет. На камень вроде бы не похоже. Но где-то он соглашался с Каллагэном. Тайн и загадок у них и так хватало. Так что эту следовало отложить на другой день.

Когда Эдди вытащил деревянный ящик из мешка, в сердце заполз холодок.

— Я ненавижу этот шар. У меня такое ощущение, что он собирается наброситься на меня и съесть, как... пирожок.

— Скорее всего, может, — кивнул Каллагэн. — Если ты почувствуешь, что происходит что-то ужасное, Эдди, захлопни крышку.

— Если захлопну, ты застрянешь на той стороне.

— Едва ли она будет для меня чужой, — Каллагэн смотрел на ненайденную дверь. Эдди слышал своего брата, Каллагэн — свою мать, что-то выговаривавшую ему, называющую его Донни. Он терпеть не мог, когда его звали Донни. — Я просто подожду, пока дверь откроется вновь.

Эдди заткнул патронами уши.

— Почему ты позволяешь ему такое, Донни? — простонала мать Каллагэна из темноты. — Вставлять заряженные патроны в уши — это опасно!

— Иди, и покончим с этим, — Эдди поднял крышку. Колокольца атаковали уши Каллагэна. И его сердце. Дверь во все реальности и времена открылась.

Он переступил порог, думая о 1977 годе и мужском туалете на первом этаже Нью-Йоркской публичной библиотеки. Так что оказался в кабинке, со стенами, исписанными и разрисованными граффити (имелась и надпись «БАНГО СКАНК»). В соседней кабинке, слева, спустили воду. Он подождал, пока человек, который ее занимал, вышел из туалета, покинул кабинку.

На поиски у него ушло лишь десять минут. Через дверь он прошел с книгой под мышкой. Предложил Эдди выйти вместе с ним из пещеры, и ему не пришлось просить дважды. Эдди вытащил патроны из ушей и осмотрел книгу. Называлась она «Дороги Новой Англии».

— Святой отец — библиотечный вор, — заметил Эдди. — Из-за таких, как ты, постоянно повышается цена входного билета в библиотеку.

— Книгу я когда-нибудь верну, — пообещал Каллагэн. Без тени иронии. — Самое главное, мне удалось ее найти. Открой страницу сто девятнадцать.

Эдди открыл. Увидел фотографию скромной, выкрашенной белой краской церкви, стоящей на холме над проселочной дорогой. «Молельный дом методистов Ист-Стоунэма. Построен в 1819 г.» Эдди подумал: «В сумме девятнадцать».

Сказал об этом Каллагэну, тот улыбнулся и кивнул.

— Больше ничего не замечаешь?

Конечно же, он заметил.

— Здание похоже на Зал собраний Кальи.

— Именно так. Можно сказать, один в один, — Каллагэн глубоко вдохнул. — Готов ко второму заходу?

— Пожалуй.

— Этот займет больше времени, но тебе будет чем себя занять. Книга интересная.

— Не думаю, что смогу читать, — ответил Эдди. — Очень уж нервничаю. Может посмотрю, что зашито в мешке.

Но Эдди забыл об этом, так что предмет, зашитый в розовый мешок нашла Сюзанна, только в тот момент ее тело принадлежало другой.

Думая о 1977 годе и держа книгу открытой на странице 119, с изображением Молельного зала методистов в Ист-Стоунэме, Каллагэн второй раз переступил порог ненайденной двери. Попал в ясное, солнечное утро Новой Англии. Церковь стояла на том же месте, где ее сфотографировали для книги «Дороги Новой Англии», только с тех пор ее покрасили, а дорогу заасфальтировали. Рядом с церковью находилось здание, на фотографии отсутствующее: «Магазин Ист-Стоунэма». Каллагэн счел сие добрым знаком.

Он направился к магазину (дверь — за ним), напоминая себе без крайней необходимости не расплачиваться четвертаком, который захватил из собственных запасов. Второй четвертак, Джейка, был датирован 1969 годом, тогда как его — 1981. Проходя мимо автозаправки компании «Мобил» («обычный»^[78] бензин стоил сорок девять центов за галлон), он переложил четвертак в задний карман.

Когда вошел в магазин, пахло там точь-в-точь, как в магазине Тука, звякнул звонок. Слева от двери лежала стопка «Портленд пресс-герольд», и дата заставила его вздрогнуть. Книгу из

Нью-Йоркской публичной библиотеки он унес 26 июня. По его биологическим часам с того момента не прошло и тридцати минут, но на газете он увидел другую дату: 27 июня.

Взял одну, прочитал заголовки (наводнение в Новом Орлеане, привычная напряженность на Среднем Востоке), посмотрел на цену: десять центов. Хорошо. Четвертака 1969 хватит, да еще дадут сдачу. Может, он купит ломтик настоящего американского салями. Когда он подошел к прилавку, продавец весело ему улыбнулся.

— Это все? — спросил он.

— Вот что я вам скажу, — ответил Каллагэн. — Я бы не возражал, если бы вы объяснили мне, как пройти на почту.

Продавец изогнул бровь, его улыбка стала шире.

— Такое ощущение, что вы из не этих мест.

— Так вы объясните? — с улыбкой спросил Каллагэн.

— Ага. Почта — это просто. Меньше мили по этой дороге, если пойти налево.

— Очень хорошо. А салями ломтиками вы продаете?

— Я продаю его, как хотят покупать, — дружелюбно ответил продавец. — Летний турист, не так ли? — говорил он с теми же интонациями, что и Джейми Джеффордс. Не хватало только: «Скажите, прошу вас».

— Полагаю, можно назвать меня и так.

4

В пещере Эдди боролся с тихой, но сводящей с ума мелодией колокольцев и всматривался в полураскрытую дверь. Каллагэн шагал по пустынной дороге. Счастливого ему пути. А пока младший сын миссис Дин мог занять себя чтением. Холодной (и чуть дрожащей) рукой он полез в шкаф и взял книгу, стоящую через одну от той, которую кто-то поставил вверх ногами. Возьми он перевернутую книгу, в этот день для него бы многое изменилось. Но он взял «Четыре коротких романа о Шерлоке Холмсе». Ах, Холмс, еще один великий мудрец и знаменитый наркоман. Эдди открыл «Этюд в багровых тонах» и начал читать. Время от времени он поглядывал на ящик, где пульсировал Черный Тринадцатый, маня его к себе. Видел только его малую часть. Остальное скрывала ближайшая стенка ящика. Вскоре перестал читать, зачарованно глядя на пяточок черного хрусталя. Обратил внимание, что колокольца смолкли, чему только обрадовался. А какое-то время спустя мимо пуль в уши пробрался голос и обратился к нему.

Эдди слушал.

5

— Прошу прощения, мэм.

— Ага? — почтой заведовала женщина лет под шестьдесят или чуть больше, строго одетая, с седыми волосами, уложенными в парикмахерской.

— Я бы хотел оставить письмо моим друзьям, — продолжил Каллагэн. — Они из Нью-Йорка и, скорее всего, получают у вас корреспонденцию «до востребования», оставив соответствующее заявление, — он поспорил с Эдди, убеждая последнего, что Келвин Тауэр, убегающий от бандитов, которые не оставляли надежды отрезать ему яйца, не настолько глуп, чтобы светиться на почте. Эдди напомнил об отношении Тауэра к гребаным первым изданиям, и

Каллагэн согласился проверить предложенный Эдди вариант.

— Летние туристы?

— Именно так, — кивнул Каллагэн. — Ага. Их зовут Келвин Тауэр и Эрон Дипно. Я понимаю, эту информацию не положено сообщать первому встречному, но...

— Ну, в этих краях мы не обращаем внимания на такие формальности. Позвольте, я сверюсь со списком. Между Днем поминовения и Днем труда^[79] приезжает так много народу...

Она взяла со стола три или четыре листка, сцепленных скрепкой. С множеством имен и фамилий. Просмотрела первый листок, перешла ко второму, потом к третьему.

— Дипно! — воскликнула она. — Есть такой. А теперь... сейчас посмотрю, нет ли второго...

— Это неважно, — остановил ее Каллагэн. Внезапно ему стало не по себе, словно на той стороне что-то пошло не так. Он глянул через плечо, но увидел только дверь, пещеру и Эдди, сидящего скрестив ноги, с книгой на коленях.

— Кто-то гонится за вами? — с улыбкой спросила почтмейстерша.

Каллагэн рассмеялся. Смех показался ему деланным, натужным, но почтмейстерша вроде бы ничего не заметила.

— Если я напишу Эрону записку и положу в конверт с маркой, вы передадите ему мое письмо, когда он в следующий раз заглянет на почту? Или мистеру Тауэру, если придет он.

— О, покупать марку нет никакой необходимости, — ответила женщина. — С радостью передам.

Да, он словно вновь оказался в Калье. Такое же радушие. Внезапно ему очень понравилась эта женщина. Ну, очень понравилась.

Каллагэн прошел к стойке у окна (дверь при этом развернулась, чтобы вновь оказаться у него за спиной), написал короткую записку, представившись другом человека, который помог Келвину Тауэру решить вопрос с Джеком Андолини. Посоветовал Дипно и Тауэру оставить автомобиль там, где он стоит, оставить свет в доме, который они сняли, а самим устроиться где-нибудь по соседству, в амбаре, сарае, какой-нибудь лачуге. И перебраться туда незамедлительно. «Положите записку с указанием, как вас найти, под коврик у водительского сидения вашего автомобиля или под нижнюю ступеньку заднего крыльца. Мы с вами свяжемся». Он надеялся, что все делает правильно. Они не обговаривали такие подробности, он не ожидал, что придется обучать Тауэра и Дипно азам конспирации. Подписался, как и велел Роланд: «Каллагэн из Эльда». А потом, пусть тревога и усилилась, добавил еще пару строк: «Этот поход на почту должен стать ПОСЛЕДНИМ. Как можно быть такими глупцами?»

Положил записку в конверт, написал на нем: «ЭРОНУ ДИПНО, ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ». Вернулся к стойке.

— Я с радостью куплю марку.

— В этом нет необходимости, с вас два цента за конверт, и мы в расчете.

Он дал ей пятицентовик, полученный в магазине, получил три цента сдачи и направился к двери. Обычной двери.

— Удачи вам, — крикнула вслед почтмейстерша.

Каллагэн обернулся, чтобы сказать спасибо. Увидел, что дверь в пещере по-прежнему открыта. Кого не увидел, так это Эдди. Эдди из пещеры исчез.

получалось, обычно дверь ушла бы ему за спину, но она, похоже, знала, когда он хочет пройти сквозь нее. И в этом случае осталась на месте, когда он поворачивался к ней лицом.

Как только он ступил в пещеру, в уши ударила мелодия колокольцев, блокируя способность мыслить. Из темных глубин закричала мать: «Видишь, Донни, ты ушел и позволил этому милому мальчику покончить с собой! Он навечно останется в чистилище, и это твоя вина!»

Каллагэн ее не слушал. Он метнулся к выходу из пещеры, зажав под мышкой номер «Пресс-герольд», купленный в магазине Ист-Стоунэма. Успел заметить, почему крышка ящика не захлопнулась, оставив его в Ист-Стоунэме, штат Мэн, в 1977 году. Из-под крышки торчала толстая книга. Прочитал Каллагэн и название: «Четыре коротких романа о Шерлоке Холмсе». А потом выскочил в солнечный свет.

Поначалу увидел только валун на тропе, ведущей к пещере, и с ужасом подумал, что мать сказала правду. Потом посмотрел налево. Эдди стоял в десяти футах, в конце узкой тропы, обрывающейся пропастью. Подол его вытянутый из джинсов рубашки трепало о рукоятку большого револьвера Роланда. Обычно резкое, где-то похожее на лисью мордочку лицо, теперь выглядело одутловатым, напрочь лишенным каких-либо эмоций. Взглядом он напоминал боксера, отправленного в нокаут. Ветер отбросил волосы за уши. Он качнулся вперед... потом рот чуть затвердел, взгляд стал более осмысленным. Он ухватился за выступ скалы и подался назад.

«Он борется, — подумал Каллагэн. — Я уверен, борется изо всех сил, но проигрывает».

Крик точно отправил бы Эдди в пропасть; об этом Каллагэна предупреждала интуиция стрелка, наиболее обостренная в момент кризиса. И вместо того, чтобы кричать, он рванул по тропе и ухватился рукой за подол рубашки в тот самый момент, когда Эдди вновь качнуло вперед, только на этот раз он убрал руку со скального выступа и прикрыл ею глаза, словно говоря: «Прощай, жестокий мир!»

Если бы рубашка порвалась, Эдди Дин, несомненно, выбыл бы из большой игры ка, но возможно, материя, из которой шили рубашки в Калье Брин Стерджис (во всяком случае, сшили ту, что носил Эдди), служила ка. Так или иначе, но рубашка не порвалась, когда Каллагэн потянул подол на себя, со всей его недюжинной, обретенной во время многолетних странствий силой. Не просто потянул — дернул, а потом сжал в объятьях молодого человека, уже после того, как его голова стукнулась о скальный выступ, за который тот совсем недавно держался рукой. Ресницы Эдди дрогнули, он посмотрел на Каллагэна, как на совершенного незнакомца. Потом что-то пробормотал, вроде: «Онритягутеть».

Каллагэн, держа Эдди за плечи, крепко потрянул его.

— Что? Я тебя не понимаю! — он и не хотел понимать, но ему требовалось установить контакт, необходимый для того, чтобы вывести Эдди в состояния, в которое его загнал этот жуткий шар, что лежал в ящике. — Я... тебя... не понимаю!

На этот раз ответные слова прозвучали четче.

— Он говорит, я могу долететь до Башни. Ты должен меня отпустить. Я хочу лететь к Башне!

— Ты не можешь летать, Эдди, — уверенности в том, что до Эдди дошел смысл сказанного им, не было, поэтому он наклонился к Эдди, пристально глядя ему в глаза. — Он пытался тебя убить.

— Нет, — начал Эдди, а потом его взгляд стал осмысленным. Его глаза, находящиеся в каком-то дюйме от глаз Каллагэна, широко раскрылись. — Да.

Каллагэн выпрямился, не убирая рук с плеч Эдди.

— Ты оклемался?

— Да, пожалуй. Я держался, отец. Клянусь, держался. То есть колокольцы доставали меня, но в принципе все было хорошо. Я даже взял книгу и начал читать, — он огляделся. — Господи, надеюсь, я не бросил ее в пропасть. Тауэр снимет с меня скальп.

— Нет, не бросил. Ты сунул ее в ящик, и только это нас и спасло. Иначе дверь закрылась бы, а ты превратился в клубничный джем на дне пропасти, пролетев каких-то семьсот футов.

Эдди посмотрел вниз и побледнел, как мел. Каллагэн потом корил себя за свою прямооту, потому что мгновением позже Эдди проблевался на его новые сапоги.

7

— Он подкрался ко мне, отец, — объяснил Эдди, когда окончательно пришел в себя. — Заворожил меня, а потом прыгнул.

— Да.

— Ты успел что-нибудь сделать на той стороне?

— Если они получают мое письмо и последуют моим советам, многое. Ты оказался прав. Дипно, по крайней мере, оставил заявление на получение корреспонденции «до востребования». Насчет Тауэра не знаю, — Каллагэн сердито покачал головой.

— Думаю, потом выясниться, что Дипно поддался уговорам Тауэра. Кел Тауэр до сих пор не может поверить, в какую историю он вляпался, а после того, что случилось со мной, почти случилось, такой образ мышления мне даже нравится, — Эдди увидел, что у Каллагэна что-то зажато под мышкой. — Это что?

— Газета, — ответил Каллагэн, протянул ее Эдди. — Хочешь почитать о Голде Мейер?

8

В тот вечер Роланд внимательно выслушал рассказы Эдди и Каллагэна об их приключениях в Пещере двери и в другой реальности. Стрелка в меньшей степени интересовало случившееся с Эдди, и в куда большей — схожесть Кальи Брин Стерджис и Ист-Стоунэма. Он даже попросил Каллагэна симитировать выговор продавца или владельца магазина и почтмейстерши. У Каллагэна, который прожил в Мэне много лет, получилось отлично.

— Понятно. Ага, — Роланд задумался, положив ногу на ограждение крыльца дома священника.

— Как по-твоему, пока им ничего не грозит? — спросил Эдди.

— Надеюсь на это, — ответил Роланд. — Если ты хочешь волноваться о чьей-то жизни, волнуйся о Дипно. Если Балазар не отказался от надежды заполучить пустырь, Тауэр ему нужен живым. А вот с Дипно разделаются безо всякой жалости.

— Можем мы оставить их без нашей защиты, пока не разберемся с Волками?

— Другого выбора у нас нет.

— Мы можем послать все к черту, отправится в эту Восточную Галошу и защитить его, — с жаром воскликнул Эдди. — Что ты на это скажешь? Послушай Роланд, я точно знаю, почему Тауэр уговорил своего друга «засветиться» на почте: у кого-то была книга, которую он хотел заполучить. Он уже вел переговоры, они вошли в решающую стадию, когда появился я и убедил его сделать ноги. Но Тауэр... он же помешан на книгах. И не мог допустить, что от него уплыла та, на которую он положил глаз. Если Балазар это знает, а скорее всего, так оно и есть, ему не нужен почтовый индекс, чтобы найти Тауэра, хватит и списка людей, с которыми тот вел дела.

Я очень надеюсь, что такой список, если он и существовал, сгорел во время пожара.

Роланд кивнул.

— Я понимаю, но уйти мы не можем. Мы обещали.

Эдди насупился, вздохнул, покачал головой.

— Наверное, незачем гнать волну. Здесь все закончится через три с половиной дня, до истечения срока, отпущенного Тауэру — семнадцать. Одно на другое не наложится, — он прикусил губу. — Возможно, не наложится.

— Возможно — это максимум, на что мы можем рассчитывать? — спросил Каллагэн.

— Да, — кивнул Эдди. — Во всяком случае, пока.

9

Следующим утром перепуганная Сюзанна Дин сидела в туалете у подножия холма, согнувшись вдвое, дожидаясь, когда же прекратятся схватки. Они случались у нее уже чуть больше недели, но в этот день выдались особенно сильными. Она приложила руки к низу живота. Очень уж затвердевшему.

«О, Боже, а если роды начнутся прямо сейчас? Что, если начнутся?»

Она пыталась убедить себя, что роды не могут начаться, что у нее не отошли воды, а без этого о настоящих родах речь идти не могла. Но что она знала о родах? Очень мало. Даже Розалита Мунос, повитуха с большим опытом, ничем не могла ей помочь, потому что принимала человеческих детей, имея дело с матерями, которые и выглядели беременными. Сюзанна же, за время проведенное в Калье, скорее сжалась, чем раздалась. И, если Роланд прав насчет ее ребенка...

«Это не ребенок. Это малой и принадлежит он не мне. Принадлежит Миа, кем бы она ни была. Миа, ничья дочь».

Схватки прекратились. Низ живота расслабился, закаменелость прошла. Она провела пальцем по половой щели. Ощущения те же, что и всегда. Так что еще несколько дней она продержится. Должна продержаться. Согласившись с Роландом, что в их ка-тете больше не должно быть секретов, она полагала, что этот надо держать при себе. Когда начнется решающая схватка, их будет семеро против сорока или пятидесяти. Может, и семидесяти, если Волки навалятся на них разом. Им придется сражаться на пределе сил, от каждого потребуются предельная концентрация. То есть, ничто не должно отвлекать. И она должна быть там, в составе ка-тета.

Сюзанна натянула джинсы, застегнула пуговицы, вышла в солнечный свет, рассеянно потирая левый висок. Увидела новый засов на будке-туалете, как и просил Роланд, заулыбалась. Потом взглянула на свою тень, и улыбка сползла с ее лица. В туалет, судя по длине ее Черной дамы, она входила в девять утра. Теперь Черная дама говорила о том, что до полдня осталось совсем ничего.

«Это невозможно. Я пробыла там лишь несколько минут. Которые требовались для того, чтобы отлить».

«А может, это правда. Может, все остальное время там провела Миа».

— Нет, — вырвалось у Сюзанны. — Такого не может быть.

Но в душе она чувствовала, что может. Миа еще не взяла над ней вверх, но сил у нее прибавлялось. И она копила их, чтобы при первой возможности захватить контроль над телом.

«Пожалуйста, — взмолилась Сюзанна, опершись рукой о стенку туалета, — Боже, дай мне еще три дня. Дай мне эти три дня, чтобы мы выполнили свой долг перед детьми этого города, а

потом делай, что пожелаешь. Пусть все будет, как Ты хочешь. Но, пожалуйста...»

— Только три дня, — пробормотала она. — И, если они уложат нас здесь, какая разница, что будет потом. Еще три дня, Господи. Услышь меня, я прошу.

На следующий день Эдди и Тиан Джеффордс отправились на поиски Энди и нашли его на пересечении Восточной и Речной дорог. Энди стоял и пел во всю мощь своих...

— Нет, — Эдди мотнул головой, когда он и Тиан направлялись к роботу, — нельзя сказать, легких, легких у него нет.

— Не понял? — повернулся к нему Тиан.

— Не бери в голову, — ответил Эдди. — Неважно, — но, по ассоциации, легкие — часть организма, у него возник вопрос. — Тиан, в Калье есть врач?

Тиан в некотором удивлении посмотрел на него, покачал головой.

— У нас — нет, Эдди. Врачи — они для богатых, которые могут пойти к ним и у которых есть деньги, а вот мы, если заболеваем, обращаемся к Сестрам.

— Сестрам Орисы?

— Ага. Если лекарство хорошее, так обычно и бывает, мы выздоравливаем. Если плохое, нам становится хуже. В конце концов земля всех исцеляет, ты понимаешь?

— Да, — кивнул Эдди, думая о том, с каким трудом им удавалось встроить в такой порядок вещей детей-рунтов. Те, кто возвращался рунтами, в конце концов умирали, но долгие годы они просто... существовали.

— В человеке есть только три коробки, — продолжил Тиан. С каждым шагом они приближались к поющему роботу. На востоке, между Кальей Брин Стерджис и Тандерклепом, ветер поднимал пыль к синему небу, хотя на этом берегу воздух практически стоял.

— Коробки?

— Ага, правильно говоришь, — кивнул Тиан и коснулся лба, груди и зада. — Головная, грудная и жопная, — он рассмеялся.

— Ты так считаешь? — улыбнулся Эдди.

— Ну... здесь, когда мы одни, да, — ответил Тиан, — хотя, полагаю, ни одна порядочная леди не потерпит, чтобы эти коробки обсуждали за ее столом, — он вновь коснулся головы, груди и зада. — Мыслительная коробка, сердечная и сральная.

Тиан остановился. Энди не мог их не видеть, но полностью игнорировал, пел, похоже, оперную арию на незнакомом Эдди языке. То вскидывал руки, то скрещивал, и эти движения, похоже, увязывались в единое целое с пением.

— Слушай меня, — вновь заговорил Тиан. — Человек сложен по-умному, ты понимаешь. Наверху — его мысли, которые лучшая часть мужчины.

— Или женщины, — усмехнулся Эдди.

Тиан кивнул, очень серьезно.

— Ага, или женщины, но, говоря мужчина, мы подразумеваем и женщину, потому что она рождена из дыхания мужчины.

— Ты в этом уверен? — Эдди думал об активистках феминистского движения, с которыми сталкивался незадолго до того, как перенесся из Нью-Йорка в Срединный мир. Он сомневался, что эта версия понравится им больше, чем библейская, согласно которой Еву создали из ребра Адама.

— Будем считать, что да, но первого мужчину родила леди Ориса, так, во всяком случае,

скажут тебе старики. Они говорят: «Кан-ах, кан-тах, аннах, Ориса», что означает: «Все дыхание идет от женщины».

— Так Расскажи мне об этих коробках.

— Лучшая и самая высокая — головная, со всеми идеями и грезами. Следующая — сердечная, со всеми нашими чувствами, любовью и грустью, радостью, счастьем...

— Эмоции.

Тиан посмотрел на него с недоумением и уважительно одновременно.

— Ты так говоришь?

— Ну, так говорят там, откуда я пришел, так что будем считать, что так оно и есть.

— Ладно, — Тиан кивнул с таким видом, будто идея показалась ему интересной, пусть он и не до конца ее понял. На этот раз он коснулся промежности, а не зада.

— В этой последней коробке все, что мы зовем низшей каммалой: трахнуться, посрать, сделать человеку подлость без всякого на то повода.

— А есть ты делаешь ее по какому-то поводу?

— Ну, тогда это не подлость, а ответная реакция, — усмехнулся Тиан. — В этом случае, идет она из сердечной коробки или из головной.

— Странное у тебя представление о человеке, — сказал Эдди, но подумал, что ничего странного, в принципе-то и нет. Перед его мысленным взором возникли три аккуратно поставленных друг на друга коробки: головная — на сердечную, сердечная — на коробку с физиологическими функциями и беспричинной яростью, которая иногда охватывала людей. Особенно ему понравилось использование Тианом слова подлость в качестве некой нормы поведения. Что-то в этом было или нет? Тут следовало подумать, да только времени на это не было.

Энди все стоял, сверкая на солнце, продолжая петь. Эдди вдруг вспомнились мальчишки из его района, которые вдруг выкрикивали: «Я — цирюльник из Севильи, стричься надо у меня!» — а потом убегали, с безумным хохотом.

— Энди, — позвал Эдди, и робот тут же замолчал.

— Хайл, Эдди, я хорошо тебя вижу! Долгих дней и приятных ночей!

— И тебе того же, — ответил Эдди. — Как поживаешь?

— Отлично, Эдди, — воскликнул Энди. — Я всегда пою перед первым семиноном.

— Семиноном?

— Так мы называем пыльные бури, после которых наступает настоящая зима, — Тиан указал на облака пыли за Уайе. — Вон идет первая. Думаю, доберется до нас в день прихода Волков или днем позже.

— В день прихода, сэй, — уточнил Энди. — Семинон приходит — теплые дни уходят, так у нас говорят, — он наклонился к Эдди. В сверкающей голове защелкало, синие глаза вспыхивали и гасли. — Эдди, я составил отличный гороскоп, очень длинный и сложный, и он показывает победу над Волками! Великую победу! Ты уничтожишь своих врагов, а потом встретишь прекрасную леди!

— Я уже встретил прекрасную леди, — Эдди изо всех сил пытался изгнать из голоса злобные нотки. Он прекрасно понимал, что означало мерцание синих глаз: металлический сукин сын смеялся над ним. «Что ж, — подумал он, — возможно, через пару дней смех этот выйдет тебе боком, Энди. Я очень на это надеюсь».

— Да, встретил, но многие женатые мужчины находят женщин и на стороне, как я недавно и сказал сэю Тиану Джеффордсу.

— Только не те, кто любит своих жен, — фыркнул Тина. — Я тогда говорил тебе об этом, и говорю сейчас.

— Энди, старина, мы пришли к тебе в надежде, что ты окажешь нам услугу, — сменил тему Эдди. — Вечером, накануне прихода Волков, нам очень понадобится твоя помощь. Если, конечно, ты сможешь нам ее оказать.

Теперь защелкало в груди Энди, а в глазах вроде бы вспыхнула тревога.

— Я готов сделать все, что в моих силах, сэй. Нет для меня более приятного занятия, чем помогать друзьям, но очень многого я делать не могу, при всем желании.

— Из-за заложенной в тебя программы.

— Ага, — самодовольство ушло из голоса Энди. Теперь он больше напоминал машину. «Да уж, позиция беспроигрышная, — подумал Эдди. — Осторожный ты у нас, Энди. Видел, как они приходили и уходили, не так ли? Иногда они называют тебя мешком с болтами, по большей части игнорируют, но в любом случае ты расхаживаешь по их костям, распевая песни, не так ли? Но на этот раз у тебя ничего не выйдет, приятель. Я постараюсь, чтобы ничего не вышло».

— Когда тебя построили Энди? Спрашиваю из любопытства? Когда ты сошел с конвейера Ла Мерка?

— Очень давно, сэй, — синие глаза едва заметно мерцали. Энди более не смеялся.

— Две тысячи лет тому назад?

— Я думаю, больше. Сэй, я знаю песню о пьянице, которая может тебе понравится, она такая забавная...

— Может, в другой раз. Послушай, дружище, если тебе две тысячи лет, как вышло, что в твоей программе заложена информация о Волках?

В теле Энди что-то звякнуло, будто разбилось. А заговорил он мертвым, лишенным эмоций голосом, какой Эдди впервые услышал на краю Срединного леса, Голосом Боско Боба, когда старина Боб собирался согнать облака и залить тебя дождем.

— Какой твой пароль, сэй Эдди?

— Думаю, мы с тобой это уже проходили, не так ли?

— Пароль. У тебя десять секунд. Девять... восемь... семь...

— Пароль — очень удобная ширма, не так ли?

— Неправильный пароль, сэй Эдди.

— Прямо-таки Пятая поправка.^[80]

— Два... один... ноль. Ты можешь предпринять вторую попытку. Будешь предпринимать вторую попытку, Эдди?

Эдди ослепительно улыбнулся роботу.

— Семинон дует летом, дружище?

Вновь послышались щелчки и позвякивания. Голова Энди, склоненная в одну сторону, склонилась в другую.

— Я упустил ход твоих мыслей, Эдди из Нью-Йорка.

— Извини. Я всего лишь глупый человек, понимаешь? Нет, я не хочу предпринимать второй попытки. Во всяком случае, сейчас. Позволь лучше сказать, какая нам нужна помощь, чтобы ты мог ответить, разрешит ли программа оказать ее. Это справедливо?

— Разумеется, сэй Эдди.

— Отлично, — Эдди взял Энди за тонкую, металлическую руку. Обнаружил, что поверхность гладкая, но неприятная на ощупь. Будто покрытая смазкой. Руку, однако, он не выпустил, продолжил доверительным тоном. — Я говорю тебе это лишь потому, что ты умеешь хранить секреты.

— О, да, сэй Эдди! Никто не хранит секреты лучше Энди! — робот вновь ощутил под ногами твердую почву, и в голос вернулось самодовольство.

— Ну... — Эдди поднялся на цыпочки. — Наклонись ко мне.

В корпусе Энди зажужжали сервомоторы, в сердечной коробке, будь он человеком, а не железякой, напичканной достижениями высоких технологий. Он наклонился. А Эдди, стоя на цыпочках, вытянулся в струнку, прямо-таки мальчик, делившийся своими секретами со взрослым.

— У отца Каллагэна есть оружие с нашего уровня Башни, — прошептал он. — Хорошее оружие.

Голова Энди повернулась. Глаза ярко сверкнули, свидетельствуя об изумлении. Эдди сохранял каменное лицо, подавляя смех.

— Ты говоришь правду, Эдди?

— Будь уверен.

— Отец говорит, что орудия мощные, — вмешался Тиан. — Если они сработают, мы вышибем из Волков дух. Но мы должны перевезти их к северу от города... а они тяжелые. Сможешь ты помочь нам загрузить их в повозку накануне прихода Волков, Энди?

Молчание. Щелчки и звяки.

— Готов спорить, программа ему не позволит, — Эдди печально вздохнул. — Что ж, если мы соберем крепких парней...

— Я могу вам помочь, — прервал его Энди. — Где хранятся эти орудия, сэи?

— Сейчас лучше об этом не говорить, — ответил Эдди. — Приходи в дом отца ранним вечером, накануне прихода Волков.

— В котором часу мне прийти?

— Как насчет шести?

— В шесть часов. И как много у вас орудий? По крайней мере, скажите мне это, чтобы я смог рассчитать необходимые энергетические уровни.

«Мой друг, чтобы распознать вранье, требуется врун, не так ли?» — весело подумал Эдди, но лицо его осталось бесстрастным.

— С дюжину. Максимум, пятнадцать. Каждое весит пару сотен фунтов. Ты знаком с фунтами, Энди?

— Ага, спасибо тебе. Фунт приблизительно равен четыремстам пятидесяти граммам. Шестнадцати унциям. Это большие орудия, Энди. Они смогут стрелять?

— Мы уверены, что смогут. Не так ли, Тиан?

Тиан кивнул.

— Ты нам поможешь?

— Ага, с удовольствием. Шесть часов вечера, у дома священника.

— Спасибо тебе, — Эдди уже повернулся, чтобы уйти, но остановился. — И никому ни слова, ты понимаешь?

— Конечно, сэи, считайте, что вы мне ничего не говорили.

— Именно так. Меньше всего мы хотим, чтобы Волкам стало известно, что нам есть чем их встретить, помимо револьверов.

— Разумеется, сэи. Какие хорошие новости. Прекрасного вам дня, сэи.

— И тебе, Энди, — ответил Эдди. — И тебе.

Когда они возвращались к ферме Тиана, расположенной всего двух милях от того места, где они нашли Энди, Тиан спросил:

— Он поверит?

— Не знаю, — ответил Эдди. — Но я его сильно удивил, ты это почувствовал?
— Да, — кивнул Тиан. — Да, почувствовал.
— Он придет, чтобы посмотреть, есть ли у нас оружие, это я гарантирую.
Тиан заулыбался.
— Твой дин умен.
— Это точно, — согласился Эдди. — Это точно.

12

Вновь Джейк лежал без сна, глядя в потолок комнаты Бенни. Вновь Ыш лежал на кровати Бенни, свернувшись клубком, сунув нос под хвост. Следующим вечером Джейку предстояло вернуться в дом отца Каллагэна, в своему ка-тету, и ему не терпелось покинуть ранчо. Следующая ночь была последней перед приходом Волков, но эта — всего лишь предпоследней, и Роланд решил, что Джейк должен провести ее в «Рокинг Би». «Нельзя допустить, чтобы у них возникли хоть малейшие подозрения», — сказал он. Джейк признавал его правоту, но пребывание на ранчо тяготило его. Мало того, что предстояло сразиться с Волками. Так еще не давали покоя мысли о том, как через два дня будет смотреть на него Бенни.

«Может, нас всех убьют, — подумал Джейк. — И тогда не придется об этом волноваться».

И мысль эта скорее радовала, чем печалила.

— Джейк? Ты спишь?

На мгновение Джейк подумал о том, чтобы притвориться спящим, но внутренний голос пренебрежительно хмыкнул, видя такую трусость.

— Нет, но должен заставить себя уснуть, Бенни. Сомневаюсь, что в завтрашнюю ночь удастся поспать.

— Наверное, нет, — в голосе слышалось уважение. — Ты боишься?

— Естественно, боюсь. За кого ты меня принимаешь? За безумца?

Бенни приподнялся на локте.

— И скольких ты думаешь убить?

Джейк обдумал вопрос. От этого вопроса у него засосало под ложечкой, но он все равно обдумал его.

— Не знаю. Если Волков будет семьдесят, мне придется уложить десять.

Внезапно ему вспомнились уроки английского языка, у мисс Эйвери. Желтые плафоны под потолком с лежащими в нихдохлыми мухами. Лукас Хансон, который всегда пытался подножкой сбить его с ног, когда он шел по проходу. Разбор предложений на доске: четкое место определения в структуре предложения. Петра Джессерлинг, которая всегда носила свободные свитера и влюбилась в него (так, во всяком случае, утверждал Майк Янко). Бубнящий голос миссис Эйвери. Потом перерыв на ленч. Опять урок, и отчаянная борьба с норовящими опуститься веками. Неужели этот мальчик, этот аккуратный ученик школы Пайпера собирается отправиться к северу от фермерского городка Калья Брин Стерджис, чтобы сразиться с крадущими детей монстрами? Может случиться, что тридцать шесть часов спустя этот мальчик лежать мертвым, с внутренностями, размазанными по грязи взрывом неведомого ему снитча? Да нет, такое просто невозможно, не так ли? Домоправительница, миссис Шоу, срезала корочки с сэндвичей мальчика и иногда называла его Бамой. Отец учил, как надо рассчитывать пятнадцатипроцентные чаевые. Такие мальчики, конечно же, не должны умирать с оружием в руках. Ведь не должны?

— Готов спорить, ты уложишь двадцать! — не унимался Бенни. — Как же мне хочется

быть рядом с тобой! Сражаться бок о бок! Пух! Пух! Пух! Потом мы перезаряжаем револьверы и...

Джейк сел, с любопытством посмотрел на Бенни.

— Ты бы сражался? Если б мог?

Бенни задумался. Его лицо изменилось, стало старше, мудрее. Он покачал головой.

— Нет. Я бы испугался. А разве ты не боишься? Скажи правду.

— Боюсь до смерти, — ответил Джейк.

— Умереть?

— Да, но еще больше подвести остальных.

— Ты не подведешь.

«Тебе легко говорить», — подумал Джейк.

— Раз уж мне придется пойти с маленькими детьми, — продолжил Бенни, — я рад, что с нами будет и мой отец. Он берет с собой арбалет. Ты видел, как он из него стреляет?

— Нет.

— Отлично стреляет. Если какой-нибудь из Волков прорвется мимо вас, он его уложит. Прицелится в то место, где у него жабры, и ему хана!

«А если бы Бенни знал, что жабры — это ложь? — задался вопросом Джейк. — Ложная информация, которую его отец должен передать хозяевам Волков. Если бы он знал...»

Эдди заговорил в его голове, Эдди, умудренный уличным опытом бруклинец: «Да, и если бы рыбы ездили на велосипедах, то каждая гребаная речка становилась бы „Тур де Франс“».

— Бенни, мне действительно нужно поспать.

Слайтман-младший лег. Лег и Джейк, вновь уставившись в потолок. Теперь он злился из-за того, что Ыш устроился на кровати Бенни и вообще сдружился с ним. Теперь он злился на все и вся. И часы, оставшиеся до утра, когда ему предстояло собрать вещи, усесться на пони и отправиться в город, грозили растянуться до бесконечности.

— Джейк?

— Что, Бенни, что?

— Извини, я просто хотел сказать, что очень рад твоему приезду сюда. Мы хорошо провели время, не так ли?

— Да, — ответил Джейк и подумал: «Никто не поверит, что он старше меня. Его послушать... ну, не знаю... ему лет пять, не больше». Конечно, это было несправедливо, но Джейк опасался, что расплачется, если не будет несправедливым. Он ненавидел Роланда за то, что тот приговорил его к этой последней ночи в «Рокинг Би». — Да, просто отлично.

— Мне будет тебя не доставать. Но я готов спорить, что вам поставят памятник в Павильоне.

— Мне тоже будет не доставать тебя.

— Ты счастливый, идешь по Лучу, бываешь в разных местах. Я, наверное, до конца своих дней останусь в этом засранном городишке.

«Нет, не останешься. Тебе и твоему отцу предстоят далекие странствия, если вам позволят уйти отсюда. Думаю, ты до конца своих дней будешь грезить этим маленьким засранным городком. Который был тебе домом. И причина во мне. Я увидел... и рассказал. А что мне оставалось?»

— Джейк?

Больше он выносить этого не мог. Бенни просто сводил его с ума.

— Спи, Бенни. И не мешай спать мне.

— Хорошо.

Бенни повернулся лицом к стене. Вскоре его дыхание замедлилось. Потом он начал

тихонько похрапывать. Джейк пролежал без сна до полуночи, наконец, заснул. И увидел сон. Роланд стоял на коленях в пыли Восточной дороги, лицом к несущимся на него со стороны реки ордам Волков. Он пытался перезарядить револьвер, но обе руки не желали его слушаться. Патроны лежали перед ним. Он все еще пытался перезарядить большой револьвер, когда копыта лошадей Волков растоптали его.

На заре дня, предшествующего приходу Волков, Эдди и Сюзанна стояли у окна спальни для гостей в доме отца Каллагэна и смотрели на лужайку, уходящую вниз по склону к коттеджу Розы.

— Что-то он в ней нашел, — сказал Сюзанна. — Я рада за него.

Эдди кивнул.

— Как ты себя чувствуешь?

Она улыбнулась.

— Отлично, — и не кривила душой. — А ты, сладенький?

— Мне будет не доставать настоящей кровати и крыши над головой, я буду мечтать о том, чтобы вновь попасть в такую же, а в остальном все прекрасно.

— Если что-то случится, тебе более не придется волноваться о кровати.

— Это правда, — кивнул Эдди, — но я полагаю, что все пройдет, как по писанному. А ты?

Прежде чем она успела ответить, сильный порыв ветра тряхнул дом, засвистел под свесами крыши. «Семинон говорит: „С добрым утром“», — подумал Эдди.

— Не нравится мне этот ветер, — покачала головой Сюзанна. — Это фактор неопределенности.

Эдди уже открыл рот.

— Если скажешь что-нибудь насчет ка, я двину тебе по носу.

Эдди закрыл рот, провел рукой вдоль губ, словно закрывая их на молнию. Сюзанна все равно легонько, словно перышком коснулась костяшками пальцев его носа.

— У нас отличный шанс победить. Слишком долго все было по-ихнему, и они заплыли жиром. Как Блейн.

— Да. Как Блейн.

Она опустила руку ему на бедро, развернула лицом к себе.

— Но всякое может случиться, а потому я хочу тебе кое-что сказать, пока мы вдвоем. Хочу сказать, что очень тебя люблю, Эдди, — она говорила просто, без драматического надрыва.

— Я знаю, что любишь, только никак не могу понять, почему.

— Потому что благодаря тебе я стала единым целым. В молодости я, с одной стороны, думала, что любовь — великая тайна, а с другой мне казалось, что ее придумали голливудские продюсеры, чтобы продавать больше билетов во время Депрессии.

Эдди рассмеялся.

— А теперь я думаю, что мы оба родились с дырой в наших сердцах и ходили по земле в поисках человека, который мог эту дыру заполнить. Ты... Эдди, ты заполнил дыру в моем сердце, — она взяла его за руку и повела к кровати. — А теперь я хочу, чтобы ты заполнил меня по-другому.

— Сюзи, а можно?

— Не знаю, да мне и без разницы.

Любовью они занимались медленно, нежно, добавив скорости только в самом конце. Она

вскрикнула, уткнувшись ему в плечо, а Эдди, на грани оргазма, успел подумать: «Я могу потерять ее, если не буду осторожен. Не знаю, откуда мне это известно... но известно. Она просто исчезнет».

— Я тоже люблю тебя, — прошептал он, когда потом они лежали бок о бок.

— Да, — она взяла его за руку. — Я знаю. И рада.

— Это так приятно, доставлять кому-то радость. Раньше я этого не знал.

— Ничего страшного, — Сюзанна поцеловала его в уголок рта. — Ты быстро этому научился.

14

В маленькой гостиной Розы стояло кресло-качалка. Стрелок сидел в нем голым, держа в руке глиняное блюдце. Курил и смотрел на восходящее солнце. И у него не было уверенности, что вновь сможет полюбоваться рассветом из этого кресла.

Роза вышла из спальни, тоже голая, встала у двери, глядя на Роланда.

— Как суставы, скажи мне, прошу тебя?

Роланд кивнул.

— Твое масло — просто чудо.

— Жаль, что долго не действует.

— Не действует, — согласился Роланд. — Но есть другой мир, мир моих друзей, и, возможно, там найдется средство, которое подействует. У меня предчувствие, что скоро мы туда отправимся.

— Опять сражаться?

— Думаю, что да.

— Этим путем ты в любом случае возвращаться не будешь, так?

Роланд посмотрел на нее.

— Нет.

— Ты устал, Роланд?

— До смерти.

— Тогда пойдем в кровать, немного отдохнешь, а?

Он затушил окурок в глиняном блюдце, встал. Улыбнулся. Сразу помолодел.

— Я говорю, спасибо тебе.

— Ты — хороший человек, Роланд из Гилеада.

Он обдумал ее слова, потом покачал головой.

— Всю жизнь у меня были самые быстрые руки, а вот с тем, чтобы быть хорошим, я как-то тормозил.

Она протянула к нему руку.

— Иди ко мне, Роланд. Кам-каммала.

И он пошел.

15

Вскоре после полудня Роланд, Эдди, Джейк и отец Каллагэн выехали на Восточную дорогу, которая на этом участке тянулась с югу на север, проложенная вдоль извилистой Девар-Тете Уайе. Лопаты они спрятали в свернутых спальнях мешках, притороченных к седлам. Сюзанну,

в силу ее беременности, на эту операцию не взяли. Она присоединилась к Сестрам Орисы, которые устанавливали у Павильона большой шатер и готовили угощение. Несмотря на то, что до вечера оставалось еще далеко, в Калью Брин Стерджис начали съезжаться люди, совсем как на праздник. Только в этот день им не обещали ни фейерверков, ни скачек. Энди и Бен Слайтман не попались им на глаза, и это радовало.

— Тиан? — спросил Роланд Эдди, нарушив тяжелое молчание.

— Встретится со мной у дома Каллагэна. В пять часов.

— Хорошо, — Роланд кивнул. — Если мы не закончим к четырем, ты вернешься в город один.

— Если хочешь, я поеду с тобой, — предложил Каллагэн. Китайцы верили: если ты спасаешь человеку жизнь, то с того момента берешь на себя ответственность за него. Каллагэн как-то не задумывался об этом изречении, но, после того, как оттащил Эдди от края пропасти у Пещеры двери, стал склоняться к мысли, что это не просто слова.

— Лучше тебе остаться с нами, — ответил Роланд. — Эдди и сам справится. А здесь у меня есть для тебя работа. Помимо копания.

— Да? И какая? — спросил Каллагэн.

Роланд указал на пылевые вихри, что поднимались и опадали впереди.

— Отгони молитвой этот чертов ветер. И чем быстрее, тем лучше. Чтобы завтра утром его точно не было.

— Тебя волнует сохранность укрытий? — спросил Джейк.

— С укрытиями ничего не случится. А волнуюсь я из-за Сестер Орисы. Бросать тарелку — дело тонкое и при полном штиле. А если в день прихода волков будет дуть сильный ветер, возрастет вероятность того, что тарелки сойдутся с курса, — он простер руку к затянутому пылью горизонту. — Сильно возрастет.

Каллагэн улыбался.

— Я с радостью помолюсь, но посмотри на восток, прежде чем начинать волноваться. Прошу тебя, посмотри.

Они повернулись. Початки кукурузы уже собрали, осталась только стебли, напоминающие скелеты. За кукурузными полями начинались рисовые, уходящие к реке. Рекой Пограничье и заканчивалось. А на другом берегу кружились и иногда сталкивались пылевые смерчи, достигающие высоты сорока футов. В сравнении с ними те, что «отплясывали» на их берегу казались карликами.

— Семинон часто добирается до Уайе, а потом поворачивает назад, — продолжил Каллагэн. — Старики говорят, что лорд Семинон просит леди Орису пропустить его, когда он добирается до воды, но она по большей части отказывает ему в этом из ревности. Видите ли...

— Семинон женился на ее сестре, — вставил Джейк. — Леди Риса хотела сама выйти за него замуж, образовать союз ветра и риса, и она все еще злится на Семинона.

— Откуда тебе это известно? — полюбопытствовал Каллагэн.

— От Бенни, — ответил Джейк и замолчал. Воспоминания о долгих разговорах на сеновале или на берегу реки, обмене легендами навевали грусть и причиняли боль.

Каллагэн кивнул.

— Ты прав. Я думаю, это какой-то природный феномен. Там — холодный воздух, над рекой — теплый, но, как бы то ни было, по всем признакам, семинон уйдет, как и пришел.

Ветер бросил пыль в его лицо, как бы доказывая обратное, и Каллагэн рассмеялся.

— К рассвету ветер стихнет, я почти что могу это гарантировать. Но...

— Почти что недостаточно, отец.

— Вот что я тебе скажу, Роланд, раз почти что — недостаточно, я с радостью помолюсь.

— Мы говорим, спасибо тебе, — стрелок повернулся к Эдди, и нацелил два пальца левой руки на свое лицо.

— Глаза, так?

— Глаза, — кивнул Эдди. — И пароль. Если не девятнадцать, то девяносто девять.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Знаю.

— И все-таки... будь осторожен.

— Буду.

Спустя несколько минут они подъехали к тому месту, где каменистый проселок уходил в сторону сухих русел рек, к заброшенным шахтам «Глория», «Красная птица-1 и -2». Горожане думали, что повозки оставят здесь, и были правы. Они также думали, что дети и их сопровождающие пешком доберутся по проселку до одной из заброшенных шахт, и в этом ошибались.

Скоро трое из них рыли укрытие в западном кювете, а четвертый стоял на страже. Но по дороге никто не ехал: фермеры, которые жили дальше, давно уже были в городе, так что работа шла споро. В четыре часа Эдди оставил остальных заканчивать начатое, а сам поскакал на встречу с Тианом Джеффордсом, с одним из револьверов Роланда на бедре.

16

Тиан принес арбалет. Когда Эдди велел ему оставить оружие на крыльце дома Каллагэна, в недоумении посмотрел на него.

— Он не удивится, увидев меня с револьвером на боку, но у него могут возникнуть вопросы, если он увидит в твоих руках арбалет, — пояснил он. Битва с Волками начиналась, и теперь, когда дошло до дела, волнение исчезло напрочь. Сердце билось медленно и ровно. Зрение стало резче: он видел тени, отбрасываемые каждой травинкой. — Я слышал, он силен. И очень быстр, когда нужно. Я справлюсь с ним сам.

— А почему ты взял с собой меня?

«Потому что даже умный робот не почувствует подвоха, если я приду с таких неделухом, как ты». Однако, такому правдивому ответу явно недоставало дипломатичности.

— На всякий случай, — ответил Эдди. — Пошли.

И вниз по склону они зашагали к будке-туалету. За последние недели Эдди пользовался им много раз, и всегда с удовольствием, приятно, знаете ли, подтираться мягкой, высушенной травой, не боясь обжечь нежную кожу чем-нибудь ядовитым, но впервые присмотрелся к будке снаружи. Сработали ее из бревен и толстых досок, похоже, на совесть, но Эдди не сомневался, что Энди сможет разнести будку, если захочет. Если они дадут ему шанс.

Роза вышла из своего коттеджа, посмотрела на них, козырьком приложив руку к глазам, прикрывая их от солнца.

— Как дела, Эдди?

— Пока хорошо, Роза, но тебе лучше уйти в дом. Здесь будет заварушка.

— Правда? У меня есть тарелки...

— Не думаю, что они помогут, — ответил Эдди. — Впрочем, можешь и остаться, если есть на то желание.

Она кивнула и молча скрылась в доме. Мужчины сели по сторонам открытой двери в туалет. Тиан попытался свернуть самокрутку. Первая выпала из его дрожащих пальцев, он предпринял вторую попытку.

— Я в этом не силен, — сказал он, и Эдди понял, что речь идет не об умении сворачивать самокрутки.

— Все нормально.

Тиан с надеждой посмотрел на него.

— Ты так говоришь?

— Говорю, и пусть так и будет.

Ровно в шесть часов («У мерзавца, должно быть часы, которые показывают время с точностью до миллионной доли секунды», — подумал Эдди) Энди вышел из-за дома отца Каллагэна, отбрасывая на траву длинную, тонкую тень. Увидел их. Синие глаза сверкнули. Он приветственно вскинул руку. Свет заходящего солнца отразился от его руки, создалось впечатление, будто она залита кровью. Эдди тоже поднял руку и встал, улыбаясь. Задался вопросом, все ли думающие машины, которые по-прежнему работали в этом забытом Богом мире, повернулись против своих прежних хозяев, и если, да, почему?

— Стой тихо, говорить буду я, — процедил он уголком рта.

— Да, хорошо.

— Эдди! — воскликнул Энди. — Тиан Джеффордс! Как приятно видеть вас обоих! И орудия, которые уничтожат Волков! Здорово! Где они?

— Спрятаны в сортире, — ответил Эдди. — Мы подгоним повозку, как только ты их достанешь, но они тяжелые... и места там мало, не развернуться.

Он отступил в сторону. Энди приблизился. Его глаза вспыхивали и гасли, но на этот раз робот определенно не смеялся. А вспыхивали они так сильно, что людям приходилось щуриться.

— Я уверен, что смогу их достать. Я так рад, что могу помочь. Очень часто мне приходилось сожалеть, что моя программа не позволяет...

Робот уже стоял у двери в будку-туалет, чуть согнув ноги, чтобы цилиндр-голова не задела о притолоку. Эдди достал из кобуры револьвер Роланда. Как всегда, ладонь плотно легла на гладкую рукоятку из сандалового дерева.

— Извини, Эдди из Нью-Йорка, но никаких орудий я не вижу.

— Не видишь, — согласился Эдди. — Я тоже не вижу. А вот кого я вижу, так это гребаного предателя, который поет детям песни, а потом посылает их...

Энди развернулся с невероятной скоростью. Эдди показали, что сервомоторы уж очень громко взревели. Их разделяло три фута.

— Ты этого заслужил, стальной мерзавец, — с этими словами Эдди выстрелил дважды. Грохот разорвал вечернюю тишину. Глаза Энди взорвались и погасли. Тиан вскрикнул.

— НЕТ! — заорал Энди так громко, что в сравнении с этим криком револьверный выстрел показался хлопком ладоней. — НЕТ, МОИ ГЛАЗА, Я НЕ МОГУ ВИДЕТЬ, О, НЕТ, ВИДИМОСТЬ НОЛЬ, МОИ ГЛАЗА, МОИ ГЛАЗА...

Тоненькие стальные руки взлетели к разбитым глазницам, где теперь сверкали синие искры. Ноги Энди выпрямились, цилиндрическая голова пробила верхнюю перекладину дверной коробки, доски фронтона, щепки полетели во все стороны.

— НЕТ, НЕТ, НЕТ, Я НЕ МОГУ ВИДЕТЬ, ВИДИМОСТЬ НОЛЬ, ЧТО ВЫ СО МНОЙ СДЕЛАЛИ? ЗАСАДА, НАПАДЕНИЕ, Я СЛЕП, КОД СЕМЬ, КОД СЕМЬ, КОД СЕМЬ!

— Помоги мне толкнуть его, Тиан! — крикнул Эдди, бросив револьвер в кобуру. Но Тиан стоял столбом, таращась на робота, голова которого «вписалась» во фронтон будки-туалета, а ждать Эдди не мог. Поэтому шагнул вперед и уперся руками в табличку с именем Энди, его предназначением и серийным номером. Робот оказался на диво тяжелым (поначалу Эдди подумал, что пытается сдвинуть с места бетонный блок), но его ослепили, захватили врасплох,

он потерял ориентацию. Подался назад, слова смолкли, вместо них оглушительно завывла сирена. Эдди подумал, что от этого воя у него расколется голова, но он схватился рукой за дверь и захлопнул ее. Сверху зияла дыра, но дверь закрылась и Эдди смог задвинуть засов, широкий и толстый.

Роза выбежала из своего коттеджа с тарелками в обеих руках. Ее глаза размером сравнялись с чайными блюдцами.

— Что случилось? Во имя Бога и Человека-Иисуса, что случилось?

Прежде чем Эдди успел ответить, сильнейший удар потряс будку-туалет. Она даже сдвинулась вправо, открыв часть выгребной ямы.

— Это Энди, — воспользовался короткой паузой Эдди. — Я думаю, что-то у него не сложилось с гороскопом, вот он и...

— ВЫ МЕРЗАВЦЫ! — таким голос Энди еще не говорил. Не было в нем ни самодовольства, ни скрытого смеха, ни ложной покорности. — ВЫ МЕРЗАВЦЫ! ОБМАНЩИКИ! Я ВАС УБЬЮ! Я СЛЕП, О, Я СЛЕП, КОД СЕМЬ! КОД СЕМЬ! — слова вновь сменились сиреной. Роза бросила тарелки, зажала уши руками.

Новый удар потряс будку, на этот раз вылетели две доски, в щели показалась рука Энди. Лучи заходящего солнца окрасили ее в красный цвет, четыре пальца судорожно сжимались и разжимались. Издалека до Эдди донесся собачий лай.

— Он вырвется наружу, Эдди! — Тиан схватил Эдди за плечо. — Он вырвется наружу!

Эдди стряхнул его руку и шагнул к двери. Раздался еще один мощный удар. Новые доски вылетели из стены туалета. Упали на траву. Но Эдди не мог перекричать вой сирены, слишком он был громким. Оставалось только ждать и, прежде чем Энди вновь врезал по стене, сирена смолкла.

— МЕРЗАВЦЫ! — заорал Энди. — Я ВАС УБЬЮ! ДИРЕКТИВА ДВАДЦАТЬ, КОД СЕМЬ! Я ОСЛЕП, ВИДИМОСТЬ НОЛЬ, ТРУСЛИВЫЕ...

— Энди, робот-посыльный! — прокричал Эдди. Еще раньше он написал карандашом Каллагэна серийный номер робота на одном из драгоценных клочков бумаги священника и теперь зачитал его. — DNF-44821-V-63! ПАРОЛЬ!

Удары и истошные вопли прекратились, как только Эдди закончил выкрикивать серийный номер, но и в тишине в его ушах стоял вой сирены. Звякнул металл, послышались щелчки реле. Потом: «Это робот DNF-44821-V-63. Пожалуйста, назовите пароль, — пауза, потом бесстрастный голос продолжил. — Ты подлый мерзавец Эдди Дин из Нью-Йорка. У тебя десять секунд. Девять...»

— Девятнадцать, — крикнул Эдди сквозь дверь.

— Пароль неверный, — и в голосе, пусть он принадлежал роботу, явственно слышалась удовлетворенность. — Восемь... семь...

— Девяносто девять.

— Пароль неверный, — теперь удовлетворенность сменило торжество. И Эдди уже проклял свою самоуверенность, выказанную на Восточной дороге. Заметил взгляды, полные ужаса, которыми обменялись Роза и Тиан. Заметил, что собаки продолжали лаять.

— Пять... четыре...

Не девятнадцать. Не девяносто девять. Что еще? Как же отключить эту жестянку?

— ...три...

И тут перед его мысленным взором сверкнула, столь же ярко, что и глаза Эдди перед тем, как револьвер Роланад навеки их потушил, надпись на заборе у пустыря, нанесенная распыленной из баллончика розовой краской и покрывшаяся пылью: «О, Сюзанна-Мию, раздвоенная девочка моя. Пришвартовала свой БРИГ аж в ДИКСИ-ПИГ, в году...»

— ...два...

Не первый и не второй — вместе. Вот почему этот чертов робот не предложил перейти ко второй попытке. Он, конечно, ошибся с паролем, но лишь частично.

— Девятнадцать девяносто девять! — прокричал Эдди сквозь дверь.

За дверью установилась полная тишина. Эдди ждал, что вновь завоет сирена, что Энди возобновит попытки вырваться из будки-туалета. Тогда бы он велел Тиану и Розе бежать со всех ног, попытался бы их прикрыть...

Голос, вновь раздавшийся из-за двери, ровный, бесстрастный, принадлежал машине. Самодовольства или ярости в нем не слышалось. Энди, которого знали многие поколения жителей Кальи, исчез навсегда.

— Спасибо. Я — Энди, робот-посыльный, со многими другими функциями. Серийный номер DNF-44821-V-63. Чем я могу вам помочь?

— Отключайся.

Вновь в туалете надолго молчали.

— Ты понял, что я тебе говорю?

Тихий, переполненный ужасом голос: «Пожалуйста, не заставляй меня. Ты — плохой человек. О, ты — плохой человек».

— Отключайся немедленно.

Опять молчание. Роза стояла, прижав руку к груди. Несколько мужчин появились из-за дома отца Каллагэна, с луками и арбалетами. Роза махнула им рукой, как бы говоря, что делать им тут нечего.

— DNF-44821-V-63, выполняй приказ!

— Да, Эдди из Нью-Йорка, я отключаюсь, — невероятная жалость к себе прокралась в этот новый, тихий голос Энди. От этого голоса по коже Эдди побежали мурашки. — Энди ослеп и отключается. Тебе известно, что мои главные топливные элементы разряжены на девяносто восемь процентов, и я, возможно, уже никогда не смогу зарядить их вновь?

Эдди вспомнил гигантов-рунтов, стоящих во дворе дома Джеффордсов, Тиа и Залмана, подумал о других рунтах, горе и беде этого города, подумал о близнецах Тавери, таких умных, сообразительных. И таких красивых.

— Ничего не поделаешь, это необходимо. Довольно болтовни, отключайся.

Внутри наполовину разваленной будки-туалета опять установилась тишина. Тиан и Роза на цыпочках подошли к Эдди, и втроем они смотрели на запертую дверь. Роза схватила Эдди за предплечье. Он тут же сбросил ее руку. Чтобы она не мешала ему, если вдруг пришлось бы выхватывать револьвер. Хотя он и не знал, куда теперь стрелять, после того, как Энди лишился глаз.

Наконец, из будки донесся голос Эдди, бездушный, но усиленный динамиками. При первых же звуках Тиан и Роза попятились, Эдди остался на месте. Ему уже доводилось слышать и такой голос, и такие слова, на поляне огромного медведя. Нет, слова, конечно, чуть отличались, но смысл оставался неизменным.

— DNF-44821-V-63 ОТКЛЮЧАЕТСЯ! СУБЪЯДЕРНЫЕ ЯЧЕЙКИ И БЛОКИ ПАМЯТИ В РЕЖИМЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ! ОТКЛЮЧЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО НА ТРИНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ! Я — ЭНДИ, РОБОТ-ПОСЫЛЬНЫЙ, СО МНОГИМИ ДРУГИМИ ФУНКЦИЯМИ! ПОЖАЛУЙСТА СООБЩИТЕ О МОЕМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ В ПРОМЫШЛЕННУЮ КОМПАНИЮ ЛАМЕРКА ИЛИ В СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ, ЛТД! ПОЗВОНИТЕ 1-900-54! ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРОВАНО! ПОВТОРЯЮ, ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРОВАНО! ВСЕ СУБЪЯДЕРНЫЕ ЯЧЕЙКИ И БЛОКИ ПАМЯТИ В РЕЖИМЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ! ОТКЛЮЧЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО НА ДЕВЯТНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ! Я —

ЭНДИ...

— Ты был Энди, — мягко заметил Эдди. Повернулся к Тиану и Розе, улыбнулся, увидев их перепуганные лица. — Все кончено. Он еще какое-то время побубнит, а потом замолкнет. Можете использовать его... ну, не знаю... вместо пугала.

— Я думаю, мы разберем пол и прямо там его и похороним, — Роза указала на будку-туалет.

Улыбка Эдди стала шире. Ему понравилась эта идея: похоронить Энди в говне. Очень понравилась.

Когда сумерки перешли в ночь, Роланд сидел на краю эстрады и наблюдал, как жители Кальи отдают должное угощению Сестер Орисы. Каждый из них знал, что это, возможно, последняя общая трапеза, что к завтрашнему вечеру их маленький городок может превратиться в дымящиеся руины, но на лицах играли улыбки. Не только потому, думал Роланд, что они хотели подбодрить детей. Они испытывали огромное облегчение, потому что наконец-то поступили правильно. Испытывали облегчение, даже зная, что заплатить, возможно, придется высокую цену. Вот улыбки и не сходили с их лиц. В большинстве своем эти люди собирались провести ночь на лужайке, рядом с детьми и внуками, для которых поставили большущий шатер, чтобы остаться здесь и после их отъезда, повернувшись к северо-востоку, ожидая исхода битвы. Они полагали, что будут выстрелы (этих звуков многие никогда не слышали), а потом облако пыли, определяющее местоположение Волков, опадет, двинется в обратном направлении, к реке, или начнет быстро приближаться к городу. В последнем случае горожане разбежались бы, кто куда, и ждали, пока Волки закончат крушить город. А потом превратились бы в беженцев в собственном доме. Стали бы отстраивать город заново при таком раскладе? Роланд в этом сомневался. Если нет детей, а вот в том, что Волки на этот раз заберут всех, у Роланда не было ни малейших сомнений, чего строить? Так что, вскорости Калья Брин Стерджис превратилась бы в город-призрак.

— Прошу прощения, сэй.

Роланд повернулся на голос. Рядом стоял Уэйн Оуверхолсер, со шляпой в руках. Более похожий на бродягу, ищущего работу, чем на самого богатого фермера Кальи. В больших глазах читалась тоска.

— Незачем тебе просить прощения, если я ношу подаренную тобой шляпу, — добродушно ответил Роланд.

— Да, но... — Оуверхолсер замолчал, похоже, не зная, как продолжить, а потом решил сразу перейти к делу. — Рубен Каверра — один из тех, кого ты выбрал в сопровождающие детей, не так ли?

— Да.

— Этим утром у него разорвался живот, — Оуверхолсер прикоснулся к своему в том месте, где находился аппендикс. — Он стонет от боли и горит в лихорадке. Скорее всего, умрет от заражения крови. Некоторые выздоравливают, ага, но немногие.

— Это печально, — Роланд уже думал о том, кем заменить Каверру. Этот немногословный, коренастый мужчина произвел на него наилучшее впечатление. Он мало чего знал о страхе, а уж понятие трусости было для него просто неведомо.

— Возьми меня вместо него, а?

Роланд пристально смотрел на Оуверхолсера.

— Пожалуйста, стрелок, я не могу стоять в стороне. Думал, что могу... должен... но не могу. Мне от этого тошно, — и да, Роланд видел, тошно, лучше и не скажешь.

— Твоя жена знает, Уэйн?

— Ага?

— И говорит, ага?

— Говорит.

Роланд кивнул.

— Будь здесь за полчаса до зари.

Безмерная, ни с чем не сравнимая благодарность осветила лицо Оуверхолсера, превратила его в молодого человека.

— Спасибо, Роланд! Я говорю, спасибо тебе! Большое спасибо!

— Я рад, что ты с нами. А теперь послушай меня.

— Слушаю тебя внимательно.

— Все может пойти не так, как я говорил на собрании.

— Из-за Энди?

— В том числе.

— А кого еще? Ты не хочешь сказать, что есть и другой предатель? Ты этого не говоришь?

— Я хочу сказать только одно: если ты идешь с нами, то должен делать все, как я скажу. Ты меня понял?

— Да, Роланд. Очень хорошо.

Оуверхолсер вновь поблагодарил его за полученный шанс умереть к северу от города, и поспешно ретировался, по-прежнему держа шляпу в руках. Может, боялся, что Роланд передумает.

Подошел Эдди.

— Оуверхолсер решил составить нам компанию?

— Похоже на то. Энди не доставил тебе особых хлопот?

— Скорее нет, чем да, — ответил Эдди, не испытывая особого желания признаться в том, что он, Тиан и Розалита, возможно, едва не превратились в головешки. Издалека по-прежнему доносился усиленный динамиками бездушный голос. Но голосить робота оставалось недолго. Отключение, согласно голосу, завершилось уже на семьдесят девять процентов.

— Я думаю, ты отлично поработал.

Комплименты Роланда всегда превращали Эдди в короля на горе, но он постарался не подавать виду.

— Надеюсь, что и завтра у нас получится не хуже.

— Сюзанна?

— Вроде нормально.

— Ничего такого? — Роланд потер лоб над левой бровью.

— Я, во всяком случае, не видел.

— А как насчет отрывистой речи?

— Тоже не заметил. Пока вы копали, она бросала тарелки, — он посмотрел на Джейка, который сидел на качелях с Ышем на коленях. — Вот за кого я волнуюсь. Я рад, что он уехал с ранчо. Там ему было нелегко.

— Другому мальчику будет куда труднее, — Роланд поднялся. — Я возвращаюсь в дом Каллагэна. Немного посплю.

— Ты сможешь спать?

— Да, конечно, — ответил Роланд. — С помощью кошачьего масла Розы я сплю, как убитый. Тебе, Сюзанне и Джейку надо бы попробовать.

— Хорошо.

Роланд кивнул.

— Завтра утром я тебя разбужу. Приедем сюда вместе.

— А потом будем сражаться.

— Да, — Роланд посмотрел на Эдди. Его синие глаза поблескивали в огне факелов. —

Будем сражаться. Пока не умрем мы или не умрут они.

Смотрите прямо сейчас, и смотрите внимательно:

Вот дорога, широкая, поддерживаемая в хорошем состоянии, как и любая второстепенная дорога Америки, только без асфальта. Покрытие, плотно укатанную землю, в Калье называли огганом. Слева и справа аккуратные кюветы. Через равные расстояния под огганом проложены деревянные трубы, соединяющие кюветы. В слабом, неземном предрассветном свете дюжина фургонов, с парусиновым верхом, в таких обычно ездят Мэнни, катится по дороге. Парусина ярко-белая, чтобы отражать солнечные лучи и сохранять в фургоне относительную прохладу даже в жаркие летние дни. А сейчас фургоны напоминают странные, низко летящие облака. Каждый запряжен четырьмя или шестью мулами или лошадьми. На козлах — по два человека, из тех, кому предстоит сразиться с Волками, или из сопровождающих детей. Первым фургоном правит Оуверхолсер, рядом с ним сидит Маргарет Эйзенхарт. На втором едут Бен Слайтман, компанию которому составляет Роланд. На пятом — Тиан и Залия Джеффордс. На шестом — Эдди и Сюзанна Дин. Сложенное инвалидное кресло Сюзанны лежит за козлами. Баки и Аннабель Хавьер «рулят» десятым фургоном. На козлах последнего — отец Доналд Каллагэн и Розалита Мунос.

Под парусиновыми тентами фургонов девяносто девять детей. Сорок девять пар близнецов плюс, само собой, Бенни Слайтман. Он едет в последнем фургоне (почему-то не захотел ехать с отцом). Дети почти не разговаривают. Самые маленькие спят, их придется разбудить, когда фургоны доберутся до цели. Впереди, меньше чем в миле, то самое место, где влево от дороги отходит каменистый проселок, ведущий к сухим руслам рек и заброшенным шахтам. Справа пологий склон сбегает до самой воды. Все возницы смотрят на восток, в сторону постоянной тьмы, где находится Тандерклеп. Они ищут глазами приближающееся пыльное облако. Его нет. Пока. Даже семинон стих, так что нет и пылевых смерчей. Бог, похоже, услышал молитвы Каллагэна, во всяком случае, насчет ветра.

Бен Слайтман, сидевший на козлах рядом с Роландом заговорил так тихо, что стрелок едва расслышал его.

— И что ты со мной сделаешь?

Если бы при выезде из Кальи Брин Стерджис Роланда попросили оценить шансы Слайтмана на выживание, он бы сказал: пять из ста. Не больше. Все зависело от двух критических вопросов и правильных ответов на них. Причем первый вопрос предстояло задать самому Слайтману. Откровенно говоря, Роланд не ожидал, что Слайтман его задаст, однако вопрос прозвучал из уст бригадира ковбоев. Роланд повернул голову и посмотрел на него.

Слайтман сильно побледнел, но снял очки и не отвел глаз. Стрелок решил, что сие не говорило об особой смелости. Просто Слайтман-старший достаточно хорошо разобрался в психологии стрелка и знал, что должен смотреть ему в глаза, чтобы получить хоть малую надежду на выживание.

— Да, я знаю, — в голосе дрожь отсутствовала, пока отсутствовала. — Что знаю? Что вам

все известно.

— Полагаю, с того момента, как мы разобрались с твоим партнером, — в слове партнер слышался сарказм (сарказм был единственной формой юмора, которую понимал Роланд) и Слайтмана передернуло. Но он кивнул, по-прежнему глядя Роланду в глаза.

— Мне пришлось признать, что вы знаете обо мне, раз прознали про Энди. Хотя он никогда бы не заложил меня. Такого в его программе не было, — на большее его выдержки не хватило, он опустил глаза, прикусил губу. — Но знал я благодаря Джейку.

Роланд не смог скрыть отразившегося на лице изумления.

— Он изменился. Он не хотел, старался держаться, как прежде, но изменился. По отношению к моему мальчику, не ко мне. В последнюю неделю, может, полторы. Бенни... скажем так, пребывал в недоумении. Что-то чувствовал, но не знал, в чем же дело. Я знал. Вроде бы твоему мальчику больше не хотелось общаться с моим. Я спросил себя, в чем причина. Ответ долго искать не пришлось. Он лежал на поверхности.

Роланд отставал от фургона Оуверхолсера. Хлестнул вожжами по спинам лошадей. Они прибавили шаг. В фургоне часть детей стали, мирно похрапывая, другие тихонько разговаривали между собой. Он попросил Джейка собрать коробку детских вещей и видел, как мальчик выполняет задание. Джейк вообще не отлынивал от работы. В этот день он надел шляпу с широкими полями, чтобы прикрыть глаза от солнца, на боку висел пистолет отца. Ехал он на козлах одиннадцатого фургона, вместе с Эстрадой. Роланд полагал, что у Слайтмана тоже хороший мальчик, да только отец у него оказался никудышным.

— Джейк был в «Догане» в одну из ночей, когда ты и Энди приходили туда, чтобы сообщить новости нашим соседям, — сказал Роланд. Слайтман, сидевший рядом с ним, скривился, как от удара в живот.

— Вот оно что. Да, я почувствовал... или подумал, что чувствую... — долгая пауза. — Черт.

Роланд посмотрел на восток. Небо чуть просветлело, но по-прежнему никакой пыли. Оно и к лучшему. После того, как появится пыль, Волков долго ждать не придется. Их серые лошади очень быстры. Как бы между прочим, буднично, Роланд задал второй вопрос. Если б Слайтман дал на него отрицательный ответ, то не дожил бы до прихода Волков, какую бы скорость ни развили их серые лошади.

— Если бы ты его обнаружил, Слайтман... если бы ты нашел моего мальчика... ты бы его убил?

Слайтман вновь надел очки, выигрывая время. Роланд не мог сказать, осознает ли он важность вопроса или нет. Спокойно ждал, что выберет отец приятеля Джейка, жизнь или смерть. На долгие раздумья времени у него не было, они приближались к месту, где фургонам предстояло остановиться, а детям — сойти на землю.

Слайтман, наконец, поднял голову, заставил себя встретиться с Роландом взглядом. Открыл рот, хотел что-то сказать, и не смог. Роланд понял, почему: Слайтман мог ответить на вопрос стрелка, или мог посмотреть ему в глаза, но не одновременно.

И лишь опустив глаза, Слайтман смог вымолвить: «Да, полагаю, нам бы пришлось его убить, — пауза, кивок. А когда он чуть повернул голову, по щеке скатилась слеза. — Да, что нам оставалось? — и, когда встретился взглядом с Роландом, понял, что судьба его решена. — Сделай все быстро, и пусть мой мальчик этого не увидит. Прошу тебя, пожалуйста!»

Роланд вновь стегнул вожжами по спинам мулов.

— Я — не тот, кто оборвет твою жалкую жизнь.

У Слайтмана перехватило дыхание. Когда он говорил, что да, он убил бы двенадцатилетнего мальчика, чтобы сохранить в тайне свое предательство, на его лице читалось

достоинство. Теперь ему подарили надежду, и перекошенное лицо превратило его в урод. Он шумно выдохнул.

— Ты издеваешься надо мной. Дразнишь. Ты все равно собираешься убить меня. Почему нет?

— Трус судит обо всех по себе, — ответил Роланд. — Я не убью тебя без крайней на то необходимости, Слайтман, потому что я люблю своего мальчика. Ты это должен понимать, не так ли? Насчет любви к своему мальчику?

— Да, — Слайтман наклонил голову, начал тереть дочерна загорелую шею. Шею, которой, как он ожидал, больше не придется почувствовать горячие солнечные лучи.

— Но ты должен понять и еще кое-что. Ради собственного блага и ради Бенни. Если Волки победят, ты умрешь. В этом никаких сомнений нет. Я тебе это гарантирую.

Слайтман вновь смотрел на него, глаза за стеклами очков превратились в щелочки.

— Слушай меня внимательно. Слайтман, и постарайся понять все, что тебе сейчас скажу. Мы не будем там, где рассчитывают найти нас Волки, не будет и детей. Проиграем мы или победим, на этот раз они понесут потери. Проиграем мы или победим, они узнают, что руководствовались ложной информацией. И кто из обитателей Кальи Брин Стерджис мог сообщить им ложную информацию? Только двое. Энди и Бен Слайтман. Энди отключился, он — вне их досягаемости, — стрелок одарил Слайтмана улыбкой, холодной, как Северный полюс. — В отличие от тебя. И того, кто тебе так дорог, что ради него ты пошел на предательство.

Слайтман замер, обдумывая услышанное. Несомненно, такие мысли ранее в голову ему не приходили, но теперь-то он ясно видел, что логика на стороне Роланда.

— Они, скорее всего решат, что ты сознательно перебежал на сторону противника, — продолжил Роланд, — и убьют тебя, даже если ты попытаешься доказать, что за тобой вины нет. И твоего сына тоже. Из мести.

Красные пятна, которые выступили на щеках Слайтмана, пока стрелок говорил, розы стыда, как назвал их Роланд, побледнели, когда он представил себе, как Волки убивают его сына. А может, увозят Бенни на восток, чтобы превратить в рунта.

— Я сожалею, — пробормотал Слайтман. — Сожалею о том, что сделал.

— Кому нужны твои сожаления, — пожал плечами Роланд. — Ка действует, а мир движется.

Слайтман промолчал.

— Я намерен определить тебя в сопровождающие детей, как и говорил, — продолжил Роланд. — Если все пройдет, как я и задумал, участвовать в бою с Волками тебе не придется. Если что-то пойдет не так, как я задумал, помни, что сопровождающими командует Сари Адамс. Потом я с ней поговорю, и ты должен надеяться, что она скажет о тебе только хорошее. Так что в точности выполняй все ее указания, — Слайтман вновь промолчал, так что в голосе Роланда прибавилось резкости. — Скажи мне, что ты меня понял, боги тебя побери. Я хочу услышать: «Да, Роланд, я понял».

— Да, Роланд, я понял тебя очень хорошо, — пауза. — Если мы победим, горожане узнают, как ты думаешь? Узнают... обо мне?

— От Энди не узнают, — ответил Роланд. — Он свое отболтал. От меня тоже, если ты сделаешь все, что обещал. Будет молчать и мой ка-тет. Из уважения не к тебе, а к Джейку Чеймберзу. И если Волки попадут в расставленную мною западню, с чего горожанам подозревать, что Энди — не единственный предатель, — он холодно смотрел на Слайтмана. — Они — наивные люди. Доверчивые. Ты знаешь. Потому что этим пользовался.

Румянец вновь вспыхнул на щеках Слайтмана. Он уставился себе под ноги. Роланд поднял

голову, увидел, что до нужного ему места осталось меньше четверти мили. Удовлетворенно кивнул. На восточном горизонте еще не появилось облако пыли, но он чувствовал, что ждать осталось недолго. Момент встречи с Волками близился. Где-то там, на другом берегу реки, они сходили с поезда и садились на лошадей, чтобы помчаться, как ветер. Ветер из ада.

— Я сделал это ради моего сына, — прошептал Слайтман. — Энди пришел ко мне и сказал, что они обязательно его возьмут. Где-то там, Роланд... — он указал на восток, в сторону Тандерклепа. — Где-то там находятся несчастные существа, которых называют Разрушители. Они — пленники. Энди говорит, что они — телепаты и психикинетики, и, хотя я не знаю этих слов, мне известно, что они связаны с головой. Разрушители — люди, они едят, и еда поддерживает жизнь в их телах, но им нужна и другая еда, особая, чтобы подкармливать их сверхъестественные способности.

— Пища для мозга, — кивнул Роланд. Вспомнил, что мать называла рыбу пищей для мозга. И тут же, безо всякой связи, подумал о ночных странствиях Сюзанны. Только не Сюзанна приходила в полуночный банкетный зал — Миа. Ничья дочь.

— Да, именно так, — согласился Слайтман. — В любом случае, этим что-то обладают только близнецы, это что-то связывает их разумы. И они, не Волки, а те, кто посылал Волков, забирали у детей это что-то. После чего дети превращались в идиотов. Рунтов. Это еда, Роланд, ты понимаешь? Вот почему они забирают детей! Чтобы кормить своих чертовых Разрушителей! Не их желудки или тела, а мозги! И я даже не знаю, что они там разрушают!

— Два Луча, которые все еще держат Башню, — ответил Роланд.

Слайтмана как громом поразило. На лице отразился страх.

— Темную Башню? — прошептал он. — Ты так говоришь?

— Да, — кивнул Роланд. — Кто такой Финли? Финли О'Тего.

— Я не знаю. Голос, который принимает мои сообщения, вот и все. Тахин, я думаю... ты знаешь, кто это?

— А ты?

Слайтман покачал головой.

— Тогда больше не будем об этом. Возможно, со временем я встречу его, и тогда он ответит мне за всех этих детей.

Слайтман молчал, и Роланд чувствовал его сомнения. Что ж, он имел право сомневаться. Разговор подходил к концу, и натяжение невидимой ленты, стягивающей грудь стрелка, начало ослабевать. Впервые он повернулся лицом к Слайтману.

— Энди всегда находил такого, как ты, Слайтман. Я не сомневаюсь, что для этого его и оставили, как не сомневаюсь и в том, что смерть твоей дочери, сестры Бенни, не была случайной. Им всегда требовался один оставшийся в живых близнец и один слабовольный родитель.

— Ты не можешь...

— Молчать. Ты уже сказал все, что мог.

Слайтман замолчал, сидя рядом с Роландом.

— Я понимаю предательство. Мне самому приходилось предавать, однажды даже Джейка. Но это ничего не меняет. Ты остаешься таким, как есть, скажу это прямо. Ты — пожиратель падали. Расти, превратившаяся в стервятника.

Румянец заливал щеки Слайтмана.

— Я сделал это ради моего мальчика, — упрямо повторил он. Роланд плюнул в свою сложенную лодочкой ладонь, потом поднял руку и провел ладонью по щеке Слайтмана. Щека горела от прилившей крови. Потом стрелок взялся за очки, поправил их на переносице.

— Ты не отмоешься. Из-за них. Очками они пометили тебя, Слайтман. Очки — твое

клеймо. Ты говоришь, что сделал это ради своего мальчика, чтобы спать по ночам. Я говорю себе, что предал Джейка, чтобы не потерять шанс спасти Башню... и благодаря этому могу спать по ночам. Разница между нами, единственная разница, состоит в том, что я никогда не брал очков, — он вытер руку о штаны. — Ты продан, Слайтман. И ты забыл лицо своего отца.

— Оставь мне жизнь, — прошептал Слайтман. Он стер со щеки слюну стрелка. По лицу потекли слезы. — Ради моего мальчика.

Роланд кивнул.

— Все и делается ради твоего мальчика. Ты потащил его за собой, как мертвого цыпленка. Ладно, хватит об этом. Если все пройдет, как я задумал, ты сможешь и дальше жить с ним в Калье и стареть, уважаемый соседями. Ты будешь одним из тех, кто сразился с Волками, когда стрелки пришли в город по Тропе Луча. Когда ты не сможешь ходить самостоятельно, он будет ходить с тобой и поддерживать тебя. Я это вижу, и мне не нравится то, что я вижу. Потому что человек, который продает душу за очки, может продать ее вновь, гораздо дешевле, и рано или поздно твой мальчик все о тебе узнает. И самое лучшее, что ты можешь сделать для своего мальчика — погибнуть сегодня смертью героя, — прежде чем Слайтман успел ответить, Роланд поднял руку и закричал. — Эй, Оуверхолсер! Мы на месте! Оуверхолсер! Останавливай фургон. Приехали!

— Роланд... — начал Слайтман.

— Нет, — Роланд натянул вожжи. — Разговор окончен. Только помни, что я тебе сказал, сэй: если у тебя появится шанс умереть сегодня героем, окажи сыну услугу, используй его.

3

Поначалу все шло согласно плану, и они называли это ка. Когда начались накладки и появились первые жертвы, они тоже называли сие ка. Ка, о чем мог бы сказать им стрелок, зачастую последнее объяснение, за которое может зацепиться человек.

4

Роланд растолковал детям, что он от них хочет, еще на лужайке у шатра, под горящими факелами. Теперь, когда рассвело, пусть солнце еще и не поднялось на крыльях, они построились на дороге, как он и просил, от самых старших до самых младших, каждая пара близнецов держалась за руки. Фургоны поставили с левой стороны дороги, так, что колеса, обращенные к кювету, едва в него не сползали. Единственным промежутком в ряду фургонов был съезд на каменистый проселок, уходящий к пересохшим руслам рек и заброшенным шахтам. Вдоль шеренги детей цепочкой рассредоточились смотрители, их число увеличилось до двенадцати за счет Тиана, отца Каллагэна, Слайтмана и Уэйна Оуверхолсера. С другой стороны дороги, у кювета по правую руку, стояли Эдди, Сюзанна, Роза, Маргарет Эйзенхарт и жена Тиана, Залия. У каждой женщине висела на боку плетеная сумка, наполненная тарелками. Коробки с дополнительными орисами спустили в кювет за их спинами. Всего они взяли с собой двести тарелок.

Эдди посмотрел на другой берег реки. Никакой пыли. Сюзанна нервно улыбнулась ему, он — ей. Он знал, это самый трудный момент, момент, когда присутствует страх. Потом красный туман затянет сознание и от страха не останется ни следа. А пока он полностью отдавал себе отчет, что они беспомощны и уязвимы, как черепаха без панциря.

Джейк прошелся вдоль шеренги детей, собирая всякие мелочи: закрутки для волос, пустышку, свистульку, старый башмак с оторванной подошвой, дырявый носок. Два-три десятка вещей. С коробкой вернулся к Роланду.

— Бенни Слайтман! — гаркнул стрелок. — Френк Тавери! Франсина Тавери! Ко мне!

— Эй, а это еще зачем? — отец Бенни незамедлительно встревожился. — Почему ты оставляешь моего сына на линии ог...

— Чтобы он выполнил свой долг, как выполнишь его ты, — ответил Роланд. — Больше ни слова!

Трое детей, которых он позвал, подбежали к нему, встали рядом с Джейком. Лица близнецов Тавери покраснелись, глаза сверкали, они по-прежнему держались за руки.

— Слушайте внимательно, чтобы мне не пришлось повторять ни единого слова, — начал Роланд. Бенни и близнецы Тавери озабоченно наклонились вперед. Джейк держался более уверенно, ему просто не терпелось сорваться с места. Свою роль он знал, знал и то, что потом последует. Должно последовать, если план Роланда реализуется.

Роланд обращался к детям, но говорил достаточно громко, чтобы его слышали и взрослые-сопровождающие. Вы пойдете по проселку и каждые несколько шагов будете что-то бросать на землю, словно вы спешили и что-то падало у вас из карманов и из рук. И я хочу, чтобы вы четверо спешили. Бежать не надо, но идти придется быстрым шагом. Дойдите до того места, где проселок разделяется, это в полумиле отсюда, не дальше. Вы меня поняли? Дальше — ни шагу.

Все четверо энергично кивнули. Роланд перевел взгляд на взрослых.

— Эти четверо уйдут первыми. Через две минуты за ними двинутся остальные, сначала старшие, потом — младшие. Путь им предстоит недалекий, последние пары, возможно, останутся на дороге, — Роланд возвысил голос до командного. — Дети! Когда вы услышите вот этот звук, возвращайтесь! По быстрому возвращайтесь ко мне! — Роланд сунул в рот два пальца левой руки и засвистел так пронзительно, что некоторые дети зажали уши.

— Сэй, если ты хочешь спрятать детей в одной из пещер, зачем им возвращаться? — спросила Аннабель Хавьер.

— Потому что они не пойдут к пещерам, — ответил Роланд. — Они пойдут туда, — он указал на восток. — Леди Ориса позаботится о детях. Они спрячутся в рисе, у самой воды, — они посмотрели в указанном им направлении, и именно тогда увидели пыль.

Волки двинулись к Калье Брин Стерджис.

— Наши друзья спешат к нам, сладенький, — усмехнулась Сюзанна.

Роланд кивнул, повернулся к Джейку.

— Давай, Джейк. Как я и говорил.

Джейк зачерпнул пригоршню мелочевки из коробки, передал их сначала Френку, потом Франсине, Бенни. Грациозно, словно молодой олень, перепрыгнул через левый кювет и быстро зашагал по каменистому проселку. Бенни держался рядом с ним, Френк и Франсина чуть сзади. Буквально через несколько шагов Франсина бросила на землю маленькую детскую шапочку.

— Ладно, — подал голос Оуверхолсер, — что-то я начинаю понимать. Волки увидят детские вещи и окончательно убедятся, что дети спрятаны в одной из пещер. Но зачем посылать на проселок остальных, стрелок? Почему сразу не спрятать их у реки?

— Потому что мы должны исходить из предположения, что Волки могут находить добычу по запаху, как настоящие волки, — ответил Роланд, вновь возвысил голос. — Дети, на проселок!

Старшие — первыми! Каждый держит за руку другого и не отпускает. Все возвращаются по моему свистку!

Первые пары сдвинулись с места. Через кювет им помогали перебираться Каллагэн, Сари Адамс, Хавьеры и Бен Слайтман. На лицах всех взрослых отражалась тревога. На лице Слайтмана еще и недоверчивость.

— Волки свернут с дороги, потому что у них есть основания верить, что дети в пещере, — продолжил Роланд, — но они не дураки, Уэйн. Они будут искать свидетельства того, что дети шли этим проселком, и мы им эти свидетельства предоставим. Если они улавливают запахи, а я готов поставить урожай последнего года, что улавливают, они получают эти запахи, а также увидят разбросанные по проселку ленты, закрутки, башмаки. После того, как запахи основной группы оборвутся, четверка детей, которых я послал к развилке, протянет их дальше. Возможно, запах, оставленный Джейком и компанией, затянет Волков подальше от дороги, возможно — нет. Но к тому времени это уже не будет иметь никакого значения.

— Но...

Роланд его проигнорировал. Повернулся к своему маленькому отряду бойцов. Пятеро, плюс он сам, плюс Джейк. Всего семеро. «Хорошее число, — сказал он себе. — Число силы». Посмотрел на облако пыли. Они поднялось выше, чем пылевые смерчи, вызванные семиноном, и приближалось с пугающей скоростью. Однако, Роланд полагал, что времени у них хватит.

— Слушайте внимательно, — он обращался к Залии, Маргарет и Розе. Члены ка-тета уже знали секрет, который шепнул на ухо Эдди дед Тиана на крыльце дома Джеффрисов. — Волки — не люди и не монстры; они — роботы.

— Роботы! — воскликнул Оуверхолсер, скорее изумленно, чем недоверчиво.

— Ага, и моему ка-тету уже приходилось иметь с такими дело, — Роланд думал о поляне, где издыхал громадный медведь-киборг. Они надевают капюшоны, чтобы скрыть маленькие вращающиеся штуковины на макушке. Они, возможно, такой ширины и высоты, — Роланд показал, что ширина сенсорного блока пять дюймов, в высоту — два. — Именно такую штуковину и срубила Молли Дулин своей тарелкой. Попала в нее случайно. Мы же будем стрелять в них осознанно.

— Думающие шапочки, — вставил Эдди. — Их связь с окружающим миром. Без них Волки — куча собачьего дерьма.

— Цельтесь сюда, — Роланд поднял правую руку на дюйм над темечком.

— Но грудь... жабры в груди... — в голосе Маргарет слышалось крайнее недоумение.

— Сказки для детей, — ответил Роланд. — Цельтесь в верхнюю часть капюшона.

— Когда-нибудь я надеюсь узнать, почему нам на уши навесили так много лапши, — процедил Тиан.

— Надеюсь, такой день придет, — кивнул Роланд, — последние из детей, самые маленькие, ступили на проселок, держась за руки. Старшие, должно быть, уже ушли на восьмую часть мили. Квартет Джейка прошел уже четверть. Роланд решил, что этого достаточно, повернулся к сопровождающим.

— Сейчас они повернут назад. Переведете их через дорогу и пусть идут по соседним проходам между стеблями, — он махнул рукой на кукурузное поле. — Надеюсь, мне не надо говорить вам, что стебли трогать нельзя, особенно, растущие у дороги? Чтобы Волки ничего не заметили?

Они покачали головами.

— У края рисового поля заведите их в одну из дренажных канав. По канаве спуститесь к самой реке, а там, где рис густой и зеленый, уложите детей в воду, — он развел руками, его синие глаза сверкали. — Распределите их по полю. Взрослые должны занять позиции со

стороны реки. Если возникнут проблемы, появятся новые Волки, случится что-то еще, беды нужно ждать именно оттуда.

И, не давая им шанса задать вопросы, Роланд вновь сунул два пальца левой руки в уголки рта и пронзительно свистнул. Воун Эйзенхарт, Крелла Ансельм и Уэйн Оуверхолсер присоединились к остальным сопровождающим и начали кричать самым маленьким, чтобы те возвращались на дорогу. Эдди, тем временем, вновь оглянулся и поразился, увидев, насколько сократилось расстояние между облаком пыли и рекой. С другой стороны, такая скорость не могла показаться удивительной тем, кто знал, что скачут Волки не на настоящих лошадях, а на механических устройствах, которые только выглядели, как лошади. «Прямо-таки флот полицейских „шеви“», — подумал он.

— Роланд, они быстро приближаются! Чертовски быстро!

Стрелок оглянулся.

— Мы успеем.

— Ты уверен? — спросила Роза.

— Да.

Самые маленькие уже переходили дорогу, держась за руки, с большущими от страха и волнений глазами. Их вели Кантаб-Мэнни и его жена, Ара. Она велела им идти по проходам между кукурузными стеблями и не задевать их.

— Почему, сэй? — спросил один мальш, не старше четырех лет. На промежности его комбинезона расплывалось темное пятно. — Початки-то уже собраны.

— Это такая игра, — ответил ему Кантаб. — Она называется «Не задень стебель», — он запел. Некоторые дети присоединились к нему, но в большинстве испуганно молчали.

Близнецы пересекали дорогу, становясь выше и старше, а Роланд вновь посмотрел на восток. Прикинул, что Волкам понадобится еще десять минут, чтобы добраться до берега Уайе, этих десяти минут им вполне хватало, но, боги, какие же они быстрые! В голову пришла мысль, что Бенни Слайтмана и близнецов Тавери следовало оставить наверху. В плане этого не было, но, когда дело близится к развязке, планы практически всегда начинали меняться. Их приходилось менять.

Последняя пара пересекла дорогу, из сопровождающих на ней остались только Оуверхолсер, Каллагэн, Слайтман-старший и Сари Адамс.

— Идите, — приказал им Роланд.

— Я хочу подождать моего мальчика! — запротестовал Слайтман.

— Идите!

Слайтман хотел возразить, но Сари Адамс коснулась одного его локтя, а Оуверхолсер взялся за второй.

— Пошли, — сказал Оуверхолсер. — Он позаботится о твоём мальчике, как о своём.

Слайтман бросил на Роланда взгляд, полный сомнений, переступил через кювет и вместе с Оуверхолсером и Сари двинулся следом за последними близнецами.

— Сюзанна, покажи им укрытие.

Они проследили за тем, чтобы дети перебирались через кювет со стороны реки достаточно далеко от того места, где днем раньше они вырыли укрытие. Теперь же Сюзанна кульями отбросила листья, ветки, кукурузные стебли, обычное содержимое придорожного кювета по осени. Открылась черная дыра.

— Это окоп, — в голос слышались чуть ли не извиняющиеся нотки. — Поверху положены доски. Легкие, откинуть их — пара пустяков. Роланд сделал... ну не знаю, как вы здесь это называете, а там, откуда я пришла, это называется перископом, такое устройство с зеркалами внутри, которое позволяет видеть из окопа, что происходит на дороге... чтобы мы могли

подняться в нужный момент. Когда мы это сделаем, доски разлетятся в разные стороны.

— Где Джейк и остальные трое? — спросил Эдди. — Они уже должны вернуться.

— Еще рано, — ответил Роланд. — Успокойся, Эдди.

— Я не могу успокоиться и уже не рано. Мы, как минимум, должны их видеть. Я пойду туда...

— Мы должны уничтожить как можно больше Волков до того, как они сообразят, что происходит. А это значит, что основные наши силы должны быть здесь, у них за спиной.

— Роланд, что-то не так.

Стрелок проигнорировал его слова.

— Леди-сэи, забирайтесь в окоп, пожалуйста. Дополнительные коробки с тарелками будут с вашей стороны. Мы лишь закидаем их листьями.

Он смотрел на другую сторону дороги, когда Залия, Роза и Маргарет полезли в дыру, открытую Сюзанной. Каменистый проселок к заброшенным шахтам оставался пустынным. Ни Джейка, ни Бенни, ни близнецов Тавери. Роланд начал склоняться к тому, чтобы признать правоту Эдди: что-то пошло не так.

6

Джейк и его спутники быстро и без проблем добрались до развилки. Джейк бросил в сторону «Глории» сломанную трещотку, в сторону «Красных птиц» — девчачий браслет из шерстяных нитей. «Выбирайте, — подумал он, — и пусть каждая дорога станет для вас проклятой».

Повернувшись, увидел, что близнецы Тавери уже двинулись в обратный путь. Бенни дожидался его, побледневший, с горящими глазами. Джейк кивнул ему, заставил себя ответить улыбкой на улыбку Бенни.

— Пошли.

Тут до них донесся свист Роланда, и близнецы побежали, несмотря на камни и сухие ветки, в избытке валяющиеся на проселке. Они по-прежнему держались за руки, обегая препятствия, через которые не могли перепрыгнуть.

— Эй, не бегите! — крикнул Джейк. — Он велел не бежать и смотреть под...

В этот самый момент нога Френка Тавери провалилась в нору или промоину. Джейк услышал, как противно хрустнула лодыжка, по перекосившемуся лицу Бенни понял, что услышал и тот. Френк застонал и повалился набок. Франсина попыталась его удержать, он слишком много весил. Грохнулся оземь, ударился головой о скальный выступ. Из рваной раны тут же потекла кровь, засверкавшая в утреннем свете.

«Беда, — подумал Джейк. — На нашем пути».

Бенни таращился на лежащего на земле Френка, его лицо позеленело. Франсина опустилась на колени рядом с братом, его нога изогнулась под немыслимым углом, ступня оставалась в норе. Она тяжело, со всхлипами дышала. Потом всхлипы, как отрезало. Глаза Франсины закатились под веки, и она, потеряв сознание, упала на брата.

— Пошли, — Джейк повернулся к Бенни, но тот стоял столбом, таращась на близнецов. Джейк ущипнул его за плечо. — Ради твоего отца!

Эти слова заставили Бенни сдвинуться с места.

7

Джейк увидел все хладнокровным, ясным взглядом стрелка. Кровь на скальном выступе. Клок волос на нем же. Слюна на губах Френка Тавери. Округлость груди его сестры, распростершейся на брате. Приближающиеся Волки. Об этом сказал ему не свисток Роланда, а телепатия. «Эдди, — подумал он. — Эдди хочет прийти сюда».

Джейк никогда не использовал телепатию для мысленного общения, но тут предпринял такую попытку: «Оставайтесь на месте! Если мы не успеем вернуться, то попытаемся спрятаться, чтобы они не заметили нас, проезжая мимо. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ПРИХОДИТЕ СЮДА! НЕ СТАВЬТЕ ПОД УДАР НАМЕЧЕННЫЙ ПЛАН!»

Он понятия не имел, дошло ли его сообщение до адресатов, но точно знал, что ни на что другое времени у него нет. А тем временем Бенни... что? Что такое *le mot juste*? Миссис Эйвери в школе Пайпера только и повторяла *le mot juste*. Тут он вспомнил. Говорить быстро и невнятно. Вот так Бенни и говорил, слова налезали одно на другое.

— Что же нам делать, Джейк? Человек-Иисус, они оба без сознания! А только что все было хорошо! Они бежали, а потом... а если сейчас придут Волки? Что если они придут, когда мы будем на дороге? Нам лучше оставить их, как ты думаешь?

— Мы не можем оставить их, — ответил Джейк. Наклонился, схватил Франсину за плечи. Рывком посадил ее, с тем, чтобы она не придавливала брата и он мог дышать. Ее голова откинулась назад, волосы напоминали черный шелк. Веки дрогнули, под ними виднелись только белки. Не раздумывая, Джейк влепил ей пощечину. Со всей силы.

— О! О! — ее глаза открылись, синие, прекрасные, потрясенные.

— Поднимайся! — крикнул Джейк. — Встань с него!

Сколько прошло времени? Как стало тихо после того, как дети повернули к дороге! Ни щебетания птиц, ни криков расти. Он ждал второго свистка Роланда, но тот и не думал свистеть. Действительно, зачем? Одного вполне хватило.

Франсина скатилась на землю, потом с трудом поднялась.

— Помоги ему... пожалуйста, сэй, умоляю...

— Бенни, мы должны вытащить его ногу из этой норы, — Бенни опустился на одно колено по другую сторону от распростертого на проселке подростка. Его лицо оставалось бледным, но губы сжались в тонкую полоску, что, по мнению Джейка, обнадеживало. — Возьмись за плечо.

Бенни ухватился за правое плечо Френка Тавери. Джейк — за левое. Их взгляды встретились над телом лежащего без сознания подростка. Джейк кивнул.

— Давай!

Они разом потянули. Глаза Френка Тавери раскрылись, такие же синие и прекрасные, как у сестры, из груди исторгся пронзительный крик. Но нога не освободилась.

Застряла крепко.

Теперь у облака пыли появилось серо-зеленое основание, и они уже слышали топот множества копыт. Три женщины Кальи уже залезли в окоп. В кювете остались только Роланд, Эдди и Сюзанна. Все трое смотрели на пустынный проселок, уходящий к пещерам.

— Я что-то слышала, — нарушила молчание Сюзанна. — Думаю, кто-то из них поранился.

— Роланд, я пойду к ним, — повернулся к стрелку Эдди.

— Этого хочет Джейк или ты? — спросил Роланд.

Эдди покраснел. Он слышал, что сказал Джейк в его голове, не слова — мысль, и предположил, что то же самой услышал и Роланд.

— Около реки почти сотня детей, на проселке — только четверо. Залезай в окоп, Эдди. И ты, Сюзанна.

— А ты? — спросил Эдди.

Роланд глубоко вдохнул, выдохнул.

— Я помогу, если получится.

— Ты не собираешься идти к нему, не так ли? — в глазах Эдди читалось нарастающее удивление. — Ты же не собираешься...

Роланд посмотрел на облако пыли, на серо-зеленое основание, которому уже через минуту предстояло начать разделяться на отдельных лошадей и всадников. Всадников с оскаленными волчьими масками под зелеными капюшонами. Они не скакали к реке — летели к ней.

— Нет, — ответил Роланд. — Не могу. Залезай в окоп.

Эдди еще с мгновение постоял, положив руку на рукоятку большого револьвера, губы на побледневшем лице беззвучно шевелились. Потом отвернулся от Роланда, схватил Сюзанну за руку. Опустился рядом с ней на колени, следом за ней проскользнул в дыру. Теперь в кювете остался только Роланд, с большим револьвером на левом бедре. Через дорогу он смотрел на проселок и не видел ни Джейка, ни остальных.

9

Бенни Слайтман отличался крепким телосложением, но он не мог в одиночку сдвинуть глыбу, которая держала ногу Френка Тавери. Джейк увидел это после первой попытки. Его разум (хладнокровная часть разума) попытался сравнить вес паренька, попавшего в капкан, и камня, ставшего частью капкана. Получалось, что камень весил больше.

— Франсина.

Она посмотрела на него мокрыми от слез, полуслепыми от горя глазами.

— Ты его любишь?

— Ага, всем сердцем!

«Он и есть твое сердце, — подумал Джейк. — Это хорошо».

— Тогда помоги нам. Когда я скажу, тяни на себя изо всей силы. Не обращай внимания на крики, все равно тяни.

Она кивнула, вроде бы поняла. Он очень на это надеялся.

— Если мы не сможем освободить ногу на этот раз, нам придется оставить его здесь.

— Я его не оставлю! — прокричала Франсина.

На спор времени не было. Джейк встал рядом с Бенни, ухватился на плоскую скальную глыбу. Под ее зазубренным краем окровавленная голень Френка уходила в черную дыру. Подросток уже полностью оклемался и тяжело дышал. В левом глазу стоял ужас. Правый залила кровь. Над ухом кровоточила рваная рана.

— Мы попытаемся приподнять глыбу, а ты потянешь его на себя, — сказал Джейк Франсине. — На счет три. Готова?

Когда она кивнула, волосы упали на лицо, словно полог. Она не попыталась убрать их, обеими руками ухватила брата под мышки.

— Франсина, не причини мне боли, — простонал он.

— Заткнись, — бросила она.

— Один, — начал Джейк. — Тяни изо всей силы, Бенни. Пусть порвутся мышцы, но глыбу надо сдвинуть.

— Можешь на меня рассчитывать.

— Два. Три.

Они потянули, крича от напряжения. Глыба сдвинулась. Франсина со всей силы дернула брата на себя, тоже вскрикнула.

Но все перекрыл крик Френка Тавери, когда его ступня вырвалась из западни.

10

Роланд услышал несколько криков, которые перекрыл вопль боли. Что-то там случилось и Джейк принял какие-то меры. Но хватило их для того, чтобы выправить ситуацию?

Брызги засверкали в утреннем свете: Волки переправлялись через Девар-Тете Уайе. Роланд видел их ясно и отчетливо, ехали они по пять-шесть в ряд. Он прикинул, что всего Волков порядка шестидесяти. Им предстояло скрыться за поросшим травой холмом, склон которого сбегал к реке, появиться вновь, в миле отсюда. Потом они исчезли бы в последний раз, за последним холмом, отделяющим их от проселка, ведущего к заброшенным шахтам. Они скрылись бы за ним все, если б и дальше ехали плотной группой, и это будет последний шанс для Джейка добраться до кювета, для них всех — залезть в окоп.

Он смотрел на проселок, надеясь увидеть на нем детей, хотя бы увидеть Джейка, но проселок оставался пустынным.

Волки уже поднимались на западный берег, капли воды, летящие во все стороны сверкали в лучах восходящего солнца, как золото. Из-под копыт летели комья земли и фонтаны песка. Нарастал топот копыт.

11

Джейк подлез под одно плечо, Бенни — под другое. И понесли Френка по проселку, чуть ли не бегом, не обращая внимания, куда ступают ноги. Франсина не отставала ни на шаг.

Когда миновали последний поворот, Джейк едва не вскрикнул от радости, увидев стоящего в кювете Роланда, с левой рукой на рукоятке револьвера, в шляпе, сдвинутой на затылок.

— Это мой брат! — закричала ему Франсина. — Он упал! Его нога попала в нору!

Роланд внезапно исчез.

Франсина огляделась, не в испуге, просто ничего не понимая.

— Что..?

— Тихо, — оборвал ее Джейк, не зная, что еще сказать. Или сделать. Если и стрелок не знал, им оставалось только одно: умереть на проселке.

— Моя лодыжка... горит, — прохрипел Френк Тавери.

— Заткнись.

Бенни рассмеялся. Где-то от шока, но где-то и от комичности ситуации. Джейк чуть отклонился назад, посмотрел на него поверх головы стонущего, окровавленного Френка Тавери... и подмигнул. Бенни ответил тем же. Они вновь стали закадычными друзьями.

12

Сюзанна лежала в темноте окопа, с Эдди слева, уткнувшись носом в опавшую листву, когда сильнейшая схватка скрутила низ живота. И, едва она успела почувствовать схватку, как жуткая,

острая боль пробила левую часть мозга, казалось, парализовав и половину лица, и шею. В тоже самое мгновение перед ее мысленным взором возник огромный банкетный зал: блюда в ветчиной, фаршированной рыбой, дымящимися стейками, бутылками шампанского, чашами с подливой, кувшинами красного вина. Она услышала звуки пианино, поющий голос. Голос этот переполняла щемящая грусть. «Кто-то спас, кто-то спас, кто-то сегодня спас мне жиз-з-знь» — пел голос.

«Нет!» — прокричала Сюзанна силе, которая пыталась ее поглотить. Было у этой силы имя? Естественно. Ее звали Мать, ее рука качала колыбельку. А рука, которая качает колыбельку, правит ми...

«Нет! Ты должна позволить мне довершить это дело. Потом, если захочешь взять контроль над телом, я тебе помогу! Я тебе помогу! Но, если попытаешься проделать это сейчас, я буду бороться изо всех сил! И, если придется покончить с собой и убить твоего драгоценного малого, я на это пойду! Ты меня слышишь, сука?»

На мгновение не было ничего, кроме темноты, ноги Эдди, прижимающейся к ее ноге, онемения левой половины лица, нарастающего топота копыт, едкого запаха опавшей листвы, дыхания Сестер, готовящихся к битве. А потом прозвучали слова, ясно и отчетливо, и их источник находился чуть повыше и позади левого глаза. Миа впервые заговорила с ней.

«Веди свой бой, женщина. Я даже помогу тебе, если сумею. А потом сдержи слово».

— Сюзанна? — прошептал Эдди. — Ты в порядке?

— Да, — ответила она. И не обманула. Пронзающая мозг боль ушла. Голос ушел. Онемение ушло. Но Миа ждала, затаившись совсем близко.

13

Роланд лежал на животе в кювете, наблюдая за Волками глазом воображения и глазом интуиции, а не теми, что находились по сторонам носа. Волки находились между склоном, сбегающим к реке, и последним, разделяющим их холмом, мчались на полной скорости, с развевающимися за спиной плащами. За холмом они могли находиться семь секунд. Семь секунд, если продолжали бы скакать плотной колонной и первые ряды не начали бы отрываться от последних. Семь секунд, если он правильно рассчитал скорость. Если правильно, у него будет пять секунд, чтобы подать сигнал Джейку. Или семь. Если правильно, у них будут эти самые пять секунд, чтобы пересечь дорогу. А если он ошибся (или остальные промедлят), Волки увидят или мужчину в кювете, или детей на дороге, или их всех. На таком расстоянии Волки не смогут применить оружие, но легче от этого не будет, потому что тщательно подготовленный план сорвется и ударить из засады уже не удастся. Оптимальный вариант — остаться в кювете и предоставить детей своей судьбе. Черт, четверо подростков на проселке окончательно убедят Волков в том, что остальные дети спрятаны в одной из заброшенных шахт.

«Хватит раздумий, — раздался в голове голос Корта. — Если решил действовать, червяк, это твой единственный шанс».

Роланд вскочил. Прямо перед ним, за горкой валунов, обозначавшей поворот на проселок с Восточной дороги, стояли Джейк и Бенни Слайтман, поддерживающие с обеих сторон Френка Тавери. Роланд увидел, что у подростка окровавлены голова и ноги. Оставалось только гадать, что с ним случилось. Из-за его плеча выглядывала Франсина. В это мгновение они выглядели, не просто как близнецы, но как каффин-близнецы, сросшиеся телами.

Роланд махнул обеими руками: «Ко мне, быстро! Ко мне!» И одновременно посмотрел на дорогу, уходящую к холму. Никаких Волков. На несколько мгновений холм их отрезал.

Джейк и Бенни перебежали через дорогу, таща на себе покалеченного подростка. Сапоги Френка Тавери оставили свежие борозды на огане. Роланду оставалось только надеяться, что Волки не обратят внимание именно на эти две полосы, потому что свежих следов около съезда на проселок хватало.

Девушка их даже обогнала. «Ложись! — рывкнул Роланд, ухватил Франсину за плечо и буквально швырнул в кювет. — Ложись, ложись, ложись!» Он упал рядом с ней, Джейк — на него. Роланд почувствовал спиной, как бешено колотилось сердце мальчика.

Топот копыт нарастал с каждой секундой. Увидели их всадники, скакавшие впереди? Узнать невозможно, но очень скоро им предстояло получить ответ на этот вопрос. А пока оставалось только одно: следовать намеченному плану. Разместить и в без того тесном окопе трех лишних человек. Но, если Волки увидели, как Джейк и остальные перебежали дорогу, их всех бы уничтожили до того, как они успели бы выстрелить или бросить тарелку. Впрочем, времени тревожиться об этом не было. У них оставалась минута, может и сорок секунд, которые стремительно таяли.

— Слезь с меня и в укрытие, — бросил он Джейку. — Быстро.

Тяжесть исчезла с его спины: Джейк ящерицей скользнул в окоп.

— Ты следующий, Френк Тавери. И чтоб ни звука. Через две минуты сможешь орать, сколько влезет, но сейчас держи рот на замке. Это относится ко всем вам.

— Я буду молчать, — прохрипел подросток. Бенни и сестра Френка кивнули.

— В какой-то момент мы встанем и начнем стрелять, — предупредил Роланд. Вы трое, Френк, Франсина, Бенни, останетесь лежать. Лежать на дне, — он помолчал. — Если хотите жить, не мешайте нам. Не попадайтесь под руку.

Роланд лежал в темноте, вдыхая запахи земли и опавших листьев, прислушиваясь к тяжелому дыханию детей слева от него. Дыхание это очень быстро заглушил топот приближающихся копыт. Глаз воображения и глаз интуиции открылись вновь, шире, чем прежде. Он понимал, что через тридцать секунд, может, даже через пятнадцать, красная пелена битвы закроет эти глаза, но пока он видел все, и увиденное полностью отвечало его ожиданиям. И почему нет? Человеку нет никакого смысла представлять себе, что его планы порушились.

Он видел близнецов Кальи, лежащих, как трупы, на поле, густо заросшем зеленым рисом, видел как грязь проникает сквозь рубашки и штаны. Видел взрослых, занявших позицию позади них, там, где поле практически переходило в реку. Он видел Сари Адамс с плетеной сумкой, полной тарелок, видел Ару-Мэнни с несколькими тарелками, ибо она тоже умела их бросать (хотя, будучи одной из Мэнни, не могла стать Сестрой Орисы). Видел мужчин, Эстраду, Ансельма, Оуверхолсера, прижимающих к груди арбалеты. А вот Воун Эйзенхарт взял с собой винтовку, которую Роланд почистил и смазал. На дороге, со стороны реки, он видел накатывающихся на них ряды всадников на серых лошадях, в зеленых плащах. Теперь они сбавляли ход. Солнце поднялось достаточно высоко и металл волчьих масок блестел в его лучах. Самое забавное состояло в том, что под масками металла было куда больше. Роланд позволил глазу воображения подняться выше, в поисках других всадников, отряда, который, к примеру, рвался к городу с незащищенной, южной стороны. Не увидел. Его мысленный взор свидетельствовал о том, что все Волки находились здесь, на Восточной дороге. И если им суждено угодить в западню, с таким тщанием заброшенную Роландом и ка-тетом Девяносто девяти, произойти это могло только здесь. Он видел фургоны, стоявшие вдоль дальнего кювета,

первый в нескольких ярдах от съезда на проселок со стороны города. Подумал о том, что следовало распрячь мулов и лошадей, но, разумеется, нераспряженными они выглядели более убедительно, наглядным доказательством спешки. Он видел проселок, ведущий к сухим руслам рек, к шахтам, заброшенным и работающим, к пещерам над ними. Видел, что Волки, скачущие в первом ряду, натянули поводья, видел оскал их механических жеребцов. Видел дорогу и проселок их глазами, картинки, «заснятые» не теплым человеческим глазом, но холодным объективом, вроде тех, что печатались в «Магда-синах». Видел детскую шапочку, которую бросила Франсина Тавери. Его мозг стал не только глазом, но и носом, он чуял слабый, но очень уж явный запах детей. Чуял что-то ядреное и жирное... то вещество, которое Волки забирали у увезенных в Тандерклеп детей. Его мозг обладал не только носом, но и ухом, и он слышал те самые пощелкивания, которые издавал Энди, то самое низкое жужжание реле, сервомоторов, гидравлических насосов, Бог знает каких еще механизмов. Мысленным взором он видел, что Волки в первую очередь изучают хаотические следы на дороге (он надеялся, что следы кажутся им хаотическими), потом смотрят на проселок. Потому ему не пошло бы на пользу представлять себе, что они смотрят в другую сторону, готовясь испепелить десять человек, спрятавшихся в кювете. Нет, они смотрели на проселок, в сторону пещер. Должны были смотреть на проселок. Они чуяли детей, может, их страх, а также вещество, запрятанное в мозгу каждого из них. Они видели вещи, которые оставляли дети, пытаясь спрятаться от них. Они сидели на своих механических лошадях и смотрели на проселок.

«Идите же, — молчаливо молил он. Почувствовал, как шевельнулся Джейк, уловив его мысль. Чего там, молитву. — Идите же. Идите за ними. Возьмите то, что вам нужно».

И тут один из Волков чем-то громко щелкнул. Мгновение позже коротко взвыла сирена. За сиреной последовал трескучий свист, какой Джейк уже слышал в «Догане». И после этого лошади вновь пришли в движение. Поначалу их копыта мягко застучали по оггану, потом, уже громче, по каменистому проселку. Других звуков не было. Эти лошади не всхрапывали, ни ржали, как запряженные в фургоны. Роланду этих звуков хватило. Они ухватили наживку. Он вытащил револьвер из кобуры. Рядом с ним вновь шевельнулся Джейк, и Роланд знал, что мальчик повторил его маневр.

Он сказал им, что они увидят, поднявшись из укрытия. Примерно четверть Волков будут находиться по одну сторону от проселка, повернувшись к холму, который обогнули последним. Еще четверть — по другую его сторону, повернувшись к Калье Брин Стерджис. Возможно, там Волков будет даже чуть больше, потому что Волки, точнее, программисты Волков, полагали, что неприятностей следовало ждать с той стороны. А остальные? Тридцать или более Волков? Уже на проселке, направляются к шахтам, где, по их мнению спрятаны дети.

Роланд начал считать до двадцати, но, добравшись до девятнадцати, решил, что насчитал достаточно. Подобрал под себя ноги, от сухого скрута не осталось и следа, и вскочил, одновременно поднимая револьвер отца.

— За Гилеад и Калью! — проревел он. — Вперед, стрелки! Вперед, Сестры Орисы! Вперед, вперед! Убейте их! Пленных не брать! Убейте их всех!

Они выросли из-под земли, как зубы дракона. Доски разлетелись в разные стороны, вместе с травой и листьями. Роланд и Эдди, каждый с большим револьвером с рукояткой из сандалового дерева. Джейк, с «ругером» отца. Маргарет, Роза и Залия, с тарелкой, занесенной над левым плечом. Сюзанна, с двумя тарелками, обхватив грудь руками, словно замерзла.

Волки расположились, как Роланд и видел их своим мысленным взором, взглядом хладнокровного киллера. Но не успел похвалить себя за дар предвидения: все чувства и эмоции скрыла красная плена. Как и всегда, он не испытывал радости от того, что чувствовал такой невероятный жизненный подъем, готовясь нести смерть. «Все всегда заканчивается пятью минутами крови и глупости», — говорил он им, и отсчет этих пяти минут уже пошел. Он также говорил им, что потом ему становилось тошно, и, пусть говорил правду, мог бы сказать и другое: только в начале боя он по настоящему чувствовал себя самим собой. А то, что перед ним были роботы, никакого значения не имело. Абсолютно никакого! Значение имело другое: многие поколения они пользовались беззащитностью тех, на кого нападали, а на этот раз их захватили врасплох.

— Верх капюшона! — прокричал Эдди, и револьвер Роланда в его правой руке с грохотом изрыгнул огонь. — Верх капюшона, стреляйте по думающим шапочкам!

И, подтверждая правильность его слов, у трех Волков справа от проселка верхняя часть капюшонов дернулась, словно схваченная невидимыми пальцами. Все троих вышибло из седел, они повалились на дорогу. В истории, рассказанной дедом Тиана, Волк, которого свалила Молли Дулин, еще долго дергался, но эти трое застыли под копытами своих лошадей, как камни. Молли, возможно, только задела сенсорный блок, но Эдди разнес его вдребезги.

Роланд тоже начал стрелять, от бедра, вроде бы небрежно, но каждая пуля находила цель. Он укладывал тех, кто последними свернул на проселок, чтобы создать баррикаду для остальных, уехавших дальше.

— Риса летит в цель! — вскричала Розалита Мунос. Ее тарелка просвистела над Восточной дорогой и аккуратно срезала верхнюю часть капюшона Волка на проселке, пытавшегося развернуть лошадь. Волк взлетел вверх тормашками и тяжело рухнул на землю.

— Риса! — Маргарет Эйзенхарт.

— За моего брата! — Залия.

— Леди Риса пришла за вашими задницами! — Сюзанна одновременно бросила две тарелки, они полетели в разные стороны, и обе нашли добычу. Куски зеленой материи, казалось, зависли в воздухе. Волки, у которых отрезало верхнюю часть капюшонов, добрались до земли гораздо быстрее.

Яркие огненные стержни полыхнули в утреннем свете: сталкивающиеся друг с другом всадники активировали энергетическое оружие. Джейк отстрелил сенсорный блок первому, кто успел это сделать, и он упал на свой же огненный меч. Плащ загорелся, лошадь подалась в сторону, наткнулась на опускающуюся лучевую трубку всадника слева. Ее голова отлетела, открыв переплетение проводов, между которыми пробегали искры. Со всех сторон завывали сирены, включились адские системы охранной сигнализации.

Роланд думал, что Волки, расположившиеся между проселком и городом, рванут к Калье Брин Стерджис, чтобы отомстить за засаду. Вместо этого девять оставшихся (шесть первыми выстрелами снял Эдди) сумели развернуть лошадей и попытались атаковать. Двое или трое метнули жужжащие серебристые шары.

— Эдди! Джейк! Снитчи! Слева от вас!

Они развернулись в указанном направлении, оставив женщин, которые, как могли быстро, бросали тарелки, одну за другой доставая их из плетеных сумок. Джейк стоял, расставив ноги, с пистолетом в правой руке, левой поддерживая за запястье правой. От резкого движения волосы отбросило со лба, его глаза широко раскрылись, он улыбался. Трижды он нажал на спусковой крючок. На мгновение в памяти мелькнул день, когда в лесу он стрелял по глиняным тарелкам. На этот раз цель его была куда опаснее, и он этому радовался. Радовался. Первые три снитча разорвались, вспыхнув синим огнем. Четвертый летел прямо на него. Джейк присел, услышал,

как он прожужжала над головой. Он знал, что снитч развернется и попытается нанести новый удар.

Но, прежде чем успела, Сюзанна метнула тарелку. Со свистом она врезалась в снитч, оба взорвались. Осколки полетели на кукурузное поле, некоторые сухие стебли загорелись.

Роланд перезаряжал револьвер, дымящийся ствол смотрел в землю между ног. То же самое делали Эдди и Джейк.

Волк перепрыгнул через гору лошадей и волков у съезда на проселок, зеленый плащ развивался за его спиной. Тарелка Розы срезала верх капюшона, на мгновение открыв вращающийся сенсорный блок, похожий на тот, что они видели у киборга-медведя. Только там блок этот едва шевелился, а тут бешено вращался. А мгновением позже Волк повалился на лошадей, впряженных в фургон Оуверхолсера. Лошади испуганно заржали, подались назад, фургон сдвинулся с места, наехал на четырех мулов второго фургона. Они попытались вырваться, но привело это лишь к тому, что фургон Оуверхолсера завалился в кювет. Лошадь убитого Розой Волка скакнула вперед, зацепились передними ногами за другого, лежащего на дороге Волка, повалилась рядом с изогнувшейся под немыслимым углом передней правой ногой.

Разум Роланда целиком превратился в глаз. Он перезарядил револьвер. Волки, заехавшие на проселок, не могли прорваться сквозь груды тел, как он и надеялся. Группу из пятнадцати Волков со стороны города они практически уничтожили: только двоим удалось удержаться в седле. Волки справа пытались атаковать край окопа, защищаемый тремя Сестрами Орисы и Сюзанной. Двух Волков по левую руку Роланд оставил Эдди и Джейку, а сам подскочил к Сюзанне и открыл огонь по Волкам, атакующим справа. Один замахнулся, чтобы бросить снитч, но не успел, пуля Роланда разнесла его думающую шапочку. Роза сняла другого, Маргарет Эйзенхарт — третьего.

Маргарет наклонилась, чтобы взять следующую тарелку, а когда поднялась, лучевая трубка отсекла ей голову и, с горящими волосами, она покатилась по дну окопа. И реакция Бенни оказалась вполне предсказуемой, потому что в Маргарет Эйзенхарт он нашел вторую мать. Когда горящая голова подкатилась к нему, он оттолкнул ее, вылез из окопа, побежал, ничего не видя перед собой, крича от ужаса.

— Бенни, нет, назад! — крикнул Джейк.

Два оставшихся слева Волка бросили серебристые шары смерти в бегущего, кричащего подростка. Одну Джейк сшиб, вторую никак не мог. Снитч ударил Бенни Слайтмана в грудь, и он буквально взорвался. Целой осталась только одна рука, приземлившаяся на дорогу ладонью вверх.

Сюзанна отрубила сенсорный блок Волку, убившему Маргарет одной тарелкой, второй уложила того, кто убил приятеля Джейка. Вытащила из сумок новые рисы, когда лошадь одного из атакующих Волков сшибла с ног Роланда. Волк занес меч над стрелком. Сюзанне меч этот напомнил красно-оранжевую неоновую трубку.

— Хрен тебе, сукин сын! — крикнула Сюзанна, метнула тарелку, которую держала в правой руке. При соприкосновении тарелки с мечом последний взорвался у рукоятки, оторвав Волку руку. А мгновением спустя тарелка, брошенная Розой, ампутировала ему сенсорный блок, и Волк повалился в окоп, уставившись оскаленной маской в лица парализованных страхом близнецов Тавери, которые, обнявшись, лежали на дне. Маска сразу же начала дымиться и таять.

Выкрикивая имя Бенни, Джейк пересек Восточную дорогу, перезаряжая на ходу «ругер», не замечая, что идет по крови убитого друга. Справа от него Роланд, Сюзанна и Роза добивали пять Волков, оставшихся от группы, что блокировала дорогу со стороны холма. Всадники кружились

на месте, не зная, что делать в такой ситуации.

— Нужна помощь, дружище? — спросил его Эдди. Со стороны города все Волки валялись на дороге. Только одному удалось добраться до кювета. Он и лежал, уткнувшись головой в дно, а ноги в сапогах остались на дороге. Остальная часть тела скрывалась под зеленым плащом. Он напоминалдохлое насекомое, не сумевшее выбраться из кокона.

— Конечно, — ответил Джейк. Говорил или думал? Он этого не знал. Сирены продолжали выть. — Почему нет? Они убили Бенни.

— Знаю. Это ужасно.

— Лучше бы убили его гребаного отца, — Джейк не знал, плачет ли он.

— Согласен. Держи подарок, — в руку Джейка Эдди положил пару шаров диаметром примерно в три дюйма. Поверхность напоминала сталь, но при сжатии подавалась под рукой, словно мячик из упругой резины. На маленькой табличке Джейк прочитал:

СНИТЧ

МОДЕЛЬ «ГАРРИ ПОТТЕР»

Серийный № 465-11-AA HPJKR

ОБРАЩАТЬСЯ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ

ВЗРЫВООПАСНО

Слева от таблички имелась кнопка. Какая-то отстраненная часть мозга Джейка задалась вопросом, кто такой Гарри Поттер. Скорее всего, изобретатель снитча.

Они подошли к груде мертвых Волков, перегородивших съезд на проселок. Возможно, машины не могли считаться мертвыми, но Джейк не мог воспринимать их иначе. Мертвые, и все тут. И его радовало, что они мертвы. За спиной раздался взрыв, за которым последовал крик то ли крайней боли, то ли безмерного удовольствия. Джейка это не волновало. Он сосредоточился на оставшихся на проселке Волках. Числом от восемнадцати до двух дюжин.

Один Волк чуть отделился от остальных. Стоял к ним в пол-оборота, с вскинутой над головой световой трубкой. Махнул ей в сторону дороги. «Только это не лучевая трубка, — подумал Эдди. — Это сэйбер, как в „Звездных войнах“. Но эти сэйберы — не спецэффекты, они действительно убивают. И что тут, вообще, происходит?» Этот парень готовит свои войска к атаке, тут вроде бы все ясно. Эдди решил положить конец напутственной речи. Нажал кнопку на одном из трех снитчей, которые оставил себе. Снитч тут же зажужжал и завибрировал в руке.

— Эй, красавчик! — позвал он.

Волк не повернул головы, и Эдди просто бросил в него снитч. Не так, чтобы сильно. Если б он летел сама по себе, то упала бы в двадцати или тридцати футах от Волков. Но вместо этого снитч набрал скорость и ударила Волка-командира в оскаленную пасть. Голова разлетелась вдребезги, вместе с сенсорным блоком.

— Попробуй и ты, — Эдди повернулся к Джейку. — Это так приятно, угостить их собственным дерь...

Не обращая внимания на его слова, Джейк бросил на землю снитчи, который дал ему Эдди, перебрался через завал из лошадей и Волков, зашагал по проселку.

— Джейк? Джейк, это идея не из лучших...

Рука ухватила Эдди за локоть. Он развернулся, поднимая револьвер, вновь опустил его, увидел Роланда.

— Он тебя не слышит. Пойдем. Прикроем его.

— Погоди, Роланд, погоди, — к ним подошла Роза, вся в крови, но Эдди понял, что это кровь бедной сэй Эйзенхарт. Никаких ран на Розе он не видел. — Я тоже хочу поучаствовать.

Они догнали Джейка, когда оставшиеся Волки пошли в последнюю атаку. Несколько бросили снитчи. Роланд и Эдди без труда сбили их. Джейк девять раз выстрелил из «ругера», поддерживая запястье правой руки левой, и после каждого выстрела один из Волков вылетал из седла, валился или назад, или вбок, под копыта других лошадей. Когда обойма «ругера» опустела, Роза сняла тарелкой десятого, выкрикнув: «Леди Ориса!» Залия Джеффрds успела присоединиться к ним, и одиннадцатый Волк пал от ее руки.

Пока Джейк перезаряжал «ругер», Роланд и Эдди, стоя бок о бок, вели огонь. Они без труда уложили бы оставшихся восемь (Эдди нисколько не удивило, что в этой группе было девятнадцать Волков), но решили оставить двух последних Джейку. Когда они приблизились, размахивая над головой лучевыми саблями, которые, конечно же, навели бы ужас на фермеров и ранчеров, мальчик отстрелил сенсорный блок того, что скакал слева. Потом, пригнувшись, избежал удара лучевой сабли, который нанес единственный оставшийся в живых Волк.

Его лошадь поднялась на гору трупов у съезда на проселок. Сюзанна стояла на коленях у дальнего кювета, среди валяющихся на земле роботов в зеленых плащах и разлагающихся волчьих масок. Тоже забрызганная кровью Маргарет Эйзенхарт.

Роланд понял, что Джейк оставил последнего Волка Сюзанне. Лишенная ног, она не могла добраться до проселка. Он удовлетворенно кивнул. Мальчик много чего повидал в это утро, пережил ужасный шок, но стрелок знал, что будет хорошо: Ыш, дожидавшийся их в доме отца Каллагэна, несомненно, поможет ему пережить горе.

— Леди ОРИ-СА! — крикнула Сюзанна и метнула тарелку, когда Волк, развернув лошадь, уже собрался помчаться к реке. Тарелка аккуратно срезала ему верх зеленого капюшона. Вместе с сенсорным блоком. Еще на мгновение последний из похитителей детей оставался в седле, его сирена отчаянно редела, призывая подмогу, которой не было. А потом повалился назад, перевернулся в воздухе и грохнулся на дорогу. Вой сирены оборвался еще раньше.

«Вот и все, — подумал Роланд, — наши пять минут позади». Он посмотрел на дымящийся ствол револьвера, бросил его в кобуру. Одна за другой замолкали сирены других валяющихся за земле роботов.

Залия замороженно смотрела на него.

— Роланд!

— Да, Залия.

— С ними покончено? С ними действительно покончено? Действительно?

— Да, — кивнул Роланд. — Я насчитал шестьдесят одного, и все они лежат здесь, на дороге или в нашем кювете.

Несколько мгновений Залия переваривала его слова, а потом удивила стрелка, который уже редко чему удивлялся. Бросилась к нему на шею, прижалась всем телом и начала покрывать лицо страстными, голодными поцелуями. Какое-то время Роланд их терпел, потом отстранил ее. Подкатывала тошнота. Чувство ненужности. Ощущение, что он может выигрывать такие вот битвы целую вечность, теряя палец здесь, глаз — там, может, что-то еще, но после каждой битвы расстояние до Темной Башни чуть увеличивается, вместо того, чтобы сокращаться. И все это время сухой скрут будет подбираться к его сердцу.

«Прекрати, — сказал он себе. — Это чушь, и ты это знаешь».

— Они пошлют новых, Роланд? — спросила Роза.

— Возможно, других у них и нет, — ответил стрелок. — А если и пошлют, то их определенно будет меньше. И теперь вы знаете, как их убивать, не так ли?

— Да, — и она хищно улыбнулась. А ее глаза обещали ему нечто большее, чем поцелуи, если будет на то его желание.

— Иди к реке, — он улыбнулся Розе. — Ты и Залия. Скажите остальным, что можно возвращаться. Леди Ориса в этот день помогла Калье. И роду Эльда тоже.

— А сам ты не пойдешь? — спросила Залия. Она отступила на шаг, ее щеки пылали. — Ты не пойдешь, чтобы они могли поблагодарить тебя?

— Может, позже, и тогда они поблагодарят нас всех, — ответил Роланд. — А сейчас нам надо поговорить ан-тет. Мальчик пережил сильное потрясение, ты понимаешь.

— Да, — кивнула Роза. — Да, хорошо. Пойдем, Зи, — она взяла Залию за руку. — Помоги мне принести радостную весть.

17

Обе женщины пересекли дорогу, по широкой дуге обойдя окровавленные останки Бенни Слайтмана. Залия подумала, что осталась от него, в основном одежда, подумала о том, как будет горевать отец, и по ее телу пробежала дрожь.

Леди-сэй с ампутированными ногами находилась у дальнего конца окопа, разглядывала тела лежащих на дороге Волков. Обнаружила одного, с поврежденным, не отстреленным, сенсорным блоком. Руки Волка в зеленых перчатках подергивались. Роза и Залия наблюдали, как Сюзанна нашла увесистый булыжник и, хладнокровно опустила его на думающую шапочку. Волк тут же застыл. Низкое гудение, которое он издавал, оборвалось.

— Мы идем сказать остальным, Сюзанна, — обратилась к ней Роза. — Но прежде мы хотим сказать тебе, что ты потрудились на славу. И мы тебя любим, будь уверена.

Залия кивнула.

— Мы говорим, спасибо тебе, Сюзанна из Нью-Йорка. Мы говорим тебе самое большое спасибо, какое только можно сказать.

— Ага, говорим, — согласилась Роза.

Леди-сэй посмотрела на них и сладко улыбнулась. На какое-то мгновение у Розалиты возникли сомнения, словно она увидела в этом темно-коричневом лице что-то такое, чего увидеть не ожидала. Увидела, к примеру, что Сюзанны Дин больше нет. Потом сомнение исчезло.

— Мы идем с хорошими вестями, Сюзанна.

— Я очень за вас рада, — ответила ей Миа, ничья дочь. — Приведите их назад как можно скорее. Скажите им, что опасность миновала, и пусть те, кто не поверит, сосчитают мертвых.

— У тебя промокли штанины, — заметила Залия.

Миа кивнула. Очередная схватка превратила живот в камень, но она не подала виду.

— Боюсь, это кровь, — она мотнула головой в сторону обезглавленной жены крупного ранчера. — Ее кровь.

Женщины, взявшись за руки, пошли по кукурузному полю. Миа наблюдала, как Роланд, Эдди и Джейк идут к ней. Это опасный момент. Но, может, и не очень опасный. Друзья Сюзанны еще не пришли в себя после боя. Если они и заметят, что она не такая, как всегда, то подумают, что причина тому — схватка с Волками.

Она понимала, что главное для нее — дожидаться удобного момента. Дождаться... и улизнуть. А пока не оставалось ничего другого, как держаться, не подавать вида, что у нее начались схватки.

«Они узнают, куда ты пошла», — прошептал голос. Не в голове — в животе. Голос малого.

И голос говорил правду.

«Возьми с собой шар, — добавил голос. — Возьми с собой шар, когда уйдешь. Не оставляй им дверь, через которую они смогут пойти за тобой».

Ага.

«Ругер» выплюнул пулю, и лошадь умерла.

От реки доносились радостные голоса: Залия и Роза принесли добрую весть. Потом в эти голоса ворвался горестный крик. Они сообщили и плохую весть.

Джейк Чеймберз сидел на колеса перевернутого фургона. Он уже снял упряжь с трех лошадей, которые не пострадали. Четвертая лежала с двумя переломанными ногами, пуская пену, прося мальчика облегчить ее страдания. Джейк выполнил ее просьбу. А теперь смотрел на останки своего мертвого друга. Кровь Бенни впиталась в дорожное покрытие. Рука лежала ладонью вверх, словно убитый мальчик хотел пожать руку Богу. Какому Богу? Согласно последним сведениям, комната на вершине Темной Башни пустовала.

С рисового поля леди Орисы донесся второй горестный крик. Когда кричал Слайтман, а когда Воун Эйзенхарт. С такого расстояния, думал Джейк, не отличить ранчера от бригадира ковбоев, работодателя от наемного работника. Это урок или одна видимость, как говаривала миссис Эйвери в старой доброй школе Пайпера, ложное свидетельство, кажущееся истинным?

Теперь дети и взрослые начали петь. Песню, похожую на ту, что спел Роланд в их первый вечер в Калле Брин Стерджис:

Кам-кам-каммала,
Растет рис зеленый,
Пришли брат с сестрицей,
Спрятались на поле,
На поле у речки,
Под крылом Орисы...

Вокруг горожан покачивались побеги риса, покачивались, словно танцевали, радуясь вместе с ними, танцуя, как танцевал Роланд при свете факелов. Некоторых малышей взрослые и подростки постарше несли на руках, и тоже качались из стороны в сторону в такт песне. «Мы все танцевали в это утро, — подумал Джейк. Он не знал, что хотел этим сказать, что чувствовал: это правда. — Мы танцевали. Единственный танец, который освоили. Бенни Слайтман? Умер танцуя. Как и сэй Эйзенхарт».

Роланд и Эдди направились к нему. Сюзанна тоже, но держалась позади, словно решила, что на какое-то время мальчики должны побыть с мальчиками, а девочки — им не мешать. Роланд курил. Джейк посмотрел на самокрутку.

— Сверни и мне, а?

Роланд повернулся к Сюзанне, вопросительно изогнув бровь. Она пожала плечами, потом кивнула. Роланд свернул самокрутку, передал Джейку, чиркнул спичкой о джинсы, поднес огонек к концу самокрутки. Джейк сидел на колесе перевернутого фургона, набирал полный рот дыма, выпускал его. От табачного дыма рот начал заполняться слюной. Джейк не возражал. От слюны, в отличие от многого, он мог избавиться. Попытки затануться не предпринимал.

Роланд повернулся в сторону реки в тот самый момент, когда первый из двух бегущих к дороге мужчин добрался до кукурузного поля.

— Это Слайтман. Хорошо.

— Что тут хорошего, Роланд? — спросил Эдди.

— Потому что сэй Слайтман будет обвинять нас в гибели сына. А поскольку горе затуманило ему рассудок, он не может думать о том, кто услышит его обвинения и узнает о его роли в нашей утренней работе.

— Танце, — поправил его Джейк.

Они повернулись к нему, а он сидел на колесе, бледный и задумчивый, с самокруткой в руке.

— Нашем утреннем танце.

Роланд обдумал его слова, кивнул.

— Его роли в нашем утреннем танце. Если он доберется сюда достаточно быстро, мы возможно, сумеем его успокоить. Если нет, смерть сына станет только началом каммалы Бена Слайтмана.

19

Слайтман был на пятнадцать лет моложе ранчера, так что прибежал на поле боя гораздо раньше. Замер у окопа, глядя лежащие на дороге останки сына. Крови практически не осталось, огган жадно ее впитал, но оторванная рука лежала там, куда и упала, и оторванная рука сказала ему обо всем. У Роланда не возникло желания переложить руку до прихода Слайтмана, как не возникло желания расстегнуть ширинку и помочиться на труп мальчика. Слайтман-младший дошел до конца своей тропы и ступил в пустошь. И его отец, ближайший родственник, имел право увидеть, где и как это произошло.

Слайтман простоял секунд пять, потом набрал полную грудь воздуха и закричал. От этого крика у Эдди похолодела кровь. Он огляделся в поисках Сюзанны, не увидел ее, но не удивился. Он бы сам с удовольствием куда-нибудь подался. Сцена их ждала неприятная. Отвратительная.

Слайтман посмотрел налево, потом направо, наконец, на Роланда, который стоял у перевернутого фургона, сложив руки на груди. Чуть позади Джейк сидел на колесе, курил свою первую сигарету.

— ТЫ! — прокричал Слайтман. Он прибежал с арбалетом. И теперь снимал его с плеча. — ТЫ ЭТО СДЕЛАЛ! ТЫ!

Эдди ловко выхватил оружие из рук Слайтмана.

— Нет, вот это ни к чему, приятель, — пробормотал он. — Арбалет тебе совершенно не нужен, давай-ка я подержу его.

Слайтман вроде бы и не заметил, что остался без арбалета. Его правая рука совершала круговые движения, словно натягивая тетеву, готовя арбалет к выстрелу.

— ТЫ УБИЛ МОЕГО СЫНА! ЧТОБЫ ОТПЛАТИТЬ МНЕ! ТЫ — МЕРЗАВЕЦ! ГНУСНЫЙ УБИЙ...

В мгновение ока, двигаясь с невероятной скоростью, Эдди так и не мог поверить, что такое возможно, Роланд оказался рядом со Слайтманом, мертвой хваткой зажал ему горло, оборвав поток обвинений и подтащив к себе.

— Слушай меня и слушай внимательно, — процедил Роланд. — Мне плевать на твою жизнь и твою честь. Первую ты прожил зазря, вторую давно потерял, но твой сын мертв, а вот его честь мне очень дорога. Если ты сию же секунду не заткнешься, паршивый червяк, я заткну

тебе рот навсегда. Почему нет? Для меня ты давно перестал существовать. Я скажу остальным, что ты обезумел, увидев убитого сына, выхватил револьвер из моей кобуры и пустил себе пулю в лоб, чтобы присоединиться к нему. Так что будем делать? Решай.

Эйзенхарт, тяжело дыша, все еще бежал по кукурузному полю, выкрикивая имя жены: «Маргарет! Маргарет! Ответь мне, дорогая! Скажи хоть словечко, прошу тебя!»

Роланд отпустил Слайтмана и сурово смотрел на него. Слайтман повернулся к Джейку, его глаза переполняла боль.

— Твой дин убил моего мальчика, чтобы отомстить мне? Скажи мне правду, сынок.

Джейк последний раз приложился к самокрутке, отбросил окуроч, выдохнул дым. Окуроч упал рядом с дохлой лошадей.

— Ты на него посмотрел? — спросил он отца Бенни. — Ни одна пуля такого сделать не сможет. Голова сэй Эйзенхарт подкатилась к нему, и Бенни вылез из окопа от... ужаса, — и вдруг понял, что это слово он никогда раньше не произносил вслух. Не было у него необходимости произносить это слово вслух. — Они бросили в него два снитча. Один я сбил, но... — он шумно сглотнул. — Но второй... я хотел бы... пытался... но... — у Джейка перехватило дыхание. Губы беззвучно шевелились. Но глаза оставались сухими. И в них, как и в глазах Слайтмана, стояла боль. — У меня не было возможности сбить второй, — закончил он, опустил голову и заплакал.

Роланд смотрел на Слайтмана, вопросительно подняв брови.

— Хорошо, — выдохнул тот. — Я понял, как все произошло. Скажи мне, до того он вел себя храбро? Скажи мне, прошу тебя.

— Он и Джейк привели одного из этой пары, — Эдди указал на близнецов Тавери. — Мальчика. Его нога провалилась в нору. Джейк и Бенни вытащили его, а потом несли на себе до самой дороги. Он показал себя молодцом, твой сын. Можешь не сомневаться.

Слайтман кивнул. Снял очки, посмотрел на них, словно видел впервые. Подержал перед глазами пару секунд, а потом бросил на дорогу и раздавил каблуком. Повернулся к Роланду, к Джейку, а когда заговорил, в его голосе послышались извиняющиеся нотки: «Я уже увидел все, что мог», — и пошел к сыну.

До края окопа добрался Воун Эйзенхарт. Увидел Маргарет, и из его груди исторгся дикий крик. Потом он разорвал на себе рубашку и начал правой рукой колотить по левой половине дряблой груди, при каждом ударе выкрикивая имя жены.

Эдди повернулся к стрелку.

— Роланд, ты должен это остановить.

— Только не я, — ответил тот.

Слайтман поднял руку сына, нежно поцеловал а ладонь. Положил руку на грудь мальчика, направился к ним. Без очков он выглядел совсем другим, очень ранимым.

— Джейк, не сможешь мне найти одеяло?

Джейк поднялся с колеса фургона, чтобы выполнить просьбу Слайтмана-старшего. В окопе Эйзенхарт прижал к груди отрубленную, обожженную голову жены и покачивал ее. По кукурузному полю шли дети и их сопровождающие, поющие «Рисовую песню». Поначалу Эдди показалось, что со стороны города доносится эхо, но потом понял, что оттуда к ним идет вся Калья. Они знали. Они знали, чем все закончилось, и шли к ним.

Отец Каллагэн подошел к кювету с Лиан Джеффордс на руках. Несмотря на шум, маленькая девочка сладко спала. Каллагэн оглядел дорогу, заваленную Волками и лошадей, осторожно вытащил одну руку из-под попки девочки и медленно начертил в воздухе крест.

— Возблагодарим Господа, — сказал он.

Роланд подошел к нему, взял за руку, которая только что осенила дорогу крестным

знамением.

— Сделай тоже и для меня, — попросил он.

Каллагэн в недоумении смотрел на него.

Роланд мотнул головой в сторону Воуна Эйзенхарта.

— Он обещал, что проклянет меня, если с его женой что-то случится.

Больше он ничего не сказал, да других слов и не требовалось. Каллагэн понял и перекрестил лоб Роланда. Палец оставил тепло, которое Роланд еще долго чувствовал. И хотя Эйзенхарт не сдержал обещания, стрелок никогда не жалел о том, что попросил отца Каллагэна уберечь его от возможного проклятия.

Праздничное настроение, воцарившееся на Восточной дороге, омрачалось горем, свалившимся на двоих. Но лишь на чуть-чуть. Все понимали, что потери не идут ни в какое сравнение с приобретениями. И Эдди полагал, что так оно и есть. Если, конечно, погибли не твой сын и не твоя жена.

Пение, доносящееся со стороны города, становилось все громче. Теперь они видели и пыль. На дороге мужчины и женщины обнимались. Кто-то попытался отнять голову Маргарет Эйзенхарт у ее мужа, но сразу не получилось.

Эдди подошел к Джейку.

— «Звездные войны» ты не видел, так? — спросил он.

— Нет, я же говорил тебе. Очень хотел посмотреть, но...

— Слишком рано ушел. Я знаю. Эти штуковины, которыми они размахивали... Джейк, они из того фильма.

— Ты уверен?

— Да. Джейк, и сами Волки...

Джейк кивнул, очень медленно. Теперь они видели людей, идущих из города. А люди увидели детей, всех детей, увидели, что все они живы и невредимы, и радостно закричали. Те, что шли в первых рядах, побежали.

— Я знаю.

— Знаешь? — спросил Эдди. В глазах стояла мольба. — Правда. Потому что... это, конечно, безумие, но...

Джейк посмотрел на валяющихся на земле Волков. Зеленые капюшоны. Серые леггинсы. Черные сапоги. Оскаленные, разлагающиеся маски. Эдди уже снял одну, чтобы посмотреть, что она скрывала. Ничего, кроме гладкого металла с двумя линзами, которые служили глазами, кругом металлической сетки вместо носа и двумя микрофонами на висках, заменяющих уши. От человека у этих роботов были только маски да одежда.

— Безумие или нет, но я знаю, кто они, Эдди. Или, по крайней мере, откуда взялись. «Марвел комикс».^[81]

На лице Эдди отразилось явное облегчение. Он наклонился и поцеловал мальчика в щеку. На губах Джейка мелькнуло подобие улыбки. Потихоньку он начал отходить.

— Журналы с Человеком-пауком, — воскликнул Эдди. — Мальчишкой я не мог от них оторваться.

— Сам я их не покупал, но Тимми Макки, мой приятель по клубу боулинга «Дорожки Мидтауна», обожал сериалы «Марвел». «Человек-паук», «Фантастическая четверка», «Невероятный Халк», «Капитан Америка». Эти роботы...

— Они выглядят, как Доктор Дум, ^[82] — вставил Эдди.

— Да, — кивнул Джейк. — Не совсем, конечно, я уверен, что маски чуть модифицировали, чтобы они больше напоминали волков, но в принципе... те же зеленые капюшоны, те же зеленые плащи. Да, доктор Дум.

— А снитчи? — спросил Эдди. — Слышал когда-нибудь о Гарри Поттере?

— Нет. А ты?

— Нет, и я скажу тебе, почему. Потому что снитчи из будущего. Может, из какого-нибудь комикса «Марвел», который появится в 1990 или 1995 году. Ты понимаешь, о чем я?

Джейк кивнул.

— Опять история с девятнадцатью, не так ли?

— Да, — согласился Джейк. — Девятнадцать, девяносто девять, девятнадцать-девяносто девять.

Эдди огляделся.

— А где Сюзи?

— Может, пошла за своей коляской, — ответил Джейк.

Но, прежде чем кто-то из них отправился на поиски Сюзанны Дин (и, скорее всего, опоздал) до поля боя добрались горожане. И Эдди с Джейком угодили в водоворот стихийного праздника. Их обнимали, целовали, им пожимали руки, у них на груди плакали, и благодарили, благодарили, благодарили.

21

Через десять минут после того, как горожане запрудили дорогу, Розалита с неохотой подошла к Роланду. Стрелок же страшно ей обрадовался. Потому что Эбен Тук держал его за руки и говорил снова и снова, что он и Телфорд ошибались, не понимали, как повезло городу с приходом стрелков, а потому, когда Роланд и его ка-тет отправятся в путь, он, Эбен Тук, экипирует их с головы до ног и не возьмет ни гроша.

— Роланд! — позвала Розалита.

Роланд извинился, взял ее под руку, отвел чуть в сторону. Везде валялись Волки и радостные, смеющиеся горожане буквально раздирали их на части. А из города подтягивались отставшие.

— Что такое, Роза?

— Твоя женщина. Сюзанна.

— Что с ней? — нахмурившись, он огляделся. Сюзанны не увидел, не мог вспомнить, когда видел ее в последний раз. Когда скручивал Джейку самокрутку? Так давно? Выходило, что да. — Где она?

— В этом все и дело. Я не знаю. Я заглянула в фургон, на котором она ехала, подумала, может, она легла отдохнуть. Может, устала или у нее заболел живот. Но ее там нет, Роланд. И коляски тоже нет.

— Боги! — рывкнул Роланд, стукнул кулаком по ноге. — О, боги!

Розалита в тревоге отступила на шаг.

— Где Эдди? — спросил Роланд.

Она указала. Эдди окружала такая плотная толпа мужчин и женщин, что он бы его и не углядел, если б не ребенок, сидевший у него на плечах, улыбающийся во весь рот Хеддон Джеффордс.

— Ты уверен, что он тебе нужен? — спросила Роза. — Может, она чуть отъехала, чтобы

прийти в себя после боя.

«Чуть отъехала», — подумал Роланд. И на душе у него стало совсем тоскливо. Она отъехала, это точно. И он знал, кто занял ее место. После боя они расслабились, отвлеклись... Горе Джейка... поздравления горожан... суета, радость, пение... но это не оправдание.

— Стрелки! — проревел он, и шум толпы разом стих. Если б он посмотрел, то увидел бы страх, который лишь прикрывали радость и облегчение. Его этот страх не удивлял: люди всегда боялись тех, кто носил на боку оружие. И после того, как стихали выстрелы, они хотели лишь одного: устроить спасителям последний пир, в последний раз поблагодарить их, помахать руками вслед и вновь заняться привычным делом, пахать, сеять, ухаживать за скотиной.

«Что ж, — подумал Роланд, — мы скоро уйдем. Более того, одна из нас уже ушла. Боги!»

— Стрелки, ко мне! Стрелки!

Эдди подскочил первым. Огляделся.

— Где Сюзанна?

Роланд указал в сторону сухих русел рек, заброшенных шахт и пещер. Потом поднял руку повыше и нацелил палец на черную дыру чуть пониже неба.

— Я думаю, там.

Эдди Дин побледнел, как мел.

— Ты указываешь на Пещеру двери. Да?

Роланд кивнул.

— Но шар... Черный Тринадцатый... она не могла подойти к нему, когда он находился в церкви Каллагэна.

— Не могла, — кивнул Роланд. — Сюзанна не могла. Но теперь тело не принадлежит ей.

— Миа? — спросил Джейк.

— Да, — Роланд смотрел на черную дыру синими выцветшими глазами. — Миа ушла туда, чтобы родить своего ребенка. Чтобы родить малого.

— Нет, — руки Эдди ловили воздух, пока не нашли рубашку Роланда. Вокруг стояли молчаливые горожане. — Роланд, скажи, нет.

— Мы пойдем за ней и будем надеяться, что не опоздаем, — ответил Роланд.

Но сердцем он уже знал: они опоздали.

Они спешили, но Миа оказалась еще проворнее. В миле за тем местом, где проселок раздваивался, они нашли ее инвалидное кресло. Сильными руками она изо всех сил крутила колеса, переезжала через камни и ветки. Но в конце концов левое колесо настолько погнулось, что более не могло крутиться, и коляска застряла. Оставалось только удивляться, что ей удалось так много проехать.

— Фак-каммала, — пробормотал Эдди, глядя на кресло, поцарапанное, с множеством вмятин, далеко уже не круглыми колесами. Поднял голову, рупором приложил руки ко рту, закричал: «Борись с ней, Сюзанна! Борись!» Обошел коляску и двинулся вверх по тропе, не оглянувшись, чтобы посмотреть, следуют ли за ним остальные.

— Она не сможет добраться до пещеры, не так ли? — спросил Джейк. — Я хочу сказать, без ног.

— Думаешь, не сможет? — спросил Роланд, с мрачным, как туча лицом. И он хромал. Джейк уже хотел спросить, что с ним, но передумал.

— А чего ее потянуло в пещеру? — спросил Каллагэн.

Роланд повернулся, буквально пронзил его ледяным взглядом.

— Чтобы перебраться куда-то еще. Это ведь ты понимаешь. Пошли.

Неподалеку от того места, где начинался особо крутой подъем, Роланд догнал Эдди. Когда первый раз положил руку ему на плечо, Эдди ее стряхнул. Когда рука легла на его плечо второй раз, повернулся, с неохотой, и посмотрел на своего старшего. Роланд увидел, что рубашка Эдди забрызгана кровью. Бенни, Маргарет, их обоих?

— Может, нам лучше оставить ее в покое, если это Миа.

— Ты рехнулся? От стычки с Волками у тебя поехала крыша?

— Если мы оставим ее в покое, она сделает свое дело и уйдет, — даже произнося эти слова, Роланд сомневался, что такое возможно.

— Да, — глаза Эдди горели, — она сделает свое дело, это точно. Сначала родит ребенка. Потом убьет мою жену.

— Это будет самоубийство.

— Но она может это сделать. Мы должны пойти за ней.

За свою жизнь Роланд крайне редко отступался от решения, которое считал верным, но такое случалось. Вот и теперь, глядя на бледное, решительное лицо Эдди Дина, он пришел к выводу, что это один из тех самых случаев.

— Хорошо, — кивнул он, — но мы должны быть очень осторожны. Она будет бороться. Не дастся нам в руки. Будет убивать, если до этого дойдет. И прежде всего попытается убить тебя.

— Я знаю, — ответил Эдди. Лицо его напоминало каменную маску. Он посмотрел на уходящую вверх тропу. В четверти мили она поворачивала за утес и скрывалась из виду. А потом возникала вновь у самого зева пещеры. На тропе Сюзанны-Миа не было, но это ничего не значило. Она могла укрыться, где угодно. Могла и не пойти к пещере, а разбитое кресло

использовала для того, чтобы направить их по ложному пути. Как использовал Роланд детские вещи, разбросав их по проселку.

Я в это не верю. В этой части Кальи миллион крысиных нор, и, если бы я верил, что она заползла в одну из них...

Подошли Каллагэн и Джейк, остановились, глядя на Эдди.

— Пошли, — он вскинул глаза на стрелка. — Мне без разницы, кто она, Роланд. Если четверо здоровых мужчин не смогут поймать одну безногую женщину, нам пора побросать оружие в пропасть и переквалифицироваться в фермеры.

Джейк усмехнулся.

— Я польщен. Ты назвал меня мужчиной.

— Только не задирай нос. Пошли.

3

Эдди и Сюзанна считали и называли себя мужем и женой, но ему не представилась возможность поймать такси, поехать в «Картье» и купить ей обручальное кольцо. Когда-то он носил очень красивый перстень выпускного класса средней школы, но потерял его в песке на Кони-Айленд в то лето, когда ему исполнилось семнадцать, лето Мэри Джин Собески. Однако, по ходу их путешествия от Западного моря, Эдди вновь раскрыл в себе дар резчика по дереву (великий маг и знаменитый наркоман никогда не отказывал себе в удовольствии упрекнуть Эдди, что тот, словно ребенок, никак не может наиграться) и вырезал любимой прекрасное кольцо из ивы, легкое, как пена, но прочное. Его, повесив на кожаный шнурок, Сюзанна носила на груди.

Они нашли это кольцо на тропе, все на том же шнурке. Эдди поднял шнурок с кольцом, какое-то время мрачно смотрел на него, а потом надел на шею, убрав кольцо под рубашку.

— Посмотрите, — вдруг воскликнул Джейк.

На полоске травы у самой тропы остались следы. Не человека, не животного, трех колес. Эдди подумал, что здесь стоял детский велосипед. Как такое могло быть?

— Пошли, — в который уж раз повторил он с того момента, как пропала Сюзанна, и задался вопросом, как долго они будут следовать за ним, если он и дальше будет твердить это слово. В общем, значения это не имело. Он собирался идти за ней, пока не найдет или не умрет. Только так и не иначе. Кто его пугал, как это ребенок... которого Миа звала малым. Вдруг он набросится на нее. И у него сложилось ощущение, что такое вполне могло случиться.

— Эдди, — позвал Роланд.

Эдди обернулся и нетерпеливо махнул рукой: мол, пошли.

Но Роланд указывал на следы.

— Похоже, он с мотором.

— Ты его слышишь?

— Нет.

— Тогда не можешь этого знать.

— Но я знаю, — возразил Роланд. — Кто-то приготовил ей транспортное средство. Или что-то.

— Ты не можешь этого знать, черт побери!

— Энди мог принести его сюда, — заметил Джейк. — Если б ему приказали.

— Да кто мог ему такое приказать? — прохрипел Эдди.

«Финли, — подумал Джейк. — Финли О'Тего, кем бы он ни был. А может, Уолтер». Но

говорить ничего не стал. Чтобы еще больше не расстраивать Эдди.

— Она ушла, — сказал Роланд. — Приготовься к этому.

— Иди-ка ты на хер! — рявкнул Эдди и двинулся по тропе. — Пошли!

4

Однако, сердцем Эдди понимал, что Роланд прав. И вверх тропе его гнала не надежда, отчаяние. У валуна, который блокировал большую часть тропы, они нашли брошенный трехколесный велосипед с надувными шинами и электрическим мотором, который все еще мягко жужжал. Эдди вспомнил, что примерно такие же велосипеды продавались в магазине «Аберкомби и Фитч». Он наклонился, прочитал надпись на маленькой табличке, закрепленной на ободе левого заднего колеса:

ОБЖИМНЫЕ ТОРМОЗА, СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ

Позади сидения находилась маленькая сумка-багажник. Эдди откинул крышку и совершенно не удивился, обнаружив в сумке шестибаночную упаковку «Нозз-А-Ла», напиток, которому во всех мирах отдавали предпочтение обманщики. Одна банка отсутствовала. Оно и понятно, ей захотелось пить. Если быстро двигаешься, всегда хочется пить. Особенно, если у тебя схватки.

— Этот велосипед из того места за рекой, — пробормотал Джейк. — Из «Догана». Если бы я осматривал территорию, то обязательно бы его увидел. Их там, наверное, десятки. Готов спорить, его принес сюда Энди.

Эдди пришлось признать, что доводы Джейка небезосновательны. «Доган» определенно являлся аванпостом, который, возможно, построили неподалеку от реки задолго до появления новых, пренеприятных обитателей Тандерклепа. Учитывая характер окрестной территории, это транспортное средство следовало полагать идеальным для патрулирования. С тропы открывался прекрасный вид на поле боя, где они схлестнулись в Волками, положили их пулями и тарелками. Толпа на этом участке Восточной дороги напомнила ему парады перед «Мейси» ^[83] на День благодарения. Все население Кальи праздновало победу, и как же Эдди в тот момент их всех ненавидел. «Моя жена ушла из-за вас, гребаные трусы», — думал он. Глупая мысль, несправедливая, но позволяющая хоть как-то стравить пар. Что там писал Стивен Крейн в стихотворении, которое они учили в средней школе: «Я его люблю, потому что оно горькое, и потому что оно — мое сердце». Что-то в этом роде. Неточно, конечно, по смыслу совпадало.

А теперь Роланд стоял около брошенного, мягко жужжащего трайка[84], и, если в глазах стрелка он видел сочувствие или, хуже того, жалость, то мог без них обойтись.

— Пошли парни. Давайте ее найдем.

5

На этот раз голос, приветствовавший Эдди из глубин Пещеры двери, принадлежал женщине, которую он никогда не встречал, но о которой много слышал (ага, много, мы говорим, спасибо тебе), а потому сразу узнал.

— Она ушла, ты, думающий членом молокосос, — прокричала из темноты Риа с Кооса. —

Решила рожать в другом месте, понимаешь! И я не сомневаюсь, что ее младенец-людоед начнет жрать ее с манды, как только вылезет из нее, ага! — Она расхохоталась, дребезжащим, мерзким смехом злой колдуньи. — Этому малышу молоко не требуется, будь уверен! Этому подавай мясо!

— Заткнись! — крикнул Эдди во тьму. — Заткнись, ты... гребаный фантом!

И, вот уж чудо, фантом заткнулся.

Эдди огляделся. Увидел чертов шкаф Тауэра, с первыми изданиями за стеклом, которыми он так дорожил, но не обнаружил ни розового мешка, сплетенного из металлической нити, с надписью «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДИННОГО МИРА», ни ящика из дерева призраков. Ненайденная дверь стояла на прежнем месте, крепясь петлями к воздуху, но как-то потускнела. Стала не только ненайденной, но и ненужной: еще одним бесполезной вещью из мира, который сдвинулся.

— Нет, — покачал головой Эдди, — нет, я с этим не согласен. Здесь есть сила, которая откроет эту дверь. Она здесь есть.

Он повернулся к Роланду, но Роланд не смотрел на него. Кто бы мог подумать, Роланд разглядывал книги. Словно поиски Сюзанны наскучили ему и он выбирал хорошую книгу, чтобы скоротать время.

Эдди ухватил стрелка за плечо, развернул к себе.

— Что произошло, Роланд? Ты знаешь?

— Произошло очевидное, — ответил стрелок. К нему подошел Каллагэн. Джейк, который впервые попал в Пещеру двери, остался у входа. — Она, пока могла, ехала на коляске, потом на четвереньках добралась до тропы, а это подвиг для женщины, у которой, возможно, начались схватки. А на тропе кто-то, скорее всего, как и говорил Джейк, Энди, оставил ей средство передвижения.

— Если это был Слайтман, я вернусь и убью его собственными руками.

Роланд покачал головой.

— Не Слайтман.

«Но Слайтман об этом точно знал», — подумал он. Возможно, это не имело значения, но стрелок не любил свободных концов, как не любил перекошенных картин на стенах.

— Эй братец, сожалею, что приходится говорить тебе об этом, но твоя черненькая сучка мертва, — крикнул Генри Дин из пещерной глубины. В голосе слышалось не сожаление — радость. — Это чертово отродье сожрало ее. Остановилось только раз, добираясь до мозга, чтобы выплюнуть ее зубы!

— Заткнись! — гаркнул Эдди.

— Мозги — лучшая еда для мозгов, знаешь ли, — продолжил Генри менторским тоном. — Ценятся людоедами во всем мире. У нее отличный малой, Эдди! Такой милый, но уж очень голодный.

— Замолчи, во имя Господа! — крикнул Каллагэн, и голос брата Эдди смолк. На какое-то время смолкли все голоса.

Роланд продолжил, словно его и не прерывали.

— Она пришла сюда. Взяла мешок. Открыла ящик, чтобы Черный Тринадцатый открыл дверь. Все это проделывала Миа, понимаешь... не Сюзанна — Миа. Ничья дочь. А потом, с открытым ящиком, она вошла в дверь. Оказавшись на другой стороне, закрыла ящик, закрыла дверь. Закрыла от нас.

— Нет, — Эдди схватился за хрустальную ручку с выгравированной на ней розой. Ручка не повернулась. Не сдвинулась ни на йоту.

Из темноты послышался голос Элмера Чеймберза: «Будь ты проворнее, сынок, ты бы смог

спасти своего друга. Это твоя вина», — и замолчал.

— Это не настоящий голос, Джейк, — Эдди провел пальцем по розе. На подушечке пальца осталась пыль. Словно ненайденная дверь, теперь уже не только ненайденная, но и ненужная, простояла в Пещере голосов пару десятков веков. — Пещера транслирует то, что находит в твоей голове.

— Я всегда ненавидела тебя, белый! — торжествующе прокричала Детта из темноты за дверью. — И я рада, что наконец-то избавилась от тебя!

— А это видела, — и Эдди показал ей кукиш.

Джейк кивнул, бледный и задумчивый. Роланд тем временем вновь повернулся к книжному шкафу.

— Роланд, — Эдди старался изгнать раздражение из голоса, добавить толику юмора, но у него не получилось. — Мы тебе наскучили?

— Нет.

— Тогда перестань смотреть на эти книги и помоги мне найти способ открыть эту д...

— Я знаю, как ее открыть, — ответил Роланд. — Вопрос в том, куда она нас перенесет, теперь, без Черного Тринадцатого? И второй вопрос, куда мы хотим пойти? За Миа или в то место, где Тауэр и его друг прячутся от Балазара и его друзей?

— Мы пойдем за Сюзанной! — воскликнул Эдди. — Или ты не слышал, что говорят эти голоса? Они говорят, что он — людоед! Моя жена, возможно, прямо сейчас рождает какого-то монстра-людоеда, и если ты думаешь, что есть что-то более важное, чем...

— Башня важнее, — оборвал его Роланд. — И где-то по другую сторону двери есть человек, чья фамилия Тауэр. То есть башня. Человек, которому принадлежит некий пустырь, где растет некая роза.

Эдди молча смотрел на него. Так же, как Джейк и Каллагэн. А Роланд опять повернулся к шкафу. Столь неуместному в полумраке пещеры.

— И ему принадлежат все эти книги, — добавил Роланд. — Он рисковал жизнью, чтобы спасти их.

— Да, потому что у него навязчивая идея.

— Все служит ка и следует Лучу, — ответил Роланд и снял книгу с верхней полки. Эдди обратил внимание, что стояла она вверх ногами, и в голову пришла мысль, что Тауэр никогда бы так ее не поставил.

Роланд подержал книгу в покрытых шрамами, иссеченных ветром, обожженных солнцем руках, словно раздумывая, кому ее передать. Посмотрел на Эдди... на Каллагэна... и отдал книгу Джейку.

— Прочитай, что написано на обложке, — попросил он. — От слов твоего мира у меня болит голова. Глаз их воспринимает легко, но, когда я пытаюсь их понять, они уплывают.

Джейк его практически не слышал. Во все глаза смотрел на суперобложку, с изображением маленькой деревенской церкви на фоне заката. Каллагэн, те временем, прошел мимо, чтобы получше рассмотреть дверь, стоявшую посреди пещеры.

Наконец, мальчик поднял голову.

— Но... Роланд, разве это не тот город, о котором рассказывал нам отец Каллагэн? Где вампир сломал его крест и заставил пить свою кровь?

Каллагэн круто развернулся.

— Что?

Джейк молча протянул книгу. Каллагэн ее взял. Точнее, выхватил.

— «Салемс-Лот», ^[85] — прочитал он. — Роман Стивена Кинга, — он посмотрел на Эдди, потом на Джейка. — Слышали о нем? Кто-нибудь из вас? Я думаю, он не из моего времени.

Джейк покачал головой. Эдди уже собрался последовать его примеру, но тут его взгляд упал на обложку.

— Церковь. Она выглядит, как Зал собраний Кальи. Прямо-таки близнец.

— Она также выглядит, как Молельный дом методистов в Ист-Стоунэме, который построен в 1819 году, — вставил Каллагэн. — Так что на этот раз речь идет о тройне, — но его голос показался ему таким же далеким, как и ложные голоса, доносящиеся из глубин пещеры. Внезапно он сам себе показался ложным, нереальным.

«Это чья-то шутка, — утверждала какая-то часть его рассудка. — Не иначе, как шутка, на обложке книги указано, что это роман, вот...»

Новая мысль сверкнула в голове, и он почувствовал облегчение. Обусловленное определенными оговорками, но все-таки облегчение. Мысль заключалась в следующем: иногда люди пишут романы о реальных местах. И это тот самый случай. Другого не дано.

— Открой страницу сто девятнадцать, — попросил Роланд. — Что-то я на ней разобрал, но не все. Далеко не все.

Каллагэн открыл указанную страницу, прочитал:

— «Давным давно, в семинарии, один однокашник...» — он замолчал, глаза побежали по строчкам.

— Продолжай, — подал голос Эдди. — Читай, отец, или прочитаю я.

Каллагэн продолжил, медленно.

— «...один однокашник показал отцу Каллагэну полоску материи с вышитым на ней святотатственным правилом, в то время вызвавшим у него конфузливый смешок, но с годами казавшимся все более верным и менее святотатственным: „Господи, дай мне СМИРЕНИЕ принять то, что я не могу изменить, ВОЛЮ изменять то, что мне по силам не могу принять, и УДАЧУ, дабы я не слишком часто при этом портачил“. Слова вышили на староанглийском шрифтом на фоне встающего солнца.

И теперь, когда он стоял у открытой могилы Дэнни Глика, среди тех, кто пришел проводить мальчика в последний путь, старое изречение всплыло в памяти».

Рука, державшая книгу, задрожала. Если бы Джейк не поймал ее, она бы точно упала на каменный пол пещеры.

— Она у тебя была? — спросил Эдди. — Тебе действительно дали полоску материи с таким изречением?

— Мне дал ее Френки Фойл, — Каллагэн не говорил — шептал. — В семинарии. И Дэнни Глик... Я отпевал его, думаю, я вам об этом рассказывал. Именно тогда все и переменялось. Но это роман! Роман — это выдумка! Как... как... — шепот внезапно перешел в вопль отчаяния. И Роланду показалось, что он ничем не отличается от ложных голосов, которые поднимались из глубин пещеры. — Черт побери, я — РЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

— А вот здесь написано о том, как вампир разломал твой крест, — доложил Джейк. — «Наконец-то мы вместе, — Барлоу усмехнулся. Его лицо, волевое, умное, симпатичное, в этом слабом свете напомнило...»

— Хватит, — пробубнил Каллагэн. — От всего этого у меня раскалывается голова.

— Тут написано, что лицо вампира напомнило тебе лицо мистера Флипа, которого ты сам и придумал в далеком детстве. Он жил у тебя в шкафу.

Каллагэн смертельно побледнело, словно вампир выпил из него всю кровь.

— Я никому не рассказывал о мистере Флипе, даже матери. В книге этого быть не может. Просто не может.

— Однако, есть, — ответил Джейк.

— Давай с этим разберемся, — вставил Эдди. — Когда ты был маленьким, мистер Флип реально для тебя существовал, и ты подумал о нем, столкнувшись лицом к лицу с этим вампиром первого типа, Барлоу. Так?

— Да, но...

Эдди повернулся к стрелку.

— Как по-твоему, все это приближает нас к Сюзанне?

— Да. Мы добрались до сути великой загадки. Может, величайшей загадки. Я верю, что Темная Башня так близко, что к ней можно прикоснуться. А если близка Башня, близка и Сюзанна.

Не обращая внимания на его слова, Каллагэн пролистывал книгу. Джейк заглядывал в нее через его плечо.

— И ты знаешь, как открыть дверь? — спросил Эдди.

— Да, — кивнул Роланд. — Мне потребуется помощь, но я думаю, что жители Кальи Брин Стерджис не откажут нам в ней, не так ли?

Эдди кивнул.

— С этим все понятно, но вот что я тебе скажу. Я уверен, что видел эти имя и фамилию, Стивен Кинг. Как минимум один раз.

— На доске с «Особыми блюдами дня», — пояснил Джейк, не отрывая глаз от книги. — Да, я помню. Они были на доске «Особые блюда дня», когда мы в первый раз отправились в Прыжок.

— «Особые блюда дня?» — хмурясь, переспросил Роланд.

— У Тауэра была такая доска, — пояснил Эдди. — В витрине, помнишь? Магазин-то его назывался «Манхэттенский ресторан для ума».

Роланд кивнул.

— Но вот что я вам скажу, — и вот тут Джейк оторвался от книги. — Эти имя и фамилия были там, когда мы с Эдди перенеслись в Нью-Йорк посредством Прыжка, но их не было на доске, когда я первый раз заходил в магазин. Когда мистер Дипно загадал мне загадку о реке. Тогда на доске были другие имя и фамилия. Они изменились, как изменились имя и фамилия автора книги «Чарли Чу-Чу».

— Я не могу быть в книге, — твердил Каллагэн. — Я — не выдумка... не так ли?

— Роланд, — позвал стрелка Эдди. Роланд повернулся к нему. — Я должен ее найти. Мне без разницы, кто реален, а кто — нет. Мне плевать на Келвина Тауэра, Стивена Кинга, Папу Римского. Кроме нее, мне никого и ничего не нужно. Я должен найти свою жену, — голос упал до шепота. — Помоги мне, Роланд.

Роланд протянул левую руку, взял книгу. Правой прикоснулся к двери. «Если она еще жива, — подумал он. — Если мы сможем ее найти, если она сможет вновь стать Сюзанной. Если, и если, и если».

Эдди положил руку на плечо Роланда.

— Пожалуйста, не заставляй меня отправляться на ее поиски в одиночку. Я так ее люблю. Пожалуйста, помоги ее найти.

Роланд улыбнулся. И сразу помолодел. Его улыбка, казалось, осветила пещеру. Все древнее могущество Эльда явилось в этой улыбке: могущество Белизны.

— Да, пойдем вместе.

А потом, будто в этом темном месте требовалось подтверждение принятого решения,

повторил:
— Да.

Бангор, штат Мэн
15 декабря 2002 г.

АВТОРСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

О том, что композицией романов цикла «Темная Башня» я обязан американскому вестерну, я мог бы специально и не упоминать: и так все ясно. Конечно же, место, в котором происходят события, не случайно названо Кальей (Calla — чуть видоизмененное испанское слово Calle). Однако, следует указать еще как минимум на два источника, влияние которых на этот цикл, несомненно, присутствует, но не американских. Серджио Леоне (режиссер вестернов «Пригоршня долларов», «За несколько лишних долларов», «Хороший, плохой, злой» и др.) был итальянцем. Акиро Кurosава («Семь самураев») — само собой, японцем. Были бы эти книги написаны без кинематографического воздействия Куросавы, Леоне, Пекинпа,^[86] Говарда Хоукса^[87] и Джона Стерджиса?^[88] Без Леоне точно нет. Но без остальных, готов спорить, не было бы и Леоне.

Я также считаю своим долгом поблагодарить Робина Ферта, у которого всегда находилась нужная мне информация, и мою жену Табиту, которая терпеливо предоставляла мне время, свет и место, необходимые для того, чтобы при написании книги я выкладываться по максимуму.

С.К.

© Перевод В.Вебер, 2003

notes

Слово goont из лексикона жителей южных штатов. Имеет несколько значений, в том числе испорченный, загубленный — *здесь и далее прим. пер.*

«Риталин» — нейрорептик, применяется при нарушениях поведения у детей, ослаблении концентрации внимания, расторможенности.

«Забарс» — продовольственный магазин для гурманов в Верхнем Вест-Сайде

Арчи — персонаж комиксов впервые появился в 1941 г.), популярный среди детей, рыжий мальчишка-школьник, участвующий со своими друзьями в многочисленных шалостях и проказах. Автор — художник Боб Монтана.

«Твердый лоб» — прозвище Форсайта П. Джонса, лучшего друга Арчи.

То есть, пять с плюсом.

Оверхолсер, Уэйн (1906–1996) — американский писатель, известный своими вестернами, как романами, так и рассказами.

Эванз, Берил — детская писательница и художница, рожденная воображением С. Кинга.

Бахман, Клаудия-и-Инесс — вдова безвременно, в 1985 г., умершего от рака писателя Ричарда Бахмана, которая обнаружила в архиве писателя рукопись романа «Регуляторы». В 1996 г. роман был опубликован, потом переведен на многие языки (на русском вышел в 1997 г. в издательстве «АСТ») и получил высокую оценку читателей.

«Ю-пи-Эс» — «Юнайтед парсел сервис», частная служба доставки посылок.

Il roche — \mathcal{Y}_{tec} ($\phi p.$)

«Шамбре» — плательная и рубашечная ткань.

То есть, среди наркоманов.

«Бостонские красные носки» — профессиональная бейсбольная команда, выступающая в Американской лиге.

«Нью-йоркские горожане» — профессиональная бейсбольная команда, выступающая в Национальной лиги. Чемпионский титул разыгрывают победители лиг.

На испанском улица — calle, не Calla, но очень близко.

«Тамс» — нейтрализатор кислотности, выпускаемый в таблетках.

Уважаемые фэны! Заглянув в роман «Жребий» (издательство АСТ), я обнаружил, что в нашей реальности волею переводчика Каллахан был Каллагэном. Поэтому и переименовал его. Не могу также не согласиться с тем, что слово ментальный из уст Роланда звучит более чем странно, поэтому ментальный прыжок стал Прыжком.

Эллисон, Ралф Уолдо (р.1914) — афро-американский прозаик, эссеист. Его единственный роман «Невидимка» (1952), о традиционном пути становления негритянского сознания, удостоен многих литературных премий, в том числе Национальной книжной, переиздавался десятки раз, переведен на 15 языков.

Наверное, говорят правильно: где снег, там и валенки.

«Тапперуэры» — разнообразные контейнеры для хранения пищевых продуктов. Названы по имени изобретателя и основателя фирмы-производителя, Эрла Таппеуэра.

Кинг вводит новое слово soh, обыгрывая стандартное английское son — сын, сынок. Переводчику ничего не остается, как следовать за ним.

«Фантазм» — культовый фильм 1979 г. Режиссер Дон Коскарелли.

Шоу «Дикий Запад» — цирковое представление о «Диком Западе». Включало скачки, стрельбу, элементы родео и охоты на бизонов. Первое представление прошло в 1883 г. Труппа с успехом гастролировала по всей стране и в Европе до 1916 г., затем интерес к шоу упал из-за конкуренции со стороны кинематографа. Попытки возродить шоу в 1933 и 1938 гг. не увенчались успехом.

Практически на всех улицах Манхэттена движение одностороннее, так что действительно нет нужды смотреть в обе стороны.

64 градуса по шкале Фаренгейта, что соответствует примерно 18 градусам по Цельсию.

Эдит Банкер — героиня телесериала «Дела семейные», который шел на канале Си-би-эс с 1971 по 1983 г. По 1980 г. роль Эдит Банкер играла Джин Степлтон.

Стикбол — уличная игра, упрощенная форма бейсбола, мячик — резиновый, вместо биты — палка.

В боулинге страйк — бросок, которым сбиваются все кегли.

«Золотое дно» — телесериал в жанре вестерна компании Эй-би-си. Один из самых популярных в истории телевидения. Передавался в 1959-73 гг.

Джой Рамон — сценический псевдоним Джеффри Хаймана (р. 1952 г.), барабанщика, а потом вокалиста панк-рок-группы «Рамоны» (The Ramones), созданной в 1974 г.

Термин из бейсбола: страйк — броск мяча, который не удастся отбить бэттеру; после трех страйков последний выбывает из игры.

Автобусный терминал (вокзал) Нью-Йорка — крупнейший в мире. Занимает два квартала на Восьмой авеню, между 40-й и 42-й улицами. Принимает автобусы со всей страны.

Спагетти-вестерн — ироническое название (его создатель — итальянский режиссер Серджио Леоне) одного из видов вестерна. В отличие от классического вестерна многозначительно мрачен, насыщен жестокостью, его герои — холодные и безжалостные авантюристы.

У английского слова *gay* помимо значения гомосексуалист (действительно, гомики стали геями совсем недавно, в эпоху нарастающей политкорректности), много других значений, в том числе и «веселый». Так что *Gayety*, то есть «Веселье», вполне пристойное название для кинотеатра.

«Бларни стоун» — популярный ирландский пивной бар в Нью-Йорке.

«Бушмиллс» — марка ирландского виски.

Бэттери-Парк — парк на берегу Нью-Йоркской гавани, на южной оконечности Манхэттене. Назван так потому, что в колониальные времена здесь стояла батарея, охранявшая устье реки Гудзон. От Бэттери-Парк начинается Бродвей.

Агню, Спиро Теодор (р. 1918) — государственный и политический деятель, вице-президент США в 1969–1973 гг. при президенте Ричарде Никсоне. Ушел в отставку в связи с публикациями о противозаконном уклонении от уплаты налогов.

Карточка социального страхования — один из важнейших документов гражданина США, необходим при приеме на работу.

De nado — пустяки (*исп.*)

Enchaladas — енчилада, блинчик из кукурузной муки с мясом, сыром и перцем.

Сарга — от СаРГ (самонаводящаяся ручная граната).

Лекс — сокращение от Лексингтон-авеню.

Друри, Аллен Стюарт (1918–1998) — американский писатель, лауреат Пулитцеровской премии (1960).

Белойтский колледж — частный колледж высшей ступени гуманитарных наук в г. Белойте, штат Висконсин. Основан в 1846 г.

Мистер Чипс — центральный персонаж книги Джеймса Хилтона «До свидания, мистер Чипс» (1935 г.) Синоним учителя, преданного своему делу.

Джонс, Джеймс — американский писатель. Один из его наиболее известных романов — «Отсюда — и в вечность».

Город развлечений — рекламно-шутливое прозвище г. Нью-Йорка.

«Эрли таймс» — сорт ирландского виски.

«Бад» — пиво производства компании «Анхойзер-Буш».

От Луки, 10:33

Ex libris — из книг *(лат.)*

Диллинджер, Джон (1902–1934) — известный преступник, совершил несколько убийств и ограблений банка. ФБР объявило его «врагом общества номер один». Несколько раз бежал из-под стражи. Застрелен агентом ФБР 22 июля 1934 г. в Чикаго.

God luck, gentlemen — божеской удачи, господа (*англ.*)

Good luck — доброй удачи (*англ.*)

Bon voyage — счастливого пути (фр.)

«Черноглазая Сюзанна» (тубергия, тройчатый гибискус) — вьющееся растение с большими, до 3 см в диаметре, цветами с ярко-желтыми лепестками и темно-коричневым пятном в центре.

Один из основных симптомов шизофрении — раздвоение личности.

Дудочник в пестром костюме — герой поэмы Р. Браунинга (на русский язык переведена С. Маршаком под названием «Флейтист из Гаммельна»). Сюжеты многих поэм, в том числе и этой, заимствовались поэтом из эпох Средневековья и Возрождения. Поскольку этот роман построен на совпадениях, следует отметить, что по-английски дудочник — *pipper*, а Джейк, как известно, учился в школе Пайпера.

Schmoozing, от shmuos (*идиш*) — поболтать, познакомиться поближе в процессе разговора ни о пустяках.

Вильма и Фред — персонажи телевизионного мультсериала «Семейство Флитстоунов» (1960-66) о жизни семейной пары из каменного века.

Речь идет о грандиозном параде парусников, который устраивался в рамках программы празднования 200-летия США.

Хобокен — город в штате Нью-Джерси, на правом берегу р. Гудзон, против южного Матхэттена.

Грэнд-Арми-плаза — площадь на Пятой авеню между 58-й и 59-й улицами, у входа в Центральный парк.

Куонсетский модуль — ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа, используемый в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки. Первые такие ангары были собраны в 1941 г. в местечке Куонсет-Пойнт.

Хоган — жилище из бревен и земли у индейцев навахо (от навахского qoghan — дом).

Coјones — яйца (*исп.*)

«Уэйт уочерс интернейшнл» — полукоммерческая организация, оказывающая услуги тем, кто хочет избавиться от лишнего веса. Основана в 1963 г.

«Откровенная камера» — цикл юмористических передач. Каждая основывалась на съемке скрытой камерой реакции людей на нестандартную ситуацию. В конце передачи ведущий обращался к жертве розыгрыша со словами «Улыбнитесь. Вас снимает скрытая камера».

Алгул Съенто — согласно подправленному варианту «Стрелка» место, куда направляется человек в черном (упомянуто в 1-й главе).

GE — General Electric, «Дженерал электрик», одна из ведущих компаний США по производству различных видов оборудования.

Assume — этот глагол в английском языке имеет много значений, в том числе, предполагать.

Уистер, Оуэн (1860–1938) — американский писатель, творчество которого посвящено освоению Западных территорий. «Вирджинец» (1902) — классический роман-вестерн. По нему поставлены спектакли, снят телесериал, он трижды экранизировался.

Тако — пирожок из кукурузной лепешки с начинкой из фарша, томатов, салатных листьев и сыра с острым соусом.

Сент-Питерс, Криспиан, — английский певец и гитарист, пик популярности которого пришелся на вторую половину 1960-х годов, когда его песни регулярно попадали в верхнюю десятку хит-парадов, в частности баллада «Дудочник в пестром костюме» (1966).

Magda-seen — искаженное magazine (журнал), дословный перевод «Магда повидала».

Мортата — от murta (смерть), танец смерти.

В нашей реальности Вашингтон украшает банкнот в один доллар, а Линкольн — в пять.

«Обычный» — сорт бензина с наиболее низким октановым числом, продающимся в США.

День поминовения, в память о погибших во всех войнах США, отмечается в Новой Англии 30 мая (в южных штатах — 26 апреля, 10 мая или 30 июня). День труда — общенациональный праздник, отмечается в первый понедельник сентября (на следующий день начинается учебный год).

Пятая поправка к Конституции США предоставляет гражданам право не свидетельствовать против себя.

«Марвел комикс» — крупнейшее американское издательство, выпускающее комиксы, структурное подразделение корпорации «Марвел энтертейнментс».

Доктор Дум (от doom — рок) — персонаж комиксов, его металлическую маску можно приобрести через Интернет за 25 долларов США.

«Мейси» — крупнейший в мире универмаг, принадлежащий одноименной компании, занимает целый квартал между 34-й и 35-й улицами и Седьмой авеню и Бродвеем. Ежегодно в День благодарения компания устраивает парад.

Двухколесный велосипед называют байком, трехколесный, само собой, трайк.

Роман «Салемс-Лот» в нашей реальности опубликован на языке оригинала в 1975 г. На русском языке издавался неоднократно и под разными названиями. В издательстве «АСТ» впервые вышел в 2000 г. под названием «Жребий».

Пекинпа, Сэмюэль Дейвид (1925-84) — режиссер и сценарист, работал в основном в жанре вестерна («Дикая банда», «Соломенные псы» и др.).

Хоукс, Говард (1896–1977) — один из выдающихся голливудских режиссеров, снимавший фильмы самых различных жанров, в том числе и вестерны («Красная река», «Эльдорадо»).

Стерджис, Джон Элиот (1910–1992) — режиссер, работал в жанрах боевика и вестерна («Великолепная семерка»).